СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1972–1977

СТРУГАЦКИЕ.

Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники

1972–1977

составители:
Светлана Бондаренко
Виктор Курильский

ПринТерра-Дизайн
Волгоград 2012

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С87

Литературно-художественное издание

Стругацкие.
С87 Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1972–1977 гг. / Сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2012. – 760 с., 16 л. ил.

ISBN 975-5-98424-145-8

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является четвертой во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС), а также некоторые, ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 975-5-98424-145-8

© Составители. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский, 2012
© Оформление. ООО «ПринТерра-Дизайн», 2012

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга продолжает серию «Неизвестные Стругацкие» и является четвертой во втором цикле «Письма. Рабочие дневники». Предыдущий цикл, «Черновики. Рукописи. Варианты», состоял из четырех книг, в которых были представлены черновики и ранние варианты известных произведений Аркадия и Бориса Стругацких (АБС[1]), а также некоторые, ранее не публиковавшиеся рассказы и пьесы.

Первая книга нового цикла рассказывала о жизни АБС с детства по 1962 год включительно. Вторая охватывала период с 1963 по 1966 годы, третья (готовящаяся к изданию) – с 1967 по 1971 годы. Настоящая книга продолжает этот цикл.

Тем, кто читал предыдущие книги, позвольте напомнить, а тем, кто не читал, – сообщить, что перед вами повествование в документах и воспоминаниях (которые тоже являются отчасти документами) о жизни Аркадия и Бориса Стругацких. Речь идет в главным образом о жизни творческой. Факты личной жизни затрагиваются лишь в том случае, если они имели влияние на само творчество АБС (реальные случаи, перенесенные в произведения; прототипы персонажей и т. п.), либо на возможность заниматься творчеством (проблемы со здоровьем – своим и близких, переезды и ремонты, занятость детьми). Последовательность документов в этой работе – в основном хронологическая.

Цель составителей – сообщать читателю как можно меньше фактов, не подкрепленных документами, и вообще, во главу угла поставить сами документы, ибо никакой самый яркий пересказ все-таки не может заменить самого оригинала: так будет и правдивее, и точнее.

Вся наша жизнь состоит из документов, начиная со свидетельства о рождении и заканчивая свидетельством о смерти. Конечно, не всё, представленное в этой работе, может и должно считаться эталоном правдивости. Многое (особенно опубликованные критические работы о творчестве АБС) могло писаться с обязательной оглядкой на внешние обстоятельства, исходя из политических реалий и задач того времени. Некоторые источники (в частности – воспоминания) могут ошибаться в деталях (так не было, но, скажем, настолько хотелось, чтобы было, что как бы произошло на самом деле) и даже явно противоречить друг другу. Но документы не отражают субъективного отношения публикатора к описываемому материалу и дают возможность читателю самому составить представление о данном предмете.

---

[1] Расшифровка аббревиатур, употреблявшихся сначала самими Стругацкими, а затем взятых на вооружение и любителями их творчества, приводится в конце книги. – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания составителей.*

Кому интересна эта работа? Любителям творчества АБС, что естественно. Историкам литературы советского периода, историкам описываемого периода вообще, исследователям тайны творчества. И, разумеется, обычным читателям, неравнодушным к книгам Авторов. Ведь даже просто чтение писем или позднейших воспоминаний АБС позволяет нам по-новому взглянуть на написанное ими – заставляет переживать и радоваться вместе с Авторами, негодовать и возмущаться, ликовать и недоумевать; ждать вместе с Авторами решения какого-то вопроса и всегда поражаться, как постепенно, из домашних заготовок, из споров общего характера двух хотя и братьев, но весьма разных людей рождаются новые и новые книги.

Изложение, как и в предыдущих книгах с названием «Неизвестные Стругацкие», будет весьма эклектично, как эклектична жизнь любого человека, где личное переплетается с общественным, мечты с обязанностями, а друзья с врагами. Помимо собственно задумок и обсуждения рождающихся произведений АБС, в материалах книги будет упоминаться самими Авторами работа «на сторону» – переводы и сценарии, взаимоотношения Авторов с различными редакциями, с писательскими организациями, а также окололитературная атмосфера тех лет: «дружеские» и «вражеские» группировки, «война» молодых против старых, «противостояние» мнений о фантастике… Всё это будет описано в соответствии с тем, в какой мере об этом сообщали друг другу в цитируемых письмах Авторы, иногда с дополнением воспоминаниями или отрывками из упоминаемых Авторами публикаций.

Для молодых читателей многое из упомянутого Авторами будет внове, а старшее поколение сможет сопоставить тот или иной материал со своими личными впечатлениями. Так что, вполне возможно, образуется еще одна группа читателей этого труда – «воспоминатели», или «ностальжисты».

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Костяк книги составляют переписка АБС за долгие годы и рабочий дневник, который Авторы регулярно вели, съезжаясь для работы.

Вообще, эпистолярный жанр – это одна из сторон творчества любого писателя, а уж для пары писателей, разделенных пространством, переписка друг с другом – это необходимая часть работы. То, что у писателя-одиночки происходит невидимо-неслышимо (новая идея, проработка деталей, размышления о нужности-ненужности какой-либо линии повествования), у творческого коллектива неизбежно озвучивается: при встречах – в ходе личного общения, между встречами – в переписке и по телефону. АБС регулярно писали друг другу довольно долго, и переписка сошла на нет только, как когда-то сообщил АНС в передаче «Очевидное – невероятное», после установления прочной телефонной связи между Москвой и Ленинградом.

Письма, к сожалению, сохранились не все, но и количество оставшихся впечатляет: более тысячи. Это сейчас, при наличии Интернета и электронной почты, столько писем деятельный человек может без труда написать за год, а в то время… вспомним… бумага, ручка и чернила, потом – пишущая машинка; и не щелкнуть мышкой «Отправить», а сложить бумагу, вложить в конверт, заклеить, налепить марку, надписать адрес… да еще и отнести к ближайшему почтовому ящику, а то и на почту, так как зачастую письма сопровождали и непрерывно пересылаемые рукописи…

Рабочий дневник велся регулярно с 3 марта 65-го года и по последнюю рабочую встречу Авторов в конце 90-го года. Состоит этот дневник из трех общих тетрадей, исписанных мелкими почерками обоих Авторов. В рабочем дневнике нередко встречаются рисунки персонажей, зарисовки обстановки, а то и карты местностей, относящиеся к произведению, которое писалось в то время. Две тетради заполнены полностью, в третьей – только первые сорок страниц. Настоящее издание проиллюстрировано рисунками Авторов, взятыми из их рабочих дневников. Часть рисунков относится уже к следующим книгам этого цикла.

Помимо названных документов, эта работа содержит некоторое количество дополнительных материалов[1], так или иначе относящихся к творческой жизни АБС. Что под этим подразумевается? Во-первых, воспоминания самих АБС и о них, посвященные

[1] Чтобы не загромождать текст повествования большими заголовками, содержащими не только автора и название документа, но и выходные данные (если документ был опубликован) или иные источники текста, в заголовке указываются только автор и сокращенное название. Полную расшифровку источника можно найти в конце книги.

каким-либо конкретным событиям. Во-вторых, переписка Авторов с издательствами и киностудиями, а то и с друзьями-литераторами. В-третьих, статьи самих Авторов (напечатанные и черновики) и статьи о творчестве АБС, опубликованные в описываемое время и иногда упоминаемые Авторами в переписке. Дополнительные материалы, как правило, даются отрывочно – лишь та необходимая часть, которая позволяет читателю полнее представить себе те годы, те настроения и ту работу, на которую у Авторов уходила львиная доля времени, когда они находились вдали друг от друга.

И еще одно замечание. В этой работе используются отнюдь не все документы, а только те, с которыми составители имели возможность ознакомиться к моменту написания этой книги. Некоторые документы пока закрыты для публикации: это, к примеру, личные дневники АБС, содержащие, конечно, и немало моментов, имеющих прямое отношение к их творчеству. Некоторые документы не попали пока в поле зрения группы «Людены» (особенно это касается воспоминаний знакомых и друзей АБС и их переписки). Работа над подробнейшей документированной биографией АБС будет продолжаться и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приветствоваться «люденами».

1972

Начало семидесятых – это также начало «застойного» периода жизни страны. Не мог он не отразиться и на Авторах. С одной стороны, АБС – известные в СССР и за рубежом писатели, но печататься им становится все труднее и труднее. Каждая публикация – это не один месяц (а то и года) согласований, утрясок, договоров и передоговоров. С другой стороны, яростные нападки на Авторов вроде бы прекратились, но взамен началось замалчивание в прессе. Застой – это когда живешь как в тумане: и видно и слышно только то, что рядом; не докричишься, да и руками махать бесполезно – не увидят; каждое действие – с усилием, медленно, как во сне.

В начале года АН работает над рецензиями. Произведения, им рассматриваемые, разножанровы. 3-м января датирована его рецензия на детективную повесть «Шах королеве бриллиантов» (М. Стейга и Л. Вольф, пер. с латышского Ю. Каппе), 5-м января – на фантастические произведения Евгения Ларина и приключенческий роман В. Чернова «Сын Розовой медведицы».

БН же, хоть и гриппует, планирует ближайшую совместную работу.

Письмо Бориса брату, 6 января 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Лежу в гриппе. Как свалился в ночь с 31 на 1, так и лежу колодой.

1. Насчет путевок только что вот уточнил по телефону, высылаю телеграмму. На всякий случай: первый день – 13, последний – 25. Номера 22 и 23. Прихвати ленту для машинки и давно обещанное «Затемнение в Грэтли»[1].

2. 29-го пришли ко мне на книжку какие-то 467 рублей с копейками. Не от Довженко ли?

3. Первого получил из АРТИСЮСа очаровательное деловое письмо: ТББ вышла, деньги переводятся. Ты, наверное, тоже такое получил. Бандероли с экзами, впрочем, так пока и не дошли. Что ж, можно ожидать предположительно по 420 сертификатных рубликов с синей полосой на рыло. Тоже не плохо.

[1] Роман Дж. Б. Пристли. Вероятно, речь об английском издании либо о малотиражных переводных изданиях 1943–1944 гг.

4. Числа 3-го звонил мне Никольский из «Авроры». Прочел ПнО, впечатление хорошее, выражает надежду, что все будет ОК. Но должны еще читать Косарева и Островский. Будем ждать.

5. Экс-президент клуба любителей ф-ки МГУ[1] прислал мне вырезку из «Московского комсомольца», где они провели викторину по ф-ке. Ничего, забавно. И наши имена упоминаются там вполне свободно.

6. Многообразную твою деятельность по вышибанию зелененьких из равнодушного хаоса одобряю. По-моему, надо быстренько ташшить ПнО в МолГв, а сборник «Встречи» – в СовПис. Таково мое мнение.

7. Если Лесс обманет тебя с фотографиями, привези какие-нибудь свои, хоть мало-мальски приличные. У меня мои есть, соединим и пошлем. Мне мой Лемхин не звонит, а как с ним связаться, я не знаю.

Вот приехала мамочка – годувать[2] меня, болезного (Адкато[3] с Андрюхой[4] в Киеве). Передает тебе привет и поцелуи. Гром пошел на кухне[5].

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке[6] привет.

И вот после месячного перерыва Авторы вновь встречаются для работы.

Рабочий дневник АБС

13.01.72

Прибыли в Комарово писать сценарий ПНвС.

14.01.72

Сделали 8 стр.

---

[1] Левин Алексей Ефимович, социолог, философ, ранее – председатель КЛФ МГУ.

[2] Кормить (*укр.*).

[3] Здесь и далее – Стругацкая Аделаида Андреевна, супруга БНа.

[4] Здесь и далее – Стругацкий Андрей Борисович, сын БНа.

[5] Н. Гоголь, «Пропавшая грамота». «Гром пошел по пеклу, на ведьму напали корчи, и откуда не возьмись шапка – бух деду прямехонько в лицо».

[6] Здесь и далее – Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству) Елена Ильинична, супруга АНа.

Вечером сделали 2 стр. (10)

1. Зачем он здесь (опасается ущерба для Саши).

2. Представляется как тот самый Киврин.

3. Что такое НИИЧАВО и маги.

[Сбоку фигурная скобка обводит 2 и 3 пункты и запись: «где-то о Хоме Бруте и о Хунте».]

4. Что ожидается от Саши, как машинника.

5. Вопрос о диване – и сон.

15.01.72

Сделали 8 стр. (18)

Вечером сделали 2 стр. (20)

Была Адка.

Бобслеи[1]

1. Эпизод с Кивриным, восстановление сожженной книги.

2. Эпизод с бухгалтером рыбзавода.

3. Эпизод: Хунта подключается к машине. В глазах Хунты цифры, на ленте текст.

16.01.72

Сделали 3 стр. (23)

Вечером сделали 4 стр. (27)

17.01.72

Сделали 9 стр. (36)

Вечером сделали 1 стр. (37)

Хома просит: «Выпить бы…» Жалуется, что гитару уронили.

1. Омоложение Наины.

2. Излечение Хомы.

3. Упражнения Саши по магии: сотворение яблока.

18.01.72

Сделали 8 стр. (45)

Вечером сделали 2 стр. (47)

Люди слабы; и свобода, которая им нужна, не есть свобода для силы – это свобода для слабости. Или две свободы – для сильных и для слабых, только слабых больше.

[1] Монтажный прием в кино и на телевидении, когда короткие по длительности кадры стремительно сменяют друг друга. *БНС*: Это слово принес в компанию АН. Взял напрокат у знакомых киношников.

19.01.72
Сделали 4 стр.
И ЗАКОНЧИЛИ НА 51 СТР.
Он отдал дань обаянию моей личности.
20.01.72
Обдумывали сценарий мультяшки.
21.01.72
Трепались.
В магазине продается «Ойло Союзное», 2 р. с чем-то.
22.01.72
Обдумывали сценарий мультяшки. Была Адка.
23.01.72
Переводили Адке статью. Б. страдает брюхом.
24.01.72
Б. страдает брюхом.

О записи от 21.01 БН рассказывал так:

БНС. Офлайн-интервью, 12.12.00

Откуда взялось прозвище «Ойло Союзное» в ХС? Я тут недавно в магазине увидел нечто вроде пастилы с засахаренными фруктами (на вид, по крайней мере), так вот, на этикетке стояло: «Ойла "Союзная"», 77 рублей килограмм.

Андрей. Екатеринбург, Россия

Совершенно так же, как и Вы, лет тридцать назад мы с АНом в одном из магазинов курортного поселка Комарово увидели на витрине это название. У нас оно выглядело так: «Ойло союзное», рубль с чем-то килограмм. Мы восхитились и занесли эту драгоценную находку в свой рабочий дневник. Потом на протяжении многих лет мы (в минуты веселья) называли друг друга (и близких знакомых) «ойло союзное», а в начале 80-х вставили этот роскошный термин в роман.

Кстати, довольно вкусная штука – для тех, кто любит восточные сласти.

Письмо Аркадия брату, 29 января 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Как обещал, пишу в субботу, не успев выяснить все, о чем говорили. Но все же главное, кажется, выяснил.

1. С Ивченкой связался, передам ему сценарий, кажется, сегодня, ибо у него сегодня день рождения, и мы приглашены.

2. Был у Белы[1] в МолГв, разговаривали около часа. Выяснилось следующее. Сборник «Фантастика 72» действительно делается Брандисом и Дмитревским, а Севка[2] делает только сборник НФ, но из альтруизма, поскольку очень связан всякими обязательствами с Белой и Жемайтисом, уступил ПнО им в обмен за рассказы Росоховатского. Бела и Жемайтис ПнО прочитали, хвалят (не без замечаний) и стремятся протолкнуть его в сборник. В понедельник дают читать Авраменке, затем Осипову. Это все решит. План издательства, куда на 73 год включен наш сборник НВ, утвержден в ЦК ВЛКСМ. Бела утверждает, что будут сейчас добиваться договора с нами. Коротко: редакция добивается включить ПнО в «Фантастику 72», а на сборник НВ добивается договора.

3. Разговаривал с Валентиной Михайловной Кургановой в СовРоссии. Она утверждает, что нас знает и любит, но у меня такое впечатление, что это работа наших заступников, в частности поэта Ромки Сефа и критика Андрея Туркова, а сама она ничего не читала. Разговор был примерно такой. «Я бы с наслаждением поработала с вами, но с прошлого года в издательстве появилась специфика – мы теперь делаем только переиздания». Я было подумал, что это та самая отговорка, о которой меня предупреждали, но она продолжала: «Вот не могли бы вы дать мне что-нибудь из уже опубликованного?» Я заметил ей, что к моменту издания все это будет уже переизданиями, не говоря уже о том, что все это издано или будет издано в журналах, и тут сообразил (этот

[1] Бела, Белка – здесь и далее – Клюева Бела Григорьевна, редактор «Молодой гвардии», позднее – сотрудник ВААП.

[2] Здесь и далее – Ревич Всеволод Александрович, журналист, литературовед, друг АБС.

разговор был уже после беседы с Белой): почему бы и нет? «У нас есть вещи, которые мы хотели бы издать отдельной книгой», – говорю, имея в виду ПкБ и ТББ. «На сколько листов?» – спрашивает она. «Листов на 15», – отвечаю. «Мало, – решительно говорит она. – Нельзя ли побольше?» Я сказал, что можно и гораздо побольше. Короче, договорились встретиться во вторник, и я принесу ей то, что хочу переиздать. А принесу я ПкБ, ТББ и ОО. Чистых тридцать листов. Кажется, это на 74 год. Дело представляется мне более или менее надежным, если принять во внимание, что за нас, когда дойдет до высокого начальства, будут ходатайствовать Марк Соболь, Андрей Турков и еще кое-кто. Мы, во всяком случае, ничем не рискуем. Только, может быть, понадобится еще один комплект сборника НВ, если учесть затею в МолГв.

4. В «Юности» полнейший разгром. На нижнем уровне вещь[1] приняли на ура, но прочитал Полевой и объявил, что это никуда не годится, при этом долго втолковывал нижнему уровню насчет Маркузе и насчет того, что никакого нацизма в ФРГ нет. «Она плакала и говорила, что звуки гобоя напоминают ей о покойнике-муже, которого у Новой Гвинеи съели акулы»[2]. Тут же подключился Преображенский и написал, что совершенно согласен с мнением Бориса Николаевича. Любопытная деталь: никто на нижнем уровне в глаза не видел рецензий Полевого и Преображенского. Обе рецензии были выполнены в одном экземпляре и сразу же переданы в бухгалтерию на предмет оплаты. Рукопись я забрал и положил на полку. Пусть пока полежит.

5. С Ниной[3] встречаюсь завтра, в воскресенье, в 15.00.

Вот пока все о наших делах.

---

[1] В ноябре 1971 года в «Юность» АН передал рукопись ГЛ.

[2] Дж. К. Джером, «Трое в одной лодке, не считая собаки», 14: «Я знавал одного молодого человека, который учился играть на волынке. <…> Тогда моему знакомому разрешили упражняться днем на кухне, закрыв все двери. Но, несмотря на эти предосторожности, наиболее удачные пассажи были все же слышны в гостиной и доводили его мать чуть ли не до слез. Она говорила, что при этих звуках вспоминает своего бедного покойного отца (бедняга был проглочен акулой во время купанья у берегов Новой Гвинеи, – что общего между акулой и волынкой, она не могла объяснить)». Перевод М. Салье.

[3] Здесь и далее – Беркова Нина Матвеевна, редактор издательства «Детская литература», писательница, критик.

Одновременно мне в ближайшее время предстоит:

найти Машке[1] репетитора по географии, желательно из состава будущей приемной комиссии;

наиделикатнейше выяснить, когда и кто сочтет нужным и возможным делать тестю операцию;

обеспечить зятю-еврею трудоустройство в Москве;

досконально выяснить положение с квартирой.

Передай маме, что я напишу ей письмо в середине недели, после того, как тестя осмотрят окулисты и уточнится вопрос с получением ордера и ключей.

Привет Адке, поцелуй маму.

Жму, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 31 января 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Прежде всего – ленинградские дела. В «Авроре» вроде бы все ОК. Я там был, побеседовал с Никольским, выяснилось, что замечаний по тексту он не сделал, я мягко попросил его сделать, на чем и расстались примерно на неделю. Он завел было там благоглупости, что там-то растянуто, а тут малость не дотянуто, я его немедленно (но мягко) пресек – тоже отложили. Короче: решение печатать у них твердо; если ничего не случится, в следующий понедельник я отнесу им исправленный вариант и попрошу одобрения со всем вытекающим. Замечания все те же: лексикон (пусть он отметит, что ему не нравится, а я посмотрю, что из этого можно учесть); убрать упоминания о Зонах Посещения в СССР (ради бога!); вставить еще пару абзацев про то, чем же занимаются ученые (это я еще посмотрю – может быть, что-нибудь и вставлю, поскольку это странное пожелание исходит от Косаревой).

2. Мне звонили из Литфонда, просили перенести наш срок на начало марта. Я, натурально, заартачился, требовал, просил и пр., но потом, уже повесив трубку, подумал:

[1] Здесь и далее – Стругацкая Мария Аркадьевна, дочь АНа.

а почему бы, собственно, и нет? Пока вроде бы не горит. Так что если ты не возражаешь, напиши, я позвоню и перенесу на 1 марта. Тем более что ты так загружен, да и квартирой тебе, наверное, надо будет в феврале заниматься. А мне – котят топить.

Никогда не надо торописса,
Никогда не надо волновасса:
Можно под трамваем очутисса
Или под машиной оказасса![1]

Это я сейчас вдруг придумал.

3. Деятельность твою в МолГв полностью одобряю. Буду, трепеща, надеяться.

4. Задуманная тобою операция в СовРоссии превосходна. Я только не понял, почему понадобится второй комплект НВ? Ведь ты собираешься предложить для переиздания ПкБ, ТББ и ОО? А в конце пишешь: «только понадобится еще комплект НВ, если учесть затею в МолГв». Нет, не понимаю.

5. «Юность». Что ж, этого следовало ожидать. Теперь я попробую в «Неву». Тем же концом, но по другому месту.

6. В семейных твоих начинаниях желаю тебе удачи. Со своей стороны обязуюсь вырвать к нашей следующей встрече 500 ряб тебе на обзаведение (Хейфец, гад, пока так и не отдал).

7. Был у меня сегодня Юрочка Манин. Проболтали мы с ним полдня. Погрустили. Хороший он человек и огромное впечатление произвел на Андрюшку. А когда я рассказал Андрею, кто такой Манин, сын мой совсем обалдел. Он принял его, между прочим, за англичанина.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночку поцелуй!

Что с квартирой-то?

[1] Гораздо позднее эти строки были включены в ПП.

Письмо Аркадия брату, 1 февраля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Боюсь, планам нашим суждено несколько подъизменить-ся. Вчера я отнес в правление своего ЖК наши паспорта на прописку, а так как мой будущий подъезд – пятый, то прописывать его начнут не раньше следующей недели, а сама процедура прописки займет недели две. Так что я буду пребывать без паспорта в течение дней двадцати. Мало того, сразу после прописки мне надлежит брать ордер, а по ордеру ключ, а по ключу – какой-то комплект сангигиенических механизмов, которые придется еще устанавливать, и при этом придется еще врезать новый замок и проч.

Грубо говоря, все сводится для нас к следующему: в феврале встретиться не придется. Переноси заявку на начало марта. М. б., чтобы как-то это дело скомпенсировать, надо попросить не две, а три недели? Хотя это вряд ли годится. Не знаю. Спешу тебе просто сообщить обо всем этом, чтобы зря не хлопотал ты.

Завтра встречаюсь с Ивченко на предмет работы со сценарием.

Сегодня иду в Сов. Рос. Понесу ПкБ, ТББ и ОО. Ох, чует мое сердце, сопрут они у меня эти книги. А что делать?

Жму, целую. Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

Письмо Аркадия брату, 5 февраля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо. Рад, что в «Авроре» так благополучно. Здесь же наши дела покудова застряли в неподвижности.

1. Встречался с Ивченко. Он упросил меня переписать сценарий в виде повести, а также добавить эпизодов и второстепенных деталей. Насчет повести это он к тому, что читать будут люди, которые ПНвС не читали, так чтобы внутренние

монологи и отношение героя к остальным персонажам видно было отчетливо. Забавно, что ему представляется, будто того, что мы сделали, на полнометражный фильм не хватит. Каково? Ладно, сейчас буду переписывать, я ему поднасую на полтора полнометражных.

2. Встреча с Кургановой в СовРоссии не состоялась по техническим причинам и перенесена на следующую среду.

3. Нина стоит на стреме и в ближайшие дни прижмет ММ[1] нашей заявкой, а через месяца полтора, глядишь, и договор заключат.

4. Звонили из УОАПа, сообщили, что пришли деньги из Венгрии. Сумма примерно та же, что ты предсказывал, но вычитают только 25 % и подоходный налог. Деньги переводятся на сберкнижки. Я дал свои координаты и хотел дать твои, но мне сказали, что это им не требуется, что твоя половина поступит в Ленинградское отделение УОАПа, которое и рассчитается с тобой. Я передал твой телефон, чтобы они там с тобой связались, но на всякий случай зайди или позвони туда сам.

5. Пришли деньги из Северо-уральского издательства[2]: 57 ру.

6. Присылали из «Энциклопедии» статью о нас Громовой. Ничегё. Очень достойно. И фотографию попросили. Так что не зря я Лесса беспокоил. Пойдем мы в 7-м томе.

Вот пока все.

Жму, целую. Арк. Привет Адке и мамочке.

В письмах АБС часто упоминаются аббревиатуры УОАП (плюс производные от нее) и ВААП.

УОАП – это Управление по охране авторских прав (также см. ВУОАП и ВОАП – Всесоюзное управление по охране авторских прав; ЛОУОАП – Ленинградское отделение управления по охране авторских прав). Формально управление существовало до 1973 года, когда на его базе после присоединения СССР к Всемирной (Женевской)

[1] Калакуцкая Мария Михайловна, заведующая редакцией «Детской литературы».

[2] Точнее, из Средне-Уральского книжного издательства за сборник «Только один старт» с ЧИП.

конвенции об авторском праве 20 сентября было создано Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП). Оно стало единым представителем авторов по всем вопросам авторского права. Но в переписке АБС иногда встречается одновременное использование аббревиатур старой и новой организации. Вероятно, замена функций их подразделениями происходила не одномоментно и какое-то время они существовали параллельно. Или же Авторы не придавали существенного значения употребляемым аббревиатурам.

Статья Ариадны Громовой, упомянутая в последнем письме, действительно была опубликована в седьмом томе «Краткой литературной энциклопедии». После биографических данных в ней давались наиболее непредвзятые и положительные суждения о произведениях АБС.

Из: Громова А. Стругацкие

<…>

Их первые науч.-фантастич. произв. («Страна багровых туч», 1959, «Путь на Амальтею», 1960, сб. рассказов «Шесть спичек», 1960) посвящены космич. тематике и перспективам научно-технич. прогресса. Нек-рая традиционность тем и сюжетов компенсируется вниманием к психологии и интеллектуальной жизни героев, стремлением к индивидуализации характеров, достоверностью, «реалистичностью» деталей фантастич. мира, юмором. С повести «Стажеры» (1962) в творчестве братьев С. наметился поворот в сторону социальной фантастики. Цикл лирич. новелл под общим назв. «Возвращение» (1962), вслед за «Туманностью Андромеды» И. А. Ефремова, возродил в сов. фантастике жанр утопии. К «Возвращению» тематически примыкает повесть «Далекая Радуга» (1964), отличающаяся иной, драматич. тональностью. Социально-философ. и этич. проблеме целей и средств человеч. прогресса посвящены повести «Попытка к бегству» (1962) и «Трудно быть богом» (1964), где созданы фантастич. модели цивилизаций, находящихся на совершенно различных уровнях развития. Повесть «Хищные вещи века» (1965) предостерегает от опасности иного варианта развития цивилизации – в сторону бездуховного «благоденствия», торжества мещанских представлений. Обывательский идеал и его

демагогич. фразеология осмеиваются в гротескно-сатирич. повести «Понедельник начинается в субботу. Сказка для научных работников младшего возраста» (1965). Ее своеобразным продолжением является «Сказка о Тройке» (1968).

В книгах братьев С. «Улитка на склоне» (1966–1968) и «Второе нашествие марсиан» (1967) социально-философ. размышления о путях развития человечества, о роли личности в совр. об-ве и ее ответственности перед историей воплощаются в форме фантастич. гротеска и сатиры. Писатели отстаивают гуманистич. идеал прогресса во имя человека, выступая против различных форм духовного порабощения и угнетения. Нек-рые произв. С. вызвали критику и споры в печати.

В конце статьи приводилась литература о творчестве АБС. И здесь Ариадна Громова сумела привести самые доброжелательные публикации – статьи Н. Черной, В. Ревича, И. Ефремова и А. Лебедева.

В этом же томе энциклопедии АБС упоминались еще в двух статьях – об утопии и о фантастике.

Письмо Бориса брату, 8 февраля 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Твое промежуточное послание пропустил без ответа, отвечаю на последнее.

1. Я, честно, надеялся, что ты все-таки напишешь, с какого числа конкретно взять путевку. Даже в Литфонд не звонил. Но вот сейчас позвонили, и я единолично принял решение – с 3-го. Поеду за путевками в двадцатых числах, в начале, так что можешь еще скорректировать.

2. У меня тут дела тоже несколько застыли: Никольский никак не сделает своих пометок на рукописи. Говорит, что хочет все обработать так, чтобы уж без всяких-яких, но, по-моему, врет сачок, лень ему этим заниматься, роман, небось, очередной строчит <…>. Сегодня я выступаю от «Авроры» перед библиотекарями, там будет и он, договоримся окончательно, как он выразился.

3. Деньги из Северо-Уральск. изд-ва и я получил, но ничего не понимаю. Там написано на обороте: «Уральск. Следопыт» № 2. При чем здесь журнал? Мы же давали рукопись для сборника!

4. Ты пишешь, что в «Энциклопедии» мы пойдем в 7-м томе. А сколько вышло и когда будет 7-й? Я ведь не выписываю.

5. Позвонить в ЛенУОАП я не могу – нигде нет телефона данной организации. И никто не знает.

6. В первом нумере «Авроры» – статья Брандиса о ленинградских фантастах. О нас в том числе. Об ОО и ДоУ. Вполне благожелательно и одобрительно, хотя и бесцветно.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Статью Брандиса можно назвать и бесцветной, но главным на тот момент была ее тональность – не только благожелательная и одобрительная, как отмечает БН, но и какая-то основательная, не содержащая и тени сомнения в Авторах. Обзор благоразумно умалчивал о том, что рассматриваемые произведения удостаивались и крайне отрицательных оценок. Такие скучноватые статьи обычно пишутся о классике – всё, в общем-то, известно, но упомянем еще раз основное…

Из: Брандис Е. Проблемность и многообразие

<…>

«Обитаемый остров» проникнут революционной романтикой, вместе с пафосом отрицания социального зла несет заряд позитивных идей. Прежде всего, авторы раскрывают тлетворность живучей мещанской идеологии, которая при кажущейся нейтральности («моя хата с краю») служила и служит опорой реакции мутным источником мракобесия. В современной жизни не может быть нейтральных и равнодушных! Борясь за будущее, за сохранение жизни на Земле, все мы несем моральную ответственность. Все вместе и каждый в отдельности. Эту непреложную истину утверждают братья Стругацкие и сюжетом, и замыслом, и образной

системой своей фантастической антифашистской повести, одинаково интересной для читателей всех возрастов.

Другая повесть тех же авторов – «Отель “У погибшего альпиниста”», опубликованная в «Юности», – читается с не меньшим увлечением, но в отличие от «Обитаемого острова», лишена глубокой проблемности. <…> Тут легко уловить пародийные интонации, тут много юмора и сюжетных находок, и все-таки это не более чем крепко сколоченный детектив, выполненный с присущим Стругацким литературным мастерством.

<…>

Письмо Аркадия брату, 12 февраля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Заканчивая переделку сценария ПНвС (СвД тож), окончательно сломал машинку и отвез ее чинить. В новом варианте сценарий имеет 73 стр., Ивченкой прочитан и весьма одобрен и завтра будет увезен в Киев. Страшно думать, как я от руки буду писать тебе все, о чем надобно написать.

1. Итак, о конкретном числе. Еще нынче утром, позвонив в правление кооператива и узнавши, что ордер и ключи я получу недели через две, хотел я просить, чтобы ты взял путевки с 6-го. Но тут пришло письмо-приглашение из Польши, подписанное директором издательства «Искры» И. Гаевским, где между прочим сказано: «Будем очень рады гостить Вас», а также неофициальное письмо от Енчмыка, где он сообщает, что гонорары мы получим немедленно по приезде. В связи с этим у меня такое соображение. Либо перенести срок путевки на 10-е и съездить в Польшу ДО Комарова, либо отложить поездку в Польшу на ПОСЛЕ. Боюсь, что придется отложить на ПОСЛЕ, не верю я, что наши задницы успеют нам сделать все за оставшееся время. Короче, бери путевки на 6-е, а я в понедельник пойду в Комиссию, потрясу приглашением и узнаю всю технику этого дела и тогда сообщу тебе.

2. При чем «Уральский Следопыт» – я не знаю. Вчера получил сборник. Издан на мой взгляд не плохо, для провинции, конечно. А с журналом, видимо, какая-то ошибка.

3. Вышел 6-й том энциклопедии. Когда выйдет 7-й – неизвестно. У меня еще попросили оттуда фотографию. Я отвез.

4. По идее ЛенУОАП сам должен тебе позвонить. Но не может быть, чтобы никто не знал, где он находится. Поищи.

5. О сборнике в Детгизе ничего нового.

6. В «Сов. России» был, поговорил с редакторшей. Если с нами и будут иметь дело, то только на 75-й или даже 76-й год. С фантастикой их начальство возиться не хочет, здесь придется хлопотать. Пока попросили дать заявку, чем я и займусь.

7. В «Мол. Гв.» ПнО дали читать Ганичеву. Бела смутно обещала, что дело выяснится в понедельник или во вторник. Ходят паршивые слухи, что опять будут всех давить. В частности, журнал мод передается в ведение ЦК ВЛКСМ.

Вот кажись все. И то ладно. Пальцы устали.

Обнимаю, жму. Твой [подпись] в смысле Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 14 февраля 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Получив твое письмо, позвонил в Литфонд и переиграл путевки с 3-го на 7-е марта. Это оказалось весьма сложно, и результат, значить, будет у нас такой: первый день путевки 7-е, последний – 17-е. Получается меньше обычного, но мы это как-нибудь должны пережить.

2. В Польшу, соответственно, поедем после (если). Надеюсь, ты все четко выяснишь: какой обычный порядок; не возможны ли исключения (поездка БЕЗ и ВНЕ туристической группы); как нам выехать и вернуться одновременно; и пр. Думаю, дело это затяжное, и вряд ли мы выедем раньше апреля-мая.

3. Сегодня закончил возню с ПнО для «Авроры». Всего там я насчитал 116 замечаний по тексту. Бо̀льшая часть – «задницы», «сволочи» и прочие «суки»; меньшая – «специфически русские выражения» типа «батя», «аж» и пр.; еще меньшая – смутные и невнятные пометки, касающиеся более обширных кусков текста, содержащих философские рассуждения и разные там обобщения. Всего я учел 82 замечания – «сволочи», «дерьмо» и «бати» поуменьшились в числе (между нами девочками это следовало бы сделать и без всяких замечаний – этого добра у нас там действительно немножко множко). Смутно-невнятные пометки не учитывал вовсе – если потребуют, буду сражаться. Выкинул упоминания о Зонах в СССР (это один абзац) и совершенно запоролся, пытаясь учесть третье замечание редакции. Дело в том, что я его так и не сумел понять. Косаревой, видите ли, кажется, что сталкеры оттеснили ученых, и это надо как-то объяснить, или устранить, или еще что-то – не знаю, что. В общем, бред. Я там вписал в одном месте, что сталкеры уволакивают из-под носа ученых самые лакомые куски, а больше ничего не придумал. Ладно, посмотрим. Сегодня отвезу рукопись.

4. КСТАТИ! Когда (и если) будешь куда-нибудь давать ПнО, ОБЯЗАТЕЛЬНО замени в интервью Пильмана слова «Восточная Сибирь, Южная Атлантика…» на слова «Гоби, Ньюфаундленд…» Это связано с задачей определения радианта Пильмана. Объясню при встрече – сейчас неохота об этом длинно писать. Но заменить надо, иначе получится математическая чушь.

5. В ЛенПравде появилась статья о ленинградской фантастике[1]. Она посвящена на 1/3 «Изваянию» Гора; на 1/3 «Малышу»; на 1/6 Ларионихе. Гора очень хвалят. Нас похваливают за остроту сюжета, за глубину проблем и поругивают за изобилие техницизмов – о славные, уже забытые времена, когда нас ругали за машину, заслонившую человека! Читал

[1] Соловьев В. Сквозь пространство и время // Ленинградская правда (Л). – 1972. – 9 февраля.

я про техницизмы и все мне казалось, что не ругают нас, а наоборот хвалят. Заметь – оживилась критика-то! Говорят, что пленум СП по критике вызван все той же убыточностью литературы – в литературе происходит, сам понимаешь, то же, что и в кино. И министр финансов так же недоволен лит-рой, как и кино. Стали проверять, и выяснилось, что самые убыточные книги получают в печати самые хвалебные отзывы. Тут-то и было принято решение тряхануть критику: чтобы не снижая идейных требований, она все-таки хвалила бы раскупаемые книги, а не те, что годами лежат на прилавках.

6. Пришло письмо от Марион фон Шрёдер. Ничего особенного. Получили наше письмо. Фото в «Обитаемый инзель» опоздало (надеюсь, это надо понимать так, что ОО либо вышел, либо вот-вот), но оно не пропадет, его еще намерены использовать. Рецензии будут нам присылать и впредь. С нашими новыми повестями, которые мы им рекомендовали, ознакамливаются (сказано «трудятся» над ними).

7. Сборник уральский тоже получил. НичегЁ. Наш ЧиП там все-таки не самый плохой и даже, пожалуй, выше среднего.

8. Из ЛенУОАП мне позвонили и очень любезно предложили прийти. Ужо.

9. Как-то из твоих писем я не совсем понимаю относительно наших дел в МолГв. Ты пишешь, что ПнО дали читать Ганичеву. Очень хорошо. Но с какой именно целью? Дабы решить вопрос о публикации ПнО в общем сборнике? Или речь идет о заключении договора на персональный сборник? Ведь ЦК ВЛКСМ наш сборник в плане утвердил, как я понял. А выводы? Так сказать, «мастерская, договор и прочее»[1]?

Ну вот, пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

---

[1] А. Галич, «Вальс-баллада про тещу из Иванова»: «…Ставились искусно многоточия, / А в конце, как водится, оргвыводы: / Мастерская, договор и прочее…»

Письмо Аркадия брату, 20 февраля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Короткий срок в Комарове меня вполне устраивает – предвижу много для себя хлопот в марте и в последующие месяцы. Следственно, должен я приехать 6 марта.

2. В МолГв, как я и опасался, опять начался сплошной блеф и дымовые завесы. Коротко все сводится к следующему. а) Ганичев ПнО не читал, ибо заболел. б) Авраменко, исполненная неусыпных забот о нашем с тобой благополучии, порекомендовала (=скомандовала) ПнО в сборник «Фантастика 72» не включать «в интересах самих же Стругацких», подлая бл...ща. в) Разговор о договоре на наш персональный сборник пойдет лишь тогда, когда и если в ЦК ВЛКСМ вторично утвердят план со всеми исправлениями и дополнениями, сделанными в ходе первого утверждения. Выяснится это, как виновато сказала Бела, где-то в марте или апреле. Тем временем рукопись вернулась Севке, и он, возможно, приложит усилия всунуть его в свой НФ, но я в это не верю.

3. Из Вильнюса пришли деньги – около 700 ряб. За что, ты не в курсе?

4. Приглашение из Польши передал в Инокомиссию. Мне сказали, что рассчитывать можно будет на апрель-май, а подробности – несколько спустя. Полагаю до отъезда в Ленинград что-либо прояснить.

Вот, пожалуй, и все новости, нас касающиеся. Дед уже ходит и даже без повязки, правда, только в темноте. В глазу у него обнаружились желудочные палочки. Черт знает, каким они образом туда попали. С квартирой ничего нового: жду.

Жму, целую. Арк.

Привет Маме и Адке.

Письмо Бориса брату, 22 февраля 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. За путевками иду в ближайшие дни. Из Литфонда уже

звонят, просят выкупить. Итак, ждем тебя шестого, о чем и сообщи телеграммою.

2. ПнО отнес в «Аврору» еще неделю назад. Сегодня звонил Никольский, сказал, что на его взгляд почти все учтено, осталось учесть еще, может быть, два-три замечания, но сильно заболела Косарева – лежит в больнице. Так что, если ее зам Андрюша Островский возьмет на себя смелость выписать одобрение лично, то все будет ОК, если нет – придется передавать рукопись в больницу Косаревой. В общем он полагает, что так или иначе, но к мартовскому празднику одобрение нам выпишут. Посмотрим. И посмотрим, что за замечания надо еще учесть.

3. Деньги из Вильнюса тоже получил и тоже удивлялся. До вчерашнего дня. А вчера позвонила Маша Рольникайте: оказывается, это они выпустили «Полдень…» и в соответствующей литовской газете есть уже на нас теплая рецензия. Конечно, я бы предпочел экзы, но Маша сказала, что экзы маловероятны, а вот она напишет своему отцу, чтобы купил. Я, поломавшись вежливости для, натурально согласился и поблагодарил. Должен тебе сказать, что эти 700 ряб – просто дар небесный. Я до сих пор не могу опомниться. Так много мы еще с братских республик не получали.

4. Брандис сказал, что в ГДР вышла ДР и начался перевод М. Впрочем, все это более к нашей славе, чем к богатству.

5. Деньги в ЛОУОАП получил. Как я понял (рассчитав), из первоначального гонорара вычтено 25 проц. в пользу государства. Бухгалтер (наша поклонница) объяснила мне, между прочим, что если бы мы поехали в Венгрию, там нам выдали бы 65 процентов гонорара, но, конечно, в форинтах.

6. Был тут у нас доклад Бритикова о критике в научной ф-ке. Он очень расшаркивался перед Брандисом и Дмитревским, а также перед Кагарлицким и некоей Чернышевой, а обрушился на нас и Громиху за теорию ф-ки как приема. Пришлось дать ему отпор, что я и сделал к вящему удовольствию аудитории. Потом мы с ним до часу ночи вполне дружески общались в метро, разговаривая на разные темы. Он

признал, что пережал в докладе и обещал исправить, но говорили мы главным образом о ТББ, об УнС, о фантастике вообще и о нас в частности. Он очень странный все-таки человек. И я тебе скажу прямо – такого лучше держать среди друзей, а не среди врагов. Подробности я тебе потом изложу при встрече.

7. А готов ли ты писать ГО? Зудят ли твои, просят ли дела?

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Очень хорошо, что с дедом, вроде бы, обошлось благополучно.

Как у тебя с деньгами? Полегчало?

Письмо Аркадия брату, 27 февраля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Сегодня (воскресенье, 27-е) выезжаю в Киев обсуждать сценарий ПНвС. Полагаю, моя роль там сведется к надуванию щек[1] и рассеянно-благодушным «Мы подумаем…». Так мне во всяком случае рекомендуют москвичи. А там видно будет. Возвращаться думаю завтра же вечером, т. е. послезавтра поутру быть в Москве. Сам понимаешь, в Киеве специально мне делать нечего.

Ну-с…

1. Получены экзы «Ди бевонте инзеля», «Обитаемого острова» тож, из Марион фон Шрёдер ферлаг. Красиво издано, очень здорово, только без целлофана, как в прошлый раз, но ничего, перебьемся. Ужо привезу шестого, с почтой связываться не хочется, да и встреча скоро.

2. С квартирой по-прежнему задержка. Очень медленно идет вселение. Три дня назад начался третий подъезд. Это когда же наш пятый-то будет? Верно, уже после моего возвращения из Ленинграда?

[1] См. «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, ч. 1, гл. 14; ч. 3, гл. 39.

3. Корплю помалу над «Погоней в космосе». Ну, это идет медленно, но гладко. Хитрук уже звонил, нюхает, не прогадать бы ему, не упустить бы своего, гр-р-р-р!

4. В издательствах никакого движения нигде.

5. ГО писать, честно говоря, хочется, но странною хотенью[1]. Просто чтобы заняться делом и убежать всей этой липы, которой я сейчас занимаюсь.

6. С деньгами отчетливо полегчало. Вышел перевод «Экспедиции “Тяготение”», скоро начисто расплачусь с Маниным и заживу боль-мень спокойно.

Вот и все новости. Целую, жму. Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

Увы, надежды на встречу и работу в марте не оправдались. О невозможности приехать АН, вероятно, сообщил БНу по телефону. Подробности же – в письме.

Письмо Аркадия брату, 5 марта 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Ты уж прости, что так получилось, но иначе я не мог. У меня сейчас голова только квартирой и забита. Мечтаю управиться за месяц – привести в порядок все недоделки и проциклевать и пролакировать пол, а также ввезти в квартиру самую необходимую мебель, в том числе и холодильник. Все это у меня уже на мази, распоряжения отданы, мебельные магазины занимаются исключительно Стругацкими.

А затем в середине апреля я уже со спокойной душой и роскошными настроениями явлюсь к вам, и мы поработаем на славу, а затем можно будет собираться и работать прямо у меня.

В Киеве все обошлось на удивление отлично. Тьфу-тьфу-тьфу. Наш вариант (тот, который я сделал в соответствии с просьбами Ивченки) принят практически на ура в качестве первого, сразу же было написано соответствующее

[1] М. Лермонтов, «Родина»: «Люблю отчизну я, но странною любовью!»

заключение и выплачены 10 % (по 192 ряб за вычетом по 9 ряб за распечатку, т. к. я представил только один экз). Далее, тут же мне предложили внести несколько изменений. Самое крупное – переделать демагогию Выбегаллы из политической в научную, что я и сделал в течение двух дней. В те же два дня я внес еще одно исправление: Саша Привалов попадает в НИИЧАВО таки случайно, а не по назначению. И еще ввел несколько мелочей по предложению Ивченки. Я печатал, клеил и резал, вымазался клеем с ног до головы, изрезал бритвой пальцы, залил клеем весь номер в гостинице, но все сделал в два дня. И не зря. Зам. главного студии, хмурый небритый Ковтун, очень похожий на Жемайтиса верблюжностью, прочитал и сказал: «Вот это уже идеальный сценарий, и если нам не помешают, таким он и пройдет до конца. Я больше ничего не могу предложить». Итак: твои деньги 183 ряб у меня. Распорядись, высылать их или подождать до встречи. Сценарий мы сделали окончательно, и он в понедельник будет утверждаться на коллегии студии, после чего сразу идет в Комитет Украины, и если там не зарубят, то в Комитет Союза. Если в Ком. Укр. зарубят, сценарий изымается из студии и направляется к Чухраю в Москву на экспериментальную студию, о чем уже есть предварительная договоренность. Но нас это уже не очень касается. Мы будем теперь сидеть и ждать 15 %.

Такие дела. Больше пока ничего нового.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 8 марта 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Ф-фу! Уладил все дела с путевками. Твою удалось вернуть без всяких потерь, а на свою я поселил в Комарово маму, и кажется, ей там понравилось. Следующую путевку я заказал на 10–12 апреля, так что уж, будь ласков, постарайся к этому времени управиться с циклевкой, шпаклевкой,

меблировкой и прочей лакировкой твоей новой замечательной действительности[1].

2. Деньги сценарные пока пусть побудут у тебя – привезешь в апреле. Такой уж особой нужды нет. Тем более что я сам обещал тебе минимум 500 на обзаведение (Мишка[2], засранец, так до сих пор и не отдал; не его вина, конечно, – издательство задержало выплату, но все равно…). Я тут посмотрел киношные договора и понял так, что 15 % они должны нам выплатить сию минуту, а по смыслу договора – и все 100. Но практически, как я понял, 100 выплачивается не после одобрения сценария директором (как сказано в договоре), а только после одобрения его в Госкомитете. Но уж 15 % надлежит из них вышибать чем-нибудь каленым, тут уж мы в полном праве. Так что пиши Ивченке, подгоняй его, гада, пусть давит на свое начальство – а то, знаешь, Госкомитет не пропустит, и начнется валанданье, как это было с 15 % за ДоУ – еле выбил Лешка[3].

3. Я тут веду оборонительные бои с «Авророй». Они БЕЗУМНО трепещут перед начальством. И по-своему они правы, когда хотят довести рукопись до безукоризненного состояния. Но. Я тебе уже писал, что выбросил 80 процентов «дерьм» и «сволочей». Сейчас они, похоже, хотят, чтобы я выбил и остальные 20. Много разговоров и верчения носом возникло вокруг разговоров о разуме («а где же наша, марксистская точка зрения на этот вопрос?»). Короче, сейчас я отступил уже на последний рубеж «сволочей» – оставил буквально 3–5 процентов, но это уже необходимо, без этого уже нельзя. Кроме того, договорились, что Дмитревский напишет что-то вроде комментария, где разъяснит начальству (и читателю) что к чему, почему все так мрачно и т. д. И наконец я выбил, кажется, из них одобрение – обещали деньги при первой же выплате, то есть в двадцатых числах. В общем,

---

[1] «Лакировка действительности» – советская идиома, восходящая к редакционной «правдинской» статье «Преодолеть отставание драматургии» (7.04.1952).

[2] Здесь и далее – Хейфец Михаил Рувимович, литератор, историк, друг БНа.

[3] Здесь и далее – Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич), режиссер, сценарист.

я принял решение: отступить до тех пределов, где художественность уже превращается после переделок в антихудожественность, и там окопаться. Предложу им рискнуть: может быть, проскочит, а не проскочит – будем думать.

4. Еще раз хочу подчеркнуть тебе, что 80 процентов вычеркиваний и замен, которые я проделал, по-моему, только улучшили повесть в смысле языка. Мы таки перебрали с матом. Не почистить ли и твои экземпляры? Повесть это не ухудшает (на мой взгляд), а проходимость увеличивает. Ты подумай, и если будешь ЗА, напиши – я пришлю тебе подробный список изменений. До твоего письма я рукопись попридержу.

5. Пришли экзы ДР из ГДР. Очень мило выглядят.

6. Вот что. Терпенья моего нет. Пришли, пожалуйста, ОО. Очень хочется посмотреть.

7. Дмитревский активно готовит совещание по фантастике на следующий год. Будет оно в Ленинграде. Основной доклад будет писать Ефремов.

8. Между прочим, просмотреть предлагаемые мною изменения лексики было бы тебе полезно еще и потому, что ты ведь тоже можешь предложить какие-нибудь эвфемизмы – лучше тех, что предлагаю я.

9. Ты пишешь, что потом можно будет собираться и работать прямо у тебя. Это было бы прекрасно, но я не совсем понимаю: что – Ленка ушла с работы? Нас ведь кормить-поить надо. Если бы не это – работать можно было бы и у меня.

Ну вот, пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

И не торопитесь покупать мебель! Пусть будет не сразу, но хорошая.

Письмо Аркадия брату, 13 марта 1972, М. – Л.

Дорогой Борис!

1. Путевки на середину апреля одобряю. Только что вернулся с квартиры, там мрак и ужас, все засрано, сломано и вдобавок не открывается замок, который я поставил

в прошлый четверг. Ну, ты сам через все это прошел. Наши доблестные строители насрали полный унитаз, а убирать предложено собственными новоселов силами. Одним словом, нам ни секунды не дают забывать, кто здесь хозяин, сколько бы мы ни платили. Но к концу следующей недели полагаю привести все в порядок, а затем все купить, что намечено, и переехать. На это тоже недели две, так что как раз впору.

2. Сценарные деньги забираю, пока таким образом должен тебе 183 ре. Ивченке буду писать на следующей неделе. Так мы договорились.

3. Полный список изменений в ПнО присылай. Буду править и передам Севке. Он просил это сделать, хотя за успех, естественно, не ручается. Издательство «Знание» – не фунт дыма. Из МолГв ничего.

4. ОО вышлю послезавтра. Если не лень, вышли, пожалуйста, гэдээровские ДР.

5. Насчет сбора и работы прямо у меня – все очень просто. У Ленки три свободных дня в неделю и никаких специальных забот о детях.

Пока все. Крепко жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу[1].

Письмо Бориса брату, 15 марта 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Во первых строках моего письма хочу подчеркнуть, что путевки я заказал не на «середину апреля», а примерно с 10–12, так что готов ты должен быть именно к этому времени. А то опять будут неприятности, и мне придется извиваться в Литфонде. По-моему, к этому времени самое необходимое ты сделать успеешь, а прочее и подождать может, как ты полагаешь?

2. Полный список изменений в ПнО я тебе таки не пришлю: позвонили и попросили принести рукопись срочно (как всегда непонятно: почему срочно? зачем срочно? –

[1] Прозвище сына БНа Андрея.

кажется, это связано как-то с периодическими покладаниями в больницу и краткосрочными выходами из оной главного редактора). Собственно, заменить «дерьмо» на «дрянь» и «сволочь» на «гад» ты и сам при необходимости сможешь. Из тех эвфемизмов, что я придумал, мне нравится только «окорока» вместо «задницы» – после пребывания Рэда под «жаровней». И потом, может быть, у Севки вообще будут совсем другие замечания. Я думаю, что ОБЯЗАТЕЛЬНО надо только изменить географию Зон (я уже писал тебе об этом) и – если потребуют – упоминание о Зонах в СССР.

3. Только что позвонил Дмитревский. Он жаловался, что Жемайтис разгромил его сборник (Ф-72), сообщил мне, что ПнО передан в «Знание» (я сделал вид, что ничего не знаю, и рассыпался в благодарностях за информацию), а также сказал, что Жемайтис ему заявил, что «у Стругацких в МолГв выйдет сборник в 73-м году». Сегодня я пойду в Писдом – там открытое партсобрание о критике, и Дмитревский будет толкать речь – просил меня поприсутствовать. Между прочим, статью Альберта Беляева в «Правде» он рассматривает как явление положительное: дали отпор и защитили советскую н-ф[1].

4. Гэдээровскую ДР мне послать не лень, но прислали-то всего 2 экза – один маме, один в мою коллекцию, так, может, не посылать, а? Зачем он тебе?

5. Пришло письмо от Дагана. Он сообщает (по моей просьбе), что специальных рецензий на Стругацких в английской прессе он не видел – только общие о советской ф-ке, причем, как правило, бессодержательные (он пишет: «обычно очень удивляются, что и на Востоке есть ф-ка»), а зачастую – злобные и неприязненные. (В том числе выступление по радио Кингсли Эмиса.) Правда, появившийся недавно перевод «Соляриса» встретили на ура. Даган участвует сейчас

[1] Беляев А. В кривом зеркале «советологии» // Правда (М.). – 1972. – 14 марта. Цитата из статьи: «Только вот зря сия дама от «кремленологии» [Мира Гинзбург, амер. критик. – *Сост.*] зовет в союзники себе советскую научную фантастику. Эта литература (при всех недостатках, которые порой встречаются в отдельных произведениях) свойственными ее природе средствами служит делу коммунистического строительства, она верна принципам социалистического реализма».

в составлении чего-то вроде хрестоматии советской литературы для студентов-филологов. Ему досталась тема СКАЗКА, он хочет включить туда куски из ПНвС, просил прислать книжку. Я застонал, но послал.

6. Очень сочувствую тебе в твоих Геракловых трудах. Ничего! Все будет прекрасно.

7. А что слышно о переизданиях в Детгизе? Март уже на дворе, пора бы.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Аркадия брату, 22 марта 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

И вот я сижу в своей первой в жизни собственной квартире, сижу на матрасах, разостланных прямо на полу, машинка на чемодане, луплю по клавишам, а на лестничной площадке двое кандидатов наук оббивают мою дверь каким-то особенным дерматином. В далеком прошлом те времена, когда квартира эта являла собой авгиевы виды. Теперь все блестит чистотой, полы отциклеваны и отлакированы так, что в них можно глядеться. В большой светлой комнате лежат 60 с лишним связок книг общим весом до 7 центнеров, а тряпье и носильные вещи сложены в стенном шкафу, а некоторые даже повешены в оном. Нынче утро первого дня моего нового местожительства. Первая ночь позади. Осталась только мебель, так что к 10–12 я вполне готов присутствовать на написании ГО.

Новости, если они и есть, мне положительно неизвестны. Я в последние дни ни с кем не связывался и ничего не знаю. Только одно: неважные новости из Киева.

Позавчера позвонил мне Борис Ивченко, приехавший в Москву на какую-то конференцию, и с удрученным видом сообщил, что а) новый главный редактор студии, назначенный из директоров студии хроникальных и документальных фильмов, прочитав сценарий, долго тупо разглядывал его

и сказал, наконец, что не понимает, кому нужна эта белиберда, являющаяся вдобавок клеветой на советскую науку: и тут же прибавил, что-де он вообще не понимает, зачем нужны комедии, когда все вокруг так серьезно; б) в нынешнюю пятницу состоится редколлегия студии, на которой будет обсуждаться наш сценарий, положение угрожающее, и я должен там быть. Узнав все это, я посоветовался с Бирюковой (зам. главного студии Горького, наша большая почитательница, идет на «Малыша»), и та мне сказала, что я ни в коем случае не должен там быть: если они твердо решили сценарий зарубить, они его зарубят и в моем присутствии; если же они будут тянуть волынку, то психологически легче вытянуть из меня, присутствующего, согласие на всякие дурацкие поправки, которые в сущности могут послужить только к оттяжке неизбежного провала: авторы-де так и не справились с замечаниями, высказанными им на редколлегии и т. д.; если же добрым силам удастся отстоять сценарий, то его отстоят и без меня, раз на студии такое бедственное положение со сценариями, как у них. На чем я и порешил. Вчера оставил дома телефонограмму для Бориса (днем его невозможно застать, а здесь меня ждала Ленка), в которой сообщил свое решение не ехать.

Такие дела. Сейчас требуется срочно гнать мультяшку, чем я и займусь. На четверть сказка готова, думаю до отъезда все закончить, дать прочитать Ларину на предмет обращения ее в сценарий и повезу тебе.

Пока все. Целую, жму, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 25 марта 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Поздравляю. Рад за тебя. Советую самым настоятельным образом: а) дико хлопотать насчет телефона и б) не торопиться с покупкой мебели – т. е. подождать терпеливо, пока попадется мебель, которая действительно вам понравится. Оба совета – из собственного опыта.

2. По поводу ПНвС-С могу сказать только, что не слишком огорчусь, если его провалят. Но одно мне ясно: остатние 15 процентов должны быть выбиты из Ивченко раскаленной метлой. Я так и не понял из твоих предыдущих писем, какой же по счету вариант у нас принят, но раз дело дошло до редколлегии Студии, значит, минимум второй. А следовательно: получив сейчас замечания редколлегии, надлежит согласиться над ними поработать – тогда они обязаны будут выплатить минимум наши 15 проц. А потом – как захотим, так и сделаем. Хуже будет, если редколлегия зарубит сценарий в принципе, но и тогда есть шансы выбить причитающееся. Что ты туда не поехал – не страшно. На своем опыте я убедился, что присутствие автора ничегошеньки не меняет. Ладно, впредь будем умнее. Хотите экранизировать? Ради бога! Покупайте право экранизации и – гуд бай! Только кто теперь захочет связываться со Стругацкими?

3. У меня новостей никаких нет. Из «Авроры» пока ни гугу. Может, это и к лучшему? Гу-гу должно было иметь вид новых замечаний – теперь уже замечаний Косаревой. Может, их совесть забрала: сколько можно приставать к авторам? 35 процентов они, как я понял, выписали, но денег пока нет. Впрочем, еще рановато: день выплаты, кажется, 21-го.

4. Мишка, наконец, вернул деньги. Можешь по приезде получить оставшиеся 317 руб.

5. Спасибо за бандероль. Действительно – здорово они издали ОО. Только вот где денежки?!

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет! И поздравления с квартирой!

Письмо Аркадия брату, 3 апреля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Прости, долго не отвечал. Тому виной два обстоятельства: во-первых, у нас сходу на неделю выключили воду и канализацию, и мы вынуждены были вернуться на Бережковку; во-вторых, я веду сейчас бешеную погоню за мебелью.

В отличие от вас, мы хорошо знаем, что нам нужно, но мы не в Чикаго, моя дорогая[1], и найти то, что нам нужно, весьма трудно. Тем не менее кухня почти готова: куплен холодильник, лежбище-диван для созерцаний и сидения за столом, стулья и табуретки. Сейчас ищу финский кабинет, а как только он будет, останутся сущие пустяки: двойное лежбище для нас с Ленкой, большой письменный стол для меня и платяной шкаф. Все.

Новостей практически никаких. На субботу и воскресенье ездил в Калугу и Обнинск выступать. Заработал чистыми 80 рублей.

Жду письма с сообщением, когда быть в Л-де.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 5 апреля 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Вероятно, ты уже получил мою телеграмму. Жить будем на разных этажах. Жалко, но думаю, что перебьемся.

2. Надеюсь, деньги из «Авроры» тебе уже пришли. Я звонил туда давеча. Сказали, что перевели еще в двадцатых числах. Я же поеду завтра получать в бухгалтерию, дабы не терять проценты. Вообще из «Авроры» по-прежнему ни звука. Я не навязываюсь. В конце концов программу-минимум мы выполнили, а дальше – все от бога.

3. Событий и у меня не происходит. Был вот давеча Миша Ковальчук. Побеседовали с приятностью. Он просил, чтобы я похлопотал перед тобой за выступление в каком-то там физическом институте, куда они собираются тебя вытащить. Докладов тебе читать там не придется, только отвечать на доброжелательные вопросы.

4. Все время верчу так и эдак в голове «Риф Октопус». Додумался, что хорошо бы его как-то сконтактовать с «Кракеном». Получается этакая зловещая сцена: Зло заперто в атолле,

[1] С. Маршак, «Мистер Твистер»: «Ты не в Чикаго, / Моя дорогая».

и Страж хранит его от идиотов, которые льнут к атоллу, как мухи к сладкому. В общем, у меня такое ошшушшенье, что эту штуку мы еще напишем.

5. А вот последнюю часть ГО представляю себе неважно, кроме одной главы – «Ночь в Городе Статуй». Это может получиться страшно.

6. Впрочем, тебе, наверное, не до того.

7. Все-таки перед отъездом проверь садки: МолГв; Знание; Детгиз; Фитиль; позвони в Межкнигу.

Ну вот, пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

Наконец, после долгих квартирных перипетий АНа Авторы снова встречаются для работы – в Комарово.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Человек в жеваном костюме, на голове – ушанка – агент.

12.04.72

Прибыли в Комарово. Ком. № 7, 23.

1. Правка ПНО [вычеркнуто]

2. Заявка в Детгиз

3. Подумать над сказкой (оч<ень> подробный план)

В ГО последняя часть делится на 2 части:

1) Город статуй, ужас, попытки бунта, катапульты с планерами, гибель полковника. Солдаты уходят, Андрей остается с Изей. Злоба к устройству мира.

2) Последние мили. Изю тащит на спине. Встреча с двойником. До начала 1-й главы:

7 d[1]	350 км	а) «предыдущий разведотряд Гейгера» (до переворота посланный), решивший остаться там навсегда. Столкновение, перестрелка.
15 d	750 км	б) люди с вырезанными языками. Непонятно – кто.
11 d	550 км	в) концлагерь столп г) поле боя
9 d	450 км	д) хилая община, сгрудившаяся вокруг источника е) Дворец Изобилия
19 d	950 км	ж) ракетодром, обгорелые стартовые площадки, ржавые ракеты

[1] d – день, сутки, day (*англ*).

«А я человек не престижный. Посмотри, какие у меня ботинки».

«Грибины» «Рыба-фиш» «Ауф айн припечек брент а файерл»[1].

13.04.72

Состав экспедиции:

нач<альни>к Андрей

зам. по воен<ным делам> – Сент-Джеймс, полковник

зам. по науке – Изя

зам. по геологии – Кехада

зам. по технике – инж<енер> тран<спорта> Эллизауэр

денщик полковника – Даган

сержант [«Гордон» – перечеркнуто]

солдаты – 4 чел<овека>

картографы – 2 чел<овека>, один из них фельдшер

водители – 4 чел<овека>

Присоединившиеся:

Немой

из старого разведотряда – кореец Ни, бывш<ий> враг Гейгера, хочет удрать или выслужиться.

[См. рис. на стр. 1 вклейки.]

50 км/сутки

Начало событий – через 30 d, от Города – 1000 км (за счет больших привалов).

[См. рис. на стр. 1 вклейки.]

На волокушу:

3 т солярки (из расчета 100 кг на 100 км)

1 т питьевой воды (1,5 л на человека на 60 дней)

1,5 т жратвы

боеприпасы, приборы, образцы

ок<оло> 6,5 т на волокушу

Угнетающие факторы:

1) однообразная еда, скверная вода;

[1] «Алеф-бейс» (или по начальным словам «Афн припечек») – песня на идиш на слова и музыку М. Варшавского. Позднее цитата использована в ПП.

2) болезни: понос, нарывы и сыпь;

3) усталость;

4) однообразие: тащатся по мертвому городу; тишина, тлен, сгоревшие кварталы;

5) разочарование: разжиться не удалось – воды нет, ископаемых нет, наблюдения солнца мало что дают: скачки;

6) животные: насекомые, змеи, волки – наглые;

7) страх – вырезанные языки, легенды, рассказанные одиночками, встреченными по дороге.

Доволен только Изя – он купается в документации. Он делает почти все ценные находки;

8) раздражает дисциплина.

М<ожет> б<ыть>: множество свидетельств «рай где-то впереди». А<ндрей> становится противен себе в желании вернуться к нагретому месту.

[На форзаце дневника]

[схема движения экспедиции на север, d – день]

0-пункт

(2 d)

умер Хейфиц

(7 d)

остался Давыдов

(7 d)

город с планерами[1]

гибель Скотта и икса

(4 d)

город статуй

уходит игрек

(2 d)

город со столпом

(3 d)

дом с озером

остается Ван

(2 d)

гибель транспортера

[1] Планеры с катапультами. – *БНС*.

бомба времени
предыд<ущий> отряд
убит Зет
(2 d)
конец Politico
(5 d)
конец жилого города

Андрей
Тракторист Давыдов
Хейфиц
Ван
Полковник Скотт
икс-ординарец
игрек
Politico
зет

200 чел<овек> в доме
1 000 000 чел<овек>
5 000 домов
5 рядов
1 000 домов в ряд
дл<ина> дома
длина города 10–12 км

14.04.72

Статуя – солдаты серут у ее ног. Ругань из-за Мымры.

1. Описание комнаты: одна из загадок, ибо эта часть древнего города не более древняя, чем старые жилые дома в гейгерской части. Внизу перекликаются солдаты, гремят котелки и т. д. Денщик убирает посуду. Перелистывает журнал экспедиции. Приведем одну из записей.

2. Появление сержанта с сообщением, что солдаты просят повернуть назад.

3. Рапорт: выступают начальники частей. Положение плачевное. Полковник болен. Время от времени то один, то

другой уходят срать. Андрей тоже. Все засрано. Как тень, идет за ним Немой. [добавлено сбоку:] Часть квартир пуста, а часть забита. В забитых – кости.

4. Рапорт окончен, но тут поднимается Кехада и требует возвращения, ссылаясь на: геологич<еские> результаты равны нулю; космогонические результаты – неуверенные; картография проводится из-за спешки небрежно; да и толку от нее нет. И дает себя знать все больше неподготовленность экспедиции: нетренировка личного состава; скверная обувь; недостаток медицинского оборудования; неготовность к массовым заболеваниям.

5. Все высказываются, ибо Андрей молчит и слушает. Эллизауэр за Кехаду, ссылаясь на изношенность техники и на опасность бунта, про Мымру. Изя против. Полковник не имеет точки зрения, но бунт берет на себя. Угнетающая жара, чего тоже не было предусмотрено.

6. Все расходятся. Андрей ложится. Зудят мозги, дела просят. Реминисценции. (Изя еще просится посидеть, здесь лампа хорошая, но Андрей высылает его вместе с лампой.) Засыпает. Конец 1-й главы.

Мымра – недели две назад ее завалили солдаты, поплелась следом за экспедицией. Все ее пользуют.

Впоследствии увяжется за Андреем, Изей и Немым и погибнет во Дворце Изобилия.

Андрей, Изя и Немой идут на разведку, задерживаются, а когда возвращаются – экспедиция уже погибла. Полковник мертв, все убиты.

Задержка: Андрей попадает председателем на сборище статуй. [этот пункт перенесен ниже – отмечено «звездочкой».]

Побоище из-за Мымры.

Запись в журнале, свидетельствующая о том, что не 6 часов, а трое суток. Дневник обрывается на полуслове. Писал Кехада.

[«звездочка»]

Когда выходят из здания, страшно хочется жрать. Андрей ругает Изю, что тот еврей, а не знает про грибины и рыбу-фиш.

Вожделение, потемнело в глазах. Разве что в самых бесстыдных снах.

15.04.72

Сделали 5 стр. (261) 5

Вечером сделали 2 стр. (263) 7

Приезжала Адка, пили джин.

После ругани с Кехадой:

1. Плюнуть на все и разделить экспедицию.

2. А почему, собственно? Почему кому-то должно быть легче, чем мне.

3. Долг перед Гейгером, долг перед собственным чином.

4. А если и когда перестанут подчиняться? Страх перед неподчинением.

5. Происхождение любой власти, мое право на власть.

6. Происхождение и право на власть Гейгера. Боится ли Гейгер неподчинения?

7. Вообще: разница между Гитлером и Николаем II.

Самозванцев нам не надо, командовать буду я!

Вперед – из-за раздутого самолюбия и из стремления доказать свое право на свой чин. Если я честный перед собой человек, то я должен от своего чина и от власти отказаться. В беседе с Наставником.

16.04.72

Сделали 6 стр. (269) 13

Вечером сделали 1 стр. (270) 14

17.04.72

Сделали 6 стр. (276) 30

Вечером сделали 1 стр. (277) 21

1. Сранье.

2. Кореец Ни (стычка, слухи).

18.04.72

Сделали 6 стр. (283) 27

Вечером сделали 1 стр. (284) 28
19.04.72
Сделали 6 стр. (290) 34
Вечером сделали 1 стр. (291) 35
20.04.72
Сделали 7 стр. (298) 42
Арк уезжает в город.
21.04.72
Сделали 6 стр. (304) 48
Вечером сделали 1 стр. (305) 49
22.04.72
Не работали: Арк страдает брюхом.
23.04.72
Вернулись к маме.

Письмо Аркадия брату, 3 мая 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Прости, никак не удавалось взяться за письмо. То с мебелью мотался, а тут еще – 30-го, 1-го и 2-го – пролежал с жесточайшим флюсом – и сейчас бы надо лежать, но удалось закупить нужное, и жду доставку на дом. Коротко, новости такие:

1. В Детгизе без перемен.

2. В «Знание» отнес, но от Севки никаких вестей.

3. Из «Мол. Гв.» попросили привезти сборник «Встречь»[1], уверяют, что стоит-таки в плане, но должен читать еще Осипов. Нынче отправил Эдика[2] с рукописью.

4. Завтра еду в Киев, ибо послезавтра обсуждение сценария. Чует сердце, что поездка зряшная. Вернусь – отпишу. Дольше 2-х дней задерживаться не намерен.

Вот пока все. Жму, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

---

[1] Это может быть и описка, и способ выразить свою ненависть к затянувшимся переговорам. А ведь мы тогда и представления еще не имели, какие 8 лет ждут нас впереди! – *БНС*.

[2] Здесь и далее – зять АНа Эдуард Львович Фошко, муж приемной дочери Наталии.

Письмо Бориса брату, 6 мая 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

У меня с новостями тоже не густо.

1. Отнес в Лендетгиз заявку на ПХХIIВ и М. Приняли благосклонно, но сказали, что это только на 74-й. И то ничего. С М в общем сборнике пока, вроде бы, все благополучно. Печатается он на Гознаке, там все страшно заносчивые и самодовольные – отказались печатать с представленного мною экземпляра рукописи, потому что там нестандартная буква «т» (она, действительно, нестандартная и похожа на английское «ай»). Редакция не растерялась и срочно перепечатала рукопись – за мой счет, натурально. В общем, это дело, вроде, на мази.

2. Что с ПнО – неизвестно. И я – от греха – туда и не звоню. Пусть сами звонят, если что. Но я полагаю, что если бы были неприятности, они бы сообщили так или иначе.

3. Пришло письмо из ГДР. Мягко, но убедительно доказывают, что название «Отель…» более привлекательно для немецкого читателя, чем ДоУ, и просят прислать фото. Я написал, что хрен, мол, с вами, пусть будет ОуПА, и выслал ПОСЛЕДНЮЮ фотографию Ал. Лесса. Слушай, Аркашенька, попроси кого-нибудь из твоих знакомых, чтобы сделал с тебя приличный фотопортрет. У меня есть очень приличные – объектива Миши Лемхина. Я бы тогда дал тебе десяток своих, а ты мне – десяток своих: горя бы не знали!

4. Послал в Польшу телеграмму, а потом и письмо с благодарностью за вызов. А сам сходил в наш ленинградский ОВИР, взял анкеты и список необходимых документов. Это все оказалось довольно просто – нужно представить: заполненную анкету (выдает ОВИР); квитанцию Госбанка об уплаченных 3 руб. (можно заплатить в сберкассе, центральной, любого района); 4 фото; характеристику с места службы (бланк прилагается, надо только отнести его в свою иностранную комиссию); согласие жены отпустить (бланк тоже прилагается, надо заверить согласие в ЖЭКе); текст пригла-

шения (перевода, оказывается, не надо). Надо бы нам согласовать вопросы анкеты: а). Цель поездки. б). Срок и время поездки. в). «Что желаете еще сообщить о себе или своих близких родственниках, а также по существу ходатайства» (16-й вопрос анкеты). Я предлагаю ответы: а). Еду по приглашению людей, занятых переводом и изданием моих книг. Намерен обсудить ряд творческих вопросов, а также ознакомиться с изданием нашей фантастики в ПНР. б). Намерен выехать в начале сентября сроком на 15 дней. в). Одновременно по приглашению выезжает в ПНР мой брат-соавтор. Крайне желательно для нас выехать и вернуться одновременно. Это все предварительные варианты ответов. Я еще хочу посоветоваться в своей иностранной комиссии – пойду туда 10-го. Буду держать тебя в курсе и без твоей санкции анкету заполнять не буду, а тем более – относить в ОВИР.

5. Звонил мне Димка Биленкин. Встретиться нам не удалось, к сожалению, но по телефону потрепались. Он сказал, что в Польшу ехать хорошо (сам был там недавно), марок там – море разливанное. Сказал, что в «Знании» на низшем уровне все ОК, а вот что будет на верхнем – неизвестно.

6. Дважды мне уже звонили из Литфонда, предлагали путевки сначала на 3-е, потом на 10-е. Я, натурально, отклонил. Требую с 15-го и не раньше. По получении извещу.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке – привет!

Так как у вас с мебелью? Не понял.

Письмо Аркадия брату, 10 мая 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Получил нынче от тебя письмо. А новости такие.

1. Ездил в Киев. Все там застряло, ибо новый главный редактор, сопляк лет тридцати трех, бывший лейтенант из синих гусар[1], объявил, что сценарий ему не нравится, ибо: не

[1] «Синие гусары» – заглавие стихотворения Н. Асеева. Здесь в значении «из кагэбистов» (по цвету погон).

понимает он, зачем и с какой целью это все накручено; не понимает, что это за жанр; считает, что сценарий художественно плох; понимает, что это есть издевательство над советской наукой. В ответ я сказал ему, что с такими способностями он меньше чем в год окончательно развалит вверенную ему студию, и откланялся. Борис Ивченко, впрочем, еще на что-то рассчитывает. В крайнем случае мы собираемся перенести сценарий в экспериментальную студию в Москве к Чухраю. А пропо – Чухрая с его сценарием «Сорок первый»[1], тогда еще молодого и начинающего, с позором выгнали именно со студии Довженко, и об этом ему намерен напомнить его старый приятель и покровитель Ивченко-старший.

2. Наконец-то у меня все хорошо с мебелью. В квартире теперь чисто и вылизано, в моей комнате стоит великолепная стенка – три секции книжных полок-шкафов с баром в центральной секции, отличный стол с полкой же на задней стенке и прекрасное вращающееся кресло; в Машкиной комнате – большой журнальный столик с полкой же, а вокруг него – два покойных кресла и мягчайшая кушетка. На кухне – большой обеденный стол и раздвижная кушетка-кровать. И еще кругом четыре добротных табурета и четыре полумягких стула. Книги и папки расставлены по местам, и я теперь дома. Так-то, фрер[2] мой и соавтор. Наша все же взяла (при долге в две тысячи).

3. Рукопись «Неназначенных встречь» передана лично Жемайтису, теперь ее будут читать на предмет решения вопроса о договоре.

4. В Детгизе по-прежнему пока никакого движения.

5. Из «Знания» ничего не слышно. Перед отъездом намерен зайти туда и узнать, как дела.

6. Вчера встретился с актером и сценаристом театра им. Вахтангова Мишей Воронцовым. Он просил разрешения на инсценировку ПНвС на предмет создания мюзикла. В случае удачи нам будет перепадать 1,5 % сборов. Он

[1] К/ф по одноименному рассказу Б. Лавренева был снят Г. Чухраем на Мосфильме в 1956 г.

[2] Брат *(франц.)*.

подробно рассказал свой замысел и кто за него держит мазу. Я дал согласие. Вот пока все дела.

Обнимаю и жму, твой Арк.

Привет Адке, поцелуй маму.

Жду извещения о путевке.

Да! Получил из Польши вызов, ужо побреду в ОВИР.

Письмо Бориса брату, 10 мая 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Предлагают путевки с 21.05. Это слегка поздновато, но меня соблазняют хорошие номера: один – с балконом, другой – угловой, оба – на третьем этаже. Предварительно я согласился, но вот как ты? Отпиши срочно.

Получил ли вызов? Если нет, то должен получить в ближайшие дней десять.

Крепко жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Привет Леночке.

И вскоре киностудия имени Довженко расторгает договор на сценарий ПНВС. Что, собственно, и ожидалось.

Из архива. Заключение на сценарий ПНВС

«УТВЕРЖДАЮ»
Директор киностудии им. А. П. Довженко
В. ЦВИРКУНОВ
16 мая 1972 г.

З А К Л Ю Ч Е Н И Е
Сценарной редакционной коллегии и II творческого объединения на списание литературного сценария
«ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»

Авторы: А. СТРУГАЦКИЙ
Б. СТРУГАЦКИЙ

3 ноября 1971 года студия вступила в договорные отношения с авторами А. Стругацким и Б. Стругацким на написание литературного сценария «Понедельник начинается в субботу».

Предполагалось, что сценарий будет создаваться по мотивам одноименной повести этих же авторов, сюжетно расширяя ее рамки, дополняя события и углубляя идейную суть происходящего действия, тем самым более полно обрисовывая характеры героев.

Авторы подали 1 вариант сценария на студию в срок, предусмотренный договором. В заключении II-го объединения и сценарной редакционной коллегии от 2 марта 1972 г. авторам было предложено продолжить работу над сценарием с учетом замечаний, изложенных в заключении.

Во втором варианте сценария авторы старались учесть замечания студии, однако им это в полной мере не удалось. Сюжет распался на несколько самостоятельных, не связанных между собой историй («Эксперимент Выбегалло», «Эксперимент Корнеева по изъятию времени у бездельников», «Перерождение Хомы Брута», «Омоложение Наины Киевны» и т. д.).

Не удалось авторам преодолеть и одноплановость в обрисовке образа Выбегалло, на которую указывалось в замечаниях студии, показав его лишь демагогом и невеждой.

Сценарная редакционная коллегия и II ХТО считают, что, несмотря на добросовестное отношение авторов к работе, их постигла творческая неудача, т. е. в данном случае отсутствует перспектива глубокого идейно-художественного решения сценария, и поэтому дальнейшую работу над сценарием целесообразно прекратить, расторгнув договорные отношения с авторами А. Стругацким и Б. Стругацким на основании пункта 10 типового сценарного договора.

Главный редактор студии П. Кувик

Члены сценарно-редакционной коллегии:

В. Ковтун
В. Черный
Н. Орлова
Ю. Пархоменко
В. Рыдванова
Л. Чумакова
В. Сосюра

В мае Авторы вновь встречаются для работы.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]
Ввполсвист<а>.
21.05.72
Ком<наты> 29, 35.
Прибыли в Комарово писать ГО.
История про новосела-рабочего: у него работают интеллигенты – циклевщик, грузчик, водопроводчик. Все застревают в квартире: циклевщик защемил палец в паркете, грузчика заставили шкафом, водопроводчик хлебнул вместо спирта эликсиру и стал невидимым. И еще домовой. И строитель, замурованный в вентиляционной шахте. И домовой. И приходит девица.
22.05.72
Сделали 7 стр. (312) 7
Вечером сделали 2 стр. (314) 9
23.05.72
Сделали 7 стр. (321) 16
Вечером сделали 1 стр. (322) 17
24.05.72
Сделали 7 стр. (329) 24
Арк уезжает в город.
25.05.72
Сделали 5 стр. (334) 29
Вечером сделали 1 стр. (335) 30

[Черновик письма к Г. Гречко][1]

Жора, дружище!

Раз уж ты вспомнил об этом письме, значит, дела у вас там идут неплохо: контакт есть там, где он быть должен, и его нет там, где быть ему не положено. Кстати, о контактах. Вот ты теперь Герой, и мы гордимся этим и рады этому. И особенно мы рады тому, что ты Герой настоящий, а не герой современной фантастики. Будь ты героем фантастики, ты бы сейчас вместо того, чтобы заниматься делом, отмахивался бы лазерной пушкой от лезущих на абордаж псевдоразумных квазиклопов из системы FU Ориона. Ты бы отмахивался, а они бы поливали тебя кошмарными ипсилон-лучами, от которых волосы по всему телу начинают расти внутрь. И ты знаешь, Жора, совладали бы они с тобой, уволокли бы они тебя в специальный зал и учинили бы тебе контакт третьей степени на предмет выяснения потенций человеческих мозгов. Впрочем, все бы кончилось благополучно (иначе такую бодягу и вовсе бы не напечатали). Эхе-хе, плохо жить фантастам, Жора. Всю-то свою жизнь сочиняют они о Космосе, а сами Космоса в глаза не видели и, надо понимать, не увидят – по причине своих эмфизем, хронических холециститов и злокачественного пристрастия к неорганическим окислителям. А вот ты видишь Космос. Своими глазами. Ладно, потом расскажешь. Ты будешь рассказывать, а мы – хлопать себя по бедрам, завистливо сопеть и приговаривать: «Эхе-хе!»

Хватит, однако. Чует наше сердце, что пришла тебе пора включать восемнадцатый тумблер «Б» либо выключать сто тридцать пятый тумблер «Н». Либо принимать пищу. Либо наоборот. Давай, давай, не стесняйся.

Мы желаем тебе всего наилучшего и ждем твоего возвращения. С победой. Сердечный привет твоим товарищам.

---

[1] К нам обратился журналист, кажется, Губарев – попросил написать что-нибудь для развлечения Жоры на орбите. Мы с удовольствием написали, но Жора тогда не полетел. Читал ли он вообще эту записку, не знаю, а точнее – не помню. – *БНС*.

С октября 1971 по июль 1972 года Гречко проходил подготовку к полету на станции ДОС-2 в качестве бортинженера третьего (резервного) экипажа, вместе с А. Губаревым. Полет был отменен из-за аварии ракеты-носителя при выведении ДОС-2. – *Сост*.

С гордостью и любовью…

26.05.72

Сделали 7 стр. (342) 37

Вечером сделали 1 стр. (343) 38

Оч<ень> важное открытие.

Всех не перестреляешь. Укоротившаяся память (слово нельзя сжечь). Кета – дочка.

27.05.72

Сделали 10 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 353 СТРАНИЦЕ.

23.06.69 – 28.06.69 МСК, план

19.02.70 – 3.03.70 К<омарово>, начали писать

7.04.70 – 23.04.70 “

15.12.70 – 27.12.70 “

2.12.71 – 13.12.71 “

12.04.72 – 23.04.72 “

21.05.72 – 27.05.72 “

28.05.72

Арк – мультик. Б. поехал в город.

29.05.72

Думали над мультом.

30.05.72

Арк – мультик. Б. – правка ПнО.

31.05.72

Трепались. Уехали в город.

1.06.72

Обсуждали СнРО.

2.06.72

Приехали к маме.

3.06.72

Арк уехал в Мск.

В июне выходят две статьи, имеющие отношение к АБС. Но если статья Романа Подольного «Фантастическая этнография и этнографическая фантастика» (Сов. этнография. 1972. № 6) использует некоторые реалии произведений АБС лишь в качестве примера (например, имя этнографа в ТББ: Шуштулетидоводус,

«специалист по истории первобытных культур, который сейчас работает шаманом-эпилептиком у вождя с сорокапятисложным именем»), то статья, опубликованная в журнале «Русская речь» (№ 6), целиком посвящена АБС. Название статьи говорит само за себя: «Несообразности в фантастике: Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких», причем ее автор – доцент Института русского языка АН СССР Наталия Михайловская – предпочла укрыться за инициалами «Н. М.»

Статья Н. М. заставляет вспомнить критические статьи начала 60-х «Со смаком!», «Кое-что о “мальках”», «Неужели так будут говорить люди будущего?», «Запорожцы в космосе». Всех их объединяет нелюбовь к языку Стругацких. Н. М. даже цитаты приводит в основном из ранних книг АБС (утверждая, что это произведения конца 60-х). Но вот что любопытно. Все стилевые упреки, которые Н. М. адресует Стругацким, а именно: злоупотребление разговорной, «фельетонной», «бойкой, обильно уснащенной остротами» речью, использование чужого стиля, цитат и устойчивых оборотов, «изобретательность по части ругательств» – как бы они смотрелись сейчас? Не правда ли, такие особенности отличают прозу современную, начала XXI века, от прозы XX, и тем более XIX веков? Значит, и здесь АБС явились новаторами? Тема, заслуживающая внимательного филологического разбора.

Впрочем, выводы статьи достаточно благожелательны.

Из: Н. М. Несообразности в фантастике: Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких

<…>

В настоящей статье не ставилась задача детального освещения всего творчества А. и Б. Стругацких. Как видно из приведенных примеров, мы касались в основном произведений, написанных (или переработанных) в конце 60-х годов. Оставлены в стороне, например, и «Отель “У погибшего альпиниста”», где содержится много общего в стиле с произведениями уже упомянутыми, и повесть «Улитка на склоне», в которой тема «трудно быть богом», сквозная для творчества Стругацких, перенесена в новые обстоятельства и которая является, скорее, неудачей авторов в попытке освоения новой стилистической манеры. Возможно, что корни последних неудач писателей следует искать именно в слабых сторонах их предыдущих произведений.

Критика неоднократно указывала на новаторство Стругацких в жанре фантастики. Что касается языка, то это новаторство состоит не столько в создании новых приемов художественного изображения, сколько в усвоении приемов, уже существующих в советской художественной литературе. Во многих текстах и контекстах их повестей угадывается и стиль А. Н. Толстого (в особенности синтаксиса), и стиль И. Ильфа и Е. Петрова (в почти дословном использовании некоторых сочетаний с определенной экспрессивно-эмоциональной окрашенностью, сравним: «абсолютно не на чем со вкусом посидеть» у И. Ильфа и Е. Петрова – «абсолютно не на что со вкусом поглядеть» у А. и Б. Стругацких), и стиль А. Шварца (в частности речевая характеристика глуповатого Арканарского короля в повести «Трудно быть богом» очень близка репликам «голого короля» в пьесе А. Шварца «Голый король»).

Многим повестям А. и Б. Стругацких свойственны и острота сюжета, и гибкость стиля, есть у них и удачные образы. Но популярность жанра ко многому обязывает писателя-фантаста: о его произведении судят и по языку, и по содержанию, и по тем идеям, которые заключены в произведении. Академик В. В. Виноградов писал, что в художественных произведениях «сказываются степень речевой культуры и уровень художественного вкуса той социальной среды, к которой принадлежит автор и которую он стремится обслуживать своим творчеством» («Вопросы языкознания». 1955. № 4). Это положение следует помнить не только языковедам, но и писателям.

Вернувшись в Москву, АН принимается за обыденную работу – пишет рецензии. 6–10 июня датированы его рецензии на фантастические повести Л. Пироговой, Владимира Малова, Владимира Михановского, Виктора Бабкина, на фантастические рассказы Валентина Рича, Романа Подольного, на приключенческую повесть Болдырева, на перевод рассказа Лена Грея. Приведем в качестве примера одну из них.

Из архива. АНС.
Рецензия на повесть Виктора Болдырева «Геутвель»

С именем Виктора Болдырева я столкнулся впервые более десятка лет назад, когда мне пришлось «доводить» в Детгизе первую часть его трилогии, «Гибель Синего Орла». И должен сказать, что с той поры автор далеко шагнул вперед как писатель. Романтическая повесть «Геутвель» есть именно то, что намеревался создать Болдырев, – романтическая повесть, по сюжету, по теме, по стилистике, по способу обрисовки действующих лиц. Мне кажется, я не очень ошибусь, если поставлю «Геутвель» в один ряд с лучшими и прославленными произведениями Майн Рида и Фенимора Купера.

Не стоит подробно излагать содержание повести – автор остался верен своей прежней страсти – Советскому Дальневосточному Северу. Описывается эпизод последних отчаянных попыток чукотских феодалов (я плохо знаю историю этого народа, но, судя по тому, как описывает его Болдырев, владельцев многотысячных стад оленей, державших в беспрекословном повиновении десятки и сотни соплеменников, можно с некоторыми оговорками считать настоящими феодалами) сунуть палку в колесо истории, избежать интеграции с «социалистическим окружением» в послевоенный период. Великолепное знание материала, хорошо и круто сделанная интрига, обаятельные образы героев придают повести Болдырева необычайное очарование, которое не заглушается стилистическими неточностями, кое-где многословием и растянутостью. Скажу прямо: закрывая папку с рукописью, я знал больше, чем открывая ее.

Правда, несколько инородным телом выглядит в повести последний эпизод – начиная с обнаружения избы первопроходца и кончая изложением содержания «заветной казачьей книги». Слишком явно чувствуется здесь стремление автора «оживить» сюжет, а этого ну совершенно не требуется. Эпизод по нужде получился скомканным, неправдоподобным – даже романтическому герою нужно строго отмеривать число

случайных удач. Мое предложение: ограничиться в повести находкой избы, а все следствия из этой находки перенести в третью часть трилогии, где ввести их в сюжетную ткань органично и тактично, не так, как здесь. А материал, безусловно, очень любопытный, хотя, как я понимаю, целиком лежит на совести автора.

Вывод. Настоятельно рекомендую выпустить эту повесть, как и «Гибель Синего Орла», отдельным изданием или, значительно сократив, дать в очередном выпуске «Мира приключений».

Письмо Аркадия брату, 7 июня 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Был в МолГв, говорил с Белой, Сергеем[1] и Инной Фёдоровной Авраменко. Все активно держат мазу за нас. Авраменко, после того как я рассказал ей о нашем бедственном положении, торжественно обещала приступить к активной борьбе за договор после конца июня, именно июня, а не июля, как я написал было. Черт, совсем отвык от своей машинки. Сергей и Бела обещали всячески ее к этому понуждать. Я, кстати, спросил Авраменко, кто именно и почему нас так задерживает. От прямого ответа она уклонилась, но дала понять, что есть такие силы – выше ее и что она как раз вела такую политику – дать этим силам поуспокоиться и забыть о нас.

2. Вчера были у нас в гостях Ревичи и Биленкины. Пока наши дела в НФ хороши. Правда, читал только зав. редакции, да и то наполовину, но возражений не сделал, и Светлана[2] через неделю сдает рукопись в производство. Сейчас она перепечатывается там в машбюро (за наш счет, разумеется). Беда в том, что не вышел еще предыдущий номер сборника, но Севка полагает небезвероятным, что наш выпуск тоже выйдет в этом году.

[1] Здесь и далее – Жемайтис Сергей Георгиевич, заведующий редакцией «Молодой гвардии», писатель.

[2] Пока не удалось выяснить, кто это.

3. Сценарий мультяшки сдал позавчера Хитруку. Он очень обрадовался, видимо, считал, что мы надуем, и пошел читать и думать. Договорились встретиться в пятницу или в субботу. Полагаю небесполезным предложить ему соавторство на правах трети гонорара. Отпиши согласие или неудовольствие. Ларин, прочитавши, брюзжал, но заметил, что довести сценарий до кондиции очень несложно.

4. Был у меня вчера и Юра Манин – днем. Меланхоличен, но в общем спокоен. Сожрал все сосиски, нажарил картошки и тоже сожрал и выпил чайник чаю. И все удивлялся, почему я мало ем.

5. О Польше. Оказывается, у нас оформление в соц. страны идет не через ОВИР, а через районное отделение милиции. Т. о. мне необходимо сначала прописаться, а тогда уже заниматься этим делом. Оформление, как рассказал Биленкин, проходит быстро. Такой порядок введен совсем недавно, я, кажется, понимаю – почему.

Вот все новости. Жму, целую, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 12 июня 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом, во-первых, потому, что хожу сейчас к зубодеру и мир – ночь перед моими глазами; а во-вторых, потому что новостей-то никаких нет.

1. Был в «Авроре», сдал правку первой половины, взял вторую. Сегодня кончил править. Сцену каканья они, конечно, сократили – оставили только сам (завуалированный) факт – как Рэд кряхтит, присев за вагонетками, а все разговоры там выкинули. Я подумал-подумал и решил плюнуть. Пусть их. Будем надеяться, что удастся сохранить это (и многое другое) в последующих публикациях. ПнО читали еще Миша Лемхин и Саша Лурье. Были, как я понял, разочарованы. Я показал Мише черновик ГО – он аж почернел от жажды, но я только перед носом у него подержал и спрятал.

2. Звонил в ЛенДетгиз, хотел выяснить, что там и как – оказалось, что все знакомые люди в отпуске. Информации ноль.

3. С соавторством Хитрука поступай, как тебе покажется правильным. Даю карт-бланш. Все равно нам с ним работать (вернее, тебе) придется в тесном контакте и, действительно, лучше уж иметь право выжимать из него идеи.

4. Информация твоя о МолГв – интересно. Только я не понимаю, почему так странно сформулировано обещание: «начну хлопотать после конца июня». Почему не «в конце»? Почему не «в начале июля»? После конца июня открывается бесконечная временная ось… <…> она, эта Авраменко, – водит нас за нос.

5. А не позвонить ли тебе Фомину? Как там насчет сертификатцев? В конце июня («после конца…») я буду писать в Марион фон Шредер, если ничего не поступит.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Как там у Машки дела?

Письмо Аркадия брату, 20 июня 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Задержался с ответом потому, что имели место некоторые тенденции, коих определенного выявления я пытался дождаться. Ни хрена не дождался, если не считать положения с мультом, и решил писать.

1. Итак, мультфильм «Погоня в космосе» (ПвК) написан и представлен на суд прежде всего Ларина. Ларин подверг его резкой критике, однако нашел, что неделя работы все приведет в порядок. Тут мне припомнилось обстоятельство, что я обещал Хитруку показать первый или даже подготовительный вариант. Показал. Хитрук объявил, что это все не то, что ему нужно. Ему нужен был политический памфлет, а не приключенческий фильм. Мы с ним подробно обсудили примерное содержание и тональность нужного ему сценария,

после чего я обещался дать ему либретто к 28-му, а сам отнес сценарий на студию: надо же оправдать аванс, а также испросить пролонгацию до октября. Пролонгация была мне дарована немедленно, причем я узнал, что Хитрук уже успел охаять сценарий. Но вот вчера я пошел, чтобы забрать сценарий, и мой тезка Снесарев, фактический зав. сценарным отделом и правая рука главного редактора, с негодованием объявляет мне, что я его надул этой просьбой о пролонгации, что сценарий прекрасный, что недостатки его устраняются в неделю и что он будет требовать от дирекции приема этого фильма, а Хитрук пусть как знает. На этом все пока застопорилось. Как я понимаю, сейчас сценарий будут рассматривать у них на коллегии на предмет выплаты 10 %, а как будет с Хитруком – не знаю. В крайности я всегда готов заключить договор на новый сценарий специально для Хитрука. Посмотрим.

2. В МолГв слышно вот что. Завершающий том они хотят составить из авторов, которые имели свои именные тома (я имею в виду Библиотеку мировой фантастики). В связи с этим Бела предложила нам дать в этот последний том главу из ПнО, а именно – первую. Видимо, она согласовала это и с Сергеем, и с Авраменко. Полагаю, надо согласиться. Днями я с нею встречусь и поговорю более подробно, ибо она, естественно, просит кое-что там подредактировать в мато-разговорном плане. Больше никакого движения в МолГв нет.

3. Нина Беркова в скором времени выносит нашу заявку на переиздание на предмет заключения договора. Но это пока все зыбко и очень неопределенно. А тем временем я рассказал ей содержание мультсценария, и она предложила сделать из него прозу и дать в альманах. Боюсь, что в выпуск 73-го года нам уже не успеть, он сдается в производство в начале июля, а то было бы хорошо. Ну, в крайности придется на 74-й[1].

4. Прислали из Литгазеты анкету, я ее тебе по договоренности посылаю. Набросаешь чего-нибудь там – и высылай.

[1] Имеется в виду выпуск «Мира приключений».

Вот пока все наши дела.

Маму я встретил, а когда привез домой, разумеется, испортился лифт. У меня душа в пятки ушла. Но мама довольно бодро преодолела эту высоту: там на каждом этаже есть удобные скамеечки для отдыха[1].

Обнимаю. Жму. Твой Арк.

Привет Адке.

Приложение к письму – анкета ЛГ
(на англ. и рус. языках)

Анкета
«Наука и общество»

Мы просим Вас ответить на следующие вопросы (на все либо только на часть из них). Мы будем Вам очень признательны, если на вопросы, представляющиеся Вам наиболее актуальными, Вы сочтете возможным дать развернутый ответ.

1. Чем Вы объясняете тот факт, что наука за последние десятилетия заняла столь важное место в жизни общества? Сохранит ли она и в будущем такое же место?

2. Какое научное событие последних лет в наибольшей степени взволновало Вас?

3. Какие наиболее важные научные открытия могут произойти в обозримом будущем? О чем Вы мечтаете?

4. Не может ли, на Ваш взгляд, быстрое развитие науки привести к каким-либо отрицательным последствиям?

5. Есть ли, по Вашему мнению, «запретные», с точки зрения морали, области научных исследований? Какие? Почему?

6. Могут ли существовать какие-либо основания для прекращения исследования, которое само по себе развивается успешно? Если да, то какие?

7. Мешает ли науке острый интерес к ней со стороны общественности?

[1] Квартира АНа была на последнем, 16-м этаже.

8. Не кажется ли Вам, что после периода всеобщего увлечения точными науками наступает период некоторого охлаждения по отношению к ним со стороны молодежи (возможно, один из признаков этого – уменьшение конкурса на факультеты точных наук)?

9. Способны ли литература и искусство оказать определенное воздействие на развитие научно-технической мысли?

10. Не кажется ли Вам, что успехи естественных наук порождают у части ученых определенное пренебрежение к литературе и искусству? Если да, то как противостоять этому?

11. Способствует ли само по себе занятие наукой воспитанию высоких нравственных качеств?

12. Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын или дочь стали учеными? В какой области? Почему именно в этой?

Благодарим Вас.

Редакционная коллегия «Литературной газеты»

Письмо Бориса брату, 23 июня 1972, Л. – М.

1. На протяжении последнего полувека наука доказала практически – «весомо, грубо, зримо»[1] – свою способность самым решительным образом менять условия существования огромных человеческих масс. Вниманию человечества были предложены чрезвычайно широкие возможности – от всемирной «зеленой революции» до всемирного ядерного пожара, от покорения Солнечной системы до превращения обитаемой Земли в необитаемую планету. Эту невиданную ранее свободу выбора предоставила человечеству наука – и не в виде абстрактных фантазий, поражающих лишь воображение, а в виде совершенно конкретных открытий, расчетов, экспериментов, вселяющих самые светлые надежды и самые мрачные опасения. Наука сделала будущее наглядно многовариантным и предложила свои услуги в осуществлении любого из этих вариантов. Наука позволяет управлять

[1] Цитата из поэмы В. Маяковского «Во весь голос».

будущим и контролировать его – в конечном итоге именно это обстоятельство обеспечило науке ее место в жизни современного общества. И место это, надо думать, сохранится за наукой до тех пор, пока человечество остается озабочено своим будущим.

2. Расшифровка генетического кода. Опыты по управлению поведением путем непосредственного воздействия на мозг. Работы по трансплантации органов. Первые полеты в Космос и высадка человека на Луну. Удивительные открытия этологов… Словом, все, что разрушало сложившиеся представления об ожидаемом и невозможном.

3. Большинство научно-технических идей, развитых в фантастических романах, будут реализованы, как нам кажется, на протяжении ближайших 30–50 лет. Многие из них будут, конечно, при этом переформулированы, как в наше время были переформулированы идеи древних сказок о ковре-самолете и чудо-зеркальце. Но больше всего нам хотелось бы увидеть разработанной и готовой к приложению теорию воспитания человека, которая неизбежно должна будет возникнуть на стыке теории информации, биологии, медицины, психологии и социологии. На наш взгляд, создание такой теории является сегодня научной задачей номер один – не только по важности, но, к сожалению, и по сложности.

4. «Какие-либо» отрицательные последствия можно усмотреть в результате любого социального действия, причем тем большие, чем больше масштаб самого действия. Быстрое развитие науки в этом смысле, разумеется, не исключение. Но ведь и медленное развитие науки приводит к отрицательным последствиям – голод, эпидемии, мракобесие…

5. Запретных областей научного исследования существовать не должно. Запретными могут быть лишь методы исследования и способы применения открытий.

6. Если методы исследования антигуманны, исследование должно быть прекращено безусловно и не возобновляться до тех пор, пока не будут найдены иные методы.

7. Сам по себе интерес помешать не может, скорее уж наоборот. Но вот некомпетентное вмешательство в науку со стороны общественности или от имени общественности помешать, несомненно, способно – достаточно вспомнить судьбу Галилея.

8. Скорее, нет. Уменьшение конкурса, на наш взгляд, – это, прежде всего, следствие предшествовавшего возрастания конкурса и резкого повышения уровня требований на вступительных экзаменах.

9. Косвенное воздействие – несомненно. Как созерцание природы, как спорт, как быт. Известны случаи и более сильного влияния (Достоевский и Эйнштейн, например), но это скорее исключения: наверное, надо быть Эйнштейном, чтобы на твое научное творчество столь мощное влияние оказал Достоевский.

10. Большинство известных нам ученых живо интересуются и литературой, и искусством, хорошо их знают и тонко чувствуют. В этом отношении они ничем не отличаются от любого культурного человека всех времен и народов. С другой стороны, очевидно, что современный ученый – это, как правило, узкий специалист, и у него, как и у всякого узкого специалиста, нет ни времени, ни особенного желания отвлекаться на что бы то ни было, мало касающееся его специальности. Это не пренебрежение к литературе, это равнодушие к ней, опять же достаточно характерное для любого человека, почему-либо не приобщившегося на протяжении своей жизни к мировой культуре.

11. В наше время научный сотрудник – профессия массовая. А насколько нам известно, никакая массовая профессия (даже профессия врача или педагога) сама по себе не способствует воспитанию высоких нравственных качеств.

12. Мы не возражали бы, но и не стали бы настаивать. Гораздо важнее, чтобы дети любили свое дело и делали его хорошо.

. . . . . .

Дорогой Аркашенька!

Исправь, что сочтешь, и посылай в ЛГ. Мне только отпиши, какие изменения внес, дабы я мог потом сравнивать с опубликованным.

Дела у тебя, я вижу, так и кипят – как в лаборатории алхимика, и золота, как и там, не видно. Дать главу в Биб-ку – ради бога! Но почему опять главу? Сами же потом выбросят под предлогом, что глава, а не повесть. Или весь том они составят из глав? Поступай, конечно, как знаешь, тебе виднее, но, по-моему, надо бить все-таки на повесть целиком. И начинать бить уже сейчас.

С мультом поступай в соответствии. Лишь бы деньги платили.

Фомину ты звонил или нет? Я же намерен писать письмо в Ферлаг.

У меня никаких новостей нет – ни плохих, ни хороших.

Да! Не мог бы ты использовать свой блат в литфонде и раздобыть нам с Адкой и Андрюшкой путевки в Коктебель на август? Мне в нашем Литфонде оказали, гады, а Андрюшку все врачи рекомендуют вывезти в Крым по причине его непроходящего носа. А дикарем я с ним ехать боюсь из-за холеры. Постарайся уж – век благодарить буду.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

И маме!!!

P. P. S. А документы в ОВИР я уже сдал. Просили только заменить фото. О эти фото! Пр-р-роклятье!

Ответ обещали до августа. Будем посмотреть.

Письмо Аркадия брату, 3 июля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Особых новостей никаких нет, ни плохих, ни хороших.

2. Анкету перепечатал, исправлений почти не вносил, нынче отнесу (или отошлю) в Литгазету.

3. Бить на повесть целиком, конечно, интереснее, но я уж буду бить сразу на сборник. И вообще бить – это, брат, такое дело, где залезешь там и слезешь.

4. Фомину я не звонил. Да и смысла звонить нет. Пиши в ферлаг, а мне здесь посоветовали обратиться к нашему юристу, эти дела для них привычные, вот пусть и разбирается, ему за это деньги платят.

5. В отличие от тебя блата в Литфонде у меня практически нет. Есть только Томан Николай Владимирович, которому я и буду нынче звонить. Возможно, он поможет, но особенно рассчитывать не надо. В общем, сделаю все, что возможно. А ты не боишься ехать с ним в Крым при его печени?

6. Никак не могу прописаться – у Ленки какие-то неполадки с военным билетом, чтобы устранить эти неполадки, нужен ее паспорт, а паспорт в ЖЭКе не отдают без предъявления военного билета с устраненными неполадками. Ужасно хочется бить по мордам. Тем более что вот-вот истекает срок ордера, а тогда начнется такая волокита – не приведи бог.

7. Настроение в общем хреновое. Выяснилось, что Машка из рук вон плохо подготовлена по физике. А сдавать ей 17-го. Поднял на ноги все знакомства, но что будет – один бог знает.

8. Отныне и впредь пиши мне по новому адресу:

117526, Москва, проспект Вернадского <…>.

Обнимаю, жму, твой Арк. Привет Адке, поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 10 июля 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Долго не отвечал тебе – все надеялся узнать что-нибудь этакое. Не узнал.

1. Сегодня звонил в «Аврору». Седьмой номер должен выйти в 20-х числах. Пока идет более или менее благополучно. Как мне рассказали, было произнесено несколько слов «в атмосферу» – мрачновато-де, беспросветно, – но пока из этого еще ничего не воспоследовало.

2. Неделю уже звоню в Лендетгиз, не могу застать там нашу редакторшу. Вот и сейчас не застал. Из отпуска она вышла, вроде бы, шестого, но на работе ее никак не поймать. От Брандиса я знаю, что сборник с нашим М уже в печати и должен – со значительной вероятностью – выйти в этом году. Но меня-то интересует судьба договора на отдельную книжку. Ладно, буду ловить дальше, а поймав, отпишу.

3. Дима Биленкин пишет, что венгры запросили у него рекомендаций на новую советскую ф-ку и он порекомендовал ПнО. Хорошо бы договорчик заключить!

4. В ферлаг я решил пока не писать, раз ты намерен побеседовать с юрисконсультом. Может быть, это у них в порядке вещей: гонорар выплачивается в течение, скажем, года.

5. Ирена[1] прислала письмо, что уезжает в отпуск, и дала новый адрес на всякий случай. Вернуться она намерена к 1 сентября. Мы же поедем, я думаю, числу к 15-му, так что не страшно. Впрочем, из ОВИРа пока ни гласа, ни воздыхания[2].

6. А теперь даю тебе список вопросов, на кои хотел бы получить ответ от тебя в следующем письме. Пока все не выяснишь, можешь даже не писать.

а. Как обстоят дела с мультяшкой?

б. Что с ПнО у Севки?

в. Что в МолГв со сборником?

г. Чем кончились переговоры с юрисконсультом насчет ферлага?

д. Что в Детгизе с переизданием?

е. Не раздобыл ли ты мне путевочку в Коктебель?

Выясни все обстоятельно и не спеша и тогда уж отпиши на всю катушку.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке – привет!

Машке – ни пуха ни пера!

---

[1] Здесь и далее – Левандовска Ирена, польск. журналист, переводчик.

[2] От «Не бе гласа, ни послушания»; церковнославянский текст Третьей книги Царств (гл. 18, ст. 26).

13 июля Ленинградское отделение издательства «Детская литература» заключает договор на сборник АБС в составе ПХХIIВ и «Малыш». Редактором в договоре обозначена Анна Плюснина.

Письмо Аркадия брату, 25 июля 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Наконец освободился и получил кое-какую информацию и отвечаю. (Господи, твое-то письмо мечено 10 июля, а нынче уже 25-е!)

1. Машка не набрала нужных очков и не поступила, невзирая на все мои труды. Будет загорать дома и весь год готовиться к поступлению снова.

2. С мультяшкой обстоит дело неплохо. Выдали 10 %, из них половину отсылаю тебе по твоему требованию. Напиши, куда и как. Положено тебе 130 р. <…>, из трехсот рублей почти сорок вычитают, а за что – неизвестно. Вчера свели меня с нашим режиссером Васей Ливановым (может, знаешь артиста Бориса Ливанова, так это его сын, славный парень, страшно шебутной). В августе он кончает свои дела и принимается за нас. По совету зав. сценарного отдела взял его в соавторы.

3. Севка и Танька[1] уехали на байдарках, ничего о ПнО не знаю. Да и рано еще знать.

4. Вчера же был в МолГв по поводу сборника. Договор уже напечатан, ждет визы. Авраменко в отпуске, Белка тоже уходит в отпуск, обе вернутся примерно 10-го августа, считается, что к середине августа договор может быть заключен. Жемайтис жаловался, что <…> Немцов шляется по ЦК и нудит, что печатают одних стругацких, а настоящую ком. литературу не печатают, и тем снискивает себе средства к существованию.

5. Был у нашего юриста Орьева. Он без слов поднял трубку и передал мое дело зав. отделом внешних сношений УОАП Регине Марковне Горелик, с которой я буду на днях встречаться.

[1] Здесь и далее – Чеховская Татьяна Петровна, журналист, редактор, супруга Ревича.

6. В Детгизе с переизданием пока ничего хорошего, плановый отдел не разрешает. Но: Нина настоятельно просит переделать сценарий в повесть и дать ей под договор. Я взял сценарий из студии и в среду отнесу ей. Потом распечатаю и перешлю тебе, а ты займись переделкой. Идет? Работы немного, а деньги все же неплохие. Нина просила листа на три-четыре. Договор будет на днях.

7. К моему большому стыду и сожалению по путевкам мне ничего не удалось сделать, хотя в дело был запряжен Михаил Луконин. Хрен знает, как это и почему так получилось. Есть какие-то шансы на Одессу, но я пока их не трогаю, не знаю, как это для вас. Отпиши скорее.

Такие дела.

Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, если вы его уже забрали.

Письмо Бориса брату, 29 июля 1972[1], Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Не отвечал сразу потому, что ожидал новостей. Сегодня позвонил твой приятель, я позвонил Ткачёву и понял, что надо писать, не дожидаясь, тем более что только одна информация теперь не совсем еще исчерпывающа, а с остальными все ясно.

1. Машка. Ужасно жалко бедную девочку (да и тебя тоже), что затрачено столько сил, а результат такой же, как если бы ни к чему она не готовилась, а ты нигде не хлопотал. Но с другой стороны – какого черта! Что такого особенного произошло? Юное дарование загубили? Мечту жизни растоптали? Да провались они, эти университеты! Пойдет работать к Шилейке, будут вокруг симпатичные люди, парнишки – такие же как она десятиклассники, все будет распрекрасно. Проработает год-два, а там ей – льгота при поступлении, если уж снова будет пытаться. А когда представишь, что все равно через два-три года выскочит наша Машенция замуж и все ее

[1] Датировка составителей.

интересы разом сместятся совсем уж в другую область, так и вовсе получается, что ничего страшного не произошло. В общем, поцелуй ее в ухо и передай, что д. Боря настоятельно советует держать ей уши торчком, а хвост – пистолетом.

2. Путевка. Представь себе, нам вдруг повезло: какие-то зажравшиеся хмыри отказались от путевок в Гагры, и путевки эти достались нам. Так что 8-го я улетаю, а вернусь 1-го сентября.

3. Вчера ездил в «Аврору» и выкупил там 7-й номер в количестве 50 экз. Десяток мы поделили с мамой, а остальные сорок дожидаются тебя прямо в типографской упаковке. Иллюстрация посредственная, содержания не знаю, не читал (да и не хочется что-то). Про деньги я впопыхах не спросил (там у них в этот момент как раз праздновали 3-летие журнала и все были вполсвиста), но полагаю, как и в прошлый раз, деньги получим только после выхода 9-го нумера.

4. Договор в Детгизе на М+ПХХIIВ я лично подписал. Обещали в конце июля прислать копию, подписанную директором, но вот что-то пока не прислали. Правда, редакторша наша снова почему-то ускакала в отпуск и вернется в понедельник (я и задерживался с письмом – ждал ее возвращения). Впрочем, она уверяла меня, что все ОК. Возможно, правда, придется несколько сократить ПХХIIВ – листа на два-три-четыре: плохо, говорят, у них с бумагой. Ну, это, я думаю, мы переживем – основные деньги все равно пойдут за М (ПХХIIВ идет уже четвертым изданием). Кстати, для расклейки понадобятся экзы ПХХIIВ, один у меня есть, а у тебя не сохранились ли? Общий сборник с нашим М должен выйти в декабре: будут тугрики[1]!

5. Звонили из «Костра», просили для них что-нибудь листов на четыре-пять. О том же просили в «Авроре». Я сеял смутные надежды, имея в виду мультяшку. Кстати, ты мне ее, конечно, присылай, но работать-то я сяду не раньше

[1] «Тугрики» – реминисценция из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 3, гл. 28–29).

сентября. И вообще, наверное, будет правильно, если мы набросаем ее вместе в Комарове, в октябре. В общем, смотри.

6. Вышел библиографический справочник о переводах совписателей за рубежом в 1965–1970 годах. Оттуда я узнал, что в 65 году на венгерском вышло аж два издания С – одно в Будапеште, второе – почему-то – в Братиславе. А СБТ выходило, оказывается, на сербохорватском в Белграде и на испанском в Барселоне (!!). Во достать бы!

7. Из ОВИРа мне пришла бумага, чтобы в конце августа явился за документами на выезд. Итак, меня выпустили, я уже почти еду. А у тебя как дела?

8. Деньги за мультяшку пока попридержи, отдашь при встрече. Прием режиссера в соавторы, натурально, одобряю.

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. Пусть не шибко огорчается из-за Машки: ей-богу, все будет хорошо.

Письмо Бориса брату, 1 сентября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Ну вот я, наконец, и дома. О блаженство! О счастье! О милые моему сердцу вновь надвигающиеся трудовые будни! Ну, ладно.

1. Пришла корректура М из Лендетгизовского сборника «Талисман». Надо понимать, еще в этом году можно ожидать некоего кусочка-с!

2. Получил из Мосдетгиза какие-то 257 руб. Наверное, за «Погоню»?

3. В ГДР издают в 74 году сборник ф-ки о времени, включили туда ЧП и ЗЭ.

4. На этом мои новости заканчиваются. Срочно пиши мне письмо. В письме должна быть надлежащим образом заверенная доверенность на получение денег в Польше и подробный, Ленкой подписанный, список барахла, которое мне надлежит там приобрести – с указанием размеров, ростов,

цвета и пр. Эх, руки-ноги надо обрывать таким как ты! Знал бы я, что ты не поедешь, хлопотал бы поехать с Адкой – горюшка бы сейчас не знал!

5. Обязательно освети следующие вопросы:

а). Положение в МолГв. б). Положение с мультяшкой; в). Положение с сертификатами; г). Общее положение. Ситуацию, так сказать.

6. Получил ли наличные из Лендетгиза, порядка 580 руб? Это 50 % за М+В из расчета 120 р за а. л. (предварительный расчет).

7. Как тебе нравится переворот в Комитете по кино? В Ленинграде уже сняли нашего друга Головань, вот-вот должны снять директора Киселева и гл. редактора 2-го объединения Фрижу[1]. (Не Отто Фрижу[2], а совсем другую Фрижу, которая засушила нам сценарий ДоУ.) Да, товарищи, есть высший суд, наперсники разврата![3] А знаешь, кого называют той каплей, что переполнила сей сосуд? Лешку! Причем Лешкин фильм положен на полку, а сам Лешка в тридцать четыре года уже страдает сердечными приступами. Есть во всей этой истории нечто фейхтвангеровское.

8. В Польшу я хочу уехать числа 15–20-го. До отъезда схожу в Литфонд и закажу путевочки в Комарово ориентировочно на 10 октября. Вышли соображения.

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 4 сентября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

Рад, что ты вернулся. Пребываю в надежде, что отдохнули вы хорошо. Что у меня:

1. 257 руб. из Мосдетгиза – 60 % за «Погоню». Неделю назад Нина зашла ко мне и забрала экз. рукописи на иллюстрацию, а первый экз. оставила с просьбой попытаться

[1] Гукасян Фрижетта Гургеновна – главный редактор «Ленфильма».

[2] Отто Фрижа – персонаж ГО.

[3] М. Лермонтов, «Смерть поэта»: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата!»

увеличить ее еще хоть на 1/2 листа, т. к. у нее недобор. Если хочешь, пришлю, попробуй увеличить. Меня уже от этой рукописи тошнит. Еще я получил добро на продолжение этой сказки в трех последующих выпусках «Мира приключений» тоже примерно на 3,5 л. в каждом.

2. Доверенность высылаю. К моему изумлению, выяснилось, что никто в Правлении не знает, насколько эта доверенность правильно составлена и заверена. Я ее составил и заверил под руководством одного из работников Инокомиссии, которому в прошлом году пришлось случайно заниматься этим делом в Индии.

3. В МолГв положение медленно улучшается. Договор с нами подписать почти готовы, но предварительно жаждут иметь рецензию заслуженного человека. Мы с Белой посоветовались, и она предложила просить рецензию у Брандиса. Но Брандис был где-то за границами, не знаю, вернулся ли уже. Ты ему позвони и засвети ситуацию, чтобы не тянул и писал восторженно. Бела, кажется, написала ему, а может, будет просто звонить. Содержание сборника ему известно, так что обойдется без рукописи.

4. С мультяшкой положение пока заторможенное, анабиотическое, поскольку общая паника в киномире не миновала и их. Собирались сменять директора и главного, на место должен был пойти зам. директора и зав. сценарного отдела, интриги, подвохи и прочее было в разгаре и изобилии, сейчас, кажется, выяснилось, что ничего там не изменится, и потому одни злорадно точат когти, а другие с тоской ожидают мести. Но есть предложение дать сценарий некоему Котеночкину (режиссеру «Ну, погоди!»). Паршивость заключается в том, что в Главке тоже полный разгром, и Мультстудией занимается сейчас Сытин. Хотя, с другой стороны, нет больше Баскакова, а всем временно руководит Павленок. Так что трудно сказать, как у нас с мультяшкой.

5. Был я у зав. отделом внешних сношений УОАПа. Очень милая женщина. Выяснилось: нам перевели из США аванс за ТББ, чистыми получилось по 67 руб. 54 коп. сертификатами.

Получил, привезу. Издательство называется «АМ-Рос». Еще выяснилось: из ФРГ пока ничего, но ожидается некий не то годовой, не то полугодовой отчет от ихних издательств, вот тогда, может, и будет что. Впрочем, конфиденциально меня предупредили, что Межкнига и зажать валюту недорого берет. Не навсегда, конечно, а когда вышестоящие наседают на них за тощие поступления. Но это уже проверить практически невозможно, разве что написать в ихние ферлаги.

6. Получил откуда-то перевод на 522 руб. Вероятно, из Лендетгиза, о котором ты пишешь (за М и В), еще не знаю.

7. Перевороты в Комитете по кино вызывают у меня приступы легкой тоски – если брать их вкупе с общим положением. В дополнение к ленинградским новостям могу тебе сказать, что и на Украине – т. е. на Довженке – и в Кишиневе тоже полетели все. Не исключено, что высший суд действительно имеет место, но больно дорого берут за судебные издержки: вон и Лешку до инфаркта чуть не довели…

8. Путевочки в Комарово заказывай на конец октября. У меня здесь еще пропасть дел по статьям и переводам, а Ленку надо вывозить, мы уже совсем дошли за эти месяцы.

9. Барахольные списки вышлю дополнительно. А ты уж расстарайся, вышли пяток экзов «Авроры».

Так пока все. Жму и целую. Привет Адке и Росшеперу. Позвони маме, что это она мне не пишет?

Письмо Аркадия брату, 7 сентября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Даю заказ. Список велик, но это, разумеется, на тот случай, если многого не удастся найти, чтобы у тебя был выбор и чтобы не искать много и долго. Что из этого попадется, то и бери. Итак:

ЖЕНСКОЕ:
куртка поролоновая (как у тебя, коричневая) 54 разм.
брюки, брючный костюм 44 разм. 3 рост.

кофта шерстяная, свитер 44 разм.
туфли, босоножки, сапоги 36 разм.
сумка хозяйств. и дамская
белье (короткое) 55/56 разм и 44 разм.
МУЖСКОЕ
костюм темного цвета 56 разм. 5 рост.
джинсы, не менее 56 разм. 5 рост.
домашние туфли 45 разм.
ботинки зимние, туфли на толстой подошве, широкие 44 разм.
шапка меховая 64 разм.
большой хороший рюкзак.

Теперь так. Есть идея. Как тебе известно, я должен тебе 630 руб. Как ты смотришь на то, чтобы взять эти деньги из моей доли в польском гонораре? Если гонорара не хватит, чтобы покрыть долг, возьмешь, сколько хватит, остальное останется на мне. Если хватит с избытком, купишь что-нибудь на избыток. Как считаешь? Отпиши.

Еще одно важное обстоятельство. Получая гонорар, обязательно (о б я з а т е л ь н о) возьми в издательстве справку, что ты получил гонорар за свои книги. Справку возьми в двух экземплярах. Один у тебя отберут польские таможенники, другой – наши. Иначе начнется неприятная мура при возвращении с вещами. Такое уже случалось, у одного нашего просто отобрали часть вещей, да еще обвинили в контрабанде. А у него была справка, но в одном экзе, и он отдал ее польским таможенникам. Как он, сердяга, ни вопил, ему не поверили или не захотели верить.

Все. Целую, твой Арк. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 7 сентября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо с доверенностью. Будем надеяться, что этой бумажки хватит. На мой взгляд, она совершенно правильно составлена.

1. ПвК, конечно, присылай. Раз ты хочешь встречаться только в конце октября, у меня будет время поработать над рукописью. Правда, я думал, что мы вместе над нею поработаем, но ведь и это не исключено, как ты полагаешь? Насколько я помню, там-таки есть над чем поработать.

2. Звонил сегодня Брандису насчет рецензии на НВ. Он, натурально, ничего не знает (Бела не подумала ни звонить, ни, упаси бог, писать ему), но он, конечно же, готов соответствовать, если его попросят из МолГв.

3. Кстати, ты ни слова не пишешь о ПнО у Севки. Слышно там что-нибудь?

4. 67 руб. сертификатами – это прекрасно. Буду ждать. Что касается ферлагов, то, наверное, надо терпеть уж до конца года, а потом разразиться соответствующим письмом.

5. Повторяю, что 522 р. ты получил именно за М+В. Я тут был в Лендетгизе, относил первую корректуру М, и редактор сказала мне, что через месяц, вероятно, начнем работу над М+В. Ты не забыл, что для этого потребуется еще экз ПХХIIВ? Имей в виду, а то у меня только один остался.

6. Обязательно пришли барахольные списки и напиши вразумительно, куда и на сколько вы с Ленкой едете. Прислать письмо еще успеешь – я взял билеты в Варшаву на ночь 17-го.

7. Восьмой номер «Авроры» я получил, и мама тебе уже выслала пять экзов. Кстати, получил ли ты экзы седьмого номера? Ни хрена ведь не пишешь об этом ни мне, ни маме. Между прочим, приедешь в октябре, захвати второй чемодан: тебе ведь придется тащить в Москву больше 100 экзов!

8. Не пытался ли ты возобновить переговоры с СовРоссией насчет переиздания? А почему бы не попытаться? Тебе деньги не нужны, что ли?

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Письмо Бориса брату, 12 сентября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Не думал уже тебе больше писать до отъезда, но случились кое-какие события, о коих и сообщаю.

1. Только что звонил Брандис. Ему звонила Бела. Сказала, что звонит по поручению Авраменко. Что Авраменко просит Брандиса написать развернутую рецензию на сборник Стругацких с тем, чтобы впоследствии эта рецензия превратилась в предисловие. Что рецензия должна быть объективной, благожелательной, но содержала бы в себе и разумную критику. И наконец, что сделать это нужно на протяжении двух-трех недель. Брандис взялся за эту работу с удовольствием, но тут возникла куча затруднений. Ведь если исключить М, то прочие повести корежились, сокращались, переделывались и пр. Как быть? Пока мы договорились, что я дам ему оригинал ПнО, а ДоУ он будет анализировать по «Юности». Но ведь в «Юности» сокращенный вариант. Что ты дал в МолГв? Хорошо бы было переслать Брандису сборник именно в том виде, в котором он лежит в МолГв. Может, займешься? Брандис несомненно прав, когда робко настаивает именно на оригинальном материале. Он хочет написать развернутую рецензию, с цитатами (правильными), дать свои предложения (нужна же «разумная критика») и т. д.

2. Снова звонили из Ленфильма. Молодой способный режиссер Авербах давно интересуется фантастикой вообще и ф-кой Стругацких в особенности. Я им дал ПнО – по его просьбе. Он прочел и считает вещь интересной, но лишенной кинематографического конца. Я возразил, что был бы договор, а уж насчет конца мы позаботимся. В общем, сейчас он уехал в Москву добивать свой последний фильм, и мы договорились, что встретимся в начале октября. Я думаю, что ты не против очередных пятидесяти процентов и дашь мне полномочия на переговоры. Разумеется, эту работу я беру целиком на себя. От тебя потребуются разве что конструктивные советы. (Хотя, конечно, черт его знает: Авербах не

Герман, как с ним работать – неизвестно. Впрочем, в начале октября все выяснится.)

3. Список барахла получил. Постараюсь, но очень не рассчитывай. Больно много ты написал. На два чемодана. Впрочем, там видно будет. А насчет своего долга не беспокойся ты, ради бога. Сочтемся так, как тебе будет удобно. И когда тебе будет удобно. Ты думай о долгах посторонним людям, а не брату родному. Меня, кстати, очень огорчает, что дадут нам так мало – Ирена обещала 20–30 тыс. злотых. И это – за три книги! Володьке Кунину дали 40 за одну. Правда, он был под покровительством Пшимановского – ихний генерал и гений (см. «Четыре танкиста и собака»[1]). Ладно. Что дадут – и на том спасибо.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 12 сентября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. ПвК пошлю, как только возьму с машинки. Кстати, сказка пойдет в Мультфильм в качестве второго варианта для оправдания 10 %. Думаю, когда вернешься из Польши, экз будет уже у тебя, ты с ним поработаешь и вернешь мне, чтобы я успел передать его Нине, как только она вернется из отпуска.

2. Получив твое письмо, позвонил Беле насчет Брандиса. Она сказала, что напишет или позвонит ему немедленно. Впрочем, все опять не к спеху: Осипов уехал, и Авраменко тоже уехала.

3. О ПнО у Севки ничего не знаю, ибо застать Севку при моих телефонных возможностях (и его тоже) совершенно невозможно. Но я бы на твоем месте не очень надеялся.

4. Экз ПХХIIВ у меня найдется. В крайнем случае, украду где-нибудь.

[1] Польск. т/сериал реж. К. Наленски по одноименному роману Я. Пшимановского.

5. После тщательного рассмотрения обстановки мы с Ленкой решили податься отдыхать куда-нибудь под Москву зимой. Так что раньше января или февраля выезжать не будем.

6. Обе бандероли с «Авророй» получил, о чем маме написал.

7. В середине августа отнес в «Сов. Россию» заявку на ПкБ+ТББ+ОО. Вряд ли что-нибудь получится. По уговору буду звонить туда в конце сентября.

8. Сегодня получил письмо от Кана, в котором он просит разрешения передать в «Мир» сборник Брауна. Позвони ему и скажи, что я разрешил.

Вот все. Да, пересылаю тебе письмо от какого-то шведского издателя, пришедшее месяц назад. Полагаю, разберешься. По-моему, безнадюга. Если хочешь, ответь по своему разумению. Целую, жму. Твой Арк. Привет Адке.

Письмо Бориса брату, 14 сентября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Исходя из того, что

1. Со всяким издателем надлежит стремиться встать в строго договорные отношения;

2. М-р Лундвалл может вполне оказаться <…>, с коей и связываться-то нечего;

3. Конкретно послать ему мы ничего (кроме ОО) не можем – я предлагаю следующий вариант ответа:

Уважаемый м-р Лундвалл!

В ответ на Ваше любезное письмо от 31.07.1972 мы имеем сообщить Вам следующее.

1. Изданием произведений советских авторов за рубежом ведает организация под названием «Международная Книга». Ее адрес: СССР, Москва Г-200, Всесоюзное объединение «Международная книга». Все переговоры об издании наших произведений надлежит вести с этой организацией. Насколько нам известно, в случае заключения договора «Межкнига»

может выслать Вам соответствующие произведения и, возможно, даже оказать содействие в переводе этих произведений на нужный язык.

2. Нам не хотелось бы особо рекомендовать Вам какие-либо из наших рассказов: все они написаны давно и давно уже перестали нравиться самим авторам. Из повестей последних лет мы рекомендуем Вам очень популярные в СССР повести «Трудно быть богом» и «Обитаемый остров» (о столкновениях жителей Земли отдаленного будущего с варварскими и тоталитарными режимами на других планетах), повесть «Хищные вещи века» (о страшных последствиях изобилия для потребительского общества), а если говорить о юморе и сатире, то повести «Понедельник начинается в субботу», «Сказка о Тройке» и «Второе нашествие марсиан». Все эти повести переведены на различные европейские языки, но на английский, насколько нам известно, переведена только повесть ВНМ (Сборник Vortex, изд-во MacGibbon & Kee, London), причем перевод оказался плохим.

3. Для ознакомления посылаем Вам экземпляр нашей последней книги.

С уважением, А. и Б.

Я не пишу об издании на английском ТББ, так как ничего об этом не знаю. Если ты знаешь – добавь. Экземпляр ОО надо послать хотя бы просто из вежливости. Если тебе жалко – гарантирую впоследствии возмещение (у меня их еще штук 20). И хорошо было бы перевести это письмо на аглицкий, раз он по-русски не петрит. Займись, а? Потеря времени не так уж велика, а воспоследовать что-нибудь может. Аванс, то, се.

Письмо мистера я оставлю пока у себя, адрес его переписываю:

SAM J. LUNDWALL <…>

Новостей у меня в общем не прибавилось. Был у Брандиса, обсудили рецензию. Разъяснил ему замысел ДоУ, рассказал про подзаголовок (кстати, надо будет подзаголовок

все-таки поставить: и автору предисловия раздолье, и вообще). Беседовал по телефону с Дмитревским. Очень он нас убеждает написать ура-повесть. Рассказывал про какой-то скандальчик с последним романом Ефремова. Журнал «МолГв», вроде, начал печатать и вдруг оборвал без объяснений[1]. И в проспекте собрания сочинений Ефремова последний его роман почему-то не фигурирует. В романе, по его словам, ничего такого нет – эпоха Александра Македонского, – но очень много бедер, грудей и жадных губ.

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

P. P. S. Запутал ты меня со своим отпуском. Совсем уже теперь не понимаю, на когда заказывать путевки. Ладно. Вернусь – разберемся.

Письмо Бориса брату, 28 сентября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Вот я и дома. Съездил прекрасно, очень доволен, с удовольствием съезжу еще при первом удобном случае.

По поводу нашей дальнейшей жизни вообще и работы (по которой я страшно соскучился) в частности имею следующие соображения. Поскольку:

а). Здесь накопилась куча твоего барахла (миллион экзов «Авроры» и то барахло, что я купил в Польше);

б). Хочется пораньше получить сертификаты;

в). Надо поговорить и обсудить; и – главное –

г). Черновик сказки на мой взгляд требует тщ-щательной работы – работы именно вдвоем, а не прогулки пером мастера;

исходя из всего этого, я предложил бы встретиться в рабочем порядке в Москве – ненадолго, на недельку, скажем, а может быть, и меньше, прежде чем основательно собираться в Комарове. Ленку мы постараемся не обременять, а ночевать я готов – и с радостью – на кухне.

[1] Позднее публикация романа была продолжена: Ефремов И. Таис Афинская // Молодая гвардия (М.). – 1972. – № 7, 9–11.

Если ты в принципе не возражаешь против этого плана, то учти, пожалуйста, следующие обстоятельства:

а). Где-то через десять дней должен разродиться Калям, и мне придется выполнять свой тяжкий долг – топить котят;

б). Где-то в середине октября нагрянут в гости родственники, и было бы в высшей степени желательно сократить до минимума сроки нашего совместного пребывания. Поэтому, если ты, повторяю, в принципе не против встречи, то напиши мне письмо, из которого следовало бы, что ты рад меня видеть, но не раньше 15-го и не позже 20-го. Объяснение придумай сам. (А можешь, конечно, и не придумывать: ты вовсе не обязан объяснять мне свои семейные и деловые обстоятельства.)

Было бы очень хорошо, если бы ты согласился. Я бы привез тебе часть экзов и барахло – его не много, не надейся, но все же кое-что, всем сестрам по серьгам. И сказку бы мы привели в должный вид (соображений – конкретных – у меня пока нет, но будут, это я гарантирую). И решили бы наконец, что же нам писать в Комарове.

Новостей же у меня (за исключением польских, о которых – при личной встрече) никаких пока нет: приехал несколько часов назад, еще ничего не знаю.

Вот пока и все, крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. Купил ей очень хорошую куртку – антик с мармеладом, а не куртка! Вот только придется ли впору?

Письмо Аркадия брату, 3 октября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил с запозданием на два дня (судя по штемпелям). Сволочи почтовые, по обыкновению барахлят.

Итак:

Решительно необходимо, чтобы ты явился в Москву на предмет доработки ПвК. Но весь гвоздь в том, что Нина уже сдает альманах в производство. Я сегодня отвезу ей черновой

экз и попробую уговорить ее попридержать все хотя бы до 15-го, а там, может быть, удастся дотянуть и до 20-го, но во всяком случае было бы КРАЙНЕ желательно, чтобы ты был у меня не позже 12–13-го. Иначе либо сказка пойдет в черновом виде, либо придется вынимать ее из альманаха, что недопустимо ни по этическим (этим мы страшно подведем Нину), ни по практическим (они же денежные) соображениям.

Относительно удобств можешь не беспокоиться: будешь ночевать в кабинете на роскошной раскладушке с матрасом. В худшем случае будет немного холодновато, но мы в Комарове к этому привыкли, так? Никого ты здесь не стеснишь, наши пять дней в неделю на работе с утра до семи, гуляй – не хочу.

Лучше всего было бы, если бы ты выехал немедленно по потоплении Калямова потомства, т. е., как я понимаю, числа 8–10-го, и тогда мы успели бы пожить здесь и поработать недели две, ибо, уверяю тебя, работы накопилось очень много, и за одну неделю нам не справиться. Тут и сказка, тут и полученный нами заказ на статью о японской фантастике в Советском Союзе (по материалам издания «Мира», до 400 ру за лист), тут и проработка третьего варианта сценария. Так что уж будь любезен, приезжай как можно скорее и рассчитывай на срок не менее двух недель.

Это первое.

Второе:

23-го в Болшеве начнется симпозиум сценаристов-мультипликаторов, на котором мне совершенно необходимо быть. Продлится он до 3-го ноября. Я не знаю, как у нас дела с Комаровом, но желательно было бы, если бы тебе удалось приспособить нашу ноябрьскую встречу к этому условию. Что касается декабря, то с начала этого месяца я увожу Ленку отдыхать в Малеевку, иначе у нее горит отпуск.

Ленка очень рада, что ты приедешь, и мы поработаем не в Комарове, а у нас. С энтузиазмом расписывала, как нам тут будет неплохо.

Вот все пока.

Жму, целую, твой Арк. Привет Адке и Росшеперу. Ну и бас у него, по телефону я подумал, что это ты.

Маме письмо отправляю.

Письмо Бориса брату, 14 октября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Представляю себе, как ты там медленно стервенеешь, не слыша от меня ни гласа, ни воздыхания, как рушатся твои планы, седеют волосы и т. п. Но, черт меня побери совсем! Что я могу сделать, если подлец Калям и не думает рожать, хотя все сроки давно прошли. Ведь все было рассчитано. Девятого Калям рожает, я сразу же беру билет на 15-е и даю тебе телеграмму. Я даже не писал тебе, потому что не видел в этом никакого смысла. Однако сегодня уже 14-е, стервец ходит как бочка, но в ус не дует, и только время от времени принимается с диким воем гоняться за мухами, совершая чемпионские прыжки как в длину, так и в высоту. Уже пятый день я сижу абсолютно бездельно – все дела в поте лица уконтрапупил до 9-го, хотя пришлось бегать без памяти, чтобы успеть. Была надежда на сегодняшнюю ночь – нет, опять ничего. И я решил все-таки тебе написать.

В общем, я по-прежнему жду родов (другого выхода нет), потом беру билет на через день и сразу отбиваю тебе телеграмму. А ты уж извини, что так по-дурацки все получается.

Мне тут от безделья пришла в голову идея: а что, если дать ПвК под псевдонимом? Детгизу это довольно-таки все равно, а мы могли бы потратить на доводку и шлифовку гораздо меньше времени и энергии. Вот подумай-ка об этом и посоветуйся с Ниной. На самом деле: возиться с ПвК по-серьезному никакой охоты у меня нет (а у тебя, полагаю, и того меньше), работа эта в общем неблагодарная, ибо ни особых денег, ни тем более славы эта сказка нам не принесет, а о чем серьезно подумать – у нас таки есть. Ноябрь на носу, а идей – ноль. Я тут прочитал – так уж совпало – сразу две книжки

о фантастике (Н. Черной из Киева, и А. Урбана из Ленинграда, обе привезу) – там о нас много написано, много и хорошо, я как-то особенно почувствовал нашу ответственность и пр., а тут – ПвК. Смешно даже.

А больше новостей никаких нет. Брандис, вроде, закончил и отослал рецензию. Деньги в Авроре дали (очередные 200 с лишним), тебе обещали выслать еще в прошлую пятницу… хотя нет, в эту пятницу, 13-го. Кинорежиссер, намеревавшийся заняться ПнО, исчез, как это обычно бывает с кинорежиссерами. (А я из-за него, подлеца, раньше времени уехал из Польши.) Вот, пожалуй, и все новости.

Привезу тебе, окромя барахла, 35 экзов «Авроры» (гады, изуродовали третью главу, без спроса, без звонка, сами, засранцы, не сумели отстоять перед начальством), две книжки про ф-ку и ГО, как ты просил.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и извинения за опоздание и общую неопределенность.

Книги, которые упоминает в письме БН, вышли в этом же, 72-м году. Они каждая по-своему, но глубоко и интересно исследовали творчество АБС, со скидкой, конечно же, на идеологические реалии того времени (по-другому просто было нельзя). Цитировать эти книги весьма затруднительно – материала там о творчестве АБС действительно много, да и зачастую он настолько связан общей линией повествования, что сложно в нескольких абзацах дать завершенную мысль литературоведа.

Желающих прочесть интересные работы адресуем к полным вариантам книг, а здесь лишь пунктирно обозначим основное.

Из: Черная Н. В мире мечты и предвидения

<…>

Сравнительно мало изучена также специфика изображения будущего и современности в научной фантастике, их сложная динамика и взаимопереходы.

<…>

Симпатии же читателей полностью принадлежат таким «консерваторам от фантастики», как И. Ефремов и Стругацкие,

которые и в отдаленном будущем оставляют за человеком право на его внешний облик и на организм, полученный им от природы, тем более что будущее сулит нам большие перспективы в области совершенствования психики и управления собственным организмом, более полного использования возможностей мозга, продления срока человеческой жизни и т. п.

Человек живой и реальный, с неповторимым, индивидуальным обликом и душевным миром, со своими собственными, иногда забавными, иногда трогательными привычками и странностями, человек, который любит жизнь и умеет ценить ее и в радости, и в печали, ищет и ошибается, но имеет в себе силы признать и исправить ошибку, для которого чувство товарищества, доверие друга – самая высокая святыня и, наконец, человек, честно и неуклонно, но просто, без позы и рисовки исполняющий свой долг перед людьми – «далекими и близкими», – вот герой, с каким мы встречаемся в мире будущего, созданном Стругацкими на страницах их книг («Путь на Амальтею», 1960; «Стажеры», 1962; «Возвращение», 1963 и др.).

<…>

В фантастике Стругацких отчетливо заметно, даже порой полемически заострено стремление приблизить мир будущего к сознанию и чувствам современников, дать возможность читателю не только увидеть завтрашний день, но и освоиться в нем, «заболеть» его проблемами, осознать его как реальную жизнь, в которой свои трудности и свои заботы и в которой все в конце концов решает, как и сегодня, скромный и самоотверженный труд «рядовых» тружеников. Конечно, многое изменится, говорят писатели, жизнь в целом станет счастливее, свободнее и радостней, неизмеримо возрастут знания и расширятся возможности человечества, которое, покончив с голодом и нуждой, с истребительными войнами, враждой и недоверием, начнет наводить порядок на своей планете и в ее космических «окрестностях». Но жизнь останется жизнью, и на место старых, решенных встанет тысяча новых проблем, будут, как прежде, поражения, неудачи,

разочарования, но будут и находки и открытия; как в прежние времена, молодежь будет гореть жаждой романтики, и лишь пройдя суровую жизненную школу, приходить к выводу, что «главное всегда остается на Земле».

<…>

В целом картины будущего, представленные в фантастике Стругацких, отличаются высокой степенью художественной убедительности и силой воздействия на читателя, секрет которых заключается в трехмерности, объемности «третьей действительности», изображаемой писателями по аналогии с живой современной жизнью, а также в той близости, родственности ее читателю, которая достигается согласованностью изображаемого писателями будущего с современными представлениями и идеалами. Обращаясь к современнику, в первую очередь молодому, фантастика Стругацких внушает ему чувство ответственности перед будущим, а значит и перед каждым прожитым днем, так как будущее определяется настоящим и уже сегодня присутствует в мыслях и делах людей.

<…>

В повести [ТББ. – *Сост.*] сведены две эпохи – прошлого и будущего, разделенные по меньшей мере тысячелетием, а равнодействующая, как всегда у Стругацких, направлена в настоящее, способствует кристаллизации современного комплекса идей, созданию величественной панорамы пути, которым поднимается человек от дикости, варварства, костров средневековья, разгула реакции и мракобесия – к высотам разума и человечности. И в то же время полнокровная художественная ткань повествования, колоритность персонажей, многочисленные реалии быта, обстановки, стремительность развития действия, нарастания, накала противоречивых чувств в душе героя, неистощимый комизм ситуаций при глубоко драматическом характере основного конфликта способствуют созданию той иллюзии правдоподобия, которая так важна в фантастике, той живительной среды, из которой черпает свои силы идея повести.

<…>

У Стругацких в их повести «Попытка к бегству» находим научно-фантастическое переосмысление арабской сказки «Алладин и волшебная лампа». <…> Количество примеров можно было бы увеличить. Такое «переписывание заново» литературных и фольклорных сюжетов требует от писателя особой осторожности, литературного вкуса и чувства меры, в противном случае перелицовка и трансформация легко могут обернуться пустой пародией, профанацией бессмертных творений человеческого гения, навсегда запечатленных в художественной памяти человечества.

<…>

Очевидно, перспективнее в художественном отношении не полное и буквальное переписывание сказок, мифов или легенд, а использование в научной фантастике элементов сказочной образности. Наибольшей органичности такого сочетания удалось достичь Стругацким в их «сказке для научных работников младшего возраста» «Понедельник начинается в субботу».

<…>

И все же некоторые существенные особенности повести выделяют ее из массы современных научно-фантастических произведений, да и в творчестве самих Стругацких «Понедельник начинается в субботу» – вещь безусловно в новом роде.

Прежде всего необходимо отметить, что удивительные события, изображенные в повести Стругацких, происходят в настоящем и, если можно так выразиться, на глазах у общественности. Однако современная тематика разрабатывается у Стругацких иначе, чем в большей части современной научной фантастики. Если обычно писатели стремятся онаучнивать фантастику, чтобы придать ей максимум правдоподобия, то Стругацкие как бы поставили перед собой цель с помощью сказочной образности «расправдоподобить» науку, создать заведомо нереальные, немыслимые фантастические ситуации. <…> Зачем же понадобилась авторам такая

остраненно-фантастическая форма, если все или почти все изображаемые ими чудеса можно было осуществить в более правдоподобном и наукообразном виде, без труда подыскав им научные – во всяком случае по видимости своей – обоснования? Очевидно, эта форма как нельзя лучше отвечала творческому замыслу писателей.

В самом деле, представь писатели деятельность своего НИИ в несколько более реальном и конкретном виде, обозначь его научную специфику и тематику, – и изображение даже самых фантастических результатов его деятельности, которые к тому же необходимо обосновать научно, будет иметь тенденцию превращаться из средства в цель, из приема в тему, будет связывать руки авторам, задумавшим написать фантастическое иносказание о современной науке, о ее взаимоотношениях с человеческой мечтой о счастье, о ее человеческой ценности. Зато фантастика остраненная, сказочная, предоставляя писателям максимум свободы, помогает в то же время фиксировать внимание на самом главном – современном, актуальном содержании повести.

<…>

Из: Урбан А. Фантастика и наш мир

<…>

Не просто написать групповой литературный портрет. Парадоксальна сама по себе задача уяснить некую общую индивидуальность, общую личность двух человек, бросаться на поиски экспрессивно-эмоционального единства, где по логике вещей должна быть преимущественно цельность конструктивная. Когда читаешь повести и романы Аркадия и Бориса Стругацких, воспринимаешь авторов как одного человека, как цельную личность. Но когда думаешь о них, когда хоть немного их знаешь, то видишь другое: это очень разные люди, с разной манерой держаться, говорить, слушать, с разными привычками, обликом, профессиями. Интересно вот что: старший брат – не просто старший, не на год-полтора, а на восемь лет, на целую Отечественную

войну, в которой участвовал, был ранен; младший в ту пору был мальчишкой. Старший – филолог, знаток японской литературы, младший – астроном, оперирующий не иероглифами, а большими числами, точными понятиями, любящий аргументацию со множеством последовательных, не противоречащих друг другу доказательств. <…> Но биографии можно не знать и всего этого не заметить и, даже заметив, не быть уверенным в безусловной и бесспорной правоте. И уже совсем эти выкладки теряют смысл, когда подходишь к сути произведений. Здесь не покидает ощущение полного единства и согласия, органичности процесса работы над книгой, и, что особенно важно, работы совершенствующейся. Развивается художественное мастерство. Изыскиваются новые принципы. Захватывается новый материал. Вынашиваются и крепнут новые идеи. Тут уже, очевидно, мало говорить о согласованности убеждений, о добром сотрудничестве братьев-соавторов. Или о том, что достоинства первого дополняются достоинствами второго. Скорее всего – резким, определенным, непреклонным было влияние самого времени. Не в том примитивном смысле, что Стругацкие писали как бы под его диктовку, а в более сложном, когда трудно, почти невозможно обойти общие опасения, вопросы, успехи. И нужно отвечать на его требования так или иначе, прямо или косвенно, с юмором или драматическим пафосом.

<…>

Целая область умственной жизни с новой силой была захвачена романтическими стремлениями. Но романтические надежды связывались с точными науками и техникой, следовательно, опирались на устои сугубо практические, непреложные. Реализация новых идей казалась абсолютно неизбежной. А потому и эксперимент должен был последовать немедленно. При современном уровне техники он нередко был рискованным, результаты могли сказаться не сразу. Значит – нужен риск, возможны жертвы. И нужны герои, способные на риск. Люди, не боящиеся взять на себя ответственность за опасный шаг.

«Страна багровых туч» возникла в спорах тех лет. Они если и не определили навсегда писательский путь Стругацких, то во всяком случае дали материал для целого периода их работы: для повести «Путь на Амальтею» (1959), сборника «Шесть спичек» (1960), повестей «Стажеры» (1962), «Возвращение (Полдень, XXII век)» (1963). Это была начальная точка эволюции их идей, стремлений, художественных принципов.

<…>

Что касается коллизии Быков – Юрковский, здесь начинается важная тема, которая в ином плане, не в психологическом, а социальном, будет поставлена в повестях «Трудно быть богом» и «Далекая Радуга». Покамест же решается вопрос: что важнее, нужнее, в итоге результативнее – риск, жертва или отдающее себе отчет, обдуманное мужество, в любую минуту готовое встретиться с опасностью.

Три книги («Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры»), связанные между собой одними и теми же героями, так и не дают однозначного ответа. Оба характера динамичны, обогащаются от книги к книге. Спор идет серьезный, и долго нельзя определить победителя. Может быть, в этом споре по-настоящему и сказались индивидуальности братьев, когда сполна представленные аргументы – одним в пользу Юрковского, другим в пользу Быкова – не позволяют быстро исчерпать конфликт, присудив бесспорную победу одной из сторон.

<…>

В этой повести [ПНА. – *Сост.*] нет новых идей, новых концепций. Она движется инерцией «Страны багровых туч». И все-таки «Путь на Амальтею» примечателен для работы Стругацких. В первой повести заметна их писательская неопытность, заметны усилия, с которыми она писалась, этакая серьезность учеников-отличников, получивших самостоятельную работу. «Путь на Амальтею» написан легко, непринужденно, весело, свободно, с ощущением таланта и просто удовольствия писать, строить, делать вещь.

<…>

И вот в повести «Стажеры» (1962) – резкий и непредвиденный поворот.

<…>

С самого начала – это повесть размышлений, споров, обобщений. Уже в прологе спорят больной Дауге, окончательно отставленный от космоса, и Маша Юрковская, любимая когда-то им женщина. <…>

Спорят Иван Жилин и содержатель кабачка Джойс.

Жадно набрасывается на впечатления и пытается поместить их в свой наивно-благородный, несложный еще душевный мир восемнадцатилетний стажер Юрий Бородин, согласовать со своими представлениями о должном, желаемом, прекрасном.

На распутье находится тридцатилетний Иван Жилин, у которого после десяти лет космических полетов созревает новое решение.

Все время возвращаются к своему прошлому, думают, анализируют происходящее Быков и Юрковский.

<…>

Конфликты, таким образом, переносятся в другую сферу. Четверка «космических мушкетеров» сходит со сцены. И это – не только завершение одной из художественных задач, поставленных перед собой Стругацкими. Изменились их собственные мнения. Влияние техницизма кончилось. Человеческий мир нельзя усовершенствовать только с помощью машин и науки. Надо заниматься им непосредственно. В познании и устройстве жизни человека надо идти от человека.

Эти выводы меняют природу повестей Стругацких. «Стажеры» еще расслаиваются на главы, концентрирующие выводы, где в диалогах, спорах, самоотчетах сосредоточено самое важное, и на главы приключений, в которых герои проявляют себя, доказывают слова делом. Иван Жилин, еще недавно (в повести «Путь на Амальтею») работящий, сдержанный, серьезный ученик Быкова, здесь произносит длинные

поучительные речи перед Юрой Бородиным, оказывается порой в невыгодной роли резонера. Но важно другое – для Стругацких теперь ценно прежде всего интеллектуальное содержание повести. Им еще трудно свести действие и мысль в один узел. Еще не удается найти необходимую конструкцию, где фантастическая ситуация уже являла бы собой концепцию. Однако стремление к этому новому качеству выражено очевидно.

<…>

Она [повесть ПХХIIВ. – *Сост.*] являет собой попытку непосредственно взяться за земные дела, о которых только упоминается в «Стажерах». Однако, как это часто случается со Стругацкими, они идут дедуктивным путем. Заданное общее положение реализуется по частным, конкретным линиям, создается большая конструкция с незыблемыми устоями, которая потом может быть испытана индуктивным путем, от опыта. Так было построено техническое здание «Страны багровых туч» и разрушено в «Стажерах». Теперь, в повести «Полдень, XXII век…», строится новая модель.

<…>

В художественном плане это решение реализуется в социальной утопии – повести «Полдень, XXII век…». Оно пока что остановилось на той же высокой восторженной ноте, что и техническая утопия в «Стране багровых туч». Стругацкие как бы решают для себя общий вопрос: ради чего идет борьба, к чему стремиться?

<…>

Повестями «Попытка к бегству» (1961) и «Трудно быть богом» (1963) начинается новый период работы Стругацких.

Экскурсии в будущее вдруг сменяются трудными, трагическими возвращениями в прошлое.

<…>

Впервые, мне кажется, в этой повести [ПКБ. – *Сост.*] Стругацким удалось нарисовать характеры людей желаемого будущего. Без умиления, без идилличности, в серьезных

конфликтах, в сомнениях, перед лицом ответственных решений. У Антона и Вадима стойкий иммунитет ко злу. Они не подвержены этой заразе. Но вместе с тем отчасти утратили способность и узнавать его. Зло ведомо им скорее теоретически, оно для них ирреально и призрачно.

<…>

А скептический Саул ставит новые и новые вопросы, один сложнее другого. <…>

Это не столько рассуждения, сколько опыт. Писательский эксперимент поставлен Стругацкими с блеском. Повесть невелика – всего 120 страниц. Острый ее сюжет неотделим от мысли, от экспериментальной задачи. Повесть больше не расслаивается на действие и его истолкование. Каждый новый шаг героев не только очередное приключение, но познание, продиктованное встревоженной совестью, чувством человеческого долга.

<…>

В первой повести – «Стране багровых туч» – Быков еще мог думать, что он обязан спасти Юрковского, потому что Юрковский обладает уникальными знаниями о Венере.

В «Пути на Амальтею» подчеркнута другая мысль – друзья должны надеяться на друзей, друзья всегда обязаны броситься на помощь, спасая товарищей, идти на риск, делать невозможное.

В «Стажерах» в такой форме вопрос уже не возникает и возникнуть не может: в решительную минуту, рискуя, необходимо спасать человека, терпящего бедствие. Любого.

Повесть «Далекая Радуга» (1962) целиком сосредоточена вокруг этой темы.

<…>

Трагедия Камилла, человека-машины, может быть бедственной для людей. Стоит на один только шаг пойти дальше и представить, что у него появились бы желания. Не его, человеческие, а те, что соответствовали б возможностям машины. Она, вероятно, хотела б странного, чуждого человеку.

Научный эксперимент – к тому ведет содержание повести – не должен иметь надчеловеческих целей. Моральная сторона, какие бы выгоды ни сулил результат, не может сбрасываться со счета при решении рискованных научных задач.

<…>

Испытательная лаборатория «Далекой Радуги» – только пролог более трудного эксперимента. «Попытка к бегству» была первой разведкой, первой встречей с обществом, крайне нуждающимся в помощи. Повесть «Трудно быть богом» – следующий шаг. Научный эксперимент в природе сменяется социальным экспериментом. Ответственность экспериментатора-социолога усугубляется тем, что он имеет дело прежде всего с людьми. В «чистой» науке моральная сторона дела оказывается существенной в поворотные моменты, при открытии и испытании новых принципов. В остальное время она регулируется соблюдением техники безопасности, правовыми нормами в конце концов. Не то в эксперименте социальном. Здесь мораль всегда на одном из главных мест. Не может быть успешного социального эксперимента, основанного на аморализме, на попрании естественных прав человека.

<…>

Острые конфликты повестей Стругацких возникают из моральных проблем, сопутствующих общению разных цивилизаций. Проблем, не до конца еще решенных на Земле. Не ушли в прошлое колониальные войны. Не ушла в прошлое «политика силы» по отношению к малым народностям.

<…>

Повести Стругацких предостерегают против опрометчивых исторических решений. В наш атомный век это предостережение звучит актуальнее, чем когда-либо прежде.

И все же логика повести «Трудно быть богом» подводит к необходимости вмешательства. Но, как и в «Попытке к бегству», оно получилось бессмысленным. Казалось бы, уже изучены все подступы, все лазы, все варианты. И тем не менее один из них остался непредусмотренным, промедление –

гибельным, порыв отчаяния – усугубляющим ошибку. Если искать общие формулы, главную мысль этих повестей можно определить так: исторический эксперимент должен быть очень осторожным, всесторонне обдуманным и основываться на определенных данных внутри того общества, которое люди стремятся изменить к лучшему; добро на каком-то этапе должно принять активные формы.

<…>

В повести «Трудно быть богом» Румата спасал лекарей, поэтов, изобретателей, книжников… В «Хищных вещах века» речь идет главным образом о судьбе детей и тех, кто любыми средствами стремится взорвать трясину, заставить людей оглянуться окрест. Главная их забота – «вернуть людям души, сожранные вещами, и научить каждого думать о мировых проблемах, как о своих личных». Провозглашается одно из самых благородных вмешательств в жизнь – вмешательство культуры, науки, философии. Вмешательство идей, мировоззрения, педагогики. Оно помогает сохранить историческую память и уберечь созданные ценности.

Выводы эти и банальные как будто, и достаточно общие, но надо, между прочим, вспомнить споры тех лет, интересы нашей прозы, поэзии, публицистики. В своей фантастике, думая о будущем и оглядываясь на прошлое, Стругацкие учитывали интересы современности, касались вопросов, которые всех интересовали и широко обсуждались.

<…>

Стругацких интересует прежде всего общество и человек в обществе. Однако не в бытовом плане, не в тесно придвинутых к человеку локальных обстоятельствах. Их увлекают и тревожат перспективы, крупный план – судьбы мира и человечества. И они ставят мысленный эксперимент.

<…>

Герои Стругацких поставлены перед пространством и временем, перед смертью и бессмертием, добром и злом. Они живут в этих категориях, как в собственном доме. И без этого расширенного, увеличенного мира, без усиленной

остроты и могущества интеллекта, без облагороженных, испытанных на прочность чувств – жизни себе не представляют. Человеку и его бытию сполна возвращаются романтические стремления.

<…>

В известном смысле Стругацкие – писатели-моралисты. Слово это скомпрометировано наивными прописями и нравоучениями, которыми часто оснащаются беспомощные произведения. В данном случае речь идет о том его значении, в каком оно применимо к философу, неизбежно формулирующему свою систему морали. К писателю, не только исповедующему определенные нравственные принципы, но и рассматривающему их в новом аспекте, проводящему самостоятельное исследование человеческой души. Тут, между прочим, мы снова видим ярко выраженный признак романтического мышления – моральную и духовную централизацию проблем личности.

Однако взаимоотношения науки и морали на том не оканчиваются. Герои Стругацких – романтики современной индустриальной эпохи, эпохи, когда знания играют все большую роль в обществе.

Стругацкие не противопоставляют науку и мораль. Они не смотрят с сожалением назад, на детство человечества. Не поэтизируют благоденствие на лоне нетронутой руками людей природы. Мир становится иным. Он идет по другому пути. Бессмысленно хвататься за простодушную старину. Недоумевать, плакать, морализировать по поводу утраченной наивности – бесполезно.

<…>

Вот тогда-то [вторая половина 60-х. – *Сост.*] и начали они испытывать жанр гротескно-сатирической повести («Сказка о тройке») и то, что Стругацкие называют реалистической фантастикой, являющей образы смятенного сознания («Улитка на склоне»), приключенческой фантастики («Обитаемый остров»), фантастического детектива («Отель “У погибшего альпиниста”»), романа-предупреждения, ведущего

к новым встречам с неизвестным («Малыш»). Но это жанровое разнообразие не следствие рассеянности интересов и индустриализации профессиональных навыков. Это поиск обостренных эмоциональных решений. <…>

Отличие Станислава Лема от Стругацких в том, что он все больше склоняется в своей фантастике к философскому трактату, Стругацкие же, преодолевая публицистический рационализм, идут к эмоционально-психологическим ситуациям, к разнообразию эмоционально-нравственных проявлений человека в познании, действии, прогнозах. Это результат углубления творческого художественного начала.

<…>

Наконец, житейские препоны преодолены, и АБС вновь съезжаются работать. На этот раз – в Москве, в новой квартире АНа.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

«Человек – это душонка, обремененная трупом» Эпиктет (М. Туровская «Герой безгеройного времени», стр. 234)[1]

«Любовь ленинградцев…» ЛП, 19.01.51, пятница[2].

В главу о технократии:

1. Разврат, наркотики, безмыслие, религиозные дебоши.

2. Бунт молодежи, возврат к эксперименту.

3. Разговор с Гейгером о власти: чего он хочет; для чего ему власть? («Властьимущие делают не то, что они хотят, а то, что можно сделать, оставаясь у власти. Так меняются принципы, мировоззрение властьимущих. Все властьимущие – оппортунисты».)

---

[1] Туровская М. Герой «безгеройного времени» (заметки о неканонических жанрах). – М.: Искусство, 1971. Фраза из «Бесед Эпиктета (записанных Флавием Аррианом)» процитирована в книге Марка Аврелия «Наедине с собой. Размышления» (перевод С. Роговина). Эта цитата была любима Авторами и использована в ГО, ХС, ОЗ, а также в ПП Витицкого.

[2] Заголовок передовой номера «Ленинградской правды» от 19 января 1951 года «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична» будет использован в финальной сцене ГО.

Для ГО: уголовник с наколкой на лбу: «Раб Хрущева». Как ему делали пластич<еские> операции (Пермяк).

Если у еврея отобрать его религию, а у русского – веру в доброго царя, они становятся способны черт знает на что.

19 октября 72 года

Москва. Борис приехал.

Рассказывал о Варшаве.

Готовить:

1) Новосел

2) Menzura Zoili

Дневник палача – в ГО.

20–23.10.72

Болтовня и выпивки.

24–28.10.72

Идеи:

1) Утопия и антиутопия a la разные реалисты сегодня (Кочетов, Софронов, Солженицын [последнее – под вопросом]).

2) Человек (фокусник), которого приняли за пришельца.

29.10.1972

Борис уехал.

Письмо Бориса брату, 2 ноября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Надеюсь, ты уже прибыл. Надеюсь, съездил не совсем зря. Я тут эти дни носился по городу, как самашедший[1]. Имею сообщить следующее:

1. Путевки взяты. Первый день – 10-е; последний – 22-е. Нумера 18 и 20. Обязательно телеграфируй приезд.

2. В ЛенПравде некий Гребенщиков (бывший замглавного, впоследствии уволенный из штатов за приверженность, ныне преподаватель фак-та журналистики) обложил нас

[1] «Самашедшие деньги» – слова из сценки «А голова человеку на что?», входившей в спектакль «Светофор» Ленинградского театра миниатюр. Текст М. Жванецкого, роль А. Райкина. (Шире – произношение «самашедший» – одессизм.)

за ПнО[1]. Большой такой подвал – «Журнальное обозрение». Всех направо и налево хвалят, за исключением какой-то поэтессы, допустившей в своих стихах цыганщину, и, натурально, нас. Но в общем не очень. Не хватает, мол, социально-политического осмысления событий грядущего. Мрачный зловещий мир. Социально-политический фон безлик и невнятен, так что трудно говорить об общественно значимой направленности обличения этого мира. Прозрение Шухарта не подготовлено логикой, а также очень абстрактно и аморфно по своей сущности. Да и написана повесть стилистически небрежно и торопливо. В таком вот аксепте. Ну, я пошел в «Аврору» за экзами, повстречал там Андрея Островского, обложил его за произвол, он клялся, что его не было в это время, что мне наверняка звонили, а меня тоже не было (это, видимо, правда), «ты же понимаешь, старик!..», а что касается Гребенщикова, то это чепуха, традиционная ругань, в каждом таком обозрении обязательно хвалят прозу «Звезды» и «Невы» и ругают прозу «Авроры», нет, никакое это не указание свыше, конечно, тащите повесть, если у вас есть, только небольшую, листа на три-четыре… Народу набежало меня обнимать, улыбки, улыбки, экзы уже готовы, пожалуйста, Б. Н., будьте добры автограф, Б. Н., передай Аркадию привет и скажи, чтобы не обижался, вы ведь нам тираж подняли за два года на тридцать тысяч (т. е. на 30 %!), пойдем с нами обедать, старик… и т. д. Конечно, они чувствуют себя весьма неловко, но «ты же должен понимать, старик!..». Одним словом, в Ленинграде эта статья как указание, видимо, не рассматривается, а вот в Москве? По-моему, наши хилые шансы стали еще хилее.

3. Кстати, я совсем забыл про ПХХIIВ. Не забудь раздобыть и привезти.

4. Звонил на Ленфильм. Режиссер наш, оказывается, срочно доснимает фильм, а как только освободится, тотчас

[1] Гребенщиков А. Мир, в котором мы живем // Ленинградская правда (Л.). – 1972. – 29 октября.

кинется с нами беседовать. Я послал их в конец ноября. Повидался с Лешкой Германом. Он слегка уже оклемался, повеселел. Симонов пригласил его экранизировать свою последнюю повесть. Лешка берется, ибо для него это единственный шанс реабилитироваться с честью. Очень хотел бы снимать ТББ, но полагает, что сейчас сочетание Герман – Стругацкие может привести только к приступу падучей у начальства. Хотел я подсунуть ему сценарий ПНвС, а потом раздумал. Зачем? Ужо подсуну Авербаху.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке и Машке.

Анонс нового романа АБС, который будет публиковаться в журнале «Нева», породил вопросы. 2 ноября Борису Штерну, с которым БН вел постоянную переписку, было отвечено так:

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

По поводу нашего романа в «Неве» могу Вам точно сказать: липа. Никогда они у нас ничего не просили и ничего печатать не собирались (до сих пор еще не могут оправиться от фитиля, полученного за опубликование «Острова»). Просто позвонили и сказали: «Вы знаете, Б. Н., мы тут в Литературку дали, что ждем Вашего нового романа. Вы не возражаете?» – «Конечно, нет», – грустно ответил я, потому что такая публикация давала мне хоть тень возможности, а в нашем положении и тень пригодится. Вот «Юность», та, действительно, просила у нас что-нибудь и заранее сообщила, в той же Литературке, что «рассматривает». Мы дали туда «Лебедей», получили через месяц отказ и дело увяло.

Встреча же АБС, запланированная на середину ноября, опять не состоялась. Если в предыдущие разы мешали житейские обстоятельства, то на этот раз – оживившиеся дела в кино.

Письмо Аркадия брату, 11 ноября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

Вот как оно получилось. Впрочем, если принять во внимание, что ничего срочного мы не планировали, и если исключить некоторые морально-этические муки, которые тебе, несомненно, пришлось принять в возне со сдачей путевок, страшного произошло мало. Так что не огорчайся – всяко бывает. Причины же, подвигшие меня на такое решение, следующие.

1. В последние дни в Болшеве я коротко сошелся с ребятами из украинского научпопа и мультипликации, которые с большим энтузиазмом рассмотрели заявки на «Встречу миров», «Пришельца» и «Невидимок». В частности, это их главный редактор и руководитель студии Евгений Петрович Загданский и ведущий мультипликатор Володя Дахно. Знающие люди сказали мне, что в отличие от Довженки это всё люди серьезные и влиятельные. Они при расставании пообещали мне, что рассмотрят заявки с местным начальством (в Комитете) в течение недели-двух и, если все будет о-кей, срочно будут вынуждены вызвать меня в Киев для уточнений и гонорарных дел – срочно потому, что у них горят планы и это необходимо им самим.

2. По договоренности с Хитруком я по делам ПвК был вчера в студии, куда нам назначено было директором и главным редактором, чтобы двигать затянувшееся дело наше. Заявку на новый вариант («Предатели Земли») они приняли с энтузиазмом, но опять встал проклятый вопрос: новый договор заключать нельзя, пока не запущен или не закрыт старый, а для запуска старого нет режиссера, для закрытия же его нет оснований. Впрочем, сказку ПвК в прозе они приняли с восторгом как второй вариант. Прели мы в директорском кабинете два с лишним часа, и тут Хитрук нашел сильное решение: провести «Предатели Земли» как госзаказ. Если это удастся, тогда: а) договор переделывается из расчета 3 тыс. на расчет 5–6 тыс. с выплатой разницы

аванса и, м. б., еще 10 %; б) студия откажется от всех прав на прежний вариант ПвК. В понедельник мне идти в студию составлять расширенный вариант заявки под руководством зав. сценарным отделом для предоставления в Комитет (Хитрук с директором отправятся с нею к Павленку и к Баскакову). Если дело выгорит, мы на коне.

3. Позавчера у меня состоялась встреча с Инной Туманян (ее, между прочим, должен знать Леша Герман, они, по ее словам, в хороших отношениях). Главный студии им. Горького призвал ее с просьбой сделать детский или юношеский фильм в двух-трех сериях для телевидения и предложил обратиться прямо к нам. Свела нас Наташа Венжер, руководитель семинара в Болшеве. Договорились встретиться снова через неделю, когда она прочитает ДоУ, М и ПвК. Здесь речь идет об игровом фильме. Эта Инна мне понравилась, у нее хорошая репутация среди наших друзей, а на студиях репутация человека, который ни шагу не ступает без оплаты.

Заметь, все это может оказаться пустышкой, потому что сам знаешь, какое положение сейчас в кино. Но может что-то и выгореть. Если в результате мы получим хоть несколько сотен, я буду считать, что дело сделано.

Мне от тебя срочно, как можно скорее нужно:

10 экземпляров «Авроры» № 10.

Экземпляр сценария ПНвС.

Экземпляр сценария ДоУ.

Постарайся, не задерживай.

В случае если и когда что-нибудь выгорит, я приеду сразу в Ленинград на дня 3–4, чтобы уточнить с тобой детали, а потом уже в Малеевке, куда надеюсь попасть с Ленкой в декабре, займусь черной работой.

Вот пока все. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Ленка и Машка шлют тебе сердечные приветы.

Письмо Бориса брату, 14 ноября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то пришло твое письмо. Я уж было начал беспокоиться, тем более что письмо маме пришло уже позавчера.

1. Очень рад, что у тебя там разворачивается такая бурная деятельность. Если в результате образуется даже по 500 на рыло, и то будет хорошо. А путевки я сдал и стоило это мне лишь десяток насильственно-веселеньких улыбок да несколько удержанных рублей. Если все будет хорошо, поедем в генваре – заявление я ужо подам.

2. Главное, что я тебе завещаю: НЕ ЗАБЫВАЙ О ПСЕВДОНИМЕ! Псевдоним в «Мире Приключений» обязателен. Псевдоним в мультяшках крайне желателен. Обоснования мы уже сформулировали: а) нежелание привлекать внимание начальства; б) новая для нас и особая форма деятельности. Будь, пожалуйста, настойчив и тверд.

3. «Аврору» тебе мамочка уже выслала. Что касается сценариев ДоУ и ПНвС, то я позволю себе подождать подтверждения о необходимости высылки, ибо и то и другое у нас в единственном экземпляре, и рисковать посылать такие вещи по почте можно лишь в действительно необходимых случаях.

4. Я тут тоже ходил давеча на Ленфильм, встречался с режиссером Авербахом. Встреча носила прощупывающий характер. Он мне понравился: умный, совершенно современный и деловой человек Лешкиного возраста, столь же талантливый, но более умелый и потому заканчивающий сейчас уже третий фильм (хотя все три его фильма не стоят, кажется, одного Лешкиного). Он давно хочет иметь дело с нами, причем привлекает его воссоздание на экране какого-нибудь из наших миров. Миры ему наши нравятся, понял? В общем, договорились, что к 1 декабря он заканчивает свой фильм и начинает вплотную думать над ПнО или ХВВ. Или над чем-то средним из всех наших вещей. Результат встречи, как видишь, жиденький, но я убедился, что он действительно хочет работать с нами и задача только в том, чтобы придумать

финт. Человек он совершенно деловой и даром работать не намерен.

5. Причитается нам по 200 с лишним за ПнО. Я еще не получил – опоздал, пойду получать числа 20-го и заодно проверю, послали ли тебе. Кстати, предыдущую выплату ты получил?

6. Звонил Никольский из «Авроры», снова просил что-нибудь листа на 3–4, «но можно и больше». Я ответил неопределенно.

7. Напоминаю еще раз, что хорошо бы мне иметь экз ПХХIIВ. Пока еще не требовали, но могут скоро потребовать в Лендетгизе.

8. Звонил Брандис. Он получил письмо от Белы, где сказано: «Ваша рецензия хороша и вполне может составить основу для будущего предисловия». Хорошо бы тебе наведаться в МолГв, узнать, как там. Кроме того, Брандис спрашивал, нет ли у тебя знакомств в московских журналах, где он мог бы устроить переделанную из рецензии статью о ДоУ, М и ПнО. Подумай. Может быть, З-С, где Подольный? Или «Смена», где С. Абрамов? Или еще где-нибудь? И он заработает, и нам польза.

9. Хорошо было бы также, если бы ты заглянул в Межкнигу и напомнил о нас. Вполне допускаю, что деньги там лежат, а нам ничего не сообщают.

10. Сегодня получил письмо от Ирены Левандовской. С ДоУ она покончила и сдала перевод; издание можно ожидать весной. ПнО намерена закончить к февралю-марту. Передает тебе привет от себя и от своего мужа Витольда.

11. Был тут у меня Юрка Манин, наш простой советский Валентин Пильман. Отлично посидели за чайком часа три. И без никаких спиртных напитков!

12. Можешь передать Нине (когда будешь напоминать ей насчет псевдонима), что ключ, который я ей прочил, оказался без всяких надписей. Штопор в ём есть, а надписей нет.

12. Что слышно о ПнО в «Знании»? Не подгадила ли Лен-Правда?

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машенции – привет!

Письмо Бориса брату, 16 ноября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе внеочередным образом вот по какому поводу. Адку отправляют в командировку в Москву. Это будет где-то в начале недели, в начале 20-х чисел. Ненадолго – день-два. Так вот, не могла бы она у вас ночь-две переночевать? Уходить будет рано, приходить поздно, хлопот с нею никаких, а? Телеграфируй, пожалуйста, ваше решение, и если будет «да», то Адка телеграфирует в свою очередь, когда возьмет билеты (не для того, чтобы ее встречать, а чтобы вы точно знали, когда она у вас появится). Тогда бы я вместе с нею отправил рукописи сценариев, а то страшно.

Новостей у меня никаких не появилось.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Аркадия брату, 20 ноября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Теперь моя очередь восклицать: наконец-то пришло твое письмо! Долго идут письма – ты опустил свое 14-го, а пришло оно (вместе с письмом об Адке) только вчера – 19-го. Ладно, что сетовать.

1. О псевдониме не забыто и уже договорено. А. Ярославцев[1]. Это твердо. В процессе (верстка, сверка и пр.) добавочно прослежу.

2. «Аврору» получил, передай маме большое спасибо. Пустил в дело. Сценарии буду ждать с Адкой. Надо бы их перепечатать. Будет время – так и сделаю.

3. Предыдущую выплату по ПнО получил, последнюю еще нет, точнее не был еще в сберкассе.

4. Экз ПХХIIВ непременно достану.

[1] Окончательный вид псевдонима – С. Ярославцев, где инициал «С» соответствует фамилии Авторов, как и в прочих их псевдонимах: С. Бережков, С. Победин, С. Витин, С. Витицкий. (Единственное исключение – перевод «Старых капитанов» У. Джекобса, подписанный А. Н. Бережковым.)

5. Беле звонил. Она обещала попытаться провернуть договор на нынешней неделе, до ухода Жемайтиса в отпуск (это 26-го). Только я им мало верю. Справлюсь еще. Что касается Брандиса и его статьи, то можно сделать попытку к Ревичу в «Лит. обозрение» или в «Смену» к Сереже Абрамову. Попробую.

6. В Межкнигу днями звонил, ничего нет.

7. Насчет ПнО в «Знании» знаю только, что рукопись на рецензии у Рима Парнова. Очень интересно, каков будет исход. О статье в ЛенПравде здесь не знает никто.

8. С 1 декабря и до 24-го мы с Ленкой будем в Малеевке, путевки нам дали-таки. Сейчас ползу в поликлинику высвечивать кишки. А там поблизости живет Агранович, зайду к нему и начну всех обзванивать.

9. Был у меня интересный разговор с Ильиным. Все подробно перескажу Адке, а тогда она тебе, и посмотрим, что по этому поводу делать. Дело, коротко говоря, аналогично позапрошлогоднему, только теперь уже насчет ГЛ.

Кажись, все. Жму и целую, твой Арк.

Привет своим. Поцелуй мамочку.

О происхождении псевдонима «С. Ярославцев» рассказывает легенда, изложенная в шуточной энциклопедии об АНе.

Из: АНС-энциклопедия

Псевдоним «С. Бережков», которым Аркадий Натанович подписывал свои переводы, возник от того, что много лет Аркадий Натанович жил в Москве на Бережковской набережной. Аналогичным образом возник и один из псевдонимов Бориса Натановича – «С. Победин». Борис Натанович в Ленинграде жил и живет по сей день на улице Победы. Происхождение его второго псевдонима тоже не составляет тайны. «С. Витин» был образован от перевода слова «победа» на английский – «виктория». Но вот со вторым псевдонимом Аркадия Натановича далеко не все ясно. Легенда гласит,

что один из его друзей, встречая Аркадия Натановича из Ленинграда, задал ему вопрос о происхождении псевдонима «С. Ярославцев», когда они вышли из здания Ленинградского вокзала в Москве на Комсомольскую площадь.

– Неужели не ясно? – поморщился Аркадий Натанович. – Вот Ярославский вокзал, – показал он рукой, – напротив – Казанцев, тьфу, Казанский вокзал.

Но если псевдоним – это, так сказать, шуточки, то завуалированное известие, изложенное в конце письма АНа («Дело, коротко говоря, аналогично позапрошлогоднему, только теперь уже насчет ГЛ»), было весьма серьезно. Позапрошлогоднее дело – это публикация СОТ без ведома Авторов в эмигрантском издательстве «Посев». Теперь ситуация повторялась…

Вот что писалось в альманахе «Грани»:

От редакции

Мы предлагаем вниманию читателей фрагмент новой фантастической повести братьев А. и Б. Стругацких «Гадкие лебеди», которая циркулирует в Самиздате по Советскому Союзу.

Это антиутопическое произведение авторов «Улитки на склоне»[1] и «Сказки о тройке» (см. Грани № 78), содержащее в себе, главным образом, широко развернутый социально-идеологический элемент, адресуется также к зрелому читателю, легко улавливающему подтекст. Хотя действие повести разыгрывается в некоем тоталитарном государстве с черновыми общими чертами капиталистического строя, специфика описываемого общества разрешает все сомнения относительно того, кого именно авторы подразумевают. Главный персонаж повести – преуспевающий модный писатель Виктор Банев, показной фрондёр с оппортунистическими замашками. Попав в несерьезную опалу, он приезжает в город своего детства. Жители этого загнивающего от постоянного дождя города сильно взбудоражены таинственным влиянием на их детей, оказываемым генетически больными

[1] См.: Аркадий и Борис Стругацкие. Улитка на склоне. Сказка о тройке. Франкфурт-на-Майне: Изд-во «Посев», 1972. – Грани.

«мокрецами» – презираемыми и могущественными в своем интеллектуальном развитии существами из расположенного в окрестности лепрозория. Банев соглашается на авторскую встречу с учениками школы, в которой учится его дочь от расторженного брака, Ирма.

Повесть будет полностью опубликована издательством «Посев» без ведома и согласия авторов.

Из архива. Из ответов БНа польской прессе, 2005

<…>

В семидесятые годы на Западе был опубликован перевод повести «Гадкие лебеди». Какова история этой публикации? Действительно всё произошло без ведома авторов?

– Все действительно произошло без ведома и против желания авторов. Только уже в самые новейшие времена мы узнали, кто переправил «Лебедей» на Запад, а до того – даже не догадывались. Ничего, разумеется, не имея против таких публикаций вообще, мы всегда были откровенными противниками таких действий для себя лично: писали только для России и только в России хотели публиковаться.

<…>

Письмо Бориса брату, 20 ноября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Сценарий ПНвС высылаю с Адочкой. Что же касается сценария ДоУ, то у меня его, оказывается, нет. Только сейчас я вспомнил, что свой единственный экз я в свое время передал тебе, а ты кому-то сунул, кто не вернул. Так что последняя надежда, что остался экз у Лешки. Сейчас это не проверишь – Лешки нет в городе, – но буде возникнет настоятельная необходимость, найдем.

Так я и не дождался от тебя письма, которое ты обещал прислать (по словам Дмитревского). Так что зачем тебя вызывал Ильин и что именно в порядке (по твоим словам со слов Дмитревского) – остается для меня жгучей тайной.

У меня все по-прежнему. Отпихиваюсь от приглашений выступить, пишу письма читателям, копаюсь в марочках и жду новостей от тебя.

На всякий случай рутинные вопросы:

1. Что в МолГв?
2. Что с ПнО у Севки?
3. Был ли ты в Межкниге?

Пользуюсь случаем напомнить:

1. Не забудь обеспечить псевдоним в Детгизе.
2. Не забудь экз ПХХIIВ. Можешь передать его с Адкой.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке и Машке.

P. P. S. Было бы также очень неплохо, если бы ты прислал с Адкой рукописный экз УнС.

Письмо Аркадия брату, 24 ноября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик!

Хотел все нижеследующее передать с Адкой на словах, однако тут выяснилось, что память у твоей супруги – ой-ёй-ёй. Так что главное доверяю бумаге, а ты уж сам усмотри, сжигать ее по прочтении аль нет. И вообще насчет всевозможных мер касательно твоих преступных связей.

1. В понедельник 13-го я был у Ильина. Перед этим (вот совпадение!) я отнес в «Мир» рецензию, и тут Девис, криво ухмыляясь и глядя в угол, рассказал: во Франкфурте-на-Майне имела состояться выставка книгопродукции издательств ФРГ, всяких там ферлагов. От нас выставку посетили Мелентьев (ныне зам. председателя ГК по печати) и руководство «Мира» и «Прогресса». Добрались до стенда издательства «Посев». Выставлено пять книг: Исаич[1] «1914», двухтомник Окуджавы, реквизированный Гроссман, «Семь дней творения» В. Максимова и Мы с Тобой «ГЛ». Поверх всего этого – увеличенные фотопортреты авторов вышеперечисленных и, якобы, подпись: «Эти русские писатели не примирились

[1] Солженицын Александр Исаевич.

с существующим режимом». (Гроссману-то легко не примиряться!) Ну прямо от Девиса пошел я, судьбою палимый[1], к Ильину. Думаю, быть мне обосрану, а нам – битыми. Ан нет. Встретил хорошо, даже за талию, по-моему, обнял, не за стол – в интимные угловые креслица усадил и принялся сетовать на врагов, которые нас так спровоцировали. Ласков был до чрезвычайности[2]. Коротко, все сводится к тому, что нам надобно кратко и энергично, с политическим акцентом отмежеваться. Эту бумагу должен составить ты, перешлешь ее мне (это не опасно, сам понимаешь), а я уж понесу ее к Ильину и буду тянуть. Правда, честно говорю, обозлился я очень. Далее. Ильин, оказывается, нашу позапрошлогоднюю бумагу либо вообще не подавал в Литературку, либо ему ее завернули. Она у него в моем досье. У всех писателей досье как досье – тоненькая корочка с десятком бумажек, а у меня – в три пальца толщиной. Да. Затем он решил показать мне образцы изданий «Посева» и «Граней» и вытащил было из сейфа целую кипу книг, но тут в кабинет с воем и рыданиями ввалилась куча ужасных старух и навалилась на него. Требовали, чтобы В. Инбер хоронили на Новодевичьем, а не на Ваганьковском. Шум начался ужасный, и Ильин, поглядевши на меня, руки развел. Я удалился.

2. Как стало достоверно известно, Петр Якир, просидев на площади около месяца, вдруг затребовал свидания с дочерью и, оное получив, велел передать ей, что в корне изменил свои убеждения и просит всех своих прежних сторонников своим сторонником его, Петра Якира, не считать. После этого он принялся закладывать ВСЕХ. Повторяю: ВСЕХ. Московские диссиденты сидят по углам и трясутся от страха и злости. Это мне показалось важным, прошу тебя иметь это в виду и, если есть у тебя основания, сделать выводы.

3. В эти дни по-видимому решается судьба сборника в МолГв. В понедельник С. Жемайтис вторично подписал

[1] Реминисценция из стихотворения Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда»: «…И пошли они, солнцем палимы…»

[2] Ср.: «пушист до чрезвычайности», И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев» (ч. 2, гл. 23).

наш договор (впервые он подписал его в прошлом году, но его завернули). Снова дожидаются какого-то идиотского обсуждения плана 74-го года, от которого, якобы, все зависит.

Вот пока все главное. Срочно отпиши, а то я уезжаю в Малеевку. С трудом наскреб денег на путевку, нынче иду выкупать.

Жду письма. Целую, жму, твой Арк.

P. S. С Адкой посылаю «УнС». «Полдень» дошлю до конца месяца.

P. P. S. Ышшы и скорее высылай сценарий ДоУ. Должон быть![1]

Письмо Бориса брату, 25 ноября 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Предлагаю следующий текст заявления в ЛитГаз:

«Как нам стало известно, антисоветское издательство «Посев» опубликовало недавно нашу фантастическую повесть «Гадкие лебеди». Эта акция, произведенная без ведома и согласия авторов, явно преследует провокационные политические цели и являет собою образец самого откровенного литературного гангстеризма. Мы категорически протестуем против использования нашего творчества названным издательством. Мы с полной определенностью заявляем, что не желаем иметь с названным издательством ничего общего. Мы самым решительным образом требуем, чтобы подобные провокационные акции, мешающие нашей нормальной работе, не повторялись впредь».

Некоторые соображения: а) мне кажется, не стоит упоминать о том, что ГЛ не опубликованы. Кто это знает, тот знает, а кто не знает, тому и знать не надо. б) фразу «мешающие нашей нормальной работе» очень хотелось бы сохранить. Выпад «Посева» – это не только антисоветский выпад, это еще и выпад против нас лично, и соответствующий акцент должен иметь место в заявлении. в) данный вариант, мне

[1] Анекдот «Ишши, должон быть!»

кажется, должен Ильина удовлетворить. Если же будут замечания и исправления, сообщи их мне, а сам уж поезжай отдыхать. Я буду формулировать дальше. Методом последовательных приближений. «Медленно и методично», как говорил ареолог Ливанов[1].

2. Удивительная, скажу тебе, история с Дмитревским! Он позвонил мне 16-го и сообщил примерно следующее. «Сижу я с такими-то и такими-то в ЦДЛ. Тут входит Аркадий, бледный и красивый[2]. Нервный. Я говорю ему, что́ не приезжаешь в Ленинград? Он говорит, а чего я там не видел? Я обиделся и говорю ему, что не надо плевать в колодец, что издают вас пока только в Л-де и пр. Тут он говорит мне – передайте Борису, что я был у Ильина и что все в порядке, а подробно я ему напишу в письме». Ну, мы с Дмитревским поломали головы, ничего не придумали, а потом пришло твое короткое письмо, о чем я Дмитревскому и сообщил при его втором звонке где-то в районе 22–24-го. Он очень сочувствовал, клял «с-сволочей» и снова советовал написать оптимистическую повесть (он как раз составляет сейчас сборник для Лениздата). Советовал также обратиться в Москве к Косаревой, которая сейчас курирует от ЦК как раз студию детско-юношеских фильмов и мультфильм. Это, между прочим, идея неплохая, ты подумай. Но как все-таки могло получиться, что ты (по словам Адки) ничего не помнишь об этом разговоре. Тут одно из двух: или ты был пьян, как Банев, или наш Дмитревский – баальшой хитрец!

3. Так я и не понял: получил ты деньги за СЕНТЯБРЬСКИЙ, 9-й, номер «Авроры»? Вроде бы пора и получить. За октябрьский номер деньги тебе переведены 19-го ноября – что-то вроде 215 ряб.

4. Что-то ты ничего не пишешь про киношные дела. Видно, дело дрянь. А меня тут Лешка подбивает на кой-какую халтурку. Может быть, и соглашусь. Деваться-то некуда.

---

[1] Автоцитата из «Стажеров».

[2] Цитата из стихотворения Н. Гумилева «Влюбленная в дьявола»: «Что за бледный и красивый рыцарь / Проскакал на вороном коне».

5. Сценарий ДоУ я, конечно, искать буду. Лешка говорит, что у него должон быть, правда, только первый вариант. Так что достану я в ближайшую неделю ДоУ-С. Но сейчас посылать его, наверное, не имеет смысла, раз ты уезжаешь. Сообщи мне, все-таки, действительно ли это так серьезно и нужно. Если да, то я постараюсь найти машинистку и за это время распечатать. Я ведь чего боюсь: прочтут они сценарий, нос отворотят и – в сторону. Да еще и последний экз затеряют. А ведь договор можно и под повесть заключить, если есть желание и возможность.

6. Что-то мне Адка смутное говорила, что ты, вроде, и в январе не поедешь в Комарово. Ты что это, брат? Саботаж? А? И уж во всяком случае предупреди заранее.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Большой привет Ленке и Машке.

И спасибо, что Адку так хорошо приняли. Ей очень у вас понравилось.

Письмо Аркадия брату, 28 ноября 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

Утром получил твое письмо, напечатал наше послание «Литературке» и сел за ответ.

1. Был в Межкниге. Мюнхенское издательство «Вильгельм Гейне Ферлаг» напечатало наш ТББ массовым тиражом в покетбуковской серии, мне вручили два экза, из коих я один сегодня же переправляю тебе вкупе с ПХХIIВ. Оказывается, Фомин наш не перешел на другую работу, а находится в длительной командировке в ФРГ. Я настойчиво спрашивал хмыря, с которым разговаривал, насчет денег, он только мычал и отделывался утверждениями о своей некомпетенции. Ну, ты их знаешь. Тем не менее у меня создалось впечатление, что они нас водят за нос. Я предлагаю незамедлительно писать во все эти ферлаги с требованием договорных сумм, сам же я намерен сейчас же написать заведующему западной конторой Межкниги возмущенное письмо (возмущенное в адрес

упомянутых ферлагов) с просьбой совета, не написать ли нам письмо хотя бы в «Шпигель», разоблачающее финансовые махинации акул ротационных машин[1]. Посмотрим, что он ответит. Все-таки не исключено, что акулы есть акулы и платить действительно не торопятся. А если это не так и деньги зажилены этими пройдохами, то он должен предотвратить скандал каким-то образом. Ты же немедленно пиши в ферлаги. Думаю, к концу декабря картина прояснится.

2. Одновременно высылаю тебе рукопись сценария «Трижды смертник». Поясняю. Это та самая рукопись, которая была похерена в Кишиневе. Как ты, вероятно, знаешь, все кишиневское руководство полетело. С другой стороны, как я только что узнал, в ГК по кино первого января заканчивается закрытый конкурс на сценарии на рабочую и колхозную тему. Наши друзья настоятельно посоветовали нам кинуть туда этот сценарий («Принимают сценарии и куда худшие, у вас хоть литература настоящая») и они же побеспокоятся насчет блата в жюри. Твоя задача: пройтись по сценарию рукой мастера, перепечатать в трех экзах, один экз оставить себе, а два первых отправить безымянно по адресу: Москва, Гнездниковский переулок, Государственный комитет по кино, на конкурс. Никаких фамилий, только девиз. Девиз не спутай, по нему нас узнают: «Будущее с нами». Вероятно, можно было бы придумать лучше, но нет времени. Обратного адреса, естественно, тоже не давай. Отправь заказным. Понимаю, работа тяжкая, скука смертная, но жить-то надо. Перемогись. Пошли не позже пятнадцатого декабря, а то рукопись опоздает, и все будет впустую. Да, еще: измени как-нибудь название и сообщи мне по адресу: г. Руза Московской области, Дом творчества им. А. С. Серафимовича. По этому же адресу будешь вести со мной переписку до 24-го декабря.

[1] Реминисценция из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: «Эти акробаты пера, восклицал он, – эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин…»; «– Эти акробаты фарса, эти гиены пера! Эти виртуозы ротационных машин!» (ч. 1, гл. 13).

3. Где-то в январе-феврале будет конкурс на лучшее кино для юношества. Наши друзья нас в этот конкурс включили. Думай. Я тоже буду думать.

4. Французский журнал «___» (что-то вроде ихнего литобозрения) опубликовал статью «Убить время» некоего Пьера Феррана, в которой сообщается, что издательство «___» выпустило нашу УнС. Судя по тому, что в книге нашей только 210 стр. и судя по отзыву, они опубликовали опять-таки только Перецовскую часть. Отзыв очень похвальный. И тут же обматерили Артура Кларка. О нас, в частности, пишут: совершенно непривычное для западного читателя сочетание печального юмора Гоголя с полностью модерновым мировоззрением.

Вот, кажется, все. Не забудь, сценарии, получившие премии, будут ставиться в обязательном порядке. Хотя бы и под псевдонимом. А премии уже и сами по себе аппетитные.

Все. Бегу к Ильину.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

ПН[1]. Нынче принимают в союз Сержа Абрамова, он очень просил быть. Там я с ним заодно поговорю и насчет Брандиса.

Что касается истории с Дмитревским, то я решительно не понимаю, в чем тут дело. Я очень редко напиваюсь в ЦДЛ, а уж так напиться, чтобы не помнить встречи с человеком… Не знаю. Не знаю.

Вскоре начинаются столь ожидаемые Авторами подвижки со сборником в «Молодой гвардии». 8 декабря Бела Клюева пишет АНу (по необходимости – официально).

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Высылаю вам рукопись сборника ваших фантастических повестей «Неназначенные встречи» вместе с рецензией Е. Брандиса.

[1] После написанного.

Мы уже говорили с вами в редакции о каждой из предлагаемых в сборник повестей.

В первой повести «Дело об убийстве» необходимо, на наш взгляд, поработать над концовкой. В представленном варианте объяснение всех событий в повести сводится к тому, что, мол, это Пришельцы, не искушенные в земных хитростях, попались на удочку гангстерам капиталистического государства, наделали глупостей и сбежали от всей этой путаницы в свой мир. Концовка после очень обстоятельного, увлекательного, полного забавных приключений рассказа выглядит случайной, сделанной наскоро. Будто авторы сначала сами увлеклись этой историей, потом она им поднадоела, и они поспешили как-нибудь закончить ее. Кроме того, есть кое-где в повести места пошловатые, двусмысленные – они отмечены на полях рукописи.

Вторая повесть, «Малыш», очень интересна по идее. Подвиг советских ученых, их самоотверженность и верность коммунистическим идеалам в тяжком труде освоения далеких планет нарисована вами в повести ярко, убедительно. Вам нужно только поработать над языком, отдельными эпизодами. В частности, нас смутила схожесть некоторых сцен повести с Лемовским «Солярисом» (появление Малыша, фантомы). И тут тоже, пожалуй, стоит подумать о более четкой концовке.

«Пикник на обочине» – повесть о зарубежном герое, работяге, подверженном всем влияниям капиталистического мира, в котором он родился и существует. Но вот он встретился и какое-то время поработал с советским ученым, поверил в его идеалы и пережил трагедию его гибели. История перерождения этого человека, его превращения в активного противника капиталистических порядков составляет содержание повести. Контрпропагандистская направленность этой повести выражена четко. Требуется почистить ее язык от жаргонных словечек, нам кажется несколько растянутым начало повести, лишним эпизод с Рэдриком Шухартом, когда он отказывается

от посещения – законного – зоны, потому что полицейский напомнил ему о прежних его «подвигах» на этом поприще. Кроме того, вам придется восстановить первую часть рукописи, так как мы использовали ее для 25-го тома Библиотеки современной фантастики.

Просим также учесть замечания, высказанные в рецензии Е. Брандиса.

В конце января 1973 года надеюсь встретиться с вами для дальнейшей совместной работы над рукописью.

С уважением Б. Клюева.

Письмо Бориса брату, 13 декабря 1972, Л. – Руза

Дорогой Аркашенька!

Одновременно с этим письмом высылаю сценарий на конкурс. Об «пройтись рукой мастера» здесь не могло быть и речи. Ни рука, ни нога, ни более даже мощные и плодотворные органы какого-либо мастера не способны были за столь короткий срок исправить этого Горбатого. Надо сказать, затея твоя изначально показалась мне бредовой (ну пусть, ну ладно, но какое все это имеет отношение к конкурсу на РАБОЧУЮ и КОЛХОЗНУЮ тему?!), но я понял, что спорить бесполезно и даже бестактно, что твои трепливые друзья снова тебя убедили в чем-то несусветном, а посему, не проходясь никакой рукой, исправил срочно хорошее название на совсем уж говенное («Товарищ Павел») и стал искать машинистку. Сейчас вот выправил экзы, напечатал титульный лист, наклеил на папку бумажку соответствующего содержания (что, мол, на конкурс такой-то при девизе таком-то) и пошлю заказным. (Еще неизвестно, как у меня примут заказную бандероль без обратного адреса.) Идея моя такова: если чудо свершится и этот Горбач получит шанс на экранизацию – сядем вдвоем (или с режиссером втроем) и приведем в более приличный вид: выправим, сколько возможно, позвоночник, соскребем лишаи, наведем косметику и пр. А нет – так нет.

Что касается конкурса на лучшее кино для юношества, то я бы дал им ТББ. А вдруг? Больше идей не имею. А ты?

Письмо в «Марион фон Шрёдер ферлаг» послал еще 1.12.72. Посмотрим. А ты послал письмо зав. западной конторой или только грозился?

Очень интересно было получить от тебя информацию о том, что французский журнал «___» опубликовал статью об УНС, выпущенной изд-вом «___». Мать, мать и м-мать! Что в кавычках?!!! Что?!!! Кстати, объем 210 страниц, вообще говоря, еще не означает, что выпущена только Перецовская часть. В дорогом немецком издании ТББ 212 стр., в покетбуковском же – 158, так что все зависит от издания. Да и объем полной УнС не больше ТББ.

Давеча звонили из ЛитГаз – тебя не нашли и попросили у меня разрешения изменить дату в нашем отмежевании. Отмежевание, как я понял, должно быть опубликовано сегодня, 13-го. Я еще не видел газеты.

Сашка[1] подал здравую идею: нам следовало бы возбудить против «Посева» судебное дело о нанесении ущерба и соответствующем возмещении убытков. Выигранные деньги передать в Фонд Мира.

На меня тут напали те же волгоградские орлы, что терзали тебя в твоих Рузах. Уморительнейшая была сцена – прямо как в ПНвС на лекции Выбегалло: с одной стороны снимают фотоаппаратиком, с другой – киноаппаратиком, а посередине я начитываю в магнитофон отрывок из УнС. Славные ребята, но очень уж настырные.

У меня тут вдруг заиграл сюжет «Октопуса» – целую ночь не спал, все записывал. Получилась довольно стройная картина. Если хочешь отпишу, а то – в Комарове обсудим. До конца-то разработать у меня пороху не хватило, некоторые дыры в схеме так и остались, но это уж дело техники.

Получил через «Аврору» редкое письмо от читателя – ругательное. Не стыдно ли-де вам после УнС было печатать

[1] Копылов Александр Иванович, инженер ГАО, друг БНа.

ПнО? Да, надо сказать, ПнО подвергается критике. Вот Захар у меня был, Файнбург, тоже ругал.

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленуське – привет!

Как отдыхается? Как бездельничается?

«У меня тут вдруг заиграл сюжет «Октопуса» – целую ночь не спал, все записывал», – сообщает БН брату. Записывался сюжет в рабочий дневник.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Для ГО: «Цветок душистых прерий[1] – Л<аврентий> П<алыч> Б<ерий>» «А цветочек-то посадили…»

«Трижды предатель»

Предал отца (Л<енингра>д, блокада, хищение, суд, следствие, расстрел).

Предал друга (в училище, в Актюбинске, минометчики).

Предал Родину (плен под Курском. Русская Осв<ободительная> Армия, служба во Фр<анции>).

Воспом<инания> о родине: «Утро красит…»[2], Нева, ранняя весна – и совсем другая Родина со стороны – ощетиненная, грозная, жалкая.

Предательство чел<овечест>ва. Что это такое?

Начало: «А какое мне, собственно, дело до них, до всех?» Фото Земли со спутника. Блик на Океане. Остров – мушиная погадка, я – микроб на этой погадке и еще 3х109 микробов по лицу Земли.

Легенда о Демоне Зла, удравшем в расщелину. Архангел ищет стража. I – не поверил, он был дурак. Арх<ангел> его уничтожил, не оставив костей. II – поверил, но испугался – он был трус. Арх<ангел> и его уничт<ожил>, не оставив и праха. III – поверил, не испугался, но у него были жена и дети – он был

[1] Песенка Джима из мюзикла «Роз-Мари», музыка Р. Фримля и Х. Стотхарта, либретто О. Харбаха и О. Хаммерстайна, рус. переделка В. Типота и А. Феона, перевод песни Б. Тимофеева.

[2] «Москва майская», слова В. Лебедева-Кумача, музыка бр. Дан. и Дм. Покрасс.

равнодушный. Тоже уничтожен. А IV согласился. И Архангел заплакал (?). Не трус, не дурак, не равнодушный – но ты будешь предателем. А сам Архангел умирает от ран. А как остановить Демона? Ты узнаешь, когда он полезет наружу.

Племя охраняло расщелину, считая, что племя – это мир. Конкретные задачи. А у тебя задача абстрактная. Что ему до человечества? Хотелось бы оберегать конкретно – друга, жену, сына. А ничего нет.

На о<стро>в прибывают:

1. Наследник в поисках клада. Все гибнут, убитые заразившимся приживальщиком.

2. Следователь, он же агент Тайного комитета по борьбе с вторжением извне.

3. Ученый.

Герой ощущает окруж<ающий> мир, как теплый, уютный, прекрасный. Пена, в кот<орой> приятно нежиться. Плоды пальм. Краски острова. Воздух. Живет с собакой. Пьет для усиления похоти или чтобы вывести ее. (Но очень хочет уехать! Тут некое противоречие. Впрочем так и надо: в одной главе – одно состояние духа, в другой – противоположное.)

Он пропитан «эманацией», сам стал частью спрута. Останавливает его, положив, например, руки на огонь. Убить спрута – убить себя. Убить себя – убьешь ли спрута? Миллионер набил самолет взрывчаткой и разбился, взорвался на атомы. Результат – гнилое болото на западе лагуны. Язва на теле героя, он ее лечит, болото оживает.

«Зараженных» можно узнать по «татуировке» на лице. Туземцы страшно боятся заразы. Одного ученого сожгли дотла на глазах потрясенной экспедиции, и потом зачинщики покорно приняли арест и каторгу.

Миллионер – псих, помешанный на ф-ке. Его логика – логика SF. Принял спрута за сигнал из космоса и поставил здесь радиотелескоп.

Туземцы ловят заразившихся и уговаривают их стать на стражу. Если те отказываются – убивают. Потому это племя вымирает, многих выбили японцы. Во время войны сюда

попал и миллионер. Потом стал миллионером, заразился, построил обсерваторию. Рассказал и герою.

[См. рис. на стр. 2 вклейки.]

Кто-нибудь, напр<имер>, ученый видит, как спрут идет на прорыв – ночь, страшно, гудит паяльная лампа в хижине, и дико кричит от боли герой, запершись внутри. (А м. б. не в хижине, а в спец<иально> оборудованной лаборатории – с током и пр.)

Вариант конца: предательство, герой, увидев бомбардировщик, с криком «Живи! Жить хочу! Живи!» выпускает спрута. Бомбежка, удары в тело: обморок. Потом тишина, блаженство, опустошенность – свобода и легкий стыд. А м. б., ученый его убивает и берет бремя на себя?

Это повесть о том: сущ<ествует> ли связь между человеком и человечеством? Ответственность за человечество? Ответственность перед человечеством?

«К этому предательству меня вынудили обстоятельства. Ну и что? Так всегда и бывает. Можно подумать, что бывают предатели, действующие для собств<енного> удовольствия… Не верьте предателю, когда он оправдывается, когда он хамит, когда он похваляется своими делами. Он всегда знает, что совершит гадость… Хотя, конечно, существуют дураки. Либо дурак, либо подлец. Но люди предпочитают подлеца. И оправдываются…»

«Я ничего не помню. Это было как во сне. Я жил скорее, чтобы все прошло. И ничего не запомнил».

Заявление АБС по поводу публикации в «Посеве» с датой «8 декабря 1972 года», было опубликовано в «Литературной газете» 13 декабря в практически не редактированном виде. Об этом инциденте БН вспоминал:

БНС. Офлайн-интервью, 22.04.00

В книге «Хромая судьба» рассказывается интересный случай: главный герой зарабатывает инфаркт после того, как его книгу опубликовали за рубежом, и кагэбэшников

заинтересовало это событие. Что это? Рассказ о нелегкой судьбе советского писателя или откровения авторов? Связано ли это как-то с судьбой «Гадких лебедей»?

Максим. Череповец, Россия

Если Вы хотите спросить, не зарабатывали ли авторы инфаркт вследствие гонений на «Гадкие лебеди», то ответ будет: нет, не зарабатывали. Случалось ли АНу ложиться в больницу по случаю острой сердечной недостаточности? Да, случалось, и неприятности, связанные с нашей работой, безусловно играли тут свою роль. Получал ли БН инфаркт? Да, получал, но несколько лет спустя и совсем по другому поводу, хотя и тут чисто литературные неприятности внесли соответствующий вклад. Что поделаешь? Писание романов – вредная работа, это давно известно.

Письмо Аркадия брату, 18 декабря 1972, Руза – Л.

Дорогой Борик!

1. О «Товарище Павле» – конечно, ручаться нельзя и на 1 %, но будем уповать. В конце концов, расход в 20 р. (не больше?) нас не разорил, а шанс не использовать было бы нехорошо. Хотя бы по суеверным соображениям.

2. ТББ для детского конкурса вряд ли подойдет. Конечно, надо еще посоветоваться с Венжер, которая в руководстве конкурса. Я бы предложил что-нибудь «Малыш»овое. Например, «Мальчик из преисподней», как наши звездолетчики спасли из пожара мировой войны на другой планете подростка и о приключениях оного подростка на нашей коммунистической Земле. Здесь провести идею: как этот подросток влияет на наших подростков в смысле агрессивности и прочих энтропийных явлений.

3. Письмо зав. западной конторы не послал. Надо его сформулировать поточнее. Хочу посоветоваться с юристом.

4. Что ты раскудахтался из-за названий журнала и издательства? Ну, забыл я в спешке. Так что – тебе яйца грозят из-за этого вырезать? Ужо пришлю, изволь: журнал «La

Quinraine», стр. 27, издательство наше – «du Champ Libre». Что часть только Перецовская – видно из пересказа содержания в этой статье.

5. Идея о процессе против «Посева» представляется мне бредовой. Для возбуждения судебного дела требуется изложить, какие убытки мы понесли. Если материальные – изложить, как нас отказывались печатать из-за их публикации. Сам понимаешь, как это прозвучит. Если моральные – дескать, заблевали нам мундиры советских писателей – не уверен, что нам нужна такая гласность.

6. Сюжет «Октопуса» заиграл – это, конечно, хорошо. При встрече обсудим. Кстати, полагаю, независимо от Комарово, приехать в Л-д денька на три в первую декаду генваря. Думаю, к этому времени прояснится с условиями конкурса на детские фильмы.

7. Ругательных читателей, особенно сравнивающих ПнО с УнС, видел там-то и в таком-то виде. В частности, Файнбурга, который вообще требовал, чтобы мы не путались с беллетристикой, а конструировали бы ЕМУ социологические схемы.

8. Отдыхается ничеГё. Грязно, слякотно, дождливо. Но – гуляем.

Пока все. Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

След. письмо пиши в Москву. 24-го будем там.

Письмо Бориса брату, 23 декабря 1972, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Спешу ответить.

Из-за Адкиной болезни я тут основательно оторвался от реальности, и новостей у меня практически нет.

1. Лендетгизовский сборник на подходе. В декабре, впрочем, они его выпустить не успеют; речь идет о «начале года». На днях была последняя сверка. Между прочим, на конец 73-го они намечают еще один сборник. Звонил Брандис,

просил что-нибудь – «хоть листов на пять». Я отвечал неопределенно, а сам подумал, что сюжет, который ты прочишь для детского кино, можно было бы дать в виде повестушки. Правда, детали для меня туманны. Если события будут происходить в «преисподней», начнутся аллюзии и ассоциации; если на комземле – розовая бодяга при халтурном подходе и неимоверные трудности при подходе серьезном (например, чем этот ребенок из преисподней будет так уж существенно отличаться от ребят из рая? Разве, если взять оголодавшего блокадного дикаря или беспризорника…). В общем, надо подумать. Возможен ведь и такой сюжет: космолетчика берет в плен мальчишка типа вервольфа, который сидит в доме на окраине с ракетным ружьем, один, и ждет вражеские танки. И один день, который они проводят вместе. Опять, впрочем, аллюзии…

2. Жалко, что не написал ты зав. западной конторы. А ведь настроен был так решительно. Цитирую: «…сам же я намерен сейчас же написать зав. западной конторы Межкниги возмущенное письмо … с просьбой совета, не написать ли нам письмо хотя бы в «Шпигель», разоблачающее финансовые махинации акул ротационных машин» (твое письмо от 28.11.72). Вот и написал бы. На кой хрен тебе еще какой-то юрист? Работы на 20 минут, а в результате может быть хороший куш. Кстати, пора, кажется, уже выяснять, что там думают венгры с ОО. У меня, к сожалению, нет экза этого договора, но, по-моему, уже время им либо издавать и платить, либо просто платить. Это, конечно, не сертификаты, но это по 700–900 рублей на рыло – есть из-за чего сходить в Межкнигу и выяснить. Рекомендую заняться. Это тебе не сомнительные сценарии писать: полчаса хлопот и – живые денежки.

3. О процессе против «Посева» поговорим при встрече. Сейчас хочу только разъяснить, что речь здесь должна идти не о возмещении убытков (это – дело десятое), а о нарушении наших, ЛИЧНЫХ, ЧАСТНЫХ авторских прав. Изд-во без ведома и согласия авторов использовало материалы, которые являются ЛИЧНОЙ, ЧАСТНОЙ собственностью.

4. Я очень рассчитываю еще до Нового года получить от тебя информацию о положении дел: а) с ПнО в «Знании»; б) с договором в МолГв; в) с гонорарами в Межкниге.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке приветы!

Письмо Аркадия брату, 31 декабря 1972, М. – Л.

Дорогой Борик.

Поздравляю и прочее.

1. Относительно Лениздатовского сборника на конец года. Тебе там виднее. Пока насчет условий конкурса ничего неизвестно, там никак не могут установить, кто будет курировать юношеское кино, а без куратора, сам понимаешь, конкурс не в конкурс. Так что мы можем брать любой сюжет, какой заблагорассудится. Да и при любых условиях можно брать любой сюжет. Если говорить серьезно, ребенок из преисподней может очень отличаться от детей из рая. Но это для серьезного разговора. Короче, я готов споспешествовать любыми средствами в поставлениях Лениздату литературы. Можешь заключать договор на что угодно.

2. Насчет Западной конторы. Я позвонил и имел приятный шок. Нам прислано около тысячи (1000) марок. Подробности выясню после Нового Года. Думаю, марок по двести на рыло придется.

3. Звонил в УОАП насчет венгров. Просмотрели документы, поразились. Обещали немедленно написать туда. Просили снестись с ними в конце января, раньше-де ответ не придет.

4. Относительно процесса против ПОСЕВА по-прежнему не понимаю. КАК ОЦЕНИВАТЬ УБЫТКИ?

5. Про ПНО в «Знании» не знаю. Нынче иду пьянствовать с Ревичем. М. б. удастся из него ч.-л. вытянуть. Кстати, он пишет в «Литературное обозрение» (он теперь там отв. секретарь) статью о нас, ему благожелательно разрешили в ЦК.

6. С договором в Мол. Гв. странно. Пока был в Малеевке, получил рукопись и письмо, кое прилагаю с присовокуплением устного руководства Белы, что это-де не обязательно принимать к сведению, ибо просто копия письма у Авраменки, которая сейчас якобы сражается за договор. Я лично не очень верю. Грубо говоря, возможно, просто видимость деятельности.

7. 2-го января условился звонить Косаревой в ЦК договариваться о встрече: явный повод – наш сценарий на Мультфильме, заодно поговорю и об остальном.

8. Мои личные планы. Собираюсь поступать в Институт Мировой Литературы, буду защищать диссертацию по Акутагаве. Дело, кажется, на мази. Наши дела останутся неизменными (два дня в неделю), только придется работать не в Комарове, а в Переделкине.

Зело страдаю флюсом.

Адке сердечный привет наш с Ленкой.

Если в связи с этим не встретимся в январе – не огорчайся. Все впереди.

Жму, целую. Арк.

1972 год отмечен выпуском ПНО в журнале «Аврора» (№ 7–10) и публикацией ЧИП в сборнике «Фантастика-72». В этом сборнике планировалось издать тоже ПНО, но взяли лишь старый и нелюбимый Авторами рассказ.

Также в 1972 году опубликован перевод с английского (под псевдонимом С. Бережков) «Экспедиции “Тяготение”» с предисловием от АБС же.

АБС почти не упоминает периодика, но в книжных изданиях попрежнему пишут о произведениях Авторов. Помимо упомянутых монографий Черной и Урбана, 7-го тома Краткой литературной энциклопедии, в этом же году вышел библиографический справочник «Русские советские писатели, прозаики», том 7, дополнительный, часть 2, где АБС было посвящено 10 страниц в 2 колонки убористого шрифта.

Отдает дань известным фантастам и литературоведение. Упоминаются их произведения в диссертациях (Шек А. В. Советская научная фантастика на новейшем этапе развития. – Самарканд; Федосеев Г. Ф. Художественные концепции Будущего в современной

научно-фантастической литературе. – Москва; Сулейманов Т. Теоретические проблемы научно-художественной фантастики. – Алма-Ата), в научных работах, опубликованных в «Трудах Самаркандского университета» (Шек А. В. О своеобразии научной фантастики А. и Б. Стругацких), «Ученых записках» Петрозаводского университета (Неелов Е. М. От литературной сказки к научной фантастике: Сказочная трилогия Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» – сказка сравнивается с ОО), «Ученых записках» Ташкентского пединститута (Быкова А. Тема человека будущего в произведениях современной научной фантастики).

И не только литературоведение пользуется реалиями произведений АБС. О них пишут в книгах о психологии (Башкирова Г. Наедине с собой. – М.: Мол. гвардия, 1972), о науке (Майзель И. Наука, автоматизация, общество. – Л.: Наука, 1972), об этнографии и антропологии (Подольный Р. Без обезьяны. – М.: Дет. лит., 1972) и даже философии (Сагатовский В. Вселенная философа. – М.: Мол. гвардия, 1972).

1973

Письмо Бориса брату, 3 января 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Как раз сегодня собирался писать тебе, а тут и твое письмо.

1. Путевки в Комарово нам выписаны с 15-го по 27-е января. Я полагаю, что встретиться нам необходимо. Тут и необходимость многое обсудить, и то немаловажное обстоятельство, что если мы не поедем, это будет ТРЕТИЙ подряд отказ от заранее заказанных путевок, а на меня и так уже косятся. Опыт прежних аналогичных ситуаций показывает, что отказывался ты от путевок совершенно попусту и без толку. Уверен, что и сейчас ничего не сгорит, если мы съедемся на 13 дней и, наконец, займемся делом. Словом, я настаиваю на встрече и жду от тебя соответствующей телеграммы. Может, у тебя сейчас денег нет? Так пусть это тебя не беспокоит: разок можно съездить и за мой счет. В общем, срочно бери билет на 14-е и посылай телеграмму.

2. Деньги из ферлага есть, по-видимому, результат моего письма, которое я, как известно, отправил им еще 1-го декабря. 28-го пришел ответ, датированный 12-м. Ферлаг бешено извинялся, что полагающиеся нам деньги они «забыли выслать летом», и заявлял, что приказ о немедленной высылке уже отдан. Сумма, впрочем, не называлась. Большая просьба к тебе: в этот раз и всегда впредь, получая сертификаты, выясняй и записывай следующие сведения: а) Издательство, выславшее гонорар; б) Дата получения гонорара; в) Сумма гонорара в валюте (точно); г) Сумма в сертификатных рублях, выдаваемая на руки (точно); д) За что именно выслан гонорар (название книги); е) Название гонорара (аванс, расчет за такой-то год и т. д.). Все эти сведения необходимы для того, чтобы всегда понимать положение дел. Кроме того, выясни, пожалуйста, названия ферлагов, заключивших договора на УнС, СоТ, ХВВ и пр., дату заключения договоров и точные суммы авансов. Потрудись, это важно. Было бы

идеально, если бы ты раздобыл образец типового договора, заключаемого Межкнигой.

3. Что касается Лениздатовского сборника, то тут какое-то недоразумение. Никаких договоров не будет, насколько мне известно. Просто составитель просит у нас вешшь, а поскольку составитель Дмитревский, вероятность опубликования – при прочих равных условиях – весьма возрастает. Тут главное не договор, а вешшь. Вешши нет, и если мы и дальше будем работать так же интенсивно, как в этом сезоне, то ее и не будет.

4. Затея твоя с ИМЛ вызвала у меня ряд противоречивых чувств. С одной стороны, конечно, будет лучше, если ты – вместо того, чтобы шляться по Москве ища с кем выпить, – будешь сидеть дома и писать диссертацию. Но, с другой стороны, как это отразится на нашей работе? Не знаю, не знаю. Все это тоже нужно обсудить. И уж во всяком случае, постарайся сделать так – для начала, – чтобы эта затея не помешала хотя бы нашей встрече в январе.

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу,

твой [подпись]

P. S. Леночке привет.

И опять не получается у Авторов встретиться и поработать.

Письмо Аркадия брату, 25 января 1973, М. – Л.

Дорогой Борис.

Извини, что так долго молчал, но, с одной стороны, зубы меня заели, а с другой – хотелось все-таки добиться толку в МГ. Сегодня окончательно выяснилось, что толку добиться не удалось.

1. Все по порядку. 17-го Бела вышла на работу, я ее сразу увидел, и сообщила она мне следующее. Еще в ее отсутствие Авраменко подсунула Осипову наш договор, коий и пролежал там благополучно целую неделю, после чего Осипов вызвал младшего редактора (Алю, м. б. ты ее помнишь) и без

разъяснений отдал ей договор, присовокупив при этом: «Отдайте там вашему заведующему». Рассказав об этом, Бела предложила мне подождать до 25-го и явиться к ней в этот день с рукописью (не помню, сообщал ли я тебе, что еще во время нашего пребывания в Малеевке она по телефону обрадовала меня сообщением, что дело, кажется, двинулось, и переслала рукопись с тем, чтобы я ознакомился с замечаниями и приготовился к работе; впрочем, ее официальное письмо я тебе переслал; замечания, прямо скажем, дикие). Итак, я сегодня отправился к ней. Вот что она рассказала. В силу каких-то странных обстоятельств сейчас о договоре нечего и думать. Договор Осипов завернул не только нам, но и еще дюжине самых разных авторов. Да, нам от этого не легче, но это значит, что дело направлено не специально против нас. Что все это значит, никто не знает и даже догадаться не может. Не исключено, что это как-то связано с большими переменами в аппарате, курирующем издательство в ЦК ВЛКСМ, а также не исключено и какое-то впечатление с историей с покойным Ефремовым. Я в этой истории ничего не понимаю, тайна какая-то, и Бела тоже ничего не знает. Но к делу. Бела пресекла мои попытки идти и скандалить, тем более что Осипов благополучно слинял в какую-то командировку, и предложила, что с одобрения Авраменко она с начала февраля приметсся работать с рукописью и затем сдаст ее в производство, поставив таким образом начальство перед свершившимся фактом. На мое возражение – как же можно сдать в производство рукопись, не заверенную главным редактором (я-то сам редактором был, знаю, что это невозможно, производственники просто не примут), она коротко сказала, что сдаст. И я поплелся домой. Говоря по чести, надежду я потерял, и прямая кишка из меня выпала окончательно.

2. В «Знании» тоже дела не радуют. Парнов написал им на нас хорошую рецензию, но они вдруг ни с того ни с сего дали рукопись (или гранки?) снова на рецензию, причем тщательно скрывают – кому именно. Лабуда все это, если хочешь знать мое мнение. Стопчут они нас.

3. Где-то числа 31-го по договоренности буду звонить в УОАП насчет венгерских гонораров.

4. Не знаю, есть ли это результат разговора с Косаревой, но на «Мультфильме» что-то вдруг сдвинулось. Несколько дней назад состоялось там совещание, и ПвК поставили на 74-й год не только в тематический, но и в производственный план, а дирекция нажала на Котеночкина и требует, чтобы он принимал сценарий. По первым впечатлениям там Котеночкин уже поддался и начал читать, а читает он очень медленно и только большими буквами, по складам, так что придется ждать его согласия или отказа недели две.

5. Из ВУОАП пришло письмо следующего содержания: «Венгерское издательство «Тантич» планирует издание сборника «Научно-фантастические рассказы» (том 11), в который желает включить Ваше произведение «Второе нашествие марсиан». Тираж сборника – 20 000 экз. Цена сброшюрованного экземпляра 21 форинт. Гонорар начисляется в размере 6 % от цены всех экземпляров и распределяется между авторами пропорционально объемам используемых произведений. Просим Вас в возможно короткий срок сообщить нам Ваше мнение относительно этого издания, а также мнение Б. Н. Стругацкого».

Я сообщил, что мнение положительное.

6. Звонил в Межкнигу. ФРГовцы затеяли издать сборник советской фантастики, просят наш рассказ (!) «Полдень, XXII век», а также «День гнева» Гансовского и почему-то «Разговор в купе» Нудельмана. Черт-те что. Я сказал, что это повесть, целая книга. Пусть переспросят. Да, еще они хотели наш «О странствующих и путешествующих». Ладно, положим, им понадобится книга. Но где мне достать экземпляр? Я отослал тебе последний. Что касается гонорара, то теперь от них ничего не зависит, а зависит от бухгалтерии.

7. Сегодня я узнал, что авторская конвенция со ВСЕМИ странами соц. лагеря существует уже больше года. Как же тогда заключались с нами договора в Польше? И в ГДР?

Ну, пока все. Хожу без зубов, ем только пюре и кашу, пью чай в изобилии.

Жму, целую, Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Бывают некоторые обстоятельства, которые аукаются потом через долгие годы. Эхо случившегося после смерти И. А. Ефремова разнесется по 1988–1990 годам, об этом еще будет рассказано в данном исследовании. Но сами события произошли чуть раньше описываемого времени – 4 ноября 72-го года.

Из: Петров Н., Эдельман О.
«Шпионаж» и «насильственная смерть» И. А. Ефремова

<…>

Самый загадочный эпизод в биографии знаменитого писателя-фантаста и профессора палеонтологии Ивана Антоновича Ефремова имел место после его смерти. Умер Ефремов 5 октября 1972 года, а через месяц, 4 ноября, в его доме произвели многочасовой повальный обыск, а на какой предмет – неизвестно. Конечно, человек такого калибра, как Ефремов, не мог позволить чекистам расслабиться, разумеется, за ним надо было присматривать. Но одно дело – присматривать, и совсем другое – обыск: тут уже требуется бумаги оформлять, ордер, называть конкретную причину, чтить Уголовно-процессуальный кодекс. Что искали в доме покойного Ефремова – так и осталось неясным.

Почти все, что до сих пор было известно об этой истории, в том числе самым близким к Ефремову людям, собрано и опубликовано в статье А Измайлова «Туманность». По свидетельству Т. И. Ефремовой, жены писателя, обыск начался с утра и закончился за полночь, проводили его одиннадцать человек, не считая домуправа и понятых. У Таисии Иосифовны сохранился протокол обыска, из которого явствует, что проводили его сотрудники Управления КГБ по Москве и Московской области на предмет обнаружения «идеологически вредной литературы». Перечень изъятого составил 41 пункт, в том числе старые фотографии Ефремова (1917,

1923 и 1925 годов), письма его к жене, письма читателей, фотографии друзей, квитанции. Рукописей Ефремова среди изъятого не было, зато внимание компетентных органов привлекли «оранжевый тюбик с черной головкой с иностранными словами», «книга на иностранном языке с суперобложкой, на которой изображена Африка и отпечатано: «Африкан экологие хомон эволюшн и другие слова» с заложенными в нее сушеными древесными листьями», «различные химические препараты в пузырьках и баночках» (оказались гомеопатическими лекарствами) и другие не менее важные вещи. Еще изъяли собранные Ефремовым образцы минералов (он был не только палеонтологом, но и геологом), разборную трость с «вмонтированным острым металлическим предметом» и «металлическую палицу из цветного металла» (в протоколе особо отмечено, что она «висела на книжном шкафу»). Последние два предмета потом не вернули, сочтя холодным оружием.

Такая богатая антисоветская добыча видимо заслуживала полусуток усилий 11 сотрудников, которые, как сказано в протоколе, «в процессе обыска использовали металлоискатель и рентген». И только благодаря решительности Т. И. Ефремовой «специалисты» не вскрыли урну с прахом Ивана Антоновича, тогда еще не захороненную и находившуюся в квартире.

<…>

В письме АН упоминает вскользь: «…какое-то впечатление с историей с покойным Ефремовым». Андрей Измайлов, исследовавший позднее эту тайну, цитировал впечатление от тех событий АНа, что еще раз показывает, каким рассказчиком и фантастическим выдумщиком был АН.

Из: Измайлов А. Туманность

А. Н. Стругацкий: «Прошло года два или три после смерти Ивана Антоновича. Я был в гостях у покойного ныне Дмитрия Александровича Биленкина. Большая компания,

хорошие люди. И зашел разговор о нападении Лубянки на квартиру Ефремова. Биленкин, помимо того, что он хороший писатель-фантаст, был, как известно, геологом по профессии. Так вот, рассказал он удивительную вещь… 1944 год. И. А. Ефремов откомандирован с экспедицией в Якутию на поиски новых месторождений золота. Была война, и золото нужно было позарез! У него под командованием состояло несколько уголовников. Экспедиция вышла на очень богатое месторождение, они взяли столько, сколько смогли взять, и отправились обратно, причем Иван Антонович не спускал руки с кобуры маузера. Как только добрались до Транссибирской магистрали, на первой же станции связались с компетентными органами. Был прислан вагон, и уже под охраной экспедицию повезли в Москву. По прибытии с уголовниками сразу расплатились или посадили их обратно, вот уж не знаю. А Ивана Антоновича сопроводили не то в институт, от которого собиралась экспедиция, не то в министерство геологии. Там прямо в кабинете у начальства он сдал папку с кроками и все золото. При нем и папку и золото начальство запихало в сейф, поблагодарило и предложило отдыхать.

На следующий день за Ефремовым приезжает машина из компетентных органов и везет его обратно, в тот самый кабинет. Оказывается, за ночь сейф был вскрыт, золото и кроки исчезли…

И вот Дмитрий Александрович Биленкин предположил, что не исключено: обыск как-то связан с тем происшествием. Ну, мы накинулись на него, стали разносить версию в пух и прах: мол, это ничего не объясняет, да и зачем нужно было ждать с 1944 по 1972 год! Но он был очень хладнокровным человеком, холил свою бороду, усмехался и курил замечательный табак, трубку…»

<…>

А. Н. Стругацкий (продолжение): «Все терялись в догадках о причинах обыска. Почему он был ПОСЛЕ смерти писателя? Если Иван Антонович в чем-то провинился перед государством, почему никаких обвинений ему при жизни

никто не предъявил? Если речь идет о каких-то крамольных рукописях, то это чушь! Он был чрезвычайно лояльным человеком и хотя ругательски ругался по поводу разных глупостей, которые совершало правительство, но, что называется, глобальных обобщений не делал. И потом – даже если надо было найти одну рукопись, ну две, ну три, то зачем устраивать такой тарарам с рентгеном и металлоискателем?!

Вот сочетав все, я, конечно, как писатель-фантаст, построил версию, которая и объясняла все! Дело в том, что как раз в те времена, конце 60-х и начале 70-х годов, по крайней мере в двух организациях США – Си-Ай-Си и Армии – были созданы учреждения, которые серьезно занимались разработками по летающим тарелкам, по возможностям проникновения на Землю инопланетян. У наших могла появиться аналогичная идея. И тогда же у фэнов, то есть любителей фантастики, родилась и укрепилась прямо идея-фикс какая-то: мол, ведущие писатели-фантасты являются агентами внеземных цивилизаций. Мы с Борисом Натановичем получили не одно письмо на эту тему. Нам предлагалась помощь, раз уж мы застряли в этом времени на Земле, приносились извинения, что современная технология не так развита, чтобы отремонтировать наш корабль. И в том же духе.

Иван Антонович Ефремов безусловно был ведущим писателем-фантастом. Можно себе представить, что вновь созданный отдел компетентных органов возглавил чрезвычайно романтически настроенный офицер, который поверил в абсурд «фантасты суть агенты». И за Ефремовым стали наблюдать. Но одно дело – просто следить, а другое дело – нагрянуть с обыском и не дай бог попытаться взять его самого: а вдруг он шарахнет чем-нибудь таким инопланетным!

Именно поэтому как только до сотрудников этого отдела дошла весть о кончине Ивана Антоновича, они поспешили посмотреть. А что смотреть? Я ставлю себя на место гипотетического романтического офицера и рассуждаю здраво: если Ефремов – агент внеземной цивилизации, то должно быть какое-то средство связи. Но как выглядит средство

связи у цивилизации, обогнавшей нас лет на триста-четыреста, да еще и хорошенько замаскировавшей это средство?! Поэтому брали первое, что попалось. Потом, удовлетворенные тем, что взятое не есть искомое, все вернули».

Был еще эпизод в жизни АБС, длинный эпизод, столь же длинный, как и затянувшееся издание сборника «Неназначенные встречи» в «Молодой Гвардии», – создание кинофильма «Сталкер» и вообще сотрудничество с Андреем Тарковским.

Помимо упоминаний этой линии творчества АБС в их переписке, здесь будет цитироваться еще один источник – «Мартиролог» Андрея Тарковского.

Любые мемуары эгоистичны. Можно выразиться помягче: личностны. Видимо, это неизбежно: их автор почти всегда пишет о себе, передает свое впечатление о чем-то. «Мартиролог» Тарковского не мемуары. Но и назвать его дневником в полном смысле этого слова тоже непросто. В самом этом названии – «Мартиролог», т. е. «список мучеников», а применительно к творческой жизни Тарковского – что в Союзе, что в эмиграции – список неосуществленных работ и жизненных тягостей режиссера – уже заявлена вполне определенная позиция: он написан для будущего читателя. Демонстративное самоуничижение автора: «Мартиролог» – «Заголовок претенциозный и лживый, но пусть останется, как память о моем ничтожестве – неистребимом и суетном» (запись от 18 декабря 1974) – лишь подтверждает это предположение. Соответственно такой, почти не скрываемой цели – писать чуть ли не ежедневно «дневник в вечность» – представлены и его персонажи. Автор «Мартиролога» всегда подан позитивно. Все остальные описаны так, как это выгодно Тарковскому на момент записи.

АН и АБС вообще в «Мартирологе» упоминаются с января 1973 по июнь 1981 года. На протяжении всех этих лет записи Тарковского об АБС почти всегда положительны, заключительные же – определенно негативны. Вероятнее всего, в этом – отражение их сотрудничества. Время «Сталкера» – это время тесной совместной работы Тарковского и Стругацких. Для Стругацких она была весьма непростой, изматывающей даже, зачастую они были вынуждены «смиряться, становясь на горло собственной песне» (сколько было бы написано вместо полутора десятков вариантов сценария!). Вероятно поэтому в 81-м АН принял непростое решение ограничить сотрудничество с Тарковским одним опытом и отказался продолжать начатую работу над «Ведьмой», будущим «Жертвоприношением». Слишком уж тяжело дался опыт первый. И немедленно меняется тональность записей Тарковского в отношении АНа. Да, понятно, он был обижен.

Но недобрая его память чрезмерно услужливо подбросила старые недоразумения. Нужно ли было давать им новую интерпретацию?.. Во всяком случае, составители просят учитывать характер цитируемых записей Тарковского: они написаны *о* АБС, но д л я вас, читатель. (Надо отметить, что в отличие от задач «Мартиролога» письма и рабочие дневники Авторов всегда несут отпечаток «сегодня», о них просто невозможно сказать, что они написаны нарочито д л я б у д у щ е г о.)

Из: Тарковский А. Мартиролог

26 января 1973

<…>

Прочитал только что научно-фантаст[ическую] повесть Стругацких «Пикник на обочине». Тоже можно было бы сделать лихой сценарий для кого-нибудь.

<…>

Письмо Бориса брату, 29 января 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. А не настала ли пора идти к начальству (м. б., прямо к Ганичеву) и у него там ныть и стонать, дескать, что же это такое, Сортир Сортирыч, сколько же можно нас мучить, за что?.. и т. д. Хоть понять, что происходит. А вообще-то надо, наверное, искать другие оазисы. Как там насчет «Нашего Современника»? Давеча Смолян рекомендовал туда обратиться.

2. История с Ефремовым произвела у нас тут впечатление разорвавшейся бомбы. Все так и присели и до сих пор находятся в этом присевшем состоянии. Никто толком ничего не знает, а кто знает – помалкивает. У меня, впрочем, есть одна гипотеза, довольно убедительная. Вывод из нее: ничего страшного не произойдет, но неприятности у ВСЕХ фантастов вполне могут быть… К Демичеву, к Демичеву надо идти, защиты просить!

3. Детгизовский сборник с М теперь обещают в конце февраля. Тогда же и деньги выплатят с потиражными вместе.

4. У нас тут маленькая сенсация: председателем бюро секции выбрали не Успенского, как все ожидали, а Брандиса. Лично для нас это даже лучше, но очень ненамного.

5. Как быть с экзом ПХХIIВ, и сам не знаю. Впрочем, думаю, раздобудем, если припрет. Насчет авторской конвенции со ВСЕМИ соц. странами, которая существует больше года, – вряд ли. Это тебе что-то напутали. Еще не известно, БУДЕТ ли таковая. Борщаговский, например, полагает, что нет.

6. Я все работаю с Лешкой. Выстраиваем один сценарий. Хорошо выстроим – может, даже заплатят. Работать будем еще примерно до 5 февраля, потом Лешка поедет в Москву и образуется перерыв. А мы с тобой будем когда-нибудь работать? Вообще надо бы встретиться, обсудить положение, прикинуть, как жить дальше. Может, приедешь на пару дней, или мне к тебе приехать?

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Письмо Аркадия брату, 4 февраля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. К начальству ходить по поводу ПнО и пр. не стоит. Был я в «Вокруг Света» у Димки Биленкина, у него точно такая же история: он в плане этого года, а договора с ним не заключают. У Гиши Гуревича еще хуже – не только не заключили договора, но еще и перенесли из этого года в 75-й. Так что это такой, понимаешь, по столетию ветер гудит[1]. Бела просит ждать, ну что же, раз такое положение, будем ждать. А уж идти к Демичеву… Я, может, и пошел бы год назад, но помнишь, мы разговаривали перед твоим отъездом из Москвы? Не хочется.

2. Звонил зав. западного отдела в УОАП насчет Венгрии. Ответа от них пока нет, она просила еще раз позвонить в середине месяца.

3. Звонил в Межкнигу. Здесь интереснее. Во-первых, деньги перечислили, и через неделю-две мы сможем получить. Во-вторых, нужен в ФРГ не весь П22В, а только ОСиП. В-третьих, не то Марион, не то Инзель просят на прочтение

[1] «Такой по столетию ветер гудит» – цитата из песни А. Галича «Уходят друзья».

ПнО. Мы договорились, что в понедельник (завтра) я им отнесу то и другое. Затем я стал спрашивать, кто на что имеет с нами договоры. Узнал (после длинной и томительной возни у них в картотеках), что на ХВВ, УнС, ВНМ, СоТ и ПНвС у нас договор с Инзелем. Что М и ОуПА посылались в Марион по их просьбе, но договор они не предложили. Наконец, узнал, что никакого учета у них не ведется и за что мы получаем сейчас деньги – тоже неизвестно: то ли за ТББ, то ли отступное за продажу права на ТББ Вильгельму Гейне. Я говорил около часу, но продраться через этот бардак не смог. Может быть, ты окажешься удачливее, если попробуешь. Кроме жалоб, что иностранцы их обжуливают, ничего толком не понять.

4. Вступил в прямой контакт с Котеночкиным. Он сейчас заканчивает очередную «Ну, погоди!», четырнадцатого сдает, и тогда мы начинаем конструктивные беседы. Ему предложено соавторство, что его очень воодушевило. Правда, я уже настолько во всем изверился, что гляжу на это довольно равнодушно.

5. Что М скоро выйдет – это отлично. А то впору кричать «капиви»[1]. Денег нет ни хрена, долги растут. Как бы это их там подстегнуть, сволочей? Ты им позванивай и надоедай, скажи, что я-де должен приехать и лично получить деньги, так как не могу себе позволить такие затраты на перевод денег в Москву. Пусть хоть подготовят заранее.

6. А я действительно намерен приехать в конце февраля. К тому меня побуждают три соображения. Во-первых, зубы. С ними опять морока, подробностей рассказывать не буду. Во-вторых, я бы дождался сертификатов и привез их живьем. В-третьих, я бы действительно хотел получить деньги у вас в Детгизе без тягомотины с переводом и без затрат на оный. Предлагаю из этого и исходить. А приеду – и поговорим обо всем хорошо, да и многое яснее к тому времени будет.

---

[1] Цитата из перевода АНа «Сталки и компания» Р. Киплинга. Подробнее см.: НС-6, примечание к письму БНа от 29.08.64.

7. Все, чему я сейчас свидетелем, доказывает, что на ближайшее время писать для денег будет невозможно. Из этого и надо исходить. И если уж продолжать писать, то встольную литературу, настоящую, но предварительно надо самообеспечиться как-то.

Крепко жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 8 февраля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Очень хорошо, что ты попытался хоть что-нибудь выведать в Межкниге. Теперь хоть стало ясно, откуда можно ждать поступлений. Когда будешь получать деньги, запиши точную сумму, которая нам причитается (без вычетов). А потом можно будет (я этим займусь) написать и в Межкнигу, и УОАП, и в ферлаги, чтобы выяснить подробности. Контроль и учет, милостиздарь! Контроль и учет – вот все, что нам осталось[1].

2. Насчет М в Лендетгизе дело обстоит не так хорошо, как мне говорил Брандис. Я тут обзвонил весь Детгиз (поразительно, что никто ничего не знает!) и добрался, наконец, до производственного отдела, где мне сказали, что в I квартале сборник не выйдет, а выйдет он, надо думать, во втором по причинам типографии. Так что на конец февраля не рассчитывай. Максимум, что я попытаюсь сделать, это выбить 40 процентов, кои, кажется, полагаются по подписании в печать. В общем, я громко кричу «капиви» и тебе советую делать то же. Марочки! О, мои марочушечки! Конец вам, кажется, пришел!

3. В конце февраля жду тебя с нетерпением. Надобно все обсудить. Умоляю тебя только об одном: не сдавайся! Превращай подступающее отчаяние в злобу. У меня это в общем получается.

[1] «Учет и контроль» – лозунг В. Ленина, напр. «Государство и революция», (гл. 5, пар. 4).

4. В Ленинграде тут за нас тоже хлопочут, пытаясь найти нам заработок. Но если это будет с тем же успехом, что́ у тебя в Москве… Слушай, ты же там в телевидение что-то носил… еще куда-то… неужели ничего? Ничегошеньки?

5. С Лешкой мы поработали и прервались. Сейчас он в Москве. До сих пор не известно, будут ли деньги. Вот, господа, главный вопрос современности: будут ли деньги?

7. Приезжай скорее, соскучился я по тебе.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. И Машке. И твоим зубам.

Письмо Аркадия брату, 17 февраля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Получил и «Аврору», и сценарий, спасибо.

2. Из Межкниги и УОАП пока никаких известий. В понедельник (19-го) намерен позвонить.

3. В МолГв из плана 73-го года выпали Альтов и Журавлева (не представили рукопись), и Бела получила добро от Авраменко немедленно начать работу с нами, потому как мы как раз числимся в резерве того же 73-го. В связи с этим мне было предложено немедленно (это уж как водится) представить дополнительно еще два комплекта «Неназначенных встреч» – один художнику, второй автору предисловия. Наскреб я (и то, опустошив свои резервы) только один комплект, да и то в вариантах журнальных. Впрочем, Бела согласилась. Иллюстраций все едино не будет, оформление самое скромное, так что художник, по ее словам, перебьется. Автором же предисловия Авраменко предложила доктора философских наук некоего Волкова, который нас любит, хотя и работает, кажется, в Институте философии. Это их, молодогвардейский человек. А Брандису не отломилось. При встрече Бела сказала, что Авраменко снова идет на штурм Осипова с договором, всё взяла на себя. Честно говоря, мой оптимизм не играет. Но поглядим.

4. Сценарий просил <у> тебя для того, чтобы попытаться завязать отношения с драматической редакцией на радио.

Если им понравится, быстренько переделаю в пиесу, и будут шансы получить рябов по пятьсот.

5. Намерен прикатить в Ленинград числа 26-го или 27-го, после первых деловых бесед с Котеночкиным. Он пылает жаждой деятельности, мы встречаемся в начале двадцатых чисел. Нашим сценарием уже заинтересовался некий Орлов из Комитета по кино, мы с Котеночкиным должны посетить его и рассказать обо всем.

6. Набилась небольшая идейка. Хочу дать заявку в Детгиз. Тут две возможности. Либо заявка на «Погоню в Космосе» – куда-то на 75-й год, либо заявка на переложение для юношества японского феодального эпоса «Хэйкэ моногатари» («Повесть о расцвете и падении дома Тайра»). Хочу предварительно посоветоваться с Ниной, но она пока болеет.

Об остальном при встрече.

Целую, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 20 февраля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Сегодня я иду получать 40 процентов за М – выписали-таки. Заодно узнаю, когда все же выходит этот проклятый сборник (по телефону ни черта не понять: в производственном отделе говорят, что в апреле; в редакции ничего об этом не знают и крайне изумлены; главный редактор – Наталья Кирилловна[1], помнишь ее? – тоже удивляется). Так или иначе, но рублей по четыреста мы в ближайшее время имеем. Выясню, стоит ли деньгам дожидаться твоего приезда. Если окажется, что это связано с дополнительными сложностями (всякие там заявления, заблаговременные предупреждения, дабы деньги привезли из банка, и пр.), то я им скажу, чтобы переслали тебе по почте – получишь через десять дней. Если же все окажется просто – пусть лежат; приедешь – сходим (благо это рядом с мамой – через Неву).

[1] Здесь и далее – Неуймина Наталия Кирилловна, главный редактор Лениздата.

2. Наша редакторша по сборнику ПХХIIВ+М сообщила мне, что дело потихоньку движется: рукопись у художника; сокращать ее (как сначала думали), вроде бы не будут; скоро и расклейкой займемся. Они там, в Детгизе, очень настойчиво просят у нас что-нибудь для них. Отношение в издательстве к нам хорошее, надо бы уважить. Будешь думать о будущей работе – думай в этом направлении (тем более что Дмитревский снова и снова твердит, что надобно нам написать что-нибудь этакое… оптимистичное… бодрящее что-нибудь…).

3. То, что происходит с нашими НВ в МолГв, злит меня еще и потому, что я тут перечитывал на досуге и ДоУ, и М, и ПнО и ясно вижу: надо и надо пройтись по всему этому добру рукой мастера, подправить стиль, выкинуть кое-какие благоглупости и пр. Но делать это ВООБЩЕ – неохота, а конкретности мы, судя по всему, так и не добьемся – доведут рукопись до готовой книги без всякого договора, а потом либо разом зарубят, либо разом разрешат. Ты человек опытный, скажи мне: в предположении, что книга все-таки выйдет, будет у нас время и возможность произвести стилистическую правку? Я понимаю, что это вопрос третьестепенный, что ты криво ухмыляешься, читая эти строчки, но – все-таки? Деньги, знаешь ли, деньгами, а занюханную книжку выпускать тоже неохота.

4. Лешка звонил мне из Москвы. Он там общается, в частности, и с мультяшечниками, так все совершенно убеждены, что наша мультяшка – дело решенное. Лешка меня даже слегка обложил: жалуешься, мол, на зажим, а у самого полнометражная мультяшка на выходе. Это я тебе сообщаю твоей бодрости и оптимизма для.

5. Заяву в Детгиз ваш, конечно, дай. Насчет Моногатари я, натурально, пас, а что ПвК мы сможем усовершенствовать и продолжить в том же стиле до бесконечности – в этом я уверен. Был бы договор и псевдоним.

6. Теперь обычные вопросы – в целях финансового планирования. В предположении (опять же), что все пойдет как по маслу, когда можно ожидать поступлений:

а) за мультяшку

б) за ПвК в Мире Приключений

в) за ЧиП в МолГвардейской «Фантастике»

г) за отрывок из ПнО в «Биб-ке совр. ф-ки»?

7. Чехи из «Спирала» прислали просьбу выслать им на рассмотрение ПнО и М. Выслал. То есть ПнО выслал, а М вышлю, когда выйдет сборник.

8. Надеюсь еще до твоего приезда получить от тебя одно письмо.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке приветик!

Наконец Авторам удалось встретиться, но над чем-то конкретно поработать так и не удалось.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Рассказ «Страшный суд» (следствие перед СС; заставляют капать на других, система подслушивания господа бога).

Рассказ о городе-планете. Машина времени, кот<орая> всех отправляет в будущее (м. б., даже насильно – все дальше и дальше в будущее).

Контакт НИИЧАВО с магами другого мира.

Пришелец из чужого будущего и мальчик.

«Малыш рассказывает». «Ковчег» с т<очки> зр<ения> Малыша.

26.02.1973

Арк приехал в Л<енингра>д.

Думаем над мультяшкой и над продолжением ПвК.

3.03.1973

Арк уехал.

7 марта в письме к Борису Штерну БН детально описывал общее положение издательских возможностей фантастики того времени. АБС, в отличие от Штерна, были уже известными писателями, у них имелись контакты в издательствах, но в остальном…

Из архива. Из письма БНа к Б. Штерну

<…>

Сейчас во всех издательствах СПРОС есть только на одну тему: «Рабочий класс». Все остальное идет лишь постольку поскольку. В СССР есть только два журнала, которые печатают ф-ку более или менее регулярно: «Техника – молодежи» и «Знание – сила». Оба журнала предпочитают (от греха подальше) либо отечественную ТЕХНИЧЕСКУЮ, либо переводную литературу этого жанра. Оба журнала окружены жадной толпой старых заслуженных авторов, а равно и молодых напористых халтурщиков, точно знающих, на какой стороне у бутерброда масло. В оба журнала писатель Вашего типа может пробиться лишь случайно и с малой вероятностью. (И тем не менее, советую попробовать – хуже не будет, а лучше – может быть.)

В СССР я знаю только три редакции научно-фантастической литературы: в изд-ве «Молодая Гвардия»; в изд-ве «Детская лит-ра» (Москва) и в изд-ве «Детская лит-ра» (Ленинград, филиал). Спрос на ф-ку во всех трех редакциях последние годы неуклонно падает. И конечно, там тоже есть свои старые заслуженные авторы, которых – в первую очередь, и свои молодые напористые халтурщики, которые пристально стерегут малейший шанс. Самая подходящая для Вас (как для писателя определенного типа) редакция – в «Молодой Гвардии». Но именно там сейчас с ф-кой особенно плохо. (И тем не менее, когда и если Вы соберете десяток-другой рассказов в этакий сборничек, посылать его Вам надо будет в первую очередь именно в «Молодую Гвардию»; обещаю Вам в этом случае рекомендательное письмо, но шансы будут ничтожны, если Вы к этому времени не сумеете опубликовать хоть где-нибудь хотя бы три-четыре рассказа.)

А пока придется Вам писать в пустоту. Стисните зубы. Пишите. Вода камень точит. Все равно Вы обязаны писать, раз уж судьба дала Вам талант.

<…>

Письмо Аркадия брату, 11 марта 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Не писал долго потому, что из-за праздников и выходных ни до кого и ни до чего невозможно было добиться. Так что пока новостей немного.

1. Получил сертификаты: по 81 ряб 88 коп на рыло. Где-то на подходе маленькая сумма в долларах из Испании (Барселона). Собственно, деньги уже имеются в УОАП, но, поскольку это сборник, они направили в Межкнигу просьбу, чтобы там определили, кому сколько платить. Дело, вероятно, недели-двух. А пропо: когда я получал сертификаты, эти недоступные и важные девки повскакали со своих мест за прилавком, облепили меня и взмолились, чтобы я принес им ПнО. «Хоть бы почитать… мы вернем! А то все говорят, какая чудная вещь, а достать негде!»

2. Напечатал и отослал в УОАП во внешний отдел заявление относительно венгерского неустройства с ОО.

3. Начал писать ПвК-2. Пока за всеми хлопотами удалось только разработать подробный план и написать первые полторы страницы.

4. С мультяшечниками пока не встречался. Говорил только с Лариным, который нас обоср… за неумение творчески подойти к сюжету. Намерен сходить еще и посоветоваться с Аграновичем.

5. Вчера весь день сидел у Борецкого. Есть такой парень, Костя Ахтырский, он работает в Комитете по кино, а сейчас перешел на одну из студий зав. редакции так наз. фильмов-сувениров. Это фильмы для частного употребления на пленке в 8 мм для показа дома с проектором. Ведению комитета не подлежат. Было бы занимательно и раскупалось бы охотно. Одна часть в продаже стоит 3 р. 60 коп. Костя предложил нам с Борецким принять участие в качестве режиссера и сценариста. Дело это анонимное, между прочим. Я решил попробовать начать с «Дьявольской шкатулки». А вообще Костя признал желательным делать серию похождений

какого-нибудь одного героя или героев. Ну, там поглядим. А у Борецкого мы собрались по другой причине. Речь идет об экранизации «Стажеров». Имеется уже договоренность с зав. отделом пропаганды ЦК Казахстана и с руководством Казахфильма на постановку этой картины – по МОТИВАМ повести «Стажеры», в связи с тем, что на месте Быкова там будет казах. Уже и актер есть, очень известный казахский актер. Идея: у нас покупают право на экранизацию. Затем пишется сценарий именем Борецкого и Ахтырского, мы им помогаем и участвуем в прибылях анонимно. Собственно, я уже начал помогать: вчера формулировались идеи, определялись характеры и роли героев, писалась очень развернутая заявка, заканчивающаяся словами: «Договоренность о продаже права экранизации с авторами уже достигнута». С богом.

Вот, кажется, и все дела пока.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй мамочку.

Обнимаю, твой Арк.

Адку ждем, раскладушку приготовили.

Да! Прочитал я здесь удивительную книжку – М. Туровская «Герои безгеройного времени». Надлежит тебе достать ее и прочитать незамедлительно. Если не достанешь, скажи Адке, я тебе ее перешлю с нею.

Письмо Бориса брату, 15 марта 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Затею с фильмами для частного употребления одобряю, хотя весьма важной детали – сколько платят? – ты и не сообщил. Насчет «Стажеров» в кино – одобряю тем более. Скорей бы только Борецкий поворачивался.

2. Сертификаты – это хорошёё! Только ты все-таки не написал мне ИСХОДНУЮ сумму ТОЧНО. А если исходить из 81,88 на рыло, то получается, что прислать должны были не 1300 марок, а 1400. Так, все-таки, сколько прислали? Для отчетности это необходимо. Как я им писать буду, имея неточные цифры? И вообще. Выясни, выясни, не уклоняйся.

3. А что они там издали в Барселоне? Я знаю, в Барселоне издавали СБТ. А еще что?

4. Книжку Туровской я прочитал уже довольно давно. Действительно, хорошая книжка. Я тебе о ней рассказывал в свое время. Я оттуда выписал прекрасную цитату из Эпиктета: «Что такое человек? Душонка, обремененная трупом».

5. Новостей у меня никаких нет, окромя того, что Брандис снова спрашивал, что именно мы дадим для Лендетгизовского сборника на 75 год. Я его заверил, что дадим, но сами пока не знаем, что.

6. Было отчетно-перевыборное. Со страшным треском провалили Шестинского. Такого, брат, я не видывал ни разу. Помню, провалили Прокофьева – так там было совсем другое дело: с самого начала было все ясно, обком от него отмежевался, выступающие его материли во весь голос и т. д. Здесь же – все как один хвалили с трибуны, обком – за, а в результате из списка правления в 49 человек (!) выпал единственный (!!) – Шестинский. Теперь морока – кого в первые секретари? Дудин отказался решительно, Ходза – тоже, Воронин – тоже, Гранин – тоже, но нерешительно… В общем – кабак. Больше недели прошло после перевыборов, а первого определить не могут.

7. Что-то ты ничего не пишешь про ХэйкУ Моногатари. И тем меня огорчаешь. Это было бы настоящее дело для тебя – не то что вонючая диссертация.

8. Работа моя с Лешкой приостановилась: Лешка сидит в Москве и чего-то улаживает с Симоновым. Ох, уж мне эти знаменитые писатели! Лешка подарил мне свою идею детективного сценария. Собственно, не мне, конечно, а нам; и не одну идею, а две. Во-первых, идею написать сценарий про Джона Брауна и его сыновей. Гарантирует девяносто процентов проходимости. Правда, про Д. Брауна я знаю только, что он заступался за негров и что тело его воспето в популярной песне[1]. Не очень-то мне охота с этим связываться, но если ты – за, то отчего же? А во-вторых, идея детектива:

[1] Песня «John Brown's Body» (слова У. Стэффа, мотив религиозного гимна).

бывший русский эсэсовец, скрывающий татуировку под мышкой, а татуировку эту видит некий человек. Последний ничего не понимает, а на него начинается охота. (Точно такая история была на самом деле в Сосново: одному трактористу стало плохо на работе, прибежал врач, осмотрел его и узрел татуировку. Правда, этот врач был образованный…) В обоих случаях Лешка предлагает свое сотрудничество (на паях, разумеется) в написании сценария и свои услуги для пробития заявки, но снимать фильм при прочих равных не намерен.

9. Вообще-то, все это – моча. Нам надо писать вещь для печати. Я тут подумываю так и эдак об РНпСО («Рукопись, найденная…») – ей-богу, стоит повозиться! И МиП, при всех его недостатках, стоит внимания. Одна беда – и то и другое, все-таки, как я чую, не для Детгиза. Ну и плевать. Писать надо! Писать! Собираться нос к носу и писать! Как встарь.

10. С телевидения не звонили, а сам я не звоню, потому что, как выяснилось, начисто забыл всю историю с Рыбкиным. Невелика потеря, конечно, но обидно.

11. Говорил я тут с одним. Очень он рекомендовал нам обратиться в изд-во «Современник». Говорит, что сидит там в основном молодежь, и довольно приличная, а главный, некто Цветков, так и совсем шарман. А? Переиздание бы туда сунуть – ПкБ+ТББ+ОО. А?

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 16 марта 1973, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Позавчера рассказал Борецкому наши три сюжета: «Дьявольская шкатулка», «За проходной» и «Невидимки». Ему все очень понравилось. Остается, чтобы это понравилось Ахтырскому. Все в руках божьих. Если получится, то за каждый сюжет получим по 500 ру. Но я имею основания сомневаться. В общем, посмотрим. Буду следить тщательно за всем этим делом. Думаю, не разворуют.

2. Насчет сертификатов. Нам получилось 1330 марок. Имей еще в виду, что с нас берется подоходный налог.

3. В Барселоне издали сборник советской фантастики. У нас там – «Второе нашествие». Днями буду звонить, просить, чтобы дали экз. Но кажется, это безнадюга. Сейчас в связи с заключением конвенции все пошло кувырком. Ничего ни у кого не понять.

4. Насчет ХэйкЭ моногатари – пока все закисло. Слишком много людей заинтересовано в том, чтобы дать сразу академический вариант. Я отступаю, даже не огрызаясь. Хрен с ними.

5. Звоню беспрерывно Беле: никаких положительных сведений. Предисловие Волкова будет только к концу месяца, рукопись находится у Авраменки, она еще не прочитала и т. д. Однако есть сведения, что в Литобозе («Литературное обозрение») уже вышла положительная рецензия Ревича на ПнО[1]. К сожалению, связаться с Ревичем непосредственно я не смог. Видимо, завтра идем к нему в гости.

6. Льщу себя надеждой, что сможем встретиться в начале апреля. Это было бы славно. Попробуй взять путевки хотя бы с пятого по двадцатое.

Вот все пока. Жму и целую, твой Арк.

Нечасты теперь рецензии, посвященные книгам Авторов. Статья Всеволода Ревича в «Литературном обозрении» в основном положительно оценивает ПНО, хотя отмечает и некоторые недостатки стиля повести.

Из: Ревич В. Позднее прозрение рыжего Шухарта

<…>

Мы испытываем симпатии к этому парню, но это горькие симпатии. Ведь из Шухарта мог получиться толк – он не только смел и умен, он добр, в нем живет чувство справедливости, на него можно положиться. Он вытаскивает из Зоны напарника с переломанными ногами, хотя ничуть не

[1] Ревич В. Позднее прозрение рыжего Шухарта // Литературное обозрение. (М.). – 1973. – № 2.

сомневается: не повези ему, этот самый напарник бросил бы его без размышлений. Он очень любит свою жену и дочь. Он не жаден, и, как сам говорит, деньги ему нужны лишь для того, чтобы не думать о них.

Словом, в Рэде много хорошего, и вовсе не врожденной порочностью объясняется тот путь, по которому идет он к своему последнему, жестокому преступлению.

Мы не можем не симпатизировать Шухарту еще и потому, что в нем постоянно горит ненависть к тем преуспевающим типам, среди которых он живет. На это общество он не желает трудиться, в этой компании он не хочет жить честно.

<…>

Но прежде чем перейти к последней главе, самой важной в повести, надо еще раз взглянуть на Зону, вокруг которой вертится хармонтский хоровод. Что это такое – служебная научно-техническая придумка или, может быть, образ Зоны несет более серьезную нагрузку?

<…>

И вот что самое важное. Известно, что кое-кто из зарубежных идеологов научно-технической революции возлагает на нее слишком большие надежды. Стоит, мол, только обуздать дешевую термоядерную энергию, стоит передать все управление в «руки» неошибающимся компьютерам, стоит повсеместно внедрить «зеленую революцию» на полях – и это автоматически сделает жизнь человечества легкой и счастливой.

И вот перед людьми «подарки» пришельцев, являющие собой такую степень научно-технического прогресса, которая никому из земных ученых и не снилась. И дело здесь не только в отдельных чудесах; как говорит один из героев повести, всего важнее – сам факт Посещения, он имеет кардинальное мировоззренческое значение. И что же, сделало ли все это людей, хотя бы того же Рэдрика Шухарта, хоть капельку счастливее? Да нет, все осталось по-прежнему – те же волчьи отношения, злобная грызня за долю в добыче, торжество сильных и затирание слабых.

И тут, пожалуй, можно реабилитировать земную науку: не она оказалась не готовой к встрече с более высоким разумом, к решительному рывку в прогрессе; хармонтское общество оказалось не готовым.

<…>

Но даже в этом своем прозрении, в этом последнем порыве Шухарт остается сыном того общества, которое его сформировало. И погибший мальчик тоже. Их долго приучали к вере в различных идолов, и разве в своей молитве не напоминают они первобытных охотников, которые просят у каменного истукана удачной охоты для всего племени? Может быть, в личном плане для данного охотника это серьезная победа над эгоистическими стремлениями захватить все одному себе, но почему, собственно, люди должны выпрашивать себе счастье у добреньких дядей из космоса? Так, мне кажется, надо трактовать неожиданную и драматическую финальную сцену, но, может быть, читателям было бы легче разобраться в задуманном, если бы авторы каким-то образом высказали бы и свою оценку происходящего…

Мне думается, что в «Пикнике» Стругацкие после нескольких неудач снова достигли уровня лучших страниц своей прозы. Правда, мне, например, не кажутся такой уж находкой противные ожившие мертвецы, а главное – некоторые особенности речи героев.

В сущности, авторы «Пикника на обочине» находились в сложном положении переводчика, который должен донести до русского читателя особенности жаргонной речи каких-нибудь иностранных гангстеров, найти тот оптимальный вариант, при котором этот словарный состав будет и понятен русскому читателю и в то же время не потеряет своей национальной и социальной принадлежности.

Стругацкие, понятно, ничего не переводят, но образ они создают вполне определенный: страна, а которой живет Шухарт, условная, но и в этой условности тоже есть своя определенность. И вдруг герой «Пикника» начинает выражаться языком «наших» стиляг или «блатных», что, конечно,

нарушает цельность этого сложного и поучительного характера.

Письмо Бориса брату, 18 марта 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

1. Только что написал письмо в ЭКОН ФЕРЛАГ ГМБХ. Спрашиваю, за что нам перевели гонорар, и прошу газетные отклики на ОО. Отправлю заказным сегодня или завтра.

2. Насчет сертификатов. Снова и снова прошу тебя записывать и сообщать мне каждую цифру, которую тебе удается выяснить (точно). То есть теоретически можно получить четыре числа: сумма в марках, переведенная на Межкнигу; сумма в марках, положенная на наше имя (результат вычета из предыдущей 25 процентов); сумма в сертификатных рублях на наше имя во Внешпосылторге (предыдущая сумма, переведенная по курсу в рубли); сумма в сертификатных рублях, выдаваемая на руки (предыдущая сумма за вычетом 35 процентов). В идеале хорошо бы знать все четыре числа. Два последних ты можешь выяснить совершенно точно, получая наличные во Внешпосылторге. Что касается первого и второго, то одно из них (а, возможно, и оба?) ты можешь узнать в Межкниге или УОАПе. Пожалуйста, не ленись и каждый раз выясняй все это, без стеснения записывая искомое число в книжечку, дабы не возлагать излишних надежд на перегруженную заботами и склерозом память. Вот будешь получать деньги за барселонское издание (если) – сразу и займись.

3. В результате сложных подсчетов мне удалось добиться совпадения полученной от ФРГ суммы с ожидаемой. Просто я поначалу забыл, что марка уже ревальвировалась однажды и теперь стоит 25,6 коп вместо прежних 24,8. Между прочим, недавно ее снова ревальвировали, но мы успели получить по старому курсу, а то потеряли бы еще 3 процента. Вот так вот оплата труда титанов советской

фантастики зависит от валютных бурь, сотрясающих так называемый «свободный мир».

4. Очень огорчительно, что ХэйкУ Моногатари отпал. Или, может быть, шансы еще есть?

5. Теперь насчет путевок. Ты знаешь, как я хочу работать. Я весь изнылся. Но! Хватит с меня унизительных объяснений в Литфонде-с! Позвонить мне туда не трудно, съездить – лишь немногим труднее, и может быть, даже заказ мой примут (хотя время весеннее, старички лезут на солнышко, и местов может не оказаться). Но! А ты потом скажешь, что у тебя срочные дела и пр. Давай лучше так. Ты точно уясняешь себе свое положение. Скажем, в течение 10–14 дней. Затем отписываешь мне, и я попытаюсь хоть разок в жизни получить путевки с налету, коротким решительным ударом, по телефону, как это делают все известные мне писатели. Получится – прекрасно! Не получится – закажу на конец апреля – начало мая. А? Ей-богу, надоело чувствовать себя виноватым перед этими чиновниками. Они ведь, падлы, каждый раз нам одолжение делают, мы ведь не члены правления и даже не члены бюро (я, по крайней мере).

6. Да. Будешь в Межкниге или УОАПе, попробуй выяснить, как будет дальше, после заключения конвенции. С кем будут заключать договора – с автором или с Межкнигой? Деньги будут по-прежнему в сертификатах или теперь уже в рублях (как с Венгрией)? И т. д. Насчет обратной силы попытайся выяснить. Вот у нас в Польше должна в этом году выйти минимум одна книжка и в ГДР тоже, договоров, натурально, нет, теперь что же – мы вообще ничего за них не можем получить? Логика такая: раньше не было конвенции, но издательства из любезности отваливали-таки куш, если туда приедешь, а теперь как? Выясни, выясни, язык, небось, не отсохнет, а за спрос деньги не берут.

7. А новостей у меня никаких нет. Все ждут сборника с М, который обещают вот-вот выпустить.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Бориса брату, 2 апреля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Как мне сообщила мама, ты жалуешься, что от меня нет писем. Очень мило! Значит, ты не получил моего письма, отправленного тебе где-то в середине марта? Не помню уж, писал ли я тебе там что-нибудь важное, но одно там во всяком случае было: я просил тебя тщательно взвесить все свои возможности и уладить все дела, прежде чем я буду заказывать путевки в Комарово. С тех пор я жду ответа. Путевок, естественно, не заказываю. Сопоставив все возможности, пришел к выводу, что ты не пишешь потому, что новостей нет, а дела твои все еще не улажены и дать приказ: «Путевки!» ты пока не можешь… Очень мило! Работа почты улучшается из месяца в месяц – раньше письма только задерживались, теперь они вовсе не доходят.

У меня никаких событий нет, поскольку их, собственно, и не должно быть. Детгизовский сборник все еще «вот-вот выйдет». Из гэдээровского изд-ва «Фольк унд Вельт» прислали любезное письмо, где сообщают, что «Отель» выйдет у них «в течение ближайших недель», и спрашивают, где у нас будут публиковаться полные, не журнальные, тексты М и ПнО. Я понемногу работаю с Лешкой, занимаюсь по просьбе Брандиса с молодыми писателями при секции, время от времени прикидываю, что же нам теперь писать. Между прочим, худо-бедно, а набирается-таки ПЯТЬ сюжетов. Все сырые, все неразработанные, все не ах, но думать есть над чем.

Как дела у тебя? Что с ПвК? Что с мультом? Двигается ли дело? Не-ет, брат, неправильно мы все с тобой в этом году распланировали! Каюсь, я виноват. Надо было собраться два-три раза словно для настоящей работы и кончить с этой мурой, чтобы тебе осталась только доводка и не надо было голову ломать. Ладно, век живи, век учись. Впредь буду умнее. Пропал весь сезон! Ни настоящих повестей, ни денег. Страм.

В общем, теперь жду твоих соображений насчет дальнейшего. И учти, что я не знаю ничего из того, что случилось (если) после, грубо говоря, 15-го марта. Отпиши, ради христа.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

«…Занимаюсь по просьбе Брандиса с молодыми писателями при секции» – это начатки семинара, который БН возглавляет теперь уже более трех с половиной десятков лет. Вот как БН рассказывает о начале:

Из: БНС. Семинар Бориса Стругацкого

– Борис Натанович, когда Вам предложили принять руководство семинаром, Вы согласились сразу, или были какие-то колебания, сомнения?

– Никаких сомнений не было. Тем более что мне нравилось работать с молодыми писателями, а идеи семинара мне всегда импонировали. Так что предложение я принял с радостью и без колебаний. К тому же, прежний руководитель семинара, Илья Иосифович Варшавский, проводить занятия из-за болезни был уже не в силах, и, когда мне предложили поддержать падающее знамя, отказаться я просто не мог.

Из: БНС. Фантастика сегодня, завтра…

– Что побудило вас взяться за работу с молодыми авторами? Ведь вы со своим братом Аркадием Натановичем много пишете, и свободного времени, должно быть, остается не так уж много…

– Много лет назад моя мама, заслуженная учительница РСФСР, сказала, что есть во мне педагогическая жилка. Вероятно, она была права. Мне нравится «возиться с молодыми», я люблю читать хорошие рукописи, иногда мне удается дать полезный совет, это меня радует.

Письмо Бориса брату, 6 апреля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе сразу после нашего неоконченного разговора. Ну и связь у нас! Ладно, попытаемся прибегнуть к методу заказной корреспонденции.

1. К сведению: первое письмо я послал тебе 17 марта; второе – 2 апреля.

2. Сегодня пришел ответ на мой запрос в Экон Классен. Прислали, как я и просил, очередную пачку рецензий на ТББ и ОО. Матерьял, судя по внешнему виду, того же рода, что и раньше, правда, есть радиорецензия, которую передавали у них где-то там в Кёльне. Интересно другое: впервые они прислали настоящий финансовый отчет – копию отчета, направленного в свое время в Межкнигу. Из отчета выясняется:

а). Деньги, которые мы получили в последний раз (1330 м.), есть гонорар (за вычетом аванса) за экземпляры, проданные в период от выхода ТББ до 31.12.1971 года (!). Всего за указанный период продано 1804 экза, с каждого нам причитается 0,91 м (8 процентов продажной стоимости), итого 1642 м. Плюс деньги, полученные по лицензии с Гейне-ферлага (!), одна треть некоей суммы, всего 631 м. Итого – 2273 м. Минус аванс – 500 м. Минус налог (оказывается, и они еще дерут налог!) – 25 проц., т. е. 443 м. Итого послано в Межкнигу 1330 марок.

б). Таким образом, денег по ТББ за 1972 и, тем более, за 1973 год мы еще не получали.

в). Денег за ОО, который вышел в 1972 году, мы, значит, тоже еще не получали, если не считать аванса.

г). С Гейне-ферлага мы таки что-то имеем, хотя и непонятно, третью часть чего именно нам перечисляют.

Такие вот у нас валютные дела.

2. Итак, позвонил Андрей Островский. Для разгону сообщил, что пришла очередная пачка рисунков какого-то любителя к нашим произведениям, а потом предложил вступить в договорные отношения. С Торопыгиным – главредом –

вроде бы все уже улажено. В чем загвоздка? Прежде всего в том, что на составление заявки нам дается меньше месяца – представить ее надо к началу мая. (В мае они начнут собирать сентябрьский номер и хотят знать, что у них будет в рекламе на 74 год.) Другая загвоздка в том, что у нас накопилось пять возможных сюжетов, и ни один толком не разработан. Что выбрать для заявки – непонятно. Вот что у нас есть (напоминаю):

а). «Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах» (РОпСО). Дневник современного писателя. Внешний сюжет: писателя принимают за пришельца. Внутренний сюжет – история планеты, построившей машины для переброски в будущее. Сюжет разработан на 4 (в десятибалльной системе). Повесть может получиться на 7–8 баллов (10 баллов считаем ГО). Вероятность опубликования довольно велика, хотя чем лучше получится повесть, тем меньше шансов, что ее опубликуют. Составить проходимую заявку довольно трудно, но все-таки можно.

б). «Новосел» (Н). История современного молодого человека, получившего новую квартиру. Сатирическая сказка. Сюжет разработан на 2 балла. Повесть может получиться на 6–8 баллов. Вероятность опубликования вряд ли больше половины; для восьмибалльной повести – существенно меньше. Проходимую заявку составить очень легко.

в). «Мальчик из преисподней» (МиП). История инопланетного вервольфа, пробудившего забытые инстинкты в ребятах светлого будущего. Сюжет разработан на 5 баллов. Повесть может получиться на 6–7 баллов. Вероятность опубликования довольно велика – собственно, для шестибалльной повести типа «Малыша» она близка к единице. Проходимую заявку составить легко.

г). «Июль с пришельцем» (ИсП). История одного математика, который взял в июле академический отпуск, сидит в квартире один (семья на даче) и вдруг обнаруживает пришельца, который вперся на своем корабле к нему в детскую. Целый месяц они проводят вместе, спасаясь от преследования

соседей, дворников, милиции и приятелей как математика, так и его сына – очень реалистическая ситуация: представь мою квартиру. Масса забавных и трагикомических приключений. Элемент новизны: пришелец оказывается туристом; хотя он и житель суперцивилизации, но ни хрена о ней не знает – существо жалкое и ничтожное – современный инкассатор, у которого пытаются выяснить, как устроен мир, в котором он живет или, хотя бы, магнитофон, которым он пользуется. Возможно объединение с Н – пришельца замуровали в стену строители дома. Сюжет разработан (мной) на 4–5 баллов. Повесть может получиться на 6–7 баллов. Вероятность опубликования довольно велика. Проходимую заявку составить легко.

д). «События на рифе Октопус» (СнРО). История открытия и уничтожения странной формы жизни, способной снижать у людей уровень мотивации преступных действий. Сюжет разработан на 5–6 баллов. Повесть может получиться на 7–8 баллов. Вероятность опубликования около половины, быстро уменьшается, если повесть получается лучше. Проходимую заявку составить трудненько, но можно.

Надо, наверное, иметь в виду еще вот что: Н, МиП и ИсП по крайней мере ТЕОРЕТИЧЕСКИ могут оказаться пригодными для Детгиза; РОпСО и СнРО – вряд ли.

Такая вот получается картина. Думай, брат, думай! Я уже несколько дней думаю, ничего особенного не придумал.

По-моему, каждый из нас должен дать ответы на следующие вопросы:

1. Хочется ли мне писать данную повесть? В сколько баллов я оцениваю это желание? (ГО – принимаем за 10 баллов.)

2. Сумею ли я писать данную повесть? Достаточно ли хорошо я ее себе представляю, чтобы за нее браться и написать ее к ноябрю-декабрю? В сколько баллов я оцениваю свою практическую готовность? (ГО – 10 баллов.)

3. Надо ли писать эту повесть? Стал бы я ее писать, если бы не нуждался в деньгах? В сколько баллов я оцениваю эту

готовность писать без денег? (ГО – 10 баллов.) (Может показаться, что 3 похоже на 1. Это не так. В 1 имеется в виду реальная сегодняшняя ситуация, когда писать кроме указанных повестей больше нечего. В 3 рассматривается ситуация абстрактная: все хорошо, все прекрасно, так стоит ли заниматься данной повестью?

Я уже проставил оценки (баллы) по каждому пункту для каждой повести. Для вящей объективности сохраню их от тебя в тайне. Ты тоже проставь и пришли мне. Посмотрим, велик ли разброс оценок и какая повесть наберет больше всего баллов. Может быть, именно ее и следует заявить. Конечно, кроме сухих баллов, я хотел бы получить от тебя любые другие практические соображения.

Время у нас пока еще есть. В течение двух-трех недель надо что-то выбрать, я накатаю заявочку (соображения по заявкам на РОпСО и СнРО обязательно мне пришли) и отнесу в «Аврору». Глядишь – авансик отломится!

Вот пока и все. Отвечай побыстрее, но поразмыслив. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

P. P. S. А телефон так до сих пор и молчит у меня! Вот уже два часа.

Письмо Аркадия брату, 11 апреля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Наконец, наконец, муха села[1]. Вчера вечером явилась зареванная почтальонша и вручила мне изрядную пачку писем. Их, оказалось, складывали в ящик квартиры 273 соседнего дома, где (в квартире) никто не живет пока. Получил сразу оба твои письма, два письма от мамы, всевозможные извещения, а также письмо от нашего венгра-переводчика Геллерта, в котором он любезно сообщает, что номера «Авроры» с ПнО получил, прочел и ему понравилось, ведет переговоры с издательством. Ну-с…

[1] Строка фривольного стишка.

1. В МолГв пока все на мертвой точке, потому что серьезно заболела Бела. Впрочем, рукопись уже у Авраменко, а она, по словам редакционных друзей наших, землю роет, чтобы книга вышла. Но конкретного ничего.

2. После апреля зашевелится наше дело в Детгизе в смысле договора на большой сборник о Быкове и Ко. Так сказала Нина.

3. Как я тебе уже по телефону докладывал, мультик понемногу продвигается. Я регулярно встречаюсь с Котеночкиным, уточняю детали и пр. К началу мая я предоставляю ему готовый сценарий, и он сразу принимается за режиссерскую разработку. Запуск фильма – в октябре. Интриги по этому поводу разводятся отчаянные, в основном Хитруком.

4. С трудом продвигаюсь по стезе ПвК-2. Нина дала еще один срок (это я тебе тоже говорил, но зафиксируем письменно) до 1 мая. Надеюсь уложиться. Написал сорок страниц, нужно еще хотя бы столько же.

5. Разговаривать сейчас о положении с конвенцией просто смехотворно. Никто ничего не знает. Насколько мне известно, комиссия по разработке положения с конвенцией разбухла уже до пятисот человек, и каждый несет свое. Авторское право отменено, нового нет, министерство финансов вырабатывает гонорарный устав, по которому писатели и художники, при сохранении нынешних гонорарных ставок, будут получать на 30–35 % меньше, нежели раньше. Впрочем, все это так, слухи. Сам знаешь, когда нет информации, питаемся жирной пеной слухов.

6. Сборник «Фантастика 72–73» в МолГв (это я тоже тебе говорил, кажется) вот-вот выйдет, там ЧиП, кое-что перепадет. На прямой дороге к выходу и 25-й том с главой из ПнО.

7. Затея с Хэйкэ действительно провалилась, и это очень жаль. Но Гослитиздат заказывает мне небольшой перевод из Ихара Сайкаку, был такой классик у японцев в начале 17-го века. На безрыбье, сам понимаешь.

8. О Комарове. Как я успел тебе сказать, приемлемо было бы похлопотать о путевочке где-нибудь с пятого-десятого мая. Но если это очень трудно, валяй к нам. Ей-ей, мы и здесь отлично поработаем. Что нам? Ну, попитаемся консервированными супами, только это ведь и препона, других я не вижу. А раздольице у нас отличное, даже прогулки не противопоказаны. Подумай.

Что же это там такое с М?

Знаешь, я хочу для уточнения всех вопросов и полного обмена информацией прикатить в Ленинград денька на три-четыре где-нибудь числа 19-го или 20-го. Этот срок связан с тем, что 18-го в Детгизе гонорарный день, и мне там перепадет несколько десяток за рецензию.

Вот пока все. Крепко обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу, поцелуй маму. Я ей отпишу.

Письмо Аркадия брату, 14 апреля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Получил позавчера твое заказное (тоже, брат, сроки: выходит, письмо шло до меня пять дней!). Отвечаю коротко, поскольку, очевидно, подробно будем разговаривать при встрече дней через семь или десять.

Продумал я все ТЩАТЕЛЬНО (насколько я умею и могу при нынешних обстоятельствах что-нибудь ТЩАТЕЛЬНО продумывать) и пришел к выводу: писать надо «Мальчика из преисподней». Ты сам сформулировал все формальные выгоды этого выбора (сюжет разработан на 5, повесть может получиться на 6–7, вероятность опубликования близка к 1). Кроме того, даю оценки по предложенным тобой пунктам, причем загодя утверждаю, что эта повесть получила у меня по всем трем пунктам наивысшие оценки, а именно: 1. Желание писать при нынешних конкретных обстоятельствах – 8 баллов. 2. Практическая готовность писать – 7 баллов. 3. Желание писать в абстрактном плане – 7,5 баллов.

По остальным сюжетам соответственно:

РОпСО – 3; 4; 6.

Н – 4; 5; 5.

ИсП – 5; 7; 5.

СнРО – 2; 7; 7.

Вот в таком плане. В пользу МиП есть и еще одно соображение, но о нем пока говорить рано, думаю, к моменту встречи все прояснится. Я имею в виду возможности кино.

Итак, я за то, чтобы ты сразу же по получении сего письма, не дожидаясь моего приезда, накатал заявочку страницы на четыре и отнес бы к Топоркову[1].

Вот пока все. Рассчитываю получить от тебя еще одно письмо до приезда.

Привет Адке и Росшеперу. Жму и целую, твой Арк.

Поздравляю с рождением и желаю.

Письмо Бориса брату, 15 апреля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю сразу на оба твои письма.

1. Сравнение наших оценок показало следующее. Сумма всех баллов и среднее:

		я	ты
РОпСО	15,0	17	13
Н	11,5	9	14
МиП	16,8	11	22,5
ИсП	17,0	17	17
СнРО	17,0	18	16

Далее я попытался учесть то обстоятельство, что желание писать и способность писать данное произведение для нас практически ценнее, чем общественная необходимость

[1] Точнее, к Торопыгину, главному редактору журнала «Аврора». Ошибка памяти АНа.

писать его. Поэтому баллы по первым двум параметрам я складывал, удвоивши их, а балл по третьему параметру складывал, умножая на единичку. Таким образом получают среднее ВЗВЕШЕННОЕ. Получилось:

		я	ты
РОпСО	25,9	30	20
Н	18,5	14	23
МиП	28,8	20	37,5
ИсП	30,0	31	29
СнРО	28,0	31	25

Картина в общем, как видишь, получилась сходная, но формальный вывод: писать надо ИсП. Во-первых, ИсП по обоим методам выходит на первое место; во-вторых, по ИсП у нас НАИЛУЧШАЯ сходимость оценок – мы, не сговариваясь, дали ИсП почти одинаковое кол-во баллов. Впрочем, сам понимаешь, такие вещи статистикой не решаются. Поэтому никаких заявок я пока писать не буду, тем более что время есть, а ты должен приехать. Приедешь, окончательно все обсудим, да и заявку, наверное, напишем тут же. Нам нужно четко уяснить, какую вещь мы лучше себе представляем. Например, я лучше представляю себе ИсП, но зато – это опять история с пришельцем, что надоело. С другой стороны, МиП – светлое будущее (тоже не сахар), и придется корячиться над деталями, а ИсП – наше время, с деталями все ОК. В общем, приезжай: будем выбирать между ИсП и МиП.

2. Я тоже полагаю, что, встретившись у тебя в Москве, а не в Комарове, мы ничего не потеряем. Готов приехать в первых числах дней на 10–12.

3. Прислала письмо Ирена Левандовска, предлагает выслать вызов на сентябрь. Я написал ей, чтобы пригласила нас с Адкой, а ты, мол, еще не решил и решишь позже. Подумай на эту тему.

4. Звонил я в производственный отдел Лендетгиза. Сказали, что сейчас сборник находится в Горлите и они надеются, что тираж пойдет после 20-го. Гм.

5. Волгоградские ребята прислали мне на день рождения великолепную коллекцию фотографий разнообразнейших пистолетов с подробными историями. Так что теперь наш Воронин будет собирать свою коллекцию оружия со смыслом и знанием дела.

Вот, кажется, пока и все.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

Все сюжеты и подсчеты БН тщательно фиксирует в рабочем дневнике.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Возможные сюжеты:

1. «Рукопись, [«найденная» – вычеркнуто] обнаруженная при странных обстоятельствах».

Дневник чел<ове>ка, которого принимают за пришельца. Он пишет в дневнике роман о машине, перебрасывающей в будущее, как о собственной судьбе.

(М. б. – детектив об исчезновении человека; появившаяся и исчезнувшая телефонная будка; дневник обнаружен на Марсе). О жажде необычайного у людей.

2. «Новосел». См. выше.

3. «Мальчик из преисподней». Его спасают, когда он ранен; держат в интернате; он увлекает ребят на свою планету и там – убийство.

4. «[«Отпуск» – перечеркнуто] Июль с пришельцем». Пришелец-турист вперся в детскую. Продавец, ничего не знает, жалкая личность, запуганная, боится подслушивания. Запах духов. Милиция (из-за соседней квартиры). Дворник. Соседи. Гости. Подозрения. Проблема питания. Мучения без всякой научной пользы.

5. «Риф Октопус» [исправлено на «События на рифе Октопус»]. См. выше. Идея: снижение уровня мотивации.

	РОпСО	Н	МиП	ИсП	СнРО
Разработка сюжета на	4	2	5	4,5	5,5
Повесть может получиться на	7,5	7,0	6,5	6.5	7,5
[среднее]	5,8	4,5	5,8	5,5	6,5
Вероятность опубликования	>1/2	<1/2	>> 1/2	> 1/2	1/2
	6	4	8	8	5
Годность для Детгиза	0	1	1	1	0
Желание писать	6	2	4	6	6
2 х	3	4	8	5	2
Способность писать	7	3	4	8	7
2 х	4	5	7	7	7
Общ. необходимость писать	4	4	2	3	5
1 х	6	5	7,5	5	7
	17	9	11	17	18
	13	14	22,5	17	16
	30	14	20	31	31
	20	23	37,5	29	25
	6,0	2,8	4,0	6,2	6,2
среднее	15,0	11,5	16,8	17,0	17,0
	25,0	18,5	28,8	30,0	28,0

Ср. балл:

5,7	4,3	3,0	4,7	3,7	7,5
6,0	4,0	2,8	4,6	4,0	7,5
5,0		3,8		5,6	
5,0		3,7		5,8	

И вот Авторы встречаются в Ленинграде – пока еще не для работы, «сделано столько-то, вечером сделано столько-то» будет потом, но дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. После недолгих обсуждений АБС начинают продумывать сюжет ЗМЛДКС.

Рабочий дневник АБС

23.04.73

Арк приехал писать заявку в «Аврору»

1. «Фауст, XX век». Ад и рай пытаются прекратить развитие науки.

2. «За миллиард лет до конца света» (до страшного суда).

Диверсанты

Дьявол

Пришельцы

Спруты Спиридоны

Союз 9-ти

Вселенная

α) Явления чисто бытовые, вполне вероятные: соблазнительная подруга жены,

β) Явления бытовые, но чрезвычайно маловероятные: коньяк в холодильнике,

γ) Явления мистического плана: привидение,

δ) Явления н/ф плана: пришельцы, замедление хода времени,

ε) Явления внецелевые: кусок мяса,

Motto[1]: наш долг перед человечеством, а не перед вселенной.

Заявка

Предлагаем вашему вниманию новую фантастико-приключенческую повесть «За миллиард лет до конца света» (название условное).

Действие повести разворачивается в наше время в одном из крупных городов Советского Союза. Герои повести – молодые ученые, специалисты в практически не связанных между собой областях науки. Каждый из них, работая в своей области, стоит на пороге небезынтересного (хотя и не блестящего) открытия. И тут все они начинают ощущать себя в центре каких-то странных, зачастую фантастических событий. Проходит немного времени, и они осознают, что какая-то мощная сила старается помешать им закончить работу. Сопоставляя свои наблюдения и догадки, они приходят к выводу, что работа каждого из них является частью некоего надвигающегося открытия огромной важности, и этого открытия боятся и не хотят представители иного, нечеловеческого разума. Преодолев (не без потерь) все трудности, наши

[1] Здесь: девиз.

герои не только заканчивают свою работу, но и, обративши зло в добро, вплотную принимаются за поиск этой неведомой, но уже витающей в воздухе идеи, которая может быть поднимет человечество на новый уровень знания и могущества.

Повесть видится нами как увлекательное, полное загадочных происшествий повествование. С другой стороны, это будет рассказ о неизбежности и неостановимости научно-технического прогресса, о мужестве и бесстрашии настоящего ученого, о верности его долгу перед человечеством.

Ожидаемый объем повести – 7–8 авторских листов. Рукопись может быть представлена в ноябре-декабре 1973 г.

– Камень свалился с моей души… и застрял за пазухой.

24.04.73

Сделали заявку в «Аврору» на ЗМЛдКС.

Баба (подруга жены с запиской; оч<ень> соблазнительная).

Коньяк в холодильнике.

Странное (само)убийство соседа.

Странное поведение следователя (Кафка).

Дьявол: копыта на подоконнике.

Агент союза 9-ти.

Агент пришельцев.

Внезапное повышение на службе, требующее отказа от работы.

Коллекционерские находки (монеты, марки).

Нашествие сладострастных баб.

Фальшивые идеи (Ньютон – пойман на Апокалипсис; Ферма никогда не доказывал своей теоремы, почерк не его).

Телефонные звонки (телефон соединился с бюро разных справок).

Подкинут мальчика, 4-х лет («Больше воспитывать не могу, воспитай сам»).

Застрял в лифте.

Раздражение – удивление – страх – I понимание (все это не случайно) – ужас, поиск поддержки.

Губарь – электронщик, знакомый Вайнгартена, 29 л<ет>. Захар Захарович, бабник.

Малянов – 1-е лицо, астроном. Дмитрий Алексеевич.

Вечеровский – математик. Филипп Павлович.

Лубнева Софья Марковна – баба.

Вайнгартен – биолог, генетик. Валентин Анатольевич.

Глухов – лингвист-историк, знакомый Губаря. Владлен Семенович.

Снеговой – сосед убитый, физик из ящика. Арнольд Петрович.

Малянов Дмитрий Алексеевич, астроном, 30 лет, кандидат наук, Институт теоретической астрофизики, мнс, 170 р. в месяц, рядовой науки, без собственной темы, на подхвате, озарен темой «Распределение плотности в газопылевом облаке под воздействием звезд разных светимостей». Жена и ребенок у родителей жены в Одессе. Жена работает, в отпуске (она из того же института). Отец погиб, мать живет у брата в этом же городе. Хобби – фотослайды. (Обнаружил в своей слайдотеке снимки, кот<орых> никогда раньше не видел.) Похож на [«Севку Ревича» – вычеркнуто] Б. Н. С.

Жена – Ирка.

Сын – Бобка.

Вечеровский Филипп Павлович, математик, учился вместе с Маляновым в матмехе, 30 лет, доктор наук, профессор университета, тема – ?, разведен, купил квартиру в элит<ном> кооперативе. Родители в другом городе. Хобби – Брассанс, Пит Сигер и десятки др., крутит на магнитофоне, и поэзия. Похож на Шилейко. Читает стихи, хе-хе-хе, чисто физиологическое удовольствие – довольное уханье уэллсовского марсианина, когда они напиваются кровью.

Вайнгартен Валентин Анатольевич, биолог-генетик, учился вместе с Маляновым в школе, 5 лет на одной парте, 30 лет, кандидат, без пяти минут доктор, работает в Институте защиты растений АН, зав. отделом (израиец), женат, двое дочек. Страстный коллекционер марок, монет, значков, пуговиц, а также кактусов. Похож на Громова: преждевременно поста-

ревший, почти лысый, горбоносый, очень болезненного вида, тощий, но с брюшком. Привычка: у всех спрашивает «покажи мелочь», грызет обгорелые спички, очень язвителен, полностью под каблуком жены, в науке – фантастический эрудит, знает всю биологию. Сын очень крупного биолога.

Губарь Захар Захарович, электронщик, одно время учились вместе с Вайнгартеном на биофаке, 30 лет, МНС в ящике, готовит кандидатскую. Холост, большой бабник, ничего не кончал, а работает где угодно, стал конструктором без диплома a la Мирер или Копылов. Мастерит проигрыватели, карманные приемники, миниатюрные телевизоры. Похож на Ревича.

Глухов Владлен Семенович, италист, познакомился с Губарем в больнице, 40 лет, сотрудник Института Европы, кандидат, разрабатывает тему «Практика и последствия культурного влияния США на Италию. Количественная и качественная оценка», заведует группой, ст<арший> науч<ный> сотрудник. Женат, сын-студент (пьют вместе). Одна из лучших в СССР коллекция детективов (читает только какой-то памятник, малоизвестный широкой публике, и детективы в переводе на итальянский). Пишет в ЛГ статьи о зарубежном детективе, но никто их не печатает. Похож на Томашевского: маленький, курносый, красноглазый, суетливый, в очках, очень не дурак выпить, говорит быстро, готовыми формулировками.

Снеговой Арнольд Петрович, сосед по лестничной площадке, 63 года, физик, работает в ящике, живет один. Большой, грузный, совершенно седой, обожженное лицо. Часто отсутствует – уезжает на несколько месяцев, оставляет ключ Малянову, но ключ никто ни разу не попросил. За 2 месяца очень интересовался работой Малянова, когда работа еще была в математическом тупике.

25.04.73

Арк. занят своими делами.

Б. отвез заявку в «Аврору».

26.04.73

Арк уезжает.

На следующий же день после отъезда АНа в журнале «Аврора» уже готовится договор на ЗМЛДКС. По договору АБС обязаны предоставить готовую рукопись не позднее 1 декабря этого года. И в этот же день БН посылает брату телеграмму: «СРОЧНО ТЕЛЕГРАФИРУЙ КООРДИНАТЫ ТВОЕЙ СБЕРКАССЫ».

Письмо Аркадия брату, 29 апреля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик!

Новости:

1. Как это ни странно, в МолГв дело движется. Авраменко была в ЦК и прямо спросила, есть ли возражения. Там сказали, что никаких возражений нет, но только ведь у Стругацких в этом году выходит книга в Л-де. К моему приезду недоразумение уладилось. Сейчас положение такое: Авраменко ведет сосредоточенную атаку на Осипова. Ганичев ЗА. Но Осипова повалить трудно. Получена рецензия на сборник от некоего Маркова из ЦК, очень хорошая рецензия («Стругацкие наконец преодолели свой классовый индифферентизм и написали настоящие социальные вещи»). Правда, есть ряд замечаний, с которыми придется посчитаться. Я беседовал с Авраменко, выясняется, что сейчас нам от имени редакции придет письмо с предложениями исправить кое-что, а затем будут звонки сверху, и будет договорчик. Ты приедешь как раз вовремя, чтобы принять участие в работе над рукописью. Но я полагаю, что на зМЛдКС времени хватит.

2. Пришли экзы «Отеля» из ГДР. Сообщи, пришли ли тебе, а впрочем, если не пришли, возьмешь, когда приедешь. Мы тебя все очень ждем.

3. Вчера Ленка вернулась с работы и сообщила, что звонили из Межкниги и сказали, что есть какие-то экзы чего-то. Лапоть Ленка, разумеется, забыла, чего именно. Сразу после праздников поеду туда. В УОАП не дозвонился, во Внешпосылторг тоже. Ничего, все впереди. Перед праздниками, сам понимаешь, чудовищный кабак везде. Все выпивают и закусывают квантум пенис, толку было не добиться.

Такие дела. Итак, пришли еще одно письмо и приезжай.

Обнимаю, твой Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 2 мая 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Отвечаю.

1. С договором в «Авроре» все ОК. Главный подписал его еще до праздников, задержка за мной, а я ждал от тебя телеграммы с адресом твоей сберкассы. Теперь уже получил и продиктовал по телефону, так что завтра, наверное, подпишу и еще до отъезда постараюсь получить деньгу. Тебе же перешлют.

2. Экзы из ГДР получил в количестве 2+5. Хорошо издали!

3. Очень рад, что будет возможность почиркать в рукописях ДоУ и ПнО. Только какие, интересно, исправления они потребуют? Неужели мертвяков придется выбросить? Это будет скотство! Вообще ты бы написал мне, что тебе конкретно известно о требуемых поправках – я бы тут по крайней мере подумал об этом на досуге.

4. Приеду я, вероятно, числа девятого-десятого. (Заранее, конечно, телеграфирую.) Поработаем дней 12–14. Очень хотелось бы хоть начать зМЛдКС. Хоть страниц 40–50 накатать бы! Ты думай об ей, думай! Проникайся. Например, мне кажется, что а) Надо, чтобы большинство – подавляющее – происшествий носило совершенно реалистический характер; б) Неплохо бы ввести сюда полусон-полуявь на тему загубленной планеты с машинами времени, перебрасывающими в будущее; в) Герой наш должен в конце отступиться (жена, ребенок, страх за них) и остаться на позиции «должен только “Манин”».

5. Надеюсь получить от тебя еще одно письмо с новостями и поправками к НВ. Очень интересно узнать, что там за экзы пришли и вообще – не ожидают ли нас сертификатики?

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – поцелуи.

7 мая Сергей Жемайтис в письме Авторам перечисляет требуемые поправки к рукописи сборника.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Ваша рукопись «Неназначенные встречи» прочитана в редакции, получила положительные рецензии. Часть повести «Пикник на обочине» публикуется, как вы знаете, в томе 25 БСФ. Редакция готова вплотную приступить к подготовке всей рукописи для сдачи в набор. Идейный и художественный уровень произведений, составляющих сборник «Несостоявшиеся[1] встречи», достаточно высок. Тема контактов с иными цивилизациями решена по-новому, ярко. Но есть ряд замечаний у редакции и рецензентов, которые требуют еще непосредственно авторской работы над рукописью.

В повести «Дело об убийстве», помимо увлекательного, детективного сюжета, есть еще и серьезная проблема – принципиальная несовместимость научно-технического прогресса (пришельцы) с узостью буржуазного сознания, с мещанским «здравым смыслом» (П. Глебски). Это интересно и, в общем-то, мастерски раскрывается в повести, но по прочтении ее все же остаются недоуменные вопросы. Например, каковы были истинные намерения пришельцев и почему они оказались среди гангстеров, их активными помощниками? Ведь если они настолько хорошо изучили людей, что сумели повторить их в своих роботах, в общественных связях землян они тем паче должны были разобраться, прежде чем начинать рискованный эксперимент?

И, второе, гангстерам в повести противопоставлены честные, умные люди. Это прежде всего Симонэ. Он в повести, пожалуй, единственный, кто более или менее достоин представлять лучшую часть человечества. Но «шалун Симонэ», скабрезный приставала начала повести не вяжется с тем же

[1] Так.

Симонэ, положившим жизнь на поиски новых контактов с пришельцами. Не веришь в серьезность его действий и в конце повести: суета получается, а не деятельность.

И, наконец, финал повести. Он скомкан, ему можно было бы, как отмечает в своей рецензии Е. Брандис, «придать большую политическую остроту».

Лучшей вещью сборника, на наш взгляд, является «Пикник на обочине». Это серьезный шаг вперед в вашем творчестве. Но и в нем есть вещи, которые коробят при чтении. Например, нужны ли покойники, которые возвращаются в свои семьи? Они, как говорится, «не стреляют» в повести, они не эстетичны. Не лучше ли их убрать совсем?

Пессимистичен конец повести. Вопль Артура, повторенный Шухартом («счастья для всех!..») звучит как вопль отчаявшегося человечества. Для Шухарта это естественно: он – дитя, пусть даже отверженное, Хармонтовского общества. Но ведь есть вы, авторы, есть ваше отношение к этому, а в повести его нет. Неужели и вы, как Шухарт, уповаете на Золотой Шар, на Чудо, которое решит проблему «счастья для всех»?

Очень важной для сборника представляется нам повесть «Малыш». В отличие от двух предыдущих, в ней действуют советские люди. Коммунистическая мораль определяет их поступки. И проблему контактов с иной цивилизацией вы решаете здесь с гуманистических позиций. И вот на фоне этих, чисто человеческих отношений лишними кажутся Странники, есть в них что-то мистическое, чуждое духу всей повести.

Теперь несколько слов о языке повестей: на наш взгляд, следует чисто почистить его от жаргонных, грубых слов, ругательств – сохранить их только там, где это необходимо для характеристики героя, для эмоционального настроя – но именно необходимо! Много замечаний вы найдете в рукописи, посмотрите их, поищите и сами возможности очистить язык сборника от этого, как нам кажется, мусора. Повести станут сильнее, цельнее от такой доработки.

А в общем, хочется еще раз сказать: получился хороший фантастический, очень цельный сборник.

С искренним уважением

С. Жемайтис

И снова съезжаются Авторы. Теперь – в Москве. И теперь уже – для работы.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Именно ему предлагают повышение; приезжает жена, напуганная его письмом, – они вдвоем, в темноте, прижавшись друг к другу, борются со страхом.

Следователь: Кто это там у вас?

Я: Да… так… подруга жены.

Смотрят – а там никого, только Калям, уронивший цветок.

– Гордиться надо, что на нашу работу обращают такое внимание! (Аналогия с писательством.)

Ужас за жену и ребенка. Приезжает жена, получив фальшивое письмо. Он все скрывает, чтобы уберечь ее от страхов. Она находит лифчик – он вынужден рассказать. Потом все рвет и пытается забыть.

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Черной речки.
(Б. Окуджава)
«Март великодушный»[1] стр. 110

И тени их качались на пороге.
Безмолвный разговор они вели

[1] Цитата из стихотворения «Счастливчик».

Красивые и мудрые, как боги,
и грустные, как жители земли (Б. Окуджава[1])

…И вечно в сговоре с людьми
надежды маленький оркестрик под управлением любви. (Б. Окуджава[2])

Кто знает, что ждет нас?
Кто знает, что будет?
И сильный будет,
И подлый будет.
И смерть придет
И на смерть осудит.
Не надо
В грядущее взор погружать…
(Аполлинер[3]) стр. 164

Потому что век наш весь в черном,
Он носит цилиндр высокий,
И все-таки мы продолжаем бежать,
А затем, когда бьет на часах
Бездействия час и час отстраненья
От дел повседневных,
Тогда приходит к нам раздвоенье,
И мы ни о чем не мечтаем.
(Аполлинер[4]) стр. 170

«Маленький балаган на маленькой планете Земля» А. Белый (стр. 450)

«Сказали мне, что эта дорога…»[5] Стр. 227.

Сила навалилась на человека – мнет, лепит, ломает, плющит, делает то, что хочется Ей, а не ему. Не все ли равно, какая сила? Если она заведомо превышает силы человека. Тля

[1] «Мне нужно на кого-нибудь молиться…»
[2] «Песенка о ночной Москве».
[3] «Я вспомнил задорный куплет», пер. М. Кудинова.
[4] «Звуки рога», пер. М. Кудинова.
[5] Ёсано Акико, «Трусость», пер. В. Марковой.

под кирпичом, или тля под гривенником. Судьба человека и его борьба главное здесь.

12.05.1973

Б. приехал в Москву писать ЗМЛдКС, но писать, кажется, придется совсем другое.

Написали письмо Чоличу.

13.05.1973

Думаем над мультяшкой.

Сделали 10 стр.

14.05.1973

Сделали 10 стр.

Вечером сделали 6 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ СЦЕНАРИЙ НА 26 СТРАНИЦЕ.

15.05.1973

Сделали мелкие поправки по НВ.

16.05.1973

Сделали крупные поправки по НВ [«Неназначенные встречи»].

17.05.1973

Письмо в МолГв.

Едем к Ревичу.

18.05.1973

Гл. 1.

а) Калям – рыба, баба, тел<ефонные> звонки, жара, водка из стола заказов, соблазны, белая ночь.

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, сосед – разговоры вокруг да около, все напуганы.

Гл. 2.

а) следователь, несколько раз просит документы, читает и каждый раз забывает, убийство, исчезновение бабы, звонок о сдаче преступника.

б) тел<ефонный> звонок от Вайнгартена, опять вокруг да около, спросил почему-то о Губаре. В конце – звонит Вечеровскому.

Гл. 3.

Беседа с Вечеровским. Отпечатки копыт на подоконнике. Вокруг да около, и он вдруг с ужасом замечает, что ведет

себя, как вчера сосед. Бежит домой – на кухне сам Вайнгартен и Губарь, пьют водку. Дверь была открыта. Выясняется, что им мешают. Зовут Вечеровского. Губарь зовет Глухова. Губарь явился с мальчиком-подкидышем.

Гл. 4.

Военный совет. Глухов появляется в середине.

[сбоку от текста:] Масса помех житейского типа.

Губарю – [вставлено: «хотел запатентовать изобретение, с этого все и началось»] младенец и засилие девиц, сломал чистый страх (агент Союза 9-ти).

Вайнгартену – монеты и марки, его сломила административная должность.

Малянову – семья. Сначала соблазны, неразбериха, затем угроза.

Глухову – разочарование и апатия.

Были у Мареров, вернулись в час ночи.

19.05.1973

Сделали 1 стр.

20.05.73

Сделали 7 стр. (8)

Вечером сделали 2 стр. (10)

21.05.73

Ездили в МолГв. Сдали сборник.

22.05.73

Юрка[1]:

Эх, расшибить бы историю лбом бы
В те трогательные моменты,
Когда отцы водородной бомбы
Начинают платить алименты.

(По Киплингу?)

Глянуть смерти в лицо сами мы не могли,
Нам глаза завязали и к ней привели[2].

23.05.73

Б. уезжает.

---

[1] Здесь и далее – Манин Юрий Иванович, математик, друг АБС.

[2] Р. Киплинг, «Эпитафии войны. Трус», перевод Ю. Манина.

Письмо, написанное Авторами 17 мая в ответ на замечания, высказанные Жемайтисом, сохранилось в архиве.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Сергей Георгиевич!

Мы внимательно изучили Ваше содержательное письмо и рассмотрели все предлагаемые редакцией замечания и поправки. Теперь, когда мы закончили работу над рукописью в соответствии с этими замечаниями и поправками, нам хотелось бы подвести некоторые итоги.

1. По повести «Дело об убийстве».

Нам показались вполне оправданными недоуменные вопросы редакции относительно предыстории взаимоотношений пришельцев с гангстерами. Поэтому мы пошли на существенную переработку сюжета в этой части и ввели все необходимые разъяснения, исчерпав, как нам кажется – полностью, круг упомянутых недоуменных вопросов.

«Шалун» Симонэ, образ которого представляется редакции излишне противоречивым, имеет совершенно реальный прообраз, списан, как говорится, с натуры. Нам вообще представляется чрезвычайно характерным для нашего времени разительный контраст между манерами и поведением человека (особенно научного работника), когда он отдыхает, и его ролью в жизни общества, когда он выступает в своем профессиональном качестве. Научная работа требует такого напряжения всех душевных сил, что на отдыхе научный работник вольно или невольно ведет себя так, чтобы по возможности эффективнее релаксироваться – бесится, так сказать. Отсюда странные и нелепые хобби, смертоубийственные альпинистские подъемы, чрезмерное увлечение спиртным, играми, женщинами. Такова жизнь, и ничего антисоциального здесь нет, как нет ничего антисоциального в естественных отправлениях. Мы попытались, конечно, в какой-то мере пойти навстречу пожеланиям редакции в этом вопросе, произвели ряд исправлений, ввели диалог

на страницу, но при этом мы неуклонно руководствовались жизненной правдой и вышеизложенными соображениями. Нам же лично представляется весьма ценным в художественном отношении описанные у нас обстоятельства превращения беспечного шалуна и волокиты в истинного ученого – активного гражданина Земли.

Относительно финала повести. Как мы поняли, речь идет о последней главе. Мы никак не можем согласиться, что финал скомкан. Он тщательно подготавливался всем ходом повествования и является совершенно закономерным результатом колебаний и сомнений главного героя. Обычно, когда говорят о скомканности, имеют в виду нарушение внутреннего временного темпа повествования. Ничего подобного в финале нашей повести нет. Темп времени остается постоянным на протяжении всей повести: шестьдесят минут начала повести в точности соответствуют шестидесяти минутам конца повести. Другое дело, что события последней главы занимают три-четыре часа, но такова наша сюжетная установка: нет у инспектора Глебски времени спокойно поразмыслить и принять глубоко обоснованное решение. Он вынужден подчиняться своим социальным инстинктам, а эти инстинкты у него мещанские, буржуазные. В этом, собственно, и состоит та политическая острота повести, на недостаток которой сетует в своей рецензии Е. Брандис. Нам кажется, что политической остроты в нашей повести вполне достаточно. Она насквозь политическая, ибо нет, на наш взгляд, более важной задачи для советского писателя, чем разоблачение узости буржуазного мировоззрения и буржуазной системы социальных инстинктов.

2. По повести «Пикник на обочине».

Нам представляется, что редакция не права, утверждая, будто «ожившие покойники» не «стреляют» в повести. Не будем говорить о том, что эти «покойники» являются элементом общего фона повествования. Обратим Ваше внимание на другое. Главным в повести является, как очевидно, образ Рэдрика Шухарта. По нашему замыслу в его жизни, как

в фокусе, сосредоточивается все самое страшное, что творится в Хармонте. Возвращение в семью давным-давно умершего отца – это новый жестокий удар, нанесенный Рэдрику «равнодушным хаосом», один из тех ударов, которые определяют его дальнейшую судьбу. Ведь именно ужас, поселившийся в его семье, толкает его на страшную жестокость в финале. С другой стороны, отношение Рэдрика к «живому покойнику» разве мало характеризует его как человека и как сына, разве не добавляет новой важной грани в его образ? Уберите вернувшегося отца, и как сразу все упростится, сделается плоским и тривиальным! Вместо отчаявшегося, загнанного в угол человека, в финале появится заурядный грязный авантюрист типа Стервятника Барбриджа, а образ Рэдрика, признаваемый многими, как один из самых сложных и удачных в нашем творчестве, существенно обеднится и потеряет большую частицу теплоты и обаяния. Поэтому мы настоятельно просим редакцию пересмотреть свою идею «убрать покойников совсем». Иное дело – эстетика этого элемента. Здесь мы не можем не признать определенной справедливости замечания. Поэтому мы произвели значительную чистку всех эпизодов, где появляются «живые покойники», а в третьей главе сочли даже необходимым разъяснить, что «покойники» эти собственно и не покойники вовсе, а муляжи людей, синтезированные в соответствии с той непостижимой программой, по которой живет и функционирует Зона.

Относительно пессимистичности конца повести. Нам хотелось бы лишний раз подчеркнуть, что повесть «Пикник на обочине» – это повесть о достаточно рядовом гражданине капиталистического государства, рассказ о человеке, энергичном и по-своему самобытном, судьба которого, и без того незавидная, неимоверно осложнилась обстоятельствами космического масштаба (научно-техническая революция). Это – ПО НЕОБХОДИМОСТИ горькая история человека, который терпит сокрушительное поражение в тот момент, когда судьба делает его как бы представителем человечества.

Это трагедия человека, которого не научили думать в мире «равнодушного хаоса», и поэтому в решительный момент он хватается за первые попавшиеся, импонирующие ему слова, потому что собственных слов у него нет. Вот почему вопрос о пессимизме и об авторском отношении к Золотому Шару здесь просто не стоит. Конец повести не может быть ни более оптимистичным, ни менее пессимистичным. Он может быть только таким, какой он есть. Повесть, как нам кажется, следует либо не принимать совсем, либо принимать только с этим неизбежным финалом.

3. О повести «Малыш».

Нас очень удивило, что, по мнению редакции, в Странниках есть нечто мистическое. Странники – гипотетическая сверхцивилизация Галактики – проходят в качестве элемента общего фона через все наши произведения, посвященные коммунистическому будущему («Попытка к бегству», «Полдень, XXII век» и др.). В некоторых произведениях они играли существенную сюжетную роль, в других они как бы символизировали огромную непознанную тайну космоса. (Между прочим, авторы сейчас планируют давно задуманную повесть, в которой Горбовский наконец находит Странников и встречается с ними.) В «Малыше» Странники выступают как фундаментальное звено сюжетной цепи. Если бы не было Странников, земляне еще долго не смогли бы разобраться в ситуации на планете. Если бы не было Странников, не было бы их охранительного спутника; если бы не было их охранительного спутника, не потерпел бы крушения «Пилигрим»; не потерпел бы крушения «Пилигрим» – не остался бы сиротой годовалый младенец и не появился бы Малыш, и не было бы повести. Авторы недоумевают, почему в космической повести, посвященной приключениям на другой планете, спутник Странников выглядит более мистическим, более чуждым по духу всей повести, нежели космические корабли и искусственные спутники землян и вообще весь проект «Ковчег». По мнению авторов здесь имеет место какое-то недоразумение.

4. О стилистике и языке рукописи в целом.

Следуя рекомендациям редакции, авторы провели большую работу по стилистической и языковой правке рукописи. По повестям «Дело об убийстве» и «Пикник на обочине» авторы в соответствии с замечаниями редакции произвели 170 исправлений. Что касается тех редакционных замечаний, которые остались неучтенными, то они в подавляющем большинстве являются, как нам кажется, следствием чистого недоразумения. Особенно это касается многочисленных замечаний по третьей главе «Пикника на обочине».

Повесть «Малыш» к настоящему времени издана уже дважды – один раз в журнале «Аврора», второй раз в сборнике Лендетгиза «Талисман». Оба эти издания стереотипны и полностью повторяют авторский текст повести. В этих условиях авторам представляется нецелесообразным делать в тексте какие бы то ни было исправления, тем более что подавляющее большинство редакционных замечаний имеют по мнению авторов чисто вкусовой характер.

Мы очень благодарны редакции за благожелательное отношение к нашему сборнику в целом. Мы выражаем надежду, что проделанная нами работа (на нее ушло немало труда и времени) удовлетворит редакцию. Мы хотели бы надеяться также, что теперь нет никаких причин, мешающих Издательству вступить наконец с авторами в договорные отношения.

С искренним уважением [подписи]

Письмо Бориса брату, 24 мая 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе на другой же день, позвонив в разные бухгалтерии.

Дела обстоят так. Аванс за «Аврору» тебе выслан. Я пойду получать эти деньги завтра. С потиражными за «Талисман» дело обстоит несколько хуже: издательство истратило все фонды. Поэтому тебе выслали только часть денег (кажется,

500 ряб). Мне пока вообще ничего не дают, обещают после 4-го и тоже только часть. Остальные деньги дадут только в июле (повторяю: в июЛе). Вот гады! Я даже позвонил Наталье Кирилловне (главному редактору), но она оказалась не в силах помочь, подтвердила лишь, что насчет истраченных фондов – истинная правда. Вот так они делают из нас зайцев.

Насчет дальнейших планов пока воздержусь тебе писать. Дело в том, что днями нагрянет теща, вот тогда-то многое и выяснится.

Маме я звонил. У нее все ОК. Завтра к ней поеду пить чай.

Дома тоже в общем ничего.

Жду известий от тебя.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

А хорошо мы в «Пекинчик» сбродили! И в девяточку!

Письмо Аркадия брату, 29 мая 1973, М. – Л.

Дорогой Борик!

Отчитываюсь:

1. Деньги из Лендетгиза – 490 ру с копейками получил. Ну, что поделаешь – в июле-то уж получим остальное?

2. В МолГв денег на руки не получил – было сказано, что такое большое состояние на руки не выдается. Я вручил наши заявления. Обещались перевести на указанные счета в пятницу, т. е. в прошлую пятницу, 25-го. Так что днями жди, а я завтра попробую проконтролировать.

3. В Детгизе пока без перемен.

4. Вчера навестил Давыдову и встретился у нее с редактурой Сценарной студии. Бланки и печати студией получены. Мне почти клятвенно обещано, что буквально на днях с нами заключат договор на сценарий «Мальчик из преисподней».

5. Сценарий мульта отдал главному редактору Мультфильма. Котеночкина в городе не было, он приехал только вчера. Сейчас сценарий размножается, в среду (завтра) иду

говорить и получать указания. Но буду тверд: только после сумм и только для режиссерского варианта вновь подниму я перо на этот сценарий.

6. О договоре на НВ. Опять чудовищное невезенье: преподобная Белка накануне того дня, когда они собирались к Ганичеву, умудрилась сломать палец на ноге и сидит дома. К Жемайтису не могу прорваться, он дни и ночи на заседаниях. НО: я звонил Нине Сергеевне[1] и захватил ее накануне отъезда в отпуск. Она попросила изложить дело по телефону, что я и сделал. Она одобрила наше решение послать письмо Беляеву и содержание письма. Сказала: не исключено, руководителям МолГв только указания сверху и не хватает. Я сразу же позвонил Беле, она тоже с этим согласилась. Таким образом, я полагаю: сегодня или завтра добиться все-таки Жемайтиса, и если никаких движений до сих пор нет, посылать письмо.

7. Пришло письмо из журнала «Советский шахтер». Они, видишь ли, получили полтора десятка писем от читателей и жаждут по этому поводу взять у нас интервью. Просят места и часа для моей встречи с корреспондентом. Я решил послать им письмо с предложением дать вопросы в письменном виде и письменно же ответить, чтобы не получилось, как с «Техникой – молодежи». Согласен?

Вот пока все. Срочно пиши свои соображения по поводу этой информации.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Беляеву от 30 мая, о котором упоминает АН, сохранилось в архиве.

Из архива. Письмо от АБС в ЦК КПСС

В ЦК КПСС, Отдел культуры,
тов. Беляеву А. А.

[1] Косаревой.

от писателей
Стругацкого А. Н.,
Стругацкого Б. Н.

Уважаемый товарищ Беляев.

Мы позволили себе побеспокоить Вас по следующему делу.

В конце 1970 года мы подали в Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» заявку на авторский сборник «Неназначенные встречи», включающий наши новые повести «Дело об убийстве», «Малыш» и «Пикник на обочине». Издательство воздержалось тогда от вступления с нами в договорные отношения – вероятно, потому, что одна из повестей еще не была к тому времени закончена.

В начале 1972 года мы представили в Издательство уже полную рукопись всего сборника. На уровне редакции сборник был принят с удовлетворением, однако договор с нами Издательство опять не заключило.

В начале мая 1973 года мы получили редакционные замечания, в соответствии с которыми произвели значительную работу по стилистической и сюжетной правке сборника.

На сегодняшний день положение таково: все три повести уже опубликованы в периодике («Дело об убийстве» – «Юность», 9–10, 1970, «Малыш» – «Аврора», 8–11, 1971, «Пикник на обочине» – «Аврора», 7–10, 1972); повести имеют положительную прессу (в частности, «Пикник на обочине» имеет развернутую рецензию в журнале «Литературное обозрение», 2, 1973); насколько нам известно, имеются весьма положительные внутренние рецензии и ни одной отрицательной. При всем при этом руководство Издательства по-прежнему упорно уклоняется от вступления с нами в договорные отношения.

Как Вам, возможно, известно, мы являемся профессиональными писателями. Ситуация, изложенная выше, означает для нас, кроме всего прочего, крайнее стеснение в материальном отношении. Это в свою очередь вынуждает нас

тратить много сил и времени на второстепенную, только для заработка, работу.

Мы просим Вас, уважаемый товарищ Беляев, воздействовать своим авторитетом на руководство Издательства и таким образом разрешить это совершенно ненормальное положение.

В случае если у Вас возникнут какие-либо сомнения, мы всегда готовы посетить Вас и дать необходимые дополнительные объяснения.

С искренним уважением, [подписи]

К сожалению, один из нас живет в Ленинграде, а тот, кто живет в Москве, не имеет телефона. Так что в случае надобности убедительно просим сообщить о Вашем решении по адресу: [адрес АНа]

Письмо Бориса брату, 1 июня 1973[1], Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Получил твое письмо. Все мероприятия полностью одобряю. Единственное исключение: может быть, все-таки, посылать письмо Беляеву не сразу, а подождав, как мы раньше договаривались, до 15-го? Дать, так сказать, начальству возможность проявить добрую волю. По-видимому, ты сейчас уже поговорил с Жемайтисом. Не знаю, что он тебе сказал, но если он сказал что-нибудь вроде: подождем, ребята, хоть недельку – тогда надобно подождать. А вот если до 15-го ничего не произойдет – тогда уж посылать письмо. И обязательно, конечно, изъяснить ситуацию Жемайтису, что ты, вероятно, уже сделал. Конечно, если Беляев вызовет нас на ковер – пиши мне, я примчусь.

У меня тут, сам понимаешь, никаких особых новостей нет и быть не может. Жду 4-го, когда можно будет сходить в Лендетгиз и получить хоть половину. (Аванс за «Аврору» я уже получил, а ты? 250 ряб примерно.) Провел последнее занятие с молодыми в этом сезоне. Принимаю тещу.

[1] Датировка составителей.

Говорил с Брандисом насчет письма Стукалину по поводу Девиса. Брандис сначала уклонялся, а потом предложил набросать мне аргументацию. Я дам аргументацию, он оформит это в виде письма, подпишутся некоторые (избранные) ленинградские писатели и – пошлем. Я был бы тебе благодарен, если бы ты СРОЧНО прислал мне свои соображения по аргументации (посоветовавшись с Мирером вдобавок).

С очередной встречей происходит определенный кабак. Во-первых, Андрюха (впервые в истории) вовсе не рвется в Киев, а скорее наоборот. Это было бы еще полбеды. Беда в том, что и теща, вроде бы, не рвется его брать. Пятый день она уже здесь, а все непонятно, чем дело кончится. Боюсь, что надо нам будет ориентироваться все-таки на осень. В конце концов, получается не так уж и плохо. Встречи будут: 1. В сентябре. 2. В конце октября – начале ноября. 3. В конце ноября. Если трех встреч окажется мало, я уверен, нетрудно будет попросить пролонгацию в «Авроре» хоть до февраля. Между прочим, как выясняется, Комарово не закрывается совсем. Постоянно будет действовать административный корпус на 18 номеров. А кроме того, все говорят, что в межсезонье очень легко получить путевки в ВТО и Дом Кинематографистов. Как ты полагаешь? Опять же если мне удастся отвертеться от летнего отпуска, можно будет встретиться и в августе – у тебя или у меня. А пока давай думать о зМЛдКС и регулярно переписываться.

Сейчас я второпях заканчиваю письмо – ты велел отвечать срочно, а я спешу в Инокомиссию получать хар-ку на выезд. Но в следующем письме я уж постараюсь дать некоторый материал для размышлений по поводу зМЛдКС.

Между прочим, если не захочешь отвечать на вопросы «Шахтера» – пересылай их мне: люблю всякие анкеты, интервью и пр.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Бабам привет не передаю – они небось уже на юге.

О будущей ЗМЛДКС БН сообщает и Штерну в письме от 5 июня.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Спасибо за россыпь теплых слов. «Пикник» и с нашей точки зрения получился довольно удачно (скажем, на «четверку», если считать, что «Отель» на тройку, а «Улитка» на пятерку). В «Авроре» там повесть основательно поковеркали – то есть, это с авторской точки зрения – основательно, читатель, очень возможно, ничего и не замечает. Но «Авроре» приходится многое прощать – вот и сейчас они снова заключили с нами договор, единственная редакция в СССР! Будем писать новую повесть. Уже сейчас видно, что писать будет трудно – и сюжет не простой, и фон для нас необычный. Ладно – бог не выдаст, свинья не съест.

<…>

Письмо Аркадия брату, 13 июня 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Задержался так с письмом потому, во-первых, что ничего интересного не было, а во-вторых, сильно приболел, обожравшись свиной тушенки с картошкой. Отравился, наверное, и провалялся несколько дней. А затем грянули события.

1. Вчера состоялся официальный разговор у меня со Снесаревым и Котеночкиным. Наш сценарий всем нравится, у Котеночкина есть некоторые сомнения по частностям, но это уже в процессе режиссерской работы. Я заявил, что к сценарию не притронусь до начала режиссерского, и Снесарев сие очень одобрил, пообещавшись при этом произвести кое-какие расчеты с нами в июле.

2. Сегодня состоялась расширенная редколлегия в Сценарной студии, где обсуждался наш заявчик на «Мальчика из преисподней». Приняли очень хорошо, тут же был составлен договор на 6 тыс. ряб (я его попросил оформить на одного

себя, чтобы было легче с расчетами), завтра иду брать заверенную копию и отдавать в бухгалтерию заявление на перевод на текущий счет. Значит, где-то в ближайшее время получим по семьсот с лишним на рыло. Сдать первый вариант 1 декабря. Все, как видишь, весьма и весьма, но мне все же стало не по себе, очень уж они все это берут всерьез. Тут же прикрепили ко мне редактором известного тебе Сашу Шлепянова (передает сердечный привет) и добровольным консультантом режиссера и сценариста Будимира Метальникова. И очень меня хотя и доброжелательно, но донимал Габрилович. Здесь нужно будет товар очень лицом. В связи с этим я намерен в ближайшее время прыгнуть в Ленинград на два-три дня договориться с тобой об этой стороне наших дел. Не возражаешь? В случае чего я с успехом остановлюсь у своих друзей, так что никому не буду в тягость.

3. В МолГв без перемен, только сообщили мне, что рукопись опять у Авраменко. Зачем? Никто не знает, ибо ни Сергея, ни Белы нет на месте. Расчет произвели: 28-го – по «Фантастике 72», позавчера – по тому 25. Так что жди прибылей.

4. По Венгрии ничего.

5. Деньги из «Авроры» 250 р. 16 к. получил.

6. Письмо Беляеву согласно всеобщему одобрению послано 30 мая. Результатов ноль пока. Но я и не полагал, что все будет очень скоро. А может быть, Авраменко потому и взяла рукопись?

7. Аргументацию по письму Стукалину подробно обсудил с Мирером, мучаясь при этом животом. Возможно, именно поэтому рекомендация получилась очень жиденькая. А именно: антиимпериалистический и антивоенный фронт борьбы западной культуры проходит сейчас именно в западной фантастике. И это все, что нам с Мирером удалось из себя выжать.

8. «Шахтер» молчит.

9. Мои возвращаются в воскресенье (17-го). Через день-два после этого я буду у тебя. Повторяю, за мои ночлеги не беспокойся, я прекрасно устроюсь. А поговорить надобно

настоятельно, и кроме всего прочего мне требуются согласованные и утвержденные данные по зМЛдКС – фамилии, момент начала действия, содержание ретроспекций.

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет всем твоим.

Получив письмо, БН тут же посылает брату телеграмму: «ЖДЕМ ТЕЛЕГРАФИРУЙ ПРИЕЗД ЦЕЛУЮ = БОРИС».

И вскоре состоялась встреча в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Герой – не Саша Привалов; это человек нашего круга, знающий, критически мыслящий и т. д. (М. б., сделать его старше – 37–40 лет)

Текст первых глав – описательный, с юморком, с реминисценциями. Настроение – отчаянная, бесшабашная решимость – когда холодок в груди, но и гордость собой, и интересно, что же будет, и все это – на более подсознательной уверенности, что все кончится хорошо. («Я не бросал это дело потому, что мне смешно…»)

Вайнгартена писать с Лешки – большой, толстый, веселый – этакий фальстаф[1]. Острит напропалую, все рассказы гротескны… «Нетленка», «Социалка».

20.06.73

Арк нагрянул в Лрд по поводу МиП-С.

21.06.73

Продолжали разработку сюжета и эпизодов по МиП-С.

22.06.73

То же. Арк едет за билетом.

23.06.73

Арк уезжает.

Итого: сделали подробную разработку сценария.

[1] Джон Фальстаф – персонаж У. Шекспира («Генрих IV», «Виндзорские насмешницы»).

Письмо Аркадия брату, 26 июня 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Сразу оказалось, что есть о чем писать.

1. По приезде узнал, что Осипов просит ему позвонить. Так я в понедельник и сделал: пошел в МолГв и прямо от Али Лобановой позвонил. Осипов объявил следующее: а) по нашему письму в ЦК ему позвонил Потемкин (бывший директор МолГв, ныне заместитель Беляева по литературе) и осведомился о положении с нашим сборником. Ему Осипов ответил, что Издательство имеет возможность включить наш сборник в план выпуска 1975 года и что сразу по утверждении этого плана в ЦК ВЛКСМ (октябрь-ноябрь) с нами будет заключен договор. б) Когда я взвыл в том смысле, что, во-первых, сколько же можно утверждать этот злосчастный сборник и почему же, во-вторых, нельзя заключить договор раньше, он сухо ответил, что договоры теперь заключаются только по утверждении плана, и сразу принялся сетовать и вчинять мне в вину, что из-за отрывка, помещенного в т. 25 ему выговаривали в ЦК – много-де жаргона. Я в ответ его успокоил, сказавши, что мы по указаниям редакции провели основательную чистку рукописи. На том мы и расстались (повесили трубки). Я тут же кинулся к Инне Фёдоровне Авраменко. От нее я узнал, что: сомнений в целесообразности публикации сборника нет теперь даже в ЦК ВЛКСМ; рукопись в настоящее время читает Ганичев; вопросом о литературных судьбах Стругацких в сфере издательства МолГв охвачены неопределенные по величине массы работников Большого и Малого ЦК. В заключение эта милейшая (без иронии) женщина дала очень интересный и ценный совет: написать Беляеву еще одно письмо с выражением искренней благодарности за заботу и между делом посетовать на затяжку с договором. Так я и полагаю поступить. Но каков <…> Осипов! Как вывернулся <…>! Это же явная игра на затягивание: кто-нибудь за это время подохнет – либо он, либо мы, либо изменится конъюнктура.

2. Был на Мультстудии у Снесарева. Положение с нашим сценарием таково. Сценарий сейчас в Госкомитете, у куратора

студии некоей Святковской, бабы по общему мнению дурной и вредной. Когда и если сценарий благополучно выйдет из стен Госкомитета, студия произведет с нами окончательный расчет (с перезаключением договора на нас и Котеночкина) и начнет работу над фильмом. Сегодня я опять еду туда для совместного обсуждения положения с Котеночкиным.

3. Связался с ответственным секретарем сценарной студии Раисой Ивановной Куприенко, изложил результаты нашей работы над МиПом. Она предложила не откладывать дела в долгий ящик, а быстренько упорядочить все наши наброски и уже завтра явиться на студию и показать результат Шлепянову и Метальникову, который, как оказалось, из-за болезни жены не смог уехать и пребывает по-прежнему в Москве.

Такие дела.

Обнимаю, жму, твой Арк. Привет тебе от наших женщин.

Привет Адке.

Да! Совсем забыл. Я ведь опоздал на поезд. Сволочи на три дня изменили расписание, и вместо 16.50 дневные поезда уходили в 15.50. Горе мое было неимоверно. Но к моей неописуемой радости оказалось, что в кассах на вечерние поезда билетов сколько угодно, и я уехал 59-м (20.54). Тебя уж беспокоить снова не стал, а посмотрел кино «Профессиональный риск»[1]. Ехал прекрасно вдвоем с милиционером в полупустом купированном вагоне. Так-то.

И 27 июня по совету «милейшей женщины» АБС отправляют новое письмо в ЦК.

Из архива. Письмо от АБС в ЦК КПСС

В ЦК КПСС, Отдел культуры,
тов. Беляеву А. А.
от писателей
Стругацкого А. Н.
Стругацкого Б. Н.

[1] Франц. к/ф 1967 г., реж. А. Кайат.

Уважаемый Альберт Андреевич.

Позавчера, 25 июня, главный редактор Издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» тов. Осипов в телефонном разговоре объявил одному из нас (А. Стругацкому), что вверенное ему Издательство имеет возможность включить наш сборник «Неназначенные встречи» в план 1975 года и что когда (и если) ЦК ВЛКСМ утвердит этот сборник в плане 1975 года, с нами будет заключен договор.

Тов. Осипов не скрывал, да мы и сами поняли, что это разъяснение явилось прямым результатом нашего письма к Вам от 30 мая с. г. Разрешите сердечно поблагодарить Вас за внимание и заботу. Ведь это первое вразумительное слово, которое мы услышали от главы нашего любимого издательства за последние несколько лет!

Правда, то обстоятельство, что тов. Осипов отнес издание нашего сборника на 1975 год, означает, что и договор с нами будет заключен в лучшем случае только через четыре-пять месяцев. Но все равно, мы еще и еще раз благодарим Вас, Альберт Андреевич, и просим разрешения и впредь обращаться к Вам за помощью в подобных положениях.

С искренним уважением, [подписи]

Письмо Бориса брату, 28 июня 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Только что получил твое письмо. Отвечаю немедленно.

1. Конечно, результаты нашего демарша в верха оказались довольно скромными. Но и на том спасибо. Несомненно, надо написать Беляеву и поблагодарить. И, несомненно, надо вставить в это письмо горестное недоумение, напомнив, что сборник, собственно, уже одобрялся в плане и даже был разрекламирован (и может быть, неоднократно?). Вообще-то, если честно говорить, то в результате письма нас попросту накормили еще одним «завтраком» – обещали в 73, обещали в 74, а теперь вот обещают в 75-м. Н-да, силен Осипов!

2. По-видимому, ты так и не выяснил (а если выяснил, то забыл написать), СКОЛЬКО процентов мы УЖЕ получили по мультяшке. Мне хотелось бы это знать хотя бы для того, чтобы представлять, на что еще можно рассчитывать в лучшем случае. И вообще, какие-то странные там порядки. При чем здесь Госкомитет? Посмотри в договоре: при заключении – 25 %, после первого варианта 10 %, после второго – 15 %, после утверждения ХУДСОВЕТОМ – 50 %. В конце концов, бог с ними, с 50-ю, но хоть ВТОРОЙ-то вариант у нас приняли? Если да, то где проценты; если нет, то на каком мы вообще свете и что за кабак?

3. Общался я тут с этой немкой. Даже дважды. Обменялись информацией. Подарил я ей ОО и «Талисман», дал «напрокат» Перевертыш (на предмет ВНМ) и ШС (на предмет Извне). Взял у нее адрес, она обещалась устроить вызов. Конвенция на ГДР не распространяется, но они дают от 1500 до 2000 марок за книгу. Она, Ханнелоре Менке, лично нас очень ценит, но пробивать наши книги в ее издательстве очень трудно. Сейчас она может обещать точно только выход ТББ – вопрос этот решен, перевод сделан, книга выйдет в первой половине 75-го года (а может быть, и в конце 74-го). Познакомился поближе с Леной Вансловой – очень она мне понравилась. Ругала московских фантастов, что палец о палец не ударили, чтобы спасти Девиса. Кстати, не забыл ты про письмо?

4. Подначиваемый А. А. Мееровым, позвонил я нашей областной начальнице УОАП. Она очень любезно мне все рассказала по поводу конвенции, и было ясно, что ничего еще толком неясно. Пока твердо держится версия Стукалина, каковую он и подтвердил вновь в своем интервью «Журналисту» (нумер 6)[1]. Похоже, что все наши прежние труды идут

[1] Стукалин Б. Конвенция: права и обязанности // Журналист (М.). – 1973. – № 6. Речь в статье идет о состоявшемся 27 мая 1973 года присоединении Советского Союза к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве и о выплате гонораров за новые зарубежные издания «ныне здравствующим авторам, а также наследникам авторов, умершим не более 25 лет назад». Изменен также порядок перевода произведения на другой язык: он «допускается не иначе как с согласия автора или его правопреемников».

коту под хвост – надо новые романы писать, чтобы подпасть под конвенцию. Зачем это начальству понадобилось – именно так трактовать понятие обратной силы – это, брат, уму непостижимо. В прошлом, по крайней мере, были Булгаков, Бабель, Симонов, Шолохов, а чего можно ожидать после 27 мая сего года? Правда, авторские права Бабеля и Булгакова истекли, но все равно – Аксёнов, Окуджава, лучшие вещи Бакланова, Бондарева, Гранина, Быкова и т. д. – все это коту под хвост. А впереди что? Эх, хорошие у них там головы, на болотах, да дуракам дадены. Наша начальница УОАП под конец сказала: «А вы бы спросили Горелик – она ваша большая поклонница и Аркадия хорошо знает, а уж больше чем она в конвенции никто не понимает…»

5. Я тут мучаюсь фурункулами <…> и с ужасом жду ремонта. Завтра вот уже привезут материалы. Ах и ой! Бог теперь, кажется, снова в Москве[1], так что жми-нажимай. Жду твоих писем.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке огромные приветы и смачные поцелуи.

P. P. S. Да! Получил, наконец, деньги за 25-й том. Всего-то 940 рябчиков, а я-то надеялся, будет больше куска. Впрочем, и 940 деньги неплохие, и я, по крайней мере, на дороге таких никогда не видел.

Письмо Аркадия брату, 7 июля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Виделся с Жемайтисом и Белой. Подробно поговорили, пришли к выводу, что письмами тут не очень обойдешься, что надо писать к Беляеву и просить аудиенции, чтобы выяснить для них самих все до конца. В личном разговоре многое может стать понятнее. М. п. письмо благодарственное Беляеву я таки послал, но тут вот какая вещь: вдруг оказывается,

[1] Перефразировка «Бог теперь в Италии» (эти слова Юста Тивериадского часто повторяет Иосиф в первых двух книгах трилогии Л. Фейхтвангера об Иосифе Флавии – «Иудейская война» и «Сыновья»).

что наши друзья перестали (не знаю уж, по каким причинам) доверять Авраменке, а ведь благодарственное письмо было послано по ее совету. Отпиши свое мнение на этот счет, и если ты – за, то я буду писать и проситься встретиться.

2. С мультяшкой произошли за эту неделю поразительные вещи. Ни с того ни с сего получается на Мультстудии письмо от Баскакова (первое в истории Мультстудии личное письмо от него), состоящее из двух строк: «Госкино считает тематически неприемлемым сценарий полнометражного мультфильма “Конец планеты негодяев”». Это сплошная загадка. Поскольку студия пришла в панику (у нее утвержден годовой план – 74 на 15 частей, а наш фильм составляет 6, т. е. у них около половины готового плана вылетело сразу), началась борьба. Пока Снесарев (ныне главред Мультстудии) снесся с главной редакцией Госкомитета. Выяснилось, что там почти ничего об этом неизвестно. И что Баскаков сам наверняка сценария не читал. Сам понимаешь, в таких обстоятельствах тем более хорошо бы побеседовать в Отделе культуры ЦК. Я было бросился к Косаревой, но меня отговорили: она слишком слаба для Баскакова.

3. Получен аванс за МиП, по 681 ряб на душу. Хочешь – привезу, хочешь, перешлю, хочешь подожду, пока приедешь.

4. По здравому размышлению я решил не раскрывать карт заранее и представить на суд Шлепянову и Метальникову просто нулевой вариант МиП’а. Пишу его. Нынче закончил 33-ю страницу, почти половину. Закончил сценой дрессировки робота, на очереди – прием гостей. М. п., решил я – это вытекает из складывающегося сюжета – опустить сцену с внуком, а все, что из нее следует, перевести в сцену первой встречи Гая с группой. Ты уж не обессудь. На мой взгляд, как оно получается, внук совершенно ни к чему, а то уж больно глупым выйдет наш прогрессор Лев Петрович. Полагая, что за июль или к второй декаде августа сценарий закончу, чаю представить его КАК ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ на Студию. Или ты посоветуешь сначала прислать тебе? Отпиши.

5. Подписал договор с Детгизом. Там нам выплатят сейчас 25 % за десять страниц новой вещи, сиречь будущей сказки. Одно может тревожить, что срок представления – 1 января 74-го года (опять же), но, во-первых, я теперь уверен, что сценарий мы худо или хорошо сдадим гораздо раньше обусловленного срока (полагаю, как уж сказал, в августе), а во-вторых, поскольку план выпуска все равно 75-го года, можно будет рассчитывать на большие отсрочки под разными предлогами.

6. Еще забыл о мультяшке. Как я был мудаком, так и остался. Выяснилось: а) на 25 % не остановилось, а получил я еще 10 %, да почему-то тебе опустил послать. Значит, должен я тебе еще 140 ряб; б) никаких официальных совещаний по поводу нашего сценария не было и, соответственно, нет и никаких документов, опираясь на которые мы, в худшем случае, могли бы требовать выплаты остальной суммы. А там, что ни говори, остается 65 %. Но это еще надо будет проверить потщательнее. Есть хороший юрист на примете.

<…>

Вот пока все.

Я тут еще обязался для Нины Берковой отредактировать (в приватном порядке, разумеется) ее запись мемуаров про одного танкиста. Дел по горло.

Адке привет. Обнимаю, целую, твой Арк.

Не сердись за мультяшечные деньги, ей-пра, не помню, когда это было. И как.

БН, как и обещал, ответил на вопросы газеты «Советский шахтер». Ответы датированы 10 июля 1973 года.

Из архива. Ответы АБС газете «Советский шахтер»

ОТВЕТЫ «СОВЕТСКОМУ ШАХТЕРУ»

1. Начнем с того, что нам трудно согласиться с Вашими формулировками относительно сути тех направлений в мировой фантастике, которые представляют и возглавляют Лем

и Брэдбери. В самом деле, разве Солярис не стал сейчас символом чуждости и возможной нечеловечности иного Разума? А с другой стороны, разве марсиане Брэдбери не кажутся нам иногда ближе, не вызывают больше сочувствия и симпатий, чем те представители человечества, с которыми их сталкивает автор? Нам представляется, что суть направлений, представленных Лемом и Брэдбери, совсем в ином. Лем – певец и глубокий исследователь мощи земной науки и технологии. Брэдбери же – в первую очередь – яростный, чрезвычайно эмоциональный и бескомпромиссный критик технологического прогресса в его мыслимых крайностях. Оба эти автора близки нам, каждый по-своему. Спокойный рационализм Лема, опирающийся на могучий фундамент поистине фантастической эрудиции. Мучительная, поражающая в самое сердце, тревога Брэдбери за судьбы лучшего, что создало человечество – за судьбы культуры, доброты, гуманности. Нам кажется, что предпочтение здесь так же невозможно, как выбор между мощной красотой сверхзвукового лайнера и щемящей прелестью Сикстинской мадонны.

2. Если считать темой «Трудно быть богом» (как это делают многие читатели) контакт высокоразвитой цивилизации с цивилизацией на более низкой ступени развития, то ни о какой завершенности и исчерпанности не может быть и речи. Мы об этом писали и после «Трудно быть богом» и, возможно, будем писать и в будущем. Если же считать темой этой повести (как это считаем мы) трагедию человека, воспитание и совесть которого требуют немедленных действий, а разум холодно констатирует, что немедленные действия бесполезны и даже вредны, если понимать эту повесть так, то тогда мы, пожалуй, сказали все, что хотели.

3. Мы никогда не уходили от этого жанра. «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Пикник на обочине» – все это, на наш взгляд, повести, написанные в жанре социальной фантастики.

4. Вопросы оформления книг никогда не играли для нас существенной роли. Пусть в книге будет поменьше опечаток,

пусть у нее будет твердая обложка и пусть ее будет приятно взять в руки – вот и все требования, которые мы предъявляем к книге. Что касается иллюстраций, то они должны быть либо очень хороши, находиться в точном соответствии со стилем книги, либо пусть их уж лучше вовсе не будет. Книги для школьников надо иллюстрировать обязательно – мы по собственному опыту далекого детства знаем, как это важно – иллюстрации в фантастической книжке.

5. Признаемся честно, этот вопрос ставит нас в тупик. Мы являемся в высокой степени неспециалистами в шахтном деле. Нам ясно только, что прогресс технологии неизбежно приведет к почти полной автоматизации этого рода работ, ибо только автоматизация способна обеспечить наивысшую эффективность и безопасность шахтерского труда. Шахтер будущего – это, несомненно, инженер, за пультом, управляющий с поверхности земли мощным комплексом машин, работающих под землей, в скале, на дне океана. Можно представить себе также шахты-комбинаты, в которых добыча либо совпадает с переработкой и использованием ископаемых, либо непосредственно (без звена транспортирования) предшествует переработке и использованию. Напр., уголь не добывается в нынешнем смысле слова, а подвергается перерабатывающим процессам прямо в пласте. Но, повторяем, это мнение крайних НЕспециалистов.

Письмо Бориса брату, 11 июля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Наконец-то! Вчера закончили ремонт. Теперь надо за ними мыть и все ставить на места. Но это уже одно удовольствие.

1. Пока снова не забыл. СРОЧНО сходи, куда ходил в прошлом году, и получи доверенность на гонорары в Польше. В ДВУХ экземплярах. И перешли. И сделай это без откладки, а то снова забудем – и ты, и я. Картиночка будет, если я припрусь в Варшаву без твоей доверенности!

2. Звонил в бухгалтерию Лендетгиза. Фонды получены. Деньги нам с тобой переведут в ближайшее время (а может быть, и уже перевели – я звонил 3-го). Это, напоминаю, остатки за М в сборнике.

3. Деньги, каковые мне через тебя причитаются (за МиП, 10 проц. за мульт, и, может быть, аванс за переиздание в Детгизе) перешли, пожалуй, с мамой. Это будет проще всего и быстрее всего.

4. История с мультом весьма огорчительна, но никакой «сплошной загадки» для меня не представляет. В конце концов, разве когда-нибудь бывало иначе? Жалко только, что не удалось выжать нормальных 50 проц. Может быть, еще удастся? Поднажми там. И между прочим, уверяю тебя, с МиП будет то же самое, а потому вырывай за него деньги при каждом удобном случае. Перечитай договор и следи за всеми формальностями: вариант принят – деньги на бочку.

5. Ты огромный молодец, что так здорово вкалываешь над МиП. Да уж! А. Н., как известно, мудак и задница, когда речь идет об учете, контроле и прочей финансовой дисциплине, но уж коли речь зашла о работе!.. Я вот, напротив, ничем похвастаться не могу. Воображал, что буду хорошо работать, пока идет ремонт. Куды там!.. Машинку ведь некуда поставить! Впрочем, думать я не перестаю, а время еще есть.

6. Я тоже полагаю, что встретиться лично с Беляевым не повредило бы. Готов при необходимости принять участие, хотя, честно говоря, считаю, как и раньше, что такие беседы лучше проводить тет на тет – чтобы друг другу не мешать и не создавать неловкостей. Тем более что в данном случае картина предельно ясна. В общем действуй, как найдешь нужным, но учти, что 4-го августа я отбываю в Коктебель.

7. Посылать мне I вариант МиП не надо. Какой смысл?

8. Договор с Детгизом – это хорошо! Смущает новая вещь, смущают сроки, смущает жидкий аванс. Ты точно выяснил, что так мало нам полагается? Ведь в Лендетгизе нам (тоже за переиздание) выплатили 50 проц. из расчета 120 руб. за а. л. Проверь все-таки.

9. Вручил ли ты Биленкину деньги?

10. Не забывай каждые две недели названивать в УОАП и Межкнигу. Что это тебе – шею мыть, что ли?

Ну вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

Письмо Аркадия брату, 20 июля 1973, М. – Л.

Дорогой Борис!

1. За доверенностью для Польши схожу, когда кончится фестиваль[1]: сейчас никого нигде не добиться.

2. Деньги из бухгалтерии Лендетгиза не получил.

3. Деньги за МИП посылаю. За мульт (10 %) вышлю с очередной получки. Договор на переиздание в Детгизе, равномерно с прочими договорами там же, пока задержался подписью начальства, ибо Детгиз обанкрутился: даже получку сотрудникам занимали у какого-то другого учреждения. Нина утверждает, что это на месяц, не более.

4. Все киношные дела, в т. ч. и по Мультфильму, отложены из-за того же фестиваля. Никого нет на местах, никто никого не может поймать.

5. МиПа написал 45 страниц, уперся в последний кусок – Гай в группе. Предаюсь размышлениям. Это как бы самостоятельный сюжет, который хочется продумать поподробнее. Короче, осталось писать страниц 40.

6. Имеет место соображение, что хорошо бы идти не к Беляеву, а прямо к Демичеву. Но это надо опять же отложить до выяснения судьбы Мультфильма. Чтобы пойти сразу по двум делам.

7. Ни в ОАПе, ни в Межкниге ничего нового.

8. Расчет по договору с Детгизом сделан правильно. Конечно, денег маловато, но все по закону.

Пока все.

Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке.

[1] Международный фестиваль молодежи и студентов (Берлин, 28.07–5.08.1973).

Письмо Бориса брату, 24 июля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Задержался с ответом, думал, будут новости. Нет особых новостей.

1. Спасибо за деньги. Очень в жилу. С деньгами за мульт не торопись – дело терпит, встретимся – отдашь (или не отдашь, если будет трудно).

2. Деньги из Лендетгиза и я не получил. Озверев, позвонил туда, и что же? У них, видите ли, был квартальный отчет, и потому они еще не переводили! А ведь обещали, суки, перевести не позже 10-го. В общем, я рыдал, орал, плевался в телефон – обещали в ближайшее время, но дату все-таки не назвали. Словом, где-то в августе получим.

3. Не забудь про доверенность для Польши. В двух экзах.

4. Отдал ли Биленкину 30? Что-то ты ничего об этом не пишешь.

5. Получил письма. От Блока Румынского[1] (ты, вероятно, тоже получил). Я ответил в том смысле, что достать экз ТББ невозможно. Не хочет ли он на немецком или испанском? И почему бы ему не перевести ОО? Очень трогательное письмо пришло из Свердловска. Тамошний студенческий театр ПИЛИГРИМ поставил в прошлом году ХВВ под названием «Слег!». Пишет режиссер. Присылает вырезку-рецензию из местной комсгазетки (похвальную) и кучу фото с генеральной репетиции. Рассказывает кое-что о постановке. Мне понравилось, что у них зал был практически соединен со сценой. Зал – Земля, сцена – Город Дураков. Граница – забор, изрисованный надписями (в т. ч. «слег»). Желающие могли подняться из зала на сцену (зрители – туристы) и выпить в баре прохладительного – бесплатно, как и все в Городе. Он пишет, что поставили премьеру весной, хотели возобновить осенью, так хрен-с! Не разрешили. Еще одно письмо пришло из Новосибирска, из тамошнего электротехнического

[1] Это наш переводчик на румынский. А фамилия у него, разумеется, просто Блок. – *БНС*.

института. Пишет преподаватель кафедры философии и марксизма. Он там второй год учиняет при кафедре диспуты о ф-ке, так прислал две вырезки об этих диспутах из институтской газетки «Энергия». Все это очень трогательно, хотя и бесполезно.

6. Звонил я в ДетгизЛен насчет сборника ПХХIIВ+М. Дело движется, хотя и медленно. Обещают скоро начать расклейку. Рисунки то ли готовы, то ли будут готовы вот-вот. Художник тот же, что в «Талисмане».

7. Читаю ребятам ГО. Еще не кончил, так что обсуждения не было пока, но вроде бы нравится. Эх, все мы неправильно делаем! Нам надо сейчас вообще исчезнуть, перейти на псевдоним, зарабатывать деньги таким образом и писать потихоньку ГО. Это я к тому, что зря мы затеяли с «Авророй». Придумывается трудно. Синяков и шишек будет в изобилии, а денег – вше на лапу.

8. Один ты меня радуешь. Уверен, что с МиП-С будет все ОК, и, возможно, даже еще 10 % дадут. Ты там особенно не корячься. Важно дать им поначалу общую канву. Все равно заставят, засранцы, все заново переписывать.

9. Не забывай каждые две недели звонить в ОАП и Межкнигу. Прямо так и запиши на будущее в своей амбарной книге (если ты ею еще пользуешься). Если до сентября опять ничего не пришлют, придется снова писать им, напоминать, гадам. Кругом – жулье! Ужас.

10. Насчет похода к Демичеву. Не слишком ли радикально? Страшно, брат. Времена больно смутные, ни хрена не понять. Не посоветоваться ли предварительно с Нинами – с Матвеевной и Сергеевной? С Беляевым как-то все попроще. Ожидаемого толку, конечно, поменьше, но ведь и возможного риску тоже значительно меньше. То ли сейчас время, чтобы идти ва-банк? Понимаешь, есть что терять, вот в чем беда: договоры с Детгизами, со сценарной студией, с «Авророй», в конце концов. Напомним мы о своем существовании – как это все грохнут! И вася-кот. Правда, с другой стороны, конечно, ситуация вроде не катастрофическая – видишь,

Литературка нас все чаще поминает и каждый раз – без мата. Нет, не знаю. Советуйся брат, советуйся! За Беляева я точно ЗА, а насчет Демичева – советуйся. В ЦК ВЛКСМ бы сходить. Я теперь точно ошшушшаю, что вся МолГвардейская история тянется ТОЧНО оттуда. Неужели нет там ни одного симпатизирующего нам человека?

11. Ехать в Коктебель я намерен 4-го. Черкни еще письмишко, а? До моего отъезда.

Вот пока и все. Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке приветы.

Мама благодарит за все и тоже шлет привет. Она ОК.

БН упоминает «Литературную газету» в связи с тем, что на ее страницах развернулось обсуждение фантастики под рубрикой «Кризис жанра?». В течение года участники дискуссии (Кагарлицкий, Парнов и др.) высказывают свое мнение, почти каждый из них упоминает и что-то из АБС – так, мимоходом, но как само собой разумеющееся и наиболее известное, не требующее подробных пересказов.

Точно так же в этом году упоминаются АБС в связи с обсуждением книг Урбана и Черной на страницах «Литературного обозрения»: статьи Ю. Смелкова в «Вопросах литературы» и А. Галина (псевдоним А. Балабухи) в «Неве».

Письмо Аркадия брату, 30 июля 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Получил деньги из Лендетгиза – 516 ру.

2. Получил письмо из ОАП с приглашением позвонить насчет гонорара из ВНР. Сегодня буду звонить.

3. Звонил в Межкнигу, нашего Лунина нет, он в отпуск ушел, но по счастью оказался наш прежний шеф, Фомин, который работает в Кельне и приехал сюда в командировку. Он обещал пройтись по бумагам в бухгалтерии и выяснить все насчет наших счетов с ФРГ.

4. По странному совпадению (Фомин никак не связан с США) на следующий же день получил из Межкниги экземпляр «Трудно быть богом», издано в Нью-Йорке издательством

«Сибэри Пресс», в серии «Сайенс метафикшн» (в рекламе на задней полосе суперобложки объявлены в той же серии «Непобедимый» и «Рукопись, найденная в ванне» Лема). Само собой, прочитал от доски до доски. Перевод очень неровный, местами – отдельные предложения – имеют прямо противоположный смысл, масса опечаток, но есть места, переведенные очень хорошо. Не знаю, выслали ли и тебе, поэтому пока этот экз оставляю здесь.

5. Вышел номер «Сорэн бунгаку» («Советская литература», яп.). В нем опубликован с незначительными сокращениями наш «Малыш». Денег за это не будет, издание наше.

6. В пятницу (сегодня понедельник) по требованию – вдруг – Соловьева, директора сценарной студии, отнес ему для ознакомления готовую часть МиПа, зван к нему сегодня в полдень для разговора.

7. Один из наших друзей переслал мне адресованное ему письмо югославского переводчика Митора Поповича. Вот выдержка:

«…Я не мог узнать по телефону, что у нас переводили из фантастики Стругацких, но издательство «Карманная книга» у нас издает фантастику. Если есть что-нибудь по размерам печатных листов приблизительно как «Солярис» (его издали именно в этом издательстве), прошу БЫСТРО мне выслать почтой книгу, я должен до сентября подготовить предложение. Я был так оккупирован другими книгами, что не сделал этого в Москве…»

Полагаю сегодня зайти к нашему приятелю и передать ему для Поповича ПнО – выдирку из «Авроры».

8. С Биленкиным и Ревичем еще не встречался. То одного, то другого нет в городе. Буду еще звонить.

9. В Мультстудии ничего. Был у меня в субботу Снесарев, главный редактор. Похоже, у них там опять разгром какой-то.

10. Звонил ребятам в МолГв, они рекомендуют обратиться не к Демичеву на первых порах, а в ЦК ВЛКСМ. Обещали к сегодняшнему дню посоветоваться и определить, к кому там надо обращаться.

Вот пока все. Если будет не лень, черкни из Коктеёбля.

Адке и Росшеперу привет.

Позвони мамочке, передай мои сердечные поцелуи и скажи, что на днях напишу.

Жму и целую, твой Арк.

У Машки 2-го начинаются экзамены.

Письмо Бориса брату, 31 июля 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Спасибо за письмишко. Приятно было получить перед отъездом.

1. Одновременно с твоим письмом пришло здоровенное без адреса (обратного) – некий Н. Бочаров прислал копию своей статьи в Литературку. Называется «Кризис отношения». Парень берет быка за рога и, хоть и неуклюже, но очень толково и напористо объясняет весь кризис в ф-ке тем, что затирают «ведущих фантастов, общепризнанных фантастов № 1», каковые «почти не печатаются, находятся в опале и перебиваются крохотными повестушками и рассказами, печатаемыми в местных журналах». Очень все свирепо написано, опубликовано, конечно, не будет, да и вообще… того… не было бы хуже. Я таперича пуганый.

2. Купил тут я новый словарь-справочник «Новые слова и значения», изд-во «Советская энциклопедия», Москва, 1973[1]. Поздравляю вас, Аркадий Натанович! На странице 209 имеем: «КИБЕР, а, м. Кибернетическая машина, робот (в разг. проф. речи)…» Приятно, правда? Но дальше идет хуже. Там у них каждое слово сопровождается примерами. Так вот к нашему КИБЕРу примеры у них: 1. Из КомсПравды. 2. Из Анчарова. 3. Из Шефнера. Ссылаются также на Гранина и неких Рубина с Рыжковым[2]. Мать вашу за ногу!

[1] Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – М.: Советская энциклопедия, 1973.

[2] Е. Рубин и Д. Рыжков – авторы статьи «Исповедь хоккейного репортера» (Юность (М.). – 1967. – № 12).

В кои-то веки введешь в язык новое слово – и тут же тебя как автора забывают! Нет, этого так оставлять нельзя. Подговори ты там Нуделя что ли или Севку – пусть напишут. Нам самим же неудобно. Тебе для памяти: слово КИБЕР придумали мы лично и впервые опубликовали его в рассказе «Забытый эксперимент» (Знание – сила», № 8, 1959 г.). Кроме того, ПЛАНЕТОЛЕТ и ПЛАНЕТОЛЕТЧИК – тоже, по-моему, наше изобретение, хотя здесь я не так уж уверен. Помню только отчетливо, что ты это слово все протаскивал, а оно мне ужасно не нравилось, казалось надуманным. И было это во времена СБТ.

3. Американское издание ТББ получил вчера. Очень удивился. Тоже, конечно, стал читать, но, натурально, не подряд. Одну глупость нашел: это когда Румата в полудреме видит Киру и Анку на высоком доме «в Советской России» – это они так перевели «на плоской крыше Совета». Совсем не понял я в выходных данных: при чем здесь МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА?

4. Прочитал Громо-Нуделевское сочинение про Институт Времени[1]. Ах, подлецы, ах, негодяи! Скажи им, что в следующем нашем романе выведем их в натуральную величину. А вообще детектив, противу ожиданий, оказался совсем неплох. К сожалению, слишком быстро становится ясно, что к чему. Однако мотив убийства придуман прекрасно – тут они орлы!

5. То, что ты получил деньги из Лендетгиза – это прямо фантастика! Неужели мой разговор так сильно на них подействовал? Ну и быстрота!

6. Чует мое сердце, что не получить нам 50 % ни за мультик, ни за МиП. Но я был бы, однако ж, весьма тебе благодарен, если бы ты прислал мне отчет о своих переговорах с Соловьевым, а равно и в ЦК ВЛКСМ (если), в Коктебль по адресу: Крым, пос. Планерское, Дом творчества писателей.

[1] Громова А., Нудельман Р. В Институте Времени идет расследование. – М.: Дет. лит., 1973. Главных героев романа зовут Борис Николаевич Стружков и Аркадий Левицкий, в тексте присутствуют аллюзии на книги АБС.

7. Да! Тут ни с того ни с сего пришло мне на квартиру извещение о почтовом переводе на 44 руб. 42 коп. на имя Воскресенской Елены Ильинишны! Адрес мой, фамилия Ленкина. Завтра пойду выяснять. Наверное, придется им возвращать перевод назад, там будут долго разбираться… в общем не скоро вы получите эти рубли.

8. Улетаю 4-го утром, возвращаюсь 27-го.

Крепко жму ногу, твой [подпись]

P. S. Ленке – привет.

Машке – ни пуха ни пера!

P. P. S. Не забудь отдать Биленкину деньги. Неудобно же! Кстати, какова судьба письма к Стукалину?

Письмо Аркадия брату, 27 августа 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Никаких конкретных новостей пока нет.

1. Был у Белы. Сергей ходил к Ганичеву и требовал договора с нами. Ганичев сказал, что в принципе ничего против не имеет, но он еще не прочитал рукописи (а рукопись у него, подлеца, уже три месяца) и сейчас идет в отпуск, а как вернется из отпуска, то прочитает, и тогда будет решать. И добавил в ответ на Сергеевы протестации: «Ждали они два года, подождут еще месяц». С тем все и кончилось. Видимо, дело решится где-то во второй половине сентября. С-суки.

2. В Мультстудии ничего нового. Однако Ларин настоятельно рекомендует следующее. Существует положение авторского права, согласно которому, если студия не дала никакого заключения в течение двух месяцев, автор может претендовать на 100 %. И чтобы я отправился туда и, переговорив предварительно со Снесаревым, изложил эти соображения прямо директору и потребовал бы от него либо 1) чтобы развернутые причины отказа дал Комитет, либо 2) чтобы развернутые причины отказа дала Студия, либо 3) чтобы с нами расторгли договор, уплатив нам 100 %. При всех обстоятельствах следует сразу после разговора идти в ОАП

и просить юрисконсульта начать дело, не дожидаясь результата. Сегодня я намерен говорить со Снесаревым.

3. Если будем встречаться в сентябре, то не раньше, чем в последней декаде. Причины тому чрезвычайно важны, пока рассказывать тебе не буду, а расскажу где-то в середине сентября, когда все останется позади так или эдак.

4. Машка поступила в МИИТ на отделение автоматики и электронно-вычислительных машин (АЭВМ), набрала на балл выше проходного. Так что хоть с этой морокой все кончено.

5. Носил то, что сделал по МиП'у в Студию. Читал Шлепянов, дал ЦУ, в результате которых пришлось все переделывать. Начал снова и написал уже сорок три страницы, почти половину. Но больше в незаконченном виде давать сценарий не буду.

И с тем, кажется, все дела. С Биленкиными-Ревичами так и не встретился, да они и не в городе.

Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

P. S. Мы с Ленкой 23 окт. едем на полный срок в Дубулты.

Письмо Бориса брату, 30 августа 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

О боже! О господи аллахе (как любит восклицать мой сын)! Кажется, я наконец дома! Иезус, Мария и Иосиф! Нет, все эти коктебели, крымы, аэрофлоты и тутти-фрутти – не (повторяю НЕ) для белого человека! Ну ладно.

1. Письмо твое меня дожидалось. Спасибо. Действуй там по обстоятельствам и, главное, тщись выдрать у равнодушного хаоса 100 процентов (в крайнем разе – 50). Главное, что Машка поступила! Мария – ура! Вив Мари! Поцелуи ей мои и наши и поздравления. Скажи ей, что она – орел.

2. Несмотря на то что ты ссылаешься на некие серьезные обстоятельства, намерен я все-таки просить у тебя свидания именно в середине сентября. Положение тут

складывается такое. Документы в Польшу я получу дней через пять-десять, не раньше. Надо успеть взять билеты, связаться с Ireной и т. д. В общем получается, что в Польшу я смогу поехать только в конце сентября. А я очень хотел бы повидать тебя и побывать в Москве до поездки в Польшу. Мы могли бы: а). Обсудить зМЛдКС – я, конечно, продвинулся чрезвычайно мало и вообще имею серьезные по поводу этой повести соображения, каковые надобно обсудить; б). Быстренько подшлифовать МиП-С – на пару мы покончили бы с первым вариантом моментально и эффективно; в). Обсудить полученное из Одессы письмо, в коем режиссер театра миниатюр предлагает нам договор и сотрудничество; г). Кроме того, в Москве меня ожидает некое филателистическое приключение, в котором я хотел бы принять самое деятельное участие. Исходя из вышеизложенного (а также из простого человеческого желания встретиться с братом и потрепаться за стаканом чая-виски), предлагаю на твое рассмотрение следующий вариант: я нагрянываю к вам числа 8–10-го, десяток дней мы с тобой эффективно работаем, поглощая по вечерам огромные порции чая-виски, а потом я качу в Польшу и мы снова встречаемся, уже для основательной работы, в Комарово где-нибудь в первых числах октября. А? Отпиши свое мнение срочно.

3. Получил за этот месяц кучу писем (11 штук). Блок Румынский просит прислать ОО (раз уж не можем мы раздобыть ему ТББ). Эрик Симон из ГДР сообщает, что в Познани в сентябре состоится Второй консультативный симпозиум фантастов, и спрашивает, кто из совфантастов поедет туда. Совершенно случайно я узнал, что от Ленинграда послали на утверждение в Москву Брандиса, Дмитревского и Шалимова. Москва утвердила Шалимова. Тот же Симон приводит смешной пример переводческого ляпа в фрговском издании ТББ. Кусок: «…перекошенную животным ужасом всегда такую незаметную, бледненькую физиономию дона Рэбы…» был переведен так: «…всегда такую незаметную бледную физиономию дона Рэбы, теперь полностью разъеденную

вонючими комарами…» Симон пишет, что таких ляпов несколько, но в общем перевод[1] неплохой и имел по его сведениям успех у читателей ФРГ и Австрии. Ленинградский Дом композиторов предлагает мне выступить перед композиторами, обожающими наше творчество. Есть и трогательные письма от поклонников.

Вот пока и все. Жду твоего ответа. Крепко пожимаю ногу, твой [подпись]

P. S. Поцелуи Леночке и орлу-Машке.

По предложению БНа состоялась короткая встреча Авторов в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Провести идею: субъективно никто из отступников не отступник. Каждый убедил себя, что поступает не только разумно, но и с пользой для общества и для науки. «Что, черт возьми, важнее: закончить мою работу по анаэробным или как следует организовать работы в новом большом институте». Но в самой глубине души знает, что подлец, трус, отступник.

Дать рассуждения Малянова о своей работе, когда он пытается уяснить, кому он может помешать.

[Запись между встречами]

1. Обязательно комментарий для ЛитГаз.

2. Поискать «Сельск. молодежь» (~ июнь, июль 1973): Домбровский «Царевна-лебедь»[2].

<…>

10.09.73

Б. в Москве. Работаем над сценарием. Были у Мироров.

11.09.73

Работаем над сценарием. Был Манин.

---

[1] Strugatzki A., Strugatzki B. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein / Ubers. von H. Buchner // Hamburg, Düsseldorf: Schröder, 1971; München: Heyne, 1972. Исследование Дмитрия Макарова этого перевода Германа Бухнера см. на сайте http://dimaka.livejournal.com/5160.html#cutid1 и далее.

[2] Повесть опубликована в № 4 журнала.

12.09.73

Работаем над сценарием и комментарием для ЛитГаз.

13.09.73

Раб<отаем> над сцен<арием> и комм<ентарием>.

14.09.73

Закончили комментарий.

Были у Мирерoв.

Звонили на мультфильм (плохо); в МолГв (неизвестно); в Межкнигу (ничего).

15.09.73

Кейфовали.

16.09.73

Думали о МиП. Принимали Ревича и Биленкина.

17.09.73

Были в Пекине с Маниным.

18.09.73

Б. уезжает.

Комментарий для «Литературной газеты», над которым работали АБС в эту встречу, сохранился в архиве. Он датирован 14 сентября.

Из архива. АБС. Что касается фантастики…

Итак, еще один путь в таинственное гиперпространство закрыт для фантастов. Айзек Азимов с присущим ему изяществом и талантом популяризатора еще раз продемонстрировал нам, как наука, способная открывать столь широкие перспективы и горизонты для самого богатого воображения, способна также воздвигать этому воображению непреодолимые препоны.

Азимов-популяризатор известен нисколько не менее, чем Азимов-фантаст. Нам кажется, что в качестве научно-популярного эссе рассматриваемая статья представляет своего рода образец. Нам ведь и раньше приходилось читать общедоступные материалы относительно «тахионно-тардионной гипотезы», но мы впервые столкнулись с таким точным,

кратким и ясным изложением ее сути. Однако в той мере, в какой статья касается проблем фантастической литературы, она представляется нам, мягко выражаясь, уязвимой.

Ну скажите на милость, что бы выиграли писатели-фантасты, что бы выиграли читатели фантастики, что бы, наконец, выиграла сама фантастика как литературное течение, если бы «тахионно-тардионная гипотеза» решила бы вопрос о возможности передвижения со сверхсветовыми скоростями в положительном смысле? Думается, ничего.

Конечно, было время, когда более или менее строгое научно-техническое обоснование фантастических событий, происходящих в романе, рассматривалось как признак солидности, а заодно и утверждало реноме автора как эрудита. Это была традиция, сложившаяся в жюльверновские времена, когда научно-популярной литературы не существовало. В отечественной фантастике еще совсем недавно строгая научная обоснованность полагалась вообще едва ли не главным достоинством произведения. (Помнится, в аннотации к одному роману о путешествии на Марс редакция с особенным восторгом подчеркивала то обстоятельство, что автор самостоятельно вычислил взаимные положения фигурирующих в романе планет.) Вот и торчат теперь тоскливыми пугалами на пройденных литературных путях эти ужасные гибриды популярных учебников с приключенческой макулатурой. Впрочем, если даже отвлечься от подобных несомненных крайностей, нетрудно заметить, что в самых лучших, ставших уже классическими образцами произведениях научной фантастики самые слабые, самые худосочные страницы уделены именно попыткам научно-популярно объяснить несуществующее, невероятное или пока невозможное.

Как писатели, мы в свое время отдали обильную дань этой почтенной традиции, а потом нам пришла в голову крайне простая по своей сути мысль: неважно, каков принцип устройства двигателя межпланетного (межзвездного, межгалактического) корабля – важно, что за люди составляют его экипаж, что представляет собой общество, которое послало

или прогнало их в глубокий космос, что они ищут там, что они хотят там найти и с чем боятся столкнуться. По нашему глубокому убеждению, весь богатейший опыт мировой фантастики свидетельствует о том, что только подобный подход дает автору возможность (правда, только возможность) создать полнокровное литературное произведение.

А двигатели… Ну что ж – двигатели! Не годится «тахионная гипотеза», сойдет репагулярный переход Ефремова или проникновение в соседствующее пространство Саймака, или, на худой конец, обыкновенная незамысловатая нуль-транспортировка. Ведь если говорить обо всем этом серьезно, то вряд ли в ближайшем будущем наука даст сколько-нибудь конкретный рецепт, как (по словам Ивана Ефремова) преодолевать пространство вместо того, чтобы ломиться сквозь него. И между прочим, как бы ни стремился Азимов-популяризатор установить сколько-нибудь прочную связь между физикой переднего края и фантастической литературой, Азимов-фантаст в своей практической литературной деятельности уделяет этой связи лишь приличествующее ей, то есть минимальное, внимание.

В перерыве между встречами АН пишет заявление в ВУОАП.

Из архива. Заявление АНа в ВУОАП

Во Всесоюзное Управление бюро
по охране авторских прав
от члена СП СССР
Стругацкого Аркадия Натановича

ЗАЯВЛЕНИЕ

В середине 1971 г. киностудия «Союзмультфильм» предложила мне написать сценарий полнометражного художественного мультфильма. К декабрю того же года я представил на студию соответствующую заявку. 16 декабря 1971 года со

мной был заключен договор на сценарий фильма «Погоня в космосе», вследствие чего мне был выплачен аванс на сумму 750 руб. (Из суммы договора 3 000 руб.)

Сценарий, который я представил на месяц раньше договорного срока, был принят как первый вариант, в результате чего мне выплатили положенные 10 % суммы, определенные договором. Вскоре я представил студии второй вариант сценария, который был также принят сценарно-редакционной коллегией, но, как и в предыдущий раз, принятие его не было оформлено заключением. И второй полагающейся мне суммы гонорара я не получил.

В течение 1973 г. директор киностудии т. Вальков М. М. попросил меня в порядке любезности написать на основании того же договора другой сценарий, который подошел бы режиссеру Котеночкину. Будучи уверен в абсолютной порядочности студии, я, под псевдонимом С. Ярославцева, написал другой сценарий полнометражного мультфильма под названием «Конец планеты негодяев». Сценарий был принят весьма хорошо, как режиссером, так и директором. Однако на этот раз я не получил ни заключения, ни договора, ни гонорара. Подразумевалось, что по этому сценарию сразу будет делаться режиссерская разработка (т. е. сценарий пойдет в запуск) в результате чего я получу всю сумму сразу, как за покупку сценария. Этот сценарий мною был сдан в мае I973 г. Однако дело на том и кончилось.

В сентябре 1973 г. я неожиданно получил от студии извещение о том, что договор со мною расторгается «по тематическим соображениям». При этом бумага была написана не на бланке, и печати на ней не стояло.

Оставляя в стороне этическую сторону дела (беспрецедентную бесцеремонность, с которой студия нашла возможным обращаться с автором), полагаю себя вправе претендовать на выплату мне всей суммы гонорара, обусловленной п. 10 типового договора и по существующему в авторском праве условию о том, что при отсутствии заключения сценарно-редакционной коллегии по прошествии срока,

определенного для составления этого заключения, сценарий считается окончательно принятым.

Прошу ВУОАП квалифицированно разобраться в этом деле и помочь мне, если авторское право на моей стороне, восстановить справедливость.

При сем прилагаю:

1. Типовой сценарный договор с киностудией «Союзмультфильм».
2. Уведомление студии о расторжении договора.

5 октября 1973 г.

Рабочий дневник АБС

9.10.1973

Вчера Б. приехал в МСК писать МиП.

Гаг – 16, Бойцовый Кот с 10 лет, дитя трущоб.

1. Война.
2. Город (гостиница).
3. Усадьба Корнея.
4. Робот.
5. Путеш<ествие> по миру.
6. Соотечественники.
7. Лагерь.
8. Попытка удрать на ракетодром.
9. Создание оружия.
10. Взрыв страстей; истерика: «Не хочу!»
11. Возвращение.

Недоверие и страх → презрение (богов можно обвести вокруг пальца). Противоречие фанатизма: подспудное стремление находить недостатки у богов; удовлетворение, когда бога удается обмануть. Утилитаризм фанатика: использовать могущ<ественные> силы для личных целей.

В конце – жгучая зависть к ребятам, как они с аппетитом живут и какой он на их фоне увечный.

Развенчание фанатизма оставляет после себя футляр для хорошего человека. Разрушение фанатизма вовсе не создает цинизма, оно создает голод по идеологии, кот<орая> не дает дороги цинизму.

10.10.1973

[См. рисунок карты на стр. 2 вклейки.]

Утром сделали 6 стр.

Вечером сделали 2 стр. (8)

11.10.73

Утром сделали 3 стр. (11)

Вечером сделали 5 стр. (16)

12.10.73

1. Декорация. Испытание. (А звезды? А Луна? А язык?)

2. Действит<ельно>, Земля, но Корней – офицер; он меня испытывает. Д<олжна> быть тонкая игра.

3. Всё правда. Но что надо землянам? Почему не отпустили? Хотят завербовать? Завербуюсь – а Корней наш офицер? Вон он какие разговоры ведет про его сиятельство.

Сделали 8 стр. (24)

13.10.73

Сделали 5 стр. (29)

Вечером сделали 3 стр. (32)

Череп человека. Не человека. Разумн<ая> раса – негуманоиды. Никак не договориться. «Мне здесь тоже полагается стоять».

14.10.73

Сделали 6 стр. (38)

Вечером сделали 2 стр. (40)

Чем ты отличаешься от человека?

– Я знаю о себе все.

Обелиск.

Муштра (строевая).

Политзанятия (в тени обелиска).

Насчет звездолетов.

Насчет информария – чтобы Корней ничего не знал.

Об оружии.

15.10.73

Сделали 6 стр. (46)

Вечером сделали 2 стр. (48)

Написали письмо Ганичеву.

[См. рис. на стр. 3 вклейки.]

16.10.73

Сделали 2 стр. (50)

А. в Детгиз; Б. за билетами.

ПРЕРВАЛИСЬ НА 50 СТР.

Будем заниматься МиП-С.

Надо:	
стр. 17–18	1. Диалог с Володей о прогрессорах
стр. 27–28	2. Диалог с Жаком об этнографии
стр. 31–?	3. Диалог с Жаком, приводящий к драке
стр. 35	4. Диалог с Володей о величии герцога; вербовка Володи
стр. 43	5. Попытка завербовать Жака (хохмы Жака)
	6. Разговор с Галей – она, оказ<ывается>, водит звездолет. Гай – о Земле.
	7. Бунт. Роль Атоса

17.10.73

Работаем над сценарием.

18.10.73

А. пишет сценарий. Б. копается в бумагах.

19.10.73

Аналогично. Были у Мироров.

20.10.73

Б. уезжает.

Письмо директору «Молодой гвардии» Ганичеву, написанное 15 октября, сохранилось в архиве.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый товарищ Ганичев.

Как Вам, вероятно, известно, наша попытка встретиться с Вами окончилась ничем. Поэтому тот вопрос, который мы

намеревались задать Вам при личной встрече, нам остается задать письменно.

В конце 1970 года мы подали в издательство «Молодая Гвардия» заявку на авторский сборник «Неназначенные встречи», включающий наши новые повести «Дело об убийстве», «Малыш» и «Пикник на обочине». Издательство воздержалось тогда от вступления с нами в договорные отношения под тем предлогом, что одна из повестей к тому времени еще не была закончена.

В начале 1972 года мы представили в издательство уже полную рукопись всего сборника. На уровне редакции сборник был принят с удовлетворением, однако договор с нами Издательство опять не заключило.

В начале мая 1973 года мы получили редакционные замечания, в соответствии с которыми произвели значительную работу по стилистической и сюжетной правке сборника. Насколько нам известно, правка эта полностью удовлетворила редакцию, однако заключение договора опять же не последовало – без сколько-нибудь вразумительных объяснений.

С тех пор прошло уже пять полных месяцев, а со дня подачи заявки – три полных года. Договора по-прежнему нет.

И мы хотим, товарищ Ганичев, задать Вам вопрос: в чем же дело? Что происходит? Как все это объясняется?

Может быть, наши повести содержат какие-то идейно-художественные просчеты? Давайте посмотрим.

Все три повести давно опубликованы в периодике («Юность» и «Аврора»). Повесть «Малыш» успела уже выйти в сборнике научной фантастики, изданном ленинградским филиалом издательства «Детская литература», и в журнале «Советская литература» на японском языке. Повесть «Дело об убийстве» выпустили отдельным изданием в ГДР, ПНР, ЧССР. Повести «Пикник на обочине» посвящена развернутая и весьма положительная рецензия в журнале «Литературное обозрение». Наконец, в распоряжении редакции имеются несколько сугубо положительных внутренних рецензий и ни одной отрицательной. Очевидно, что гипотеза об идейно-

художественных просчетах является несостоятельной. Так в чем же дело?

Мы связаны с издательством «Молодая Гвардия» полтора десятка лет. Все наши лучшие вещи опубликованы в этом издательстве. Теперешнее положение с нашим сборником беспрецедентно.

Мы самым настоятельным образом просим вас, товарищ Ганичев, разобраться в этом ненормально затянувшемся недоразумении и положить ему конец.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Вскоре после возвращения из Москвы, 22 октября БН отвечает на очередное письмо Штерна, где описывает работу вдвоем.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Хотите попробовать работать в соавторстве? Дело хорошее. Методик такой работы существует несколько. Мы, кажется, испробовали их все. Наш опыт позволил нам сформулировать следующий фундаментальный принцип: результат тем лучше, чем большая доля работы проделана в непосредственном контакте соавторов. Иначе говоря: все делать вместе. Обдумывать идею – вместе. Разрабатывать сюжет – вместе. Составлять подробный план – вместе. Писать черновик – вместе. Править черновик – вместе. Писать чистовик – вместе. Все – вместе. Никаких этих глупостей: «Ты составляешь план, я составляю план, потом сравниваем и выбираем лучшее»; или: «Ты пишешь все четные главы, а я все нечетные…»; или: «У тебя лучше получаются диалоги, а у меня – описания, так вот давай, ты будешь…» и т. д. Обдумывать идею, разрабатывать сюжет и составлять подробный план вместе – это одно удовольствие. Собственно писать – тут дело хуже. Нужна привычка; нужно усилие воли, чтобы преодолеть смущение и стесненность; нужна взаимная терпимость, иногда поистине

безграничная. Впрочем, мне приходилось работать в соавторстве не только с Аркадием, и у меня создалось впечатление, что если собираются вместе люди с юмором, уважающие друг друга и симпатизирующие друг другу – дело пойдет. Сам процесс писания состоит из последовательного предложения и обсуждения фраз. Один предлагает, другой либо принимает сразу, либо вносит поправки, либо предлагает свой вариант. Не разрешается отвергать вариант соавтора без объяснений причин. Не разрешаются аргументы типа: «Нутром чую, что это не годится!..» или «Не годится потому, что не хватает чего-то этакого… не знаю как выразить… в общем – не хватает…» Наконец, категорически запрещается отвергать, ничего не предлагая взамен. В спорных случаях, когда оба соавтора предложили свои фразы, обосновали их и не могут найти компромисса, из кармана достается пятак и проблему решает жребий. В таком вот плане.

<…>

Письмо Бориса брату, 18 ноября 1973, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Ну, надеюсь, вы с Ленкой в добром здравии и вновь готовы к бою.

1. Звонил я в Комарово. С 20 ноября дом встает на ремонт. Так что придется искать нам с тобой другое пристанище. Давай свои предложения. Я в общем готов приехать, как и договаривались – числа первого. Срочно отпиши.

2. У меня теперь новый телефон: 91–37–55. Запиши в свою книжечку[1].

3. Был я в «Авроре», говорил с Островским насчет МиП и отсрочки. Договорились. Теперь надо представить рукопись в начале марта, не позже. Поднатужимся?

4. Разыскал на Ленфильме с Лешкиной помощью окончательный вариант ДоУ-С. Перепечатал вот и завтра отправлю Ирене. И да поможет нам бог.

[1] Любимая фраза мистера Адамса, персонажа «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова (ч. 3, гл. 20; ч. 3, гл. 26 и другие).

5. Получил любопытное письмо от Эрика Симона из ГДР. Он находится в переписке с эдитором изд-ва «Инзель» г-ном Роттенштайнером. Так вот «Понедельник» они там собираются издать весной 74-го, а УнС – в конце 75-го или в начале 76-го. Не торопятся, я бы сказал.

6. Котляр снова лягнул нас в «Октябре»[1]. На этот раз ляг получился какой-то совершенно уж бредовый – этот кретин обвинил нас в том, что мы всегда выступали против художественной фантастики во имя фантастики как приема. Впрочем, в основном удар направлен там не против нас, а против Альтова.

7. Письма в Марион фон Шредер я так и не написал. Понимаешь, я снова проглядел всю переписку и у меня создалось впечатление, что они переводят деньги точно в конце года, а поэтому пиши – не пиши… Главный же препон в том, что я не нашел пока материала для содержания письма. Надо же как-то и декорум соблюдать.

8. В общем жду от тебя письма со следующей информацией:

а. Где и когда встречаемся.

б. Как дела в кино.

в. Как дела в МолГв.

г. Как дела в Межкниге.

д. Как дела с мультом (суд). (М. п., Мишка мне рассказывал, что читал недавно где-то интервью Котеночкина, где тот заявлял, что бросает «Ну, погоди!» и начинает снимать сценарий Стругацких.)

е. Как дела в Детгизе.

9. В нашем Детгизе ничего особенно нового нет. Редакторшу так пока я и не поймал – она на пенсии и бывает в редакции нерегулярно. А Брандис знает только, что очередной фантсборник стоит на месте, ибо они ждут нашу новую повесть (МиП).

Вот пока и все. Жму ногу, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

А подарочек-то тебя ждет-с! Ужо привезу.

---

[1] Котляр Ю. Фантастика и характеры // Октябрь. (М.). – 1973. – № 10.

Статья Котляра действительно в основном критиковала Альтова, но в начале статьи досталось и АБС – опять же, как и в других статьях о фантастике этого года, произведения АБС упоминаются без разбора, без пояснений (всем известны – зачем объяснять?).

Из: Котляр Ю. Фантастика и характеры

<…>

Но вот сравнительно недавно художественность в фантастике была поставлена под сомнение так называемым «философским» направлением. По мнению его адептов (братьев Стругацких, А. Громовой, Р. Нудельмана, Г. Альтова и других), фантастика – всего лишь литературный прием, под знаком которого все дозволено. Предметом фантастики был объявлен не герой, воплощенный в правдивый образ и наделенный характером, эмоциями, а некое абстрактное «приключение мысли». Это привело к схематизму, обезличке и подражательству. «Философское» направление увлеклось западной модой на мрачные романы и повести-«предупреждения», в которых человечеству пророчились грядущие бедствия и всяческие ужасы. Строились произвольные модели будущего, лепились модели инопланетного феодализма и фашизма, превозносилась телепатия. Все эти заблуждения и социально-историческое дилетантство вызвали резкую критику в печати со стороны ученых, писателей, философов. Приняли участие в этой полемике на страницах «Известий», «Молодого коммуниста», «Юности», «Москвы», «Литературной газеты» и других газет и журналов также и читатели. Стало ясным, что «философское» направление общественной поддержкой не пользуется. Тогда оно переименовало себя в «новую», «интеллектуальную школу фантастики».

Но смена «вывески» ничего не могла изменить, взгляды и методы остались прежними. Они и завели «интеллектуалов» в тупик дегероизации и бесперспективности. Читатель утратил к их писаниям интерес. Сейчас все эти «Хищные вещи века» и «Уравнения с Бледного Нептуна» недвижимо лежат на книжных полках. Не может заменить «приключение мысли» с мистическим душком ни живых образов, ни

полнокровных характеров, ни человеческих эмоций, ни глубоких мыслей. Слабые художественно, творения «философо-интеллектуалов» быстро отжили свой век.

<…>

Письмо Аркадия брату, 23 ноября 1973, М. – Л.

Дорогой Борик!

Письмо твое получил, отвечаю по пунктам.

1. Ближайшие две недели я буду зело занят здесь в связи со сценарными делами. Далее, я очень хочу приехать на несколько дней в Ленинград, повидать маму и обсудить с тобой некоторые технические детали работы над МиПом. Далее, как там договоримся, так и будем действовать – у тебя или на нейтральной земле (напр. в Дубултах – условия отличные), или у меня. Здесь тебя готовы принять с радостью, но я очень боюсь за Ленку, она же не выдержит и примется таскать после работы всякие тяжести, а это ей абсолютно противопоказано. Итак, я намерен приехать в Ленинград десятого-двенадцатого.

2. В кино дела такие: я кое-что подправил в первоначальном варианте МиПа и сейчас должен новый вариант перепечатать и сдать. Это к первому декабря. Душанбинский сценарий написал[1], сейчас бешено перепечатываю в четырех экзах, одновременно саморедактируясь. К концу месяца должен выслать в Душанбе все четыре.

3. В МолГв никакого почти движения. Усилиями редакции нас втиснули в план 75-го года, сейчас план пошел на утверждение в ЦК ВЛКСМ, что из этого выйдет – неизвестно. Бела советует снова написать Беляеву и попросить поддержку на этом этапе. От Ганичева, естественно, ни слуху, ни духу. Можно изойти в письме Беляеву из этого. Был бы тебе благодарен, если бы ты набросал проектик письма и прислал мне, а то я очень занят.

4. В Межкниге движения никакого.

[1] Текст сценария «Город будет» датирован: 21.10–27.11.73.

5. Мультфильм платить отказался, прислал на нас контржалобу. Дело пойдет в суд. Их жалобу на комментирование пришлют мне дней через десять.

6. В Детгизе дела ничего. Мир Приключений сдали в набор, а договор с нами Камир заключать воздерживается. Нина требует, чтобы я шел к Ильину. А мне не хочется.

7. Котляра в «Октябре» читал. А вот читал ли ты статью в № 11 «Вопросов литературы»?[1] Там про нас очень лестно говорят. Хотя ставят на одну доску с Азимовым и Каттнером, что мне претит.

8. В Дубултах встретил громадного гризлиподобного мужчину, который отрекомендовался твоим другом, назвался Юрием Давыдовичем и был все дни пьян. Потом приехал Торопыгин и тоже был пьян.

Вот все дела.

Еще раз прошу проектик письма Беляеву – слезницу, что де научены горьким опытом, не можем больше доверять руководству издательства, просим вступиться. А впрочем, можешь и не писать. В Беляева я тоже как-то не верю. Ну их всех.

Привет Адке и Росшеперу.

Жму, обнимаю, твой Арк.

В это время БН иногда отмечает в рабочем дневнике возможные варианты издания чего-либо и записывает новую идею. Набросок нового сюжета реализован не был, но позднее почти целиком вошел в ХС.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Надо ли общение с ребятами? Как бы без этого. М<ожет> б<ыть> – ввести внука?

24.11.73

Предложил Дмитревскому главу из ГО (III). Он рад.

«Костер» просит чего-нибудь. Дать им «Погоню в Космосе»?

[1] Смелков Ю. Гуманизм технической эры // Вопросы литературы. (М.). – 1973. – № 11.

«Возвращение», II изд. для Американца.

Кот – Элегант. Пес по фамилии Верный, он же – Верка. А мальчик – вундеркинд, почитывает «Кубические формы» Ю. Манина (цитаты), очкарик, любит петь, когда моет посуду, Высоцкого. 12 лет в восьмеричной системе счисления; цитирует труды Иллича-Святыча.

Повесть представляет собой рукопись дневника мальчика с добавлением из регистрир<ующей> аппаратуры робота. Некоторые страницы показаны спецам – «спец почесал ногтем седую бровь и молвил: «Как вам сказать…» – после чего страницы опущены. (Рассуждение о контрапункте кошачьего пения.)

Кот по утрам, вернувшись со спевки, стирает перчатки.

Пса учат за едой не сопеть, не чавкать и пользоваться ножом и вилкой. Уходит демонстративно из-за стола и шумно, с обидой, грызет кость под домом.

В статье Смелкова, упомянутой в письме АНа, та же тенденция – о произведениях АБС говорится в общем, как о всем известных, без рассказа о фабуле или сюжете.

Из: Смелков Ю. Гуманизм технической эры

<…>

В романе «Трудно быть богом» Стругацкие подробно и дотошно воссоздают облик и характеры средневековья на далекой планете. Клиффорд Саймак – небольшой американский город, в котором появляются пришельцы из космоса (роман «Почти как люди»). Кобо Абэ – лабораторию, в которой выращиваются подводные люди. И даже поэтичный Р. Брэдбери, зачастую пренебрегающий научной и бытовой точностью, в «451° по Фаренгейту» добивается максимального правдоподобия. Материалом для всех этих описаний, для плотного фантастического быта служат вполне земные реалии (а не порождения фантазии, как у Лема), но цель у «земной» и «космической» НФ одна: в слове воплотить мир, влияющий на жизнь человека, изменяющий ее. Описания

в современной НФ несут не популяризаторскую, но художественную функцию.

<…>

В романе братьев Стругацких «Хищные вещи века» мы найдем множество деталей, которые выглядят как прямые реминисценции из «451° по Фаренгейту» или «Утопии 14». Грезогенераторы, погружающие человека в транс, бессмысленные и жестокие «развлечения» людей, не знающих, как убить время, как выбраться из тоски тупого и сытого существования. Общество «меценатов» развлекается тем, что выкрадывает из музеев старинные шедевры… и уничтожает их. Кто попроще – идет к «рыбарям», в старое метро, где оборудовано нечто вроде театра ужасов – с той, однако, разницей, что там и в самом деле можно погибнуть. Четырехчасовой рабочий день, курортный климат, полная сытость – и никакой духовной жизни: Страна Дураков.

<…>

Творчество братьев Стругацких нередко вызывало полемику. Их упрекали в излишней «выстроенности» и однозначности характеров. Отмечалась критикой и некоторая абстрактность социальных концепций, возникавших в их книгах. Надо признать, что отдельные произведения Стругацких действительно давали предмет для спора. И все же мне кажется важным подчеркнуть верность авторов главной своей теме, проходящей через многие их романы и повести, теме, начатой в «Хищных вещах века» (и в «Попытке к бегству»).

В упоминаемом уже романе «Трудно быть богом» она утверждается еще более последовательно.

<…>

Нравственные и духовные качества космонавтов воспитаны и испытаны космическими безднами, трудом и подвигом, – эта сознательная нравственность и духовность противостоит той, что создана бетризацией. Противостоит и не совмещается с ней. Так разрабатывается мотив, намеченный у Стругацких: счастье, «преподнесенное на блюдечке», не

обогащает человека, весь путь духовного совершенствования надо пройти самому.

<…>

Вместе с ними [утопией и романом-предупреждением. – *Сост.*] все увереннее ныне развивается философско-сатирическая фантастика. Дух Вольтера и Свифта оживает в «Звездных дневниках Ийона Тихого» и «Кибериаде» Лема, в цикле рассказов Генри Каттнера о Хогбенах, в памфлете Р. Уормсера «Пан Сатирус», романе братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Можно сказать, что НФ дала новую жизнь философской сатире.

<…>

Письмо Бориса брату, 29 ноября 1973, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

1. Прямо скажем, ничего не понял из твоего письма по части того, ГДЕ и КОГДА мы будем работать над МиП. «Повидать маму и обсудить некоторые технические детали работы над МиПом» – это конечно прекрасно, но дело в том, что нам некогда теперь уже обсуждать детали работы, нам надо работать. МиП ждут в «Авроре» – раз и в Лендетгизе – два; и там и там – в начале марта. Следовательно, нам осталось три встречи: декабрь, январь и февраль (плюс понадобится еще какое-то время на перепечатку). Поэтому нам нужна сейчас полная определенность. Если у тебя работать нельзя – напиши. Тогда жду тебя 10–12-го, но не обсуждать детали, а просто вкалывать до тех пор, пока не кончим черновик (думаю, что за 10–12 дней управимся). Жить будешь у мамы, а вкалывать будем у меня. Это не слишком удобно, но за неимением лучшего… Короче говоря, немедленно и точно напиши свое решение по этому вопросу. (Дубулты – вещь по-моему нереальная сейчас; может быть, в январе или феврале?)

2. Если встречаться будем в Ленинграде, свяжись, пожалуйста, с Севкой за несколько дней до своего отъезда. Он передаст тебе марки для меня, ты их привезешь, и я буду

в восторге. (Только не ссылайся, умоляю, на чудовищную загруженность – операция встречи с Севкой вряд ли займет у тебя больше двух часов, считая с дорогой.)

3. Тут на меня напал из-за угла Дмитревский – требует что-нибудь для ленинградского сборника фантастики, который они наконец, кажется, пробили в Лениздате. Я сначала отослал его разбираться с Брандисом, которому обещан МиП для Лендетгизовского сборника, а потом подраскинул мозгой и меня осенила гениальная идея. Я предложил ему главу (3 а. л.) из неоконченного фантромана, который мы пишем вот уже два года, написали 4,5 главы, а кончить все не можем, так как приходится все время зарабатывать деньги. Третья глава под названием, скажем, «Переворот» – коротенькая врезка, объясняющая в общих чертах ситуацию, то, се… В общем, он был очень доволен. А как твое мнение? Почему бы нам не заработать по 900 на рыло? Работы практически никакой, только небольшая правка и расходы на перепечатку. А?

4. Как так – в Межкниге никакого движения?! А что это ты маме писал насчет шведов и УнС? Отпиши поподробнее!

5. О статье в «ВопЛи» слышал. Краем уха. Знаю только, что Гор жаловался Брандису на автора статьи: зачем-де он восстанавливает (сталкивает с? противопоставляет?) Стругацких против него, Гора. Там, действительно, есть что-нибудь в этом роде?

6. К Ильину тебе по поводу договора идти не хочется. А лапу тебе сосать, ж… закусывать – хочется? Впрочем, тебе виднее. Отнюдь не настаиваю.

7. Гризлиподобный мужчина – не Юрий Давыдов, а Сергей той же фамилии. Он поэт (можешь себе представить?). Он мой друг в той же степени, что и твой – неоднократно мы все вместе проживали в Комарово. А был ли ты достаточно мил с Торопыгиным? Помнил ли, что он главред «Авроры»? И вообще, говорят, мужик не вредный.

8. Сейчас, отодвинув машинку, полчаса обдумывал письмо к Беляеву. Ничего приличного не придумал. О чем, собственно, мы сейчас должны его просить? На что жаловаться?

Повесть включена в план, утверждается план не дирекцией, а Цекамолом… Просить его воздействовать на Цекамол? Но с какой стати? У нас все-таки с ним не такие отношения, чтобы просить о таких вещах. А жаловаться пока вроде бы не на что. Не можем же мы писать: у нас есть подозрение, что в Цекамоле нас не любят и зарубят сборник в плане – помогите! Как-то все это несерьезно. Или я ошибаюсь? Нет, я понимаю, если бы Цекамол УЖЕ зарубил бы сборник – тогда было бы ясно, что писать и на что жаловаться, а так… Не жаловаться же нам, что директор нас не принял и не ответил на наше письмо? Ситуация ведь какая (с точки зрения Беляева): я на ваше письмо отреагировал? Отреагировал. Дирекция меня послушалась, в план вас включила? Послушалась, включила. Чего же вам еще надобно, старче?[1] Чтобы я в Цекамол звонил, за вас бы там хлопотал? А чего ради и почему? Что я – нанялся вам ваши делишки проворачивать? Несерьезно. Вот будет реакция Цекамола – тогда посмотрим. Не знаю, не знаю… Честно, я ничего толком придумать не сумел.

Вот пока и все. С категорическим приветом,

твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

И Машке.

P. P. S. Да отвечай поскорее! А то у меня после твоего письма все планы к черту полетели – договаривались же работать в первых числах декабря! А теперь ничего не понятно.

3 декабря БН продолжает рассказывать Штерну о некоторых аспектах творческой работы, приводя в пример, естественно, работу АБС.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Вы жалуетесь на кризис. Не надо. Кризис – это, в общем, хорошо. Что-то вроде боли в мышцах после усиленных физических упражнений – больно, неприятно, иногда мучительно,

[1] А. Пушкин, «Сказка о рыбаке и рыбке»: «Чего тебе надобно, старче?»

но зато это означает, что мышцы крепнут и ты становишься сильнее. У бездарностей кризисов не бывает, они знай себе гонят листаж. Утешение кажется слабым, но ведь все это и на самом деле так. Мы пережили за без малого 20 лет работы два кризиса, сейчас сидим в третьем и – ничего. Правда, нынешний кризис – явление внешнего порядка, явление искусственное. Не то, чтобы мы не могли и не хотели писать по-старому (и можем, и хотим), – а не дают, не пускают писать по-старому. Приходится искать новую форму не от внутренней потребности, а под внешним давлением. Вот это – по-настоящему неприятно. К сожалению, у Вас, вероятно, имеют место кризисы обоих родов сразу, а потому – приходится разбираться, какие мучения проистекают от желания писать лучше, а какие – от желания напечатать хоть что-нибудь. Терпите. У Вас еще довольно много времени впереди – полвечности.

Теперь о режиме. Для нас идеальный режим выглядит так: полмесяца работы вдвоем, полмесяца абсолютного безделья, и так – круглый год за вычетом двух – двух с половиной летних месяцев. При этом работа должна быть на изнурение, а безделье должно быть – до отвращения (чтобы захотелось работать). Практически получается только первая часть программы – работа до изнурения. Полного безделья не получается (особенно в последнее время), потому что все время набегают какие-нибудь делишки – то сценарий приходится кропать с режиссером в соавторстве, то статейку какую-нибудь, то вычитывать верстку (вот омерзительное занятие!), то писать какие-нибудь рецензии, то читать какие-нибудь рукописи, то сидеть на семинарах. Опять же никуда не денешься и от так называемой личной жизни с болезнями, двойками по геометрии, вызовами к директору школы, неприятностями на работе у жены и друзей, текущими потолками, трескающимися обоями, насущной необходимостью купить то, се, пятое и десятое – а в условиях относительного и абсолютного обнищания большинство этих заботишек и проблемок преобразуется в Заботы и ПРОБЛЕМЫ, голова оказывается

забита чепухой, и когда приходит время работы, оказывается необходимым тратить день, два, три (из пятнадцати, черт побери, всего лишь из пятнадцати, на большее не хватает дыхания!) на раскачку, очищение духа и идейное просветление. Я не говорю уже о спорадически возникающих неприятностях в издательствах, когда оказывается, что «это нам, знаете ли, не подойдет… да, конечно, договор… но вы нам что-нибудь другое напишите, что вам стоит, а?». И уж я совсем не говорю о пароксизмах идеологической лихорадки, когда со страхом раскрываешь газету, со страхом берешь телефонную трубку и вообще хочется залезть в унитаз и спустить за собой воду. Вот Вам и годовой режим. Но Вы знаете, Борис, как-то ко всему этому привыкаешь, приспосабливаешься, и оказывается, что жить все-таки можно, стòит и даже хочется – просто коэффициент полезного действия оказывается не 40 процентов (в соответствии с теорией идеального режима), а процентов 25–30, что, кстати, тоже очень неплохо.

<…>

Расписывать мне прелести Одессы не надо. Я приложу все усилия, чтобы следующим летом вообще никуда не ездить – хочу валяться на диване и читать Дюма, голый и потный.

<…>

Письмо Аркадия брату, 7 декабря 1973, М. – Л.

Дорогой Борик.

Как тебе, возможно, уже доложил Дмитревский, наша встреча опять срывается. Лечу за золотым руном. Пока и отсюда дело представляется вполне перспективным: они должны представить сценарий в госкомитет по телевидению в Москву 15 января, так что принять от меня полностью сценарий должны в первых числах января. Иначе им карачун. Невыполнение плана, простой и т. д. Возможно, застряну в Душанбе до начала января и впервые за десятилетия не буду встречать Новый год дома.

Сразу по возвращении будем встречаться. Скорее всего, работать будем у меня, но мне все-таки хотелось бы побывать в Ленинграде и повидаться с мамой, я по ней сильно соскучился. Однако, если Ленкино здоровье не выправится к этому времени, надо искать иные пути. Впрочем, элементарный путь всегда есть – Андрей Копылов и Ким Терман[1] по-прежнему готовы предоставлять мне ночлег на любое время. Конечно, лучше было бы самостоятельно, например, в тех же Дубултах. Ладно, посмотрим.

За повесть не беспокойся, успеем хорошо. Конечно, лучше было бы, если бы ты набросал черновичок к моему приезду, но, зная твое отвращение к отдельному труду, я на это слабо рассчитываю. На днях перечитал начало – ничеГё, полагаю, краснеть не придется.

Вчера пошел к Ильину. Просидел как холуй в прихожей полтора часа – не удостоился. Всё заходили к нему чивилихины, рекемчуки и прочая аристократия, каким-то вдовам устраивали отдельные квартиры, до нас ли ему! Но нет худа без добра. Встретился с Севером[2], и мы отлично помирились. Тут же был Дмитревский, нес высокопарную чушь. Свысока говорил с Севером, выразил сожаление, что не может его у себя печатать, поскольку Север – не ленинградец. Тут я взвился. Схватил Севера за руки, задрал ему рукава, ткнул Дмитревского носом в эти страшенные шрамы от разрывных пуль. «Это, – кричу, – где он заработал? Кто из вас больше ленинградец?»

И представляешь, Дмитревский пришел в восторг! Тут же стал расписывать, как он обо всем этом распишет в предисловии…

Теперь о новостях.

1. Со слов Севки и Димы[3] Бела и Жемайтис совершенно уверены, что наш сборник в 75-м году таки пойдет. У меня с тех же слов этой уверенности нет.

---

[1] Это питерские знакомые АНа. Ким Терман даже, кажется, еще школьный приятель. – *БНС*.

[2] Здесь и далее – Гансовский Север Феликсович, писатель.

[3] Биленкин Дмитрий Александрович, писатель, критик, журналист.

2. Главу из ГО Дмитревскому дать можно, только вряд ли он ее возьмет. Судя по его словам, он представляет нечто вроде штурма Зимнего дворца. Знамена, лозунги и проч. Ну что ж, попытка – не пытка. Попробуем двинуть.

3. Шведы обычным порядком через Межкнигу заключают с нами договор на УнС. Самое любопытное тут – что экземпляра для перевода не просят. Этот пункт тщательно вычеркнут из официального послания Межкниги.

4. Сегодня Эстония прислала просьбу на разрешение перевода «Отеля». Разрешение высылаю.

5. На все гонорары вводится новый налог – на содержание комитета по женевской конвенции. Изрядный налог, хотя конкретно еще ничего не известно.

6. Насчет МиП(с). Звонил Шлепянову. Он еще не читал. И никто еще, насколько он знает, не читал. Обещал оттягивать худсовет до моего возвращения из Душанбе.

Вот примерно все новости. Да, Севка сказал, что насчет марок он персонально с тобой состоит в переписке. Когда мы назначали встречу, я попросил его привезти марки, но тут пришла телеграмма из Душанбе, так что это дело сорвалось.

Обнимаю, целую, твой Арк.

Привет Адке и сыну.

В этом году авторские книги АБС опять не выходили. Были лишь публикации в сборниках («Малыш» в ленинградском «Талисмане», отрывок из ПНО в 25-м томе БСФ, рассказы в «Фантастике и приключениях»).

Из переводов были опубликованы: с японского – Миёси Т. Девушка для танцев (Азия и Африка сегодня. – 1973. – № 11), с английского – Джекобс У. Старые капитаны: Новеллы (Мир приключений: Сб. 1).

В «Литературном обозрении» вышла рецензия АНа на книгу То Хоая (АНС. Перемены в стране Тэй-Бак // Лит. обозрение (М.). – 1973. – № 11), с его же анонимным предисловием были напечатаны вышеупомянутые «Старые капитаны».

В Петрозаводске Евгений Неёлов защитил диссертацию «Современная литературная сказка и научная фантастика», в которой приводились интересные параллели к ПНВС – с одной

стороны, повесть сравнивалась с «Месс-Менд» М. Шагинян, с другой – со сказочным циклом В. Каверина, «Волшебной галошей» М. Сергеева, «Капитаном Крокусом» Ф. Кнорре.

В общем, можно было бы назвать прошедший год спокойным годом – со скрипом, но все же движутся в издательствах рукописи; не всегда, но все же удается совместно поработать; даже пресса стала относиться к АБС спокойнее – без особого восторга, но и без сверхнеприятия. Все бы ничего, если бы это время не являлось началом долгого застоя в стране.

1974

Конец прошлого и начало этого года АН проводит в Душанбе. Он работает над сценарием фильма «Семейные дела Гаюровых». Новые знакомства, новые идеи – это нужно было АНу: немного отвлечься от суетной московской жизни, такой привычной и такой уже надоевшей.

Материалов, посвященных пребыванию АНа в Душанбе, немало. Приведем некоторые из них.

Из: Зуев В. Интервью из 1974 года

Это интервью я делал для журнала «Памир», где тогда работал – в начале 1974 года. В то время Аркадий Стругацкий заканчивал очередной киносценарий, на сей раз для студии «Таджикфильм» (в соавторстве с таджикским писателем Фатехом Ниязи)[1]. Первые несколько лет после события, – уже уехав из Душанбе, – я интересовался судьбой материала и, неизменно получая соответствующие уверения, честно не делая попыток опубликовать его в ином издании. Однако по причинам, оставшимся мне неизвестным, в «Памире» эта беседа так и не увидела, как говорится, свет. Хорошо хоть, что редакции, воспользовавшейся доступностью (в буквальном смысле слова: в конце 1973 и первой половине 1974 А. Н. Стругацкий подолгу живал в Душанбе и частенько баловал своим вниманием маленький, но дружный коллектив «Памира») любимого писателя, удалось заполучить забавную повесть, имевшую отношение скорее к жанру «фэнтези», нежели к жанру «сайенс фикшн», созданную, видимо, братьями Стругацкими на заре их литературного творчества[2].

<…>

АНС. Интервью 1974 года

В. ЗУЕВ. Как известно, все Ваши произведения написаны в соавторстве с Борисом Стругацким. Чтобы не зада-

[1] Литературный вариант под названием «Семейные дела Гаюровых» опубликован в 5 и 6 номерах «Памира» в том же году. – *В. Зуев*.

[2] Ярославцев С. ЭВП. – Памир, 1974. № 7–12. – *В. Зуев*.

вать ставший банальным вопрос, с которым обращаются ко всем писателям, работающим вдвоем, разрешите сформулировать так: почему Вы пишете вместе, если хорошо получается и по отдельности?

А. СТРУГАЦКИЙ. Наверное, потому, что нам нравится работать вдвоем. По-видимому, мы одинаково понимаем литературу, у нас один литературный вкус. Можно было поставить вопрос иначе: что нам дает совместное творчество? Очень большое различие наших характеров, темпераментов позволяет нам критически относиться к себе, не оставляет возможности для компромиссов, усиливает самоконтроль. Немаловажно и то, что, как люди, не лишенные чувства юмора, мы во время работы посмеиваемся друг над другом. Все это развивает очень важное качество человека, вдвойне важное в творчестве – самокритичность.

В. ЗУЕВ. Однажды Вы, Аркадий Натанович, рассказывали, как была написана повесть «Извне», одна из самих ранних книг: по возвращению из Пенджикента Борис Натанович таинственно сообщил, что есть какая-то идея, а через месяц прислал черновик рукописи. Вы по-прежнему работаете таким же образом?

А. СТРУГАЦКИЙ. Теперь мы не прибегаем к таким стимуляторам, как личные впечатления. Они служат лишь орнаментом, канвой повествования. Свои первые вещи мы не считаем удачными и охотно подписали бы псевдонимом. Настоящая работа началась где-то с 60-го года. Поскольку Борис живет в Ленинграде, а я в Москве, мы съезжаемся вместе, намечаем тему, разрабатываем сюжет, главный мотив произведения. Хотя мы не видим возможности работать без плана, мы никогда не придерживаемся его буквы. План служит упорядочивающим началом, первым приближением. Поведение нашего героя только задано, в лучших вещах герои действуют вообще независимо от главного мотива и, даже если хотите, независимо от нас. Мы отлично осознаем, что начиная с первой трети план рушится, но он служит тем первым камнем, с которого начинают закладку фундамента.

Достаточно сказать, что «Трудно быть богом» и «Попытка к бегству» были задуманы как вещи фабульного, чисто развлекательного характера, и для нас стало почти неожиданностью, что в ходе работы над ними возникли такие трагические фигуры, как Саул или Румата.

Иногда изменение плана вытекает из неудовлетворенности сюжетом. Например, в «Пикнике на обочине» четвертая глава показалась нам пресной, не хватало какого-то завершающего штриха. И тогда мы подбросили Рэдрику Шухарту золотой шар – Машину Желаний.

В. ЗУЕВ. Итак – скелет произведения готов...

А. СТРУГАЦКИЙ. …Мы разъезжаемся, и уже в переписке выясняем, так сказать, частности.

В. ЗУЕВ. Что в своей работе ставите Вы во главу угла?

А. СТРУГАЦКИЙ. Мы не представляем себе романа или повести без острого сюжета, но для нас крайне важна мировоззренческая сторона медали – нравственная, философская. «Страну багровых туч» мы писали не как фантастический роман – мы старались поставить человека в такие ситуации, где наиболее ярко выявляется его характер, его душевные качества, хотели показать, как бы конкретный человек повел себя в таких условиях. Но очень скоро мы поняли, что литература не на этом держится. Мы принялись ставить проблему так, чтобы герой с заданным характером, с определенной линией поведения решал ее через сюжет. Мы верим во всемогущий разум человека, поэтому нас интересует не то, что разъединяет людей, а то, что их сближает. Мысль о стирании граней между нациями нам очень подходит. Нас интересуют различия классовые, мировоззренческие, различия судеб. Отсюда – самая современная проблематика наших вещей.

В. ЗУЕВ. Сейчас все чаще раздаются голоса в пользу того, что за коллективным творчеством – будущее. Что скажете по этому поводу Вы, Аркадий Натанович, тем более что два писателя – это уже маленький коллектив?

А. СТРУГАЦКИЙ. Нам кажется, что бригадным методом нельзя создать что-либо приличное в искусстве. Исключение – кино. Ценность творчества в его индивидуальности. О нас же по отдельности говорить нельзя: Аркадий и Борис Стругацкие – это один писатель. То, что происходит в наших головах, происходит, очевидно, в индивидуальном мозгу одного писателя. У нас никогда не возникает расхождений по поводу сюжета, линии поведения героя и проблематики произведения. Бывает, кое-что, – например: расквасили герою нос или нет, – мы решаем жеребьевкой, но это – частности, потому что так или иначе, а героя побили. Как правило, мы совершенно не знаем, хорошо или плохо написали, но, даже если вещь хвалят, особой гордости мы, в общем-то, не испытываем. Это, наверное, естественно – знать, что лучшая книга еще не написана.

В. ЗУЕВ. А все-таки: что из созданного братьями Стругацкими больше всего нравится лично Вам?

А. СТРУГАЦКИЙ. В языковом отношении лучше всего «Второе нашествие марсиан», хорошо сделаны «Гадкие лебеди» и «Улитка на склоне».

В. ЗУЕВ. В нашей стране большинство любителей фантастики отдают предпочтение зарубежным писателям. Вы свободно владеете по меньшей мере двумя иностранными языками и, наверное, составили более полное представление о предмете?

А. СТРУГАЦКИЙ. Я пересчитаю западных фантастов по пальцам одной руки: Брэдбери, Лем, Воннегут вот выскочил сейчас. Азимов слишком суетлив. Саймак пишет одно и то же, скучно и многословно. Шекли просто талантливый шалун, мастер ситуации, парадокса. Мне кажется, он относится к своей работе в литературе не очень-то серьезно. В чем главная беда и советской и западной фантастики? Фантасты никак не могут овладеть языком. Языковая сторона проходит мимо фантастических произведений. Другой существенный недостаток фантастики – недостоверность ситуации, беспочвенная фантастичность. Фантастику часто ругают;

однако те, кто огульно оставляет фантастику за бортом большой литературы, не правы, ибо современную проблематику невозможно раскрыть только средствами реалистической художественной литературы в чистом виде: даже обратившийся к глобальной проблематике Толстой вынужден был прибегнуть к публицистике (я имею в виду заключительную часть «Войны и мира»). Всю «Войну и мир» я перечитываю ежегодно, а заключительную часть – дважды в год.

В. ЗУЕВ. Я, наверное, не ошибусь, если сформулирую Ваше отношение к западным фантастам так: их книги, в большинстве своем, страдают излишней развлекательностью и заслуживают отнесения их к легкому жанру.

А. СТРУГАЦКИЙ. Ну, не совсем так, конечно. Есть же Брэдбери, Лем, Кобо Абэ, наконец… Но всех остальных я бы скопом отдал за «Мастера и Маргариту».

В. ЗУЕВ. Но ведь Булгакова никогда не относили к представителям этого жанра…

А. СТРУГАЦКИЙ. Тогда давайте разберемся, что такое фантастика.

Теоретически существует только одна гипотеза о сущности фантастики, которая представляется мне наиболее верной. Она принадлежит Рафаилу Нудельману, кандидату филологических и педагогических наук, как это часто бывает, неспециалисту. Он очень четко показал, что современная фантастика есть литература о столкновении человека вчерашней психологии с миром завтрашним, который он творит сегодня[1]. Можно толковать шире: фантастика есть литература о столкновении могущественного разума с устаревшей психологией. Обе темы в «Мастере и Маргарите» пронизаны этим: столкновение могучей морали Га-Ноцри со вчерашней психологией Пилата; столкновение забитой

[1] Надо сказать, что Рафаил Ильич не припоминает своего авторства этой дефиниции. Зато в давней, еще 1965-го года, рецензии АНа на рукопись Георгия Гуревича «Карта Страны Фантазий» имеется фраза: «Человек по своему воспитанию и своим представлениям во многом принадлежит прошлому, между тем именно он, вчерашний человек, своими руками создает – сегодня – завтрашний мир. (Я не сложно объясняю?)». Вероятно, это определение фантастики – самого АНа.

психологии Маргариты и Мастера со сверхразумом дьявола. То же относится и к «Солярису». Люди, работающие на станции, – тоже люди вчерашние. Что гарантирует человеку сохранность, цельность личности на станции Соляриса? Лем уверяет: только длительная, кропотливая подготовка к жестоким чудесам космоса. Тарковский утверждает обратное: верность принципам старой человеческой морали, душевная чистота. Правы оба, а может быть, не прав ни один. Это проблема сегодняшнего дня. Я просто не вижу путей для отражения ее в литературе средствами реализма. Вернее, есть только один путь – реализм должен открыть ворота и впустить в себя фантастику, должен признать ее своей составной частью. Вообще, как уже не раз говорилось, речь идет только о терминологии. Мы считаем, что, чем скорее приучим к этому читающую публику, тем лучше. Фантастика должна стряхнуть с себя шелуху несерьезности, тем более что вся литература начиналась именно с фантастики: мифы, легенды, сказочные предания.

В. ЗУЕВ. Кроме того, история литературы знает и вполне «нормальных» классиков, работавших в этой области: Мор и Кампанелла, немецкие романтики, Бальзак и Готье, Гоголь и Достоевский у нас, Акутагава в Японии… Впрочем, Вы правы, тут, очевидно, следует вести разговор лишь о степени талантливости автора.

А. СТРУГАЦКИЙ. Степень талантливости определяет время. Только писатели, намного обогнавшие его, имеют право называться великими, такие, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, во Франции – Стендаль и Мериме. Совершенно очевидно, что к великим прозаикам можно отнести и Булгакова – он выдержал испытание временем.

В. ЗУЕВ. Вы предупредили мой вопрос. Но читающая публика (по Вашему выражению) знает Вас и как талантливого переводчика с японского. Пока Вы ни слова не сказали о работе над переводами.

А. СТРУГАЦКИЙ. Говорить об этом коротко не хочется: я считаю переводы не менее важным для меня делом, чем

оригинальное творчество, – хотя времени уделяю им меньше. Я не знаю, останутся ли произведения Стругацких в литературе, а Санъютей Энтё, Акутагава Рюноске, Абэ Кобо – это уже история литературы.

Мой переводческий багаж, в общем-то, невелик. Я перевел «В стране водяных» и несколько рассказов Акутагавы, единственного писателя, посвятившего все свое творчество одной проблеме – соотношения искусства с жизнью. Его сломало, может быть, именно это. К сожалению, переводы на русский язык этого классика и по сей день оставляют желать лучшего. Совместно с Рахимом я перевел «Луну в тумане» писателя XVIII века Уэда Акинари, роман «Ваш покорный слуга кот» Нацумэ Сосэки…

В. ЗУЕВ. ...Японского «Гоголя»... Кого из ныне живущих японских прозаиков Вы могли бы назвать великим?

А. СТРУГАЦКИЙ. Я знаю там только одного человека, достойного этого титула, – Абэ Кобо. Я перевел его «Четвертый ледниковый период», «Тоталоскоп» и очень странную вещь под названием «Почти как человек», которую так до конца и не понял. Переводить этого писателя – мучительное удовольствие. Я беседовал с ним дважды, и он страшно отбрыкивался от звания фантаста. Но в «Четвертом ледниковом…» он как будто Нудельмана подслушал.

В. ЗУЕВ. В конце подобных бесед, Аркадий Натанович, положено задавать традиционный вопрос о планах и работе…

А. СТРУГАЦКИЙ. Мы сейчас пишем очень большую вещь, самую большую по объему. Это единственное, что я могу сказать о нашей теперешней работе и планах. Впрочем, еще название – «Град обреченный»[1].

В. ЗУЕВ. Очень велик соблазн под занавес задать вопрос о Вашей личной жизни. Может быть, она похожа на Ваши книги?

А. СТРУГАЦКИЙ. Со мною никогда ничего необычного не происходит: живу обычной обывательской жизнью. Прав-

[1] Через четырнадцать лет после этого разговора роман был опубликован в ленинградском журнале «Нева». – *В. Зуев.*

да, было такое в прошлом, что стреляли в меня иногда, бомбы бросали, а в общем – ничего особенного.

Если хотите знать, как мы отдыхаем, то могу ответить, что делать этого чрезвычайно не любим, и в искусстве развлечений далеко не пошли. Не хочу прослыть ханжой, но самое приятное развлечение – это работа.

Из: Липанс Н. Кто поехал в Душанбе

Он вошел – высокий, стройный, красивый. Рубашка в мелкую клетку, американские джинсы, стойка ковбоя – не мужчина, мечта. Когда мой зять Лёня, многозначительно улыбаясь, произнес: «Знакомьтесь, Аркадий Стругацкий», от неожиданности остановилось дыхание. Да, я познакомилась с Аркадием в Душанбе, в доме моей сестры Людмилы Басовой и ее мужа Леонида Пащенко.

Что писатель делал в Душанбе? Дело в том, что в середине 70-х Стругацких временно перестали печатать. А жить-то надо было. Если Борис, брат и соавтор Аркадия, ученый-астрофизик, жил и работал в Ленинграде, то Аркадий уже давно зарабатывал писательским трудом.

Но однажды Аркадий, как он потом признался, вытянул счастливый билет. Поработать на киностудии «Таджикфильм» его пригласил кинорежиссер Валерий Ахадов, уже известный широкому зрителю как постановщик фильма «Кто поедет в Трускавец». Конечно, Аркадий согласился. Хотя, наверное, его не очень радовала перспектива работы над неинтересным (а надо сделать интересным) киносценарием.

Но Аркадий работал упорно, каждый день «отстукивал» положенные им самим десять или пятнадцать страниц. И это несмотря на постоянные встречи, посиделки, хождения по гостям. Его буквально рвали на части – очень многие литераторы, ученые, известные в республике люди хотели видеть этого знаменитого человека своим гостем.

<…>

Из: Липанс Н. Нельзя ничего приобрести, не утратив

<…>

Ему [АНу. – *Сост.*] не нравился сюжет, не принял он и саму идею описанного в романе реального факта – насильственного переселения горцев, именуемых ягнобцами, в долину. Естественно, надо было писать о том, как они счастливы в предоставленных им новых домах, квартирах с удобствами, как осваивают новые для них рабочие профессии. В общем, должна получиться кинематографическая сага о преемственности поколений в ратном труде, в то время как бедные ягнобцы бросали комфортные коттеджи и убегали к себе, высоко в горы.

– Господи, – жаловался Аркадий, – теперь понимаю, зачем им понадобился фантаст. Только фантаста надо было приглашать другого, вроде Бабаевского…

Конечно, Аркадию Натановичу нелегко было вникнуть в судьбы неизвестного ему народа, понять их привычки, обычаи, культуру. Каждый из нас помогал ему, чем мог, устраивали консультации специалистов.

Во время работы над сценарием фильма «Семейные дела Гаюровых» Аркадием была написана повесть «Парни из преисподней»[1], которую, на свой страх и риск, под псевдонимом Ярославцев опубликовал журнал «Памир». Когда Главлит (это цензура. – Примечание для молодых) проверял списки опальных авторов, фамилии Ярославцев там, понятно, не было. Вот так была оказана новыми друзьями и конкретно моим зятем Леонидом Пащенко реальная помощь Аркадию – как моральная, так и материальная, что было в то время немаловажно.

После окончания работы над сценарием Аркадий еще несколько раз прилетал в Душанбе. Он полюбил наш город, людей, с которыми общался… И в одном из последних писем он написал: «Всегда вспоминаю Душанбе, Таджикистан. Поверьте, что это был мой самый прекрасный пикник на обочине».

[1] Правильно – ЭВП.

В этой связи хочется вспомнить еще про одну привязанность Аркадия. Как-то нас пригласил в гости художник Павел Гейвандов. Хороший художник, работавший в основном в жанре карикатуры, сатиры, умный, интеллигентный собеседник и человек непростой судьбы – четырнадцатилетним мальчишкой он был репрессирован и более десяти лет провел в лагерях. Повод для приглашения Аркадия в гости у Павла Александровича был такой: показать коллекцию оружия, в основном холодного – всякие сабли, клинки и прочее. И к коллекции, и к творчеству Павла Аркадий отнесся с большим интересом. Вообще он с людьми сходился очень легко, беседы вел непринужденно, без толики снобизма или высокомерия. Подружился и с Павлом, не единожды посещал его мастерскую. Уже после отъезда Аркадия в Москву Паша написал портрет писателя. А еще несколько лет спустя в один из моих дней рождения Гейвандов преподнес мне в подарок замечательный портрет, выполненный пастелью двух цветов – розового и синего.

<…>

БН в это время в Ленинграде занимается «текучкой». Он подробнейшим образом рецензирует рукописи будущего сборника «Незримый мост». Сама рецензия весьма объемна, здесь приведены лишь выдержки из нее.

Из архива.
Из рецензии БНа на сборник «Незримый мост»

АЛЕКСАНДР ЖИТИНСКИЙ,
«ЭФФЕКТ БРУММА» 46 стр.

<…>

Повесть Александра Житинского – это повесть о современной науке и современных ученых. Об ученых, так сказать, дипломированных и ученых без диплома. О главном в науке и о том самом главном, без чего не бывает ученого. Герой повести (рассказчик) – рядовой м.н.с., обладатель диплома, специалист, человек с высшим образованием

и – ни в какой мере не ученый. Он образован, трудолюбив, старателен, но совершенно равнодушен к науке вообще и к своей конкретней работе в частности. Он, конечно, делает какое-то свое маленькое дело, отрабатывает хлеб, приносит посильную пользу, но он не служит науке, он служит ПРИ науке. И вот ему довелось столкнуться с другим, истинным, героем повествования – человеком БЕЗ диплома, БЕЗ специального высшего образования, и в то же время – истинным ученым, человеком, горящим ярким, неугасающим с годами, чистым и бескорыстным пламенем любопытства. Да, он забавен и трогателен, этот физик-любитель из глубинки. Идеи его смешны, эксперименты далеки от мирового уровня, недостаток образования и конкретных знаний мешает ему сделать что-нибудь хоть мало-мальски новое в науке. Но в то же время горит в нем «искра божия», горит чистое пламя испытателя природы, ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЯ, и пламя это того же сорта, что сжигало Ньютона, Эйнштейна и Вавилова, Ломоносова, Эйлера и Дирака. И недаром от этого пламени загорается и наш, холодный до сих пор к науке, м.н.с., загорается не жаждой славы и степеней – стремлением узнать и понять, загорается и из прислужника науки превращается в ее служителя и творца.

Повесть А. Житинского еще раз напоминает об очень важных и нужных вещах, особенно важных и нужных сейчас, когда наука в силу целого ряда причин активно притягивает к себе, вбирает в себя ежегодно сотни и тысячи молодых людей, из которых многие – ох, многие! – очень плохо представляют себе, что же такое наука и что такое ученый. Об очень важном и непростом автор рассказывает нам без всякой назидательности и дидактизма, просто, ясно, весело, с доброй улыбкой. Ненавязчивый органический юмор пронизывает все повествование – теплый и мягкий, когда речь идет о хороших, честных людях, ядовитый и жесткий – когда появляются на сцене кое-какеры и околонаучная шушера. Язык повести прост и прозрачен, образы выпуклы, детали емки и точны – все это свидетельствует и о незаурядном

мастерстве автора, и об отличном знании жизни, о которой он пишет.

Повесть А. Житинского «Эффект Брумма» могла бы, на наш взгляд, украсить любой из известных нам сборников фантастики, вышедших до сих пор. Несомненно, она послужит украшением и данного сборника.

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА, «ПОДСАДНАЯ УТКА», 42 стр.

Рассказ О. Ларионовой посвящен контакту и содружеству человечества, с иным разумом Вселенной. Тема, с одной стороны, не новая, но, с другой стороны, и нестареющая. Уровень современных научных знаний оставляет широчайший простор воображению писателя-фантаста, и сколько бы десятков и сотен вариантов контакта ни было рассмотрено раньше, остаются еще десятки и сотни вариантов, не менее интересных, поражающих воображение и поучительных.

О. Ларионова кладет в основу своего рассказа тот гипотетический случай, когда человечество вступает в контакт с цивилизацией гуманоидов, не слишком отличающихся от ХОМО САПИЕНС, но далеко обогнавших Землю на пути исторического прогресса. Альфиане больше знают о Вселенной, они больше могут, они далеко впереди землян во всем, что кажется важным и существенным, им доступно то, о чем земляне еще только мечтают. Естественно в этом случае возникновение некоего психологического шока, если угодно – удара по самолюбию человечества, которое всегда было склонно считать себя средоточием лучшего во Вселенной. Последствия такого гипотетического шока сейчас, разумеется, не поддаются никакому расчету, и потому совершенно правомерна та схема, которую предлагает автор: шок породит взрыв энергичных усилий человечества доказать свое право с честью носить звание Высокоразвитого Разумного Существа. Да, мы гораздо моложе, мы меньше знаем и меньше умеем, но если речь зайдет о том, что составляет суть и основу цивилизации – о гордости, о подвиге, о способности

к самопожертвованию, о дружбе и о любви – что ж, тут мы не ударим в грязь лицом и никому не уступим ни в чем.

На таком вот фоне развертываются события рассказа О. Ларионовой – рассказа о гордости, о подвиге, о жертве во имя дружбы и любви. Рассказ написан ярко, живо, увлекательно. Очень хорошо продуманы и выписаны образы альфиан – представители иного разума получились существами чрезвычайно привлекательными, вызывающими живейшее сочувствие и симпатию, что не так уж часто удается добиться авторам фантастических рассказов. Хороши и люди, хотя на фоне альфиан они и выглядят несколько более схематичными.

Рассказ в целом несомненно удачен, хотя местами и возникает ощущение некоторой затянутости, утери темпа – особенно в диалогах. Может быть, следовало бы вовсе исключить из повествования первый диалог (стр. 25): сам по себе он не очень интересен, а информация, содержащаяся в нем, сообщается читателю ниже. Попадающиеся в рассказе отдельные стилистические огрехи легко устраняются редакторской правкой.

АСКОЛЬД ШЕЙКИН, «ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ», 39 стр.

Идея рассказа несомненно навеяна последними открытиями и достижениями в области трансплантации человеческих органов. Возникающие в результате этих открытий совершенно уже вненаучные, чисто моральные и социальные проблемы не только чрезвычайно важны и сложны – они требуют скорейшего разрешения по самым очевидным причинам.

Рассказ А. Шейкина поэтому актуален в самом лучшем смысле этого слова, ибо хотя действие там происходит несомненно в будущем (пусть – не очень далеком), события эти касаются – сегодня, сейчас! – каждого честного человека на Земле.

Страницы, посвященные приключениям советского моряка, попавшего случайно на остров, который какие-то

богатые мерзавцы превратили в «склад запасных частей человеческих», написаны очень интересно и увлекательно, и можно только пожалеть, что автор уделил этим приключениям лишь часть рассказа, а не рассказ целиком, использовал далеко не все возникающие из заданной ситуации возможности, был излишне, так сказать, лаконичен, описывая остров, его несчастных аборигенов, их странную, исковерканную, недолгую жизнь. Тема «современного Освенцима» настолько важна и интересна, что искусственным и ненужным выглядит обрамление основного сюжета чисто вспомогательным описанием эксперимента по переброске влаги из одного района земного шара в другой. Легко заметить, что рассказ прекрасно читается, если начинать его не с первой, а сразу с 12-й страницы. Мы бы настоятельно рекомендовали автору просто отбросить первые 11 страниц и слегка переделать последние две – рассказ от этого только выиграет в цельности и эффектности.

По нашему мнению, автору надлежит также подумать над следующими вопросами, которые с неизбежностью должны возникнуть почти у всякого читателя:

1. Как попал на остров Абудельказдер? Ведь он, в отличие от прочих аборигенов, явно попал туда уже взрослым человеком – он прекрасно разбирается в обстановке и даже, по-видимому, пытается поднять на острове бунт. Кто же он такой? Жертва? Или, может быть, он проник на остров, уже зная его тайну и намереваясь что-то предпринять против мерзавцев-хозяев?

2. Откуда у Абдулькадера такая изначальная ненависть к Поликарпову? Не может же он не понимать, что советский моряк попал на остров случайно, что к хозяевам он никакого отношения не имеет, что он бежит с этого острова при первой возможности (спасая при этом и самого араба). Недоразумение такого рода не могло бы длиться слишком долго – уж в лодке-то, посреди океана, Абудельказдеру, казалось бы, следовало, наконец, понять, что он имеет дело не с врагом, а с другом.

3. Почему, собственно, рассказ называется «Дни нашей жизни»? На наш взгляд, название это не соответствует ни сюжетному, ни эмоциональному содержанию повести.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что рассказ несомненно интересен и должен быть включен в сборник, но определенные переделки и дополнения (не говоря уже о стилистической правке) представляются нам неизбежными.

<…>

И. СМИРНОВ, «ТАЙНА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ», 36 стр.

Предлагаемый рассказ относится к довольно редкому жанру фантастического детектива. Поскольку речь идет о фантастике, в рассказе все обстоит более или менее благополучно. Можно только посоветовать автору остановиться все-таки на втором варианте концовки: люди НЕ оказываются искусственно созданными саморазвивающимися киберсистемами. Во-первых, такой вариант менее банален, а во-вторых, в этом случае автор смог бы перенести действие на Землю, что, в свою очередь, упростило бы антураж и сделало повествование более естественным.

Гораздо хуже обстоит дело с детективной линией. Невозможно перечислить все натяжки и попросту ляпсусы, которые допускает следователь волею автора. Перечислим только некоторые недоуменные вопросы, возникающие при чтении.

1. Почему большинство допросов следователь проводит по видеофону?

2. Почему при первом допросе д-ра Роса (стр. 12–16) следователь почти не расспрашивает его о таинственной пещере? Что это за пещера? Где она находится? Что в ней? Это же естественнейшие вопросы, возникающие в первую очередь у читателя! Почему следователь не отправляется немедленно, дабы лично обследовать эту пещеру? Ведь ясно же, что именно там – узел всех загадок.

3. Стр. 20–22. Допрос солдат. Откуда солдаты узнали о существовании пещеры? Кто, собственно, мог им сказать, что «взорвана была пещера»? Вообще зачем понадобились автору

ТРОЕ солдат, если все время дает показания только один из них, а остальным «нечего добавить к сказанному»?

4. Стр. 23. Появляется некто «дежурный у печи». У какой печи? Кто он вообще такой? О каком снимке «странного металла» идет речь? Почему «дежурный у печи» должен делать какие-то снимки да еще пересылать их следователю? Опять же почему следователь сидит, как прикованный, в своем кабинете и не выезжает на место происшествия – делать снимки и пр.?

5. Стр. 25. Нашлась драгоценная для следствия пропавшая кассета. И вновь следователь просит «прислать ее с надежным человеком». Воистину он, видимо, дал себе слово не двигаться с места, этот странный следователь. Он предпочитает, очевидно, еще разок рискнуть кассетой…

И т. д. И т. п. Странное, совершенно непрофессиональное поведение; странные алогичные вопросы… Следователь и следствие совершенно не удались автору. Нам кажется, что рассказ нельзя будет считать законченным до тех пор, пока автор не приведет в порядок эти 15–20 страниц. Печатать рассказ в его нынешнем виде невозможно: он смешон.

<…>

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ, «РАБОЧИЙ ДЕНЬ», 17 стр.
«ЗМИЙ», 91 стр.

Что было бы, если бы удалось найти способ аккумулировать, материализовать тот клокочущий поток творческой энергии, который невидимо и неслышимо сотрясает Вселенную, бурля в мозгу (в душе? в сердце?) творца, в воображении своем создающего и сокрушающего целые миры? Буйный вихрь той энергии, что творит великие полотна и неумирающие книги? Какое удивительное и чудодейственное вещество оказалось бы тогда возможным собрать в пробирку? Панацею? Философский камень? Сгусток невероятного горючего для вечного двигателя? В своем маленьком, изящном и точном рассказе «Рабочий день» А. Щербаков «реализует» эту фантастическую идею. Рассказ без сомнения является одним из лучших в сборнике. Есть в нем что-то от

счастливых и буйных детских грез – не снов, а именно грез наяву, когда мальчишка, отражая злобный натиск озверелых фашистских орд, самозабвенно и яростно рубит деревянной саблей заросли крапивы и лопуха. Рассказ хорош по самому серьезному счету, он безусловно должен быть опубликован. Единственное наше замечание сводится к следующему: автору надо было бы дать более четкое объяснение, что именно происходит в лаборатории (стр. 7). Собственно, автор рассказал о «производственном процессе» не так уж плохо, но, на наш взгляд, от читателя все-таки требуется несколько чрезмерное усилие, чтобы разобраться, понять – читатель либо застревает в этом месте, либо проскакивает его сходу, не разобравшись, а потом ему уже трудновато понять, что такое терфакт и откуда он взялся.

Повесть «Змий» лишний раз доказывает, что главное в произведении не новизна темы, идеи, даже сюжета, а новизна авторского взгляда на мир, новизна манеры, стиля, способа изображения и осмысления действительности. Читатель конечно понимает, что и завязка и развязка этой повести – отнюдь не изобретение автора. Новое открытие; неожиданные и непредвиденные последствия; угроза, опасность, «змея на пороге» – вся эта схема уже многократно и, казалось бы, исчерпывающе проанализирована десятками авторов всех времен и народов. Однако А. Щербаков находит свой, личный подход к банальной, казалось бы, ситуации. В центр повествования он ставит судьбу человека, его размышления, его сомнения, его решение. Не приключениям фантастического открытия, а приключениям человеческого духа посвящена эта повесть – рассказ о сложном, иногда мучительном пути сомнений и внутренней борьбы, по которому ведет судьба пожилого сенатора Тинноузера, прожженного политика и в то же время в чем-то главном – честного, порядочного человека, перед которым, может быть впервые в его жизни, встала моральная проблема, требующая предельного напряжения всего доброго, что еще сохранилось в нем. Это повесть серьезная, умная, настоящая – без умилительного

сюсюканья и без дешевых эффектов показывающая, как усложнился наш мир, как все в нем оказалось взаимосвязанным и с какой суровой настойчивостью он способен потребовать от человека честного ответа на вопрос: «С кем ты и зачем ты?». Опубликование такой повести в сборнике можно только приветствовать.

<…>

А еще БН помогает молодым авторам. Примером тому – очередное письмо Штерну от 29 января.

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

Дорогой Борис!

Спешу Вас порадовать. Ваш рассказ («Фокусник») сделал еще один шаг в нужном направлении. Теперь он довольно прочно вошел в сборник, и понадобится достаточно неблагоприятное сочетание обстоятельств, чтобы он оттуда вылетел. Во всяком случае, редактор уже не возражает. Остается, конечно, еще достаточное количество инстанций, и на каждой рассказу может прийти капут, но, пожалуй, главную инстанцию Вы уже прошли.

Не обошлось, конечно, без потерь. Редактор потребовал, чтобы:

1. Была выброшена линия проводника-милиционера («а то получается непонятно, когда что кто говорит»).

2. Были категорически упразднены спиртные напитки, женихи, свадьбы и пр.

3. Было произведено сокращение вообще.

Поразмыслив, я решил, не затягивая дела, на все это пойти. И пошел. Рассказ сократился страниц на шесть, выпал проводник, выпал старик и зять его, испарились спиртные напитки. Рассказ, на мой взгляд, хуже не стал, хотя кое-что из выброшенного было несомненно хорошо. В Вашей воле, конечно, сейчас возмутиться и потребовать рассказ назад, но я Вам не советую это делать. Берегите силы, главные бои – впереди.

Сейчас я уезжаю в Москву, вернусь в середине февраля. Если у Вас будут какие-то спецсоображения – пишите. Дело протянется еще долго – сборник планируется на 75-й год.

С приветом, Ваш [подпись]

31 января БН приезжает в Москву.

Рабочий дневник АБС

1.02.1974

Вчера Б. приехал писать МиП.

Дом призраков – штаб подготовки кадров для Двойры.

Эпизоды:

1. Переписка с неизвестным.

2. Видения: полосатые, десантники, чел<ове>к с оружием.

3. Парень с Двойры, остающийся на Земле. Математик-гений.

4. Реконструкция Гепарда: разговор с Корнеем о герцоге.

В III, IV:

1. Надпись на стене.

2. Звездолеты.

3. Странные следы.

4. Голоса и призраки.

V гл<ава>

Незнакомец с оружием.

Встреча с полосатым и драка.

Надпись на стене.

Обследование дома.

VI гл<ава>

Узнает, что война кончилась.

Сцена прощания Корнея с парнем.

Драка.

Решение изгот<овить> оружие.

VII

Реконструкция Гепарда.

VIII
Прорыв. Встреча с полосатым.
IX
Эпилог.
2.02.1974
Сделали 6 стр. (54) – 2 переделали заново
Вечером сделали 4 стр. (58)
3.02.1974
Сделали 7 стр. (65)
Вечером сделали 3 стр. (68)
Конец главы: Драмба, несколько вопросов.
Влепили по лбу так, что…
4.02.1974
Сделали 6 стр. (74)
Вечером сделали 4 стр. (78)
5.02.1974
Сделали 7 стр. (85)
Вечером сделали 3 стр. (88)
Щенка привязали за веревочку, обвели вокруг пальца, 4 недели. Споткнулся, упал, лежит. И друга нет, никто не откликается.
– Я много наболтал лишнего. Так не пойдет. Я еще не готов.
6.02.1974
Сделали 8 стр.
И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 96 СТРАНИЦЕ.
Ходили в Пекинчик.
7.02.1974
Б. уехал.

Письмо Бориса брату, 9 февраля 1974, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!
1. С Комаровом дело таки дрянь. Виноваты, конечно, как всегда, мы – клиенты. («То вы заказываете за два месяца, а потом отказываетесь, то вы за две недели хотите заказать!..») В общем, номеров у них на конец февраля нет. Предложили один двухкомнатный – я отказался: это ведь будет не жизнь.

Отказ, надо сказать, не окончательный. Они обещали сообщить, если вдруг что-нибудь освободится. Но я полагаю, что рассчитывать нужно на собственные силы. Что до меня, то я полагал бы встретиться снова в Москве. Телефонные звонки и вызовы – чушь, от этого мы отключимся. Вот если это неудобно по домашним обстоятельствам, тогда другое дело. Тогда можно попытаться так: ты поживешь у мамы, а работать будем у меня. Это, конечно, не слишком удобно, но жить можно. Отпиши свое мнение.

2. Беседовал с Дмитревским. Он говорит, что вопрос с ПнО практически улажен, требует два экза. Я сунулся в архивы – ничего. Если у тебя есть хоть один экз (кроме оригинала) – срочно вышли мне, я распечатаю. И не ленись, и не предлагай мне сунуть им «Аврору». Журнальный вариант, во-первых, изуродован, а во-вторых, сокращен на 1,5 листа – зачем нам терять по 400 ряб на рыло? Если у тебя найдется два экза, высылай, разумеется, оба.

3. Звонил Брандису. Он сказал, что идет заключение договоров на детгизовский сборник, для коего мы вымучиваем МиП. Сказал, что на следующей неделе можно было бы заключить договор и с нами. Я, натурально, не возражал, но сам подумал: а стоит ли? Черт их знает, возьмут они МиП или нет. Может быть, стоит подождать марта, а там уж, если повесть им сгодится, заключить договорчик и сразу отхватить 60 %? Как твое мнение?

4. Вспомнил я, что именно я забыл у тебя взять: очередную порцию покетбуков для Кана. Теперь он мне плешь переест.

5. Не забудь позвонить Ревичу!

Вот пока и все,

нажимай, но не заезжай[1],

твой [подпись]

P. S. Ленуське привет. И Машке.

Андрюшка знал «четыре валета»; у них в Киеве это называется «бридж».

[1] «Не заезжай!» – характерная фраза М. Салтыкова-Щедрина. См. «Дневник провинциала в Петербурге» и «Помпадуры и помпадурши».

11 февраля БН рассказывает Штерну о своем семинаре:

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

Дорогой Борис!

Я приехал из Москвы раньше срока. Мы там должны были кончить ту самую повестуху (вернее, ее черновик), которую Вы с таким нетерпением ждете в «Авроре». Но повесть эта нам так осточертела, до того нам ее было тошно писать, что вместо запланированных 10–12 дней мы закончили ее постахановски за 7. Теперь только отбарабанить чистовик (чем мы и займемся в конце февраля), и можно выбрасывать продукцию на рынок по демпинговым ценам.

<…>

Что же касается попадания [рассказа Штерна. – *Сост.*] в сборник «по знакомству», то я уже, кажется, писал Вам, что не знаю ни одного писателя моего поколения, вышедшего в люди другим образом. Рассказ обязательно должен понравиться кому-то из имеющихся на данный момент авторитетов, каковой авторитет и обязан похлопотать. Редактора̀ ведь, к счастью, очень редко полагаются на собственное мнение, иначе в литературе нашей вообще царил бы ад кромешный.

Далее. Не помню, писал ли я Вам, что уже второй год веду семинар молодых писателей-фантастов при секции н-ф литературы ЛО ССП. Ходит на этот семинар человек 10–15 молодых авторов в возрасте от 25 до 65 лет. Читаем и разбираем рассказы и повести. Ребята считают, что это полезно. Так вот я хотел бы на этом семинаре почитать что-нибудь Ваше – два-три рассказа из тех, что Вы мне присылали. Выберу сам – с таким расчетом, чтобы было максимально поучительно для прочих (у Вас есть то, чего нет у подавляющего большинства, – свежесть и раскрепощенность стиля). Для Вас пользы от этого много не будет, хотя Вы по идее получите стенограмму и сумеете ознакомиться с мнениями Ваших коллег, – а некоторые из них являются вполне

квалифицированными и достаточно тонкими ценителями. Однако, если устремить взор в отдаленные дали, то может проистечь и конкретная польза. Именно: Вас зачислят в иногородние члены семинара, и когда (если) удастся пробить сборник участников нашего семинара (а об этом уже поговаривают), Вы займете в этом сборнике свое законное место. Перспектива, конечно, отдаленная и шаткая, но чем черт не шутит?

<…>

Письмо Аркадия брату, 14 февраля 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Пишу коротко.

1. Пошли Комарово в задницу, коли так. Числа двадцатого (самое позднее, я еще не взял билета) приеду к маме, погощу у нее дня два-три, затем мы вместе с тобою едем ко мне в Москву. Здесь все тебе как всегда рады. Отключим телефон, будем игнорировать телеграммы, поработаем до победного.

2. Экз ПнО высылаю немедленно. А как с Дмитревским насчет договорчика?

3. На МиП заключай договор. Ты что, брат, с ума сошел – от живых денег отказываешься?

4. Деньги Ревичу отдал – приходила Татьяна.

Остальное при встрече (если будет что).

Обнимаю, жму. Твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Маме посылаю письмо.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Подземелье – не здесь. Винт<овая> лестница – нуль-транспортер. Дверь не открывается, когда там кто-то другой нуль-транспортируется. Эпизод в коридоре с тремя десантниками-крысоедами – набрался страху и тогда же обнаружил надпись.

Корней – что-то вроде парии: они все способны на всё, они в крови, во лжи и в подлости. То, что так нравится

Гагу – жесткость лица, резкость, – отталкивает землян. Друзей нет – только товарищи по работе. Жена с ним развелась, боится за себя и за сына. Корней тянется к Гагу, как к сыну – Гаг чувствует странное отношение.

Эпизод с женой (Гаг подсматривает, ничего не понимает). Сначала приходит жена, Корнея нет, встречается с Гагом – отвращение.

Как Гэгун-дурак рыбу лечил. Полежи, говорит, на солнышке, погрейся, все пройдет, а я пойду пиво варить. А потом ею же и закусил, – так и помощь Корнея Гагу.

20.02.1974

Арк приехал в Лрд. Думаем над чистовиком МиП.

[на отдельном листке]

I. Гаг. Бой	
II. Госпиталь	Отношение к Корнею: сторонятся, отводят глаза, женщина
III. Гаг. Реминисценции. Созрело решение: либо отпустят; либо прорвусь; жить здесь не буду, но сделаюсь ихним разведчиком, а потом обману.	Случай с десантниками; дверь; надпись; «призраки» Женщина; встреча ее с Корнеем (?) Вывод: чужая планета; поработители; как воспользоваться; почему не пускают домой – анекдот с рыбой – нет, дело не в этом.
IV. Степь; робот; обелиск.	Проверка контроля. Расспросы про дом; про десантников; про Корнея (женщина)
V. Гаг. Оружие.	Сын: «Перестань мучить мать». Гаг: «Почему он их не выкинет – и бабу, и сына? По рылу их…»

VI. Гаг. Подземелье.	Кончить сценой между Корнеем и женщиной. Или начать? «Не могу… не хочу… это не жизнь…» Сочувствие Гага. «Ты же прекрасный зоопсихолог? Зачем?»
VII. Конец войны. Драка. Решение сделать автомат.	
VIII. Гаг.	Или эту главу начать «Ты заражен – ты уже заражен этой мерзостью…» Корней молчит. «Ну почему ты молчишь?» «Ты лучше меня знаешь ответ». Реакция Корнея. Потеря сына?
IX.	

23.02.1974

В Москве пишем чистовик МиП

Сделали 14 стр. (12) 14

Вечером сделали 4 стр. (16) 18

24.02.1974

На той стороне зала у самой стены стояла женщина. Гаг даже не успел ее толком рассмотреть – через секунду она исчезла. Но она была в красном, у нее были угольно-черные волосы и яркие синие глаза на белом лице. Неподвижный язык красного пламени на фоне стены. И сразу – ничего.

Сделали 11 (28) 29

Вечером сделали 5 (31) 34

25.02.1974

Сделали 14 (41) 48

Вечером сделали 5 (44) 53

26.02.1974

1. Надпись на стене	1. Надпись
2. Мультипликатор	2. Мешок
3. Мешок	3. Мультипликатор (обед с гостями)
4. Занавес	4. Сын
5. Разговор с сыном	5. Занавес

Сделали 13 (61) 66

Вечером сделали 4 (64) 70

Она приходит к Гагу вечером. А утром: «Ничего у тебя не выйдет. У него глаза убийцы».

27.02.1974

…но вот однажды вернулся я под вечер с прудов, усталый, потный, ноги гудят, искупался и завалился в траву под кустами, где меня никто не видит, а я всех вижу. То есть видеть-то особенно было некого – которые оставались, те все сидели в кабинете у Корнея, было у них там очередное совещание, а в саду было пусто. И тут дверь нуль-кабины раскрывается и выходит из нее человек, какого я до сих пор здесь никогда не видел. Во-первых, одежда на нем. Которые наши, они все больше в комбинезонах, либо в пестрых таких рубашках с надписями на спине. А этот – не знаю даже, как определить. Что-то такое строгое на нем, внушительное. Матерьяльчик серый, понял? – стильный, и сразу видно, что не каждому по карману. Аристократ. Во-вторых, лицо. Здесь я объяснить совсем не умею. Ну, волосы черные, глаза синие – не в этом дело. Напомнил он мне чем-то того румяного доктора, который меня выходил, хотя этот был совсем не румяный и уж никак не добряк… Выражение изменчивое, что ли?.. У наших такого выражения я не видел: наши, они либо веселые, либо озабоченные, а этот… нет, не знаю как сказать. В общем, вышел он из кабины, прошагал решительно мимо меня и в дом. Слышу: галдеж в кабинете разом стих. Кто же это к нам пожаловал, думаю. Высшее начальство? В штатском? И стало мне ужасно интересно. Вот, думаю, взять бы такого. Заложником. Большое дело можно было бы провернуть… И стал я себе представлять, как я это дело проворачиваю, фантазия, значит, у меня заработала. Потом спохватился. Слышу – в кабинете уже опять галдят, и тут на крыльцо выходят двое – Корней и этот самый аристократ. Спускаются и медленно идут рядом по дорожке обратно к нуль-кабине. Молчат. У аристократа лицо замкнутое, глаза холодные, рот сжат в линейку, голову несет высоко. Генерал, хоть и молод.

А Корней мой голову повесил, глядит под ноги и губы кусает. Я только успел подумать, что и на Корнея здесь, видно, нашлась управа, как они остановились, и Корней говорит:

– Ну, что ж… Спасибо, что пришел.

Аристократ молчит. Только плечи слегка повел, а сам смотрит в сторону.

– Ты знаешь, я всегда рад видеть тебя, – говорит Корней. – Пусть даже вот так, на скорую руку. Я ведь понимаю, ты очень занят…

– Не надо, – говорит аристократ с досадой. – Не надо. Давай лучше прощаться.

– Давай, – говорит Корней. И с такой покорностью он это сказал, что мне даже страшно стало.

– И вот что, – говорит аристократ. Жестко так говорит. Неприятно. – Меня теперь долго не будет. Мать остается одна. Я требую: перестань ее мучить. Раньше я об этом не говорил, потому что раньше я был рядом и… Одним словом, сделай что хочешь, но перестань ее мучить.

– Я ничего не могу сделать, – говорит Корней тихо.

– Можешь! Можешь уехать, можешь исчезнуть… Все эти… твои занятия… С какой стати они ценнее, чем ее счастье?..

– Это совсем разные вещи, – говорит Корней с каким-то тихим отчаянием. – Ты просто не понимаешь, Андрей.

Я чуть не подскочил в кустах. Ну ясно – никакой это не начальник и не генерал. Это же его сын!

– Я не могу уехать, я не могу исчезнуть, – продолжал Корней. – Это ничего не изменит. Ты воображаешь – с глаз долой из сердца вон. Это не так. Постарайся понять: сделать ничего невозможно. Это судьба. Понимаешь. Судьба!

Этот самый Андрей задрал голову, надменно посмотрел на отца, словно плюнуть в него хотел, но вдруг аристократическое лицо его жалко задрожало – вот-вот заревет, – как-то нелепо махнул рукой и со всех ног пустился к нуль-кабине.

– Береги себя! – крикнул ему вслед Корней, но того уже не было. Тогда Корней повернулся и пошел к дому. На крыльце он постоял некоторое время, словно собирался с силами

и с мыслями, потом расправил плечи и только тогда шагнул через порог.

Сделали 9 стр. (71) 79

Вечером сделали 6 стр. (77) 85

28.02.1974

И вот в тот же вечер, я уже спать нацеливался, вдруг открывается дверь и стоит у меня на пороге эта женщина. Слава богу, я еще не разделся – сидел на койке в форме и снимал сапоги. Правый снял, и только это за левый взялся, смотрю – она. Я ничего даже подумать не успел, только взглянул и, как был в одном сапоге, вскочил и вытянулся. Красивая она была, ребята, аж страшно – никогда я у нас таких не видел, да и не увижу, наверное.

– Простите, – говорит она, улыбаясь. – Я не знала, что здесь вы… Я ищу Корнея.

А я молчу как болван деревянный и только глазами ее <ем>, но почти ничего не вижу. Обалдел. Она обвела взглядом комнату, потом снова на меня посмотрела – пристально, внимательно, уже без улыбки – ну, видит, что от меня толку добиться невозможно, кивнула мне и вышла, и дверь за собой тихонько прикрыла. И верите ли, ребята, но мне сразу показалось, что темнее стало.

Долго я стоял вот так – в одном сапоге, все мысли у меня спутались, ничегошеньки я не соображал. Не знаю уж, в чем тут дело: то ли освещение какое-то особенное было у меня в ту минуту, а может быть сама эта минута была для меня особенной, но я потом полночи все крутился и не мог в себя прийти. Вспоминал, как она стояла, как глядела, что говорила. Сообразил, конечно, что она неправду сказала, что вовсе она не Корнея искала (нашла где искать), а зашла ко мне специально, на меня посмотреть. Ну это ладно. Другая мысль меня в тоску смертную вогнала: понял я, что довелось мне увидеть в эту минуту частичку настоящего большого мира этих людей. Корней ведь меня в этот мир не пустил и правильно, наверное, сделал. Я бы в этом мире руки на себя наложил, потому что это невозможно: видеть такое ежеминутно

и знать, что никогда ты таким как они не будешь и никогда у тебя такого как у них не будет, а ты среди них, как сказано в Священной книге, есть и до конца дней своих останешься «безобразен, мерзок и затхл»… В общем, плохо я спал в эту ночь, ребята, можно сказать, что и вовсе не спал, а едва рассвело, я выбрался в сад и залег в кустах на обычном своем наблюдательном пункте. Захотелось мне увидеть ее еще раз, разобраться, понять, чем же она меня вчера так ударила. Ведь видел же я ее и раньше, из этих самых кустов и видел…

И вот когда они шли по дорожке к нуль-кабине, рядом, но не касаясь друг друга, я смотрел на нее и чуть не плакал. Ничего опять я в ней не видел. Ну, красивая женщина, ничего не скажешь – и все. Вся она словно погасла. Словно из нее душу живую вынули. В синих глазах у нее была пустота, и около рта появились морщинки.

Они прошли мимо меня молча и только у самой нуль-кабины она остановившись проговорила:

– Ты знаешь, у него глаза убийцы.

– Он и есть убийца, – тихо ответил Корней. – Профессионал.

– Бедный ты мой, – сказала она и погладила его ладонью по щеке. – Если бы я могла с тобой остаться… но я не могу. Мне здесь тошно.

Я не стал дальше слушать. Ведь это они про меня говорили. Прокрался я к себе в комнату, посмотрел в зеркало. Глаза как глаза. Не знаю, чего ей надо. А Корней правильно сказал: профессионал. Тут стесняться нечего. Чему меня научили, то я и умею. И я всю эту историю от себя отмел. У вас свое, у меня свое. Мое дело сейчас ждать и дождаться.

Сделали 12 стр. (87) 97

Вечером сделали 5 стр. (91) 102

1.03.1974

Сделали 5 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ НА 107 СТРАНИЦЕ.

2.03.1974

Б. уезжает.

По-прежнему читатели присылают любимым авторам письма. Бывали среди них и такие:

Из архива. Письмо БНу от Ахмедвалеева

Уважаемый Борис Натанович!

Мы с товарищем в порядке дискуссии написали рецензии, в которых по-разному оцениваются два ваших последних произведения – «Малыш» и «Пикник на обочине». Мы послали их в журнал «Вопросы литературы», откуда получили ответ, что рецензии будут включены в подборку материалов, если возникнет специальный разговор о научно-фантастической литературе. Поскольку трудно сказать, когда такой разговор возникнет, да и рассчитывать в таком случае на публикацию рецензий в полном объеме трудно, можно было бы предложить их в другую редакцию. Но мы решили этого не делать, а послать их непосредственно Вам. Возможно, Вы согласитесь нам ответить и, если есть принципиальные ошибки в трактовке ваших книг, указать на них. Для нас главное не в том, чтобы опубликовать эти рецензии, а в том, чтобы выяснить, кто из нас правильнее осмыслил ваши повести. Ни я, ни мой оппонент не будем на Вас в обиде, если даже из Вашего ответа выяснится, что обе рецензии наивны и поверхностны.

С уважением

Ахмедвалеев Борис Михайлович

Из архива. Хазанов Г. Неужели кризис?

Придется начать с декларации: я люблю писателей Стругацких. Наверное, для каждого любителя существует свой «фантаст № 1». Для меня это – не Лем, не Шекли, не Брэдбери даже (хотя он, возможно, самый талантливый из современных фантастов), а именно А. и Б. Стругацкие.

В своих лучших работах, начиная от «Попытки к бегству», эти авторы всегда говорили о самых крупных, самых

важных проблемах сегодняшнего мира. На мой взгляд, самая сильная сторона таланта братьев Стругацких в том, что они умеют взять сегодня существующую в эмбриональном виде научную проблему или общественную тенденцию и на ее основе построить предельно достоверную, конкретную модель общества. Мир Стругацких всегда живет по существующим, познанным уже законам. Поэтому в возможность его существования веришь. А незаурядная литературная одаренность писателей помогает им создать сюжетные ситуации, типичные именно для этого мира, придумать детали быта в созданном ими мире совершенно неповторимые и в то же время обязательно ему присущие. «Возвращение» – одна из самых убедительных, по-моему, утопий в литературе последних лет, несмотря на большое количество спорных моментов. То же можно сказать и о «Стажерах».

Но вот в последнее время, на мой взгляд, в творчестве интереснейших писателей появились признаки творческого кризиса. Вышла повесть «Малыш». Здесь писатели подчеркнуто отказались от самого сильного своего качества, словно задавшись целью показать, что могут мастерить и традиционную фантастику.

На далекой планете группа исследователей сталкивается с земным ребенком, которого спасла от гибели и воспитала негуманоидная цивилизация. Малыш оказывается в силу случая идеальным посредником для контакта: биологически он землянин, по воспитанию – «чужой». Но цивилизация, выпестовавшая Малыша, «замкнулась», отказалась от всяческих контактов. (Внимание: очень интересная сама по себе мысль! Какие причины могут заставить целую цивилизацию «уйти в себя»? Здесь сама просится «модель общества», какие глубоко и убедительно умеют создавать Стругацкие. Но… эта проблема лишь называется.) Магистральная линия сюжета идет в другом направлении. В расчете на контакт земляне приучают Малыша к человеческому общению, «будят» в нем Человека. Затем выясняется, что при навязывании контакта «чужие» или замкнутся, а это грозит жизни

посредника, или же из гуманных соображений вынуждены будут «впустить» нежелательных собеседников. Ясно, что из насильственного контакта, основанного на моральном шантаже, ничего хорошего не получится. И земляне оставляют Малыша в покое.

В этой повести кое-кто увидел глубокую нравственную проблему: интересы общества или человек. Но в конкретных сюжетных обстоятельствах повести эта мысль, если даже Стругацкие и имели ее в виду, без очень значительных потерь не может быть выражена. По сюжету «жертва Малышом» все равно бессмысленна. Афоризм «Никто не глух так, как тот, кто не желает слышать» верен и для «беседы» между цивилизациями. А пойти на бесцельный риск жизнью человека – аморально безусловно, но это уровень мышления, достойный лишь плаката «Дети, шалости и игры на дорогах – опасны!» Такие плакаты, безусловно, делают свое важное и нужное дело, если только их не возводить в ранг последних достижений философской мысли человечества.

Я верю в талант братьев Стругацких, потому обсуждать вопрос о том, что писатели не нашли для своих идей адекватной сюжетной ситуации, считаю излишним.

И вот последняя на сегодняшний день опубликованная повесть А. и Б. Стругацких – «Пикник на обочине». Когда я читал ее, мне казалось, что наконец-то появилось достойное продолжение «Хищных вещей века» и «Трудно быть богом». Опять найдена ситуация, дающая незаурядные возможности для художественного исследования современного земного общества. На Земле в разных местах остаются следы пребывания «чужих». О них никто ничего не знает. Известно лишь, что человека в этих местах подстерегают сотни смертельных опасностей.

Созданы международные комиссии по изучению «Зон», как их называют. Доступ к ним запрещен законом. И всё же появляется новая профессия – «сталкер», то есть человек, который ворует из Зоны разные «штучки» и продает. Дело в том, что кое-что из непонятных предметов «чужаков» может

быть утилитаризовано. Например, черные палочки, которые размножаются и являются практически вечными источниками энергии. Правда, чем они могут обернуться для людей в любой момент, какой угрозой – этого никто не знает.

Блестящий поворот «вечной» для фантастики темы встречи с Неведомым. Люди вынуждены идти в «сталкеры» – почти на верную смерть, потому что в противном случае им не прожить. Нет, голодной смертью они не умрут, они не смогут жить, как все. Этому приносится в жертву не только собственная жизнь, но и жизнь и здоровье детей.

Творятся чудеса. Умершие десять лет назад встают из могил и приходят домой. А этого никто не замечает. Люди привыкли ко всему, даже к противоестественному. Да что покойники, живых противоестественные условия жизни увечат, а они по привычке считают, что так и надо!

Герой повести – «сталкер» Рэдрик Шухарт. В самом начале он сталкивается со своим ровесником из Советского Союза, молодым ученым. Ученый погибает в Зоне. Сам Шухарт проходит через целый ряд приключений как в Зоне, так и за ее пределами. Но приключения героя – это внешнее движение сюжета, они очень мало меняют Шухарта, его понимание мира, его личность. Скорее, сюжетная роль острых коллизий повести в том, что они знакомят читателя со всё новыми и новыми дельцами, которые наживаются, по сути, на возможности гибели мира, на предметах, таящих реальную смертельную опасность. Но всё это заложено в исходной ситуации, потому вся повесть воспринимается как затянувшаяся экспозиция, вступление к основному действию, которое так и не начинается. Уже поэтому испытываешь неудовлетворенность обманутых ожиданий. Ее еще усиливает конец повести, весьма нечеткий по мысли: Рэдрик Шухарт отправляется в Зону, чтобы добыть Шар, исполняющий все желания. Шухарт, ценой подлости проложивший себе дорогу к счастью, мечтает, чтобы всем было хорошо, и тут же признаётся, что не знает, что это значит – всем хорошо. Значит, и тем подонкам, которые изувечили его жизнь и жизнь

его маленькой дочери (последствие частых визитов отца в Зону).

Что это, попытка проанализировать современный «тяжкий путь познания»? Но пути в повести нет, художественно конец не подготовлен, он не является органичным завершением повести. Шухарт так ничего и не понял, жизнь смяла в нем человеческое, а он так и не сбросил шоры привычки, не прозрел. Потому что отвлеченные разговоры о «всеобщем счастье» еще никого не научили правильно жить, никому не помогли.

Две повести подряд, плоды нескольких лет труда у безусловно талантливых писателей, не удались. Конечно, для других авторов любая из этих повестей была бы крупным творческим достижением. Написаны они прекрасно, они свежи и оригинальны. Неудачей их можно назвать лишь потому, что они ниже уровня одаренности авторов.

Что это? Неужели кризис? И если да, то неужели он окажется затяжным?

Из архива.
Ахмедвалеев Б. Если заглянуть в колодец…

Любители фантастики, безусловно, с большим интересом встретили два последних произведения известных писателей-фантастов А. и Б. Стругацких – «Малыш» и «Пикник на обочине».

Для повести «Малыш» характерна та особая полнота авторского мышления, при которой главная мысль как бы выплескивается через край, рождая небрежную россыпь интереснейших попутных мыслей. Одна из таких мыслей-сателлитов связана в «Малыше» с темой «космического Маугли». Применимы ли к Маугли те нравственные критерии, которые определяют отношения между людьми? Вопрос этот гораздо сложнее, чем кажется из-за внешнего налета экзотичности. Известны сенсационные случаи, когда животные усыновляли человеческих детей. Последние неизменно

погибали при насильственной попытке «очеловечить» их. Подсознание такого существа человеческое: наследственная память подспудно хранит всё, что перешло в его гены от родительской клетки. Но сознание, то есть продукт сугубо социальный, подменено комплексом животных инстинктов. И незримое противоборство сознания и подсознания, как правило, губит «очеловечиваемого» Маугли, доводя его до психического стресса. Так что же гуманнее: до пагубного конца бороться за человека в нем или не тревожить подсознание, оставить в покое – в животном состоянии?

Перед аналогичной дилеммой оказываются и герои повести «Малыш». Бросить ли маленького Пьера Семёнова, космического Маугли, в чуждом и непонятном мире негуманоидов, более далеком от нас, чем мир животных? Или попытаться ценой смертельного риска вернуть его в лоно человечества? Эта коллизия могла бы, безусловно, украсить любой самостоятельный сюжет. Но у Стругацких это дилемма вторичная, несущая служебную функцию по отношению к другой, более сложной нравственной проблеме. Какова же эта ключевая проблема повести? Чтобы лучше понять ее, сделаем небольшой экскурс в прошлое русской литературы.

В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» есть классический пример того, насколько порой иррациональны, неподвластны логическому мышлению требования человечности. Иван Карамазов спрашивает у своего брата Алёши, согласился ли бы он спасти человечество от гибели и построить здание всеобщего счастья, если бы «для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вот того самого ребеночка, бившего себя кулачонком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание».

– Нет, не согласился бы, – отвечает на это Алёша.

Если рассуждать логически, то ответ его бесчеловечен: ведь мысленно допускаемая им гибель мира – это и гибель того самого ребеночка, и тысяч других невинных младенцев. Но ответ Алёши – это голос совести самого Достоевского,

его нравственная концепция. И наиболее четко она выражается в словах Ивана Карамазова: «Да весь мир не стоит тогда этих слезок ребеночка».

Поразительно созвучна с этой мыслью и главная идея повести Стругацких «Малыш». Сторонник «жертвы Малышом» Геннадий Комов, казалось бы, тоже исходит из гуманных соображений. Но мораль его бесчеловечна по своей сути, потому что подчинена не голосу доброго сердца, а холодному рациональному мышлению. Конструкция его логических построений должна быть примерно такова. Малыш – это единственная, практически неповторимая возможность познать, какая же сила заставляет «замыкаться» целые цивилизации, обрекая их на деградацию и неминуемую гибель. Может, это какая-то космическая закономерность, охватывающая на определенной стадии все древние цивилизации? Тем более что «свернувшиеся» цивилизации встречались и в других галактиках. А может, эта недобрая космическая сила последовательно губит всю разумную жизнь во Вселенной? Ведь так может дойти очередь и до земной цивилизации. Познать эту силу и найти против нее средство – это значит спасти не только человечество, но и цивилизации других планет. И что по сравнению с вселенскими масштабами этой задачи какой-то Малыш – крохотная песчинка в океане мироздания!

Главная «оппонентка» Комова Майя Глумова не полемизирует с ним, не выдвигает каких-то логических контрдоводов. Она лишь подчиняется безотчетному импульсу доброты и саботирует попытки Комова приблизить к себе Малыша. Ее нравственная позиция совпадает с общечеловеческой, что видно из финала повести. Ее герои получают с Земли приказ покинуть планету негуманоидов, оставив там Малыша.

Утверждать, что по сюжету «жертва Малышом» бессмысленна – значит недобросовестно трактовать содержание книги. Она бесчеловечна, но не бесцельна. Ведь речь идет не с насильственном контакте, а о попытке познания. И если при встрече с непонятным руководствоваться принципом

«Не хочешь – не надо», то в области человеческого познания будут узаконенные тупики. А это противоречит той простой истине, что человеческое познание безгранично.

В повести «Пикник на обочине», как и в «Малыше», также есть дочерние проблемы, отпочковавшиеся от стержневой мысли. Взять, к примеру, убийство Красавчика Арчи. Рэдрик Шухарт с жестокой расчетливостью бросает его в жерло загадочной «мясорубки», прокладывая себе дорогу к Золотому шару. Но дело в том, что Красавчик Арчи – не человек в обычном понимании, он не рожден матерью. Этого узкобедрого красавца выпросил у Зоны бездетный Стервятник Барбридж, это лишь искусственное порождение суперцивилизации «пришельцев». Применимы ли к своеобразному гомункулюсу, человеку из неведомой колбы, наши моральные нормы? Убийца ли Рэдрик Шухарт в прямом смысле слова? Ситуация столь же необычная, как в случае с «космическим Маугли».

Однако по главной проблематике эти повести несопоставимы. Если «Малыш» посвящен философскому осмыслению вечных нравственных категорий доброты и человечности, то в «Пикнике на обочине» доминирует публицистическое начало, страстная сила обличения. Авторы безжалостно препарируют одно из страшнейших зол современного мира. Этим злом является бездуховная жизнь, на которую неизбежно обрекается человек в «обществе потребления».

В повести объектом посещения «пришельцев» стал провинциальный капиталистический город Хармонт. В этом затхлом омуте та же религия, что и в среде крупных акул буржуазного мира. Разница лишь в масштабах: не сатана там правит бал, а нечисть рангом поменьше. На обочине просеки, пролегающей через неоновые джунгли, справляют безобразный шабаш мелкие слуги Желтого дьявола: Боб Горилла, Фараон Банкер, Гереш Гундосый, Фил Костлявый, Хью Хрипатый… Первенствует в этом мерзком сонмище Стервятник Барбридж – затрапезный Вельзевул с гнилыми зубами и нечистой щетиной на лице.

Главный герой повести Рэдрик Шухарт, не лишенный от природы добрых человеческих задатков, интуитивно ненавидит этот смрадный мир. С бессознательной симпатией относится он к тому светлому, что воплощает молодой советский ученый Кирилл Панов. «Из тысячи таких, как ты, одного Кирилла не сделать, – говорит он скупщику «хабара» Эрнесту. – Паскуда ты. Торгаш вонючий. Смертью ведь торгуешь, морда. Всех нас купил за зелененькие…»

Но одной инстинктивной неприязни мало, чтобы противостоять миру Стервятника Барбриджа. Дабы не завязнуть в этом болоте, нужно умение мыслить, нужны духовные запросы. А вот этого как раз и нет у доброго малого Рэдрика Шухарта. Ибо он воплощение той бездуховности, которую можно устранить лишь с порождающей ее системой.

Рэдрик Шухарт не столько втягивается в трясину, – вне ее он никогда и не был, – сколько адаптируется в ней, становится всё более своим в мире хрипатых и костлявых.

Жанр научно-фантастической повести позволяет авторам довести реальные общественные явления до гиперболических масштабов. В прямом смысле слова фантастична цена, за которою продается дьяволу Рэдрик Шухарт. Это находящийся в Зоне Золотой шар – какая-то всемогущая установка сверхцивилизации, способная исполнять любое человеческое желание. Фантастичны обстоятельства, которые гонят Шухарта к Золотому шару. Он хочет любой ценой вернуть человеческий облик своей маленькой дочери – странной девочке со сплошь темными, без белков, глазами. В силу какой-то жуткой мутации она превращается в бессловесную обезьяну, заросшую грубой бурой шерстью. Ни с чем земным не сравнимы подстерегающие человека в Зоне опасности: «ведьмин студень», «смерть-лампа», «мясорубка», «сучья погремушка»… И идет Шухарт к своей цели по костям других не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. «Спасибо тебе, Слизняк, – обращается он к останкам менее удачливого «сталкера». – Дурак ты был, даже имени твоего настоящего никто не помнит, а умным людям показал, куда ступать нельзя».

В финале книги действительно звучат безликие слова о «всеобщем счастье». Но звучат они в определенном контексте, чтобы показать, насколько бессильна абстрактная, бесклассовая проповедь всеобщего благоденствия, насколько беспомощна елейная добродетель со слабыми мускулами. Чтобы понять это, достаточно вдуматься в сцену гибели Красавчика Арчи: «Рэдрик подумал, что впервые за все время существования карьера по этой дороге спускались так – словно на праздник. И сначала он не слушал, что там выкрикивает эта говорящая отмычка, а потом как будто что-то включилось в нем, и он услышал:

– Счастье для всех!.. Даром!.. Сколько угодно счастья!.. Все собирайтесь сюда!.. Хватит всем!.. Никто не уйдет обиженным! Даром!.. Счастье! Даром!..

А потом он вдруг замолчал, словно огромная рука с размаху загнала ему кляп в рот. И Рэдрик увидел, как прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйки сворачивают белье, выжимая воду».

Квинтэссенцию авторской мысли следует искать не в выкриках Арчи и в неосмысленном повторении их Рэдриком Шухартом, а в словах Р. П. Уорена, взятых в качестве эпиграфа: «Ты должен сделать добро из зла, потому что его больше не из чего сделать». Да, подлинное счастье не дается даром. Его нельзя экспортировать из космоса. Прогнивший мир капитализма нужно заменять новым, здоровым обществом, создавая его не из абстрактных людей, а из реального человеческого материала. Из таких, как Рэдрик Шухарт, очищая их души от скверны. Ибо за Шухартом – то пресловутое «молчаливое большинство», которое в американской действительности уже стало массовым, безликим воплощением социальной инертности. Нужно пробуждать в Рэдрике Шухарте главное предназначение человека. «Человек рожден, чтобы мыслить!» Эти слова вкладываются писателями в уста Кирилла Панова – самого светлого образа в повести, их авторского рупора.

В заключение следует сказать, что мысли эти излагаются братьями Стругацкими не в форме прямолинейной декларации, а полностью растворяются в интересном, захватывающем сюжете. Их книги написаны в расчете на активного, мыслящего читателя. Истина в них таится на дне колодца, а не лежит на поверхности. И чтобы понять ее, нужно уметь заглянуть в колодец.

На письме БН отметил, как обычно: «Ответ 13.03.1974». Интересно, что ответил Автор читателям, как оценил он их попытки разобраться в текстах. К сожалению, «людены» пока не нашли авторов этих рецензий.

Вообще же, если посмотреть на понимание читателями произведений АБС, то получается такая закономерность. Во-первых, читатели все-таки чаще точнее оценивали замысел, чем литературоведы-критики. Во-вторых, зачастую читатели, не понимающие очередного произведения любимых Авторов, ополчались на них, упрекали за «вот раньше вы писали – о! А ныне…». Об одном из таких читателей (А. Бушков, статья «Свет угасшей звезды») пойдет речь гораздо позже, в последнем томе повествования. Однако многие читатели, не разобравшись в произведении сразу, вчитывались и вдумывались, интересовались мнением других любителей творчества братьев Стругацких и… росли. Учились думать. В этом еще одно немаловажное значение произведений, написанных АБС, – они не только поддерживали знающих, но и подтягивали до них «желающих странного». Учили и воспитывали. Пожалуй, АБС – самые ненавязчивые Учителя нескольких поколений советской (да и уже постсоветской) молодежи.

Но вернемся к жизнеописанию. АН в это время занимается сценарием МИП.

Из архива. Борецкий Ю.
Заявка на фильм МИП, план переделки сценария

Трудно переоценить популярность замечательных писателей фантастов Аркадия и Бориса Стругацких. Их книги не залеживаются на прилавках магазинов, становясь библиографической редкостью.

Подлинная гражданственность в сочетании с крепкой «закрученностью» сюжета, с яркими полнокровными образами,

живым, «разговорным» диалогом делают их произведения подлинно кинематографическими. Они просто просятся на экран.

Меня с братьями Стругацкими связывает многолетняя творческая и личная дружба. Нами делались неоднократные попытки экранизации отдельных произведений, однако по целому ряду обстоятельств ни одна из этих попыток успеха не имела.

Ставя другие фильмы по другим сценариям, я всегда был твердо уверен, что главное дело моей жизни – это все-таки кинофантастика. Какова же была моя радость, когда я узнал, что первый вариант оригинального сценария «Мальчик из преисподней» принят Центральной сценарной студией. В то время я заканчивал в Киргизии свой фильм «Водопад» и не мог ознакомиться с этим вариантом сценария. Прочесть его я смог лишь вернувшись в Москву. Ознакомился я также с заключением сценарно-редакционной коллегии по первому варианту сценария.

Мы с Аркадием Стругацким тщательно проанализировали сценарий, замечания участников обсуждения: Е. Григорьева, Б. Метальникова, А. Кончаловского и др. Аркадий Стругацкий вместе со мной наметил план переделки сценария. Сценарий, что называется, будет «прописан» заново от начала до конца. Вот как это будет выглядеть.

После пролога, непосредственное действие фильма начнется с суда над Корнеем. Его судит трибунал прогрессоров. Корней обвиняется в тягчайшем преступлении, он вмешался в жизнь иной цивилизации, похитив оттуда Гая, он, тем самым, нарушил естественный ход развития этой цивилизации.

Тут я должен сделать некоторое отступление. Мы с автором пришли к выводу, что всевозможные «утопические» интерьеры, аксессуары и пр. должны быть категорически исключены из нашего фильма. Уровень цивилизации Земли таков, что людям, например, не нужны уже какие-либо летательные аппараты, они сами научились летать. Кстати,

это тоже одно из немаловажных изменений, которое будет внесено в сценарий.

Итак, суд над Корнеем – острая, драматическая сцена. Корней яростно отстаивает свою правоту: «Не может человек равнодушно смотреть на страдания другого, пусть даже инопланетчика – иначе он перестает быть человеком». Однако факт преступления налицо, и трибунал выносит суровое решение: «Приговорить к высшей мере наказания – к одиночеству».

В отношении Гая трибунал принимает несколько неожиданное решение – раз уж мальчик из преисподней оказался на Земле, то его следует послать к сверстникам, будущим прогрессорам. Пусть не только он поучится у ребят Земли, но и они у него поучатся. «Слишком они стерильные растут у нас. Мы оградили их от всех бед и несчастий, от горя и страданий, от ненависти и отчаяния. А ведь там, где им предстоит работать, они столкнутся со всем этим…»

И Гая направляют в лагерь прогрессоров… координатором, командиром.

Такой поворот дает возможность для ряда порой забавных, а порой и остродраматических ситуаций.

Так Гай с помощью ребят и, естественно, чудодейственной техники будущего (кстати, вся тема робота будет исключена из фильма) возвращает к жизни древний танк, вросший в землю после боев, которые гремели здесь когда-то, триста лет назад. Разъезжая на танке, он проводит с ребятами «учения».

Ребят посещает Корней. Это последний его день на Земле, с людьми. Корней ведет Гая к братской могиле среди древних, покрытых шрамами деревьев.

Эта земля, эта могила, эти деревья помнят, что происходило здесь триста лет тому назад. Не надо никаких теле- и киноэкранов, по приказу Корнея память земли и деревьев материализуется в зримые образы, и перед потрясенным Гаем предстает яростная картина давнего боя. Гай поражен мужеством и отвагой людей. Он не может сдержать слез,

видя как на его глазах гибнут советские воины. Он пытается броситься к ним на помощь, но Корней удерживает его, изображение боя исчезает.

За всем происходящим наблюдает пожилая женщина, председатель трибунала. Отослав Гая, она остается наедине с Корнеем. Далее следует ключевая остропсихологическая сцена, в результате которой женщина признается Корнею, что ее, маленькую девчонку, спас из-под огня триста лет назад пришелец из будущего. Тогда был бой и это спасение стоило жизни многим нашим бойцам. Погиб здесь и дальний предок Корнея. Еще и еще раз она доказывает Корнею преступность его поступка. Однако мы понимаем, что по-своему прав и Корней.

Этот разговор слышит Гай. Теперь он понимает, что именно он, его спасение из преисподней причина беды Корнея. Гай принимает решение.

Именно отсюда начинается история с изготовлением автомата. Только Гаю помогает не робот, а сами ребята, словно не подозревающие о конечной цели своей работы.

Автомат готов. Гай приходит проститься с Оборотнем (этот образ кажется мне чрезвычайно интересным, его следует разработать более широко и подробно).

Далее следует эпизод «Бой Гая». Там подводит свой танк к братской могиле, вызывает картину боя и бросается на своем танке в самую гущу схватки. Мотор глохнет. Гай вылезает из люка и начинает яростно строчить из автомата по бесплотным теням фашистов.

Встревоженные выстрелами бегут ребята. Изображение боя исчезает, перед Гаем растерянные ребята. Именно здесь происходит разговор, в котором Гай требует, чтобы его отправили обратно. Он должен быть снова там, в преисподней, чтобы быть вместе со своим народом, чтобы спасти Корнея.

Гай угрожает ребятам, наставив на них автомат.

Далее новый вариант сценария не будет иметь существенных расхождений с первым.

Окончательный вариант сценария будет представлен в Сценарную студию не позднее 5-го апреля.

Сценарий Стругацкого, я в этом убежден, будет настолько ярок и своеобразен, что поставленный по нему фильм послужит началом нового этапа развития советской кинофантастики.

С искренним уважением

Ю. Борецкий

15 марта АБС пишут друг другу встречные письма.

Письмо Аркадия брату, 15 марта 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Письма от тебя не дождался, пишу сам, тем более что накопились кое-какие новости.

1. Получилось письмо от шведского издателя Лундвала. Писано на аглицком. Хочет он издавать УнС и СоТ, имеет он германское издание на русском, отличного переводчика, сам намерен писать предисловие, одного только у него нет: не знает, куда обратиться на предмет контракта, наше представительство в Швеции тоже не знает, и никто нигде ничего не знает. Ну, получил я письмо, стал разузнавать. Все, конечно, уперлось в ВААП, тебе известный. Позвонил туда, там попросили предложить ему написать им, а копию его письма и копию моего ответа на оное прислать. Что я и сделал.

2. Сказочка в «Мире приключений» идет, скоро будет верстка.

3. В МолГв был, там мне Сергей сказал, что план 75-го находится на утверждении в Цекамоле (!!!), мы там остались, и как только будет утверждение, сразу заключат договор. Помнится, на протяжении последних нескольких лет я тебе эту фразу писал неоднократно.

4. Звонил Фирсов, попросил для исправления несправедливости с оплатой занести к нему на несколько дней договор, чтобы ткнуть носом бухгалтерию. Сегодня несу.

5. На следующей неделе начинаем с Борецким делать окончательный вариант МиП(с). Требуется сдать его пятого апреля. Возможно, придется затребовать сюда тебя, но не исключено, что я просто проработаю его с Борецким подробно и приеду в Ленинград дня на три в самом конце срока. Посмотрим, как будет удобнее.

6. Невзирая на опасения и угрозы моего душанбинского редактора, сценарий был принят на низших инстанциях Гостелевидения весьма благосклонно. Познакомился я с тамошним куратором, хороший парень, наш поклонник. Объявил, что будет склонять нас принять активное участие в фантастико-приключенческой тенденции на телевидении. Я не сопротивлялся. Эх, приняли был они этот сценарий – это сразу же запуск в производство и, соответственно, куш. Ладно.

7. Отбоя нет от режиссеров. Звонят, требуют свидания и единовременного пособия. По словам Борецкого, все они – трэш, но это он, возможно, ревнует. Я их вежливо выдерживаю по неделе, по десять дней. Те, кто и после этого срока звонят, удостаиваются аудиенции.

8. Объявился Манин. Оказывается, он вернулся в Москву почти одновременно с нами – 25-го и думал, что мы в Ленинграде. Завтра или послезавтра кормлю его телятиной.

9. Давеча были в Писдоме посиделки – обсуждался план бредового издания, выдвигаемого МолГв: 25 томов «40 веков фантастики». Начиная с Гильгамеша и Библии. Докладывал Брандис. Я сдуру не только присутствовал, но и выступил с предложениями. Нет, больше не буду. Без меня.

Такие дела. Пиши.

Обнимаю, жму. Твой Арк. Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 15 марта 1974, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Представь себе, только сегодня я сдал ПиП в «Аврору». <…> машинистка устроила мне бенефис, заср…ка. Клянется, что сломалась-де у нее машинка, а на самом деле,

я стороной узнал, вместо того, чтобы успевать в договорные сроки, вышла замуж со всеми вытекающими последствиями. В общем, вместо 8-го получил я рукопись вчера, кое-как ее выправил и сегодня отнес. В Детгиз понесу ужо на той неделе, там не так срочно.

Новостей никаких нет. Во всяком случае, приятных. ПнО в Лениздате НЕ пойдет. Дмитревский сказал, что повесть не понравилась Нине Чечулиной. Сомнительно это. Но во всяком случае здесь нам не отломится. Не оправдались наши опасения, что «раздергают сборник по частям».

Получил письмо от Миши Ковальчука. Это бывший президент студенческого (МГУ) клуба любителей ф-ки. Сейчас он подвизается у Белы, составляет ей сборники н-ф. Просит разрешения включить в очередной сборник 3-ю часть СБТ. У них, понимаешь, сборники тематические: «Луна», «Венера», «Марс» и т. д. по всей Солнечной системе. И еще умоляет нас перенести действие какой-нибудь нашей повести на Нептун – для сборника 77-го года. СБТ я ему, натурально, разрешил, а насчет Нептуна ответил положительно, но туманно.

Почитатель из Ставрополя прислал рецензию на М и ПнО, которые посылал в ВопЛи, но был отклонен. Бредятина пополам с юношеским восторгом. Надо бы к Брандису заехать – у него лежит статья о нас, написанная Чернышевой из Новосибирска, кажется. Это – баба серьезная, я читал ее статьи и раньше. Ужо отпишу тебе, что и как. Брандис еще сказал, что во Франции, кажется, живет какой-то литкритик с югославской фамилией, который давно и основательно занимается нами. Недавно Брандис в каком-то зарубежном сборнике (литературоведческом) читал его очередную о нас статью, очень положительную и объективную.

Адка прочла ПиП и выразилась с предельной точностью: «Хорошо написано, но для Стругацких – мелко». Тут не убавишь, не прибавишь… Знаешь что: хватит нам бодягой заниматься. Давай за этот год напишем ЗМЛдКС, а? Ведь ей-богу может получиться ВЕШЩЬ! С ГО можно

и подождать, он ведь фактически уже написан. ВЕШЩЬ надо нам выдать сейчас. Для поддержания духа. А там, вдруг, и опубликуют. Давай, а? Уж больно ситуация сочная у нас придумана. Таких людей можно вывести, такого бреда страшненького подпустить. И состояние эмоциональное у нас соответствующее. Давай, а? Распутаемся вот со сценариями и займемся. Не спеша. Понемногу. С аппетитом. Без нервов. По три-четыре неторопливые сочные странички в день. А? Вдохновись! Вспомним былое! Ведь есть же еще порох в пороховницах[1]. Чувствую, что есть. Ведь обрыдли же все эти малыши, парни, преисподни, сценарии… Если тебя деньги беспокоят – плюнем и загоним марки. На кой они мне хрен, если работа стоит. Я тебе точно скажу, чего мне не хватает: энтузиазма твоего былого, вот чего. Вдохновись. Начни придумывать, представлять, фантазировать. Хотя бы в автобусах или перед сном. И не заметишь, как увлечешься. Накопилось же в душе всякого, пора выплескивать. Сыграешь Глухова – разочарованного, апатичного, пьющего италиста, всего понюхавшего, на все наср…го, а? А я сыграю за Диму Малянова. Берусь. А?

Вот пока и все.

Твой [подпись]

Р. Т.[2] Да! Жена Канчика обратилась со слезной просьбой. У них тут скоро серебряная свадьба. Она ищет дорогому Канчику своему подарок – парочку иностранных покетбуков про ф-ку. Может, пришлешь мне? Она любые деньги заплатит. Пришли что-нибудь срочно. Не поленись. Кан хороший человечек, редкий. И кстати, он согласен покупать и по 5 р. Я ему сказал, что тебе Евдокимов предлагает 5, он страшно заволновался и сказал, чтобы ты не торопился, что он даст столько же, сколько дают другие-прочие. Но это потом, а сейчас, может, вышлешь парочку п-буков? Того же Азимова.

Р. Р. S. Леночке и Машке привет!

---

[1] Н. Гоголь, «Тарас Бульба», гл. 9.

[2] «Пост Текстум» – это наша выдумка. Нигде больше я такой аббревиатуры не встречал. А мы ею пользовались потому, что не было латиницы на клавиатуре. – *БНС*.

27 марта братья снова пишут друг другу письма в один и тот же день.

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Задержал ответ, потому что ждал событий. И дождался.

1. Вчера подписал в МолГв договор на «Неназначенные встречи». План утвержден, и мы там остались. На 75-й год. Процедура подписания стала в МолГв очень сложной: перед тем, как дать автору, подписывает курирующий зам. главного, нач. планового отдела, зав. бухгалтерией и еще две подписи, затем автор, а только затем все идет на окончательную подпись Ганичеву. Так что дело теперь за Ганичевым. Сергей уверен, что проскочит хорошо, хотя из предшествующих пяти подписантов двое выразили недовольство: договора на 75-й год начнут подписывать только с мая. Но у нас положение особенное. И еще: мы теперь подписываем бумажку о том, что доверяем ВААПу все права на переводы за рубежом. Так или иначе, лед тронулся[1].

2. Звонили из ВААПа. В Болгарии издано ДоУ. Нам прислали 1070 ряб. На руки получим что-то около 560 ряб. Ничего себе налоги, а? Не разбогатеешь. Но и по 280 на земле не валяются.

3. Получилось письмо от Фуками из Японии (мы ему писали, это наш переводчик «Малыша»). Изд-во Хаякава издает 20-томник современной фантастики, из русских выбрали «Час быка» Ефремова и наш «Обитаемый остров». Ефремова будет переводить Иида, нас – Фуками. Кроме того, Фуками хочет переводить УнС и СоТ, но жалуется, что нет оригиналов, должно быть, у него немецкие издания (кстати, он работает в импортном отделе японской международной книги). Я вот что хочу ему написать: пусть обращается с заявкой в ВААП и заключает договор, это первое. А второе – пусть попробует ПнО. Это мы ему смогли бы выслать. Или? Отпиши.

[1] И. Ильф, Е. Петров, «Двенадцать стульев».

4. Азимова для Кана ты, должно быть, получил. Отдай ему в подарок даром, ну их – эти 15 ряб, что с ними пачкаться. А куплю-продажу проведем на остальные книги.

5. Насчет ЗМЛдКС – согласен. Будем писать. Только вот насчет энтузиазма… Ладно. Будет и энтузиазм. Сделаем.

6. С Ковальчуком виделся. Сказал ему, что как только получу указание от Жемайтиса, отдам третью часть СБТ в перепечатку и начну вносить разнообразные исправления и дополнения. Но не раньше.

Пока все. Жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 27 марта 1974, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Хотя полной определенности в делах еще нет, я все-таки решил сообщить тебе имеющиеся новости.

1. ПиП в «Авроре». Говорил с Дмитревским. По его словам, все ОК. Островский прочитал, остался доволен, дал Дмитревскому на формальную рецензию и намерен печатать повесть в 8–9 нумерах. Я только что позвонил Островскому. Он был менее определенен, хотя и вполне благожелателен. По-видимому, у завпрозой есть замечания – во всяком случае Андрей попросил меня с ним связаться. Что я и сделаю, вероятно, завтра.

2. ПиП в Детгизе. Говорил с Анной Ивановной[1]. Она, противу ожиданий, вполне удовлетворена. Говорит, что начальство, правда, еще не читало, но думает, что все будет хорошо. Предложила зайти завтра, дабы «все обсудить и подписать соглашение».

3. Прочитал большую статью Чернышевой из Иркутска «Творчество А. и Б.» Хорошая статья. Замечательна тем, что не только разбираются наши идеи, но много внимания уделяется чисто художественным вопросам, проникновению в творческую лабораторию, как говорится. Послал ей благодарственное письмо. Только кто ее напечатает?

[1] Здесь и далее – Плюснина Анна Ивановна, заведующая редакцией ленинградского отделения «Детской литературы».

4. Наталья Потехина из Томска прислала свои иллюстрации к ОО. Есть очень неплохие. Особенно портреты Максима, Гая, Умника. Собственно иллюстрации – неважные.

5. Ирена прислала газеты (образцы): «Глос Працы», где печатается ПнО, и «Тыгодник Демократычны», где в каждом номере дают по страничке из М. Весьма остроумно придумано: за год сможешь собрать всю повесть, вырезав пронумерованные, аккуратные, в рамочке, страницы и получишь книжку. Останется только переплести.

6. Ахмедвалеев из Ставрополя прислал вырезку из газеты «Молодой ленинец», где у них там дискуссия о человеке будущего. Имеется хвалебная ссылка на ОО. И на ТББ.

7. Напоминаю тебе снова о Кане и о парочке книжек ему для серебряной свадьбы. Не поленись, пошли побыстрее. Не ценим мы старых друзей, а они ведь помирают. Вот Илья Иосифович[1] сейчас умирает от рака. А я так у него и не побывал, все откладывал на потом.

8. Что касается сценария ПиП, то я готов на любой вариант. Как напишешь, так и сделаем. Меня не это волнует. Меня волнует, что дальше делать будем. Как, все-таки, насчет зМЛдКС? У меня лично такой план на ближайшее время: а) Халтура – сценарий про пришельцев для Душанбе; б) Работа – зМЛдКС. Можно, конечно, и ГО, но зМЛдКС было бы, по-моему, своевременнее. Душа горит.

Это пока все. Целую [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Через два дня БН сообщает новости и Штерну.

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

Дорогой Боря!

Имею сообщить Вам, что заседание семинара, посвященного Вашему творчеству, состоялось. Все прошло

[1] Варшавский Илья Иосифович, писатель. Ниже – «Дед».

превосходно. Ребята приняли Вас на ура, чего я, честно говоря, даже не ожидал, ибо ребята злые и дотошные. Я прочитал «Дом» и «Чья планета». Сначала обсуждали и даже начали было вести протокол, но потом было решено, что кто захочет, напишет Вам сам. Я роздал Ваши рассказы по рукам, так что теперь ждите писем.

Вчера я был в Детгизе. Редактор Анна Ивановна Плюснина, сияя, сообщила мне, что Вы прислали ей исправленного «Фокусника» и что «получился очень милый рассказ». Акции поднимаются, Боря! Дело, по-видимому, на мази. Как Вы правильно пишете, перед Анной Ивановной Вам надлежит стоять «смирно». Перед Сергеем Георгиевичем Жемайтисом, между прочим, тоже. Он – завотделом н-ф в изд-ве «Молодая Гвардия», так что никому больше не говорите о нем в связи с черными дырами. Нажимайте лучше на пылающие бездны таланта и гуманизма в творчестве таких выдающихся литераторов, как. Впрочем, это тоже не поможет. Но зато и не повредит!

Фотографии у меня где-то есть, но неохота искать. Еще раз напомните, тогда поищу, а то летом ремонт был, и все смешалось в доме Стругацких.

Вот пока и все.

Желаю успехов, Ваш [подпись]

Письмо Бориса брату, 29 марта 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Итак, кажется, тронулась! (Тьфу-тьфу!) Появились какие-то проблески шансов (тьфу-тьфу-тьфу!). Можно сказать, что возникли определенные надежды. Ура. (Тьфу-тьфу, тьфу-тьфу.) И это прекрасно. У меня пока тоже все более или менее благополучно.

1. Был в Детгизе. Анна Ивановна сказала, что ПиП прочла еще не до конца, что ей очень нравится, как там показан «коммунизьм и интернационализьм», что, конечно, будут еще читать рецензент и главный, но она думает, что все

будет хорошо, и в знак своего благорасположения дала мне подписать абсолютно чистый, ничем не заполненный бланк типового договора. При этом она сказала, что постарается выписать сразу одобрение, каковое одобрение мы и получим в виде наличных 18 апреля – раньше уже не успеть. Попутно выяснилось, что ПХХIIВ+М уже в наборе и как только будут гранки, она попросит меня кое-что там убрать – какие-то «повторения», как она выразилась.

2. Потом пошел в «Аврору». Длинный флегматичный Горышин (наша ленинградская разновидность Жемайтиса) долго жал мне руку, силясь понять, зачем я к нему пришел (он – завпрозой, и меня к нему послал Островский – как я полагал, для обсуждения каких-то исправлений). Выяснилось, что все в порядке, ПиП будет печататься в конце года (когда именно, они, по-видимому, сами толком не знают: Дмитревский со слов Островского назвал номера 8–9, Лена Клепикова, редактор, – 9–11, а Горышин – тут же – 11–12), а что касается одобрения, то оно будет выписано в течение ближайшей недели. Что и тр., потому что помимо одобрения там останутся сущие гроши, пусть хоть и вовсе потом не печатают. Заодно я, вспомнив твою просьбу, зашел в художественный отдел и попросил там, чтобы ПиП дали на иллюстрацию Тюльпанову. Они обещали.

3. Не совсем я усек из твоего письма, могу я уже звонить в ленинградское отделение УОАП насчет денег за болгарский ДоУ или это теперь делается как-то иначе? Ты узнай и мне отпиши.

4. Насчет Фуками ты все правильно решил. Так ему и напиши, как только будет подписан договор с ВААП, мы немедленно вышлем ему машинописные копии УнС и СоТ. Что касается ПнО, то я, натурально, за, но если будешь ему посылать журналы, надо бы все-таки там восстановить по оригиналу хотя бы сцену с отцом Шухарта. Остальное покурочено – ладно, но эту сцену особенно жалко, да и пострадала она больше других. Между прочим, можешь ему еще порекомендовать ВНМ – у меня есть лишние экзы, могу послать.

Покетбуки для Канчика получил – огромное спасибо. А насчет того, что, мол, бесплатно – это мы еще посмотрим. В конце концов, это не ты ему даришь, а родная жена. В общем, там видно будет, но за твои интересы я уж постою.

6. Пора нам уже, наверное, думать о встрече. Тут ко мне пристал Брандис, чтобы я сделал ему доклад на тему: «Научно-технический прогресс и литература». Я страшно перепугался и торопливо наврал ему, что в начале апреля уезжаю с тобой в Душанбе добивать сценарий. Это ты имей в виду на всякий случай. А что касается ПиП-С, то жду тебя в Л-де или готов приехать к вам – как тебе будет удобнее.

Вот и все. Целую, твой [подпись]

P. S. А как насчет экзов болгарского ДоУ?

P. P. S. Леночке и Машке приветы и поцелуи.

Письмо Аркадия брату, 13 апреля 1974, М. – Л.

Дорогой Борик!

Все ждал, что-нибудь прояснится. И ничего. Ни-че-го.

1. Из МолГв – ничего, ни звука, ни гласа, ни воздыхания. Сам пока звонить им не хочу. А дело было так. Третьего апреля я зашел туда, и тут выяснилось, что на поданном ему [директору МГ Ганичеву. – *Сост.*] для подписи договоре с нами он начертать соизволил: «Почему по 300 рублей?» и вернул. Ну, Бела с Жемайтисом тут же написали ему объяснение: почему со Стругацкими договор заключается на 300 р. за лист. И с тех пор все замолкло. <…>

2. Отпечатан и сдан в Сценарную студию последний вариант «Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю». Будем ждать худсовета. Юра Борецкий читал рукопись нижним чинам из Комитета по кино, они считают, что этот сценарий должен пройти Комитет без задоринки.

3. Центральное телевидение приняло душанбинский сценарий, утвердило режиссера и оператора. Но там требуются некоторые доделки. Некоторые совершенно бессмысленные. К счастью, сейчас режиссер в Югославии, так что пока

я этим делом не занимаюсь. Но заниматься придется. Намерен сперва слупить с них деньги – до 100 % – я пока получил только пятьдесят. Это мне поможет.

4. Полагаю, деньги из Болгарии ты уже получил. Оплачивает непосредственно ВААП, где бы ни жил автор.

5. Была верстка сказки для Мира Приключений. Правки немного. Но все же это еще долгая история, по-видимому.

6. О самом главном. Когда нам встретиться для работы с зМЛдКС. К сожалению, положение пока очень неопределенное. Здесь возможны два варианта: либо я еду в Душанбе в ближайшие дни, проворачиваю там свою долю работы за две-три недели и возвращаюсь к началу мая, и тогда ты немедленно приезжаешь ко мне (предварительно я бы заехал к маме дня на два-три, как в прошлый раз); либо в ближайшие дни я вызываю тебя сюда, мы работаем дней десять, как обычно, и тогда я еду в Душанбе и возвращаюсь во второй половине мая, и тогда ты снова приезжаешь ко мне. В случае если ты готов к любому из этих вариантов, я тебе даю знать телеграммой обо всем, как только дело прояснится. И пора бы уже – больно охота поработать всерьез.

В основном дела вот такие. Ты не мешкай, как я. Немедленно отписывай мне, что там у тебя. В тот же день, что получишь письмо. Я немного отдохнул от всей этой сценарной нервотрепки и по тебе соскучился.

Обнимаю, жму и целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Письмо Бориса брату, 16 апреля 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Во-первых, у нас тут стряслась беда: мама на улице оступилась, упала и сломала руку. Ну, ей вправили, наложили гипс, и сейчас вроде бы все ничего, хотя болит. Сегодня мы ходили с ней в больницу на контроль, врач посмотрел, сказал, что все протекает нормально и назначил в пятницу на рентген. В общем, мама на месяц выбывает из строя.

Рука – правая, так что энное время она писать тебе не сможет, а ты ей всё равно пиши. Она тут наняла тетку, которая ей покупает продукты, готовит еду и пр., но я все равно не хотел бы сейчас уезжать, а быть тут на подхвате – мало ли что. Так что придется нам принять второй из предложенных тобою вариантов: поезжай пока в Душанбе и все такое, а во второй половине мая – при прочих равных – встретимся и поработаем.

Обязательно свяжись с Веркой Мирер – пусть она постарается достать мумиё, а ты перешли его сюда посылкой. Мне многие говорили, что мумиё особенно хорошо при заживлении переломов, ран и пр. Брандисиха в прошлом году сломала тоже руку и лечилась мумиё – говорит, что действует великолепно: всё срослось быстро и хорошо. Я тут, конечно, тоже буду шуровать, но пока мне мумиё достать не удалось.

Теперь дела прочие.

1. Звонили из «Авроры», взяли адреса сберкнижек, обещали деньги в течение десяти дней. В Детгиз я звонил сам. Там, вроде бы, всё ОК, но имеет место, сам понимаешь, перерасход, и деньги (за сборник, где ПиП) будут давать только в начале мая.

3[1]. Пришло письмо из ФОЛЬК УНД ВЕЛЬТ (ГДР) от нашей редакторши Ханнелоре Менке. Пишет, что ТББ уже отредактирован, просит ссылку на эпиграф из Хэма и наши фото для отдела рекламы. Я ей всё это уже послал, пишет также, что ПнО пробить ей в своем изд-ве не удалось, и она передала ее в ДАС НОЕС БЕРЛИН. Сейчас она подготавливает для рецензентов ПкБ и ВНМ.

4. Получил дополнительные деньги за ДР на испанском из МИРа. Около 40 р. Гм. Стоило огород городить.

5. А вот из ВААПа я не получил ничего. Ты, пожалуйста, узнай там, куда мне следует обратиться и вообще. Может, они не знают моего адреса? Заодно спроси там насчет гонораров из ФРГ и экзов из Болгарии. Если из ФРГ ничего нет, я все-таки туда напишу. Хамы. Обещали очередной перевод

[1] Второй пункт отсутствует.

весной ПРОШЛОГО года. Хотя нет, вру. Весной ЭТОГО. Но все равно. Последние деньги от них были в марте 73-го. Это надо прекратить.

6. Насчет поработать всерьез – не говори, брат, до чего хочется. Осточертело все до последней степени. Я просто физически ощущаю, как тает моя квалификация с этими бесконечными платными и бесплатными рецензиями, с трепотней на семинаре молодых, вообще с трепотней, с нощными тоскливыми воображениями, как можно было бы отделать зМЛ. Ну, ладно.

7. Слухов кругом – до хрена. И все – дурные.

В общем, целую и жду еще письмо до твоего отъезда.

Твой [подпись]

P. S. Ленусе и Машке привет. Спасибо за поздравления. Грустный был у меня в этом году день рождения.

P. P. S. Не забудь про МУМИЁ.

P. P. P. S. Андрюшка очень просит тебя спрашивать у всех знакомых иностранные монеты для коллекции. Ты, кажется, говорил что-то про Мариана Ткачёва?

Письмо Аркадия брату, 24 апреля 1974[1], Душанбе – Л.

Дорогой Борик!

Как ты, вероятно, уже знаешь, я сижу в Душанбе. Помогаю готовить режиссерский сценарий, а большею частию[2] жду свои оставшиеся 50 %.

Жара здесь отчаянная, как в Москве в июле, солнце, марево, зелень уже жухнет. Одно хорошо – мух нет. И комаров.

Ну-с, новости.

1. Худсовет по БКВвП на Сценарной студии будет 13-го мая. Видимо, к этому времени я уже буду дома.

2. Жду тебя к нам в середине мая. Возможно, сначала заеду к вам на денька два, и приедем в Москву вместе.

3. Дал я здесь почитать ПиП ребятам из «Комсомольца Таджикистана». Одобрили, просят разрешения попробовать

[1] Датировка составителей.

[2] Реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя.

напечатать. Я разрешил – для «Авроры» эта газетка не конкурент, а сотни по полторы на нос нам не помешают.

Пока, кажется, всё.

Если есть о чем писать или телеграфировать – адрес:

734000 Душанбе Главпочтамт

до востребования мне.

Поцелуй маму. Привет Адке и Андрею.

Чувствую себя прекрасно. Этот крайний юг действует на меня удивительно. М. б., дело в том, что нет здесь нашей нервотрепки?

Целую, жму. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 17 мая 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

С приездом. Надеюсь – со щитом.

Маме вчера сняли гипс. Рука ничего, зажила, хотя все не так хорошо, как могло бы быть: имеет место некоторое смещение кости, так что процесс окончательного заживления затягивается, нужны разные дополнительные процедуры, парафиновые ванны и пр. Но все-таки стало значительно легче – по крайней мере не тянет как прежде пудовый гипс.

Теперь прочие новости.

1. Неприятная. Костлявая рука Москвы в лице этой вашей Пешеходовой, или Переходовой или как ее там, в общем и. о. Пискунова – дотянулась-таки до нашего провинциального Детгиза. По слухам был звонок, и было сказано всего лишь: «У вас там, кажется, Стругацкие идут? Так вы будьте повнимательнее…» И все. И все обоср…лись. Все это, собственно, слухи. Лично я ни с кем там не беседовал (сначала были праздники, потом главный ред поехала в Финляндию, потом она же отправилась в командировку, а сегодня вот ей звоню – нет на месте и не будет). Так что официально я знаю только, что возникли некоторые трудности. Как они разрешатся – пока неизвестно. Редактор сборника, по словам Брандиса, категорически за нас, да и главный, собственно, за нас, но…

2. В «Авроре» пока все, вроде бы, благополучно. Во всяком случае, 35 очередных процентов они выплатили – 255 руб. Кстати, деньги из Болгарии я тоже получил (ок. 280), только так и не понял, за что.

3. За последний месяц пять раз звонили из ВААПа. Не можете ли вы прислать нам список ваших произведений, опубликованных за рубежом, а то мы организация новая и у нас ничего нет? (Выслал.) Не возражаете ли вы против заключения договора со шведским издательством «Трам-тарарам» на УнС и СоТ? (Не возражаем.) Не возражаете ли вы против издания ТББ шведским же издательством БЕРГНЕС ФЕРЛАГ? (Не возражаем.) Венгерское изд-во «Тирьям-пам-пам» публикует антологию современной ф-ки и хочет включить туда отрывок из ПнО, опубликованный в 25-м томе; ваше мнение? (А почему не повесть целиком?) Да, мы тоже так подумали, но потом выяснилось, что у них это вроде рекламного издания; если понравится отрывок, какое-нибудь изд-во потом возьмется и за целую повесть… (Ну, хорошо, не возражаем.) Кстати, я у них спрашивал о теперешнем порядке выплаты. Вроде бы, все осталось по-прежнему: с демократов получаем рублями, с капстран – сертификатами, – только налог теперь будет 70 процентов.

4. Приезжали сюда Борецкий со Шлепяновым. Насколько я понял, дело с ПиП-С на мази, сценарная студия сценарий, можно сказать, одобрила, но теперь они должны найти студию-покупателя, и пока не найдут, ни кроватей нам с тобой не будет, ни умывальников[1]. В Москве, по-видимому, никого они не нашли, приехали на Ленфильм. Борецкий припер в качестве рекомендации свой фильм про диких лебедей[2], устроил просмотр для начальства и пригласил и меня. Мне фильм, в общем, понравился (то есть видно, что сценарий полное г…, а режиссер не лишен таланта – во всяком случае сделал несколько неплохих сцен), но студия приняла беднягу Борецкого в багинеты – не наш уровень, зачем вы взялись за

[1] Реминисценция из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (ч. 2, гл. 19).
[2] К/ф 1972 г. «Сюда прилетают лебеди».

такой плохой сценарий и т. д. – и он, матерясь, уехал восвояси, заняв у меня 5 рублей на обратный путь. Теперь он будет пытаться соблазнить какую-нибудь периферийную студию на дальнем юге. Шлепянов же сказал мне (по телефону), что Ленфильм против нас лично ничего не имеет (а то мелькнула у меня такая мыслишка, что дело здесь не в уровне Борецкого, а в нас), что они только не хотят Борецкого, а сценарий готовы предложить таким-то и таким-то своим режиссерам (имен я не знаю, кроме Лешки). Да, сказал я, но Аркадий хочет Борецкого. Конечно, конечно, сказал Шлепянов. У Борецкого остается право первой руки, пусть ищет студию, но ведь и мы ждать не можем, мы организация хозрасчетная, дней 10–12 мы подождем, но потом, сами понимаете… В общем, А. Н., придется там тебе разбираться в этом деликатном вопросе. На всякий случай, мое мнение: я все эти тонкости в гробу видал; поскольку речь идет об ЭТОМ сценарии, меня интересует одно – сумма прописью, причем побольше и побыстрее.

5. Лешка со Светкой[1] познакомили меня с Вадимом Соколовым – это большой чин из объединения «Экран». Им там сейчас позарез понадобилась ф-ка. Он писал рецензию на «Мир приключений» и там ему очень понравился некий Ярославцев, явно самый талантливый автор в этом сборнике. Он связался с Ниной, она ему объяснила ситуацию и он положил на нас глаз. Здесь я дал ему наш сценарий ДоУ, поговорил по душам, с чем он и убыл в Москву. Не знаю, может, что и выгорит.

6. Была здесь и Нина. Потрепались мы с ней. Она настроена оптимистично, но по-прежнему считает, что тебе надо пойти к Ильину, и тогда все сразу уладится.

7. Теперь по поводу моего приезда к 20-му. Ты знаешь, на два-три дня я приехать могу и с удовольствием, но чтобы по-настоящему, для работы – нет. У Андрюшки надвигаются первые в жизни экзамены, по какому поводу и имеет место

[1] Здесь и далее – Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна, сценарист, режиссер, супруга Германа.

определенная паника: надо его подтягивать по геометрии и пр. Так что до 10 июня мне лучше побыть дома. А числа 15-го приезжают по нашему приглашению Ирена с Витольдом, будут до конца июня. Сам понимаешь… Так что работать нам с тобой придется, по-видимому, в июле. А встретиться на несколько дней для трепа и обмена мнениями – это пожалуйста… В любое время.

8. В Польше вышел томик – ТББ+ВНМ. Тебе прислали? Мне – да.

Вот пока и все.

Крепко целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

Письмо Аркадия брату, 23 мая 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Письмо твое получил еще во вторник, но назревали некоторые новости, поэтому задержался с ответом.

1. Борецкий, отчаявшись, дал нам карт-бланш. Впрочем, как выяснилось, Студия обошлась бы и без этого. Соловьев сказал мне: как ваши друзья мы сделали все, что могли. Теперь мы должны выступать как хозрасчетная организация. Ну и поступили – отдали сценарий на студию Горького, там уже соперничество трех режиссеров из-за него. Но вот когда будет обсуждение и окончательный расчет – нам не говорят. Дело-то в том, что Студия заламывает за сценарий чудовищную цену: 13 тыс. руб. Если бы Горьковские имели дело непосредственно с нами, они уплатили бы нормально – 6 тыс. руб. Из-за того, как я понимаю, и идет спор и задержка. Но мне приказано сидеть в Москве и быть на стреме.

2. Бела так и не смогла заставить Ганичева подписать договор, хотя говорила с ним и он был полностью за. <…> каждый раз выворачивался: то потерял договор, то он занят, зайдите завтра, то умотался в командировку. Ну, ладно. Бела решила сдавать рукопись в производство без договора. Вчера мы начали с нею работать над окончательной доделкой.

Дело в том, что <…> Инна Фёдоровна – ухитрилась дать рукопись еще на одну рецензию. Такой чуши я еще не видывал, хотя рецензия вполне положительная. Рецензент – армянин, все его замечания – стилистические, представляешь? Вах! Ну, посмотрим.

3. С Маниным я расплатился, он был очень обрадован, видимо, деньги ему действительно очень нужны. Кажется, он собирается жениться и покупать еще одну квартиру. Так что все пришлось ко двору.

Вот, собственно, и все мои дела на сегодня.

Держись там с Андрюхой, бодри его, вгоняй ума через все ворота. Привет Адке.

Обнимаю, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 28 мая 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил вчера, а сегодня ходил в наш Детгиз разговаривать по поводу ПиП. Присутствовали: главред и ред. Беседа продолжалась 45 мин. Суть: московский Детгиз в лице Пешеходовой оказывает давление на ленинградский под девизом «Детям – детские книги». Это давление распространяется не только на нас, но и на нас в частности предложено обратить внимание. (Наше положение еще не самое худшее: кое-кого просто объявили сугубо взрослым писателем и от Детгиза отлучили вовсе! К нам это пока не относится.) В данной ситуации наш главред полагал бы пока залезть в щель, не дразнить гусей и т. д., но учитывая все, что я ему сказал по этому поводу, признал, что определенный шанс пробить ПиП все-таки есть, дело не вовсе безнадежное. Для этого надо:

1. Произвести чистку ПиП за счет лексики, натурализма и (возможно) на предмет прояснения главной идеи. К третьему июня они снова внимательно перечитают рукопись, отметят то, что надо исправить, и тогда станет окончательно ясно, можно ли горбатого выпрямить или нет. Если

можно – я исправляю, и все пойдет чередом; если нет – на нет суда нет.

2. В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ЖЕЛАТЕЛЬНО, чтобы ты взял под мышку сборник «Талисман» с соответствующей надписью и пошел к Пешеходовой. Содержание беседы: вот у нас в Лендетгизе идет сейчас новая повесть, так от нас потребовали существенных переделок, мы конечно готовы, но нам там намекнули, что здесь, в Москве, нас считают не слишком детскими писателями, а мы ведь всей душой, вот, пожалуйста, познакомьтесь с нашей последней ДЕТСКОЙ повестью «Малыш», а наша новая повесть не менее детская и т. д. Идея: выйти на личный контакт с Пешеходовой и очаровать. Уже были пренцен-денты, и все кончалось хорошо. Главред считает, что таким ходом можно здорово и надолго улучшить ситуацию. Они там все очень за нас и очень хотят помочь, но сам понимаешь…

Выйдя из Детгиза, наскочил я на Дмитревского. Поговорили. Выяснилось:

1. ПиП в «Авроре» намечен на 10–11 нумера.

2. Надлежит нам пойти к начальству и выяснить наконец, и т. д. Для начала Дмитревский обещал написать рекомендательное письмо к Тамаре Куценко (или Стеценко) – завсектором детской литературы в Комитете по печати РСФСР. Это его старая знакомая и знакомая Нины Косаревой. Письмо он вручит мне 30-го, а 31-го я его тебе перешлю. Может быть, сходишь? Это, все-таки, не к Ильину идти: риска никакого, а может получиться облегчение. Вообще, получивши это письмо, посоветуйся с Ниной Матвеевной и, если она одобрит, надуйся и сходи и к Пешеходовой и к Куценко. Ей-богу, это может помочь.

В остальном у нас все более или менее благополучно. Мама ходит на процедуры, гипс ей, видимо, в конце месяца снимут окончательно. Настроение у нее стало было улучшаться, но тут скоропостижно умерла тетя Лида[1] – маму это, конечно, потрясло, но сейчас она вновь уже вошла в норму.

[1] Лидия Семеновна Капралова – давняя и ближайшая подруга нашей мамы. Инженер. Очень славный человек. – *БНС*.

У нас тут пребывает в Ленинграде сейчас лично тов. Мирер. Был у нас дважды, а один раз, стервец, даже напросился ночевать. Сегодня зайдет прощаться. Ладно. Он человек милый, ему многое можно простить.

Наша переводчица из ГДР пишет, что с ТББ все в порядке, на 76-й год намечен сборник сов. ф-ки, так там будет ПкБ, а сейчас она сражается за ВНМ.

Было бы неплохо, если бы в середине июня ты приехал в Л-д. Программа: обсуждение ситуации; подготовка к зМЛдКС; общение с братьями-поляками, которые, конечно, будут очень рады тебя видеть. А работать засядем, я полагаю, в июле, в первой же неделе. Постарайся к этому времени освободиться от всех прочих дел. Работать можно будет и у нас (Андрюха – в Киеве) и у тебя – как тебе удобнее.

Вот пока и все. Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке привет.

Письмо Бориса брату, 31 мая 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Посылаю тебе рекомендательное письмо Дмитревского к Куценко. Напоминаю, что Куценко – завсектором детской лит-ры в Комитете по печати РСФСР. Если бы ты нашел в себе силы пойти – было бы прекрасно. Как я понимаю, достаточно вручить ей это письмо, а потом пожаловаться на наши мытарства в Детгизе (ПиП и переиздание трилогии) и попросить защиты и покровительства. Я уверен, что хуже от этого не будет, а лучше – вполне может быть.

Вот пока и все. Целую, твой [подпись]

К письму приложен конверт с надписью: «Тамаре Алексеевне Куценко от Вл. Дмитревского» и само письмо.

Дорогая Тамара!

Пользуясь старой дружбой с Вами, очень прошу принять и поговорить «по душам» с подателем сего письма Аркадием Натановичем Стругацким.

Вы, вероятно, знаете, что я почти 15 лет занимаюсь пропагандой научно-фантастической литературы.

Братья Стругацкие, пожалуй, самые известные фантасты и не только у нас, но и во всем мире. Однако не всё у них складывается так, как хотелось бы…

Мы – я имею в виду Нину Косареву и себя – широко открыли перед ними двери журнала «Аврора», напечатав уже 2 повести («Малыш» и «Пикник на обочине»). Новая их повесть «За миллиард лет до конца света» будет опубликована в №№ 10 и 11 «Авроры» за этот год.

Но кроме «Авроры» есть и другие редакции и издательства. Вот по этому-то вопросу и хочет посоветоваться с Вами Аркадий Натанович.

С самым дружеским приветом Ваш

[подпись В. Дмитревского]

Письмо Аркадия брату, 5 июня 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Выяснял возможность и желательность походов к Куценке и Пешеходовой. Нина считает, что к Куценке идти прямо сейчас – смысла нет: жаловаться на Детгиз на основании слухов – дело пустое. А вот зайти к Пешеходовой – другое дело. Кажется, пойду туда сегодня. Честно говоря, не вижу я большого толка от всего этого, если у тебя не уладится с ПиПом в Ленинграде. А впрочем, черт его знает. Схожу.

1. В МолГв – никакого движения. Во всяком случае, Бела мне ничего не говорит. По ее словам, она даже еще не бралась за работу, а судя по ее тону – ей все это до смерти надоело. А я не дремал. Через своего знакомого настропалил одного работника Большого ЦК позвонить к Ганичеву и выяснить, что там происходит с книгой Стругацких. Ганичев весьма вежливо сообщил, что они не отказываются от Стругацких, но у них плохо с бумагой, а в портфеле издательства годами дожидаются своей очереди рукописи

авторов, гораздо более талантливых и нужных нашей молодежи, нежели Стругацкие. В заключение разговора он порекомендовал обратиться к курирующему замглавного (полагаю, речь шла об Авраменко). Тот так и сделал. Здесь реакция была совсем другая. Эта <…> рассвирепела, заплевалась, принялась орать, что Стругацкие уже лезут в ЦК со своими делишками, что не могут потерпеть немного, что у них в портфеле двести рукописей авторов, более молодых и т. д. Все. Передав мне этот разговор, мой знакомый порекомендовал мне обратиться все-таки прямо к Беляеву. А мне не хочется.

2. В Сценарной студии пока ничего нового. Студия Горького выделила режиссеров, которые знакомятся со сценарием в рассуждении решить, кто будет (и будет ли) делать фильм.

3. В Ленинград я приеду, конечно. Только не в самой середине, а ближе к двадцатому. Обсудим, поговорим, встретимся с поляками.

4. Есть у меня к тебе просьба. Если еще не поздно, напиши в Польшу, попроси Ирену об одолжении. Есть у них там журнал – то ли «Литературная жизнь», то ли «Литературные новости». Так вот, в одном из номеров за вторую половину прошлого года печаталась подборка советских поэтов, среди них стихи некоего Леонида Пащенко. Пусть она найдет экземплярчик и привезет с собой, а? Очень было бы полезно.

Кажется, все. Целую, привет Адке, твой Арк.

Обоими Авторами постоянно велась обширная переписка с любителями фантастики. В этой работе наряду с другими материалами использованы письма БНа омским любителям, которые позже сочли возможным разместить письма БНа в Интернете. Пользуясь случаем, поблагодарим их и напомним, о чем говорилось в предисловии. Работа над подробнейшей документированной биографией АБС продолжится и после издания этой книги, поэтому любые материалы, так или иначе дополняющие это исследование, будут приветствоваться «люденами».

5 июня БН пишет в Омск.

Из архива. Письмо БНа О. Лизгунову

Уважаемый Олег!

Письмо, которое Вы отправили брату, я не читал. Скорее всего, он тоже не читал. Как правило, он сразу отвечает на письма, если они доходят.

О Ваших вопросах.

1. Практически, у Вас есть все, кроме разве [что] сборника «Шесть спичек» и «Сказки о тройке».

2. Повесть «Гадкие лебеди» существует, но опубликована не будет (по крайней мере, в обозримом будущем).

3. «Сказка о тройке», как и «Улитка на склоне», издаваться отдельной книгой не будет. Выслать Вам «Сказку…» я, к сожалению, по некоторым причинам не могу.

4. Перспективы на издание прочих вещей весьма туманные. На подходе повесть «Парень из преисподней» в 10–11 номерах «Авроры». Боюсь, Вас она разочарует.

5. Статью в «Русской речи» читал. То ли еще пишут!

С уважением [подпись]

Письмо Бориса брату, 6 июня 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Не дождавшись от тебя ничего, пишу, ибо надо кое-что обсудить.

1. Н-ну-с, в Лендетгиз я в понедельник пошел, однако главред сказала, что она еще не готова, и попросила подождать до четверга. Сегодня четверг, звоню… В общем, она честно призналась, что все эти дни пытается связаться с Москвой и что-то выяснить и понять. Не хочет она давать нам установку на такие-то и такие-то переделки, ничего точно при этом не обещая. Хочет она понять: стоит огород городить или при любых переделках московский Детгиз нас не пропустит. Что ж, это, в общем, правильно, ничего не возразишь. Очень жадно она расспрашивала, нет ли вестей от тебя, ходил ли ты по начальству и пр. Она большие

надежды возлагает на твой поход, ибо с большой вероятностью допускает, что все это кампания неконкретная, перестраховка на всякий случай со стороны московского начальства. И если Пешеходова прочтет «Малыш», то сразу переменится.

2. Опять мне звонили из ВААПа. Изд-во БЕНТАМ БУКС (США) прислало ТЕЛЕГРАММУ с просьбой продать права на издание УнС в США. Поэтому паника: скорее телеграфируйте согласие, нет-нет, именно телеграфируйте, чтобы поскорее, изд-во солидное, серьезное, вроде ПИНГВИНа, так что надо вам соглашаться… Послал я им телеграмму, что мы не возражаем. Через день снова звонок: как быть с предисловием к УнС? Те предисловия, что есть, не очень подходят… не напишете ли вы новое, специально для американского читателя? Я сказал, что подумаем. Стал думать. Ничего стоящего не придумал. Имею предложение: может быть, попросить написать это предисловие кого-нибудь из литературоведов? Громова твоего? Или – даже лучше – Кагарлицкого? Или как? Подумай и пришли соображения.

3. Получил официальное письмо из правления СП РСФСР, что меня назначили в совет по ф-ке, приключениям и путешествиям. Первое заседание 11-го. Просят прислать соображения. Ничего я не буду им присылать. Тебя, надеюсь, тоже назначили (от наших всякого можно ожидать, но чтобы ленинградца назначили, а москвича нет, это было бы уж совсем…). Так вот, пойдешь на первое заседание – послушай и сообщи мне, что там за атмосфера. Будет приличная атмосфера – будут с моей стороны предложения и соображения. Хотя, с другой стороны, откуда там быть приличной атмосфере?

4. Ирена с Витольдом приедут 22-го июня. Говорил я с ними по телефону. Сообщили, что уже есть корректура ПнО – к осени можно ждать. Неплохо бы было.

Вот и все дела. Мамочка наша ничего себе. Ходит на процедуры, делает руке ванночки. Обещают гипс снять в течение ближайшей недели. Андрюха пока сдает хорошо –

математику спихнул на четыре и пять, теперь самое страшное: сочинение и русский устный. Бр-р-р…

Крепко целую, твой [подпись]

P. S. Девочкам твоим привет.

Письмо Бориса брату, 9 июня 1974, Л. – М.

Дорогой Арк!

Получил, наконец, твое письмо.

1. Ты уж напрягись как-нибудь и сходи все-таки к Пешеходовой. ТАЛИСМАН ей, то се, очаруй – глядишь, и дело сдвинется. Обидно же: писали повесть специально для печати, а она не идет. Наш главред ведь тоже по-своему права: не хочет она заставлять нас что-то переделывать и дорабатывать, если сама не уверена, поможет ли это. А на нее, как я понял, давят очень энергично и недвусмысленно. И на твой поход к Пешеходовой она очень рассчитывает.

2. Вышел на меня кинорежиссер Татарский. Он договорился в Ленфильме, что там подпишут с нами договор на телефильм в духе новогодней сказки. Я предложил ему ПНвС. Он в восторге ухватился. 12-го я с ним встречаюсь для подробного разговора, а ты тем временем перешли мне, пожалуйста, ПНвС-С и заявку на фильм «Выбор пал на Рыбкина» (помнишь, мы для кого-то писали?). Тут дело довольно ясное – я советовался с Лешкой, и он сказал, что если нам удастся накропать достаточно забавную и проходимую заявку, договор с нами заключат и 25 проц. дадут. Было бы неплохо.

3. Насчет польской газеты писать сейчас Ирене уже поздно – письма идут туда около двух недель. Но это не страшно: когда она приедет, я ее попрошу и, полагаю, к середине июля газета будет здесь.

4. Очень хорошо, что ты приедешь числа 20-го. Мама, надеюсь, к тому времени оклемается, и все будет хорошо. Подумаем, как быть дальше. Что-то уж очень унылые открываются вокруг горизонты.

Вот пока и все. Целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Письмо Аркадия брату, 10 июня 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. К Пешеходовой так и не ходил. Тем более что Нина полагает, что толку от этого будет мало. Пешеходова только изумится и скажет, что ничего подобного в Ленинграде никому не говорила. Все здесь дело в одноглазой <…> Камиру, который отказывается иметь с нами дело, а насчет детскости наших писаний – это дымовая завеса.

2. Насчет предисловия. Имею контрпредложение: вообще без всяких предисловий. Пошли их в задницу. А вот предупредить их, что УнС состоит из двух частей – надо, а то получится как в Литве. Напиши или позвони им.

3. Насчет СП РСФСР. Я в этом совете не состою и состоять не могу, я же не в РСФСР, а в Московской организации.

4. В МолГв никакого движения. Жемайтиса ушли с работы. На его место назначают болвана Медведева – помнишь, он состряпал в «Технику – молодежи» идиотское интервью с нами[1]. И присылают нового главного – из высшей школы ЦК ВЛКСМ с кафедры «Комсомольский прожектор». Теперь, ребятушки, вина нам будет вволю[2].

Целую, твой [подпись]

Привет Адке.

Записка Аркадия брату, 13 июня 1974, М. – Л.

Дорогой Борик!

Посылаю согласно приказу ПНВС (с).

Заявку на «Выбор пал…» не нашел. Хрен его знает, где она.

Обнимаю, твой Арк.

---

[1] АБС. Дороги научного прорицания: Размышления с диалогами, с роботами, с ацтеками, с машиной времени, с путешествием в ту и другую сторону от настоящего / Беседу записал Ю. Медведев // Техника – молодежи. (М.). – 1967. – № 7.

[2] М. Салтыков-Щедрин, «История одного города», глава «Сказание о шести градоначальницах»: «Не успели глуповцы опомниться от вчерашних событий, как Палеологова, воспользовавшись тем, что помощник градоначальника с своими приспешниками засел в клубе в бостон, извлекла из ножон шпагу покойного винного пристава и, напоив, для храбрости, троих солдат из местной инвалидной команды, вторглась в казначейство. Оттоль, взяв в плен казначея и бухгалтера, а казну бессовестно обокрав, возвратилась в дом свой. Причем бросала в народ медными деньгами, а пьяные ее подручники восклицали: “Вот наша матушка! теперь нам, братцы, вина будет вволю!”»

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

В конце Малянову приходит в голову странное: именно-то Вечеровский, собравший у них все материалы, самый герой из них и орел – он-то и есть последний решительный агент, закончивший операцию. Именно это и толкает Малянова сказать: «Не знаю, отдам ли я тебе…» вместо «нà».

Сказали мне, что эта дорога
Меня приведет к океану смерти,
И я с полпути повернула вспять (повернул обратно).
С тех пор все тянутся передо мной
Кривые, глухие, окольные тропы…
(Ёсано Акико), Яп<онская> поэз<ия>, стр. 227

– Когда ты на ней в посл<едний> раз ездил? (О машине – не сломается ли.)
– Вчера вечером.
– И как она?
– Бегала очень хорошо.
– Очень хорошо…
– Но была бледная!

– А хто вмэр, тот в яме, а хто жив, тот з нами.

24 июня 1974

А. приехал. Пишем заявку на телесценарий.

Повесть о дружбе и недружбе.

1. Мать и отец уходят в гости, елка во дворе, снегопад. Саша остается с дедом. Шахматы. Дед засыпает. Ожидание Витьки.

2. Саша смотрит альбом с марками, транзистор и фонарик, подарки родителей к Новому году. Появление записки.

3. Коридор, конторщик (разъясняет опасность для Витьки: до Нов<ого> Года).

. . . . . .

n. Подвал с марками. Соблазн. Сторож с берданкой. Гибель приемника.

n+1. Сцена допроса Витьки. Саша на помощь. «Сашка, где ты? Слышишь ли ты?»

n+2. Пробуждение. Приход Витьки – утро, солнце. Разбитый приемник.

25.06.74

Б. был <в> ГБ[1].

26.06.74

Саше надо преодолеть:

1. Страх. (Физич<ескую> опасность.) (Челюсти.)

2. Собств<енную> неумелость. (Хоккей.)

3. Интеллект<уальную> задачу. (Электронный сфинкс – может ли создать задачу, которую сама не сможет решить.)

4. Соблазн. (Марки.)

5. Финальная сцена.

Заявка

Предлагаем Вашему вниманию заявку на полнометражный телефильм-сказку для юношества «Повесть о дружбе и недружбе».

Дело происходит в канун Нов<ого> года. Школьник Саша заболел и оставлен в постели, дома, с дедом. Папа и мама уходят в гости. Но Саша не унывает: к нему на елку обещал прийти его закадычный друг Витька. В ожидании друга Саша играет с дедом в шахматы. Потом дед засыпает в кресле, а Саша, все поглядывая на часы, крутит свой любимый транзистор, разглядывает альбом с марками, щелкает фонариком, подаренным на Новый год. А Витьки все нет, Саша начинает беспокоиться. Вдруг из-под кровати высовывается черная рука, кладет на одеяло записку и исчезает. В записке вопль о помощи: «Сашка, погибаю. Выручи! Виктор» и приписка на машинке: «Кухня. Юго-зап. угол. За холодильником». Саша хватает приемник, фонарик, компас и на цыпочках, чтобы не разбудить деда, устремляется на кухню. Там за

[1] Вызов в КГБ по делу М. Хейфеца. Подробности – см. ниже.

холодильником он обнаруживает дверцу в стене, проползает туда на четвереньках и оказывается в длинном коридоре, о сущ<ествовании> которого никогда раньше не подозревал. И начинается спасательная экспедиция, полная опасности и приключений. Очень скоро Саша выясняет, что Витька захвачен в плен злыми волшебниками, которые тщатся выпытать из него некие зловещие тайны. Витина жизнь в опасности, Саша должен поспеть к нему на помощь до наступления Нового года. Надо спешить, а на пути – препятствие за препятствием. Первый коридор упирается в две двери: на одной написано: «Для смелых», на второй – «для не очень». Самокритичный Саша устремляется было во вторую дверь, но оказывается, что она ведет в его комнату, где мирно похрапывает за шахматной доской его дед. Тогда Саша кидается в дверь для смелых…

Он преодолел на мотоцикле коридор, где страшные железные зубья выскакивали с лязгом из стен, стремясь раскрошить все живое.

Ему приходится прорваться с хоккейной шайбой сквозь строй чудовищных хоккеистов, закованных в средневековые латы.

Путь ему преграждал электронный сфинкс – «Всемогущий Думатель, Решатель и Отгадыватель», который Сашу зачаровывает, ставит ему задачу, не имеющую решения.

По тоненькой шатающейся дощечке ему приходится пройти над черной бездонной пропастью. Он пробирается сквозь густой светящийся туман, за которым ему угрожают пугающие непонятные тени. И т. д. и т. д. и т. д.

Саша обыкновенный школьник, ему страшно, не раз он останавливается в нерешительности перед очередным препятствием, но каждый раз в минуты колебаний его друг-транзистор начинает наигрывать гордую и тревожную мелодию песенки «Веселый барабанщик» и с этой песенкой Саша преодолевает все препятствия.

Силы зла отчаялись запугать его, и Саша попадает в огромный склад, набитый марками. Седенький добрый сторож

с берданкой водит Сашу среди этих сокровищ, предлагает его вниманию не только марки всех времен и народов, но и марки с иных планет и даже марки из далекого будущего. И не выдерживает сердце старого филателиста. Саша забывает обо всем. И вот когда он уже совсем по уши зарывается в марки, друг-транзистор снова подает голос. Саша приходит в себя. На часах уже без пяти 12. Транзистор гремит. Седенький сторож, превратившись вдруг в злобного гнома, яростно палит в транзистор из лазерной берданки. Транзистор гибнет, но Саша уже опомнился.

И вот он наконец прорывается к Вите. Витя со связанными за спиной руками, гордо стоит перед школьной доской. Зловещие ведьма и колдун ведут допрос. Они хотят знать, сколько будет √2, когда ставят запятую перед «как» и на скольких островах расположена Япония. Витя гордо молчит, но нервы его уже на исходе. Бьет двенадцать. Глава колдунов подает знак, свирепые гномы в желтых касках хватают Витю и волокут к эшафоту. «Сашка! На помощь!» – кричит Витя, и Саша бросается в бой.

И конечно, просыпается. На дворе солнечное утро, дребезжит звонок в прихожей и в комнату входит смущенный Витька. Оказывается, он не смог прийти вчера к больному другу, потому что засиделся в компании других ребят, где было очень весело. «А, – говорит Саша. – А я уж подумал, что с тобой что-то случилось». Он поглаживает ладонью свой транзистор. В транзисторе зияет круглая черная дыра, пробитая лазером.

Такое примерно содержание предлагаемого сценария. Разумеется, стилистика его мыслится юмористической. Первый вариант сценария может быть представлен в течение 1,5–2 месяцев со дня заключения договора.

27.06.74

Арк уезжает.

Телеграфная, намеком, запись в дневнике: «Б был ГБ». Более подробно эту историю БН описал в ПП, о фактических реалиях он рассказывал в 90-м году.

Из: БНС. Я хочу говорить то, что я думаю…

(Вопросы Р. Арбитмана, В. Казакова, Ю. Флейшмана) – А вам самому никогда не хотелось сказать: «Все, дальше так жить нельзя, невозможно»…

– Никогда. Было несколько случаев в моей жизни, когда мои не то чтобы друзья, но хорошие знакомые говорили мне: «Борис! Хватит ваньку валять, что ты здесь торчишь? Такой-то уехал, такой-то уехал, а ты чего – ждешь, что тебя посадят?» Я ни в коем случае не хочу изобразить себя героем. Если бы я серьезно мог предположить, хоть на секунду, что меня действительно посадят, может быть, я и думал бы по-другому. Может быть.

Но поскольку так вопрос не стоял, об эмиграции я просто никогда не думал, неинтересно было рассуждать на эту тему. Понимаете, в этом было даже этакое молодое фанфаронство. Я произносил слова типа: «Почему Я должен уезжать? Пусть ОНИ уезжают. Моя страна, они ее оккупировали, насилуют, а я должен из нее уезжать? Нет, не будет этого, “я это кино досмотрю до конца”» (такая фраза была у меня в ходу, я очень любил ее повторять, повторю и сейчас). И сегодня очень часто многие люди, можно сказать, совета у меня спрашивают: ну, как же все-таки? Сейчас реально можно уехать. Может, все-таки?.. Пока не поздно, пока еще дорога открыта?.. Я отвечаю им примерно так: я не уеду никуда, а вы решайте сами. У меня уже больше не хватает мужества отговаривать. Дело в том, что в 73-м, по-моему, году это со мной сыграло злую шутку. Один мой приятель пришел ко мне, показал вызов из Израиля и сказал: что ты мне посоветуешь? И я имел неосторожность изложить ему свою теорию. Я не знаю, сыграла ли моя речь какую-то роль, но во всяком случае он никуда не поехал, а в 1974 году его посадили. Он отсидел, по-моему, четыре года в лагере, год в ссылке и, вернувшись, немедленно эмигрировал. С тех пор я советов «не надо ехать» не даю.

– Вы говорите, что прямой угрозы вы не ощущали. Но вас ведь, наверное, вызывали в КГБ, и неоднократно?..

– Какое там «неоднократно»! С КГБ я имел дело всего два раза. Один раз, когда посадили того самого моего приятеля, Мишу Хейфеца, о котором я вам сейчас рассказывал. Ленинградское КГБ тогда пыталось создать мощный процесс, с явным антисемитским уклоном, конечно. «Во главе» этого процесса должен был идти Ефим Григорьевич Эткинд, профессор Герценовского института, вместе с ним – писатель Марамзин, а «на подхвате» должен был быть Миша Хейфец. Он не был членом Союза писателей, но он хороший литератор, автор нескольких любопытных книжек, прекрасный историк. Он имел неосторожность написать статью о Бродском. Написал, имея целью переправить ее за границу, и там она должна была стать предисловием к десятитомнику Бродского. Будучи человеком чрезвычайно легкомысленным, он дал почитать эту статью десяти или двенадцати знакомым, кончилось все это арестом. Это была чистая 70-я: «клеветнический текст», «изготовление, хранение и распространение». Клеветнического там было вот что: доказывалось, что дело Бродского состряпал ленинградский обком, и несколько раз употреблялась фраза «оккупация Чехословакии в 1968 году». Этого вполне хватило. Меня по этому делу вызывали дважды, причем первый раз держали восемь часов, по-моему. Сначала я говорил, что ничего не знаю, ничего не читал (как было, естественно, и договорено). Мне предъявляли собственноручно написанные Хейфецом показания, а я говорил: откуда, мол, я знаю, его это рука или нет. Потом я стал требовать очной ставки, два или три часа мне очную ставку почему-то не давали, мы со следователем беседовали о литературе. Он оказался большим знатоком литературы, он занимался литературой. Потом нам дали очную ставку, пришел веселый Миша, сильно похудевший, сказал, что свои показания подтверждает, что все так и было. Я сказал: раз Хейфец говорит, что было, то и я говорю, что было. Это была, разумеется, ошибка. Чудовищная наша зеленая неопытность сыграла здесь свою роль. Ни в коем случае нельзя было признаваться. Признаваясь таким образом, я подводил Хейфеца, этого я тогда не понимал, и Миша этого не понимал, до чего же зеленые были – это просто поразительно!

КГБ только и надо было – набрать как можно больше людей, которые это читали. Чем больше людей, тем крепче дело об антисоветской клевете и о распространении… Потом Хейфеца увели, начали составлять новый протокол. Мне намекнули, что я теперь у них на крючке, потому что дал ложные показания, а за ложные показания полагается срок… После чего меня отпустили, причем перед тем, как выпустить, следователь попросил сделать автограф на книжке «Понедельник начинается в субботу».

Упоминал об этом и сам Михаил Хейфец.

Из: Хейфец М. Иосиф Бродский и моя судьба

Дело Хейфеца вызвало неожиданный общественный резонанс. До тех пор молодая литературная школа в Ленинграде рассуждала так: трудно жить и работать при Советской власти, но Россия – единственное место в мире, где способен творить русский писатель. Что бы ни было, здесь всегда сохранялся шанс работать творчески и одновременно зарабатывать на жизнь – переводами, дубляжом фильмов, халтурками на малых студиях, внутренними рецензиями. Сама идея отъезда из СССР выглядела духовно порочной – если исключить, конечно, возникновения еврейского национального сознания в чьей-то литературной душе. В этом случае считался допустимым отъезд. Но таких было ничтожно мало. Кажется, в 1973 году я получил вызов из Израиля. Узнав об этом, Боря Стругацкий сказал:

– Дезертирство это, Мишка! Мы держим фронт. Сплошной линии нет, каждый сидит в своем окопчике. Но я всегда знал, что где-то за горизонтом в своем окопчике сидит Мишка. И – было легче держать оборону. Сейчас ты дезертируешь. Езжай. Твой выбор. Но мне – будет труднее…

Когда же я рассказал о вызове Юрию Осиповичу Домбровскому, он откликнулся так:

– Значит, меня одного оставляете?

– Но здесь я никому не нужен.

– Вы не нужны здесь только тем людям, которые сами тут никому не нужны. А России вы нужны.

Я повздыхал… и остался.

А через три года меня арестовали.

Письмо Аркадия брату, 3 июля 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Вчера была у нас Татьяна Чеховская и кое-что рассказала в связи с твоим посещением 25-го июня. Я сказал, что ничего об этом не знаю, что ты мне ничего не рассказывал. Тебе тоже советую не очень болтать[1].

2. В МолГв ничего нового. Пришел новый зав. редакции, Юрий Медведев, старый наш знакомый. Будет читать сборник и докладывать свое мнение директору. Все сначала. Впрочем, он уже завернул рукопись Немцова, и тот на него написал донос, что де редакция не желает печатать истинно-праведных писателей, а печатает только неправедных, вроде Стругацких.

3. В Детгизе Мир Приключений идет уверенно, наша сказка заблаговременно и благополучно прошла Главлит. Выпуск в свет ожидается в сентябре. Пешеходова второй месяц в больнице. Директор не действует. Заправляет Камир. Да, Калакуцкая ушла на пенсию, за нее осталась Майя Брусиловская, наша подруга.

4. Сценарная студия не мычит. И равно не телится. Студия Горького все не дает ответ. Буду волновать их через десяток дней.

5. На днях приезжают мои душанбинцы, будем добиваться утверждения рабочего (режиссерского) сценария на ЦТ. Пока веду шашни с ребятами из ЦТ на предмет нашей с тобой работы.

Вот пока всё. Жалко Илью Варшавского.

Привет Адке. Поцелуй мамочку.

Твой Арк.

[1] См. запись в рабочем дневнике от 25.06.74.

«Жалко Илью Варшавского», – пишет АН.

12 июля «Литературная Россия» публикует некролог, подписанный, помимо АНа и БНа, Брандисом, Гором, Дмитревским, Мартыновым, Никольским, Смоляном, Шалимовым, Шейкиным, Шефнером.

Слово прощания

После продолжительной болезни умер известный ленинградский писатель Илья Иосифович Варшавский. Человек разносторонних знаний и большого жизненного опыта, он много лет работал инженером-конструктором на заводе «Русский дизель». В литературу Илья Варшавский вошел сложившимся мастером на пятьдесят четвертом году жизни, заявив о себе сборником фантастических рассказов «Молекулярное кафе». Популярность писателя росла по мере выхода в свет новых книг: «Человек, который видел антимир», «Солнце заходит в Дономаге», «Лавка сновидений», «Тревожных симптомов нет». Юморист и сатирик, он использовал жанр фантастической новеллы для обличения мещанской самоуспокоенности, фашистского мракобесия, различных проявлений фальши и пошлости. Литературный путь И. Варшавского продолжался немногим более десятилетия.

И. Варшавский пользовался уважением и любовью среди товарищей по литературной работе, был отзывчивым другом и наставником молодых писателей. Человек яркого дарования, душевной щедрости, редкого остроумия, неизменно доброжелательный – таким Илья Иосифович Варшавский навсегда останется в нашей памяти, в наших сердцах.

Письмо Бориса брату, 9 июля 1974, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Отвечаю на твое письмо с некоторым запозданием, потому что закрутился.

1. Поляки наши уехали благополучно и уже прибыли домой – вчера ночью звонили из Варшавы. В общем и целом

они остались довольны. Я их водил на день рождения Сашки, и тот подарил им самовар. Они были в восторге.

2. Заявку нашу я перепечатал и отдал режиссеру. Он был доволен. Лешка, прочитав, тоже одобрил. Теперь будем ждать. Режиссер сказал, что картина станет ясна в двадцатых числах. Он же сказал, что ПНвС-С все-таки зарубили на самом верху.

3. На похоронах Деда встретил Таньку, поговорил с ней обо всем, хотя и бегло. На поминках беседовал с Брандисом. Он хлопал себя по бедрам и очень сетовал, что мы не идем хлопотать по начальству. Дмитревский, бывший рядом, присоединился. Один предлагал идти к Беляеву, другой – прямо к Демичеву. И, уж во всяком случае, долдонили они оба, надо идти к Пешеходовой и Куценко. Ладно. Там видно будет. А меж тем сборник, в котором был наш ПиП, постепенно, говорят, разрушается. Уже вынули оттуда хорошую повесть Щербакова как излишне взрослую.

4. Я планирую приехать к тебе в воскресенье 14-го. За эту неделю сделаю все дела и двинусь. Когда возьму билет, телеграфирую. И все никак для себя не могу решить, что нам писать: зМЛдКС или детектив. Понимаешь, детектив был бы проще, легче работать, можно было бы отдохнуть за машинкой. Впрочем, не знаю…

5. Получил ты анкету мадам Мирлис насчет неологизмов? Я все никак не соберусь ответить.

Вот пока и все. Целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

15 июля АБС встречаются в Москве. Они «работают» ЗМЛДКС.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Арку насчет «Памира»:

1. Что с рассказами Балабухи?
2. Как насчет подборки семинара?

15.07.74

Б. приехал в Мск. Работаем над зМЛдКС.

16.07.74

1. Соня знает про коньяк.

2. Соня вроде бы знакома со Снеговым и очень его не любит. Угрожающие намеки.

3. Снеговой уходя отбивает половой аппетит у Димы.

Сделали 7 стр.

Вечером сделали 4 стр. (11)

17.07.74

«Умру в 88 г. в Австралии».

Сделали 5 стр. (16)

Вечером сделали 3 стр. (19)

18.07.74

Сделали 6 стр. (25)

Вечером сделали 3 стр. (28)

Я принялся поспешно собирать свои бумаги и запихивать их в стол.

19.07.74

Сделали 8 стр. (36)

Вечером сделали 2 стр. (38)

20.07.74

Сделали 6 стр. (44)

Вечером сделали 2 стр. (46)

Вайнгартен относится к Веч<еровскому> с повышенным пиететом. Он тоже очень хочет быть лауреатом Лен<инской> премии.

21.07.74

Сделали 6 стр. (52)

Вечером сделали 3 стр. (55)

22.07.74

Сделали 5 стр. (60)

Вечером едем встречать маму и к т. Мане[1].

…что двери были на задвижке. Потом…

– Он ушел сквозь стену.

[1] Теселько Мария Ивановна – тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

– Фиг – растворился в воздухе. А я глотал валерьянку, бром и еще какую-то сволочь. Потом позвонил Митьке…

23.07.74

Сделали 6 стр. (66)

Вечером сделали 2 стр. (68)

24.07.74

Сделали 4 стр. (72)

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 73 СТР.

Думали над статьей о Бержье. Решили не писать[1].

Отбирали письма для ЛГ.

Письмо Демичеву; разговор с Ильиным[2].

25.07.74

Б. уезжает.

В мае 1974-го во французском журнале «Магазин литерер» вышла статья Жака Бержье «Советская научная фантастика»[3], где об АБС говорилось так:

Из архива.

Перевод статьи Жака Бержье / Пер. с фр. М. Злобиной

<…>

В какой форме эта научная фантастика доступна советской публике? Прежде всего в виде книг. Как и все книги в Советском Союзе, произведения научной фантастики существуют в двух формах: с одной стороны, те, которые издаются нормально и продаются в книжных магазинах, с другой – те, которые распространяются подпольно, издаваемые либо за границей, либо в «самиздате».

«Самиздат» публикует много научной фантастики. Благодаря «самиздату» вышел в свет такой шедевр, как «Мутанты тумана» братьев Стругацких. Эта книга вскоре выйдет

---

[1] Что подразумевается под записью в дневнике «Думали над статьей о Бержье. Решили не писать». Думали писать опровержение? Куда? – *Сост.*

Не опровержение, а изложение марксисткой позиции. А потом решили: «На хрен это нам надо?» – и отказались. – *БНС.*

[2] Это – прикидки будущего разговора. Идти должен был АН. Мы никогда не ходили вместе: нельзя было рисковать абсолютной синхронностью своей позиции. – *БНС.*

[3] Бержье Ж. Советская научная фантастика // Магазин литерер (Париж). – 1974. – № 88, май.

в серии, которой я руковожу совместно с Жоржем Галле в издательстве Альбен Мишель, и она делает честь этой серии. Она трогает меня, потому что я принадлежу к той же породе, что эти «Мутанты тумана»: они нуждаются в пище, но им так же необходимы книги, иначе они умирают.

Эти мутанты меняют микроклимат, окружая себя туманом, который они могут по своему желанию рассеивать благодаря могуществу своей мысли: тогда появляется в облаках прозрачный прямоугольник, сопутствующий луне в ее движении. Население преследует их. На вопрос о том, чем вызваны эти преследования, какой-то гражданин отвечает: «А кого же еще преследовать? Евреи давно покинули наш город и кошки тоже: им не нравился новый климат». Но молодежь присоединится к мутантам тумана и вместе они изменят мир.

Почему эта книга является подпольной в СССР? Мне кажется, по двум причинам: с одной стороны, из-за откровенности описаний сексуальных и гомосексуальных отношений, которая не часто встречается в советских книгах.

С другой стороны, она ставит под сомнение как коммунизм, так и капитализм. Авторы пишут, например: «И тот и другой – капитализм, как и коммунизм – тратят время на то, чтобы обрубать ростки будущего до тех пор, пока будущее не сметет их. И тот и другой – капитализм, как и коммунизм – разрушили природу и не умеют подчинить себе новый мир, возникший в результате. Однако будущее вынесет свой приговор». <…>

Письмо Бориса брату, 29 июля 1974, Л. – М.

Дорогой Арк!

Отчитываюсь.

1. Связался с Татарским. Заявку нашу, как и следовало быть, отклонили. Официально объявлено (по словам Татарского): у них уже есть сказка, утвержденная Комитетом, и больше им не надо. Неофициально объявлено: сказку эту они не будут ставить ни за что по причине ее поганости;

поэтому надо подождать месяца два-три – может быть, еще засветит. На чем и порешили.

2. Был в Северозападном отделении ВААПа. Оказывается, надо было подписать разрешение на публикацию в Венгрии главы из ПнО (25-й том Биб-ки). По-моему, ты уже это подписал, так что ничего нового здесь нет. Заодно я решил поспрашивать юрисконсульта о заграничных гонорарах. Выяснилось, что гонорар, что в рублях, что в форинтах, облагается совершенно одинаково и выгадать здесь невозможно. Дала она мне табличку подоходного налога, такую же как и у тебя. Но насчет прочих вычетов ничего не сказала: то ли не знает, то ли не уполномочена говорить. Сказала только, что да, есть и другие вычеты. Дала телефоны ВААПа, куда можно обратиться за справкой. Ужо.

3. Звонил Брандису. Никаких новостей. Сказал ему, что ты намерен пойти к Ильину. Он выразил надежды.

4. Был в Литфонде, подал в Комарово на начало сентября.

Вот и все пока. Мамочке передавай приветы, скажи, что я звонил домой, там все в порядке, Мартьянна[1] скучает, сидит, запершись на все замки, и дрожит от страха, очень ждет маму. Я тоже ее очень жду. Напомни, чтобы послала заранее телеграмму: дату, поезд, вагон.

Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке привет. Пусть как следует тренируются в преф, а то я приеду и снова их раздолбаю.

Письмо Аркадия брату, 5 августа 1974, М. – Л.

Дорогой Борик!

Не писал тебе, потому что по чести писать нечего, новостей нет. Ну, что было?

1. Ильин болен. Кажется, должен выйти сегодня, так что завтра пойду.

2. Познакомился я с неким Пастуховым Николаем Борисовичем, он в «Огоньке» зав. международным отделом

[1] Турылева Александра Мартьяновна, соседка, приятельница А. И. Стругацкой.

и ярый враг Софронова. Для нас важно, что он лично знает Ганичева и Панкина, главу ВААПа. Он с ними уже говорил, назначил мне встречу сегодня вечером, а по телефону говорить отказался, так что, полагаю, дела тухлые.

3. Вышел мой том Акутагавы в Гослите, и я получил некий изрядный (совершенно неожиданно) гонорарий. Тут же мы с Ленкой развернулись и купили телепупер и лежбище.

Таковы практически все мои новости.

Жму, целую, твой Арк.

Приветы Адке.

P. S. Письмо Демичеву я отсылаю в зависимости от сегодняшнего разговора с Пастуховым. Он в этом толк понимает.

Письмо Демичеву сохранилось в архиве только в виде рукописного черновика. На черновике пометка: «отпр<авлено> 5.8.74».

Из архива. Письмо от АБС в ЦК КПСС

Уважаемый Петр Нилович.

Мы позволили себе побеспокоить Вас по следующему делу.

Вот уже более трех лет имеет место совершенно необъяснимое положение в наших отношениях с руководством издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия». Вот уже более трех лет дирекция издательства, используя все мыслимые и немыслимые предлоги, уклоняется от заключения с нами договора на издание нашего именного сборника «Неназначенные встречи», состоящего из трех научно-фантастических повестей, в которых мы рассматриваем различные аспекты контакта человечества с иным разумом в космосе.

Мы хотели бы подчеркнуть, что многочисленные внутренние рецензии на этот наш сборник были все сугубо положительными. Все три повести («Отель “У погибшего альпиниста”», «Малыш», «Пикник на обочине») давно уже опубликованы в периодике и имеют доброжелательную

прессу. Все три повести уже успели выйти в ГДР, ПНР, ЧССР и БНР. Мы связаны с издательством «Молодая Гвардия» полтора десятка лет. Все наши лучшие вещи опубликованы в этом издательстве. Теперешнее положение с нашим сборником беспрецедентно.

Мы пытались встречаться с директором издательства тов. Ганичевым, чтобы лично выяснить причины этого положения. Встретиться нам не удалось. Тогда в июне 1973 года мы обратились за помощью в отдел культуры ЦК КПСС к тов. Беляеву А. А. В результате вмешательства тов. Беляева тогдашний гл. редактор «Молодой Гвардии» тов. Осипов в телефонном разговоре поставил нас в известность, что договор на наш сборник будет заключен после того, как ЦК ВЛКСМ утвердит этот сборник в плане 1975 года. Сборник был утвержден в плане 1975 года, однако заключение договора не последовало. В октябре 1973 года мы снова попытались добиться встречи с тов. Ганичевым и снова неудачно. Мы написали ему письмо. Ответа не получили по сей день.

Как Вам, возможно, известно, мы являемся профессиональными писателями. Ситуация, изложенная выше, означает для нас в первую очередь необходимость тратить массу сил и времени на второстепенную, для одного лишь заработка, работу.

Мы просим Вас, уважаемый тов. Демичев, разобраться в этом нашем деле, воздействовать своим авторитетом на руководство издательства и таким образом разрешить это совершенно ненормальное положение.

В случае если Вы посчитаете необходимым встретиться с нами, мы, конечно, всегда с радостью готовы посетить Вас и дать необходимые дополнительные разъяснения.

С глубоким уважением [подпись]

«Вышел мой том Акутагавы в Гослите», – пишет АН. 129-й том «Библиотеки всемирной литературы», том Акутагавы Рюноскэ, открывало предисловие АНа, в самом же томе были опубликованы три его перевода. АН написал статью, непохожую на обычные фундаментальные и сухие предисловия. Зачин ее в немалой степени

имел отношение и к творчеству самих Авторов. Он повествовал о многослойности, казалось бы, простых рассказов Акутагавы. Этот вопрос занимал АНа и неоднократно возникал в его публицистике. Вот две цитаты, иллюстрирующие это.

Из: АНС. Исполнение желаний

<…>

Полагаю, что повесть В. Бабенко – значительное явление в фантастике последнего десятилетия. Она странно и непривычно глубока: я прочел ее за недостатком времени всего два раза и при вторичном чтении обнаружил слои, которых не воспринял при первом.

<…>

Из: АБС: «Жизнь не уважать нельзя»

<…>

– Аркадий Натанович, мне хочется начать с вопроса о вашем читателе. Чувствуете ли вы своего читателя, постоянную взаимосвязь с ним, меняется ли он? В каком качестве ощущаете вы себя сейчас? Человека развлекающего? Учителя? Идеолога? Философа?.. Меняется ли ваш прежний любящий, преданный читатель и если да, то как? В общем… всё о взаимоотношениях с читателем.

– Вопрос сильный, должен тебе сказать… Знаешь, вот первые наши книги, которые мы сами очень не любим, – «Страна багровых туч», рассказы первые – вот они, пожалуй, и были рассчитаны на развлечение… то есть мы писательски относились к своей теме так же, как читательски когда-то относились к Жюль Верну и Уэллсу, не подозревая, что у Уэллса есть такие философские глубины. Но открылись они нам значительно позже, когда мы сами стали уже зрелыми писателями… Здесь помогла, конечно, и родившаяся в нашей стране философская фантастика Ивана Антоновича Ефремова, и социально-эмоциональная фантастика Рэя Брэдбери… Это – о нашем восприятии своей, так сказать, развлекательности. Сейчас, конечно же, нет – иные, скажем, цели. И давно уже – нет. Хотя развлекательный элемент

обязательно должен быть, чего слова-то пугаться… Понимаешь, мы никогда не забываем про троянского коня и позолоту на пилюле. Если ты хочешь сообщить мысли, кажущиеся тебе новыми и необычными, читателю неподготовленному, приходится строить острый сюжет. За ним-то он, свеженький читатель, побежит, а мы ему и вложим философский борщ с трагическими выводами в легкой и удобочитаемой форме. А потом противники фантастики всех мастей и расцветок еще будут говорить о легком чтиве…

<…>

Вот это сочетание внешней сюжетной развлекательности и глубины истинного содержания зрелых вещей Авторов и составляет, видимо, существенную особенность творчества АБС. Именно оно привлекает все новые и новые поколения поклонников. Но оно же позволяет столь снисходительно оценивать книги АБС профессиональным литературоведам. Впрочем, в последнее время такое отношение, кажется, уходит в прошлое.

Итак, АН о многослойности рассказов Акутагавы.

Из: АНС. Три открытия Акутагава Рюноскэ

Вот какой рассказ появился в октябре 1916 года в японском литературном ежемесячнике «Тюо корон».

Профессор Токийского императорского университета, специалист в области колониальной политики, сидел на веранде в плетеном кресле и читал «Драматургию» знаменитого шведского писателя Стриндберга. Странно было подумать, что всего каких-нибудь пятьдесят лет назад обо всем этом и мечтать не приходилось – ни об «Императорском» университете в Токио, ни о колониальной политике, ни о проблемах европейской драматургии. Прогресс налицо. И особенно заметен прогресс в материальной области. Победоносно отгремели пушки отечественных броненосцев в Цусимском проливе; страна покрылась сетью железных дорог; распространяются превентивные средства из рыбьего пузыря… Но вот в области духовной намечается скорее упадок,

а профессор лелеял мечту облегчить взаимопонимание между народами Запада и своим народом. Он даже знал, на какой основе должно строиться это взаимопонимание. Бусидò, «путь воина», это специфическое достояние Японии, прославленная система морали и поведения самурайства, сложившаяся шесть веков назад. Конечно, не все в ней годится для целей профессора, но основное – требование жесткой самодисциплины и добродетельной жизни – явно сближает дух бусидо с духом христианства.

Профессор вперемежку листал Стриндберга и размышлял о судьбах японской культуры, когда ему доложили о приходе посетительницы. В приемной ему представилась почтенная, изящно одетая женщина – мать одного из студентов. Усадив посетительницу за стол и предложив ей чаю, профессор осведомился о здоровье ее сына. К его величайшему смущению, выяснилось, что юноша умер и что гостья пришла передать профессору его последнее «прости». Некоторое время они обменивались малозначительными репликами, причем профессор заметил одно странное обстоятельство: ни на облике, ни на поведении дамы смерть родного сына не отразилась. Глаза ее были сухие. Голос звучал совершенно обыденно. Иногда она даже улыбалась как будто. Профессор поразился, от холодности и спокойствия соотечественницы ему стало не по себе. И тут произошло вот что. Случайно уронив веер, профессор полез за ним под стол и увидел руки гостьи, сложенные у нее на коленях. Эти руки дрожали, и тонкие пальцы изо всех сил мяли и комкали носовой платок, словно стремясь изодрать его в клочья. Да, гостья улыбалась только лицом, всем же существом своим она рыдала.

Проводив гостью, профессор вновь уселся в кресло на веранде и взял Стриндберга. Но ему не читалось. Мысли его были полны героическим поведением этой дамы, и он растроганно и с гордостью думал о том, что дух бусидо, дух жестокой и благородной воинской самодисциплины, поистине вошел в плоть и кровь японского народа. В эту минуту рассеянный взгляд его упал на раскрытую страницу книги.

«В пору моей молодости, – писал Стриндберг, – много говорили о носовом платке госпожи Хайберг… Это был прием двойной игры, заключавшийся в том, что, улыбаясь лицом, руками она рвала платок. Теперь мы называем его дурным вкусом…»

Профессор растерялся и оскорбился. Оскорбился не за даму, а за свою взлелеянную простодушную схему, в которую так четко укладывалось это происшествие. И ему в голову не пришло, что героическое поведение гостьи могло объясниться причинами, к которым пресловутые понятия военно-феодальной чести не имеют никакого отношения…

Так примерно выглядит откомментированное содержание одного из ранних рассказов Рюноскэ Акутагавы – «Носовой платок».

Невооруженному глазу заметна брезгливая усмешка автора по поводу мечтаний злополучного профессора сделаться идеологом японской культуры на основе бусидо, этой действительно специфической смеси клановых японских традиций с плохо переваренным конфуцианством. Еще в последние годы XIX века, сразу после окончания японско-китайской войны, заправилы империи недвусмысленно потребовали от отечественной литературы создания так называемых «комэй-сёсэцу» – «светозарных произведений», проникнутых казенным оптимизмом и прославляющих воинственность и великодушие средневекового и современного самурайства. Толпа бездарных полуграмотных писак бросилась заполнять книжные рынки страны бесконечными вариациями на тему о верности сюзерену и о кровавой мести, о вспоротых животах и о срубленных головах, о поединках на мечах и о лихих штыковых атаках, и в унисон им, только не так грубо и не так прямолинейно, заворковали о величии бусидо, о благотворности бусидо, о назревшей необходимости воскрешения бусидо идеологические дилетанты с профессорских кафедр. В далекой Европе гремели пушки и лились реки крови, каблуки японских патрулей стучали по кривым улочкам взятого у немцев Циндао, империя готовилась к большим

колониальным захватам. Не удивительно, что в эти дни думающий и широко эрудированный писатель (а Акутагава, как мы увидим, был именно таким) жестоко осмеял мечтательного либерала, усмотревшего духовное сходство между возрождающимся к жизни кодексом профессиональных убийц и плачевно дискредитировавшим себя христианством.

Но давайте проанализируем рассказ более тщательно. Итак, некий профессор, специалист по колониальной политике и приверженец бусидо, читает Стриндберга и предается размышлениям о способах преодоления духовного застоя в своей стране. Затем он беседует с женщиной, недавно потерявшей сына, и случайно обнаруживает, что ее внешнее спокойствие есть только маска, а на самом деле она мучается безутешным горем. Он приходит в восхищение – не столько от героизма гостьи, сколько от полного, как ему представляется, соответствия между ее поведением и бездарной умозрительной идеей. По нашему мнению, если бы речь в рассказе шла только об осмеянии идеологического дилетантизма, этого было бы вполне достаточно. Ну, а Стриндберг? Для чего автору понадобилось противопоставлять сценический прием госпожи Хайберг поведению гордой матери? Не зря же он так смело ввел в рассказ элемент случайного совпадения: профессор натыкается на пресловутый абзац из Стриндберга чуть ли не сразу после случая с носовым платком. Видимо, дело обстоит не так просто, и у рассказа есть «второе дно», не столь очевидное, как первое, но наверняка не менее важное.

Действительно, концовка рассказа производит странное впечатление. Читатель далеко не сразу осознает, какая проблема всплывает вдруг из нее. Мономан-профессор смутно ощущает что-то неясное, что грозит разрушить безмятежную гармонию его мира. Пытаясь объяснить себе это ощущение, он готов заподозрить Стриндберга в попытке осмеять бусидо. Он даже готов оправдываться: «Сценический прием… и вопросы повседневной морали, разумеется, вещи разные». И все это мимо цели, но на то он и мономан. Если бы он дал себе

труд отвлечься от любимой идеи, он сумел бы понять, что парадокс, с которым столкнул его случай, лежит совсем в другой плоскости понятий и представлений. Он сумел бы увидеть проблему такой, какой поставил ее перед читателем (и перед собой) автор. Проблему соотношения жизни и искусства.

В глазах знатоков театра сценический прием госпожи Хайберг давно уже стал банальностью. Но сотни тысяч, миллионы женщин и до и после госпожи Хайберг при разных обстоятельствах и по разным причинам стискивали зубы, комкали носовые платки, впивались ногтями в ладони, чтобы не вскрикнуть, не разрыдаться, не показать своей боли, и никто никогда не называл это «дурным вкусом». И совершенно неважно, почему они это делали: по врожденной ли гордости или по твердости характера, пусть даже из приверженности кодексу бусидо. В данном случае не в этом дело. Дело в диковинной метаморфозе, которую претерпевает восприятие нами человеческого поведения, когда оно переносится из реальной жизни на сцену, на экран или на страницы книг. Какова психологическая природа этой метаморфозы? В чем секрет адекватного перевода с бесконечно разнообразного языка бесконечно разнообразной жизни на язык искусства?

Вот в этом, как нам кажется, и состоит глубинная суть, «второе дно» рассказа «Носовой платок». Это и есть главная его проблема, которую не то что разрешить – просто увидеть не дано профессорам – приверженцам бусидо, и эта проблема всю жизнь терзала странную и мудрую душу японского писателя Акутагава Рюноскэ, покончившего самоубийством в 1927 году в возрасте тридцати пяти лет.

<…>

Письмо Аркадия брату, 11 августа 1974, М. – Л.

Дорогой Борик!

Новостей по-прежнему мало, и всё они мизерные.

1. Говорил с Пастуховым. Он порекомендовал такой текст письма наверх, что я только рукой махнул: там все клятвы

и обязательства, которые лучше излагать устно, да и письмо получилось бы страниц на десять. Таким образом, я на следующий же день (кажется, 8-го) отправил письмо в нашей редакции – заказным.

2. С Ильиным так и не удалось увидеться. Попробую еще раз завтра.

3. Из «Мира» пришел договор на «Гиг. флюктуацию», три экза, я их подписал и отправляю обратно.

4. Получил от Мирлис дурацкую анкету. Кое-как ответил, отсылаю обратно.

5. В Сценарной студии как будто что-то тронулось. Есть неофициальное сообщение, что сценарий покупает Одесская студия, причем у нее уже есть режиссеры. Но точно пока ничего не известно. Соловьев в отпуске, а его зам. в командировке.

6. На меня усиленно нажимают в смысле пьески-шлягера. Сажусь. Кое-что придумал, но это не фонтан. А впрочем, фонтан им, по-моему, и не требуется.

7. Интересная вещь. Борис Ларин (по-моему, я тебе о нем говорил) пребывает в приятельских отношениях с Феликсом Кузнецовым. Так он попросил Кузнецова прозондировать почву в Литобозе насчет обстоятельной статьи о Стругацких. Тот поговорил с Суровцевым. Суровцев дал полное добро. Не знаю, получится ли у Ларина статья, но не в этом дело. Видимо, там никакие черные вихри не веют[1], вот что хорошо.

Вот пока все дела.

Вечерами сидим с Ленкой у ящика и до одури смотрим. Отличный спектакль видели позавчера: «Мегре и человек на скамейке»[2]. Истинно высокий класс, даже завидно стало.

Жму, целую, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке.

---

[1] «Вихри враждебные веют над нами, / Темные силы нас злобно гнетут». «Варшавянка», текст Г. Кржижановского (вольный перевод польского стихотворения В. Свенцицкого).

[2] Телеспектакль по роману Ж. Сименона, реж. В. Бровкин.

Письмо Бориса брату, 15 августа 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо и поэтому строчу ответ.

Писать, собственно, абсолютно нечего. Ничего не происходит, никого не вижу, да и нет в городе никого. Вот и Александр Александрович[1] уезжает, насовсем, в город Жданов. Пойду его сегодня провожать. Виделся с Руфью Александровной[2]. Подарила мне свою новую книжку, посидели, потрепались. Был у Лешки. Тоже сидели, трепались и пили отвратительный французский коньяк. Никаких новостей нет. Во всяком случае, сколько-нибудь существенных.

Значит, письмо наверх ты послал. Что ж, будем подождать и посмотреть. Жалко, что ты забыл написать мне, что рассказывал Пастухов о своей встрече с Ганичевым. Напиши, если стоит.

Все собираюсь засесть за сказочку, за ту, что на базе несостоявшейся нашей заявки для телевидения. Да то одно мешает, то другое. Ладно, добьем черновик зМЛдКС – только и будем заниматься, что сказочками.

Статью о нас Смелкова в «Юности» я так и не прочел, но мне ее подробно рассказали. По-моему, чушь все это, но хорошо, конечно, что появилась.

В общем, сижу и жду от тебя писем, потому что бог, видно, снова в Москве.

Жму руку, твой [подпись]

P. S. Леночке привет!

Молодцы, что купили телик.

Статья Юлия Смелкова была опубликована в седьмом (июльском) номере и рассказывала о последних произведениях Лема, Булычева и АБС.

[1] Мееров Александр Александрович, писатель.

[2] Зернова (Зевина) Руфь Александровна, писательница, переводчик.

Из: Смелков Ю. Взгляд со стороны

<…>

Еще не так давно большинство фантастических романов и повестей почти полностью подчинялось канонам приключенческой литературы. Действие происходило в космосе, в будущем или в чуточку видоизмененном настоящем, однако и то, и другое, и третье играло в сюжетостроении примерно такую же роль, как в приключенческом романе – джунгли, далекие острова или какая-либо страна в пятнадцатом или шестнадцатом веке. Точно так же пришельцев из космоса можно было уподобить кровожадным дикарям или, наоборот, могучим заступникам благородных героев. Примерно так сделаны, скажем, романы братьев Стругацких «Трудно быть богом» и «Обитаемый остров» – в обоих люди коммунистической Земля попадают на другие планеты (на одной – что-то вроде нашего средневековья, на другой – технократическая диктатура фашистского типа) и мужественно сражаются с косностью и духовной отсталостью, утверждая высокие гуманистические идеалы.

Но вот перед нами недавно вышедшая повесть Стругацких «Пикник на обочине».

Захватывающих приключений в повести хоть отбавляй. Но героя Рэда Шухарта, преодолевшего все препятствия, здесь ждет не победа, как полагается в приключенческом романе, а самое большое в его жизни поражение.

<…>

Человек с ужасом осознает, что он не умеет думать. Правда, он повторяет Золотому Шару слова того парня, которого он послал на смерть: «счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!» – но, честно говоря, это довольно расплывчатая формула. Социальная и духовная безграмотность в век научного прогресса и технических чудес – вот что страшно, вот о чем пишут Стругацкие. И дело тут не в необразованности Рэда, не в том, что ему не хватает культуры и эрудиции. Среди персонажей «Пикника на обочине» есть знаменитый ученый Валентин Пильман – он сидит

в кабачке, куда нередко заглядывает и Рэд, с удовольствием разглагольствует о цели и смысле Посещения, выдвигает остроумные гипотезы. Но и высоколобый профессор и отщепенец примерно одинаково социально безграмотны. К чему это может привести? Заглянем в другую повесть Стругацких – «Отель “У погибшего альпиниста”» – там пришельцы из космоса, представители высокоразвитой цивилизации… помогают политическим бандам: те убедили их, что борются за счастье человечества…

Я не сравниваю «Пикник на обочине» с романом Хемингуэя «Иметь и не иметь». Но герои обеих этих книг – сильные, незаурядные люди, которым приходится преступать закон, чтобы заработать себе на жизнь. И оба слишком поздно понимают, что с ними сделало общество, в котором они живут.

<…>

Письмо Аркадия брату, 18 августа 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Пишу тоже просто в ответ на твое письмо. Новостей общего значения нет.

Пастухов с Ганичевым не беседовал. Беседовал с ответственным «Пионера». С Ганичевым он говорить не мог и не стал бы, потому что они неприятели.

Сверху ничего.

Занялся я зубами <…>, и тут выяснилась пренеприятная вещь: я не могу раскрывать рот. Какая-то, м. е. е., спазма носоглотки, которая начинается при попытке раскрыть рот более чем наполовину. А уж если какой-нибудь посторонний предмет при этом вводится дальше уровня десен – все. Мгновенно выворачивает меня наизнанку. А ведь работа протезиста связана не просто с инструментами и его пальцами во рту, но и с полной пастью гипса, да еще смазанного отвратным салом. Сейчас ищем способа изгильнуться. Либо анестезия носоглотки – а этого два протезиста, у которых

я был, делать не умеют, – либо общий наркоз в стоматологическом. Такие дела. Только этого мне и не хватало.

Ну, будем уповать.

Жму руку, целую, твой Арк.

Привет твоим.

ПС. Совсем забыл. Звонили из ВААПа, требуют американцам для ознакомления ПнО. У меня больше экзов нет. Пришли, пожалуйста, из резерва несколько.

Письмо Бориса брату,
ответ на письмо 18 августа 1974, Л. – М.

Дорогой Аркашенька!

Очень тебе сочувствую насчет зубов, но ведь надо, Федя[1]! Ты все-таки добей это дело. Авось до конца не вывернет, что-нибудь да останется.

Насчет Пастухова ты мне писал в одном из писем следующее (цитата): «Для нас важно, что он лично знает Ганичева и Панкина… Он с ними уже говорил, назначил мне встречу сегодня вечером, а по телефону говорить отказался, так что, полагаю, дела тухлые». (Конец цитаты.) Вот об этом самом разговоре я тебя и спрашиваю, а ты мне пишешь, что Пастухов с Ганичевым говорить не мог, а говорил с ответственным «Пионера». Ну, ладно, а с ответственным «Пионера» он о чем говорил?

Мне звонили из ВААПа. Опять насчет предисловия к УнС. Фред Пол обязательно хочет предисловие. Берется написать его сам. Наше мнение? А какой существует у нас выбор, спросил я. Можно вообще отказаться, а можно отложить решение до того момента, как предисловие будет написано: посмотреть, что он там напишет, а потом разрешить или нет. На том и порешили. Потом возник разговор о порядке глав. Я написал им туда, какой порядок глав должен быть обязательно и заодно дал точные ссылки на эпиграфы.

[1] Слова из «Песни о конькобежце» В. Высоцкого, в которой фактически цитируется фраза из к/ф Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

Экземпляр ПнО я могу выслать, но куда? Тебе или прямо в ВААП? Если прямо в ВААП, то кому персонально? Срочно отпиши, и я вышлю. Там же нужно обязательно будет дать сопроводиловку о том, что это сокращенный вариант.

Я тебе говорил, что в начале июля писал в ВААП, запрашивал насчет гонораров из ФРГ? Так вот сегодня пришел оттуда ответ. Суть: мы запросили указанные изд-ва и попросили их перевести гонорарные суммы на счет ВААП. Как только будут вести, вас – А. и Б. Стр-х – мы информируем незамедлительно. По-моему, в связи с образованием ВААП и отходом от дел Межкниги у немцев помутилось в глазах и они не знали, куда слать деньги и слать ли. Впрочем, посмотрим.

Вот, пожалуй, и все новости. На той неделе буду звонить в Литфонд насчет путевок. Будь готов. Я телеграфирую.

Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське привет!

Путевки были куплены, и в начале сентября АБС встречаются в Комарово.

Рабочий дневник АБС

5.09.74

Приехали в Комарово дописывать черновик ЗМЛдКС.

Ком<наты> 29, 30 (3-й этаж).

6.09.74

Сделали 4 стр. (76) 4

Вечером сделали 1 стр. (77) 5

Пока пришельцы не опустятся до уровня землян и не начнут бросать бомбы на бреющем полете, в них просто не поверят.

7.09.74

Сделали 6 стр. (83) 11

Приехала Адка.

Ирка бредит о Бобке, кот<орый> гибнет.

Ирка затихла в ванне.

Впереди жизнь, полная этого ужаса. Ни минуты покоя.

Но ведь до конца света еще миллиард лет. Много можно успеть за миллиард лет, если не сдаваться.

Вечером сделали 2 стр. (85) 13

8.09.74

Сделали 7 стр. (92) 20

Вечером сделали 1 стр. (43) 21

Законы сохранения – проявление гомеостазиса Вселенной. Какой механизм обеспечивает закон сохранения? Неизвестно. Просто все происходит так, чтобы некая величина не менялась.

9.09–10.09.74

Б. в суде по М. Х.[1]

11.09.74

Сделали 5 стр. (98) 26

Вечером сделали 2 стр. (100) 28

1. Причины рассказанного Ирке:

a. Нечестно оставлять ее под огнем и в неведении.

b. Слишком высокий уровень неприятностей.

c. Попытка разделить моральную ответственность за выбор.

2. Рассужд<ение> о слепоте силы.

3. Это уже удар по Ирке.

4. Последствия выбора: превращение в Глухова, смена друзей, семьи, образа жизни.

5. Мгновенное облегчение, что Ирка с ним и ругань за эту мысль; решение спровадить Ирку обратно.

6. Соскакивает на рассуждение о теории Вечеровского. Подтверждение: слепота и неточность силы. М. б., есть и другие удары, только я о них не знаю.

Рассуждение о кучности.

7. Происшествие с паспортом и спящей Иркой.

[1] Процесс по делу М. Хейфеца.

8. Утром Ирка находит лифчик. Сцена. Записка пропала, но уцелела квитанция.

9. Дерево на площадке.

Порядок:

Вайнгартен с двумя папками и рассуждением о людях XIX в.

Захар (без мальчика), ищет Вайнгартена, идет к Вечер<овскому>.

Сон.

Звонит Вечеровскому.

[сюда идет стрелка от пункта восьмого] Приход. Ирка. Лифчик. Откровенный разговор. О Бобке.

Собирает папку, идет к Вечер<овскому>.

Встречает на лестнице Глухова. (Сидит, лица на нем нет: «Не ходите туда!»)

12.09.74

Сделали 6 стр. (106) 34

А. ездил в город.

13.09.74

Сделали 7 стр. (113) 41

Вечером сделали 2 стр. (115) 43

М. Х. дали 4+2.

14.09.74

Сделали 5 стр. (120) 48

Была Адка.

Вечером сделали 2 стр. (122) 50

15.09.74

Сделали 6 стр. (128) 56

Вечером сделали 2 стр. (130) 58

16.09.74

Сделали 3 стр.

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК НА 133 СТРАНИЦЕ.

Возвратившись домой, БН отвечает на накопившиеся письма. 18 сентября он пишет в Омск.

Из архива. Письмо БНа Олегу Лизгунову

Дорогой Олег!

Получив Ваше письмо, я порылся в архивах и обнаружил, что посылал Вам ответ 3.03.1974. Странно, что письмо это до Вас не дошло.

Отвечаю на вопросы.

1. В 1973 году мы ничего не печатали.

2. Повести «Взгляд жука» у нас нет. Нет и ничего похожего.

3. Полнометражный мультфильм по нашему сценарию поставлен не будет, т. к. наш сценарий не понравился Госкомитету по кино.

4. Сценарий по повести «Трудно быть богом» написан нами еще в 1968 году. Фильм этот должен был ставить А. Герман, но студия Ленфильм сценарий не приняла.

5. «Новые приключения А. Привалова» это и есть «Сказка о Тройке». В сокращенном виде повесть опубликована в альманахе «Ангара» в 1968 году.

6. Повесть «Гадкие лебеди» побывала примерно в десяти редакциях. Печатать ее не захотели, потому что нашли «мрачной».

7. «Человек из Пасифиды» был впервые (с сокращениями) опубликован в журнале «Советский воин» где-то году в 65-м или даже в 62-м.

8. Нам очень приятно, что Вы и Ваши друзья хотите нам помочь. Конечно, если вы все будете писать в редакции, толку особенного не будет, но и хуже не будет тоже.

Спасибо за доброе отношение к нашей работе. Всегда буду рад ответить на Ваши вопросы.

Ваш [подпись]

Письмо Аркадия брату, 22 сентября 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Новости такие.

1. Письмо очевидно дошло. Я связался с Гусевым Геннадием Михайловичем – бывший куратор Жемайтиса от

главной редакции МолГв, ныне, видимо, работник аппарата Демичева или отдела культуры. Он и Беляев связывались с Ганичевым и Авраменко, те им все время врали. Я попросил встречи. Гусев возразил, что сперва надо добиться для нас договора, а потом уже встретимся и по другим делам. Может, он прав. Была у меня беседа с Медведевым. Как и ожидалось, он категорически против ДоУ. Я повторил ему всю аргументацию, которая нами выработана. Кажется, не помогает. Тогда я объявил, что иду в ЦК. Тут он съежился, но храбро пискнул, что-де и в ЦК не побоится высказать свое мнение. Сволочь он, вот что. Сейчас он укатил в отпуск. Приедет – будут вместе с начальством плести козни. Это уж точно. Погром он в фантастике учинил дикий, оставил всего два названия на 75 год, а Беле на днях предложил искать другую работу. Конечно, у него за спиной все эти подлецы из руководства – от Ганичева до Авраменко. Но на Беле, я полагаю, они подавятся. Она тоже собирается в ЦК.

2. Сказка в «Мире приключений» вышла, гонорар получил, долг можешь списывать, как договорились. Со Сценарной студией еще не связывался.

3. Начинает выплывать тень дела Мишки. В Детгизе прошел слух, что Стругацкие – участники диссидентской группы ленинградских писателей. Я имел довольно продолжительную беседу с Брусиловской, которая сейчас заведует редакцией, она настроена дружелюбно, склонна мне верить, но настоятельно рекомендует принять меры. Какие? Ильин – хорошо, но для Камира и Пешеходовой не авторитет (это для меня было сюрпризом). Настаивает, чтобы я пробивался в ЦК и попросил опубликовать в какой-нибудь центральной газете (желательно, естественно, в «Правде») хороший о нас отзыв. Сам понимаешь, в таком положении заикнуться о заявке я просто не посмел.

4. Виделся с режиссером по «Преисподней», разговаривали долго, парень он деловой, внес много интересных предложений. Придется посидеть, поработать. Выяснилось, что у него огромный опыт в научпопфильмах (36 лент) и два

полнометражных худфильма на животрепещущие темы. Он ими недоволен. Жаждет снять фильм по «Парню» и затем, если все сойдет удачно, по ПНвС, относительно чего у него уже есть предварительная договоренность с дирекцией Одесской студии.

Вот, кажется, и всё. Остальное – неясные слухи, встречи с друзьями и настоятельные советы добиться разговора в Большом ЦК. Что я и намерен делать.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй маму.

Жму и целую. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 26 сентября 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил, наконец, твое письмо, спешу ответить.

1. Действия твои в МолГв полностью одобряю. Так и держи. А представится возможность – пойди в ЦК. Только старайся попасть повыше. Я тут загнал свою коллекцию, так что энное время буду чувствовать себя спокойно. И на тебя, в случае чего, хватит. Ты ничего не пишешь об аргументации Медведева против ДоУ. Хотелось бы все-таки понять, что им там не нравится. Напиши, не сочти за труд.

2. Насчет «тени дела Мишки» – разоблачай везде, где сможешь дотянуться. Тут дело чистое, мы – ни сном, ни духом. Хотя досужая болтовня будет, конечно, мешать некоторое время.

3. Звонила Ирена. Договор на детектив (вроде бы!) получается. Скоро выходят две наши книжки – просила прислать фото для рекламы. (Я послал ей предпоследнюю копию Лессовской фотографии; нахожусь в кризисе; у меня куча весьма приличных собственных фотографий, но нет ни одной твоей; изволь раздобыть и мне прислать; и поскорее.) О двустороннем издательском соглашении ничего толком не знает, кроме того, что действовать оно начнет с января и обратной силы, по-видимому, иметь не будет.

4. Я тут перечитал с трепетом зМЛдКС, удивился и от удивления в тот же вечер прочитал Адке. Дело было около полуночи, Адка была больна, и договорились почитать часок, а потом перенести до завтра. Читали до четырех утра и потом еще час обсуждали. Адка заявила, что это первая наша вещь, написанная на уровне УнС. Мы молодцы и орлы. Я, между прочим, тоже был несколько поражен. Пока мы писали, мне все казалось, что это, собственно, даже не черновик у нас выходит, а так – что-то вроде развернутого изложения сюжета, этакое либретто, сухое изложение фактов в определенной последовательности, болванка для будущей работы. Черта с два! Получилась вполне законченная и в своем роде совершенная штучка. Хоть завтра в набор. Конечно, там есть и шероховатости, и скороговорка местами, и местами сухость, но в общем – вполне готовая повесть № 21. И неплохая! Я тут пока еще ничего не предпринимаю. Жду, что ко мне обратятся. Если не – в начале октября пойду сам в «Аврору», а не получится там – в «Неву».

5. Дожимай «Парня»! Единственная наша надежда. И напиши мне поподробнее о своих планах – теперь они, вероятно, стали яснее.

6. У меня вся неделя прошла как в бреду. Во-первых, хлопоты, связанные с продажей коллекции, а во-вторых, все заболели – и Андрюха, и Адка, и я был уже на взводе, да и остаюсь, пожалуй.

7. Ах, если бы тебе удалось прорваться к начальству! Да повыше!

Целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет.

Письмо Аркадия брату, 4 октября 1974[1], М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Путевки в Дубулты у нас с 23-го. Следовательно, в Комарово бери, как говорили, число на 20-е ноября. Можно и попозже.

[1] Датировка составителей.

2. Гусева то ли нет в городе, то ли он сугубо занят организационными перестройками в своем учреждении. Там, говорят, какие-то крупные перемены.

3. Был вызван в Сценарную студию. Было объявлено, что Тарковский связался с ними на предмет экранизации ПнО, а так как экранизации Сценарная студия не делает, то он договорился составить совместно с нами заявку без упоминания названия. Ему дали мой телефон (это было вчера), он должен мне позвонить, и мы, встретившись, обговорим все подробно.

4. Звонили из ВААП на предмет подписания договора с ГДР на «Далекую Радугу». Договор высылают.

5. Сижу и дожимаю сценарий «Парня». По просьбе режиссера многое изменил, стало значительно лучше (так он говорит). По словам Соловьева (директор Сценарной студии), мы твердо в плане 75-го. Сценарий же надеюсь сдать не позже пятнадцатого. Надоел он мне.

6. В сберкассу еще не ходил – некогда. Полагаю, что деньги за 2-й вариант уже там.

7. Очень удивился, но радуюсь, что зМЛдКС вызвал у тебя столь положительные эмоции. Вернее, у вас с Адкой. Это обнадеживает. (В том смысле, что есть еще порох в пороховницах.)

Больше новостей (значительных) нет.

Привет Адке и Росшеперу.

Поцелуй мамочку.

Жму и пр. твой Арк.

О начале сотрудничества с Тарковским АН рассказывал неоднократно. Но все эти воспоминания появились гораздо позже. Здесь – наиболее ранний вариант. О публикации этого материала (она осуществилась только в 1993 году в журнале «Фантакрим MEGA») рассказывал в предисловии Вадим Казаков: «Эти воспоминания взяты из выступления Аркадия Натановича Стругацкого на встрече с читателями в саратовском ДК «Россия» 17 августа 1982 года. Вопросы о работе над фильмом «Сталкер» были тогда (да и потом тоже) почти обязательными: преданных читателей «Пикника на обочине» и недавних зрителей «Сталкера» очень занимало, как это фантастическая повесть сумела превратиться в столь на нее

непохожий и не слишком фантастический фильм и какова в этой процедуре роль самих Стругацких. Отсюда – обстоятельность ответа. Вот только опубликовать этот ответ тогда не удалось. После выступления прошло не так уж много времени, и оказалось, что печатать его негде: имя «невозвращенца» Тарковского уже вовсю вымарывалось из периодики. Только в 1987-м появились в «Огоньке» (и были потом оттуда несколько раз перепечатаны) воспоминания Аркадия Стругацкого об Андрее Тарковском, где те же события изложены несколько по-иному и с другими подробностями».

Из: АНС: Фильм все-таки вышел…

Лет пять назад Андрей Арсеньевич Тарковский, уже знаменитый тогда режиссер, поразивший наше с братом воображение такими фильмами, как «Иваново детство», «Андрей Рублёв», «Солярис», «Зеркало», позвонил и спросил, не будет ли угодно мне принять его по весьма важному делу. Мне оказалось угодно. Он пришел и с ходу сказал: «У меня есть знакомый режиссер, который очень хотел бы поставить фильм по вашей повести «Пикник на обочине», а я, если не возражаете, буду его художественным руководителем». Я немного растерялся – хотелось, чтобы режиссером был именно Тарковский. Мы встречались еще раз пять или шесть, пока, наконец, не удалось выяснить, что и его, и приятеля-режиссера интересуют только четвертая часть повести, а именно – поход героев к Золотому Шару, Машине Желаний. Когда мы все детали обговорили во всех подробностях, пришло время писать заявку. Тут-то Тарковский и сознался, что режиссером и художественным руководителем фильма будет один человек – он сам.

Письмо Бориса брату, 9 октября 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

1. Меня очень заинтересовало твое сообщение по поводу Тарковского. Если это выгорит, то это будет настоящее дело, которым и заняться надо будет по-настоящему.

Пожалуйста, держи меня в курсе. Я не совсем понимаю, как можно обойти запрет экранизаций, хотя чуйствую, что это возможно. (Что-нибудь вроде «по мотивам повести… или повестей…».) Между прочим, если с ПнО не выгорит, предложим Тарковскому зМЛдКС. По-моему, это его вполне может удовлетворить. В общем, держи меня в курсе.

2. В «Авроре» пока (тьфу-тьфу!) без изменений. В Лендетгизе же идет возня: подключили Брандиса, попросили дать соображения по «девзрослению» повести, он дал, ему сказали ОК, пообещали, что теперь свяжутся со мной и попросят о ма-аленьких переделках (убрать кое-какую лексику, добавить что-то там в уста Корнею и пр.), но пока еще не звонили. Впрочем, Брандис беседовал с ними вчера.

3. Насчет зМЛдКС – я все жду, что меня попросят. Но что-то никто не просит. Надо будет пойти в «Неву» и предложиться.

4. Сегодня пойду в Литфонд заказывать путевки. Буду просить с 25 ноября.

5. Дмитревский рассказывает, что беседовал недавно с Медведевым. Медведев всячески за нас, просто ДоУ кажется ему «не лучшей повестью Стругацких»… он, Медведев, предпочел бы там, скажем, ОО (!). За что купил, за то и продаю. По-моему, все они врут – и нам, и друг другу.

6. Насчет пороха в пороховницах можешь быть совершенно спокоен. Он есть. Мы еще не одну горку перемахнем[1]. Кончай с этим сценарием, поезжай отдыхать, наберись оптимизму и… зМЛдКС – это вещь! А поработаем над нею – будет дважды вещь!

Пока все. Целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Ленка! Как варить рис? Напиши рецептик!

[1] «Перемахнем пригорочек!» – слова Суворова из одноименного к/ф 1940 г., реж. В. Пудовкин и М. Доллер.

Письмо Аркадия брату, около 14 октября 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Пишу вдогонку, не дожидаясь ответа.

1. Прилагаю письмо Фуками, нашего японского переводчика. Ответь за нашей подписью и отошли авиазаказным. Адрес – в конце письма.

2. Вчера звонил Лева Жданов, переводчик со шведского. Сообщил, что получил письмо от Сэма Люндваля, главы изд-ва «Дельта» под Стокгольмом. В январе у него выходит СоТ и УнС в переводе Челя Ремстрема. Пелись дифирамбы («отличная думающая литература»). Упоминалось, что издание осуществляется по договору с Межкнигой. Я позвонил в ВААП. Консультанта по Швеции нет – на картошке. М. п., консультант по Японии – тоже.

3. Бела непрерывно меня теребит. Но я никак не могу связаться с Гусевым, хотя звоню ему последние дни уже по два раза на дню.

4. Вчера закончил 3-й вариант «Бойцового Кота» (с). Не удержался, на три четверти переделал. Сегодня несу в Сценарную студию. Уже есть редактор из Одессы, сегодня же буду знакомиться. До чего хорошо работать с режиссером!

5. Заходил некий Геннадий Шакин из Воронежа, привез от своих друзей-художников иллюстрации к СоТ и ГЛ. НичегЁ.

Такие дела.

Привет Адке и Росшеперу. Поцелуй маму. Обнимаю, твой Арк.

Ч-черт, совсем забыл. Из ВААПа пришло странное письмо по поводу ДР. В частности и главное: «…Мы получили от издательства ГДР «Нейе Берлин» предложение на использование вашего произведения «Далекая Радуга» в переводе на немецкий язык в третьих странах немецкого языка… В случае передачи лицензии на перевод в другие страны издательство ГДР обязуется перечислить гонорар в ВААП

в валюте этих стран. «Нам предложено, в случае согласия, подписать второй экз. этого письма и вернуть его в ВААП. Что я и сделал. Хрен его знает, что это значит. И узнать ничего нельзя – все на картошке…

Ну-с, и японский адрес: <…>

Письмо Бориса брату, 16 октября 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое застало меня в пароксизме гриппа. Только сегодня вот несколько оклемался, написал письмо Фуками (кстати, непонятно, почему ты на него не захотел ответить?), завтра Адка отправит его из Пулкова заказным, а то я еще не выхожу.

Насчет Сэма Люндваля – это все очень мило, но вот как бы попросить твоего Леву Жданова, чтобы он выхлопотал там экзы! А то ведь через ВААП не дождешься, небось.

Насчет ДР в ГДР я не все понял. Они хотят издавать ДР или торговать ею в Австрии и пр.? Или и то и другое? Дело в том, что НЕЕ БЕРЛИН уже издавало ДР – в 1971 г. По-видимому, речь идет только о торговле лицензией. Ну что ж, дай им бог…

Я тут через Брандиса узнал, что какое-то французское изд-во (забыл название, но говорят – крупное) заинтересовалось «Малышом». Просят прислать экз. Я пошлю, отчего же…

Из ВААПа пришло письмо, что ИНЗЕЛЬ ввиду нехватки бумаги задерживает издание очередных наших повестей до 75-го и, может быть, до 76-го года. Ладно. Но я же не об этом просил их узнать, а о гонорарах! Да, брат, литагенты у нас – мечта!

Я еще надеюсь получить от тебя письмишко до твоего отъезда. Очень интересуюсь знать, как там дела с Тарковским.

Целую, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 17 октября 1974, М. – Л.

Дорогой Борик.

Опять не дождался твоего письма и пишу вслед. Последняя неделя – целый шквал событий, только успеваю отдуваться. Похоже, что история пришпорена, история несется вскачь, гремя золотыми подковами…[1]

1. Тяжелые бои на фронте МГ – три дня переговоров с Медведевым, взаимные попреки и угрозы, хлопанье дверью и кидание шапок оземь – завершились сегодня срочной подготовкой договора (четвертого по счету) – на «Неназначенные встречи». Условия: я дал честное слово, что не буду настаивать на ДоУ и подберу другую вещь, как только получу договор на руки и аванс на книжку; он дал честное слово, что немедленно даст нам договор с авансом и поместит ДоУ в первом же сборнике советского детектива или в сборник «Фантастический детектив», который они там планируют. Мое предложение включить ПиП принято с благосклонностью. Возможны, впрочем, варианты. Что из этого получится – не знаю, но мы ничем не рискуем, разве что будет очередная затяжка – но и тут у нас остается шанс: второе письмо наверх.

2. Сценарий благосклонно (хотя и не без занудных, но в общем правильных правок) принят редактором и сдан на машинку там же на студии. Последняя и решающая сценарная коллегия состоится то ли 28-го, то ли 30-го, так что мне придется смотаться из Дубулт в Москву. Режиссер полностью удовлетворенный выехал в Одессу (вернее, выедет завтра, унося своему начальству в клюве два экземпляра). Здесь готовятся веские положительные отзывы заслуженных товарищей для атаки Киевского госкино.

3. Андрон Кончаловский передал мне письмо насчет сценаризации ТББ во Франции. Копию в части, нас касающейся, прилагаю. Несколько дней пришлось потратить,

[1] А. Н. Толстой, «Гиперболоид инженера Гарина»: «Петр Гарин договорился с мистером Роллингом… История была пришпорена, история понеслась вскачь, звеня золотыми подковами по черепам дураков» (гл. 112).

чтобы найти в ВААПе человека, который бы знал, как на это письмо ответить. В конце концов вышел я все на того же Панова, который разъяснил (после получасовой консультации в недрах этой конторы и за ее пределами), что предложения такого рода должны направляться прямо на имя председателя ВААПа Панкина. Пишу письмо, завтра отдаю Папане[1] для перевода и отсылаю. Панов порекомендовал, чтобы французы сразу же обозначили в своем предложении условия – финансовые, относительно нашего участия и пр.

4. Из ВААПа сообщили о намерении Аргентины получить два экза ВНМ (ответил, что пусть присылают договор, тогда добудем и экзы) и о намерении (подкрепленном договором) ГДР «Нойе Берлин» публиковать «Малыша». Кроме того, нужны экзы УнС и СоТ, тут я не совсем понял, в чем дело. Но факт остается фактом: требуется иметь машинописные копии. Я бы попросил тебя заняться этим делом, т. к. моя машинистка вышла из строя.

5. Ходил на сберкнижку. Нам получилось из Сценарной студии по 380 ряб. Полагаю, получишь либо лично, либо, если дашь знать, по почте.

6. Забыл упомянуть: в письме к французам собираюсь просить их прислать ТББ в ихнем издании.

7. Бела была у Ганичева, тот заверил ее, что она – один из лучших редакторов издательства и пр., и что ей нечего опасаться, что ее уйдут, а совсем напротив. Словом, что-то как-то действует за кулисами этой странной истории. С другой стороны, ходят смутные слухи о том, что кто-то где-то предложил прекратить поток «черной фантастики» и вернуться к фантастике близкого прицела, где было бы будущее Сибири, Дальнего Востока и колышущиеся хлеба[2]. Трудно что-либо понять.

Такие дела.

Не знаю, успеешь ли ты ответить до нашего отъезда, но если есть конкретные предложения или важные вести,

[1] Т. е. тестю АНа Илье Михайловичу Ошанину? – *Сост.* Видимо, да. Хотя такая фамильярность кажется непривычной. – *БНС*.

[2] Автоцитата из ПНвС.

то попробуй дозвониться мне хотя бы в понедельник рано утром. Впрочем, звони и вечером, тогда, в случае, если меня не будет, поговоришь с Ленкой. А меня запросто может не быть, потому что устройство дел – это, брат, очень тяжелое занятие. Ленка в курсе всех дел, а то, что нужно сверх, – запишет.

Обнимаю, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу.

Такой долгожданный договор с «Молодой гвардией» на сборник «Неназначенные встречи» датирован 17-м октября 1974 года. В нем указан редактор – Бела Клюева и содержание («3 научно-фантастические повести: «Малыш», «Пикник на обочине» и повесть о проблемах контакта с внеземными цивилизациями в коммунистическом будущем»).

Письмо Аркадия брату, 19 октября 1974, М. – Л.

Дорогой Борис.

Только что получил твое письмо. Надеюсь, с гриппом ты уже разделался.

1. Вчера (18 окт.) Ганичев подписал договор. Высылай соображения по новому составу сборника. Во всяком случае, думай. Вышли в бухгалтерию МолГв заявление о переводе гонорара на твою книжку.

2. Посылаю письмо американца. Ответь. Сам не отвечаю, некогда. И не люблю.

3. Я со своей стороны хочу пробить такие варианты состава:

I – Извне, ПнО, ПиП, М

II – ПнО, М, ТББ

Целую, передавай приветы.

Твой Арк.

К письму прилагался машинописный перевод письма Андрону Кончаловскому от некоего американца русского происхождения, проживавшего во Франции.

Дорогой друг Андрон,

Моя добрая подруга – и товарищ – хотела бы создать кинематографическую версию книги Аркадия и Бориса Стругацких, переведенной на французский в издательстве Деноэль (Denoël), «Трудно быть богом» (1-й триместр 1973 г.), извлеченной из сборника «Далекая Радуга» изданного в Москве в 1964 г. издательством «Молодая Гвардия».

Я обращаюсь к тебе, поскольку не знаю, какие шаги следует предпринять для получения права адаптации этого произведения для осуществления постановки фильма здесь, во Франции. Может быть, ты смог бы мне посоветовать, к кому мы должны обратиться, в Союз писателей или куда-либо еще. Я надеюсь, что твои советы дадут нам возможность сэкономить время, поскольку я безумно боюсь ввязываться во всю эту занудную переписку через посредство советского посольства в Париже и др.

Может быть, твой отец сможет дать хороший совет. Я в этом не сомневаюсь.

Моя подруга была бы очень рада, если бы ей удалось узнать адрес братьев Стругацких, поскольку ей хотелось бы написать им о том интересе и удовольствии, которые вызывает эта «научная фантастика», и также о модификации ряда деталей, которая может явиться результатом адаптации, для того, чтобы не возникали «ненужные вопросы»: например, чтобы герой не являлся советским гражданином, что не является необходимым условием сюжета, таким образом была бы исключена возможность двусмысленности.

Я надеюсь, что ты сможешь ответить мне что-либо по этому поводу, а также надеюсь, что эта история не причинит тебе особых хлопот. Даю тебе адрес моей подруги – и товарища – но ты можешь также ответить и прямо мне. Югетта Феррё

<…>.

Письмо Бориса брату, 22 октября 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Ты обрушил на меня такой шквал писем, что я только успевал рот разевать да крутить сильно сопливым носом. Да, брат, история и в самом деле устремилась вскачь, и не угонишься.

Итак, сбылась мечта идиота![1] Ну что ж… Конечно, следовало бы подождать суммы прописью, но порассуждать о содержании сборника и сейчас не помешает.

1. Произвел я тут некоторые подсчеты, и получилось, что, выкинувши ДоУ, они нагрели нас минимум на 3,5 тыс. рябчиков. Хотя, конечно, если Медведев сдержит слово и сунет ДоУ в какой-нибудь сборник, мы окажется в конце концов только в выигрыше. К предлагаемым тобою двум вариантам сборников я добавил, по размышлении, третий. Итого имеем:

I вариант: ПнО + М + ПиП + Извне

II вариант: ПнО + М + ТББ

III вариант: ПнО + М + ПиП + ПкБ

Сам понимаешь, требуется выбрать такой вариант, чтобы сумма прописью была побольше, а качество содержания – получше. Сумму прописью подсчитать чрезвычайно трудно, ибо совершенно неясно, сколько изданий претерпели ПкБ, ТББ, Извне и пойдет ли в Лениздате ПиП. Дабы и ты мог произвести прикидку, сообщаю тебе данные об изданиях:

Извне: 200 тыс. («Шесть спичек») + 200 тыс. (сборник Лениздата)

ТББ: 100 («Далекая Радуга») + 215 (VII том)

ПкБ: 115 (Ф-ка-1962) + 100 («Хищные вещи…»)

М: 75 (Лендетгиз – «Талисман») + МОЖЕТ БЫТЬ (Лендетгиз В+М)

ПиП: МОЖЕТ БЫТЬ (Лендетгиз, сборник в 75 году). У меня получилось, что самый ВЫГОДНЫЙ вариант – третий, самый НЕВЫГОДНЫЙ – второй. Разница между вторым и третьим порядка 1,5–2,0 тыс. Однако первый вариант,

[1] И. Ильф, Е. Петров, «Золотой теленок»: «Сбылись мечты идиота!» (ч. 3, гл. 30).

являясь вторым по сумме, является в то же время, на мой взгляд, самым плохим по качеству. Поэтому я полагаю, что первый вариант следует вообще отбросить. Поскольку я сторонник КАКЧЕСТВА[1], то лично я предлагаю все-таки самый невыгодный, но в то же время самый высококачественный вариант: ПнО + М + ТББ, тем более что если удастся-таки пробить ПиП в Лендетгизе, выгодность третьего (да и первого) варианта значительно поприуменьшится. Правда, вариант № 2 имеет еще и тот недостаток, что придется менять название сборника – вряд ли ТББ подпадает под категорию неназначенных встреч. Но это уже не проблема. Можно в качестве названия сборника взять ПнО; можно дать сборник под всеми тремя названиями; можно придумать новое название; а можно, поразмыслив, прийти к выводу, что ТББ – тоже неназначенная встреча – с точки зрения арканарцев, во всяком случае. В общем, я категорически за вариант номер 2. (В самом деле, здесь будет даже некая приятная симметрия «неназначенности»: ПнО – неназначенность с точки зрения землян; ТББ – неназначенность с т. з. инопланетян; М – всеобщая неназначенность.)

2. Предложения французов по поводу адаптации ТББ для кино весьма интересны. Тут следует только помнить, что пахнет большими деньгами: кино это тебе не Марион фон Шредер, – тут отвалят так отвалят. Поэтому проследи, чтобы передача права АДАПТАЦИИ не превратилась как-нибудь втихаря в передачу права на ЭКРАНИЗАЦИЮ. Не знаю, сколько стоит право адаптации, а вот право экранизации на Западе стоит очень дорого – по крайней мере, судя по литературе, каждый писатель, продавши право на экранизацию своего опуса, немедленно покупает виллу. (Причем, заметь, речь идет лишь о продаже права, а не о написании сценария и прочей тяжелой работе.) Хорошо бы также сохранить и право вето, дабы не позволить превратить нашу благородную

[1] Словечко из сценки «Сантехник», входившей в спектакль Ленинградского театра миниатюр «Время смеется»: «Мне государство за что деньги платит? За коликчество. А за какчество мне государство денег не платит». Текст М. Азова и В. Тихвинского, исполнение А. Райкина.

повесть в слюнявую киноисторийку. Впрочем, право вето, я полагаю, можно было бы обменять на тугрики, если последних будет достаточно.

3. Перепечаткой УнС и СоТ займусь во благовремении.

4. Деньги за сценарий привезешь мне, когда поедешь в Комарово.

5. Письмо японцу послал. Письмо американцу пошлю в ближайшие дни.

6. В общем, насчет французского кино – главное, не торопись ничего подписывать: «Мне надо посоветоваться с братом-соавтором…» и все тут.

Пишу это письмо, ибо ты намеревался в конце октября быть в Москве.

А в остальном – целую,

твой [подпись]

17 ноября рижская газета «Советская молодежь» публикует интервью Илана Полоцка, взятое у АНа при встрече в Доме творчества писателей в Дубултах.

Из: АНС. Румата делает выбор

– Аркадий Натанович, существует устная легенда о братьях Стругацких. Говорят, на одном из совещаний писателей-фантастов вам с братом задали сакраментальный вопрос: как вы пишете вдвоем? Поскольку этот вопрос вам изрядно поднадоел, кто-то из вас якобы ответил: «Очень просто. Так как один живет в Москве, а другой в Ленинграде, мы съезжаемся в Бологом, сидим в станционном буфете, пьем чай и пишем».

– Очень интересная методика… К сожалению, мы ее ни разу не опробовали: это в самом деле легенда. Как же мы пишем вдвоем? Да вот так в полном смысле слова – вдвоем. Каждое слово. Правда, методика эта возникла не сразу. Сначала мы встречались, обговаривали идею, сюжет, композицию – на этот счет у нас не возникало никаких разногласий,

хотя наши профессии диаметрально противоположны: я востоковед-японист, а мой брат астроном, – потом разъезжались и писали каждый свою часть по отдельности. Или оба работали над одним и тем же куском, а потом «сращивали» их. Лишнее отпадало. Но впоследствии убедились, что это не самый рациональный метод. Теперь работаем за одним письменным столом, пробуем друг на друге каждое слово, каждый поворот темы…

<…>

– Что вас волнует в современном мире?

– Все. Проблема перенаселения. К 2000 году нас будет шесть миллиардов. Можно, конечно, ввести контроль над рождаемостью, но это будет означать катастрофическое постарение населения Земли. Гибнущая природа. Что мы с ней делаем? Мы выпустили джинна из бутылки. Посмотрите на эту полосу пляжа за окнами. Я не могу себе представить, что это море останется без рыбы. У нас – да и во всем мире – сейчас ведется огромная работа по восстановлению живой природы, и теоретически мы всё понимаем, но пока не умеем себя каждодневно, ежечасно контролировать…

А проблемы воспитания молодежи – разве могут они не волновать? Сегодняшние школьники и студенты, да и те же младшие научные сотрудники много знают, они становятся прекрасными специалистами, но мы мало, катастрофически мало работаем над развитием и укреплением морально-нравственных ценностей, – да не прозвучит это слишком высокопарно… И неслучайно наш герой из «Обитаемого острова» Максим Каммерер, человек XXII века, просто не понимает, что значат слова «детская преступность», «социальное вспомоществование» и так далее. Нам надо больше думать о «ценностях духа», взращенных человечеством на своем многотысячелетнем пути…

<…>

На вопрос составителей «Кто же автор шутки о кафе в Бологом?» Илан ответил так:

Полоцк И. Пояснение, февраль 2007

Вы задали непростой вопрос. Как бы ни хотелось присвоить себе авторство столь популярной хохмы, все же за давностью лет не решаюсь. Вроде это мой шкодливый язык… но, может, это сказала Ольга Ларионова или сочинил Миша Веллер, с которым мы вместе были в семинаре у Бориса Натановича. В те годы в нашей «тусовке», как сегодня сказали б, хохмы, шутки и розыгрыши сыпались горохом и об «авторских правах», конечно же, никто не думал. Так, что-то всплывает… нет, утверждать не берусь. Так что можете приписывать авторство кому угодно, я не обижусь. <…>

Возвращаясь к Бологому… Шутку эту Аркадий впервые услышал от меня, и я помню, с каким удовольствием он ее посмаковал. Но это не признание в авторстве…

Шутка эта получила продолжение.

Из: АНС-энциклопедия

Легенду первую, сам того не желая, создал сам Аркадий Натанович. Отвечая корреспонденту рижской газеты «Советская молодежь» на вопрос, где братья Стругацкие пишут свои произведения, Аркадий Натанович пошутил: «Съезжаемся между Москвой и Ленинградом, в Бологом, сидим в станционном буфете, пьем чай и пишем». Интервью было опубликовано в 1974 году. А через два года два корреспондента «Комсомольской правды» в тексте интервью с Аркадием Натановичем совершенно серьезно написали про кафе «У Бори и Аркаши» в Бологом, где, по их мнению, «были написаны книги «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Пикник на обочине», «Улитка на склоне». После этой публикации в редакцию «Комсомольской правды» пришло разгневанное письмо из Бологовского райисполкома, где власти требовали опровержения, так как фэны всей страны завалили райисполком письмами с просьбами дать адрес этого несуществующего кафе.

Тем временем решается вопрос об издании ПиП в ленинградском отделении «Детской литературы». 20 ноября Плюснина пишет Авторам.

Из архива. Письмо к АБС из «Детской литературы»

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Издательство внимательно ознакомилось с Вашей рукописью «Парень из преисподней». Мы считаем возможным включить повесть в научно-фантастический сборник «Незримый мост», при условии если Вы несколько приблизите повесть к читателю детской литературы.

В издании для подростков в повести необходимо, не нарушая композиции, прояснить:

Во-первых, поскольку сюжетная линия ведется от третьего лица, нам думается, что нетрудно будет с его помощью более четко определить социальную систему Гиганды, где под эгидой императора и герцога ведутся бесконечные захватнические войны между деспотическими иноязычными государствами, в которых архаические феодальные отношения совмещаются с гнусной идеологией фашизма.

Во-вторых, прояснить конкретные принципы, на которых основано общество землян, идеалы, которые оно проповедует. Мир землян в повести не только материально устроен, предельно гуманный, но и морально прочен и уверен в себе. Это надо закрепить. Может быть, не затягивая действие повести, дать несколько реплик или небольшой монолог Корнея о Земле будущего – установившихся на ней совершенных порядках, новых идеалах «вселенского» гуманизма и братства миров, и т. д.

И в-третьих, учитывая возрастную специфику, в первой части несколько сократить и смягчить натуралистическую жестокость батальных эпизодов и убрать, за счет вульгаризмов, разнузданность языка Гага.

И, последнее, кое-где в главах от третьего лица авторы сбиваются на интонацию Гага (стр. 25, 55 и др.). В устах Гага

или в мыслях это было бы естественно, но в авторском тексте допустить нельзя.

С уважением.

Ст. редактор А. Плюснина

Вскоре Авторы в Комарове помимо подготовки чистовика ЗМЛДКС правят ПИП для «Детской литературы».

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Молоко задумалось.

26.11.74

Приехали в Комарово писать ЗМЛдКС.

27.11.74

Сделали 10 стр. (11) 10 (11)

Вечером сделали 2 стр. (2) 12 (13)

28.11.74

Сделали 13 стр. (15) 25 (28)

Вечером сделали 3 стр. (3) 28 (31)

И тут легкий сквознячок потянул по комнате, шевельнул сдвинутую штору, и яростное пополуденное солнце, ворвавшись в окно, ударило Игоря Петровича прямо по лицу. Он зажмурился, заслонился растопыренной пятерней, подвинулся в кресле и торопливо поставил рюмку на стол. Что-то с ним случилось. Глаза часто замигали, на щеки набежала краска, подбородок дрогнул. «Простите… – прошептал он с совершенно человеческой интонацией. – Простите, Дмитрий Алексеевич… Может быть, вы… Как-то здесь…»

29.11.74

Сделали 12 (13) 40 (44)

Вечером сделали 3 (3) 43 (47)

Но он даже не успел ничего сказать об этом Вечеровскому, потому что вспомнил еще кое-что.

– Слушай, – сказал он, оживившись. – Я совсем забыл. Вайнгартен, когда звонил вчера, спрашивал, знаю ли я Снегового.

– Да?

– Да. Я сказал, что знаю.

– А он?

– А он сказал, что не знает… Не в этом дело. Что это, по-твоему, – совпадение? Или как? Странное какое-то совпадение…

30.11.74

Сделали 11 стр. (13) 54 (60)

Вечером сделали 2 стр. (3) 56 (63)

Была Адка.

Малянов слышал и не слышал его. Вязкая дурнота подкатывала к горлу, хотелось поскорее уйти, лечь, вытянуться, завалить голову подушкой. Это был страх. И не просто страх, а Черный Страх. Беги отсюда. Спасайся. Брось все, скройся, заройся, утони… Ну, ты, прикрикнул он на себя. Опомнись! Нельзя так. Пропадешь… И он сказал с усилием:

1.12.74

Сделали 10 стр. (10) 66 (73)

Вечером сделали 4 стр. (4) 70 (77)

2.12.74

Сделали 12 стр. (11) 82 (88)

Арк едет в город.

3.12.74

Сделали 13 стр. (14) 95 (102)

Вечером сделали 3 стр. (3) 98 (105)

4.12.74

Сделали 12 стр. (12) 110 (117)

Вечером сделали 3 стр. (3) 113 (120)

5.12.74

Сделали 13 стр. 126

Была Адка.

И ЗАКОНЧИЛИ НА 126 СТР.

6.12.74

Сделали исправления ПиП для Лендетгиза.

7.12.74

Для кино:

1. Чел<ове>к, кот<орого> принимали за пришельца.
2. «Выбор пал на Рыбкина».
3. Киносборник чепухи.

8.12.74

Уезжаем.

28 ноября из Комарово АБС пишут письмо в «Молодую гвардию».

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемая Бела Григорьевна!

Пока А. Стругацкий вел переговоры с Вами относительно состава сборника «Неназначенные встречи», Б. Стругацкий заключил договор на издание «Парня из преисподней» с Ленинградским отделением Детгиза. Таким образом, включить повесть «Парень из преисподней» в сборник «Неназначенные встречи» представляется теперь нежелательным.

Обдумав создавшуюся ситуацию, мы решили предложить Вам вместо «Извне» и «Парня из преисподней» либо «Трудно быть богом», либо «Обитаемый остров». Нас устроил бы любой вариант.

«Трудно быть богом» – одна из самых популярных наших повестей. Она имела большую положительную прессу, включена Министерством просвещения в списки литературы для внешкольного чтения в старших классах, не нуждается ни в дополнительном рецензировании, ни в дополнительном редактировании.

«Обитаемый остров» в том виде, как он издан Детгизом в 1970 году, несколько великоват (больше 15 а. л.), но можно было бы взять сокращенный журнальный вариант, опубликованный в «Неве» – там около 10 а. л. Эта повесть в свое время тоже получила одобрение прессы и пользуется популярностью у молодого читателя.

Окончательный выбор из этих вариантов оставляем на усмотрение редакции. Просим Вас согласовать этот вопрос

с тов. Медведевым и сообщить нам решение редакции с тем, чтобы мы приняли меры по распечатке утвержденной повести.

Приносим свои извинения за недоразумение с «Парнем из преисподней».

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Договор с ленинградским отделением «Детской литературы» на ПИП был заключен 8 декабря.

Письмо Аркадия брату, 15 декабря 1974, М. – Л.

Дорогой Борис.

1. В МолГв все пока благополучно, хотя из-за внутренних их неурядиц тормозится. Я говорил с Медведевым. Он за ТББ, сказал даже, что считает эту вещь наряду с М лучшей у нас. Но сам он решить не может, должен посоветоваться и спросить разрешения у Авраменки. Примерно во вторник-среду я ему звоню. Если все в порядке, надо отдавать ТББ печатать. Бела уходит из МолГв и переводом поступает в ВААП спецом по фантастике и приключениям. Это тоже некая возможность, но практически еще не очень ясная.

2. Звонили из ВОАП. Пришли деньги из ФРГ за ТББ и ОО. Пришлось ездить туда и отвозить заявление на сертификаты и на оплату пополам. Сказали, что на той неделе деньги будут в Посылторге. Сумма более значительная, чем обычно. К тому же мне сказали, что отчисляться будет теперь только 25 % плюс подоходный налог. А м. б., я не так понял. Посмотрим.

3. В США изд-во ДАУ издает (или уже выпустило) ТББ в покетбуковском издании. Обложку я видел. Срамота. Видел я также и обложку шведского издания СоТ (плюс УнС). Это значительно лучше. У шведов книга выйдет в феврале. Экзы из США и Швеции я заказал.

4. В Сценарной Студии сценарий приняли полностью. Но как насчет денег – пока неясно.

5. Ходят неприятные слухи, что фантастика действительно переводится на ближний прицел: БАМ, освоение Сибири, тундры и пр. Кроме того, будет сокращаться число названий. Не знаю, только ли это для МолГв или для всех издательств.

6. ЗМЛдКС читал Ленке, Машке, Мирерам, Бобрам[1] и Наташке с Эдиком. Фурор полный.

Вот пока всё.

Привет Адке и Андрею.

Жму, целую. Арк.

Письмо Бориса брату, 20 декабря 1974, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое получил. Очень приятные новости. У меня тоже кое-что поднакопилось.

1. Был в «Авроре», выкупил 12-й нумер с ПиП. Остатние деньги обещают заплатить в начале января. Имел беседу насчет зМЛдКС. Они там все пока очень ЗА, приглашают опять же в начале января подписывать договор, причем, если не ошибаюсь, речь все-таки идет о 75-м, а не о 76-м. Что впрочем не столь и существенно.

2. Был – и неоднократно – в Лендетгизе. Договор на ПиП они таки подписали, и я уже получил аванс (тебе, сказали, вышлют опять же в начале января). Натурально у них куча замечаний и поправок – сейчас вот сижу и правлю. В основном – лексика, конечно, но еще и попросили сократить страниц на 5 – у них не хватает листажа. Когда принесу исправленный вариант, обещали выписать одобрение, но это уж мы точно получим не раньше января.

3. В Детгиз уже пришли гранки ПХХIIВ+М, видел своими глазами. Обещают книжку все в том же многострадальном январе.

[1] Знакомые АНа Бобринские.

4. Из «Мира» получил 184,36 «за переиздание кн. Далекая Радуга». Между прочим, очень неплохо получилось за переиздание этой кн. – в общей сложности около 500 р.! Кто бы мог подумать!

5. Хорошо, что зашевелились в смысле сертификатов немцы. Я полагаю, это мое письмо возымело действие. Будешь получать – постарайся все-таки выяснить нынешнюю процедуру отчислений, чтобы мы все время могли понимать, на каком мы свете.

6. В Литфонд еще не ходил. Сегодня позвоню туда, попрошу путевки на 15 января.

7. Насчет ближнего прицела не горюй. Вывернемся как-нибудь. Мощный тундровспахивающий бульдозер вывернет у нас из вечной мерзлоты некий цилиндр. Странный. Отвинчивают цилиндр, а там… И т. д.

Вот и все пока. Привет Ленке и Машке.

Твой [подпись]

«…цилиндр. Странный. Отвинчивают цилиндр, а там…» Устойчивая шутка АБС, которой они пользовались со времен первого варианта УНС. В «Комментариях» БН вспоминал: «Все, что сохранилось в дальнейшем от обезьяньего варианта, это маленький, очень развлекавший нас время от времени ритуал. Когда у нас происходили размышления по поводу какого-нибудь нового сюжета и когда работа ни в какую не шла, кто-нибудь обязательно и с самым глубокомысленным видом предлагал вариант: «Попадают это они на остров…», а другой тут же подхватывал с готовностью: “…А там обезьяны. Странные!”»

Тем временем Андрей Тарковский размышляет, помимо всего прочего, и об экранизации ПНО.

Из: Тарковский А. Мартиролог

22 декабря 1974

<…>

Собираюсь написать письмо Ермашу, где буду требовать запуска с одним из следующих названий:

1. «Идиот».

2. «Смерть Ивана Ильича».

3. О Достоевском.

И м. б., 4-ое – «Пикник на обочине».

25 декабря 1974

<…>

Совершенно гармонической формой для меня сейчас мог бы быть фильм по Стругацким: ***непрерываемое***, подробное действие, но уравненное с религиозным действом, чисто идеалистическое, то есть полутрансцендентальное, абсурдное, абсолютное. («Моллой» С. Беккета.) Схема жизни человека, стремящегося (действенно) понять смысл жизни. И самому сыграть. Не рухну ли я под тяжестью двух аспектов? Ах, интересно!

1. 2 актера.

2. Единство места.

3. Единство действия.

4. Можно проследить за природой от часа к часу (как темнеет или светлеет).

(Взять «Моллоя» для Стругацких.)

В 1974 году у АБС вновь не вышло ни одной книги. Но договора, заключенные в конце года, издание ПИП в «Авроре» (№ 11–12) и высокая оценка самими Авторами только что написанной повести ЗМЛДКС давали Авторам надежду: прорвемся через этот неясный, туманный период, всё еще впереди.

Помимо ПИП, в этом году были опубликованы ЭВП С. Ярославцева (в журнале «Памир» и в «Мире приключений»), совместная с Фатехом Ниязи киноповесть «Семейные дела Гаюровых» (в том же журнале «Памир»).

В Библиотеке всемирной литературы в томе Акутагавы были переизданы переводы АНа рассказов «Нос», «Бататовая каша», «В стране водяных». Также в сборнике Ф. Брауна и У. Тенна (Звездная карусель. – М.: Мир, 1974) вышел перевод С. Бережкова рассказа «Этаоин Шрдлу».

Писание киносценариев – пока что почитаемое за бесплодную поденщину и «отхожий промысел» – отнимает у Авторов немало времени и сил. Но вот их творчеством заинтересовался Тарковский…

По-прежнему не забывает АБС литературоведение. Их произведения упоминаются в книгах Кагарлицкого (Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика?) и Смелкова (Смелков Ю. Фантастика – о чем она?), в статьях Ревича (Ревич В. Время, вперед! Время, назад! // Сборник научной фантастики. Вып. 13; Ревич В. На Земле и в Космосе: Заметки о сов. фантаст. 1971–1972 г. // Мир приключений), Чумакова (Чумаков В. Фантастика и ее виды // Вестн. Московского университета. – Сер. 10: Филология.), Нудельмана (Нудельман Р. Научная фантастика // Большая сов. энцикл. – 2-е изд., Т. 17). Разбирается творчество АБС и в диссертации Кушаева (Кушаев Н. А. Проблема активизации воспитательного влияния научно-фантастической литературы на подростков: На материалах руководства внеклассным чтением в 4–8 кл.: дис. ... канд. пед. наук).

1975

Письмо Бориса брату, 3 января 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Ниже следует текст заявки на «Встречу миров».

Предлагаем заявку на сценарий полнометражного научно-публицистического фильма «Встреча миров» (название условное). Тема фильма: один из аспектов проблемы контакта земного человечества с инопланетными цивилизациями.

Бурный научно-технический прогресс последних десятилетий привел к тому, что целый ряд вопросов, еще недавно казавшихся чрезвычайно далекими от человеческой практики, встал буквально на повестку дня. В частности, благодаря стремительному развитию электроники, радиотехники и лазерной техники успешно решаются задачи сверхдальней космической связи, а это означает, что технически человечество уже сегодня способно дать знать о себе гипотетическим разумным жителям дальних миров, равно как и принять попытаться расшифровать сигналы иного разума. В последние годы вопрос о контакте с инопланетными цивилизациями оживленно дебатируется уже не только в фантастических произведениях и философских эссе, но и в серьезных научных статьях, на международных научных конференциях, специально этому вопросу посвященных, в выступлениях крупных специалистов по радиоастрономии, биологии, математике, лингвистике, психологии и социологии. Совсем недавно в Бюракане (Армянская ССР) состоялось международное совещание, посвященное проблематике контакта. На северном Кавказе заканчивается строительство гигантского радиотелескопа РАТАН, в научную программу которого совершенно официально вписан пункт о необходимости специальных поисков сигналов от иных цивилизаций. И т. д., и т. п.

Проблематика Контакта имеет много аспектов. Сама проблема внеземной жизни: существует ли она вообще; каковы ее возможные формы; каковы пути ее эволюции; каковы

условия возникновения разумной жизни; возможные формы прогресса этой разумной жизни – от самых примитивных до сверхцивилизаций. Проблема связи с иными цивилизациями: возможность межзвездных перелетов; техника поиска чужих сигналов и передачи своих; методика кодирования и расшифровки своей и чужой информации; и многое, многое другое.

Нас более всего интересует аспект философско-социологический: как будут развиваться отношения между человечеством и инопланетной цивилизацией, коль скоро контакт будет достигнут. Каковы возможные пути развития контакта? Каковы вероятные последствия контакта для земного человечества, для его науки и техники, для массовой психологии, для истории вообще? Какие конкретные формы может принять контакт в зависимости от уровня развития, биологии, психологии, социального устройства конкретных носителей иного разума? Наконец, каких целей может добиваться земное человечество, ища контакта?

Точка зрения крайних оптимистов сводится к тому, что Разум един. Разумные существа с разных концов Галактики всегда найдут друг друга, цели их одинаковы – бесконечное изучение и покорение бесконечной Вселенной, – а потому с неизбежностью контакт приведет к обмену информацией, взаимопомощи, взаимному ускорению прогресса разных миров. Даже встретившись со сверхцивилизацией, далеко обогнавшей человечество на пути прогресса (а сейчас, пока проблема межзвездных перелетов человечеством не решена, речь может идти только о таком партнере по контакту), земляне только выиграют во всех отношениях – человечество совершит гигантский технологический скачок, само выйдет в межзвездные просторы и окажется способным, может быть, даже разрешить свои социально-политические противоречия сегодняшнего времени. Вывод: контакт в высшей степени желателен; человечество уже теперь должно активно посылать сигналы в Космос, заявляя о своем существовании и стремлении войти в контакт.

Крайние пессимисты, напротив, исходят из идеи принципиальной агрессивности Разума и, ссылаясь на исторические примеры беспощадного угнетения отсталых народов Земли более развитыми, рассматривают Контакт в терминах колонизации, угнетения, эксплуатации. С точки зрения крайних пессимистов контакт человечества со сверхцивилизацией – это трагедия безнадежного, бесперспективного сопротивления, гибели земной культуры и низведения человечества до уровня рабочих животных, а может быть, и мясного скота. Вывод: контакт в высшей степени нежелателен, все попытки заявить Вселенной о своем существовании – преступны, по крайней мере до тех пор, пока земная цивилизация сама не выйдет на галактические просторы и не превратится в партнера равного по мощи.

Очевидно, разумный подход к проблеме Контакта находится где-то посередине. Фильм мыслится как раз как столкновение крайних точек зрения и поиск оптимального решения. Хотелось бы рассмотреть разнообразные мыслимые условия Контакта – контакт с гуманоидными цивилизациями, т. е. с существами, хотя бы внешне похожими на людей, и контакт с разумными существами иной биологической и биохимической организации; контакт с существами, близкими человеку по своей психологии, и с Разумом, для которого человеческая психология так же чужда, как для нас, скажем, психология спрутов. Контакт с цивилизацией, цели которой понятны человечеству (покорение природы, экспансия в космос и микромир, непрерывное совершенствование своих социально-политических характеристик) – и контакт с Разумом, эволюция которого сильно отличалась от человеческой, например – с биологической цивилизацией, в основе которой лежит не технологический прогресс, а расширение в первую очередь биологических и этологических знаний, не покорение природы, а, так сказать, слияние с нею, поиски и использование ее скрытых резервов, непрерывное совершенствование биологических характеристик носителей разума…

Насколько нам известно, фильмов на такую тему ни в советской, ни в мировой кинематографии еще не было, а между тем интерес широкого зрителя к этой тематике необычайно велик. Нам кажется несомненным, что в случае удачи такой фильм должен неизбежно выйти на мировой экран.

Фильм мыслится как органическое сочетание художественных, публицистических и познавательных элементов с широким использованием как игровых эпизодов (в т. ч. кадров советской и зарубежной кинофантастики), так и мультипликации, комбинированной съемки и документального материала.

Сценарий может быть представлен через 6 месяцев после заключения договора.

Что касается аннотации на зМЛдКС, то по размышлении это дело показалось мне не совсем простым. Давай-ка не будем торописса, а соберемся вот с тобой через пару недель и все тщательнейше обсудим.

Новостей у меня, натурально, пока еще никаких нет. Жду письма с новостями от тебя. И обязательно с максимально возможной точностью напиши: какой гонорар мы получили во Внешпосылторге, сколько, от кого и за что.

Целую, твой [подпись]

Привет Леночке и Машке!

В начале года Андрей Тарковский размышляет о будущем кинофильме по ПНО.

Из: Тарковский А. Мартиролог

4 января 1975

А что если вместо юноши в «Пикнике» – женщина?

6 января 1975

Написал письмо Ермашу, в котором прошу его немедленно решить вопрос о моей дальнейшей работе. Я имел в виду одно из двух: «Идиот» или фильм о Достоевском.

Скорее всего, он откажет, тогда я напишу ему еще одно письмо с заявками (параллельно со Студией) на «Смерть Ивана Ильича» и «Пикник». Только надо будет утрясти вопрос со Стругацкими.

<…>

7 января 1975

Чем-то мое желание делать «Пикник» похоже на состояние перед «Солярисом». Уже теперь я могу понять причину. Это чувство связано с возможностью легально коснуться трансцендентного. Причем, речь идет не о так называемом «экспериментальном» кино, а о нормальном, традиционном, развивавшемся эволюционно. В «Солярисе» эта проблема решена не была. Там с трудом удалось организовать сюжет и поставить несколько вопросов.

Мне же хочется гремучего сплава – эмоционального, замешанного на простых и полноценных чувствах рассказа о себе, – с тенденцией поднять несколько философско-этических вопросов, связанных со смыслом жизни.

Успех «Зеркала» меня лишний раз убедил в правильности догадки, которую я связывал с проблемой важности личного эмоционального опыта при рассказе с экрана. Может быть, кино – самое личное искусство, самое интимное. Только интимная авторская правда в кино сложится для зрителя в убедительный аргумент при восприятии.

Письмо Аркадия брату, 8 января 1975, М. – Л.

Дорогой Борис.

Особых новостей нет.

1. Нам прислано было за ТББ и ОО из ФРГ что-то вроде 629 ряб с копейками. Вычеты: 25 % в банк и подоходный налог согласно, видимо, имеющемуся у тебя табелю. Внешпосылторг больше, видимо, не грабит. Получено каждым из нас по 163 р. 22 коп.

2. Получено письмо из США от Роберта Реджинальда с благодарностью за заполненные анкеты. Сообщает, что

в США у ТББ хорошая пресса, он может прислать вырезки, а также экзы нового издания ТББ в ДОУ-букс. Ну, экзы у нас уже есть, а насчет вырезок надо бы написать. Да всё руки не доходят.

3. Некто Дарко Сьювин из университета МакГилл (Канада) прислал оттиск своей статьи «Литературные произведения братьев Стругацких», напечатанной в журнале «Кэнэдиен-Эмерикен Слэйвик Стадиз», VIII, 3. НичегЁ, многое заимствовано у наших критиков, но есть и свои идеи. Просит просмотреть и прислать замечания и исправления.

4. Из МолГв, Сцен. студ. и пр. – ничего.

5. Бела работает в ВААПе, заезжал к ней, отвез листовку (рекламную) на ПиП, пропотел над этой листовкой целый день. Только мне и дела, что с этим г… возиться.

6. Прошу:

а. Выслать мне хоть десяток «Аврор» с ПиПом.

б. Сообщить, как с ПХХIIВ+М.

в. Кто мне прислал перевод: Детгиз или «Аврора».

Жму, целую, Арк.

Привет Адке и Андрею.

9 января в ответе любителю фантастики БН поясняет причины написания ПИП и описывает общую обстановку вокруг АБС на тот период.

Из архива. Письмо БНа Олегу Лизгунову

Дорогой Олег!

Отвечаю на Ваши вопросы.

1. В «Сибирских огнях» мы никогда не печатались. Повести «Черные лебеди» никогда не писали. Писали повесть «Гадкие лебеди» – она пока нигде не публиковалась. Слух о том, что мы уехали (правда, не в Израиль, а, кажется, в США), до нас тоже доходил. Сначала мы посмеялись, а потом помрачнели: слухи такого рода создают невероятные препятствия в нашей работе.

2. Что будет у нас опубликовано в 1975-м, по-прежнему, не совсем ясно.

3. Повесть «За миллиард лет до конца света» заканчиваем. Намерены предложить ее «Авроре». Что из этого выйдет, неизвестно.

Я рад, что «Парень из преисподней» Вас не разочаровал. Мы сами эту повесть не любим. Была она написана не то, чтобы по заказу, но в большой спешке. Мы не успевали сделать обещанную «Авроре» повесть «За миллиард…» и в полном цейтноте быстренько переделали в повесть наш старый сценарий. Получился «Парень…». Вы, наверное, правы в том, что такие повести тоже нужны, однако я предпочел бы, чтобы обстоятельства складывались по-другому и чтобы таких торопливых развлекательных повестей нам писать бы не приходилось.

Почему отдельные критики озлоблены против нас, объяснить в двух словах трудно. Тут и недопонимание, и разница в мировоззрениях, и сведение личных счетов (упомянутый Вами Котляр), и озлобление чисто казенного свойства… Всего не перечислишь. Беда не в том, что пишут злобно и глупо – беда в том, что каждая такая статья становится препоном при переговорах с издательствами. Обратите внимание: уже четыре года, как мы не опубликовали НИ ОДНОЙ книги! Это – один из результатов злобных статей.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш [подпись]

В конце января АБС встречаются в Комарове. Но конкретной работы не получается – неясно, что писать. Зато нарабатываются новые сюжеты.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Чел<ове>к, которого принимали за пришельца. Параллельный сюжет. Хохма, кончающаяся трагедией. Контрразведка, разведка, иностранный шпион, психи, бабы, настоящие пришельцы, ученые-фанатики. Гротеск.

20.01.75

Приехали в Комарово. Будем переписывать ГО?

21.01.75

Написали заявку на переиздание в Д<ет>Г<из>.

Тщились написать заметку для ЛитОбоза.

[на отдельном листке]

Предлагаем Издательству включить в редакционные планы наш авторский сборник в составе двух сказочных повестей: «ПНвС» (10 а. л., переиздание) и «Высокие договаривающиеся стороны» (назв. условное, 5 а. л., новая повесть).

Повесть ПНвС уже известна молодому читателю. Это сказка о НИИЧАВО и его веселых сотрудниках.

Новая повесть-сказка ВДС задумана как продолжение ПНвС. Читатель снова встретится в ней с творцом линейного человеческого счастья Фёдором Симеоновичем, неутомимым искателем смысла жизни Кристобалем Хунтой, с простодушным заведующим выч. центра Сашей Приваловым и его друзьями магистрами Романом Ойра-Ойра, Эдиком Амперяном и Витькой Корнеевым. На этот раз им выпадет на долю организация и проведение на самом высоком дипломатическом уровне контакта с представителями аналогичного института другого мира на предмет разработки грандиозного плана устройства счастья не только отдельных планет, но и всей видимой Вселенной. В процессе контакта возникает масса смешных и странных ситуаций, но в конце концов высокие договаривающиеся стороны приходят к полному единству взглядов, ибо задачи и цели Разума едины во Вселенной.

Название всего сборника мы предлагаем ПНвС. Законченная рукопись сборника м. б. предоставлена в изд-во через 9 мес. после заключения договора.

[на отдельном листке]

Салтыков-Щедрин

«Прохаживаться по водочке»[1].

[1] «Что этот самый Хватов будет заявлять претензию на вечную признательность сердца со стороны твоего внука! что он будет прохаживаться с ним по водочке, и наконец, в минуту откровенности, скажет ему «ты»!», «Дневник провинциала в Петербурге», гл. 3. Ниже цитаты также из «Дневника…»

«Проект о расстрелянии»[1].

«Вот сейчас мелькнуло: «Хорошо бы 200 тыс. выиграть» и ушло»[2] (маги приходят и уходят).

«Только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний»[3].

«Де-сиянс академия»[4].

«Нет ничего для начальника обременительнее, как ежели он видит, что пламенности его положены пределы»[5].

«…такое время, когда даже в альбомы девицам ничего другого не писали, кроме:

О, Росс! О, род непобедимый!

О, твердокаменная грудь!»[6]

22.01.75

Сделали 10 стр. (10) (9)

23.01.75

Чел<ове>к, которого было опасно обижать.

24.01.75

Список жертв:

ученый генерал

гангстер от политиканов

политикан

разведка (поиски аппарата)

местная контрразведка (-”-)

следователь-бюрократ

бюрократ – мешающий уйти из мира

---

[1] «Недавно один из наших даже прожект о расстрелянии прислал – право!», «На другой день утром, вероятно в видах скорейшего вытрезвления, Прокоп принес мне знаменитый проект «о расстрелянии и благих оного последствиях», составленный ветлужским помещиком Поскудниковым». Глава 2 и сл.

[2] «По временам даже удается иное схватить. Вот сейчас мелькнуло: хорошо бы двести тысяч выиграть – и ушло». Глава 3.

[3] «Дабы предотвратить в столь важном предмете всякие разногласия, всего натуральнее было бы постановить, что только те науки распространяют свет, кои способствуют выполнению начальственных предписаний». Глава 3.

[4] «О переформировании де сиянс академии». Глава 3.

[5] «Следственно, чем менее ясны будут границы сего ведомства, тем лучше, ибо нет ничего для начальника обременительнее, как ежели он видит, что пламенности его положены пределы». Глава 3.

[6] «Ибо как он ни мало развит, но все-таки понимает, что написать «Маланью» в такое время, когда даже в альбомы девицам ничего другого не писали, кроме: О Росс! о род непобедимый! О твердокаменная грудь! дело далеко не шуточное…» Глава 4.

25.01.75

Имя ему – Кимм

Назв<ание> повести – «Хромая судьба»

В момент повести Кимму 40 л.

Осознал дар-проклятье 39 л.

Отношение к Д<ару->П<роклятью>:

а) Восторг и злорадство – это быстро проходит, когда он осознает, что ДП не контролируется.

б) Депрессия, безумный ужас. Ломка характера: был жовиален, дружелюбен, душа об<щест>ва. Теперь стал нелюдим, сторонится людей.

в) Мистика: высшая сила через него борется с несовершенством человеческих натур, наказывает их на Земле, а не в будущей жизни.

г) Рац<иональная> попытка утилизации ДП. Провал: контроль невозможен: те вещи, кот<орые> он понимает разумом, как плохие, его не задевают, и потому с ними ничего не происходит, а безвредные и безобидные слабости, кот<орые> ему не нрав<ятся>, караются.

д) Размышления, как жить дальше: ужасные картины смерти и разрушения вокруг. Все ужасы, кот<орые> происходят в мире, он начинает ассоциировать с собой.

а) Не является ли он Новым Христом – не означ<ает> ли этот дар, что он должен превратиться в человека, абсолютно терпимого и прощающего всех людей, поскольку априорно – никто не виноват, Христос эпохи безличного мира, образец абсолютной терпимости. Быстро от этого отказывается: он не может быть терпимым, ибо это не зависит от него.

б) Он новый вид человека, биологический предтеча нового личностного мира.

в) Но это все теории, но по-прежнему вокруг него все ломают ноги, надо бежать.

е) Отказ от друзей, от жены и попытка переменить ареал обитания. [стрелка справа с пометкой: «Здесь начинается действие повести»] Пытается запереться и погружается в

работу, контактируя с людьми в минимальных размерах. Публикует большую работу, но на нее появляется дурацкая критическая статья. Он понимает, что это ни к чему не приводит.

ж) Проблема самоубийства. Но – с какой стати? Я ни в чем не виноват.

з) Два варианта: на Марс или необит<аемый> о<стро>в, либо холодный рационализм – хочется вам – гибните, хрен с вами, волноваться я больше не буду. Я не отвечаю за это, как не виноват прокаженный, что он воняет.

[отделено чертой, около которой написано: «это не та черта»]

Операция «Дурной глаз».

26.01.75

Апостолы:

1. Гангстер Шевтц, стреляет без промаха через пиджак, невыносимо страдает радикулитом. Вынужден стрелять метко: в молодости нагнулся поглядеть на жертву, ему вступило, и простоял четыре часа согнувшись. Средоточие болезней. Пилюли, микстуры, врачи.

2. Следователь главной прокуратуры.

3. Сотрудник МВД.

4. Шпион соседней державы. Ищет прибор.

5. Военный ученый.

6. Сенатор.

7. Священник, друг детства, духовник. Создает культ Кимма – новый Христос.

8. Офицер к<онтр>р<азведки>.

9. Корреспондент мелкой газеты, устремившийся стать биографом.

10. Охотник за автографами. Чары действуют, но его не останавливают: привык.

11. Дурак, считающий, что он знает, как исправить человечество. В Кимме видит орудие. Списки подлежащих исправлению. Просит объяснить, как это делается. Раньше писал доносы в полицию.

12. Человек, ищущий исправить свои недостатки.

Прочие:

Налоговый инспектор: спутал Кимма с содержателем игорного притона Кимом. Налоговая декларация не та.

Жена Кимма (шлюха). Ее все бросают, и она бежит каждый раз к Кимму за кровом и куском. Чары на нее не действуют: единствен<ный> человек в мире.

27.01.75

Субъективные показатели приближения к действенному порогу раздражения:

а) меняется цвет глаз – из серых делаются зелеными;

б) в ушах на мотив джазовой песенки – гугенотский псалом: «Явись господь, и дрогнет враг»[1].

Порядок:

1. Автографист
2. Следователь
3. Сенатор
4. Священник

(1–4 – университетский город)

5. Гангстер
6. Корреспондент
7. Шпион
8. Контрразведчик
9. Ученый генерал

(5–9 – курортный город в горах на водах)

10. МВД
11. Склочник
12. Мазохист

(10–11 – дорога к морю)

Следователь – Фома, не верит, что это Дар, мальчишку, выбившему нечаянно глаз, замотал допросами и закормил сладостями, пока его не арестовали по подозрению в педерастии.

Мазохист – культурист, с крошечной головой, когда к<онтр>р<азведчик> арестовал его по подозрению

[1] В синодальном переводе Библии – это псалом 67. Авторство его французского перевода приписывается Аргиппе д'Обинье. Текст неоднократно цитируется в романах Г. Манна «Молодые годы короля Генриха IV» и «Зрелые годы…» (перевод романов В. Станевич, перевод псалма В. Микушевича).

в шпионаже, разгромил тюрьму, устремляясь за «учителем». Обращается по Библии на «ты». Кимм возмущается.

28.01.75

Оба – в Лрде.

29.01.75

Рассматривали ГО.

30.01.75

Андрей – Анджей Галчинский.

Изя – Изяслав Шереметьев – интеллигент с длинным лицом.

Ни – Пак.

24 января в ленинградской газете «Смена» выходит статья Владимира Акимова «Понять человека», в которой утверждается, что повесть Стругацких «Парень из преисподней», несмотря на интересный замысел – перевоспитание главного героя – не вполне удачна, потому что последний внутренне не меняется. Автор утверждает, что в повести нет действительной проблематики, присутствуют самоцитирование и вторичность, что она художественно неправдива, а потому скучна и бессодержательна.

5 февраля с АБС заключается договор на издание ЗМЛДКС в журнале «Аврора». Со стороны редакции журнала договор подписал главный редактор Владимир Торопыгин. Срок предоставления готовой рукописи: «не позднее 1 июля 1975 года».

И в это же время у АНа появляются проблемы со здоровьем, и врачи после стационара отправляют его на продолжение лечения – в Кисловодск.

Письмо Бориса брату, 25 февраля 1975, Л. – Кисловодск

Дорогой Аркаша!

Ау! Как ты там? Есть ли еще порох в пороховницах? Знаю, что писать тебе противопоказано, но если все-таки соберешься, то обязательно отпиши: Что говорят врачи? Что с тобой делают врачи? Что обещают врачи? Что ты сам по этому поводу полагаешь?

Новостей особенных нет, но кое-что все-таки поднакопилось.

1. Был в Лендетгизе. Получил одобрение за ПиП (255 р.). Тебе обещали перевести вскорости. Корректоры затащили к себе, якобы чтобы выяснить, почему у нас семигранная гайка, но на самом деле чтобы поглазеть. Они читают уже чистые листы нашего сборника ПХХIIВ+М. И в журнале «Квант» этот сборник уже подан как выходящий в ближайшее время.

2. Получил из ВААПа таинственные 38.50 (обычных рублей). В сопроводиловке сказано: «гонорар из ГДР. (Полиграф. оттиск)» Что это может означать – представления не имею.

3. Письмо из «Комсомолки» получил и обдумал. Имею мнение: статьи не писать (сославшись на твой отъезд), а просто написать коротенький ответ самой девочке. Что и сделаю в ближайшее время.

4. Каждый день печатаю по несколько страниц главы из ГО для «Невы». Должен сказать тебе, что работа скорее приятная, чем тяжелая. Уж больно хорош исходный материал. Жалко только некоторых абзацев, кои приходится выбрасывать. Звонил Саша[1], дабы меня подтолкнуть. Между прочим сказал, что главу из незаконченного романа они, оказывается, публиковать не могут. Надо это подать как самостоятельную повесть из цикла повестей о. По сути, это, конечно, без разницы, но возникают некоторые чисто практические проблемы. Все-таки повесть это повесть, а глава это глава. В общем, я чувствую, что в конце мне придется попотеть, чтобы все это повествование как-то закруглить (завьязка, кульминация, развьязка).

5. Получил письмо от Миши Ковальчука. Благодарит за зМЛдКС. Все это очень приятно, но ведь он трепло. Он же болтает сейчас везде направо и налево.

6. Роттенштайнер (из ИНЗЕЛЬ-ФЕРЛАГ) прислал письмецо и очередную вырезку про ПНвС. Пишет, в частности, что ИНЗЕЛЬ хочет издать ПнО. И правда: давеча звонили

[1] Лурье Самуил (в просторечии – Саша) Аронович – критик, литературовед, редактор журнала «Нева».

из ВААПа, просили разрешения. Сказали, что ИНЗЕЛЬ предлагает 2 % (т. е. насколько я понимаю – четверть обычного гонорара). Я, натурально, спросил: а нельзя ли поторговаться? Мне печально ответили, что, конечно, можно, но неловко как-то, потому что повесть-то неконвенционная и, строго говоря, ИНЗЕЛЬ вообще не обязан что-либо платить. Я сказал: ладно. И послал в ВААП соответствующее письмо (предупредив, что повесть сокращенная).

7. Буквально сию минуту принесли бандероль – польское издание «Малыша». НичеГё! Но эквивалентное название Ирена, видимо, так и не нашла: называется – «Конец акции АРКА» (дословный перевод). Т. е. вероятно, «Конец операции “Ковчег”». Ну, ладно. Я тебе уже, кажется, говорил, что Лем в Кракове издает (редактирует) что-то вроде молодогвардейского 25-томника и хочет пустить в наш том ПнО, «Лес» и, возможно, ДР. Так вот Роттенштайнер уже нацеливается все это переводить на немецкий. Он, кстати, еще пишет, что ИНЗЕЛЬ собирается выпускать в пейпербеках УнС и ПнО.

8. Ну, что еще? Вчера выступал у нас тов. Ю. Медведев. Как он пел – о достойнейший из учеников Базиля![1] Впрочем, все было очень мило. Трижды или более он во всеуслышание объявил о том, что в этом году выходит сборник Стругацких в таком-то составе. Когда же в кулуарах я спросил, а как там насчет одобрения, он значительно ответил: «Скоро! Скоро! Вот новый редактор прочтет, и тогда уже скоро!» Памятуя твое напутствие, я не стал усложнять. Постарался только быть с ним предельно милым и гостеприимным.

Такие вот дела. Скорее поправляйся – потрепаться охота.
Твой [подпись]
Большой привет от мамы и Адки.

[1] Имеется в виду Василий («Базиль») Захарченко, тогдашний главред «Техники – молодежи» – великий демагог и оратор, убежденный враг реалистической фантастики и ярый друг идеи «фантастика должна быть фантастична». – *БНС*.

Письмо Аркадия брату, 2 марта 1975, Кисловодск – Л.

Дорогой Борик.

Спасибо за письмо.

Врачи говорят: сильнейшая неврастения, усталость. Дают: одиночество, нарзанные ванны, ограничение в чтении и работе. Обещают: месяца два осторожного жития поставят меня на ноги. Сам полагаю, что пора домой в Москву и посидеть дома как следует и в меру думать о делах. М. б., придется еще куда-нибудь закатиться – лечиться одиночеством.

Насчет письма в «Комсомолку». Жаль, что не получилась статья. Наши фамилии в этой газете – это было бы полезно. Впрочем, как знаешь.

Полагаю 10–15 марта вернуться в Москву. Позвоню или напишу.

Обнимаю, привет Адке и Андрею.

Сообщи маме, что письмо я ее получил, скоро напишу.

Твой Арк.

БН в это время занят семинаром молодых. И 4 марта, как одному из своих «семинаристов», пока заочному, он пишет Борису Штерну.

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

Дорогой Борис!

Прочитал Ваше письмо, прочитал Ваши рассказы, отвечаю.

Рассказы. Ну, во-первых, в папку я их все-таки положу, хотя они, и вправду, не фонтан. Далее. Нефантастический рассказ – будем называть его условно «юмореска» – имеет главным своим недостатком то, что при всех своих недостатках он еще и непечатен. Вот этого, Боря, Вы не можете позволить! Если Вы уж пишете рассказ-не-ах, то он должен, обязан быть печатен. Это просто правило. Не имеете Вы права писать рассказы просто так. Тут или – или. Или Вы задумываете рассказ серьезно (т. е. есть в нем, по идее, и замысел, и частица Вашей души), и тогда Вы имеете право портачить,

ошибаться, делать промахи. Тогда это полезно, для тренировки, скажем. Или же Вы задумываете рассказ-безделку, в коем по идее нет ничего, кроме какого-нибудь более или менее ловкого сюжетного выверта, – вот тогда, голубчик, пиша с холодной головой и холодным сердцем, извольте холодно рассчитывать: пойдет или не пойдет. В юмореске Вашей имеет место несомненная скабрезность, очевидно непроходимая в наших реальных условиях (советские люди не занимаются такими вещами – по крайней мере, в юморесках). Эту юмореску, придумав, Вы не должны были вовсе брать в работу. (Хотя, конечно, есть в ней и определенная, уже присущая Вам милота, так что это – работа не вовсе на пропасть.)

«Вакуум» – посерьезней. Он в принципе, пожалуй, даже печатен. Но он мне не очень понравился. Может быть, потому, что я не совсем разобрался в Ваших аллегориях – то ли это совершенный примитив, то ли нечто глубокое, что пока до меня не дошло.

Возможно, мы и посвятим семинар Вашим последним вещам, но я думаю, что обсуждать будем, скорее всего, производственные рассказы – они интереснее. Впрочем, на ближайшем заседании намечается треп по общим вопросам: «Замысел, техника работы, сюжетообразование и пр.»

На Балабуху особенного внимания не обращайте – он страшно ревнив и далеко не всегда основателен в своих суждениях. Суркис, к сожалению, не только нуден, но и принадлежит, по-моему, к совершенно иному эстетическому лагерю, нежели Вы или я. А вот к замечаниям Зинчука прислушайтесь. Он страшно молод, весь бурлит и кипит, очень много работает (как правило, совсем не в фантастике, которую, в общем, не любит), но в голове у него иногда сверкает божья искра, и совет его вполне может оказаться полезен. А Щербаков Вам не писал? Вот кто умница и сила! И есть еще Романовский Дима – не умница, но СИЛА! Удивительная фигура! Прирожденный талант, но совершенно неотшлифованный. Рассуждать здраво не способен совершенно, но в любом его, самом плохом, самом бездарнейшем и безнадеж-

нейшем рассказе ОБЯЗАТЕЛЬНО найдется абзац, строчка, слово, черт побери, на самом высоком уровне выбранные.

Еще несколько слов о «Производственных рассказах» и о Вашей полемике с Балабухой. Если бы в этих рассказах не было бы ничего, кроме ляпов (что, натурально, невозможно), и то Вы были бы правы в этой полемике, ибо написали ХОРОШИЕ рассказы. А рассказы ХОРОШИ потому, что создают мир, внутренне непротиворечивый, живущий своей жизнью, по своим законам и правилам, НЕ ВЫЗЫВАЮЩИМ протеста, не противоречащим, следовательно, чему-то главному, существенному, всем известному, чему-то гораздо более важному, нежели та или иная частность. Конечно, хорошо, если НИКТО не способен придраться НИ К КАКОЙ частности рассказа, но это уже вопрос шлифовки, задача второго порядка значимости.

Теперь Ваши вопросы. На «Миллиард лет…» заключен с «Авророй» договор на этот год. Но в редакции повести еще не читали. Что будет, что случится и чем сердце успокоится, таким образом, не может предсказать никто.

«Сыт я по горло, до подбородка…», конечно же, песня Володи Высоцкого. В оригинале повести имеет место сноска: «Текст песни В. Высоцкого слегка изменен с разрешения автора», что есть полная правда. В процессе перепечатки сноска эта, по-видимому, затерялась.

(Моя жена только что прочитала Ваш «Детективный дамский» – сидит и с удовольствием хихикает. Говорит: «Ну, смешно и все!..» Вокс попули, вокс деи! Может быть, мы с Вами слишком суровы к этой юмореске?)

Ну вот пока и все. В Детгизе пока без изменений, т. е. благополучно. Молитвы возносите! Молитвы!

С приветом [подпись]

Вскоре АН возвращается домой, договаривается с братом о поездке в ближайшее время в Ленинград. Но до отъезда он встречается с Андреем Тарковским. Описывал брату впечатление от встречи АН, вероятно, уже в Ленинграде. Тарковский же писал в своем дневнике:

Из: Тарковский А. Мартиролог

27 марта 1975
<…>
Был у Аркадия Стругацкого. Он очень рад, что я хочу ставить «Пикник». Сценарий – на паритетных началах – втроем.

Рабочий дневник АБС

6.04.75
Арк приехал в Лрд.
7.04.75
Сделали поправки к ПиП-С.
8.04.75
Сделали заявку на ПнО-С.
9.04.75
Обсуждали продолж<ение> ПНвС.
Кентавр («Лошадь оставьте в коридоре»).
Нар. контроль:
Выбегалло – дипломат (спрут Спиридон).
Кража энергии (загрязнение океана – Витькина работа).
Баал Саваофович (обмен опытом).

16 апреля БН проводит не вполне обычный семинар, впечатлением от которого делится со Штерном.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну
<…>
16-го был семинар. Обсуждали Ваш «Производственный рассказ № 1». Получилось очень забавно: вдруг на семинар нагрянул не кто-нибудь, а лично Космонавт СССР, Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко! Он большой любитель фантастики, поклонник Ларионовой и Стругацких, узнал каким-то образом о семинаре и нагрянул. Инкогнито. Семинар был бурный. Обсуждение как-то нечувствительно свелось к терминологическому спору: какова разница между

рассказом и фельетоном. Много было орано и крикано. Рассказ в общем всем понравился, и все же его ругали – кто за что. Народу было до черта. Космонавт высказался одним из последних и сказал очень здраво: чего вы все тут разорались? Пока рассказ читался, все хихикали, а теперь ругаетесь; рассказ веселый и хорошо написан, чего вам еще надо? В общем, это было выступление, хотя и непедагогическое (я от людей стараюсь всегда добиться здравого спокойного анализа), но вполне трезвое и здравое. По окончании процедуры были собраны копейки (по тринадцатибалльной системе), и всего набралось 132 штуки. Народу было 24 человека, но некоторые новички, по-моему, остались не в курсе и баллов своих не внесли, так что, я полагаю, средний балл получился что-то около 6,0 – весьма не плохо: второй или третий результат в сезоне.

Вот так. А копейки в соответствии с традицией были тем же вечером пропиты через посредство кофе. (Было предложение послать их Вам переводом, но большинство оказалось против, и я в том числе, ибо «гонорар» должен пропиваться немедленно).

Вот и все новости. С приветом [подпись]

Письмо Аркадия брату, 21 апреля 1975, М. – Л.

Дорогой Борик.

Не писал долго гл. обр. потому, что имеющиеся новости пока все какие-то неопределенные и имеют некий злокачественно-тухловатый оттенок. Впечатление такое, будто все застывает и погружается в спячку на долгое зимнее время. Но все-таки кое-что есть.

1. Был Тарковский. Обсудили заявку. Он высказался в том смысле, что заявка ему нравится, но не слишком ли она политическая? Он боится, что потом, когда фильм будет готов, ему заметят, что он не выполнил данных в заявке авансов. Я ему возразил, что это же наша заявка, а не его. В общем, разошлись, довольные друг другом, но передать заявку

Соловьеву я до сих пор не могу, т. к. Соловьев разъезжает по бесчисленным пленумам и конференциям. Впрочем, это – дело дней.

2. Приезжали из Киева руководители украинского научпопфильма. Наша заявка на «Встречу миров» везде протолкнута и принята. На днях ожидаю договор. Картина будет из пяти частей (50 мин.), из них 3,5 части мыслятся как мультипликации и комбинашки из мульта и натуры. Режиссер по мультикам нам уже назначен, режиссером общим будет, вероятно, сам их главный режиссер. Срок – четыре месяца, цена – 3 тыс. По подписании договора я приглашаюсь в Киев дня на три для обговорения подробностей с обоими режиссерами, «чтобы потом не возиться с вариантами», как мне было сказано.

3. Сценарий ПиП на студию сдал, но результатов пока не слышно. Возможно, сегодня сообщат. Либо сам съезжу.

4. В МолГв ничего сделать не удалось. Можешь себе представить, эти гниды там все время заседают! Прорваться для разговора решительно невозможно. Но телефонный разговор я все-таки имел. Мне было сказано, что ТББ и М не вызывают сомнений, если не считать легкой редакторской правки, а вот с ПнО есть затруднения, ибо получена рецензия от кандидата филнаук, которая (кандидат) доказывает, что Стругацкие плохо владеют русским языком. Это повергло меня в состояние некоторого ступорического изумления, и я даже забыл сказать, что дело-то не в рецензиях, а в том, что сроки одобрения прошли. Мы условились встретиться на следующий день (моя ошибка!), и так я на до сих пор потерял Медведева из виду. Впрочем, дело наше все-таки правое. Рассматривать филологические проблемы и, тем более, пересматривать состав сборника я отказываюсь, пока не получу одобрение – точнее, суммы по оному. А после разговора, в случае, если в недельный срок одобрение не поступит, придется идти в ВОАП. Пусть они там этим займутся. Они за это деньги получают.

5. С ВАПом, напротив, все идет как надо. Во-первых, Панкин поехал с делегацией в ФРГ и повез туда ПиП. Во-вторых, шведы запросили и получили нашу фотографию. Бела настроена весьма оптимистично. Впрочем, она всегда настроена оптимистично.

Таковы пока наши общие дела.

Обнимаю, жму. Привет Адке и Андрею.

Маме пишу. Твой Арк.

Письмо Бориса брату, 24 апреля 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то от тебя пришло письмо, а то я уже начал беспокоиться.

В Ленинграде пока все боль-мень. Пришел сигнал ПХХIIВ+М, но тиража пока нет. зМЛдКС я сдал на распечатку, на той неделе получу, прочитаю и сдам. Пришли деньги из Мосдетгиза – 523 р., как я понял – аванс за переиздание ПНвС. Получил письмо от Роттенштайнера (литагент ИНЗЕЛЬ-Ферл), пишет, что получил ПиП, который я ему послал, подтверждает намерения издать ПнО, УнС, ХВВ, а также ДР и М, лицензию на которые они купили у ГДР; сообщает, между прочим, что существует покетбуковское издание СБТ в изд-ве Гейне и французское издание УнС+ПНвС (о коих я раньше не слышал).

На один из моих семинаров завалился вдруг инкогнито Жора Гречко. Мы познакомились и протрепались потом до половины второго ночи у него в гостинице.

На секции был мой самоотчет. Набежала кодла народу. Час я трепался о том о сем, развлекал почтеннейшую публику, а потом полчаса читал кусок из ПНвС. Публика разошлась неудовлетворенная – ждали бог весть чего.

Деятельность твою полностью одобряю. Мы с удовольствием займемся филологическими дискуссиями по получении одобрения. Но надо быть готову к серьезным боям – по-моему, этот гад копает под ПнО. Надобно будет

стоять насмерть. Тем более что наше дело абсолютно правое. А кандидат филнаук – это по-видимому та самая <…>, которая написала о нас вонючую статейку в журнале не то «Детская лит-ра», не то «Русский язык» – помнишь?[1] У кого-то из нас эта статейка есть.

Затея со «Встречей миров» – это, конечно, прекрасно, но когда мы всем этим будем заниматься, ума не приложу. У нас же еще эта повесть в Мосдетгиз! Бр-р-р! А сценарий ВМ надо делать серьезно, это не халтура.

Я по-прежнему рассчитываю приехать к тебе, как только получу экзы из Лендетгиза. Надо будет все ТЩАТЕЛЬНЕЙШЕ обсудить.

А что слышно насчет шведских экзов? Я уже не говорю о кронах и прочих тугриках.

Пока все. Обнимаю, [подпись]

Письмо Аркадия брату, 30 апреля 1975, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Получил твое письмо и одновременно – договор из Киевнаучфильма. Всё честь по чести, все подписи и печати, один экземпляр по подписании вернуть, сумма 3 тыс. ряб, аванс, срок исполнения – 1 сентября. Ничего, успеем. Студийный экз я подписал и отослал, наши экзы у меня.

2. Был у Медведева. Тошнило, но я держался молодцом. Суть свелась к следующему. Одобрение они согласны хоть сейчас же дать – но только по М и ТББ, а по ПнО у них есть «серьезные сомнения». Насколько я понимаю, сомнения эти имеют источником редактора нашего Зиберова, ибо он а) кандидат философских наук и опытный идеологический работник и б) был на БАМе и выяснил, что современной молодежи необходимы произведения о БАМе без всяких там глупостей. Что ж, памятуя, что с паршивой овцы бери, что дают, поставил условием немедленную выплату

[1] Н. М. Несообразности в фантастике: Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких // Русская речь (М.). – 1972. – № 6.

одобрения по М и ТББ и присылку официального письма от издательства с перечислениями претензий. Полагаю, это самый верный путь. Клянчить одобрения на ПнО – унизительно. Упрямиться и отказываться от одобрения на М и ТББ – глупо. А когда получим суммы и обещанное письмо – там видно будет.

3. В Сценарной студии к 4-му мая закончат перепечатку ПиПс, затем вручат Орлову, который по возвращении из отпуска немедленно отправился на праздники то ли в Венгрию, то ли в ГДР и вернется к 5-му. Во всяком случае, наш редактор уверен, что к середине мая эта затянувшаяся возня (три года!) будет, наконец, так или иначе закончена.

4. Звонила Бела из ВААПа. Панкин прочитал зМЛдКС, ему очень понравилось. Бела очень рада. Если теперь даст добро Главлит, они смогут торгануть рукописью. Бела просила достать еще два экза для этого дела. У меня, кажется, только один. Может быть, им хватит. А нет – будь готов прислать.

5. Из ВААПа пришли дополнительные экзы ТББ из США, а также – к моему огромному изумлению – два экза издания в Англии, изд-во Эйр Мэтюэн Лимитэд, с правом распространения только в Соединенном Королевстве. Очень красивая суперобложка. Памятуя, что ты скоро приедешь, не пересылаю.

6. Кстати, о твоем приезде. Сообщи, как у тебя с планами. Хотелось бы, конечно, чтобы ты прихватил хотя бы десяток экзов М+ПХХIIВ, но если это дело затянется, придется наплюнуть. Дело в том, что надлежит нам разработать этакий меморандум для Киевнауча, чтобы было от чего отталкиваться в предполагаемой встрече с режиссерами (чтобы избежать возни с вариантами). Так что – отпиши.

Пока все дела.

Приветы Адке и Андрею. Поцелуй мамочку.

Жму, целую, твой Арк.

Письмо Бориса брату, 5 мая 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо. Ну что ж, с паршивой овцы (я имею в виду Медведева) и такой клок урвать будет не вредно. А за ПнО еще поборемся.

Я вчера сдал зМЛдКС в «Аврору». Сейчас у меня остался один экз (кроме оригинала), но третий по счету. Годится для ВААПа? Я на всякий случай его захвачу, когда приеду.

А приеду я, вероятно, числа 12–13. Я тут звонил в Лендетгиз, и мне объяснили: тираж ПХХIIВ+М печатается в Калинине, оттуда его повезут в Москву и только потом – в Ленинград. Так что это, вероятно, дело затяжное. Меня просили еще позвонить 11-го, я позвоню, попытаюсь урвать хотя бы сигнальный экз, но в любом случае тогда же возьму и билет. Взявши билет, дам телеграмму.

Мысль о сценарии «Встреча миров» наводит на меня ужас. Да еще – к 1 сентября! Это же гора работы, если взяться серьезно.

ТББ в лондонском издании – очень интересно! До меня доходили какие-то смутные слухи, но я им не верил. Похоже, что и на самом деле по миру бродят гораздо больше изданий наших повестей, чем мы знаем.

Ну, пока все. Целую, твой [подпись]

Встреча АБС в Москве была короткой и деловой.

Рабочий дневник АБС

14.05.75
Б. прибыл в Мск.
15.05.75
Беседа с Тарковским.
16.05.75
Написали меморандум для ВМ.
Доверенность Ирене.

Обсуждали сценарий для конкурса.

Летальный ген человечества; через несколько поколений вымирание; ген – как оружие против Китая; нации, лишенные гена. Кастрация, уничтожение. Риск! М<ожет> б<ыть,> будут найдены средства за время до гибели (3–5 поколений). Санитарная Лига.

17.05.75

Б. уехал.

О встрече 15 мая с АБС Андрей Тарковский позже писал:

Из: Тарковский А. Мартиролог

3 июня 1975

Вот я и снова в Мясном. Приехал несколько дней тому назад.

<…>

Договорился со Стругацкими насчет «Пикника». Познакомился с Борисом. Он тоже милый, но умничает, не в пример Аркадию. Он, видимо, идеолог. Аркадий же рабочий и симпатяга. Хотя здесь тоже не так уж просто.

<…>

Письмо Аркадия брату, 23 мая 1975[1], М. – Л.

Дорогой Борис.

1. Доверенность переслал. Впредь однако заверяй свою подпись у себя. Здесь соглашаются заверять только мою. Уломал с трудом.

2. Разрешения от «Авроры» на публикацию зМЛдКС через ВААП так и не дождался. Рискнул передать Беле на словах, что таковое получено, тем более, что на первых порах они в письменном разрешении не нуждаются. С устным разрешением они передали рукопись в Главлит. Озаботься прислать и письменное на всякий случай.

[1] Датировка составителей.

3. Из Госкино относительно ПиПс пока ничего: все начальство было на Волгоградском фестивале[1]. Сейчас начнут читать.

4. Был просмотр (самый первый) моего таджикского фильма[2] на Центральном телевидении. Начальство одобрило, директор «Экрана» даже всплакнул. Мне тоже понравилось. Очень странная получилась картина. Принимать ее будут после незначительных поправок через месяц.

5. На остальных фронтах без перемен.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Поцелуй маму.

Письмо Бориса брату, 26 мая 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Очень ловко принесли твое письмо – как раз в тот момент, когда я заканчивал телефонный разговор с Андреем Островским из «Авроры» и уже прикидывал, что я тебе сейчас напишу.

1. Никакого разрешения на зМЛдКС «Аврора» дать не может, пока вещь не будет опубликована или, по крайней мере, одобрена. «Аврора» весьма удивлена самой постановкой вопроса. «Аврора» не понимает, почему за разрешением обращаются к ней через авторов, а не непосредственно. «Аврора» готова рассмотреть письменный (или даже устный) запрос непосредственно из ВААПа, а мне, автору, ничего определенного сейчас сказать не может. Такова в общих чертах была реакция «Авроры». И, надо сказать, они, по-своему, несомненно правы. Почему мы с тобой должны заниматься выяснением таких деликатных вопросов? Почему все это делается устно, а не в общепринятой письменной форме, заверенной печатями и подписями? И как, черт побери, редакция может что-нибудь разрешить или запретить, если еще не известно, будет ли вообще печататься данная вещь? Согласись, вопросы резонные, и ответов на них нет. По крайней мере, у меня.

---

[1] Международный фестиваль антифашистского фильма.

[2] «Семейные дела Гаюровых», 2 серии, «Таджикфильм», 1975, авторы сценария – А. Стругацкий, Ф. Ниязи, режиссер В. Ахадов.

2. зМЛдКС сейчас «читают». Судя по всему, эта вещь их сильно ошарашила, и они полны сомнений. Ясно совершенно, что если повесть и пойдет, то только после основательной чистки. Андрей сказал мне, что решение будет вынесено, скорее всего, на редколлегии в середине июня. В этих условиях, сам понимаешь, мой запрос от имени ВААПа выглядел весьма странно, и я чувствовал себя дурак дураком. Неужели Бела не понимала деликатности ситуации, когда просила меня испрашивать это разрешение? И вообще ситуация мне стала теперь совсем непонятна. Ну, а если «Аврора» откажется от публикации вообще – что тогда будет делать ВААП? Ты спроси об этом у Белы. Вообще, если будут недоразумения с этим якобы полученным устным разрешением, надо жать на плохую слышимость по телефону. Я тебе передал следующие слова Островского: «Если повесть будет опубликована, мы, наверное, не будем возражать против перевода ее ВААПом на другие языки; НО пока об этом говорить еще преждевременно, ибо одобрения еще нет». Ну, а ты расслышал только начало фразы. По'л?

3. Очень рад за твое таджик-кино. Надо ли понимать так, что тебе подкинут еще деньжат? Если да – рад вдвойне и втройне.

4. Очень прошу тебя послать один экз ПиП в Венгрию по адресу: ВЕНГРИЯ, <…> Петер Куцка (Kuczka). Это же живые деньги! С Венгрией у нас прямое соглашение! Кстати, Островский сказал мне, что неделю назад из ВААПа звонили им и испрашивали разрешения на ПиП, но он не знает для какого государства.

5. Все время, как конфетку на языке, поворачиваю в голове сюжеты про летальные гены и про марсиан, принявших человечество за неразумную жизнь. Тут что-то есть, ей-богу! Надо тщ-щательно продумать!

6. Не звонили тебе насчет ГДРского гонорария? Если еще раз позвонят, пошли их в задницу и скажи, чтобы переводили советскими рублями. Туда и сюда их с ихней бюрократией.

Вот пока и все. Жму руку, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке – привет!

4 июня в «Литературной газете» публикуется статья Всеволода Ревича, посвященная детской фантастике. Анализирует он и ПИП.

Из: Ревич В. Сегодня – с высоты будущего

<…>

Для совсем уж «взрослых детей», для юношества написана новая повесть Аркадия и Бориса Стругацких. «Парень из преисподней». Именно с позиций будущего, с высот будущего судят писатели те явления современности, которые вызывают у них гнев и отвращение. Повесть начинается на одной из похожих на Землю планет, где живут во многом подобные людям обитатели. Ведется война между двумя державами-хищниками этой планеты, война грязная, грабительская. В одном из боев был смертельно ранен молодой солдат, один из Бойцовых Котов – так назывались отборные части великого герцога, надежда и опора режима. Земные разведчики перевезли обожженное и простреленное тело юноши на Землю, и всемогущая земная медицина вернула его к жизни. Землянам доступны еще и не такие чудеса.

Становится ясным замысел повести: столкнуть лицом к лицу с моралью совершенного мира отравленное милитаристскими и шовинистическими предрассудками существо. Стругацкие выбрали для исследования и осмысления самые крайние полюсы противостояния в разворачивающейся нравственной дуэли.

«Парень из преисподней» – Гаг – оказался неглупым, смелым, искренним. Попав в невероятную для его убогого мировоззрения переделку, он довольно быстро сумел понять, что очутился не в загробном мире, а действительно на другой планете. Фантастическую технику землян он, кстати, освоил очень быстро. Но осознать, что у обитателей Земли не только другие машины, но и другая система нравственных ценностей, он не может. Гаг благодарен за свое спасение, но не может поверить в бескорыстие этого поступка. Термина «гуманизм» не существует в его словаре. Он все меряет своими мерками. В чем только он не подозревает землян, когда узнает, что они тайно наблюдают за его родной планетой!

Даже в том, что им нужны рабы, которых можно было бы беспрепятственно убивать… на киносъемках! «И ведь никто же у нас про них ничего не знает, вот что самое страшное, – мучается он подозрениями. – Ходят они по нашей Гиганде, как у себя дома, знают про нас все, а мы про них – ничего. С чем они к нам пришли, что им у нас надо? Страшно…»

Вопрос о том, с чем приходит высокоразвитая цивилизация к низкоразвитой, имеет ли она право вторгаться в чужую историю, подробно исследовался в повести Стругацких «Трудно быть богом». И, наверно, не один читатель этой повести был в претензии к авторам за то, что их герои оставались всего лишь наблюдателями средневековых ужасов на выдуманной планете. В новой повести люди ведут себя активнее, им удается прекратить кровопролитную бойню. Но авторов волнует прежде всего нравственный и духовный мир Гага, который вырос в атмосфере злобы и ненависти. Все мысли Гага сводятся к одному: вернуться на родину и снова служить обожаемому герцогу, то есть убивать и жечь. Комнату свою на Земле он превратил в подобие казармы, вместо удобной земной одежды парится в бойцовской униформе, а робота Драмбу, старого, добродушного робота Драмбу, приставленного к нему в услужение, умудрился превратить в беспрекословного, вымуштрованного пехотинца.

Гаг помещен в идеальные условия для психологического эксперимента. Не только слова, но и дела, но и примеры окружающих его людей должны убедить юношу, что в мире существует Добро, и оно не только сильнее, но и лучше Зла, что отношения любви и братства дают людям счастье, которого не могут дать ненависть и жестокость.

Но яд проник глубоко. У землян, которые решились на этот эксперимент, опустятся руки. И все же Гаг, который безропотно стал вытаскивать из грязи машину с медикаментами, уже не прежний Гаг, который стрелял по имперским бронеходам некоторое время назад. В нем появились человеческие черты. Добро оказалось сильнее.

«Парень из преисподней» – это произведение о будущем, это произведение о прошлом, но это произведение и о настоящем:

ведь и сегодня избивают заключенных в чилийских тюрьмах. Сколько в земных преисподних обманутых бравурными военными маршами, и хотя бы уже поэтому парень с другой планеты выглядит поучительной и современной фигурой.

<…>

5 июня БН направляет письмо в издательство «Молодая гвардия».

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Юрий Михайлович!

На днях мы с удовольствием обнаружили на своих сберкнижках деньги, переведенные из «Молодой Гвардии». Надо понимать – это одобрение за «Малыша» и «Трудно быть богом». Очевидно, дело теперь за «Пикником».

Прошло уже недели две, вероятно, со дня Вашего разговора с А. Стругацким, когда Вы обещали направить нам редакционное письмо с замечаниями по «Пикнику». Письма пока все нет и нет. У нас возникают серьезные опасения, что задержка с этим письмом вызовет значительную задержку с выходом книги в свет. Поэтому мы просим Вас ускорить подготовку и отправку нам редакционных замечаний.

В связи с тем, что Аркадий сейчас редко и нерегулярно бывает в Москве, просим Вас переслать редакционные замечания по адресу: <…>

С уважением Б. Стругацкий

В середине июня АН посещает Ленинград.

Рабочий дневник АБС

16.06 – 20.06.75

Арк в Лрде. Подготовка материалов для ВМ-С.

А спустя двадцать дней, 25 июня, «Молодая гвардия» отвечает БНу.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемый Борис Натанович!

Письмо ваше получили. Спасибо за внимание. Понимаем ваше волнение и сообщаем, что задержка с редакционным письмом вызвана срочной командировкой Ю. М. Медведева в Среднюю Азию. Когда он вернется (числа 7–8 июля) письмо с замечаниями по сборнику «Неназначенные встречи» будет сразу же отправлено.

С уважением

Редактор Д. Зиберов

В июльском номере «Невы» Брандис и Дмитревский публикуют обзорную статью о новинках мировой и отечественной фантастики. Не обходят они вниманием и новые книги АБС.

Из: Брандис Е., Дмитревский В.
Неизбежность фантастики

<…>

Что касается творчества таких популярных писателей, как Аркадий и Борис Стругацкие, то их последние повести – «Малыш», «Пикник на обочине» и «Парень из преисподней» – посвящены, казалось бы, привычной теме контактов с инопланетным разумом, но на самом деле это – только сюжетный ход, помогающий обнажить истинную сущность человека, поставленного в исключительные условия.

Напомним, что весь цикл предшествующих повестей Стругацких – «Попытка к бегству», «Трудно быть богом», «Хищные вещи века», «Обитаемый остров» – направлен на разоблачение откровенного и замаскированного фашизма и воинствующего мещанства, – питательной среды, в которой зарождается все тот же фашизм. И хотя действие последней по времени повести «Парень из преисподней» начинается на неизвестной планете, центральный персонаж Гаг, прошедший выучку в школе «бойцовых котов», воспитанный с малолетства в отравленной атмосфере шовинизма и расовой

ненависти, – типичный эсэсовский молодчик времени гитлеровского «рейха».

Все происходящее преломляется сквозь призму восприятия этого юнца, непоколебимо убежденного в своей правоте. Авторы набрали труднейший прием «сказовой речи». На протяжении всей повести самоутверждение «героя» превращается в непрерывное саморазоблачение. Внутренние монологи, обращения к кровожадным соратникам, оставшимся на родной планете, которым он мысленно поверяет все свои впечатления, раскрывают до последнего донышка мерзейшую сущность Гага. Переправленный на Землю «бойцовый кот» не может и не хочет адаптироваться в условиях, где совершенно исключены всякая вражда и ненависть. Попытки человека Земли, ученого Корнея, взявшего на себя неблагодарную миссию наставника Гага, воздействовать на него мягкими гуманными методами, в общем, не дают результатов. Всем ходом повествования авторы наталкивают читателя на мысль, что бывают случаи, когда без жестких радикальных мер невозможно перевоспитать людей, для которых насилие и жестокость – непреложные законы жизни. И все же благородные усилия Корнея не останутся вовсе бесплодными. Когда бывший «бойцовый кот» снова попадает домой, на свою планету, переживающую мучительный процесс воссоздания, то волей-неволей он должен будет включиться в тяжкий труд рука об руку с теми, кого раньше он безжалостно убивал.

В сложной политической обстановке наших дней, когда одновременно с разрядкой напряженности в ряде стран поднимает голову неофашизм, повесть «Парень из преисподней» приобретает особую злободневность.

В связи с этим любопытно отметить, что к сходной теме саморазоблачения фашистского последыша, но в более традиционной форме дневниковых записей, прибегает Игорь Росоховатский в фантастической повести «Неудачники».

К циклу «трудных» повестей Стругацких относится также «Пикник на обочине». «Трудные» они оттого, что авторы, не страшась жестокой жизненной правды, исследуют средствами

социальной фантастики застойные, в историческом плане рутинные формы общественного бытия и сознания, тормозящие общечеловеческий прогресс.

Не из преисподней, а, скорей, из чистилища вырвался Рэдрик Шухарт, герой «Пикника на обочине». В зависимости от среды и условий Рэд может быть и плохим, и хорошим парнем. У него нет устоявшегося мировоззрения, и если он совершает противозаконные действия, то не в силу своих преступных наклонностей, а только благодаря обстановке, где все решают деньги. В социальном плане отрицательный тип, он незауряден как личность, наделен положительными задатками, которые в другой среде могли бы полностью развернуться. Рано ожесточившийся, лишенный всяких иллюзий, он связан круговой порукой с преступным миром «сталкеров», скупщиков «хабара» и конкурирующими гангстерскими шайками. В Рэде борются противоречивые чувства, в разные моменты раскрывается в действии «диалектика души», и в то же время поведение этого человека жестко детерминировано.

Сложные, противоречивые свойства характера Рэда отчетливо выявляются в совершенно исключительной ситуации, сложившейся в его стране после посещения неведомых пришельцев из космоса, на много порядков опередивших земную цивилизацию. Не просто правдоподобно, но пластично и зримо показан непостижимый уровень инопланетной техники. В распоряжении Стругацких – разнообразные стилевые приемы и неограниченные языковые ресурсы, помноженные к тому же на богатую выдумку. Однако авторы избегают прямых описаний. То, чего нет в действительности, что выходит за рамки человеческого опыта, изображается с разных точек зрения, постепенно обрастая деталями, – глазами сталкера, глазами дельца или глазами ученого. И хотя последствия «пикника» на обочине неведомых звездных трасс показаны с большой изобразительной силой, несостоявшийся контакт все же не главное в повести. Пусть и решенная по-новому, привычная в современной фантастике тема «первого контакта» нужна для того, чтобы высветить

все закоулки души Рэдрика Шухарта, обыкновенного парня из Хармонта, судя по признакам, типичного провинциального города Соединенных Штатов.

Недолгое общение Рэда с трагически погибшим молодым русским ученым Кириллом Пановым оставляет в его сознании неизгладимый след. В первый и последний раз Рэду довелось встретить человека, искренне верящего в лучшее будущее, в высокие идеалы, бескорыстно работающего для блага людей. Кирилл Панов – персонаж хотя и эпизодический, но в контексте повести обретает глубокий гуманный смысл. Он необходим как позитивный противовес, напоминающий читателю, что хармонтские кошмары – не норма, а отклонение от нормы, что прогрессивные силы иначе относятся к событиям и дают им иную оценку, нежели люди, контролирующие действия Рэда.

Финал повести символичен. Последний страшный поход Шухарта в опустошенную Зону, в надежде отыскать золотой шар, по легенде сталкеров, способный исполнять любые желания, и последние слова, произнесенные Рэдом перед золотым шаром – «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!», – естественны для этого человека с ограниченным сознанием, не имеющего в жизни опоры и в то же время не до конца очерствевшего.

К испытанной форме сказовой речи Стругацкие прибегают и в «Малыше». На этот раз повествование ведется от лица юного кибернетика Стася Попова, рядового участника комплексной экспедиции, прибывшей на недавно открытую планету с научными и практическими целями. Высочайшие нормы нравственности руководят решениями людей, отказавшихся от величайшего научного эксперимента – контакта с загадочной цивилизацией – только потому, что на карту ставится судьба подростка, космического Маугли, ставшего аборигеном этой планеты. Леонид Горбовский, член Комиссии по контактам с неземными цивилизациями, с которым связывается начальник экспедиции Комов, чтобы получить разрешение на эксперимент, отвечает: «Дело в том, что между нашими двумя цивилизациями, как между молотом

и наковальней, оказалась сейчас третья. И за эту третью… за единственного ее представителя, Малыша, мы вот уже несколько суток несем всю полноту ответственности».

Герои повести «Малыш» отвечают нашим представлениям о новом гуманизме объединенного человечества. И в этом плане они родственны по своим этическим нормам Корнею («Парень из преисподней») и Кириллу Панову («Пикник на обочине»).

<…>

8 июля – наконец-то! – Медведев выполняет свое апрельское обещание и присылает замечания по сборнику НВ.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Охотно разделяем Ваш оптимизм в отношении продвижения дел со сборником «Неназначенные встречи». Как видите, редакция фантастики вновь самым внимательным образом его рассмотрела. В результате сделан существенный шаг вперед. Однако работу над сборником, по нашему глубокому убеждению, нельзя считать законченной. И вот почему.

У редакции имеется ряд весьма существенных замечаний, которые требуют еще непосредственно авторской работы над рукописью.

Сначала о повестях «Малыш» и «Трудно быть богом».

Считаем необходимым почистить их от рассуждений об обреченности рода человеческого, о расовой неполноценности, о необходимости для людей посмотреть на себя «извне, чужими глазами, совсем чужими», о т. н. «галактическом человеке» и его неизвестных идеалах, о том, что «не бывает так, чтобы существовала сложная, мудрая, многоопытная жизнь и не кишела вокруг нее жизнь попроще и поглупее», о том, что «тот, кто счастлив, ничего не ищет» (стр. 74, 86, 87). Устами главного героя повести «Малыш» вы заявляете: «Уйду в школу и буду учить ребят, чтобы они всё время хватали за руку всех этих фанатиков абстрактных идей и дураков, которые им подпевают» (стр. 159). Герои повести «Трудно быть

богом» с ужасом ловят себя на мысли, что любили не человека, а только «коммунара» и патетически восклицают: «Да полно, люди ли это!» (стр. 43).

Всё это не лишено тенденциозной двусмысленности по отношению к сегодняшнему дню.

Наиболее серьезные и принципиальные возражения вызывает повесть «Пикник на обочине», которую редакция не смогла пока еще принять к одобрению. Есть в ней вещи, от которых коробит при чтении. Например, нужны ли покойники, которые возвращаются в свои семьи? Они, как говорится, «не стреляют» в повести, они не эстетичны. Не лучше ли их убрать совсем? Очень пессимистичен конец повести. Вопль «счастья для всех, даром!» звучит как вопль отчаявшегося человечества. Для Шухарта это естественно. Но ведь есть еще авторы, есть авторское отношение к этому, а в повести его нет. Неужели и авторы, как Шухарт, уповают на Золотой Шар, на чудо, которое решит проблему «счастья для всех»? В итоге получается, что авторы как бы отказывают читателю в надежде, что будущее на земле принадлежит тем, кто продолжит героические усилия народов, строящих социализм, прогрессивных сил, борющихся за воплощение идеалов мира, социальной справедливости и прогресса.

По нашему мнению, повесть написана в стиле, характерном для современной и отнюдь не прогрессивной западной фантастики, рассчитанной, как известно, на самый нетребовательный вкус. Концепция положительного героя расплывчата. Единственный, кто без экивоков может претендовать на эту роль – некий «русский Кирилл Панов», на которого у Вас, к сожалению, ушло всего лишь несколько страниц. Слово советский в повести не употреблено, хотя и встречаются определения типа: «Откуда у него деньги, у иностранного специалиста, да еще у русского?» (стр. 10). Предполагается, видимо, что СССР существует, но намек этот очень двусмыслен. Ученый Пильман, будучи пьяным, негодует на чересчур свободные нравы общества, в котором он живет, и ссылается при этом на «порядок у русских».

Теперь о языке сборника «Неназначенные встречи». Мы понимаем Ваше стремление раскрепостить язык фантастики, сделать его максимально живым. Однако считаем, что здесь нужна мера. Вы же ориентируетесь главным образом на просторечие, широко используя вульгарную и жаргонную лексику. Тексты повестей сборника насыщены такими словами, как «паскуда», «сволочь», «морда», «гад», «олух» и т. д. Неумеренное употребление их приводит к обратному эффекту: количество перерастает в плохое качество языка. Общая ориентация не на живой русский язык, а на вульгарно-просторечный в итоге превращается в почти произвольную мещанскую болтовню, или просто «трёп». А это, в свою очередь, приводит к тому, что авторский голос сливается с голосом действующего лица. Такое перевоплощение в своих героев постоянно ведет к литературной человековедческой неудаче.

Очень надеемся, что Вы правильно поймете требования редакции. Пожалуйста, посмотрите еще раз рукопись, поищите и сами возможности исправить ее в соответствии с пожеланиями редакции.

Рукопись возвращаем вместе с письмом.

С искренним уважением

Заведующий редакцией фантастики Ю. Медведев

Редактор Д. Зиберов

Письмо Аркадия брату, 16 июля 1975, М. – Л.

Дорогой Борис.

1. Был во Внешпосылторге. Нами получено по 201 ряб (из них 186 из Швеции, остальное из ФРГ). Свои я получил, а твои мне не дали. Срок действия доверенности кончился, и вообще впредь тебе придется всякий раз писать им заявление с тем, чтобы деньги переправили тебе домой по почте. Такой теперь порядок для иногородних. Впервые слышу, чтобы сертификаты пересылали по почте, но так мне объяснили. Дали адрес: Москва, 121200, Смоленская-Сенная пл., 32/34, В/О «Внешпосылторг», Контора сертификатов. Напишешь заявление типа: прошу переслать мне такому-то

туда-то причитающийся мне гонорар из Швеции и ФРГ в сертификатах. Они уверяют, что вышлют сразу же. Такие дела.

2. С Пекелисом еще хуже. Удалось выяснить, что у него в квартире ремонт, и сам он почти никогда не бывает дома. Я попросил этого маляра (или кто это там), чтобы он записал мою фамилию и передал Пекелису. Возможно, это подействует, а я дам Машке инструкции. Хотя это бесполезно, потому что она через дней десять поедет за нами на Десну.

3. Деньги по сценарию и книгу перешлю с мамой.

4. Так и не получил от тебя дополнения и исправления для ПнО для ГДР. В чем дело? Тогда уж сам переправь их прямо в «Ное Берлин» Клаусу. Адреса его у меня нет, но может быть, тебе он известен. Это то издательство, которое собирается выпустить компиляцию из ПХХIIВ и С.

5. Есть некоторые новости относительно Совета по фантастике и приключениям, но, по-моему, ничего особенного. Совет состоит из 73 человек, нас с тобой среди них нет.

Вот пока всё.

Обнимаю, Аркадий.

В конце лета АБС получают разрешение на пролонгацию написания сценария.

Из архива. Письмо БНу из Киевнаучфильма

Уважаемые товарищи!

Студия согласна предоставить Вам пролонгацию. Литературный сценарий «Встреча миров» должен быть представлен к 3 ноября с. г.

Директор студии Б. Остахнович

исп. В. Задумин

Письмо Бориса брату, 23 августа 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Твое письмо от 15.08 мама получила только сегодня. Поэтому и пишу я тебе только сегодня.

1. «Аврора» завернула зМЛдКС. Рецензии (Дмитревского и Никольского) вполне положительны, но на словах замглавного высказал (самым дружеским образом) ряд существенных замечаний, являющихся необходимыми условиями публикации. Я сказал, что подумаю и что надо посоветоваться с тобой. Ради бога, сказали мне, время терпит. В этом году повесть все равно уже не пойдет, а до следующего года времени много… В общем, надобно будет нам об этом посоветоваться. Я склоняюсь к тому, чтобы никаких переделок не делать, а сесть и написать новую небольшую повестуху – тем более что все равно желательно иметь таковую для Мосдетгиза. Что-нибудь незамысловатое, про Горбовского.

2. МолГвардейский сборник я честно обработал и соответствующим письмом отослал Медведеву еще в конце июля. С уведомлением о вручении. Согласно вернувшемуся уведомлению, бандероли были вручены 25 июля, т. е. почти месяц назад. С тех пор ни гласа, сам понимаешь, ни воздыхания.

3. Труд, завещанный мне богом[1], я благополучно закончил[2] 31.07 и с тех пор блаженно бездельничаю, размышляя, главным образом, о новой повестухе.

4. Ездил в Ленинградский ВААП, подписал разрешение на публикацию в ГДР ПнО и ВНМ. Замдиректора (чертовски симпатичный и очень расположенный к нам мужик) очень просил у нас что-нибудь новенькое, особенно нажимая на то, что желательны вещи, НЕ опубликованные у нас. Оказывается, это весьма выгодно и ВААПу (почему-то) и нам, т. к. при опубликовании за границей НЕ опубликованной у нас вещи налог с нас взимается не в размере 50 %, а в обычных человеческих размерах – 6–8 %. Все это чертовски приятно, но абсолютно непонятно… Далее, этот мужик перед разговором со мною заготовил по данным ВААПа список договоров, заключенных в 1975 году на наши вещи. Среди известных нам наименований (ТББ в Швеции, УнС в США, ПнО

[1] А. Пушкин, «Борис Годунов», сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»: «Еще одно, последнее сказанье – / И летопись окончена моя, / Исполнен долг, завещанный от бога / Мне грешному».

[2] Летом 1975 года БН помогает А. Герману со сценарием «20 дней без войны».

в ФРГ и т. д.) там оказалось и нечто для меня совершенно новое, именно: ПХХIIВ в Польше и ПнО в Аргентине! Ты об этом ничего не слыхал? Ведь по идее все эти договора должны были пройти через наши руки…

5. Поправки к ПнО для ГДР отправил уже давно. Я там не стал мудрствовать лукаво и копаться в мелочах – исправил только наиболее исковерканную сцену со стариком Шухартом.

6. Пришли в наш Детгиз, наконец, экзы ПХХIIВ+М. И конечно, заказанного количества мне, гады, не дали. Получил половину – 25 штук. Впрочем, обещали со временем еще, да есть надежда, что и через Лавку что-нибудь отломится.

7. Как видишь, я оскоромился – купил за сертификаты новую машинку, голландскую. Машинка неплохая, но скверно отрегулирована – некоторые знаки двоятся. Например: ???? или ййййй. Кажется, впрочем, это исправимо.

Вот, пожалуй, и все мои дела. Письма, которые были, – неинтересны. С начальством никаким не виделся.

Да! Получил сертификаты – ценным письмом, в конверте, украшенном пятью могучими сургучными печатями. И получил остаток денег за переиздание – 940 руб. с копейками. Деньги твои через маму тоже получил. Но для чего же[1] не написал ты полный финансовый отчет – положено столько-то, за долги изъято столько-то? Мнится мне, вычеты ты произвел неправильно и я еще у тебя в долгу есть. (Именно, должен ты был вычесть 386 + 25 = 411 руб. А ты сколько вычел?)

Мама (и я) интересуется, где будешь ты праздновать юбилей: у себя или у нее, как собирался? Отпиши срочно.

Целую и обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – приветы!

Да не забудь связаться с Пекелисом! Душа же у меня горит!

---

[1] Оборот «для чего же» у АБС восходит к «Страшной мести» Н. Гоголя: «– Для чего же не любить свинины? – сказал Данило. – Одни турки и жиды не едят свинины» (гл. 4).

В архиве АБС сохранились обе рецензии на ЗМЛДКС, о которых БН сообщал брату.

Из архива. Никольский Б. Рецензия на ЗМЛДКС

Умение построить напряженный сюжет, с первых страниц захватить внимание читателя, обычно свойственное Аркадию и Борису Стругацким, проявляется и в новой их повести. Повесть читается с неослабевающим интересом, и это, безусловно, немаловажное достоинство.

Живо написаны характеры ученых – персонажей повести.

Фантазия авторов остра и изобретательна.

Вместе с тем повесть вызывает у меня два существенных замечания.

Первое. В повести возникает ощущение мистической неотвратимости гибели ученых, безысходности их положения, если они не сдадутся, не перестанут вести свои работы. Невозможно ни предугадать, ни предотвратить действия слепой силы, преследующей их. Один из героев сравнивает действия этой силы с действиями человека, который с размаху, наугад наносит удары, стремясь убить комара. Ученые обречены так же, как обречен этот преследуемый комар. Мне кажется, что повесть выиграла бы, стала бы тоньше, глубже, если бы авторы испытывали своих героев лишь с помощью средств, обстоятельств, стоящих на грани реального и фантастического, обходясь без деревьев, внезапно взрывающих асфальт и без оборотней, растворяющихся в воздухе – в общем-то так или почти так и происходит в первой половине повести. Это уже потом авторы, на мой взгляд, облегчая себе задачу, начинают привлекать средства из потустороннего арсенала.

Второе. «Один раз, уже ставши биологом, он даже затеял коллекционировать экскременты, потому что Женька Сидоровцев привез ему из Антарктиды китовьи, а Саня Житнюк доставил из Педжикента человеческие, но не простые, а окаменевшие, девятого века». «Десятилетку он не кончил, ушел из девятого класса, работал санитаром, потом шофером

на дерьмовозе…» «Писить хочу! – объявил странный мальчик и, когда Губарь со вздохом повел его в сортир, добавил на весь дом: – И какать!» – пристрастие к подобного рода деталям плюс склонность подчеркивать в своих героях малопривлекательные черты (вроде уханья Вечеровского, подобного уханью уэллсовских марсиан, упивающихся человеческой кровью) плюс нарочитая грубость лексикона героев повести – все это временами создает в повести несколько неприятную атмосферу. Замечу еще, что герои повести употребляют чрезмерное количество разного рода спиртных напитков, так что подозрение одного из персонажей, что все происходящие чудеса – результат алкогольного бреда, не так уж далеко от истины.

Хотелось бы, чтобы Стругацкие еще немного поработали над повестью и чтобы эта повесть, как и предыдущие, увидела свет на страницах «Авроры».

Из архива. Дмитревский В. Рецензия на ЗМЛДКС

О чем же все-таки эта повесть?

О столкновении землян с «пришельцами» из какой-то высшей цивилизации, недовольных смелым научным поиском некоторых особо талантливых ученых?

Или о возмущенной природе – Гомеостатическом Мироздании – слепо осудившей тех, кто раньше положенного срока пытается не только проникнуть в ее законы, но и изменить их?

По началу повести кажется, что иногда сцепление случайностей, как крупных, так и мелких, воздействует на людей с высоким интеллектом и эмоционально возбудимых так, что они впопыхах делают невероятные фантастические допуски и начинают испытывать ужас перед обступившими их случайностями, как перед стаей голодных волков. И пытаясь бороться со случайностями, как с кем-то спланированной и организованной опасностью, уподобляются иногда дон Кихотам, а иногда, напротив, погружаются в немудреное

бытие Санчо Панса. Так ведь, собственно, и начинается повесть Стругацких, переданная в наш журнал.

Но все это, конечно, не так. Это всего лишь одеяние яркое, удивительное, странное, в которое укутана сверхзадача, поставленная перед собой писателями.

Речь идет о судьбе талантливого ученого (можно толковать и более расширенно – о человеке вообще), о том каким ему надлежит быть, о творческом мужестве и об отступлениях перед гигантскими трудностями с предпочтением благополучной и спокойной жизни. Иными словами, все та же проблема горьковских Сокола и Ужа.

Вечеровскому и отчасти Снеговому противопоставлены Вайнгартен, Глухов, Захар… А главный герой повести астрофизик Малянов колеблется, страшится, перебарывает страх и вновь пугается, но, вероятно, пойдет по пути, по тому, который избрал Вечеровский – по самому трудному и, быть может, опасному пути.

Таков, как мне представляется, смысл повести, написанной в сложной манере монолога Малянова с перебивками, необходимыми для развертывания сюжета.

Не буду говорить здесь о многогранном таланте писателей. В этой повести, резко отличающейся даже по стилистической манере от «Малыша», «Пикника на обочине» и «Парня из преисподней», они выступают с позиции философского раздумия над местом человека (локально – талантливого ученого) в конце нашего сложного двадцатого века.

Я прочел повесть, несмотря на перегрузку ее научной терминологией, как говорится, на одном дыхании. Но… но есть у меня некоторые возражения и по поводу некоторых выдвинутых авторами положений и против известных «особенностей» их литературного языка.

Начну с главного.

Стр. 111: «…вывод из нее состоит как раз в том, что у вас сейчас нет не только друзей, но даже и противника». Так говорит Вечеровский Малянову.

Но почему же у Малянова нет друзей? А тот же Вечеровский? А Ирина, а погибший Снеговой (он же был)?

Стр. 112: «И то, что происходит сейчас с нами, есть не что иное, как первые реакции Гомеостатического Мироздания на угрозу превращения человечества в сверхцивилизацию».

А почему сверхцивилизация таит в себе угрозу, если она будет общечеловеческой и не такой, как предрекают буржуазные футурологи? И не напоминает ли это некие рассуждения о « сверхдержавах»?

Стр. 132: «В двадцатом веке все равно этой свободы ни у кого нет. Ты с этой свободой всю жизнь можешь просидеть в лаборантах, колбы перетирать».

Верно ли это?

Стр. 184: «Что нам – не приходилось отступать? Да тысячу раз приходилось! И еще тысячу раз придется! И не перед богами – перед паршивым чиновником, перед гнидой, которую к ногтю взять и то срамно…»

Чиновник это, конечно, очень плохо. Но необходимо ли отступать перед ним тысячи раз?!

Гораздо точнее формулировка, отмеченная мною на стр. 153.

Далее меня несколько удивили работники уголовного розыска в изображении авторов. Вероятно авторы чрезвычайно далеки от людей этой важной и благородной профессии.

Несколько слов о литературном языке. Меня всегда удивляло пристрастие авторов к сугубо натуралистическим экзерсисам. Разухабистость жаргона, на котором изъясняются высоко интеллектуальные персонажи, кажется мне нарочитой. Потом со страниц повести пахло пòтом не менее двадцати раз, и сортиром тоже немало!

Выводы: конечно, повесть представляет несомненный интерес для журнала. Но в работе над ней я рекомендовал бы авторам быть более точными в некоторых философско-нравственных категориях и почистить ее от излишних порций пота, экскрементов, коньяка и «Бычьей крови».

«МолГвардейский сборник я честно обработал и соответствующим письмом отослал Медведеву еще в конце июля», – сообщает БН брату. Копия этого письма от 21 июля сохранилась в архиве.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый Юрий Михайлович!

Итак, наш труд окончен.

Нам хотелось бы обратить Ваше внимание на следующие обстоятельства:

1. Повесть «Трудно быть богом» выходила в СССР дважды, общим тиражом более 300 тысяч экземпляров. Она получила обширную положительную прессу и, как показали социологические опросы и многочисленные письма читателей, была признана лучшей советской научно-фантастической повестью последних лет. Она издана на ряде языков народов СССР, а также во всех без исключения европейских странах социализма.

Повесть «Малыш», если учитывать журнальную публикацию, выходила трижды общим тиражом также более 300 тысяч экземпляров. Она тоже получила положительные отклики и в печати, и среди читателей фантастики. Переводы этой повести уже появились в ГДР, ПНР и ЧССР.

За время изданий и переизданий указанных повестей тексты их НИКОГДА и НИКАК не исправлялись, они полностью аутентичны оригинальным рукописям.

В этой ситуации требования Вашей редакции о какой-то правке, замечания относительно некоей таинственной «тенденциозной двусмысленности» выглядят попросту странными.

Тем не менее, идя навстречу пожеланиям редакции и стремясь поскорее завершить ненормально затянувшуюся (не по нашей вине!) историю с изданием этого сборника, мы решили закрыть глаза на явную (простите за резкость) БЕССМЫСЛЕННОСТЬ предлагаемых редакцией поправок и поправки эти учли – тем более что они, к счастью, никак

не влияют ни на развитие сюжета, ни на идейное содержание упомянутых повестей.

Смотрите указанные в редакционном письме стр. 74, 86, 87, 159 повести «Малыш» и стр. 43 повести «Трудно быть богом».

2. Теперь о «Пикнике». Повесть «Пикник на обочине» рассказывает о судьбе простого «маленького» человека в мире, где торжествуют принципы капиталистической морали: «Каждый – сам за себя, один бог за всех»; «Все продается и покупается»; «Человек человеку – волк». Это рассказ о том, как человек изначально неплохой, энергичный, неглупый, по своему честный и порядочный, хороший семьянин, человек с душой, открытой восприятию верных социальных идей социализма и коммунизма, – как такой человек в условиях капиталистической действительности, осложненных вдобавок последствиями нежданного-негаданного посещения пришельцев, превращается в одинокого волка – без морали, без духовных ценностей, без будущего.

Он бесконечно одинок, Рэдрик Шухарт, одинок так, как может быть одинок человек в мире частной инициативы. У него нет любимого дела. У него нет друзей – он остался без друзей, потеряв единственного человека, который по-настоящему импонировал ему и был способен открыть ему какие-то иные горизонты, кроме душного мира «зелененьких». Он утратил всякую перспективу, ибо жизнь его после гибели Кирилла Панова превращается в сплошную беспощадную борьбу за существование. Он, наконец, теряет последнее, за что еще цепляется, – семью, ибо семью у него отбирает равнодушно-жестокая Зона. И вот в самый последний момент, когда он осознает, что судьба бросила ему в руки орудие (как ему кажется) невиданной силы – Золотой Шар – оружие, с помощью которого (как ему кажется!) можно было бы изменить весь мир, – в этот страшный момент он вдруг с ужасом и отчаянием обнаруживает, что проклятый мир «свободы возможностей», мир его детства, юности, зрелости, не только лишил его счастья, друзей,

будущего – этот мир выжег его мозг, НЕ ДАЛ ЕМУ НАУЧИТЬСЯ ДУМАТЬ! Ему кажется, что он может все. Но он не знает, не понимает, не способен решить, ЧТО ЖЕ ИМЕННО надо менять в этом мире. Он знает, ЧТО должно быть уничтожено, но он не способен понять, ЧЕМ все это должно заменить. Он – продукт своего мира, ему непонятно и недоступно то, что в нашей стране, например, ясно каждому школьнику, – вот почему ему остается только повторять наивные, детские, привлекательно звучащие, но совершенно бессодержательные слова мальчишки-колледжера, идеалиста и стихийного бунтаря, им же, Рэдриком Шухартом, беспощадно уничтоженного.

«Пикник на обочине» выполняет, на наш взгляд, чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают души и мозг людей. И в этом плане Шухарт – не отрицательный герой и, конечно уж, не положительный герой – он жертва этой идеологии, жертва мира, в котором ему довелось родиться.

Далее. Вы совершенно неправы, когда пишете, что «покойники» «не стреляют в повести». Не говоря уж о том, что они – важный элемент мозаики, составляющей общий фон событий, они вдобавок играют еще и большую роль как в развитии сюжета, так и в прорисовке характера центральной фигуры повести, Рэдрика Шухарта. Вернувшийся в свой дом старик Шухарт, чудовищный муляж человека, созданный Зоной, не только помогает обнаружить совершенно новые и неожиданные черты характера молодого Шухарта (сыновью нежность, преданность, любовь), но и создает последний, весьма важный сюжетный поворот. Именно в результате этого возвращения Рэдрик понимает, в конце концов, что рушится последняя его опора – семья – и помочь ему, Рэдрику, может теперь только чудо. И именно за чудом он, прожженный скептик, не верящий ни в бога, ни в черта, отправляется в Зону в последний раз в жизни.

Исходя из упомянутого выше стремления поскорее завершить подготовку сборника к печати, мы готовы пойти на целый ряд уступок редакции, хотя не видим абсолютно никакой внутренней необходимости в предлагаемых редакцией поправках. Мы сводим до необходимого минимума упоминания о «покойниках», убираем все, что редакция может счесть «не эстетичным». Одновременно мы производим чистку лексики и делаем кое-какие сокращения.

Смотрите стр. 8, 10, 15, 18, 19, 21, 26, 30, 312, 319, 322, 323, 339, 343, 358, 361, 362, 363, 364, 368, 369, 370, 375, 376, 380, 383, 385, 386, 388, 391, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 404, 411, 416 рукописи.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Тем не менее «Аврора» отказалась публиковать ЗМЛДКС, а «Молодая гвардия» продолжает тянуть со сборником «Неназначенные встречи». Свое настроение по этому поводу БН описывает Борису Штерну 25 августа.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Ох, Боря-Боря, главное – не утомляйте себя надеждами! Сок надежд ядовит и пагубен в наше шибко стохастическое время! В наше время писатель должен относится к вопросам публикации в точности так же, как к игре в спортлото. И на устах его должна постоянно блуждать ироническая усмешка всепонимания.

Что касается публикации «Пикника», то упомянутая усмешка блуждает у меня уже не только на устах, но и по всему телу. Но – никакой свинячьей тоски! И тем паче – бельевой веревки, капроновой или, скажем, дедовской, волосатой. Этого удовольствия мы им доставлять не должны! Пить-есть пока имеется? Да, имеется. Друзья не поразбежались? Отнюдь. Даже наоборот. В семье все живы-здоровы? Пока да

(тьфу-тьфу, чтобы не сглазить)… Так чего же тебе еще надобно, смертный? Ах, ты еще и в спортлото хочешь выиграть по шести номерам?! Ну-ну… Тебе, значит, мало, что ты по пяти номерам уже выиграл: заполучил неизвестно почему и чьим попущением божественную искру в так называемую душу. Тебе, паршивцу, еще надо по шести номерам выиграть: чтобы искра сия разгорелась всем вокруг видимым костром? Ну-ну, неблагодарный!..

Короче говоря, Боря, все равно надо работать. Десяток читателей – это тоже неплохо. Особенно, если учесть, что это не просто читатели, а, как говорят социологи, РЕФЕРЕНТНАЯ ГРУППА! То есть отборнейшая элита сочувствующих и сомыслящих…

<…>

1 сентября из «Молодой гвардии» отвечают телеграфным стилем.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тов. А. Стругацкий и Б. Стругацкий!

Сообщаем, что Ваша рукопись получена издательством «Молодая гвардия» и находится на рассмотрении.

О результатах Вам будет сообщено.

Редактор редакции Д. Зиберов

В начале сентября АБС разрабатывают сюжет СЗОД – будущего ЖВМ.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Генная инженерия на чел<ове>ке. Создание Homo Super. Достигнуть предела интеллект<уального> развития чел<ове>ка – как? Последовательные перестройки генов. Далекая планета. Искусств<енные> дети. Система безопасности (дети не могут узнать координаты Земли). На планете

что-то произошло – все связи прерваны. Горбовский летит выяснять.

6.09.75

Приехал Арк.

7–8.09.75

Обсуждаем СЗоД.

9.09.75

На планете N найден саркофаг с оплодотворенными клетками – 12 шт<ук>.

Гипотезы:

1. Генофонд Странников.
2. Генофонд землян на случай вырождения.
3. Бомба времени – образцы идей и эмоций человека.
4. Идеологическая бомба (агрессия медленная, идейная).
5. Диверсанты – превращение в богов и прямая атака.
6. Способ кодировки неких полезных сообщений. Это доброжелательное завещание Странников (Комов).

Может б<ыть> – в саркофаге 12 гипотетических детонаторов. Инициирование превращения в богов.

Лев – 20 лет, учится на прогрессора.

Корней – 20 лет, учится на прогрессора (a la Вечеровский). Раньше всех узнал тайну происхождения.

Оля – дочь Майки Глумовой, возлюбленная Льва. Работает в Институте Следопытов (отдел КОМКОНа).

Майка Глумова – директор-хранитель спецфонда образцов мат<ериальной> культуры невыясненного назначения (в т<ом> ч<исле> детонаторов).

Горбовский – член Опекунского Совета.

Максим Каммерер – нач<альник> контрразведки Опек<унского> Совета.

Рудольф Сикорский (Странник) – нач<альник> контрразведки С<овета>Г<алактической>Б<езопасности>.

Тристан – друг-соглядатай Льва.

Тагорцы нашли саркофаг. Уничтожили. Свертывают отношение с Землей.

Легенда для найденышей: искусственники. Потомки группы физиков, погибших при создании черной дыры (или прогрессоров).

Горбовский, утешая Олю, говорит, что эксперимент типа «жук в муравейнике». («Вы действ<ительно> так думаете?» Молчит. «Зачем вы это сказали?» – «А что мне еще было говорить») – и то же в конце с Корнеем.

10.09.75

Трепались.

11.09.75

Арк уехал.

Письмо Аркадия брату, 18 сентября 1975, М. – Л.

Дорогой Борис.

Новостей особенных нет. Был у Пекелиса, взял тощую картонку с марками и какие-то плоские длинные штуки – то ли это клемташи, то ли дертыши, словом, что-то филателистическое, судя по наклейкам на чехольчиках. Марки вчера послал тебе заказной бандеролью, то бишь ценной, в пятнадцать рублей.

Звонили из ВОАПа, пришли деньги из США – сказали, по сотне рублей за ТББ и УнС. Еще спросили, что делать с гонорарами из соцстран, и я ответил, как договорились, чтобы переводили на сберкнижку в советских. Ты свои получишь в своей конторе, а на сертификаты придется тебе посылать такое же письмо во Внешпосылторг, как и в прошлый раз. Форму ты знаешь, адрес тоже.

Звонили из Детгиза, предлагают написать около листа для второго сборника «Вслух о себе»[1], где юношеские писатели помещают воспоминания и соображение, как они дошли до жизни такой[2] – стали писать для детишек. Форма произвольная. Подумай и отпиши, будем ли браться. Написать что-нибудь вроде «Мой брат и я».

[1] Вслух про себя. Сборник статей и очерков советских детских писателей. Кн. 1. – М.: Детская литература, 1975. (Книга вторая сборника вышла в 1978 году.)

[2] Н. Некрасов, «Убогая и нарядная»: «Как дошла ты до жизни такой?»

Получил приглашение (формальное, на многих бумагах с приложениями) из САО[1] АН СССР на школу-семинар в Ставрополье по проблеме «ЦЕТИ»[2]. Начало 16 октября, конец – 25-го. Подписал некто Копылов, директор САО. Не родственник ли он?

Вот все дела. Одолели родственники – Матильда с девчонкой[3].

Поцелуй маму, привет твоим.

Жму, целую. Арк.

В это время вспоминает об АБС Тарковский.

Из: Тарковский А. Мартиролог

21 сентября 1975

«Идиот» рухнул. Саша Мишарин написал письмо Стругацкому, чтобы они начали действовать. (А будут ли они одни что-нибудь делать?) Ехать в Москву? Но – Гофман, Гофман!

Письмо Бориса брату, 23 сентября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то! Ура! Спасибо! Сколько удовольствия! Сколько восторгов! А благодаря кого?[4] Благодаря брата и соавтора! Благодару и ура![5]

Я надеялся одновременно с марочками получить и письмо от тебя, но, видимо, новостей у тебя нет. Не удивительно. У меня их тоже нет.

Звонил Дмитревский. Сделал вид, что не знает, как обстоят дела в «Авроре». (А может, и в сам-деле не знает –

---

[1] Специальная астрофизическая обсерватория.

[2] Русская транслитерация аббревиатуры «CETI», т. е. «Communication with extraterrestrial intelligence» – контакты с внеземным разумом (*англ.*).

[3] Это родственники по линии дяди, Александра Залмановича Стругацкого. – *БНС*.

[4] Реминисценция из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», ч. 1, гл. 13.

[5] «Благодару (или «брагодару») и ура» – цитата из письма АБС их японского переводчика Ииды Норикадзу.

все лето разъезжал по заграницам.) Обещал этот вопрос еще раз провентилировать, но, сам понимаешь…

Вчера звонила Ирена. Там все ОК. Идут уже репетиции ДоУ для телевидения. Идут переговоры по поводу сценария по ПиП для телевидения же. Запрос по поводу издания ПиП послан из издательства в ВААП. Правда, Ирена говорит, что теперь, по слухам, платить станут меньше.

Получил письмо от секретаря Клуба АБС (сам понимаешь, «А. и Б. Струг-е»). Клуб сей обосновался в славном Болгарском городе Пазарджик. Среди всего прочего секретарь пишет, что было болгарское издание «Отеля…». Ты о нем слышал? И не помнишь ли, деньги мы за него получали? Впрочем, пардон. Посмотрел в свои записи: да, получали – еще в начале прошлого года. Но где экзы? Я попросил этого секретаря прислать.

Размышляю о СЗоД. У нас там остались неясными кое-какие общие вопросы, так я их, кажется, боль-мень уладил. Вообще надо сказать, все это выглядит очень изящно, но как копнешь… Масса будет мелких трудностей.

Отпиши мне все-таки о своих делах и планах.

Да! На меня напала корреспондентка (очень милая, впрочем) – писать статью для ЛитОбоза на тему: «Стругацкие и их переписка с читателями». Я сунул ей в зубы письма за последние 2.5 года – пусть думает.

Вот и все пока. Еще раз большое спасибо.

Твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке – приветы!

Письмо Бориса брату, 27 сентября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил наконец и твое письмо. Долгонько оно до меня добиралось – 8 дён[1]. Путешествие из П-га в Москву[2].

[1] В. Высоцкий, «Марш космических негодяев»: «От Земли до Беты восемь дён».

[2] Заглавие книги А. Радищева.

Письмо в ВОАП послал (точнее – во ВНЕШПОСЫЛТОРГ). Сертификатики – это хорошо! Как раз Адкин день рождения надвигается… Значит, тебе сказали, что это за ТББ и УнС? За ТББ понятно, а вот почему вдруг за УнС? Может, книжка-то уже вышла? А? Посмотреть бы! Не совсем ясно: договаривались же, что Пол напишет предисловие и пришлет нам на просмотр. Никто ничего не присылал.

По поводу сборника «Вслух о себе» могу сообщить, что я изучил материалы для «Вопросов философии» и, по размышлении, отверг. Ну их всех на хер с ихней НТР. А написать что-нибудь, вроде «Мой брат и я», в принципе можно было бы – порезвиться, похохмить, – но когда? Повесть нам писать надо! СЗоД писать, а не хохмочки. Да и сценарий этот висит. Не знаю, не знаю… В общем, если это детгизовское дело терпит, если этот самый лист можно им будет дать месяцев через шесть-семь, тогда – ладно, не возражаю. Но если это им надо в ближайшие полгода, то лучше не связываться. Пока мы хотя бы черновик СЗоД не напишем, душа у меня не будет спокойна.

Сейчас, по-моему, пора решать вопрос об очередной встрече дней на 12 – писать СЗоД. Я относительно свободен, слово за тобой (на тебе – сценарий). Прикинь и напиши: когда, где? Хоть бы страничек 30 отмолотить – для затравочки. А то – темно в глазах и как-то все до лампочки.

Мне никто никакого приглашения в Зеленчук не присылал. Гм. Странно. Я, разумеется, все равно бы не поехал, но ведь договаривались, кажется… Гм. А Копылов Иван Михеевич – не только не родственник нашему Сашенции, но, наоборот, его начальник, сильно пьющий человек и вообще, по слухам, не сахар.

У меня к тебе большая просьба: форсируй как-нибудь свой контакт с «Неманом». Очень хочется понять, есть там хоть какие-нибудь шансы или такой же нуль, как и везде. Если окажется нуль, я все-таки решусь на заход в «Неву». Но это уже будет, сам понимаешь, жест отчаяния.

Получил письмо от Миши Ковальчука. Он там все восторгается подарком, который сделал тебе на юбилей. «Вам Аркадий Натанович, наверное, рассказывал…» А я, хоть убей, не помню, что это за подарок и почему я должен так тебе завидовать. Или это ты забыл мне рассказать? Даже любопытно стало. Люблю со вкусом позавидовать.

Перечитал здесь ни с того ни с сего «Малыша». Ей-богу, очень недурная повестуха, оказывается. Зря я ее ругал. Молодцы мы, все-таки: из заказного дерьма сделать такую конфетку… Орлы!

Так что, Аркашенька, тщ-щательнейше продумай вопрос: когда и где – и мне отпиши. Срочности никакой нет, но я хотел бы иметь конкретный план на будущее.

За сим, Ваше Превосходительство и благодетель, остаюсь Вашего Превосходительства и благодетеля покорнейшим слугой…

Или как к Кардиналу:

Имею честь быть Вашего Преосвященства покорный слуга…

Или как к восточному патриарху:

Остаюсь Вашего Блаженства покорный слуга…

Или как к архиепископу английской церкви:

Остаюсь, Милорд Архиепископ, Вашей светлости покорный слуга…

Это я сейчас изучаю очень забавную, словно из другого века, книгу: «Дипломатический церемониал и протокол»[1]. «§ 527. Основные трудности при рассадке почетных гостей за столом между официальными должностными лицами возникают по соображениям вежливости…» Нам бы ваши заботы!

Вот пока и все. Твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке поцелуи.

[1] Вуд Дж., Серре Ж.-Ш. Дипломатический церемониал и протокол. Принципы, процедура и практика. – М.: Прогресс, 1974 (2-е изд. – 1976).

Письмо Аркадия брату, 2 октября 1975, М. – Л.

Дорогой Борис.

Новостей предостаточно.

1. Из театра им. Моссовета обратились с просьбой инсценировать ПиП. Навел справки. Мне посоветовали уклониться. Что я и сделал, предложив моссоветовцам заниматься инсценировкой без нас, уверив, что мы подмогнем.

2. Говорил с Ниной Берковой. Если мы не хотим потерять печатную площадь, надобно хотя бы к 1 января сдать ПНвС плюс новую повесть, хотя бы первый (даже черновой) вариант СЗоД.

3. Получил от Тарковского два письма с призывом поскорее начать работу над ПнО, для чего снова поговорить с Соловьевым и условиться, что инициатива исходит не от него, Тарковского. Ну, ты помнишь, как мы договорились проталкивать это дело. Беда вся в том, что Соловьева нет в Москве. Впрочем, на днях он приедет. В этом духе я и отписал Тарковскому, призвав его по получении письма приехать в Москву и повидаться со мной. Он прозябает где-то в Рязанской области и уже четыре месяца в Москве не был.

4. Иосиф Копытман, талантливый режиссер театральный (он сейчас таскается со своей труппой по городам Союза, а в труппе четыре человека, из коих имеет место Даль, Дворжецкий и Джигарханян, самые звезды сцены и экрана), прочитал ТББ и воспылал неимоверно. Мы с ним посидели два дня и набросали план спектакля «по мотивам». В сущности, если взяться, то дело свелось бы к перепечатке отрывков из повести страниц на сто. Начать и кончить. Он уверен, что любой областной театр ухватится и прибыли будут большие. Утверждать пьесу надобно будет не в Минкультуры, а на месте, в области, где, по его словам, цензор только узнает, что уже издана книга, как тут же, не читая, подпишет. Требуется твое мнение.

5. За сертиками еще не ходил. А ты послал им письмо-требование?

6. Мой таджикский фильм «Семейные дела Гаюровых» показывали в Тбилиси на каком-то фестивале и выдвинули на какую-то премию. Отзывы очень хорошие, не официальные, а от знатоков. Так что можешь успокоиться, фамилия наша не посрамлена.

7. В воскресенье встречаюсь с Катасоновым, редактором Центрального телевидения. Он требует у меня заявку на инсценировку. Хочу предложить ему Малыша и ПНвС. Серий на шесть. А?

Такие вот дела.

Обнимаю, жму. Привет Адке и Андрею.

Поцелуй маму. Тебя мои целуют и всё спрашивают, когда приедешь.

Твой Арк.

Да! Обратись в свой отдел ВААПа или что там у вас есть. Насчет денег из соцстран.

В тот же день АН пишет брату еще одно письмо.

Письмо Аркадия брату, 2 октября 1975, М. – Л.

Дорогой Борька.

Только что отправил тебе письмо, а тут по возвращении обнаружил в почтовом ящике твое и мамино.

Будем считать, что в очередь следующим пишешь ты.

Насчет встречи. Я сейчас бешено занимаюсь сценарием. Получил отсрочку до 3 ноября, но думаю, что закончу числу к десятому. Октября, конечно. Беспокоит немного, что по листажу получается довольно куцо – страниц на 35, не больше. Но зато достаточно содержательно, и мульты займут много времени.

Встречаться будем, скорее всего, в конце октября – начале ноября. Там договоримся. Все равно мне пятнадцатого ехать – я как раз кончу и перепечатаю и отправлю сценарий. В основу своего выступления положу наши предположения насчет возможных целей пришельцев и предложу немедленно

прекратить посылы сигналов в космос. На ближайшую сотню лет. Возможно, со мной поедет Тарковский, ему тоже послали приглашение – через меня. Я ему об этом отписал. Полагаю, ты меня в этом намерении – воззвать к прекращению сигнализации – поддерживаешь, а если нет – отпиши немедленно резоны. Мне лично эти шуточки не нравятся.

С тем тебя и обнимаю и целую,

оставаясь Вашества покорнейшим слугой и тем не менее братом,

А. Стругацкий

И в тот же день, когда АН написал брату два письма, БН пишет ему внеочередное письмо.

Письмо Бориса брату, 2 октября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Пишу тебе внеочередное, так как получились некоторые новости. (Пишу от мамы и потому – на старой машинке.)

В. И. Дмитревский устроил некоторый шум на последнем заседании редколлегии «Авроры»: «Что за чепуха? Да разве можно известным писателям предлагать такие требования? Ведь они же согласны удовлетворить требования рецензентов, каковые требования полностью отражают мнение редакции. Чего нам еще? И т. д., и т. п.» Вопль возмущения и негодования был ему ответом. «Да разве мы чего-нибудь требуем, кроме?.. Да ради бога! Да мы ждем не дождемся!.. И т. д.» Андрей[1] молчал. Молчал до редколлегии, когда В. И. утрясал вопрос с главредом. Молчал во время редколлегии. Молчал и после. В. И. делает из этого вывод, что Андрей перестраховался и теперь от всего этого отстраняется. Короче, обстановка складывается как будто благоприятная. При прочих равных я бы уже взялся за дело, ибо удовлетворить большинство требований не так уж сложно (берусь – за два

[1] Островский Андрей Львович, писатель, зам. главного редактора «Авроры».

дня) и заняться этим стоит, хотя бы ввиду возросших шансов отхватить одобрение. Но! Но у меня нет, как тебе известно, экзов. Как известно, последний экз ты забрал в Москву. А посему имею предложить:

1. Если ты еще не начал форсировать Минскую операцию, – пришли экз мне.

2. Если же начал – срочненько отпечатай и опять же пришли (печатать рано или поздно все равно придется – для разных будущих вариантов).

Вот и все мои дела.

Твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке (отлеживающимся после налета родственников) – приветы и поцелуи!

Письмо Бориса брату, 5 октября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил сразу два твоих письма. Спешу ответить.

1. Значит, договорились: встречаемся в конце октября – начале ноября. Оч. хор. Что будем писать, выясним на месте, но я полагаю, что все-таки СЗоД. Работа с Тарковским, конечно, дело святое, но это же все пока на соплях! А СЗоД и наша прямая обязанность, и дело также святое, и зависит только от нас.

2. Ты меня удивил! Вот уж не думал, что ты серьезно намерен ехать в Зеленчук! Впрочем, если ты поедешь туда с Тарковским – это будет хорошо. Выступая, не увлекайся, будь сдержан и в меру ироничен. Ничего не утверждай, все излагай в сослагательном наклонении. Помни, что они там – профессионалы, а ты – дилетант, аматер, так сказать. Имей в виду, что там будут присутствовать очень, по слухам, ядовитые и ехидные люди, вроде Шкловского или Озерного, им палец в рот не клади, да и далеко не все ученые настроены к нам доброжелательно. Поэтому постарайся не говорить ничего такого, чего не мог бы немедленно при необходимости обосновать. Основа, конечно, наша старая: скорее всего

никакого иного Разума – во всяком случае, в человеческом смысле этого слова – во Вселенной нет. Но рисковать не имеет никакого смысла. В лучшем случае, наш сигнал это глас вопиющего в пустыне, а в худшем – будет с нами как с елочкой, которая высокая и стройная в лесу себе росла, а после много-много радостей детишкам принесла. Дуй до горы! Но если Тарковский не поедет, то лучше и ты не езжай. К тому два соображения: а. Польза рекламы, б. Если Тарковский поедет, то ты заведомо будешь не самым смешным в этой банде ядовитых умников и сухих ненавистников любой фантазии.

Такие вот будут мои тебе заветы.

3. Насчет инсценировки ПиП в театре – тебе виднее. Конечно, возиться с этим дерьмом неохота, но ведь и пеньензы упускать неохота! Проследи там.

4. Насчет ТББ. По-видимому, ты забыл, что уже существует инсценировка ТББ, написанная нами в соавторстве с молодым способным Андреем Зинчуком. По-моему, я тебе даже давал ее читать. Эта инсценировка сделана по заказу главрежа какого-то дальневосточного театра (забыл, какого). Послана ему в конце прошлого года. Насколько мне известно, ни гласа от него не было, ни воздыхания, но если ты будешь серьезно вести дело с Копытманом, то все должен ему по-честному изложить. Тем паче, что инсценировка уже есть, лежит у меня в папке, и по устной договоренности две трети в этом бизнесе – наши.

5. Письмо по поводу сертиков послал уже давно. Пока – ничего.

6. Рад за твоих «Гаюровых». В добрые отзывы, натурально, не верю, но, может быть, тебе еще деньжат подкинут?

7. Инсценировка для телевидения серий на десять (а не на жалкие шесть, о коих ты пишешь) – это было бы прекрасно! Договаривайся. Но нельзя ли вместо М и ПНвС предложить, все-таки, ДоУ. Детектив! Фантастический! Труп! Потом – бах! – оживает! А? Загадки, бля! Тайны! А? И уничтожающая критика буржуазной идеологии.

8. О каких деньгах из соцстран ты намекаешь столь таинственно. Нет чтобы прямо написать! Я конечно позвоню в свой ВААП, но что мне там спрашивать?

9. Надеюсь, ты уже получил мое последнее внеочередное письмо и уже выслал папочку с зМЛдКС. Хочу все-таки это дельце довести до конца. Чем черт не шутит. Читатели говорят, что «Аврора» сейчас такое печатает – один пьет, семерых, глядючи, рвет. После такой порции ипекакуаны им наверняка захочется дать читателю чего-нибудь освежающе-возбуждающего.

Целую, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Аркадия брату, 9 октября 1975[1], М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Совершенно согласен с тобой: работать будем над СЗоД. Дело не только в священных обязанностях и прочих сантиментах. Дело еще и в том, что я больше не верю в затею с Тарковским. Он надолго погиб во мнении начальства: Ермаш получил за «Зеркало» выговор и таким образом освободился от всякого чувства вины перед Андреем. Конечно, надежды терять не следует, но все это явно откладывается в долгий ящик.

2. Сценарий для Киевнаучфильма я закончил (наконец-то!), сдал на машинку, в будущий вторник отошлю. Прочел его Ленке и Машке, они в восторге, но единогласно объявили, что ставить его никто не решится. Может быть. Во всяком случае, аванс я отработал, а там, глядишь, передадим его в ВААП, пусть торгуют.

3. Инсценировка ПиПа в театре Моссовета никаких пеньензев дать нам не может. Договор, и то проблематично, они заключают только по получении и одобрении готовой пьесы. Нужны нам эти условия как прыщи на голове у невесты[2].

---

[1] Датировка составителей.

[2] Реминисценция из рассказа И. Бабеля «Отец».

4. Ничего я про ТББ не забыл. Дальневосточники год чешутся, они нам не указ, а Копытману и подавно на это начхать. Его план инсценировки совершенно оригинальный, ничего общего с Зинчуковским не имеет, а вместе с тем не требует никакой выдумки – только печатанье на машинке, вернее, списывание с книги. И по договоренности – наши будут не две трети, а все три.

5. Я лично сертики получил (два дня назад). Рекомендую: немедленно напиши (или даже телеграфируй) напоминание.

6. О деньгах из соцстран я не намекаю таинственно, а сообщаю, дубина ты эдакая. Когда мне позвонили из ВОАПа насчет сертиков, то спросили, как быть с суммами из соцстран. Я сказал, чтобы переводили совзнаками. Мне, они сказали, переведут на книжку (не знаю, перевели ли), а тебе надлежит обратиться в твою ленинградскую контору.

7. зМЛдКС выслал дней пять назад. Ты, верно, уже получил.

8. Хотел уже кончать письмо, да тут позвонил мой редактор из Сценарной студии. Зашевелились в Госкино. ПиПс прочитал Павленок (еще раз) и одобрил. Теперь надо бороть Даля Орлова, главреда. 22-го надо быть у него с Соловьевым. Соловьев просил получить на сценарий рецензию «видного теоретика фантастики», но я постараюсь его уговорить не делать таких глупостей. Что Орлову Бритиков или Кагарлицкий? Сами управимся.

9. Так что ехать в Зеленчук мне, видимо, не придется.

Целую, твой Арк.

Всех целуй.

Письмо Бориса брату, 12 октября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил и письмо твое, и бандероль. Над бандеролью сижу, глубоко задумавшись. Перечитываю рецензии, набираюсь

национального самосознания. Уже тошнит, но еще не рвет[1]. В ближайшие дни дойду до кондиции и примусь за дело. Работы там, честно говоря, не на два дня, а на два часа, но сначала я еще хочу прощупать настроения замглавного. Завтра, наверное, съезжу.

Насчет Зинчуковского ТББ известия такие. Дальневосточный режиссер уже полгода бьется как лев, то есть, абсолютно без толку. В Л-де Зинчук сунул пиесу на телевидение, и совсем было уже все в шляпе, он уже карман приготовил, но тут пиеса дошла до главной инстанции и последовал отказ, решительный и бесповоротный. Так что, пожалуй, можно только пожелать Копытману твоему успехов и удачи. Особенно, если все это будет совсем не похоже на Зинчуковский вариант. Ты держи меня в курсе, пожалуйста.

Сертики мои уже пришли, лежат пока на почте, завтра за ними зайду. А что касается гонораров за социздания, то я так и не понял, за что нам полагается и что именно. Тебя в ВОАПе спросили ВООБЩЕ или о каких-то конкретных гонорарах? Вот что неясно в твоем письме. Чувствуешь, как я ставлю вопрос: гонорары уже есть или только будут когда-нибудь? Что мне, так и не так, спрашивать в моем ВААПе? ЧТО?!!! «Нет ли там у Вас денежек для меня, хе-хе-хе-с?..» Или: «Так мне пришли деньги за то-то и то-то. Разрешите получить?» Ощущаешь разницу?

Что ты не поедешь в Зеленчук – потеря невеликая. Все это – болтовня.

Меня тут избрали снова членом бюро секции («как руководителя семинара молодых и одного из выдающихся фантастов современности…»). На перевыборном собрании была прелестная сценка. Брандис делает отчет и в конце перечисляет, сколько книг членов секции вышло в разных странах («…В Англии – одна, в Польше – шесть, в США – две…» и т. д.). Есть у товарищей вопросы к докладчику?

[1] Автоцитата из ГЛ.

ШАЛИМОВ: Да. Можно узнать, а чьи книги вышли в США?

БРАНДИС: Братьев Стругацких.

ШАЛИМОВ: Спасибо. А в Англии?

БРАНДИС: М-м… Братьев Стругацких. (Смех в зале.)

ШАЛИМОВ (обиженно задирая брови до корней волос): В Швеции, вероятно, тоже братьев Стругацких?

БРАНДИС: Да. Тоже. (Одобрительный смех присутствующих.)

Должен тебе сказать, мы, действительно, абсолютно всех забили по переводам, даже великого Успенского. Я составлял список для Брандиса – наши издания за 73–75 гг. – обалдеть! И ведь это еще не все! Ведь что-то еще в Испании выходило, и в Австрии (деньги мы получили, а за что – неизвестно)! Да, это была победа сил разума, братец ты мой! (Впрочем, по изданиям в СССР мы занимаем весьма скромное место в сравнении, скажем, с Дмитревским, который за этот срок выпустил не то три, не то даже четыре книги.)

Тут ко мне здорово пристают, и душа горит, что дать нечего! Балабуха собирает сборник для Гидрометеоиздата – фантасты об охране окружающей среды. Категорическое требование редакции: обязательно должны быть Стругацкие, иначе и говорить не будем. Ну, что им дать? Причем в пределах 2-х листов. Ну, предложил им «Благоустроенную планету»…

Томилин, составитель сборника «Хочу все знать», тоже просит. «Начальство согласно печатать в сборнике ф-ку, но требует, чтобы открыли эту новую полосу Стругацкие. Иначе – ни в какую! Ну, Борис, ну напишите что-нибудь листа на три!..» Второй год уже просит, а что я ему могу предложить? Не зМЛдКС же…

Ну ладно. Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке поцелуи!

Рабочий дневник АБС
[на отдельном листке]
14.10.75 в Гидрометеоиздат

Героями повести «За миллиард лет до конца света» являются молодые ученые, каждый из которых успешно работает в своей области. В какой-то момент они вдруг начинают ощущать на себе могучее воздействие некой силы, явно стремящейся затормозить или вовсе прекратить их исследования. Природа этой силы неясна. Лишь перебрав множество разнообразных вариантов объяснений, герои приходят к выводу, что в своих исследованиях зашли так далеко, что затронули некий фундаментальный «закон сохранения структуры Вселенной», их работа грозит нарушить структуру мира, и Вселенная «защищается».

Повесть утверждает неизбежность и неостановимость н<аучно>-т<ехнического> прогресса, призывает к осторожности и вдумчивому отношению к окружающему нас миру, рассказывает о мужестве и бесстрашии настоящего ученого и о верности его долгу перед человечеством.

Объем ок. 6 а. л.

[Запись между встречами]

Варианты:

1. Полная невинность. Не знает ничего и ни о чем не догадывается. Идет в Хранилище, т. к. там работает его любовь.

2. Идет в Хранилище, чтобы поскорее с этим покончить – определиться.

3. То же. Но он старый 40-летний волк-прогрессор, которому опротивела его профессия. Очень опасен.

В очередной раз АБС встречаются для работы в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС

29.10.75

Приехали 28-го. Разговоры разговаривали.

Варианты со стрельбой (концовка).

1. Лев ничего не знает и ничего не узнаёт.

2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнаёт.

3. Лев знает с самого начала.

Мама выбрала «3» со стрельбой.

30.10.75

1-й разговор со Странником под личиной Сидорова (по видеофону).

Считая себя андроидом, а память – внушенной, проверяет свое прошлое: а) старая любовь, б) учитель в интернате, в) информаторий, г) институт черных дыр, беседа со старожилом.

О саркофаге известно:

1) это человеческие зародыши (в пределах возможностей современной науки);

2) возраст – 40–45 тыс. лет;

3) саркофаг найден случайно и, следовательно, преждевременно;

4) к каждому зародышу придан «детонатор».

Странник:

Хорошо, не будем совершать необратимых поступков, не будем повторять историю Железной Маски. Но вот мои требования, от кот<орых> я не отступлю ни на миллиметр:

а) дети должны быть разделены;

б) дети должны быть отданы лучшим воспитателям (патриотизм);

в) дети должны получить внеземные специальности;

г) дети никогда не должны встретиться с детонаторами, во всяком случае, помимо нашего желания.

Отсюда:

а) детонаторы засекречиваются;

б) происхождение детей – вся история с саркофагом – засекречивается;

в) для детей должны быть созданы легенды – мертвые родители.

У врача. В Прогрессоры не годится. Явно не андроид.

Визит Камилла (там будут такие круглые штуки, не трогайте их, иначе умрете).

Автор «Запрещенных наук», журналист. Что он знает:

а) Саркофаг с зародышами Странников, б) Зародышей нет, в) Псевдоканов ведет себя подозрительно, г) Попытка прорваться на планету, д) Запрет, е) Дошел до Горбовского – дело интимное, потому не подлежит, ж) Попытка говорить с десяткой, провал, з) 20 лет спустя – разговор с неудачником из десятки, кот<орый> создал могучую теорию о Странниках на Земле (ему разрешили неявно брать измерения с детишек) и не может ее опубликовать (он показал гигантское тождество между этими детишками и жителями Саулы).

После разговора с журналистом Лева приходит к выводу, что он – Странник.

Разговор о детонаторе через упоминание Камилла.

Врач
Майка
Учитель
Камилл
Горбовский
Журналист
Корней
Ученый
Странник
Смерть
1.11.75
Арк уехал.

29 октября в рабочем дневнике АБС пишут: «Мама выбрала «3» со стрельбой». В «Комментариях к пройденному» БН вспоминал:

Из: БНС. Комментарии к пройденному

<…>

Мы довольно долго не могли выбрать финал. Вариант гибели Льва Абалкина был трагичен, эффектен, но достаточно очевиден и даже банален. Вариант, когда Максиму удается-таки спасти Абалкина от смерти, имел свои достоинства, но и свои недостатки тоже, и мы колебались, не в силах сделать окончательный выбор, все время, по ходу работы, перестраивая сюжет таким образом, чтобы можно было в любой момент использовать ту или иную концовку. Когда все возможности маневрирования оказались исчерпаны, мы вспомнили Ильфа и Петрова. Были заготовлены два клочка бумаги, на одном написано было, как сейчас помню, «живой», на другом – «нет». Клочки брошены были в шапку АНа, и мама наша твердой рукою извлекла «нет». Судьба концовки и Льва Абалкина оказалась решена.

(Дьявольские, однако, шутки играет с нами наша память. Предыдущий абзац я написал, будучи АБСОЛЮТНО уверен, что так оно все и было. И вот месяц спустя, просматривая рабочий дневник, я обнаружил вдруг запись, датированную 29.10.1975, из коей следует, что жребий, да, имел место, но решал он отнюдь не вопрос, будет ли концовка трагической – «со стрельбой» – или мирной. Совсем другую он проблему разрешал: как скоро Лев Абалкин узнаёт всю правду о себе. Рассматривалось три варианта:

«1. Лев ничего не знает и ничего не узнаёт.

2. Лев ничего не знает, затем постепенно узнаёт.

3. Лев знает с самого начала.

Мама выбрала (3) со стрельбой».

Вот тебе и на! Но ведь на самом-то деле АБС, фактически, писали вариант (2)! Правда, – «со стрельбой». И на том спасибо. Ведь даже и месяц спустя в дневнике мы пишем: «М. б., кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом». Не-ет, всегда, с незапамятных времен, сомневался я как в достоверности истории вообще, так любых мемуаров, в частности, – и правильно, надо думать, сомневался…

Оставляю, впрочем, предыдущий абзац без каких-либо изменений. Пусть вдумчивый читатель получит в свое распоряжение образец мемуарного «прокола», характерного именно для данных комментариев. Может быть, это поможет ему оценить меру достоверности всего текста в целом.)

<…>

Письмо Бориса брату, 4 ноября 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Пишу внеочередное, потому что позвонил вот в Литфонд и выяснилось: в декабре Комарово еще закрыто, откроется после Нового года, заявления принимаются с декабря. В связи с этим у меня есть предложение отложить встречу до 10 декабря и встретиться у тебя. Во-первых, Ленке будет все-таки чуть поменьше хлопот, а во-вторых, я только что сообразил, что намеченная ноябрьская встреча получается уж очень куцая. Дело в том, что 10 ноября у меня первое заседание моего семинара (совершенно из башки вылетело, а вчера мне напомнили), значит, у тебя я буду только вечером 11-го, а уехать мне придется 16-го: всего чистых четыре дня для работы, ни то ни се. Так что давай отложим до 10-го декабря, а там уж поработаем вовсю.

Теперь насчет Комарово. Как ты относишься к тому, чтобы в декабре я подал заявление на январь, число этак на 12-е? Отпиши.

В остальном ничего нового. Целую, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 10 ноября 1975, М. – Л.

Дорогой Борис.

Заявление на Комарово подавай. Пусть будет с 12-го, хотя лучше было бы числа с 15-го, ибо могу попасть под разъезд со школьных каникул.

Нового ничего. Звонит тут некий Мкртчан из 4-го объединения Мосфильма, предлагает что-нибудь заявить.

Я намерен предложить ему экранизацию «Малыша». Надеялся встретиться с ним с тобой вместе, но придется, видимо, одному.

Всем приветы. Обнимаю, твой Арк.

В это время приходит очередное послание из «Молодой гвардии», отправленное 5 ноября.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Прежде всего просим извинить нас за несколько затянувшийся ответ на Ваше письмо, хотя причина задержки достаточно объективна, поскольку вызвана желанием редакции более глубоко и обстоятельно оценить Вашу будущую книгу.

Теперь эта работа завершена. Мы по-прежнему придерживаемся мнения, изложенного в нашем редакционном заключении. Сожалеем, что не смогли Вас убедить в необходимости переработки «Пикника на обочине». Без такой переработки опубликовать «Пикник на обочине» в сборнике «Неназначенные встречи» не представляется возможным.

В то же время мы считаем, что работа над сборником непомерно затянулась, и поэтому предлагаем ограничить его двумя повестями – «Малыш» и «Трудно быть богом». В этом случае редакция могла бы сдать рукопись в производство в самое ближайшее время.

Разумеется, редакция будет не в претензии, если Вы предложите рукопись «Пикника на обочине» другому издательству. Ждем Вашего ответа.

Рукопись «Пикника на обочине» возвращаем вместе с письмом.

С искренним уважением и надеждой на дальнейшее плодотворное сотрудничество

Заведующий редакцией фантастики, приключений и путешествий Ю. Медведев

Редактор Д. Зиберов

17 ноября АБС (вероятно, созвонившись) отвечают:

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Юрий Михайлович!

Согласно духу и букве договора Редакция не имеет никакого законного права отвергать рукопись автора произвольным образом или по каким-то вкусовым соображениям. Отказ должен быть МОТИВИРОВАННЫМ.

В ответе на редзаключение мы убедительно показали, что претензии Редакции к рукописи повести «Пикник на обочине» носят в основном именно произвольный, субъективный, вкусовой характер (см. наше письмо от 21 июля 1975 года).

Последнее письмо Редакции (от 5 ноября 1975 года) вообще не содержит ни мотивировок, ни аргументации и является просто формальной отпиской. Это свидетельствует о том, что наше письмо от 21.07.1975 Редакцией изучено не было и что Редакции угодно встать на формальный путь: нам, дескать, не нравится – и точка.

Будучи совершенно убеждены в идейно-художественной доброкачественности нашей повести «Пикник на обочине», мы настаиваем на неформальном, серьезном, без всякой вкусовщины, подходе к этой рукописи. Мы вновь подчеркиваем, что повесть «Пикник на обочине» выполняет чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают мозг и души людей мира свободного предпринимательства.

Широкая популярность, которую получила журнальная публикация повести, лишний раз подтверждает нашу правоту (и неправоту Редакции). Мы имеем сотни отзывов (школьников, студентов, военнослужащих, рабочих, научных сотрудников, литературных работников и даже космонавтов СССР), устных и письменных (в том числе – и в печати), свидетельствующих о высокой оценке повести «Пикник на обочине». Мы знаем, что эта повесть уже опубликована

в ПНР, ВНР, ЧССР и готовится к публикации в ряде других социалистических стран. И только редакция НФ-литературы изд-ва «Молодая Гвардия» выступает против ее опубликования. Вот уж воистину: «Уся рота идет не в ногу, один господин подпоручик идет у ногу», как писал Куприн.

Работа Редакции над рукописью «Пикника» продолжается уже несколько лет. Авторы сочли возможным удовлетворить целый ряд требований Редакции – в тех случаях, когда эти требования были достаточно мотивированы и конкретны (по поводу, скажем, лексики повести), и даже в тех случаях, когда требования Редакции казались авторам нелепыми и произвольными, но НЕ НАРУШАЛИ идейно-художественной ткани произведения.

Однако существуют такие требования Редакции, которые могут объясняться только непониманием или сугубо субъективным вкусовым подходом к повести. Рассмотрим их вкратце еще раз.

ТРЕБОВАНИЕ 1. «Убрать из повести оживших покойников». Основание: «Они «не стреляют» в повести и неэстетичны». Разве можно такое требование назвать мотивированным? «Неэстетично» – понятие чисто вкусовое (кроме того, авторы, идя навстречу Редакции, сократили этот элемент повести до самого необходимого минимума). Заявление же: «Они не стреляют…» попросту неверно. Они НЕОБХОДИМЫ, во-первых, для лучшей прорисовки образа главного героя, а во-вторых, для развития сюжета (см. наше письмо от 21.07.1975).

ТРЕБОВАНИЕ 2. «Изменить конец повести». Основание: «конец пессимистичен». Редакция явно путает два разных понятия «пессимизм» и «трагизм». Конец повести не пессимистичен, а трагичен – иным он и не может быть, ибо трагична судьба маленького человека в «свободном мире», если человек этот лишен возможности приобщиться к передовому коммунистическому мировоззрению – в этом заключена вся СУТЬ повести. Поэтому вышеприведенное заявление Редакции, так же, как и заявление о том, что «авторы как

бы отказывают читателю в надежде…» и т. д., являются совершенно голословными и наводят на мысль, что Редакция в высшей степени невнимательно читала рукопись.

ТРЕБОВАНИЕ 3 – не является, собственно, требованием. Это – смутные (вопреки договору, требующему ТОЧНЫХ указаний) рассуждения о «расплывчатости концепции положительного героя» и о том, предполагается ли в повести существование СССР или нет. Рассуждения эти не только смутны, но и нелепы. Снова возникает мысль: «Да читалась ли в Редакции рукопись?» Концепция положительного героя в повести совершенно ясна – положительный герой Кирилл Панов безусловно и однозначно противопоставлен не только герою, так сказать, «страдательному» – Рэдрику Шухарту, – но и всему миру капиталистической наживы. СССР в повести совершенно определенно существует, Кирилл Панов является его очевидным представителем, о чем имеется даже прямое указание на стр. 293 рукописи. Формулировки же, почему-то показавшиеся Редакции двусмысленными (стр. 10 и 340), авторы вычеркнули во избежание бессмысленных споров. Каковы же выводы?

1. Все действительно МОТИВИРОВАННЫЕ требования Редакции авторами учтены. Учтены даже немотивированные требования, если это не вызывало искажения замысла и сюжета повести.

2. Не учтенные авторами требования Редакции являются совершенно немотивированными – это либо чисто вкусовые, субъективные требования, либо требования, проистекающие из непонимания замысла и сути повести.

На каком же тогда основании Редакция намеревается изъять повесть «Пикник на обочине» из сборника «Неназначенные встречи»? Никаких законных оснований у Редакции нет, и мы категорически протестуем против таких произвольных действий.

Мы еще раз напоминаем Редакции, что работа со сборником безобразно затянулась исключительно по вине Редакции. Лишний тому пример – последнее письмо Редакции

(от 5.11.1975). Это письмо лишено какой-либо аргументации и мотивировок, является чистейшей отпиской и могло бы быть составлено за 65 минут, но Редакции для его составления понадобилось 65 дней!

Так продолжаться не может! В соответствии с договором авторы готовы рассматривать и учитывать любые МОТИВИРОВАННЫЕ и ТОЧНЫЕ указания Редакции. Авторы, собственно, уже доказали эту свою готовность – достаточно полистать рукопись и посмотреть, сколько там сделано поправок. Но авторы вправе требовать серьезного, добросовестного, объективного рассмотрения своей работы. Они вправе отвергнуть как непродуманные, субъективные, вкусовые требования, так и формальные отписки.

Нам, конечно, очень грустно, что наша повесть «Пикник на обочине» не пришлась по вкусу работникам Редакции, но, в конце концов, повесть эта изначально предназначалась, все-таки, для более широкой аудитории, и, защищая не только свои, но и интересы этой аудитории, авторы не намерены идти на поводу у частных суждений, даже если это суждения Редакции. В конце концов, существуют инстанции и более высокие, нежели Редакция.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

БН этим не ограничивается и в тот же день пишет еще одно письмо – личное, Медведеву.

Из архива. Письмо от БНа в МГ

Уважаемый Юрий Михайлович!

Я уверен, что Вас не удивит резкий тон нашего официального письма. Но ведь мы и в самом деле ничего не понимаем! Год назад Вы сказали Аркадию: «Если вы согласитесь вынуть из сборника «Отель», я даю вам честное слово офицера, что не будет никаких замечаний по «Пикнику». Натурально,

теперь Аркадий рвет и мечет: получается, что Вы обманули его, а он – меня (я был категорическим противником изъятия «Отеля», и он с трудом меня убедил).

Что же происходит? Ведь и в самом деле: отзывы в печати на «Пикник» – прекрасные. В странах народной демократии он идет вовсю. Космонавты его публично хвалят (мне рассказывали о прекрасных отзывах Б. Егорова, К. Феоктистова, Г. Гречко и О. Макарова). С другой стороны, из «высших сфер» никаких грозных сигналов, насколько мне известно, не поступало. За чем же дело стало?

Я как-никак знаю Вас как опытного литературного работника и поборника хорошей фантастики. Я не могу поверить, что Вы способны позволить свои личным симпатиям и антипатиям возобладать над интересами дела. Откуда же тогда такое жестокое гонение на «Пикник»?

Может быть, здесь сказывается дурной вкус Зиберова, которого я совсем не знаю?

Может быть, существуют какие-то особые обстоятельства, о которых я не осведомлен?

Может быть, нам следует обратиться в ЦК КПСС за поддержкой?

Я был бы Вам очень благодарен за любой совет.

Вы должны нас правильно понять: отказываясь от «Пикника», мы несем большие потери – не только моральные, но и чисто материальные. Поэтому мы будем драться за него до последнего.

С искренним уважением [подпись]

В это время Андрей Тарковский решает заняться фильмом по ПНО, но видит пока в нем лишь денежную и недолгую поденщину.

Из: Тарковский А. Мартиролог

20 ноября 1975

<…>

Буду пробивать Стругацких, чтобы снимать их летом. Иначе нет смысла – грядет юбилей Толстого.

– «Смерть И[вана] И[льича]»?

– «Уход»?

О причинах такого решения рассказывает Леонид Нехорошев.

Из: Нехорошев Л. Тесные врата

Андрей Тарковский решил ставить фильм «Сталкер» из-за безденежья.

Поздней осенью семьдесят пятого года я, в то время главный редактор «Мосфильма», получил от режиссера письмо:

«Мясное»[1]

19.11.75

Добрый день – Леня!

Пишет твой товарищ из ссылки, в которой он живет уже 6 месяцев.

Ну, шутки в сторону – я по поводу заявки на «Смерть Ивана Ильича». Дело в том, что заявка на нее не пишется. Ты сам знаешь, это совсем не просто.

Кроме того, написать сценарий будет несколько трудно, что он никак не сможет быть «легкой» картиной перед «Уходом Льва Толстого». (Кстати грядет юбилей Толстого – поэтому прошу мои толстовские дела подверстать к этому случаю.)

Давай пока пробьем (если надо пробивать) Стругацких. Что по этому поводу говорит Сизов[2]? Да и говорит ли он вообще чего-либо?

Я бы хотел сдать его (Стругацких) в начале 1976[3] года и начать «Уход Толстого».

Теперь относительно объединения. Я бы хотел у Чухрая. И только по причине денег. Я совсем гол как сокол. Если нет (не влезу из-за планов ЭТО[4]), то Арнштам[5].

Что такое Чухрай, я отлично себе представляю.

---

[1] Деревня Мясное Шиловского района Рязанской области, п/о Березовое. – *Л. Нехорошев.*

[2] Сизов Н. Т. – в то время генеральный директор киностудии «Мосфильм». – *Л. Нехорошев.*

[3] Явная описка: фильм можно было сдать только в 1977 году. – *Л. Нехорошев.*

[4] Экспериментальное творческое объединение, художественным руководителем которого являлся Г. Н. Чухрай. – *Л. Нехорошев.*

[5] Арнштам Л. О. руководил на киностудии «Мосфильм» Вторым творческим объединением. – *Л. Нехорошев.*

Но если бы можно было снимать у него – это принесло несколько больше денег, чем в любом другом месте: 1) Фантастика, 2) Одна серия, 3) Очень интересная.

Вот и все пока.

Надеюсь скоро увидеться.

Твой Андрей Т.

А в предыдущем письме ко мне (от 10 октября 1975 года) он писал:

«Умоляю, сделай что-нибудь со своей стороны, ибо я совершенно пропадаю без работы и, соответственно, без копейки денег. Неужели мне, как и после «Рублева», предстоит пять лет сидеть без работы?»

Впереди – зима. А там – еще одно безработное и безденежное лето? И режиссер решил сделать проходной для себя фильм – «проходной» и… «проходимый» – такое в то веселое время бытовало понятие в отношении некоторых сценариев и картин…

Уже в конце октября[1] я получил по почте от Аркадия Стругацкого заявку на сценарий для режиссера А. Тарковского.

Мы (то есть те, кто пребывал в руководстве киностудии «Мосфильм») вздохнули облегченно: кажется, Тарковский «взялся за ум», и новая его работа, скорее всего, не грозит студии теми неприятностями, которая она испытала с его последней картиной «Зеркало» – этот фильм резко не понравился, да и не мог понравиться, ни по своему содержанию, ни по своей «заумной» форме – начальству. Кинематографическому. А тем паче более высокому.

Руководство злило то, что оно фильм не понимает. С одной стороны – обидно: какое же ты в таком разе начальство, а с другой – не скрывается ли в «Зеркале» какая-либо мысль возмутительная? Один из начальников спросил режиссера: «А что означает у вас там… в конце… библейский горящий

[1] Речь, вероятно, о конце ноября, о дате после упомянутого выше письма от 19.11.75. Сама же заявка была написана еще в апреле, но ее не удавалось передать в Центральную сценарную студию. См. запись в РД от 8.04.75 и письмо АНа от 21.04.75.

куст?» – «Не знаю, – ответил прикинувшийся простаком Тарковский. – Я Библии не читал».

В сценарии же «Сталкер», написанном Аркадием и Борисом Стругацкими по мотивам своей повести «Пикник на обочине», никаких таких «кустов» не было: нормальная советская (хорошая) фантастика – четкая по сюжету, с героем, большим количеством необыкновенных событий, с нравственным выводом. Довольно легко сценарий прошел все утверждающие инстанции. Особых происшествий, связанных с фильмом, не предвиделось.

И действительно, сценарий получил одобрение.

Из архива. Заключение на сценарий МЖ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
сценарно-редакционной коллегии
Экспериментального творческого объединения
по заявке А. и Б. Стругацких
на литературный сценарий «Машина желаний»

Сценарно-редакционная коллегия ЭТО рассмотрела заявку А. и Б. Стругацких на написание литературного сценария «Машина желаний».

Заявка представляет собой подробное изложение темы, замысла и сюжета будущего кинопроизведения, решенного в жанре приключенческой фантастики с четкой социально-политической направленностью.

Разоблачение агрессивных устремлений военно-промышленного комплекса одного из современных империалистических государств и его порождения – гангстеризма, роль науки в прогрессе человечества, фантастическая предпосылка событий – посещение Земли пришельцами из внегалактической цивилизации – все это в сочетании с острым сюжетом позволяет надеяться на создание интересного увлекательного фильма.

Фильм «Машина желаний» рассчитан на режиссера А. Тарковского.

Исходя из вышеизложенного, сценарно-редакционная коллегия принимает заявку А. и Б. Стругацких и рекомендует заключить с авторами договор.

Срок сдачи первого варианта сценария – [машинописное «15 июля» исправлено на рукописное «1 августа»] 1976 года.

Главный редактор ЭТО К. Замошкин

Андрей Тарковский откликнулся на это в своем Мартирологе.

Из: Тарковский А. Мартиролог

10 декабря 1975

Сизову понравилась заявка Стругацких. В ЭТО хотят, кажется, «Пикник».

С 16 ноября по 9 декабря АН находился в поездке – с Марианом Ткачёвым он участвовал в агитпоездке по Дальнему Востоку, местам его былой службы. Авторы выступали в Хабаровске, Владивостоке, Петропавловске-Камчатском…

Об этой поездке вспоминал Мариан Ткачёв. Но сначала пара слов АНа о самом Ткачёве как переводчике.

Из: АНС. О Нгуен Динь Тхи и его пьесе

<…>

Еще о форме. Думаю, закономерно, что Тхи, писавший все свои пьесы в прозе, эту написал стихами. Они как бы переводят все в «высокий» ряд, придают полет, окрыленность. Писатель Мариан Ткачёв – наверное, вам, читатель, знакомы мастерские его переводы из средневековой и современной вьетнамской литературы – правильно, на мой взгляд, выбрал для русской версии пьесы пятистопный ямб, позволивший с достаточной полнотой и гибкостью передать движение речевого потока, напряженность диалога, лексические характеристики персонажей. Следуя авторской лепке образов, он умело, с должным тактом использует архаизмы и неологизмы,

ученые термины, канцелярит, словечки детского говора. Удалось ему и донести до нас авторскую иронию, то мягкую, насмешливую, то нарастающую до сарказма. Сам я, будучи востоковедом по образованию, переводил не раз книги японских писателей разных эпох и стилистических направлений и могу по достоинству оценить эту прекрасную работу Мариана Ткачёва. Надеюсь, читатель, мы с вами окажемся единодушны.

<…>

Из: Ткачёв М. Об Аркадии Натановиче Стругацком

<…>

Поздней осенью 1975 года, перед долженствовавшим собраться в апреле 1976-го XXV съездом КПСС, Московской писательской организации был предоставлен купейный вагон, которому предстояло пересечь всю страну от Бреста до Владивостока. Его прицепляли к разным поездам и отцепляли в намеченных заранее городах, где он, подобно известному бронепоезду, стоял на запасном пути, а московские литераторы встречались с читателями, посещали предприятия, вузы и т. п., дабы «собрать материал». Предполагалось после вагона создать коллективный сборник в подарок съезду. Нашлись энтузиасты – преимущественно из «патриархов», – проехавшие весь маршрут. Но большинство литпассажиров менялось поэтапно. Мы с АНом были в группе последнего этапа (Центральная Сибирь – Тихий океан). Поездка получилась интересная. Я думаю, для АНа было очень важным общение с читателями.

<…>

Вернусь к нашему с АНом путешествию во Владивосток. Там были интересные встречи с учеными под дружеским патронажем океанолога и барда А. М. Городницкого, приплывшего во «Владик» на своем «Витязе». Венцом обещало стать посещение этого «корабля науки». Но АН решил закончить «свой поход» в другом пункте Тихого океана. Он надумал посетить Камчатку, где 20 лет назад проходила его военная

служба. И сколько я ни твердил ему, что «Двадцать лет спустя» давно написаны Дюма-отцом, он оставался непреклонным. Пассажирская навигация к тому времени закрылась. Но начальство Дальневосточного пароходства, восхищенное явлением АНа и умиленное моим очерком о мужестве моряков-дальневосточников, совершавших рейсы в воюющий Вьетнам (его напечатал за несколько лет до этого журнал «Коммунист»), – начальство подыскало для нас «оказию» на уходившем в Петропавловск сухогрузе.

До отплытия к нам был прилеплен один из сотрудников пароходства вместе с микроавтобусом японского производства. Мы славно поездили по Владивостоку. Но более всего запомнились мне споры АНа с нашим сопровождающим, который был убежден: человечество переживет ядерную войну, главное – нанести врагу первый удар (упреждающий). Боюсь, АН не сумел его переубедить.

Переход по довольно-таки бурному Тихому океану весьма впечатлил АНа. Но одно, мне кажется, его потрясло. Уже недалеко от входа в Авачинскую губу судно наше застопорило ход, дабы не мешать выходу в океан атомной подводной лодки. Она шла на плаву. Было в этом творении человеческих рук нечто от допотопного хищного ящера. Двигалась субмарина быстро и бесшумно. Рассветные лучи солнца окрасили ее в какой-то, не имеющий определения, цвет. Крепко сжав мою руку, АН провожал ее взглядом, молча…

Много времени провел он в беседах с моряками, запросто наведывавшимися к нам в каюту. До этого он навряд ли представлял себе достаточно ясно трудности в их работе и житейские сложности.

Когда мы пришли в Петропавловск, нас встретил секретарь тамошней писательской организации, насчитывавшей, если мне не изменяет память, семь или девять человек. Он помог нам устроиться в гостинице. Потом мы втроем спустились в ресторан, и он искренне удивился, когда мы с АНом заплатили за выпивку и обед. Как мы поняли, столичные гости (по традиции) обычно не раскошеливались.

Непонятным образом слух о нашем приезде распространился по городу. Журналисты, ученые, почитатели таланта АНа взяли над нами опеку. Город выглядел, надо сказать, весьма провинциальным, чуть ли не допотопным. Хотя АН так и не удалось отыскать застройку двадцатилетней давности. Должно быть, расстроенный этим, он возложил на меня ответственность за легкие сейсмические всплески по утрам, требуя, чтобы я перестал трясти отель.

Жилось здесь людям нелегко. Даже рыбаки, возвращавшиеся после лова с большими, вроде, деньгами, отнюдь не благоденствовали. В городе сложилось тяжелейшее положение с жильем. Государство строило мизер, кооперативных домов практически не было. Индивидуальная застройка за городом была нереальна из-за коммуникаций, климата, сейсмической обстановки. Большинство рыбаков жило в общежитиях, прелести коих описывать нет нужды. Даже отложив деньги, их использовать с пользой было сложно. Не говоря уже о покупке автомашины или ценных товаров, со снабжением города дело обстояло довольно-таки убого. В магазинах толпились очереди. Все названные выше проблемы упирались в «завоз». С «материка» доставлялось все: стройматериалы, техника, оборудование, продовольствие, ширпотреб. Люди постепенно падали духом, теряли надежду, многие мечтали об отъезде на тот же «материк». Кое-кто, не выдержав, спивался. Рассказываю об этом подробно, потому что АН, подавленный увиденным и услышанным, решил написать обо всем. Он, как всегда, хотел помочь. Люди были с ним откровенны, потому что считали: известный писатель сумеет достучаться куда надо, сможет сдвинуть их проблемы с мертвой точки. Насколько я знаю, это было чуть ли не единственное обращение АНа к «прямой» или скажу иначе – социальной публицистике. Написанное им, по тем временам, являлось абсолютно непроходимым. Но выхолащивать из него главное АН, естественно, не хотел. Возникали варианты: напечатать не сам очерк, а интервью с АНом по поставленным им проблемам и проч. Какие-то контакты по

этому поводу возникали, как мне помнится, с «Литгазетой», кто-то пытался пристроить материал в «Новый мир»… Ничего сделать не удалось.

<…>

АН обладал прирожденным талантом рассказчика. «Захватить площадку», как говорят актеры, ему ничего не стоило – в любой компании. Причем никогда не прибегал к банальностям, не смеялся первый собственным остротам. Я часто вспоминаю его истории.

<…>

Но венцом его устных рассказов я считаю импровизацию, сочиненную за ужином в хлебосольном доме владивостокского ученого. Это было повествование о якобы предстоящем АНу полете в космос. Старт был назначен на завтра. Манера изложения поражала естественностью, хотя и ощущалось понятное накануне такого события некоторое волнение. АН, встав из-за стола, вышел на середину комнаты. Говорил, чуть запрокинув голову, лишь изредка взглядывая на нас, притихших, отодвинувших тарелки и рюмки. Наверно, он видел воочию и огромный фотонный звездолет, мчавшийся к созвездию Льва, и своих спутников (среди них оказались и я, грешный, и Алик Городницкий), планету, на которой им предстояло высадиться… Впрочем, достоверность деталей в его изложении входила в некое противоречие с ироническим тоном, и становилось ясно: перед нами хитроумная пародия на опусы фантастов, даже угадывались ее адреса… Но тут приборы на звездолете АНа обнаружили чужой корабль, принадлежавший, судя по всему, какой-то неведомой цивилизации. Маневры его казались угрожающими. На этом интригующем эпизоде АН оборвал повествование, предоставив слушателям теряться в догадках. Долго не умолкали восторги и комплименты. Засим продолжилось пиршество…

<…>

Во время поездки у АНа неоднократно брали интервью.

Из: АНС. Завтра утром выпадет снег

<…>

Я читаю книги Стругацких около десяти лет. И вижу, как уверенно идут писатели от «приключений тела» к «приключениям духа», как усложняются проблемы и образная система, как меняется главный герой книги. Сильный, все понимающий и ироничный Горбовский… Антон-Румата, многого не понимавший, но в критической ситуации выбора между долгом и человечностью предпочетший человечность…

– Что думает Аркадий Натанович по этому поводу? Кто самый любимый из героев для братьев Стругацких сегодня?

– Все-таки Горбовский. Для меня главное в нем вот что – при всех обстоятельствах он верен одному – не стратегии, не тактике, а любви к людям, к Земле. Да и не расстались мы с ним – он вновь появился в «Малыше». А смена героев, о которой вы говорите, – как-то не задумывались над этим. Выбор личности главного героя диктуется замыслом книги.

– Продолжение вопроса. Какие из произведений наиболее дороги для вас сегодня?

– Сейчас это «Пикник на обочине» и наша новая книга «За миллиард лет до конца света», которая готовится к печати.

– А почему именно «Пикник»?

– В «Пикнике» нам важен не сам фантастический «пикник пришельцев» и связанные с ним загадки, а вполне земной Рэдрик Шухарт. Жизнь его мяла, до того домяла, что человек потерял способность формулировать – что ему нужно, чтобы он стал счастливым. Он достоин огромной жалости – ведь он человек! Кстати, элементы необычных ситуаций работают на Рэдрика, на раскрытие его образа, воскресшие мертвецы, например, понадобились, чтобы показать трогательную любовь Рэдрика к отцу.

<…>

– Аркадий Натанович, чтобы закончить разговор о самых последних работах и перейти к следующей теме, о которой мне с вами хочется поговорить, – о сегодняшнем состоянии современной фантастики, задам традиционный вопрос – над чем вы сейчас работаете?

– Сейчас мы с братом пишем новую книгу. Называться она будет «Стояли звери».

– И о чем она?

– Говорить о незаконченной работе – плохая примета.

<…>

Из: АНС. Времена чудес добрых и «жестоких»

<…>

– Вопрос, может быть, тривиальный: как обычно рождаются ваши произведения, что служит толчком к написанию книги?

– Бывает по-разному. Иногда тема рождается сразу. К примеру, повесть «Малыш» – ведь кроме темы «космического Маугли» в ней ничего нет. А получилась эта вещь так. Мы с братом однажды размышляли о лучших сюжетах в мировой литературе. Вспомнили «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Дон Кихота», потом что-то еще, потом «Маугли» Киплинга. И сразу стало интересно – каким был бы человеческий детеныш, воспитанный не диким зверем, а представителями чужой негуманоидной цивилизации.

Но чаще тема приходит не сразу, а «ступеньками». Както мы с Борисом на загородном шоссе увидели чуть в стороне от дороги свалку, такую, какую оставляют после себя некоторые туристы. Борис постоял, подумал и сказал: «Интересно, как на все это смотрят муравьи». Через некоторое время эта мысль всплыла, трансформировалась, приобрела более законченную форму, и мы сели за работу. Получился «Пикник на обочине» – повесть о том, что фантасты называют Посещением. На Землю прибыли космические пришельцы, очень скоро и по неизвестной причине покинули ее, оставив в разных местах планеты Зоны Посещения, то

есть попросту кучи инопланетного барахла. Причем все эти «пустышки», «комариные плеши», «черные брызги», «смерть-лампы» – вещи совершенно непонятные земной науке, вообще непохожие ни на что земное. Но это не мешает им оказывать столь же непонятное, губительное действие на человека.

Небольшую повесть «Отель “У погибшего альпиниста”» мы написали просто потому, что нам захотелось написать добротный, крепко закрученный детектив.

– А «Улитка на склоне»?

– «Улитка» была своего рода экспериментом. Мы писали ее на свободной игре воображения, руководствуясь только интуицией… Что вышло из этого – трудно сказать, так как даже наши друзья, писатели и критики, мнением которых мы дорожим, отказались однозначно истолковать эту повесть.

<…>

Когда наша беседа уже подходила к концу, я попросил Аркадия Натановича написать что-нибудь на титульном листе многократно читанной еще в детстве «Страны багровых туч». После недолгого раздумья он написал: «Неплохо придумано. Только в атмосферном давлении ошиблись».

Оказывается, описание Венеры в этой книге оказалось более, чем в других книгах, близким к истине. Это можно было частично проверить после мягкой посадки на «утреннюю звезду» советской автоматической станции «Венера-10». А в то время, когда Стругацкие начинали «Страну багровых туч», в космос еще не было запущено ни одного искусственного спутника.

<…>

Об этой же поездке рассказывалось и в полушутливой АНС-энциклопедии.

Из: АНС-энциклопедия

На берегу

Заехал однажды Аркадий Натанович Стругацкий с друзьями на Дальний Восток. Вышли они на берег океана, выбрали место в тихой бухточке, развели костер и сидели, разговаривали, смотрели вдаль. А мимо проплывал катер Дальневосточного отделения АН СССР «Гайдар».

– Эй, на берегу! – вдруг раздался усиленный мегафоном голос капитана с «Гайдара». – Есть среди вас Аркадий Стругацкий?

Сопровождающие Аркадия Натановича вскочили, замахали руками, мол, есть, но сам Аркадий Натанович сидел, не шелохнувшись.

Тут же два человека прыгнули с борта советского научного флагмана в море и поплыли к берегу. Причем один поплыл прямо к берегу, а второй почему-то сначала развернулся и взял курс на Японию и только потом повернул к бухте. Оказалось, будущий посол России в США Владимир Лукин прыгнул за борт без очков.

Пока на корабле и берегу суетились, пока смельчаки под азартные крики публики плыли к берегу, где находился обожаемый ими автор, сам мэтр невозмутимо сидел на камне и, щурясь от солнца, невозмутимо глядел вдаль.

В конце года АБС встречаются в Москве.

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

М<ожет> б<ыть,> он агент Островной Империи? Инженер из КБ.

На аэродроме нет автоматов, рекомендуют Осинушку, он называется фальш<ивым> именем и профессией (наладчик).

М<ожет> б<ыть,> кончить не смертью, а подготовкой к ней? Странник провожает его взглядом.

<…>

15.12.75

Б. в Москве. 3-листная повесть. Застава. Со временем незнакомых становится все больше.

16.12.75

Ездили в ВААП.

17.12.75

Треплемся о СЗоД.

С точки зрения Странника. Допросы Майки и пр.

18.12.75

Говорили о СЗоД. Были у Биленкина.

19.12.75

Тарковский. Человек = инстинкт + разум. Есть еще что-то: душа, дух (мораль, нравственность). Истинно великое м<ожет> б<ыть> бессмысленным и нелепым – Христос.

20.12.75

Видение их желаний (последствия): Стервятник – покушение на диктатора; Ред – соблазнение дочки наркоманом; Ученый – дрожка.

21.12.75

Б. убыл в Лрд.

Письмо Бориса брату, 24 декабря 1975, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Имею сообщить:

1. Пришло, наконец, уведомление о вручении з/бандероли. Все, по-видимому, ОК. Теперь руки развязаны и можно приступать к дальнейшим действиям. Следующее мое письмо я перешлю сначала тебе – для ознакомления и одобрения, ибо это будет некий шаг. Но это – уже после праздников: во-первых, ДО никто ничего читать не будет, а во-вторых, я жду кое-какой дополнительной информации.

2. Получил из ВААПа некие 116 руб. с копейками. Мол, гонорар из ВНР. За что? Может быть, за главу из ПнО?

3. Теперь – координаты Иосифа Самуиловича Шкловского. К сожалению, удалось выяснить только адреса мест работы, но зато – домашний телефон. Итак: <…>

Я полагаю, проще всего будет, если ты позвонишь ему домой и выяснишь, куда именно лучше выслать ему материалы, а может быть, – договоришься о встрече. Впрочем, действуй по усмотрению.

4. Вечер с Ковальчуком прошел интересно. Если он будет тебе звонить, очень прошу: встреться с ним и побеседуй, о чем я с ним беседовал. Весьма интересный человек, оказывается. Я, честно, не предполагал. Сильненький союзник в борьбе с медведевщиной!

5. Вряд ли я поеду на заседание Совета 6 января. Поэтому если тебя будут туда приглашать, обязательно сходи. Если не будут приглашать – позвони Риму Парнову и пригласить вынуди. Говорить там тебе все равно не дадут, но узнать, что и как там будет говориться, по-моему, важно. Очень тебя прошу: не поленись и не заведись – сходи тихонечко, посиди в уголку с Ниночкой, и все дела.

6. Если встретишься с Андреем, обязательно напиши мне о результатах.

7. Сейчас должен примчаться Кан, обливающийся слюною!

Целую, твой [подпись]

P. S. Девкам – привет и поцелуи!

О своей рецензии на ВМ Иосиф Шкловский вспоминал так:

Из: Шкловский И. Эшелон

<…>

Вообще, в финансовом отношении мои контакты с миром киноискусства дали нулевой эффект. Вспоминается, например, история со сценарием братьев Стругацких – какая-то фантастическая бодяга. Был заключен совершенно официальный договор с Киевской студией. Я беседовал с одним из братьев, довольно добросовестно изучил сценарий,

сделал ряд замечаний, написал и отправил в Киев развернутую рецензию. После этого последовало почти трехлетнее молчание. На мой запрос студия без всяких мотивировок сообщила мне, что, мол, фильм ставиться не будет, и, как говорится, – общий привет. Кстати, по закону полагается мне, кажется, 60 процентов договорной суммы. В суд, что ли, на них подавать? «Не корысти ради», а из чисто корпоративных соображений: ведь если они так нагло обращаются со мной, все-таки человеком с именем, так что же вытворяют с молодыми?

<…>

Несмотря на трудности, год оканчивался хорошо – болезнь АНа, казалось бы, за время поездки оставила его. Были еще силы на борьбу за издание «Неназначенных встреч». Да и после пустых лет, наконец, вышла книга АБС (Полдень, XXII век; Малыш. – М.: Дет. лит., – 1975). Все в той же «Библиотеке всемирной литературы» вышли переводы АНа с японского (Сайкаку И. В женских покоях плотничать женщине; И барабан цел, и ответчик не в ответе; Подсчитали, прослезились бы, да некому: Новеллы // Классическая проза Дальнего Востока. – М., 1975).

И хотя серьезное литературоведение в этом году не всегда писало об АБС положительно (обвинение АБС в уходе от коллективизма – Бритиков А. Ф. Что скрывается за «кризисом» современной фантастики // Современная литературно-художественная критика. – Л.: Наука, 1975), но обязательно – как о примере яркого и неординарного творчества (Ляпунов Б. В мире фантастики. – М.: Книга, 1975; Подольный Р. Фантастическая этнография и этнографическая фантастика // Фантастика, 73–74 год. – М.: Молодая гвардия, 1975; Ревич В. На земле и в космосе // Мир приключений: Альманах. – М.: Детская литература, 1975 и др.).

Недаром Татьяна Чернышева в своей работе в качестве примера показа будущего выбирает именно творчество АБС:

Из: Чернышева Т. О художественной форме утопии

<…>

Весьма интересен в плане показа будущего опыт А. и Б. Стругацких, так как эволюция их собственного творчества как бы в миниатюре повторяет общую тенденцию развития утопической литературы. Была у них повесть «Возвращение

(Полдень, XXII век)», где сюжет по сути дела безразличен, да там и нет единого сюжета. Цель авторов – как можно шире показать будущее. Одним словом, это была традиционная описательная и всеохватная утопия. Там были даже «выходцы из прошлого» – космонавты XXI века, оказавшиеся в будущем благодаря парадоксу времени. В повести «Стажеры» сюжет явно приспособлен для широкого показа грядущего. И только в зрелых повестях А. и Б. Стругацких будущее не описывается, а как бы «проявляется» постепенно, как «проявляются» в обычных романах знакомые читателю формы жизни, быта, нравов, когда недостающие части картины как бы «дописываются» читательским опытом и воображением.

Мы довольно много узнаем о будущем из повестей А. и Б. Стругацких – о науке и фантастической технике, о научных и социальных институтах (Совет Галактической Безопасности, Комиссия по Контактам, Институт экспериментальной истории и пр.), о новых свойствах психики и навыках человека будущего (он может находиться под водой, проникать в зону радиации без особого ущерба для здоровья, понимать если не мысли, то скрытые эмоции окружающих его людей), но все это открывается читателю не сразу, не в щедрой расточительности описаний и пояснений, а в жесткой детерминированности сюжетного действия.

Это стремление уйти от описаний и объяснений заметно во всей фантастической и утопической литературе современности.

<…>

В повести А. и Б. Стругацких «Далекая Радуга» была сделана попытка изобразить такое чуждое нам существо. Среди героев повести есть некто Камилл – человек, сративший себя с машиной. Он действительно чужд окружающим, во многом непонятен им, он обладает многими свойствами, недоступными человеку, – в том числе практическим бессмертием и даром предвидения, так как аналитические его способности неизмеримо выше человеческих.

Как воплощение отвлеченной идеи этот образ весьма любопытен, но в творческом отношении, в плане чисто художественном такой путь все же бесплоден, так как предположить духовно нам чуждое – можно, а представить и изобразить в поступках и действиях – по меньшей мере затруднительно. Можно рассуждать о будущем обществе киборгов, но практически «населить» роман одними Камиллами – значит потерпеть фиаско. Бесконечное многообразие вариантов открывается художнику только на уровне индивидуальности, а это возможно лишь тогда, когда он имеет дело с близкой и знакомой нам духовной организацией.

Вот почему в романах и повестях С. Лема, очень интересующегося проблемой автоэволюции, нет ни одного киборга или трансплантата, в рассказах А. Азимова даже роботы во всем подобны людям, а в повести «Возвращение» А. и Б. Стругацких человек из невообразимо далекого будущего, который, как сказочный волшебник, является Горбовскому, чтоб спасти его корабль от гибели, поразительно похож на наших современников (его и зовут-то Петр Петрович), хотя авторы, конечно, понимают, что человек, умеющий управляться с временем и пространством, не нуждающийся в звездолетах для путешествий по космосу, неизбежно должен психологически отличаться от нас, даже если он и сохранит внешний облик человека.

Так требования художественности кладут предел прогностическим возможностям утопии, как, впрочем, и всей научной фантастики. На первый взгляд, романная форма дает неограниченную свободу автору, не сковывает его строгой дисциплиной научной мысли. Но эта свобода кажущаяся, так как здесь требуется своя дисциплина, не менее суровая.

<…>

1976

Начало года проходит под знаком ПНО – борьба за книжное издание, написание сценария.

Письмо Бориса брату, 3 января 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Прилагаю письмо заведующему сектором печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ тов. Полещуку. Имя-отчество установить не удалось – точнее, имя известно (Александр), а вот отчество…

Прочти его внимательно, если захочешь, подправь да и посылай заказным с богом! Я нарочно поставил на письме дату с запасом. Подумай также, какой поставить обратный адрес. (Может, он захочет, скажем, тебя вызвать для беседы?)

Этот шаг представляется мне верным: Полещук – главный начальник Медведева и, по слухам, уже драл последнего за неуклюжесть и неумелость. А сейчас, вдобавок, назревает, кажется, скандал с венерианским сборником. Так что – с богом, ура!

Путевки нам уже дали: с 12-го на 12 дней, комнаты, кажется, 21 и 22. Как только получу путевки на руки, дам тебе телеграмму, а ты будь готов.

Целую, твой [подпись]

Письмо в ЦК сохранилось в архиве и имеет дату – 8 января.

Из архива. Письмо от АБС в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый тов. Полещук!

Настоящим письмом мы хотим обратить Ваше внимание на явно неблагополучное положение, сложившееся в редакции научно-фантастической и приключенческой литературы издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия».

В октябре 1974 года издательство «Молодая Гвардия» заключило договор на издание нашего сборника «Неназначенные встречи». В сборник включены научно-фантастические повести «Трудно быть богом», «Малыш» и «Пикник на обочине», посвященные проблеме контакта человечества с чужим Разумом во Вселенной.

К этому времени сборник уже два года лежал в издательстве, все повести, включенные в него, были давно опубликованы и получили положительные оценки прессы и читателей, однако редакции НФ литературы, возглавляемой т. Медведевым Ю. М., понадобилось более семи (!) месяцев, чтобы представить свое редзаключение по сборнику.

8.07.1975 таковое редзаключение было, наконец, составлено и отправлено нам. Вопреки букве и духу договора оно представляло собою набор немотивированных, чисто вкусовых, субъективных требований. Стремясь, однако, ускорить затянувшуюся (не по нашей вине!) историю с изданием сборника, мы пошли на то, чтобы учесть целый ряд требований редакции, иногда совершенно нелепых, но не затрагивающих ни идейной, ни художественной стороны рассматриваемых повестей. В то же время мы, разумеется, вовсе не собирались в угоду дурному вкусу сколько-нибудь существенно портить свой труд и подробно аргументировали субъективность и нелепость прочих требований т. Медведева в своем письме от 21.07.1975.

Вместо того чтобы прислушаться к нашим соображениям и признать вкусовой, субъективный характер своих требований, т. Медведев решил, по-видимому, отделаться от нас формальной отпиской.

5.11.1975 он отправил нам письмо, не содержащее ни аргументации, ни каких-либо мотивированных соображений, – вообще ничего, кроме совершенно необоснованного и немотивированного отказа опубликовать нашу повесть «Пикник на обочине». (Заметим в скобках: на составление этой отписки т. Медведеву понадобилось 65 дней, хотя набросать ее можно было бы за 65 минут! Эта деталь вообще характерна для стиля работы т. Медведева.)

Поскольку в соответствии с договором авторы обязаны учитывать только М0ТИВИРОВАННЫЕ и ТОЧНЫЕ указания редакции, мы, разумеется, сочли себя вправе отвергнуть эту формальную и бессодержательную отписку и 17.11.75 отправили т. Медведеву еще одно письмо, где снова подробно и аргументированно разобрали все прежние замечания редакции в надежде все-таки убедить т. Медведева, что он неправ. Ответа на это письмо мы так и не получили.

Мы хотели бы здесь подчеркнуть, что наша повесть «Пикник на обочине» выполняет чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в зримых художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают мозг и души людей мира свободного предпринимательства. Мы хотели бы подчеркнуть, что журнальная публикация этой повести получила широкую популярность. Мы имеем сотни отзывов (школьников, студентов, военнослужащих, рабочих, научных сотрудников, литературных работников и даже летчиков-космонавтов СССР), устных и письменных (в том числе – и в центральной печати), свидетельствующих о высокой оценке повести «Пикник на обочине». Повесть эта уже опубликована в ПНР, ВНР, ЧССР и готовится в печати в ряде других социалистических стран. И только т. Медведев выступает против ее опубликования!

Мы убедительно просим Вас, тов. Полещук, разобраться в этом деле и принять необходимые меры. Мы 15 лет сотрудничаем с издательством «Молодая Гвардия», но никогда еще не встречали подобного безответственного подхода к нашей работе. В деятельности советского редактора не должно быть места вкусовщине и субъективности, и всякий прецедент такого рода совершенно нетерпим. Мы абсолютно убеждены в своей правоте и в идейно-художественной доброкачественности нашей повести «Пикник на обочине», и мы готовы отстаивать свои требования на любом уровне, вплоть до ЦК КПСС.

В ожидании скорого ответа, с уважением

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

В это время в Москве проходит Всесоюзное совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе. Корреспондент газеты «Труд» побеседовал там с несколькими участниками, в том числе – и с АНом.

Из: АНС. Глазами фантаста

<…>

Проблемы, которые нас интересуют и над которыми мы сейчас работаем – нравственно-моральные. Проблема выбора в ситуации, очень часто неожиданной, интересует нас больше всего. Ее мы с моим братом и соавтором поставили в своей работе «Трудно быть богом» лет десять назад, над ней мы будем работать, по-видимому, всю жизнь.

Недавно мы, например, написали повесть. В ней речь идет о пути, который должен выбрать ученый. Ему предлагается либо отречься от своей работы, либо продолжать ее, подвергаясь некоему давлению… Опять проблема выбора.

Сейчас мы главным образом будем работать в области кинофантастики. Собираемся писать сценарий художественного фильма, какого – пока секрет. Кроме того, мы заканчиваем работу над сценарием для одной из лучших киностудий научно-популярных фильмов в стране – Киевской. Это должен быть фильм о возможности контакта с внеземной цивилизацией. Предполагаемое название фильма – «Встречи миров». Вначале нас интересовала, так сказать, технология осуществления идеи: как посылать и принимать сигналы, каким образом вступать в контакт с иными мирами. Но потом мы пришли к выводу, что самым интересным было бы представить себе массово-психологический аспект этой проблемы: как будет вести себя человек при неожиданном контакте с иной цивилизацией.

Вторую половину января АБС проводят в Комарове, где пишут первый сценарий «Сталкера».

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

Полещук Ал<ексан>др ?

Зав. сектором печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ.

12.01.76

Прибыли в Комарово писать ПнО-С. Ком<наты> 21, 22.

Ком<ариная> плешь; труба и камешки; телефон; дом с лабиринтом.

13.01.76

Миражи: a la Рерих; девица у воды.

Телефон: «Проверка»; ученый звонит Лоле, болтовня, снег.

Автомобиль с деревом, и мотор работает.

Экспедиция в петле времени.

Пылевой чертик.

14.01.76

Сделали 6 стр.

15.01.76

Сделали 6 стр. (12)

Тебе это не нужно.

16.01.76

[См. рис. карты на стр. 3 вклейки.]

Сделали 6 стр. (18)

Гайки

Пылевой чертик

Привал

Авт. с деревом → труба → телефон → мираж

Место, где вышла на дорогу экспедиция

Развилка

Петля времени

17.01.76

Сделали 6 стр. (24)

Была Адка.

18.01.76

Сделали 6 стр. (30)

1. Не верю тебе, шеф. (Зачем мы тебе? Трубы проходить?)

2. Не верю З<олотому> Кругу. (Почему повесился Стервятник?)

3. Не верю миру (нечего мне там делать, писать – гнусно). Хочу покоя.

19.01.76

Сделали 6 стр. (36)

Страх Виктора (перед болотом).

Пустышка.

Привал.

20.01.76

Сделали 6 стр. (42)

Экспресс-лаборатория!

21.01.76

Сделали 5 стр. (47)

1. Как это было.
2. Ученые.
3. Результаты изучения: добро.
4. Результаты изучения: зло (браконьеры, сталкеры).
5. Директор монополист.
6. Ограждение Зоны.
7. Золотой Круг.

22.01.76

Сделали 3 стр. (Хроника)

И ЗАКОНЧИЛИ ЧЕРНОВИК ПНО-С.

23.01.76

Письмо в Секретариат СП.

О том, чем заняты в это время АБС, делает запись в своем «Мартирологе» Андрей Тарковский.

Из: Тарковский А. Мартиролог

20 января 1976

13 января вернулся из Мясного. В ЭТО на «Мосфильме» заключили с Братьями Стругацкими договор на «Пикник на обочине» (по последней главе). Сейчас они под Ленинградом – пишут после нашего с Аркадием сидения над идеей и схемой.

Двадцатого же января Вячеслав Рыбаков в письме Беле Клюевой рассказывает об обстановке, возникшей вокруг семинара БНа, и своем посещении АБС в Комарове.

Из: Рыбаков В. Жизнь сама плыла к нам в руки…

<…>

С другой стороны, поднялась какая-то возня против Борис Натаныча, якобы чтобы не вовсе попинать его из шефов семинара, но, как тут выражаются, «одернуть, чтоб не зазнавался»[1]. Борис Натаныч, правда, об этом, видимо, знает и пренебрегает, потому что, когда набежал я на братцев прямо в логове их, в Комарове[2], и зашел об этом разговор, он прямо заявил: «Да знаю я, просто есть люди со стервозными характерами, не стоит на это обращать внимания»[3]… Ему, конечно, с высоты виднее, а все-таки противно. Например, когда уж совсем тихий какой-то старичок, который за три года моего пребывания в семинаре вообще ни слова не сказал, и я даже имени его за это время не запомнил, вдруг

[1] Конечно, память моя сохранила, кто именно так выражался, – но все эти давно отшумевшие бури в давно высохшем стакане воды уж не благодаря мне будут возмущать напоминаниями о себе наше нынешнее благорастворение воздухов. Плохих людей нет; а что до ошибок – то все быльем поросло и не стоит ни малейшего внимания со стороны двадцать первого века. Я упоминаю о дурацких тех дрязгах лишь для того, чтобы сделать более понятными обстановку тех лет и мое собственное поведение – наверняка тоже частенько бывавшее и бестактным, и глупым… и до тех дней, и после них… Потом уж я с ухмылкой сообразил, что в той ситуации повел себя точь-в-точь как юный Юра Бородин из стругацковских «Стажеров»: как выразился Юрковский, если бы сей кадет прослышал, что знаменитый штурман Космофлота, добрейший Михаил Крутиков ворует и продает продовольствие, тут же помчался бы к нему объясняться и сразу понял, что это чепуха. Не такой уж худой способ разбираться, между прочим, – хотя, безусловно, весьма наивный. А вообще-то перечитываю сейчас эти письма и поражаюсь: ведь ни разу не написал о том, как в семинаре было увлекательно, интересно, вдохновляюще! Увы, я тоже отдал дань (к счастью, лишь в ранней молодости) известному предрассудку, когда все хорошее – как бы само собой разумеется, о нем, дескать, и говорить не стоит – а вот о пятнах на Солнце непременно надо защищать диссертацию… Очень многие, к сожалению, так пишут, а еще больше – так живут. – *В. Рыбаков.*

[2] По сию пору так и не знаю, для написания какой вещи Стругацкие съезжались в Комарове в январе 1976-го года… И, конечно, не считал себя вправе спрашивать – ни когда застал их без предупреждения в творческом угаре, ни впоследствии. – *В. Рыбаков.*

[3] Совершенно не помню, кто это был и в каком контексте это было сказано. И слава Богу. Но, конечно, такая мысль не могла не витать: кто хотел немедленно публиковаться, а не самосовершенствоваться и умнеть помаленьку, те, вероятно, в ту пору и впрямь могли беспокоиться, что столь «одиозная» фигура, как один из Стругацких, ими, пусть и совершенно формально и номинально, руководит… И не в том страх, что чему-то не тому научит, а в том, что редактор какой-нибудь, заслышав вызывающие слова «член семинара Стругацкого», тут же неизбежно сообщит: «Ваша рукопись не представляет художественного интереса». – *В. Рыбаков.*

лепит что-то про негативные для нашей организации аспекты руководства оной организацией Б. Н. Стругацким с общеполитической точки зрения…

До свидания. Может, я еще до Москвы доберусь, тем более, что вот Аркадий Натанович мне обещал повентилировать касательно Тайбэйского издания мемуаров Цзо Цзунтана, а в Ленинграде их нет[1].

Всё крутится вокруг ПНО. В январе в Ленинграде проходит конференция школьников. О ней 31 января в ленинградской пионерской газете «Ленинские искры» публикуется заметка, подтверждающая популярность ПНО и среди школьников.

Из: Зернов А. Вечный двигатель? Он существует: Да здравствует фантастика

<…>

Самой большой сенсацией на конференции учащихся было присуждение первой премии – почетного диплома Борису Федукову из 366-й школы. Он изобрел игру «Зона», в которую на переменках охотно играют его товарищи по десятому «б».

– В сто раз «Морского боя» интересней, – говорят почитатели «Зоны». – А ловушек, неожиданностей сколько! Умственная игра. Побеждает логика, стратегия.

Как удалось выяснить корреспонденту в беседе с лауреатом, идея такой игры, развивающей интуицию, возникла у ее создателя после прочтения повести Стругацких «Пикник на обочине».

<…>

Письмо Аркадия брату, 1 февраля 1976, М. – Л.

Здравствуй, Борик.

Все у нас больны гриппом, что вообще-то сейчас обыкновенно. Однако кое-что успелось.

[1] Не нашлось их тогда и в Москве. Это я по молодому делу шибко губу раскатал… – *В. Рыбаков*.

1. Тарковский прочитал. Пришел, получил от меня деньги и выразил ФЕ. Понять его было чрезвычайно трудно, однако смысл его претензий в следующем:

А. Ему не надо, чтобы был атомный взрыв. Гл. обр. потому, что а) это значит, что ученый вышел с заранее обдуманным намерением и оное претворил в жизнь, пронеся идею невредимой и неизменной через всю Зону; вот если бы он вышел с этой идеей и в ходе перехода ее изменил, тогда другое дело (или, если бы он вышел с другой идеей, а в конце пришел к выводу о взрыве, тогда тоже другое дело), б) Зону вообще не надо взрывать (я сказал ему, что речь идет о Машине Желаний, но он возразил, что это все равно), ибо она, Зона, есть квинтэссенция нашей жизни. Тут, естественно, у меня глаза на лоб полезли.

Б. Для него сценарий очень пестр, его надо ускучнять. Больше всего ему понравился телефонный разговор (только содержание должно быть другое) и сцена, где двое спят, а один на них смотрит. Эту сцену (сна) он хочет сделать очень длинной.

Впрочем, ближайшее его действие будет: утвердить это на худсовете как первый вариант, а потом все обсудить заново и дать нам конкретные указания. На чем и порешили. Этим он будет заниматься сам.

2. Пришло из ЦК ВЛКСМ письмо след. содержания:

«Уважаемый Аркадий Натанович! Ваше письмо рассматривается в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О результатах Вы будете информированы. Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Л. Паршин». Подпись неустоявшимся почерком.

3. У меня к тебе вопрос. Пошел я на книжку за деньгами и обнаружил, что после 10 ноября прошлого года у меня всего два поступления: 118 р. из ВНР и 704 из Студии. Кажется, должны были быть еще. Или я ошибаюсь? Посмотри у себя и сообщи.

Вот пока все.

Жму, обнимаю. Твой Арк.

Приветы Адке и Андрею.

О сложностях взаимоотношений с Тарковским БН вспоминал:

Из: БНС. Комментарий к пройденному

<…>

Главная трудность заключалась в том, что Тарковский, будучи кинорежиссером, да еще и гениальным кинорежиссером вдобавок, видел реальный мир иначе, чем мы, строил свой воображаемый мир будущего фильма иначе, чем мы, и передать нам это свое, сугубо индивидуальное видение он, как правило, не мог, – такие вещи не поддаются вербальной обработке, не придуманы еще слова для этого, да и невозможно, видимо, такие слова придумать, а может быть, придумывать их и не нужно. В конце концов, слова – это литература, это высоко символизированная действительность, совсем особая система ассоциаций, воздействие на совсем иные органы чувств, наконец, в то время как кино – это живопись, это музыка, это совершенно реальный, я бы даже сказал – беспощадно реальный мир, элементарной единицей которого является не слово, а звучащий образ…

Впрочем, все это теория и философия, а на практике работа превращалась в бесконечные, изматывающие, приводящие иногда в бессильное отчаяние дискуссии, во время коих режиссер, мучаясь, пытался объяснить, что же ему нужно от писателей, а писатели в муках пытались разобраться в этой мешанине жестов, слов, идей, образов и сформулировать для себя наконец, как же именно (обыкновенными русскими буквами, на чистом листе обыкновеннейшей бумаги) выразить то необыкновенное, единственно необходимое, совершенно непередаваемое, что стремится им, писателям, втолковать режиссер.

В такой ситуации возможен только один метод работы – метод проб и ошибок. Дискуссия… разработка примерного плана сценария… текст… обсуждение текста… новая дискуссия… новый план… новый вариант – и опять не то… и опять непонятно, что же надо… и опять невозможно выразить словами, что же именно должно быть написано СЛОВАМИ в очередном варианте сценария…

<…>

Андрей Тарковский был с нами жёсток, бескомпромиссен и дьявольски неуступчив. Все наши робкие попытки творческого бунта подавлялись без всякой пощады и неукоснительно. Лишь однажды, кажется, удалось нам переубедить его: он согласился убрать из сценария и из фильма «петлю времени» (которую мы сами же для него и придумали – монотонно повторяющийся раз за разом проход погибшей некогда в Зоне бронеколонны через полуразрушенный мостик) – этот прием почему-то страшно его увлекал, он держался за него до последнего, и только соединенными усилиями нам удалось убедить его в том, что это банально, общеизвестно и тысячу раз «было». Он согласился наконец, да и то, по-моему, только оттого, что ему пришлась по душе наша общая идея: в Зоне должно быть как можно меньше «фантастики» – непрерывное ожидание чего-то сверхъестественного, максимальное напряжение, вызываемое этим ожиданием, и – ничего. Зелень, ветер, вода…

В конце января Борис Штерн обращается к БНу с просьбой посетить его семинар в марте – но инкогнито. 3 февраля БН отвечает:

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Вашу идею приезда приветствую вполне. Но:

1. Никаких гарантий, что буду именно в марте, в указанные Вами дни, на месте. Возможно, в конце февраля буду знать это точнее. В конце концов, я полагаю, с этим уладим.

2. Что за бред с инкогнито? Я этих всех розыгрышей, шуток и разнообразных интрижек ненавижу (так, кажется, говорили, когда-то в Одессе?). Семинар относится к Вам прекрасно – с одной стороны. Если семинар захочет топтать, так и будет это делать, независимо от разных там инкогнито. И вообще, что за фокусы? Или Вы отвечаете за то, что написали, или – нет. Или Вы хотите знать, что об этом думают коллеги, или – опять же нет. Все перечисленное –

с другой стороны. При чем же здесь инкогнито? Нет уж, роднуля, извольте явиться во всем блеске обмундирования, с открытым забралом и соответствующим девизом на щите. Тоже мне – Дездишадо[1], «Черный Рыцарь забрал мое сердце в полон…»[2] И тут я выхожу на арену – весь в белом… Знаете этот анекдот? Так он – про Вас.

Вы, кстати, со Славой Рыбаковым не переписываетесь ли? Очень славный мальчик, и очень талантливый. Последнее время так и рубит повесть за повестью – одна другой краше. И тоже страшно нуждается в обмене эмоциями и опытом.

<…>

Письмо Бориса брату, 6 февраля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Очень интересное письмо! Что ж, ничего неожиданного, согласись, не произошло. Конечно, хотели бы мы другого, но ведь мы имеем дело с титаном – что с него взять? Я вполне удовлетворен развитием событий. Пусть он выбивает очередные проценты, и пусть он предлагает конкретное. Ему теперь есть над чем подумать. Два вопроса по этому разделу:

1. Сколько ты ему вручил (т. е. сколько я теперь тебе должен)?

2. А как он отнесся к повороту с Шухартом? К рюкзаку с деньгами? Безотносительно к атомному взрыву?

Письмишко, значит, в ЦК ВЛКСМ наше дошло. Что ж, посмотрим. Ответ, надо сказать, холодноватый, но, с другой стороны, я и такого не ждал.

Теперь по поводу гонораров. С 10 ноября 1975 у меня, кроме тобою перечисленного, имеют место следующие поступления:

Из ВААПа 598 р. с копейками за «Малыша» в ГДР и ПНР (ноябрь).

---

[1] В. Скотт, «Айвенго»: «…девиз на его щите изображал молодой дуб, вырванный с корнем; под ним была надпись на испанском языке: «Desdichado», что означает “Лишенный наследства”» (гл. 8).

[2] Песня из повести Дж. Б. Пристли «31 июня».

Из ВААПа же 350 р. с копейками… впрочем, пардон, деньги пришли на книжку без сопроводительной бумажки, так что это только я лично предполагаю, что они из ВААПа и выданы за ДоУ на эстонском языке (самый конец декабря). Больше ничего не поступало.

Когда пойдешь в ВААП выяснять про эти деньги, обязательно спроси, какова судьба денег из ГДР, которые мы попросили (помнишь?) перевести в банк в виде валюты. Это было, по-моему, в мае прошлого года, когда я приезжал в Москву. (Речь шла о паре сотен рублей, кажется.)

У меня никаких новостей нет, только ужасно одолевают посетители. Я гоню их в шею, прямо с порога, но они валят валом со своими слюнявыми объятиями.

Написал наше с тобой интервью для «Ленинских Искр». Отослал.

Да! Может, к тебе еще раз нагрянет поляк из Варшавы с марочками для меня. Ты уж извини, христа ради, но вся беда в том, что командировочные все едут в Москву и почти никто – в Ленинград.

16 февраля Севка будет у нас на секции выступать с сообщением о положении в критике ф-ки. Заодно хочу с ним кулуарно поговорить о Медведеве и Ко.

Вот пока и все. Жму руку, твой [подпись]

P. S. Девочкам – поцелуи!

Письмо Аркадия брату, 18 февраля 1976, М. – Л.

Дорогой Борис.

Я здесь обратно сильно приболел и по сей день вынужден сидеть дома, однако некоторые новости все же имеются.

1. Пришел договор из ВААПа по «Дас Нойе Берлин» на издание «Сборника рассказов» (наш именной сборник: как я понял, туда будут включены рассказы из П22В, отрывки из «Стажеров» и «Частные предположения»). Договор на двух параллельных языках и на 6 стр. плюс 3 стр. приложений.

Подписываю и отсылаю два экза, а два (если не ошибаюсь – лень ворошить эту груду бумаги) остается у нас.

2. С совершенно неожиданной стороны проявился Тарковский. От него до сих пор нет ни гласа, ни послушания, и я, потеряв терпение, позвонил в контору Эксперимент-студии. И что же? Сценарий распечатали еще на той неделе. Но! Тарковский хочет порвать с Эксперимент-студией и перейти в объединение Райзмана (все это, конечно, Мосфильм, и что лучше – я понятия не имею, однако мог же Андрюшенька-душенька хотя бы в известность меня поставить обо всем!).

3. В последний день моего здорового состояния – прошлую пятницу – я встретился с неким Эриком Симоном все из того же «Дас Нойе Берлин». Милый парнишка, он будет писать предисловие для вышеупомянутого «Сборника рассказов». Привез мне экз ДР в их издании. Очень мило.

4. Как только смогу выходить, иду в гонорарный отдел ВААПа. Какая-то там путаница, надо разобраться. Я им звонил, но с телефоном шутки плохи, и мы договорились встретиться и посмотреть – это по ГДР. Заодно попробую выписать данные и по Польше, Чехии и др.

5. Касательно встречи – ничего неизвестно. Пока не будет худсовета по сценарию, работать не имеет смысла, да и сценария у нас нет. Будем ждать.

6. Звонила Бела. Они опять требуют журнальный вариант ДоУ – через Главлит-де слишком долго (это для Лундваля). Так что пятьдесят рублей за перепечатку ушли в трубу. А откуда у меня экзы? Все давно им же скормил. Буду сопротивляться.

7. Звонили из Детгиза и потребовали определенности. Я им твердо сказал: сборник будет ПНвС плюс ПиП. И продиктовал аннотацию.

Такие дела. Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

О посещении АНа (и событиях, предшествующих посещению) Эриком Симоном вспоминал Вл. Гаков.

Из: Фантариум

<…>

Вл. Гаков: В году эдак 1975–1976 (точнее уже не вспомню) в Москву прибыл молодой писатель, переводчик и редактор берлинского издательства Эрик Симон. Ему необходимо было встретиться по делам со своими авторами – Аркадием Стругацким, Киром Булычевым и со мной, тогда начинающим критиком. Встречу назначили на дому у Кира Булычева, который тогда жил в тесноватой квартирке на Мосфильмовской улице, производившей на неподготовленного посетителя впечатление музейного склада: везде валялись старинные кивера, каски, шлемы, кажется, даже кремнёвые ружья и кое-какое холодное оружие. Не говоря уж о коллекции орденов и прочих регалиях, слава о коей ходила по всей Москве.

Иностранного гостя и, что существенно, издателя решили встретить достойно, по-русски. Короче, у нас с собою было, кажется, бутылки три хорошего коньяка. Однако гость, несмотря на молодость, в ту пору страдал язвой – и ограничился молочком; а коньяк употребила «принимающая сторона»: два мэтра фантастики и один начинающий критик (в ту пору еще употреблявший). К концу деловой встречи трезвый Эрик, аккуратный и педантичный, как все немцы, изумленно взирал на то, как живут и развлекаются советские фантасты: Аркадий Натанович и я уже успели примерить многие из экспонатов коллекции, а сам хозяин вытащил откуда-то совершенно допотопную фотокамеру-«гармошку» на треноге и, каким-то шестым чувством наводя фокус, фиксировал для потомков это историческое действо…

<…>

О своих приключениях в СССР вспоминает Эрик Симон:

Симон Э. Воспоминания

Впервые я в Москве был в феврале 1976 г. Шел по редакциям, интересовался их продукцией в области НФ,

детектива и приключенческой литературы и предлагал нашу. Принимающей организацией было изд-во «Мир» (мы вместе с ними издали советскую НФ на немецком языке); очень любезно, даже дружески меня также принимали в «Знании» и в «Знание – сила», в «Вокруг света», «Детской литературе» и в ВААПе, где тогда работала Белла Клюева. (Правда, там я не сразу нашел ее комнату, спросил где-то поблизости и вызвал панику у одного начальника – ходит себе по зданию иностранец, да еще, так сказать, иностранец беспризорный!) Встретился с Ковальчуком, Ревичем, Григорьевым, переводчиками… Но атмосфера была явно тягостная, все чего-то боялись, в частности, выдать информацию, которую могли бы использовать против них, причем впечатление было такое, что это может касаться буквально любой информации… Миша Ковальчук мне тогда рассказал, что уже на одну весть, что как будто существует новое произведение Стругацких, их враги начинают кампанию против сего произведения… Кое-кто пустил слух, будто Стругацкие подали заявление на выезд в Израиль, в связи с чем АНС объявил (по словам Ковальчука), что «Стругацкие никуда не будут выезжать, разве что на советском танке». (А я лишь тогда, по глупости своей никогда не задумавшийся об их отчестве, сообразил, что Стругацкие – евреи. По общему восприятию то есть, ведь не по закону: ни по советскому паспорту, ни по галахе, даже не по пресловутым нюрнбергским законам… Знал я тогда несколько евреев в восточном Берлине, там, например, в одной семье папа был профессор по евреистике, мама – профессор по марксистско-ленинской философии и член партии, плюс двое взрослых детей, все явно неверующие, но в синагогу они все ходили, на дверном столбе квартиры мезузу имели, кашрут хотя бы по праздникам соблюдали… Ничего подобного я в СССР никогда не видел и только со временем понял, почему не мог видеть.)

Одним словом, порядки я в 1976-м застал как у Кафки. Или как в Управлении в «Улитке». Не принимали меня тогда у себя два человека, с которыми мне надо было встретиться

по линии работы: Аркадий Натанович и Юрий Медведев. Последний наотрез отказался принимать меня в редакции; причину, которую он называл, я забыл (ремонт? переезд?), но помню, что это был явно предлог (ведь ко мне в гостиницу прийти он тоже не желал), и о настоящих его соображениях так никогда и не мог догадаться. Но он согласился встретиться со мной на улице, «неофициально», вот мы с ним полчаса или больше ходили по Москве; он мне рассказал, что вообще самое важное в советской НФ – из Сибири и о Сибири, БАМ и все это, и не хочу ли я, чтобы «Молодая Гвардия» мне организовала командировку в Сибирь? Стояли февральские московские морозы, и это меня сильно клонило к ответу, что нет, спасибо, в Сибирь мне, пожалуй, рано. (Тот же самый ответ пригодился несколько лет позже, когда в издательстве МИР вдруг сообразили, что я уже несколько раз в Москве бывал, а в Мавзолей меня еще не водили. «Вы что, в Мавзолей не хотите?» – «Да рано мне…»)

Может быть, АНу было просто неудобно принимать меня у себя дома, но вполне допускаю возможность, что он мне тогда не очень доверял. Но согласился он встретиться со мной у Булычева, с которым у меня все равно встреча была назначена. Присутствовал при этом и Миша Ковальчук. Впечатление у меня тогда было, что АНС долго не бывал у Можейко; во всяком случае, Игорь не удержался от демонстрации нескольких предметов из своего богатого собрания мундиров, орденов и знаков отличия, кажется, даже саблей махал; фотографировали, а потом одевали АНа…

Либо еще в 76-м у Булычева (надо бы спросить Мишу Ковальчука, помнит ли он такое), либо в начале 80-х мне рассказали весьма любопытную историю. Я помню так, что это рассказал сам Аркадий Натанович, но после долгих попыток вспомнить обстановку (лет тридцать прошло!) я теперь уже не исключаю, что это ложная память – рассказать это мог также кто-то из узкого круга тех товарищей АБС, с которыми я тогда общался – Булычев? Ковальчук? Ревич? И даже если рассказал сам Аркадий Натанович, то не берусь судить,

придумал ли он эту историю на месте или что-то подобное на самом деле случилось. Но в отличие от обстоятельств саму историю я запомнил весьма подробно.

Итак, апокриф от Эрика.

Однажды у АНа дома раздается звонок в дверь, он открывает. Стоит там китаец и осведомляется, Аркадий Стругацкий ли он. «Да, он самый». Китаец ему передает маленький пакетик и уходит. Пакетик оказывается завернутой в бумагу пулей. АН недоумевает. Больше ничего страшного не случится. Только много позже АН понимает, в чем там, скорее всего, было дело. Рисовал он себе в шутку стенную газету в стиле хунвейбинов, а писал на ней (китайский не знает, но иероглифы-то умеет писать) текст: «Председатель Мао – тухлое яйцо». Когда-то его с братом снимали в квартире АНа, и там на снимке оказалось и то дацзыбао. А фотографию эту опубликовали в какой-то книге Стругацких (кажется, ТББ) в Чехословакии[1].

Письмо Бориса брату, 22 февраля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Что же это ты, братец, все болеешь? Нехорошо! А мне доносили, что ты вроде бы оклемался… Значит, снова схватило. Ну, все мы в руце божией. Вот у меня, скажем, печенка с самого утра сегодня болит…

Насчет Тарковского – ну что тут скажешь? Гений, он гений и есть. Надобно потрафлять, я понимаю. Тем более что глядишь – и подкинут еще что-то там. Ты уж, брат, терпи. Такая наша в данном случае доля.

Эрика Симона я (как и ты, впрочем) знаю уже много лет. Это тот самый мальчик, с которым ты не пожелал переписываться в свое время. Он был физиком, а потом вдруг выгребся в редакторы «Ное Берлин». Сборник этот, договор на который тебе прислали, он составил по моему совету (о чем я тебе в свое время докладывал).

[1] Дацзыбао попало на снимок АБС и пуделя Леля, сделанный А. Лессом 6.03.67 и опубликованный в чешском издании ОУПА: Hotel «U mrtveho alpinisty» / A. Strugackij, B. Strugackij; Prel. J. Piskacek. - Praha: Cs. spis., 1972.

Что касается ДоУ для Лундваля, то пошли их всех в задницу. Главлит им, видите ли, долго… Да эта бодяга уже три месяца тянется. Сразу бы отдали в Главлит, все было бы уже ОК. Коекакеры, мать их… Стой как скала: деньги, мол, на перепечатку потрачены, а экзов-де давным-давно не осталось! Тем более, что все это – истинная правда.

Сборник для Детгиза (ПНвС + ПиП) одобряю. Баба с возу…

Насчет встречи, действительно, пока неясно. Давай уж сначала разберемся с Тарковским, а там – видно будет.

У меня новостей пока никаких нет. Сборник в нашем Детгизе (с ПиП) застрял. В «Аврору» я пока не суюсь. Сижу больше дома, читаю семинарские рукописи и помогаю Адке по работе. Давеча вот принесли проект очередного интервью – для ЛитОбоза. Плохо получилось, надо исправлять. Ужо.

Был тут Севка, делал доклад у нас на секции. Все было очень мило. Оказывается, Бритиков разразился еще одной статьей об основаниях фантастики. Хорошая, между прочим, статья, хотя в основу фантастики он и кладет принцип научности. О нас в этой статье много. Общий смысл: талантливые писатели, лидеры совфантастики, но уклонились от принципа научности (загипнотизированные собственными доморощенными теориями) и стали писать такие вещи, как ОО, ДоУ (очень увлекательно, но лишено глубины) и УнС (пессимизм, аллюзии и опять же нет научной глубины). В общем, я читал с любопытством.

Вот пока и все.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленке и Машке – приветы!

Тарковский в это время размышляет о сценарии по ПНО – «Машине желаний» и вновь конфликтует с Госкино.

Из: Тарковский А. Мартиролог

22 февраля 1976

<…>

Соображения по поводу сценария бр. Стругацких.

1. По поводу «благодетелей рода человеческого» – прибавить что-нибудь типа «так называемых благодетелей» или те, «кто вообразил себя благодетелями».

2. Сказочные детали (Круг, деньги). Ликвидировать все фальшивое.

3. Линия Ученого (атомный взрыв).

4. Линия Художника (покой?).

5. Линия Виктора (гибель в конце).

6. Имена (Антон).

7. Название.

Пожалуй, я нашел цель – следует снять фильм об Иисусе. Конечно, не так как Пазолини. Здесь два пути – или снимать его за границей, либо любительской камерой и иносказательно.

24 февраля 1976

Вчера через Сизова меня вызвал Ермаш. Мне кажется, для того, чтобы усыпить мое недовольство тем, что я безработный.

1. Просил прочесть Стругацких. И заранее выражал недоверие бр. Стругацким, ибо они сделали сценарий для Соловьева В. И. «в духе сионизма». Из заявки Ермаш ничего не понял.

<…>

Все это болтовня и способ, которым он хочет добиться от меня покоя на время съезда.

26 февраля 1976

Написал письмо в президиум XXV съезда о моей безработице по вине Госкино. Пойду отправлять.

Написал письмо Ермашу:

«26 февраля 76 г.

Москва

Филипп Тимофеевич!

Меня несказанно огорчила и даже унизила встреча с Вами 23 февраля (то есть накануне съезда КПСС). Потому, что передо мной возникла еще более неприступная пропасть на пути к запуску в производство, чем это было раньше.

1. Стругацкие оказались людьми, протаскивающими какую-то свою идею в сценарии, написанном для Одесской киностудии. (Я хоть и не читал сценария, никогда в жизни не поверю в это.) Тем не менее Вы этим предупреждением как бы говорите – будь готов к тому, что сценарий, который Стругацкие пишут для Вас, очень может быть мною зарезан. До 23-го (нашей встречи) я был уверен, что буду ставить его.

<…>

Для меня ясно, что эта волокита связана с желанием оттолкнуть меня подальше от творчества, не дать мне картины ни в коем случае

<…>

Андрей Тарковский»

Поступок совершен. Теперь наступает новый этап.

О последствиях этого письма рассказывает ассистент Тарковского Марианна Чугунова.

Из: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность. Разговор о «Сталкере»

<…>

М. Чугунова. …А потом был очередной съезд партии, на который Андрей Арсеньевич написал письмо о том, что ему не дают работать. Я напечатала его и отправила с центрального телеграфа заказным письмом с уведомлением о вручении. Через несколько дней – еще съезд не закончился – мне позвонили из приемной Николая Сизова, директора «Мосфильма», и попросили, чтобы я немедленно пошла к Тарковскому домой (в то время у него в новой квартире еще не было телефона) и сообщила, что его срочно вызывают в Госкино.

В Госкино Тарковскому сказали: «Мы вас сейчас же запускаем. Что у вас есть?» А у Андрея Арсеньевича в тот момент был сценарий «Светлый ветер», о котором они категорически и слышать не хотели, и вот этот сценарий –

«Машина желаний». Больше у него ничего готового не было. Он предложил «Машину желаний», и в Госкино сразу согласились. Так Тарковского запустили в производство.

В конце февраля АБС на несколько дней встречаются в Ленинграде. Но не работают.

Рабочий дневник АБС

24.02.76
Приехал в Лрд Арк. Просто так. Болтали.
25.02.76
Арк где-то шляется.
26.02.76
Обсуждали планы-прожекты.
И т. д. Сплошной треп.
28.02.76
Арк уехал.

Письмо Аркадия брату, 1 марта 1976, М. – Л.

Дорогой Борис.

1. Даю текст письма из ЦК ВЛКСМ:

«Уважаемый Аркадий Натанович! Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Сообщаем, что мы внимательно ознакомились с рукописью повести «Пикник на обочине». На наш взгляд, она требует определенной доработки. Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» поручено согласовать с Вами вопросы, связанные с осуществлением доработки, а также принять необходимые меры к выпуску сборника «Неназначенные встречи», с тем, чтобы не были ущемлены Ваши материальные интересы. Желаем Вам всего хорошего. Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ (подпись) Л. Паршин».

Штамп: № 04/с-89. 20.02.76 г.

Как мы с тобой договорились, ждем до 10 марта. Если МолГв не откликнется, пиши и присылай текст письма главреду Синельникову и текст письма тому же Паршину.

2. Вчера был у Тарковского. Любопытные новости. Во-первых, экспериментальная студия переведена с коммерческого на общий режим, и наш сценарий остается там. Это тем более хорошо, что директор объединения – друг Тарковского, а главред Замошкин – мой старый знакомый и доброжелатель. Завтра или послезавтра состоится худсовет, где сценарий должны утвердить в качестве первого варианта.

Далее. Перед самым съездом[1] Ермаш вдруг вызвал к себе Тарковского. Разговор шел по поводу работы Тарковского со Стругацкими и по поводу возможности работы Тарковского над «Идиотом» и над фильмом «Уход Толстого» (к юбилею великого старца). Вторая часть для нас не очень существенна, а вот по поводу нас Ермаш выразился: «Имейте в виду, что Стругацкие – сложные люди. В сценарии для детской киностудии (имеется в виду «Бойцовый Кот») они протаскивают сионистскую идею о том, что все евреи должны вернуться к себе на родину и воевать за ее интересы». Оставляю в стороне эмоции Тарковского. Он считает: а) что этим Ермаш хочет сказать, что в любой момент может зарезать наш сценарий (договор с нами заключил директор Мосфильма и один из замов Ермаша Сизов, большой ненавистник Ермаша, а окончательный вариант по существующим ныне правилам утверждается Госкомитетом) и б) что все это работа главреда Госкома Даля Орлова. Независимо от этого Тарковский написал жалобы в Президиум съезда на действия Ермаша, который не дает ему работать, и письмо Ермашу, в котором объявляет ему войну.

Наконец. Много говорили по поводу сценария. Как всегда, все туманно и зыбко. Как бы то ни было, переделки предстоят основательные – боюсь, что придется весь сценарий переписывать заново. Более определенно будем говорить с Тарковским после худсовета, тогда смогу и более определенно написать о сути переделок.

[1] XXV съезд КПСС (24.02–05.03.1976).

3. «Конец планеты негодяев» в мультстудии «Экрана» принят благосклонно. Просят только уменьшить количество персонажей, но это будет делаться уже только после заключения договора и при работе с режиссером. Фильм будет многосерийный.

4. Звонила Бела.

а) Макмиллан прислал контракт на перевод ХВВ. Бела просила экз для микрофильмирования. б) На днях ДоУ возвращается из главлита и будет отослано в Швецию. Бела просила зайти и отметить места, которых нет в журнальных вариантах, дабы увеличить наш (и ВААПовский) гонорар. Не знаю, что она имеет в виду.

Вот пока всё.

Жму, целую, Арк.

Привет твоим.

Письмо Бориса брату, 5 марта 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Очень рад твоему письму. Масса интересного.

Из МолГв пока ничего. Жду 10-го и вышлю тебе варианты писем.

Было бы здорово, если бы ты все-таки уговорил Тарковского хоть часть своих (то есть его) соображений изложить ПИСЬМЕННО. Пусть он изложит на бумаге ну хотя бы план сценария, как он его видит. Если все опять ограничится разговорами, мы не сможем действовать последовательными приближениями. А ведь нужно, грубо говоря, чтобы в первом варианте было, скажем, две подходящие сцены, во втором – пять, в третьем 10 и т. д. Попробуй убедить его взять в ручки перышко и перышком по бумажечке тяп-тяп-тяпоньки и чего-нибудь натяпать. И у него станет в голове яснее и у нас.

У меня из новостей только то, что пришли гранки ПиП из Лендетгиза. Я их исправил и понесу в ближайшие дни обратно. Так что дело движется помаленьку.

У нас тут готовится семинар молодых писателей Северо-Запада, так что я завален рукописями и читаю их, будто г… ем. Между прочим, есть и повестуха твоего знакомого – Полоцка из Риги, – но она как раз интересная.

Прочитал в НФ отрывки из нового романа Альтова о коммунизме. Был разочарован. То есть написано все это вполне прилично и даже хорошо, но я-то ждал позднего Альтова, а получил ранних Стругацких. Зато «Человек-компьютер» Крайтона меня вполне утешил. Молодец Крайтон! Страшно пишет… бр-р-р!

Вот пока и все. Жму руку, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машке – привет!

«Между прочим, есть и повестуха твоего знакомого – Полоцка из Риги, – но она как раз интересная», – пишет БН. Илан Полоцк рассказал специально для этой книги:

Полоцк И. Воспоминания, октябрь 2008

С Аркадием у меня сложились просто очень теплые дружеские отношения. Приезжая в Москву и быстренько покончив с делами, я мчался к нему на улицу Вернадского, где мы и сидели долгими часами, попивая коньяк. Думаю, дело не в том, что я был таким уж интересным собеседником, но слушателем я был, честное слово, неплохим. Что в общении с Аркадием при его обаянии было нетрудно…

Борис Натанович же был руководителем семинара «в мавританской гостиной» – учителем и ментором, мудрым, ироничным и справедливым. И когда я, недавний ковбой (незадолго до визита в Ленинград я работал скотогоном в Монголии и Казахстане), оказался в обществе растущих мэтров и классика, то у меня просто язык примерз к нёбу. Я привез с собой небольшую повесть «Ловец кошек» (о ней и речь), которую впоследствии постигла весьма странная судьба. Когда я должен был прочесть главу, то стал так заикаться, что БН, сжалившись, сам прочел мой несчастный текст. Раздолбали меня довольно умеренно, как потом объяснил он

мне, пригласив на лестничную площадку покурить. И, помолчав, предупредил: «Даже не вздумай ее печатать. Наживешь крупные неприятности… чего бы мне не хотелось». Потом уж я узнал, что он тепло ко мне относился, о чем и писал Аркадию.

С точки зрения «высокой литературы» мой «Ловец кошек» ничего особенно не представлял… разве что в нем очень четко просматривалось мое отношение к существующему строю и т. д., навеянное моим недавним переводом «Скотного двора» – что и увидел БН.

Письмо Бориса брату, 10 марта 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Из МолГв – ничего. В соответствии с договоренностью посылаю тебе варианты писем Паршину и Синельникову. Однако полагаю правильным выждать еще десяток дней, чтобы срок манкирования Медведевым указаний ЦК ВЛКСМ сделался круглым – месяц. Исходя из этого, я и составлял тексты.

24 марта 76 г.

Уважаемый тов. Паршин!

Разрешите прежде всего поблагодарить Вас за письмо от 20.02.1976. Это письмо возродило в нас надежду, что неблагополучное положение, сложившееся в редакции, возглавляемой тов. Медведевым, будет наконец урегулировано.

Однако мы вынуждены констатировать прискорбный факт. Несмотря на то, что в Вашем письме прямо говорилось: «Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» поручено согласовать с Вами вопросы, связанные с осуществлением доработки, а также принять необходимые меры к выпуску сборника «Неназначенные встречи»…», несмотря на это, мы ДО СИХ ПОР не слышали от указанного Издательства, как говорится, «ни гласа, ни воздыхания».

Нам приходится снова просить Вас вмешаться и прекратить волокиту.

С уважением

Уважаемый тов. Синельников!

В ответ на наше письмо в ЦК ВЛКСМ по поводу неблагополучного положения, сложившегося в редакции фантастики и приключений Вашего издательства, замзавотделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ тов. Паршин известил нас 20.02. с. г., что (цитируем) «Издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» поручено согласовать вопросы, связанные с осуществлением доработки, и также принять необходимые меры к выпуску сборника «Неназначенные встречи»…»

С тех пор прошел месяц, однако мы до сих пор не получили от тов. Медведева, ответственного за издание нашего сборника «Неназначенные встречи», ни одной строчки.

Мы настаиваем на прекращении этой бесконечной волокиты с изданием нашего сборника и просим Вас принять необходимые меры.

К сему прилагаем копию письма тов. Паршину, которое посылаем одновременно с настоящим.

С уважением

Я думаю, что Синельникову надо также послать и копию письма в ЦК ВЛКСМ. Так что дождись 20.03 и, если дело не сдвинется, действуй!

Жму руку, твой [подпись]

11 марта БН, отвечая Штерну, рассказывает ему о работе с Тарковским.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Время мое до сих пор толком не определилось. Попытаюсь Вам объяснить, в чем тут дело. Мы связались с одним большим нашим кинорежиссером – делаем ему сценарий. Он, как и полагается гению, капризничает – все ему не так. А что̀ ему так, сказать зачастую не может. Поэтому порядок работы такой: мы пишем вариант сценария и даем его гению; гений читает, обдумывает, бранится, хвалит то, что ругал вчера и наоборот – и все это длится, к сожалению,

неопределенно долго. Мы же все время должны быть на подхвате: как только гений разражается наконец требованиями и рекомендациями, мы тут же съезжаемся и начинаем писать следующий вариант. Именно поэтому я начисто лишен возможности планировать свое время. Знаю только, что 18–20 апреля обязательно должен быть в Л-де, чтобы вести упомянутый выше семинар молодых писателей Северо-Запада. Тут уж не отвертишься. А в прочее время… Господи, да Вы приезжайте, когда Вам удобно и когда сговоритесь с Андреем Зинчуком! Если я в это время буду – прекрасно. Потреплемся и все такое. Может быть, даже и семинар наш подвернется и мы Вас как-нибудь встроим… Не будет меня – потреплетесь с Андреем и прочими – тоже время проведете не без удовольствия. Очередное заседание семинара – 22 марта, причем будут читаться переводы, так что, вероятно, можно будет выкроить время и для Вас. Бенефиса не получится, конечно, но все равно может получиться не без приятности.

<…>

Во второй половине марта АБС в Ленинграде пишут второй вариант сценария по ПНО.

Рабочий дневник АБС
16–23.03.76

Арк был в Лрде. Написали II вар. ПнО-С.

Тарковский же в это время тоже подумывает об очередных письмах «наверх».

Из: Тарковский А. Мартиролог

18 марта 1976

<…>

Ермаш, конечно, узнал, что я написал письмо съезду. <…> Срочно потребовал третьей заявки и сценарий по Стругацким. Я сказал, что нахожусь в крайней ситуации и если ничего не получится с работой, то буду писать в Политбюро.

<…>

Письма в ЦК, в Политбюро в то время – насколько это было действенно и зачем это писалось? Полемика в прессе с идейным противником – почему ранее АБС были весьма активны, а после перестройки и вот уже много лет БН практически не отвечает на нападки? Такие были вопросы во время встречи БНа с группой «Людены» в 2004 году.

Из беседы БНС с люденами

Р. Арбитман: В свое время Стругацкие часто вступали в литературную полемику и давали… ну, виртуально и словесно по физиономии тем людям, которые этого заслуживали. Мне кажется, что в последнее время как-то…

БНС: Они никогда этого не делали для собственного удовольствия. Для того, чтобы «раззудись плечо, размахнись рука». Они делали это исключительно из холодных, тщательно просчитанных, рациональных соображений. Дать по зубам какому-нибудь Медведеву не потому что приятно дать по зубам Медведеву, а потому что таким образом ты понижаешь акции Медведева в цекамоле. И так далее. Все было построено именно на такого рода соображениях и на такого рода действиях. Никогда Стругацкие не наносили ударов для удовлетворения собственных потребностей.

<…>

М. Шавшин: Но как же? Вы же говорили, что надо бить! «Непременно надо бить суку».

БНС: Да! Это было… Это лозунг тех времен, когда сука могла испортить издательский процесс. Вот так бы я сказал. Сейчас – пишет Топоров, не пишет Топоров – книги издаются, издатели рвут книги из рук. Ну и пусть пишет. Пусть пишет. <…> Я не могу сказать, что меня это не трогает, я тоже раздражаюсь, когда читаю некоторые его опусы, но… Но, понимаете, для меня – повторяю, Роман, – для меня литературная борьба – это всегда была борьба за издателя. С тех пор как литературная борьба перестала быть борьбой за издателя, она меня как таковая не интересует совершенно. Это как плохие… как сериалы по телевидению. Они отвратительны, но я могу их просто не смотреть. И я их не смотрю. Так же и здесь.

В конце марта как будто размывается некая преграда, не пропускавшая к читателям статьи о творчестве АБС и интервью с ними. Почти одновременно появляется и готовится сразу несколько публикаций – и это радует Авторов.

20 марта «Комсомольская правда» печатает на своих страницах интервью с АНом («Послушная стрелка часов»), в котором журналистами была повторена хохма Илана Полоцка о кафе в Бологом «У Бори и Аркаши». В отличие от региональной рижской «Советской молодежи» центральная «Комсомольская правда» читается повсеместно – шутка становится широко известной.

24 марта интервью с АБС («А+Б=Ф») публикуют «Ленинские искры».

Письмо Аркадия брату, 27 марта 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Позавчера по согласованию с Тарковским передал рукопись МЖс его ассистентке Маше, которая прибыла к нам специально за этим.

2. Звонила Бела, сообщила, что пришли контракты: из Франции от Дэ Нуэль (?) на ПиП и из Польши на ПиП же. Только что из ВААПа пришел договор из Польши, коий я подписал и тут же отправляю. (Изд. «Чительник», 24 месяца, 20 тыс. экз., по 10 злотых за шт., нам 7 % от стоимости каждого экза.)

3. Пришло письмо из Киевнаучфильма, подобрали режиссера, сейчас обсуждают с ним подробности, затем вызовут меня.

4. Был Ковальчук, рассказал много интересного. Видимо, написали мы в ЦК ВЛКСМ вовремя, а затем надо будет писать Зимянину. Но это еще впереди.

5. Звонили из мультстудии «Экрана», попросили продиктовать аннотацию на «Конец Планеты негодяев» для темплана и изменить название. Я продиктовал, а название дал – «Нехмурые ребята».

6. Говорил с Мулей Левиным, изложил ему, как мы договорились, положение с инсценировкой ТББ. 27-го (сегодня?) приезжает ихний главред, после чего будет встреча, письмо,

заявка и договор (если, конечно, новое положение с Мин. культуры по поводу свежих постановок не исказит эту чудную картину).

Вот, кажись, и всё.

Жму, обнимаю. Твой Арк.

Привет Адке и Андрею.

28 марта в газете «Социалистическая индустрия» выходит заметка Георгия Гречко «Книги моей мечты», где известный космонавт рассказывает о расчете траектории первого спутника, в котором он принимал участие, сравнивает ситуацию с описанной в повести «Стажеры» (глава «Смертьпланетчики») и упоминает, что в космос он взял книги АБС «Далекая Радуга» и Ольги Ларионовой «Леопард с вершины Килиманджаро».

Письмо Бориса брату, 30 марта 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо и в темпе отвечаю.

Из новостей у меня только что, кажется, все реальнее становится наш детгизовский сборник на 78 год. Сейчас дело, как я понимаю, только в том, чтобы найти составителя. Они хотят меня и не хотят Брандиса. Я же всячески уклоняюсь, ибо отнюдь не хочу нашего Е. П. подводить таким гнусным образом. Кроме того, я не знаю, что давать им – нашего зМЛдКС? Смешно. Сказку? Нет сказки. Сказку надо писать, вот что я тебе скажу.

Звонила Ирена. Беспокоится, почему не заключают с нею договор на ПиП и зМЛдКС. Теперь ясно, что виноваты поляки – задерживают посылку договоров. Ты там будешь в ВААПе – наведи справки: запрашивали ли поляки зМЛдКС?

Был 29-го в сберкассе. Никаких поступлений нет – ни из Мосфильма, ни из ВААПа. Напомни мне, пожалуйста, за что мы еще должны были получить из ВААПа. У тебя все это было очень красиво записано в какой-то тетрадке (или запкнижке?).

Издательство Де Ноэль (Рождество) – это то самое, что издавало ТББ и ПНвС.

Держи меня в курсе событий по поводу инсценировки ТББ. Я пока ничего не буду предпринимать. Они, гады, не звонят, так пусть же им будет хуже.

Ирена говорила, что телепостановка по ДоУ прошла благополучно, но сценарий дико изуродован режиссером. Надо бы съездить в Польшу, посмотреть.

Вот пока и все. Жму руку.

Твой [подпись]

Да! Помни, что 18–20 апреля у меня семинар писателей Северо-Запада! Я должен обязательно присутствовать.

Прилагаю вырезку из «Ленинских искр»[1]. Пустячок, а приятно. Сократили здорово, но почти не коверкали.

P. S. Леночке и Машке привет!

Письмо Аркадия брату, 5 апреля 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Письмо от Паршина.

«№ 04/С-89, 30.III.1976 г. тов. Стругацкому А. Н. Уважаемый Аркадий Натанович! В связи с Вашим письмом от 24.03.1976 года сообщаем, что заведующему редакцией фантастики, приключений и путешествий издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» т. Медведеву Ю. М. поручено в ближайшее время обсудить с Вами вопросы, связанные с подготовкой сборника «Неназначенные встречи». Желаем Вам всего хорошего. Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Л. Паршин».

На мой взгляд, это отписка. Во-первых, о том, что ему поручено, было сказано в прошлом письме. Во-вторых (и главных) – что такое «ближайшее время»? Как бы то ни было, предлагаю тебе (если, конечно, от Медведева ничего нет) быстренько составить письмо в высшие инстанции. Не надо имени (обращения), только суть и историю вопроса с просьбой об аудиенции. Я посоветуюсь с Мишей, и мы решим, посылать ли письмо Зимянину или новому секретарю

[1] Данилова Д. А+Б=Ф // Ленинские искры (Л.). – 1976. – 24 марта.

ЦК ВЛКСМ по идеологии (очень, говорят, сильный и умный мужик).

2. В Швеции вышла ТББ. Поляки запрос на зМЛдКС не присылали, зато прислали на «Лес» (?) из «Эллинского секрета» и на ПнО. Издательство – не «Искра». Я Белке сказал, что уже вышло в «Искре», она записала, будет отвечать. Макмиллан раскачался, будет издавать ОО, СоТ и ХВВ. Аванса нет, потому что соглашение генеральное, на всю советскую фантастику.

3. Деньги из «Мосфильма» ты, вероятно, уже получил. Я их получил 31.03 и сразу отнес Андрюшке. С тебя 95 ряб. Андрюшка болеет, но бодр и весел. Больше возиться с литературным сценарием не желает, вернул в текст «временную петлю» в качестве «собаки» для бюджета и сам послал на машинку. За шесть часов беседы два раза принимал решение сам играть роль Алана и два раза кричал, что ему не под силу быть одновременно режиссером и играть главную роль. В общем, оптимистичен. Познакомил меня с Солоницыным, игравшим Андрея Рублева, будет у нас писателем. Расписывал его в этой роли, а бедняга Солоницын сидел и хлопал глазами, ибо понятия не имел, о чем идет речь – сценария не читал и вообще ничего не знает.

4. Положено нам еще по триста сорок из ВААПа. Я тоже не получил, звонил к ним в расчетный отдел. Там удивлены, ибо послали распоряжение в Госбанк еще 27 февраля. Обещались выяснить. Посмотрим.

5. Дело с инсценировкой ТББ совершенно на мази. Отдел идеологии Московского обкома обеими руками ЗА. Нынче мы с главрежем идем к зав. отделом театров Мособлисполкома, познакомиться и обговорить официальности. Как только там будет «добро», моя (наша с Зенчуком) заявка идет в Министерство культуры и быстро утверждается, после чего следует договор с авансом. Договор, поскольку наша пьеса «БЕЗ ОРУЖИЯ» идет как юношеская (и не инсценировка, а самостоятельная вещь, имей в виду), стоит 3000 ряб. Подготовь все для того, чтобы в кратчайшие сроки извлечь текст

из вашего задрипанного театра, а то они ее, может быть, вообще затеряли, тогда придется восстанавливать. Я ведь похвалился, что у нас все почти готово и понадобится всего две-три недели. Затягивать нам тоже нет смысла.

6. Звонил Катасонов из ЦТ, предлагал свести с режиссером, который жаждет ставить ПНвС. Это серьезный мужик, он поставил восхитительный телефильм «Буратино»[1] и сейчас весьма в фаворе (телефильм шел по Союзу уже три раза за четыре месяца, и конца этому не видно).

7. Ах, хороши прянички на меду! Здорово интервюшка в «Комсомолке»[2] работает! А тут еще беседа с космонавтом Гречко, опубликованная в «Соц. индустрии», подоспела. Я не читал, но мне уже трое звонили и рассказывали. Твою интервюшку уже читал, тоже приятно.

Кончаю. Обнимаю и жду.

Твой Арк.

Семейству приветы, мамочку поцелуй.

Письмо Бориса брату, 9 апреля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Оч-чень оптимистическое от тебя пришло письмо. Любодорого читать. Но ведь и в самом деле: интервью в КомсПравде, интервью в ЛенИскрах, Жора[3] давеча выступал по Лентелевидению (сам видел), он же вчера хвалил нас по Ленрадио (рассказывают), сохраняются шансы на интервью в Смене, а вчера я отнес материалы для интервью в ЛитОбозе… Силы мира и прогресса – в наступлении! Да! И Социндустрия, конечно же!..

1. С письмом к начальству полагаю еще немного погодить. Ямщик, не гони лошадей[4], а также – не спеши, кривая, в баню. Начальство, это, братец… Дадим Медведю еще

[1] «Приключения Буратино» по А. Н. Толстому, режиссер – Л. Нечаев.

[2] Стругацкий А. Послушная стрелка часов / Беседу записали Г. Жаворонков, Л. Загальский // Комсомольская правда (М.). – 1976. – 20 марта.

[3] Здесь и далее – Гречко Георгий Михайлович, космонавт, друг АБС.

[4] Романс Я. Фельдмана на слова Н. Риттера.

20 дней – это и будет «ближайшее время». 20 апреля вышлю тебе текст очередной жалобы.

2. Тыщу раз тебе объяснял: Лем в Кракове выпускает наш томик, содержащий «Лес» и переиздание ПнО. Так что пусть Бела ничего никуда не пишет, а поскорее дает добро. И так все договора затягиваются, а тут еще эта дополнительная переписка… А зМЛдКС, значит, оказалось Макмиллану не по зубам? Жаль, жаль…

3. Кстати, что слышно насчет зМЛдКС в З-С? Танька молчит?

4. Денег никаких и ниоткуда не получал. Последний раз был на книжке 5 апреля.

5. Из Андрея, между прочим, получился бы ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ Алан! Я имею в виду – типаж. Но вряд ли он потянет сразу все… У меня, кстати, появилась, по-моему, неплохая идея для сценария. Надо сделать Алана калекой или уродом (однорукий, или горбатый, или с жутким шрамом, или бельмастый, или одноглазый и пр.), чтобы он вернулся от Круга не с деньгами дурацкими, а – красавцем (затаенная мечта всей его жизни!). Это было бы гораздо точнее! Посоветуйся с Андреем.

6. Рад, что «Без оружия» (БО) на мази. Но я пока тревожить свой театришко не стану. Договор будет на руках – тогда пожалуйста. А насчет текста не беспокойся: у Зинчука есть копия, и я велю ему ее размножить и держать наготове.

7. Экранизацию ПНвС серьезным мужиком, поставившим «Буратино», всячески поддерживаю. Сценарий, кажется, у тебя, так что – действуй.

8. Детгизовский сборник на 78-й год уже собирают, а нам дать нечего. Вот проклятье! Ведь – просят! Просят!!!

9. ОБЯЗАТЕЛЬНО встреться с Жорой – обласкай, одари и вообще. ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

Ну вот, пока и все. Жму руку, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Письмо Бориса брату, 16 апреля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

В день моего рождения Медведь преподнес мне подарочек. Письмо его прилагаю. По-видимому, пора начинать большое наступление. Посоветуйся с народом и – айда!

Я лично полагаю, что сначала надо все-таки послать письмо Деревянко. Будем действовать по инстанциям.

Прилагаю:

1. Письмо Медведева (сохрани и при случае верни мне – в Дело).

2. Ответ Медведеву (отправь побыстрее. М. б., послать копию Паршину?).

3. Проект письма наверх.

В прочем

остаюсь Вашего пр-ва покорнейший слуга [подпись]

Письмо Медведева от 12 апреля, о котором пишет БН, сохранилось в архиве.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Несмотря на известные сложности, редакция «Фантастики, приключений и путешествий» всё же не оставляет надежды на скорейший выпуск сборника Ваших научно-фантастических произведений «Неназначенные встречи». Тем более что две из предложенных Вами повестей – «Малыш» и «Трудно быть богом» уже одобрены редакцией и речь идет по существу о снятии некоторых, притом весьма немногих, вопросов по повести «Пикник на обочине».

Думается, что имеет смысл вкратце напомнить Вам суть наших аргументов, изложенных в предыдущих письмах.

Прежде всего смущают отдельные штрихи и черты образа единственного положительного героя повести – Кирилла Панова. Он никак не походит на представителя СССР за

рубежом. Судите сами. Он целиком на поводу у вора, пропойцы и убийцы – Шухарта, и более того, он платит последние крупные деньги за воровски вынесенный из Зоны «хабар» – диковинные устройства, оставленные на Земле некоей цивилизацией. Тем самым образ советского ученого низводится до уровня заурядного международного мошенника, нарушающего законы и страны пребывания, и своей собственной Родины. Согласитесь, что делу формирования идей интернационализма у молодого советского читателя может быть нанесен определенный ущерб столь вольной трактовкой вполне однозначных поступков и ситуаций.

В отношении «покойников», воскресающих на Земле. Они в повести, как говорится, «не стреляют» и, добавим, наводят на мистические ассоциации. На наш взгляд, «покойников» следует вообще убрать – они никак не прорисовывают образ главного героя и не «работают» на сюжет.

Насколько мы понимаем, Ваши главные возражения связаны с пожеланием редакции изменить финал повести, когда только что предательски убивший своего напарника Шухарт кричит мистическому Золотому Шару – псевдомашине для исполнения желаний: «Счастья для всех даром и пусть никто не уйдет обиженным!»

Для Вас, как Вы неоднократно подчеркивали, это и есть суть повести. Между тем, у молодого советского читателя по прочтению этой фразы может невольно возникнуть вопрос: «Что значит, «всем даром»? Значит без борьбы? Кому? Господам капиталистам, эксплуататорам или, например, расистам из Южной Африки, на Ближнем Востоке, чилийским «гориллам»? И таким же насильникам и убийцам, как сам Шухарт?» И всем другим отрицательным героям повести? Вот и выходит, что на уроках в наших советских школах учат, что общество исторически развивалось и развивается по законам классовой борьбы, а в повести «Пикник на обочине» советские (а не западные, буржуазные!) авторы утверждают устами своего героя совсем другое…

Понимая, что снятие поставленных выше вопросов по «Пикнику на обочине» требует известного времени и сил, редакция просит Вас рассмотреть возможность замены этой повести другим Вашим произведением в соответствии с договорным объемом. В этом случае могли бы быть сняты и все финансовые вопросы авторов. Это, разумеется, не исключает возможности издания в будущем «Пикника на обочине».

Редакция глубоко сожалеет, уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович, что до сих пор мы не смогли с Вами найти пути к скорейшему изданию Вашего сборника, и просит Вас ответить по существу наших возражений и предложений.

С искренним уважением

Заведующий редакцией «Фантастики, приключений и путешествий» Ю. Медведев

Редактор Д. Зиберов

Письмо Аркадия брату, 18 апреля 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

Прежде всего, «во первых строках», так сказать, – наилучшие тебе пожелания в равномерной смеси с поздравлениями по поводу и в связи с твоей годовщиной от семейства моего и от меня лично.

Задержался я с письмом потому, что ждал со дня на день результатов стыковки нашего сценария с Ермашом. Вчера все выяснилось.

1. В пятницу Андрей был приглашен к Ермашу, и там в течение всего 15-ти минут дело решилось. Ермаш дал полное добро (если не считать трех пустяковых замечаний – все касаются имен собственных), и сейчас готовится соответствующий приказ министерства на студию, а студия, не дожидаясь приказа, уже ведет калькуляцию денег и сроков. В течение недели, видимо, будет с нами окончательный расчет, затем для работы над режиссерским мы будем прикреплены с оплатой 150 в месяц на три-четыре месяца

подготовительного периода. Вчера Андрей в три пополудни явился ко мне, сообщил все это, потребовал, чтобы мы не умывали руки и все время были возле него, сетовал, что никому кроме себя не может поручить главную роль, вдохновился и новую интерпретацию роли Алана выдал, и все это время мы втроем (с Ленкой) обильно возливали и угощались. В результате Ленка обожгла пальцы на сковороде с жареным мясом и завалилась спать, а Андрюха ушел, вернее, уполз домой, томимый самыми мрачными предчувствиями по поводу встречи, которую ему устроит супруга, в десять вечера. Я прибрал посуду и тупо смотрел какой-то бесконечный хоккейный матч. Дождался Машку и лег спать. Да, еще детали. Фильм будет называться «Сталкер». Это раз. Второе. Павленок взял Андрея под руку и торжественно заявил в присутствии многих, что его особенно радует, что Стругацкие, наконец, прочно входят в советское кино. При этом многие искательно улыбнулись.

2. По поводу конфликта с МолГв. Нина Беркова, с которой я встречался на днях, тоже требует погодить. Причем – аж до 1 мая. Привела какие-то соображения, кои я не совсем уразумел. Ладно. Будем ждать до первого. Кстати, она считает, что лично никуда ходить не надо. Только через письма.

3. Нина же предложила для нашего детгизовского сборника не ПиП, а ДоУ. Это было очень неожиданно для меня, но я пришел в энтузиазм. Получается превышение объема, но это можно уладить. Нина сама взялась за это дело. Для начала затребовала у меня рукопись, каковую я ей уже отнес. Она прочтет и займется.

4. Дела театральные на мази. Отдел культуры облисполкома ознакомился с заявкой и в течение последующих трех минут дал полное одобрение, а позавчера выдал уже и представление в Мин. культуры РСФСР на предмет заключения договора. На неделе иду туда представляться и, видимо, подписывать договор. На всякий случай высылай мне все данные на Зенчука, включая адрес его сберкнижки.

Не задерживай, хотя срочности специальной, кажется, нет. Рукопись пьесы держи наготове. Видимо, нам будет положено дать ее в театр в течение мая.

5. Дела денежные. Тебе сейчас должны быть деньги только за 10 % по сценарию, 290 с мелочью, зачисленные где-то в самом конце марта или (для тебя) в начале апреля, и из них ты мне отдашь 95 ряб. – твою долю на Тарковского. Больше тебе не положено пока ничего. Там произошла путаница: в январе нам зачислили по 345 с копейками, так это и есть за ПнО и ТББ из ГДР. А то, что мне не доплатили – это из Эстонии за ДоУ! Днями позвонила девица, извинялась, что задержала мне эту выплату, сказала, что тебе выслала давно и взяла у меня данные по сберкассе. Впрочем, пока я допытывался насчет всего этого, мне сообщили, что из ГДР пришла очередная сумма и что скоро нам ее перечислят. За что – пока не знают: только видели список, в котором значатся наши фамилии и сумма, а конкретные документы еще не пришли из ГДР. Это, как я понимаю, тоже ряб по 300.

6. О перспективах. Полагаю, мне пока надобно быть здесь, а вот сразу после праздников я бы приехал и мы бы поработали над сказкой для Лендетгиза. Напиши соображения.

Пока всё. Обнимаю, желаю всю эту информацию переварить благополучно. Привет твоим. Арк.

О встрече с Ермашом упоминает и Тарковский.

Из: Тарковский А. Мартиролог

<…>

19 апреля 1976

Два дня тому назад был у Ермаша. «Сталкер» одобрен (три мелких замечания). Заявка на «Идиота» тоже принята.

<…>

Письмо Бориса брату, 22 апреля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Спасибо за поздравления.

Очень рад, что дела в кино оборачиваются благополучно. Но что за кретины! Стоило заставлять нас вычеркивать из сценария «сталкеров», заменяя их на идиотских «браконьеров», чтобы потом назвать картину «Сталкер»!

ДоУ вместо ПиП в Детгизовский сборник – это было бы превосходно! Правда, придется вычеркивать кое-какие смачные места, но – все равно. Эх, если бы это прошло!

Инсценировка для театра по ТББ уже лежит у меня в столе наготове. Как только ты ее затребуешь, вышлю незамедлительно. Данные на Зинчука (ЗИнчук, ЗИнчук, ЗИнчук, мать твою за ногу, а не ЗЕнчук!):

ЗИНЧУК Андрей Михайлович, Ленинград <…>. Паспортных данных у меня, разумеется, нет. Нужны? А сберкнижки нет у Зинчука – молод еще.

Разумеется, ждем тебя в начале мая. Не забывай – маме 75! Тогда же и поработаем. Наверное, надо писать именно сказку, хотя Детгизовская редакторша, очень просившая у меня что-нибудь для будущего сборника, приняла сообщение о сказке довольно кисло. Впрочем, может быть, мне это только показалось.

Теперь о деньгах. Я НЕ получал ни в январе, ни позже суммы 345 р. с копейками (за ПнО и ТББ) из ГДР. В этом году я из ВААПа вообще еще ничего ни разу не получал в соврублях. Выясни, пожалуйста, ситуацию поточнее и сразу же отпиши, какие мне предпринимать действия. (На всякий случай, последние деньги, полученные мною из ВААПа: ноябрь 1975, 598, М в ПНР и ГДР; декабрь 1975, 116 р., что-то из ВНР; декабрь 1975, 350 р., ДоУ на эстонском; ВСЁ!)

У меня никаких новостей нет. Занимаюсь, главным образом, математикой, а также рукописями своих семинаристов.

Жму руку, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке и Машке.

В тот же день отсылается письмо от АБС в МГ.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Тов. Медведев!

По поводу редакционных замечаний, изложенных в Вашем письме от 12.04.1976, мы имеем сообщить следующее.

1. Заявление Редакции о том, что «Кирилл Панов никак не походит на представителя СССР за рубежом» и что «он целиком на поводу у… Шухарта», является абсолютно бездоказательным и явно надуманным. Единственный аргумент, приводимый редакцией по этому поводу (что Панов, якобы, «платит последние крупные (?) деньги за «хабар»… и тем самым нарушает закон), является попросту нелепой выдумкой: Панов в повести нигде и ни за что не платит Шухарту и никаких законов не нарушает. (Единственные деньги, врученные Пановым Шухарту, являются, как это совершенно ясно из текста, премией, полагающейся любому лаборанту Института, за удачный выход в Зону.)

2. По поводу «покойников» мы уже дважды (см. наши письма от 21.07.75 и 17.11.75) объясняли Редакции, что этот необходимый элемент повести играет важную роль в развитии сюжета и прорисовке образа главного героя. Заявление же Редакции о том, что эти «покойники» «наводят на мистические ассоциации», абсолютно немотивировано и мотивировано быть не может, ибо в повести ясно сказано, что «покойники» есть не что иное, как муляжи людей, искусственные киберсистемы, созданные Зоной и не представляющие собою ничего сверхъестественного.

3. Относительно концовки повести. Подробные объяснения по этому поводу были сделаны нами в предыдущих письмах, и Редакция совершенно напрасно тщится выдать слова героя повести за мнение авторов. Любому школьнику ясно, кто и почему произносит эти слова: «Счастье для всех, даром…» – их произносит Шухарт, человек, лишенный

правильной идеологии, человек, которому в мире частного предпринимательства не дали научиться думать.

Из вышеизложенного совершенно ясно, что Ваше письмо от 12.04.1976 есть просто еще одна попытка Редакции затормозить издание нашего сборника «Неназначенные встречи» по соображениям, не имеющим никакого отношения к литературе. Все Ваши замечания по-прежнему абсолютно не аргументированы и только лишний раз доказывают очевидное: при всем желании невозможно придраться к повести, если она вполне доброкачественна в идейно-художественном отношении.

Мы вновь предлагаем Редакции прекратить эти бессмысленные придирки и выполнить, наконец, свои договорные обязательства.

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

28-м апреля, через шесть дней – редкая быстрота для издательства – датирован ответ из «Молодой гвардии».

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Главная редакция внимательно ознакомилась с материалами, имеющимися в редакции фантастики по поводу повести «Пикник на обочине».

Как Вы помните, замечания по повести были высказаны Вам еще в 1973 году бывшим зав. редакцией т. Жемайтисом. Именно тогда возникли сомнения и по поводу «оживших покойников», и пессимистического конца.

Как сообщалось в Вашем письме от 23 мая 1973 г., Вы произвели чистку эпизодов, где появляются «живые покойники», а в третьей главе сочли даже необходимым разъяснить, что «покойники» собственно и не покойники вовсе, а муляжи людей, синтезированные в соответствии с той непостижимой программой, по которой живет и функционирует «Зона».

Однако проделанная Вами работа, к сожалению, мало что изменила в повести по существу. Поэтому издательство сочло возможным в мае 1975 года выплатить Вам одобрение только по двум повестям – «Малыш» и «Трудно быть богом». Судя по Вашему письму от 5 июня 1975 года, Вы это приняли как само собой разумеющееся и просили лишь «ускорить подготовку и отправку… редакционных замечаний».

В письме от 1 июля 1975 г. зав. редакцией Ю. Медведев и редактор Д. Зиберов вынуждены были повторить замечания, высказанные еще в 1973 году. В письме более четко была объяснена позиция редакции в отношении конца повести.

Конкретно было сказано по поводу положительного героя повести некого «русского Кирилла Панова».

Исходя из вышеизложенного главная редакция не может согласиться с Вами, что Вы не имели мотивированных замечаний. Редакция высказывала Вам их (устно и письменно), на протяжении трех лет. Другое дело, что для Вас они оказались, к сожалению, не убедительными.

После ознакомления с правкой, которую Вы внесли, и с Вашими контрдоводами, высказанными в письме от 21 июля 1975 г., редакция пришла к убеждению – и с ней нельзя не согласиться – что в настоящем виде «Пикник на обочине» включать в сборник нецелесообразно. Кстати, такой вариант решения был предложен Вами еще в 1973 году, когда Вы писали относительно пессимистического конца повести: «Он может быть только таким какой он есть. Повесть, как нам кажется, следует либо не принимать совсем, либо принимать только с этим неизбежным финалом».

В настоящий момент, только от Вас зависит ускорение подготовки сборника к изданию (в составе двух повестей или с добавлением третьей).

Зам. главного редактора [подпись] И. Ф. Авраменко

Май оказался насыщенным для Авторов и на события, и на идеи.

В майском номере «Звезды» публикуется статья А. Зырина «Каков он, рабочий человек?», которая посвящена современной

среднеазиатской прозе. Наряду с другими произведениями в статье рассматривается киноповесть Фатеха Ниязи и АНС «Семейные дела Гаюровых», которая, по мнению автора, «своею проблематикой, выписанностью характеров, точностью и разумной экономностью изобразительных средств заметно выделяется среди произведений на рабочую тему».

6 мая БН записывает в рабочий дневник мысли по поводу будущего ЖВМ.

Рабочий дневник АБС

6.05.76

Если не скрывать происхождение ребят:

1. Они захотят контактировать. Как это пресечь?

2. Часть из них наверняка захочет заниматься тайной своего происхождения – саркофаг, детонаторы и пр. Как это пресечь?

3. Отношение к контролю со стороны землян с возрастом (особенно, при отсутствии проявлений «Странничества») будет все больше воздействовать на психику. Не изуродуем ли мы жизнь абсолютно неповинных и безвредных людей?

4. С возрастом они сами могут дойти до идеи собственной опасности для земли. Вот это будет травма!

5. «Я не хочу, – сказал Странник, – чтобы, когда и если программа заработает, у детей в распоряжении, кроме этой подсознательной программы, были еще и сознательные данные. Пусть лучше они мечутся в поисках друг друга, не зная, что они ищут, и совершая нелепые и странные поступки».

На горе стоит кибитка –
Занавески новеньки.
Там живет интеллигент –
Его дела …уевеньки.

«Абстрактный мир частушек – как картины С. Дали»[1].

[1] Позднее включено в ПП.

8 мая публикуется знаковая статья в газете «Правда» – центральном печатном органе ЦК ЦПСС. В статье речь идет о современной советской научной фантастике. Говорится в ней и о ПНО. Позже АБС будут неоднократно в своих письмах в «Молодую гвардию» и высшие инстанции приводить эту статью как пример положительной оценки ПНО, ибо если даже в обычных газетах такого рода статьи «пробовались на зуб» идеологическими работниками прессы, то уж в «Правде» любой публикации предшествовала двойная и тройная проверка.

Из: Смелков Ю. Мир фантастики

<…>

В творчестве А. и Б. Стругацких человек рассматривается преимущественно с точки зрения его социальной функции. В последних произведениях, повестях «Пикник на обочине» и «Парень из преисподней» Стругацкие создают тип своего рода современного «маленького человека», по-своему порядочного и не лишенного хороших качеств, но социально безграмотного, покорно и без рассуждений принимающего общественный строй, основанный на насилии и несправедливости. В фантастической ситуации «Пикника на обочине» такой человек получает возможность переделать мир по своему желанию и с ужасом осознает, что он в сущности не знает, чего именно хочет, хотя хочет, конечно же, добра. Ему отпущены считанные минуты, чтобы придумать и высказать желание – любое – и оно будет исполнено, и именно в эти минуты он убеждается, что не умеет думать, никогда даже не пытался этому научиться. Героям Стругацких слишком многое нужно преодолеть в себе, чтобы сделать даже первый, небольшой шаг к гуманистической нравственности, но они все-таки делают этот шаг. В «Парне из преисподней» солдат с далекой планеты, раздираемой бессмысленными войнами, профессиональный убийца, попадает на добрую и прекрасную Землю будущего – и ничего не может понять. Но, возвратившись на свою планету, он подставляет плечо, чтобы вытащить из грязи машину, везущую вакцину в зачумленный город, – только и всего, но впервые «парень из

преисподней» сделал хоть что-то, чтобы не убить, а спасти незнакомых ему людей.

Ставя своих героев лицом к лицу с грядущими научными открытиями и техническими чудесами, фантасты устраивают им своего рода проверку на человечность, испытывают их способность обратить достижения НТР во благо человечеству.

<…>

В этот же день АН пишет письмо от имени Авторов главному редактору «Молодой гвардии», которое отправляет 11-го (после телефонного разговора с братом).

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Статья в центральной «Правде» от 8.05.1976 окончательно утвердила нас в мнении о некомпетентности и недоброжелательности т. Медведева относительно нашего сборника «Неназначенные встречи».

В связи с этим мы убедительно просим Вас, тов. Синельников, взять на себя труд лично пронаблюдать за прохождением нашего сборника через производство вплоть до выхода его из типографии.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

В мае Андрей Тарковский колеблется – не уйти ли ему из большого кинематографа.

Из: Тарковский А. Мартиролог

10 мая 1976

<…>

Бросить кино ради 8 мм (жить сценариями).

Когда меня «разрешат».

Мне скучно будет снимать «Сталкера», хотя я знаю как.

Мне скучно будет снимать «Идиота».

Я хочу истины собственной.

Мне скучно будет снимать «Гофмана», хотя я его написал, – т. к. я хочу истины.

Предмет, изображенный в произведении, не может быть символом истины. «Истиной» может быть метод, способ, «как».

Пора бросать кино. Я созрел. Начать с книги о детстве (войдет сценарий «Белый день»).

<…>

12 мая БН продолжает раскрывать секреты писательской кухни Борису Штерну.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Коротко: рассказы о Поляне – прекрасно задумано и может интересно получиться, но Вы по-прежнему не видите конца и не знаете, куда и к чему вести события. Поймите, Боря: автор должен точно знать, о чем он пишет. Если он это знает, тогда можно составить представление о том, чем все должно кончиться (ибо конец – делу венец). А если известен конец, известно все (и в частности, сразу появляется критерий «важно – неважно»). Вы же пишете, как детишки рассказывают, захлебываясь, о событиях в детском садике – все важно, все интересно, и все никуда и ни к чему не ведет – поток жизни.

<…>

Письмо Аркадия брату, 15 мая 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Пока всё смутно и неопределенно. Между прочим, Смелков допустил в статье ошибочку: приписал Детгизу книгу Тупицына, которая там никогда не издавалась[1]. Ну, я думаю, это большого значения иметь не будет.

[1] Строго говоря, упоминание Юлием Смелковым в этой статье романа Юрия Тупицына не относится исключительно к книгам, выпущенным «Детской литературой». Оно связано с критикой вторичных научно-фантастических произведений. Ко времени публикации статьи роман Тупицына «Далийский вариант» вышел только в журнальном издании: Урал (Свердловск). – 1975. – № 8–10.

2. Письмо Синельникову я послал на следующий же день – 11-го. Процитировал его Беле и ее мужу, а также Мише К., и они отозвались с похвалой. Ковальчук настаивает, чтобы мы послали еще одно письмо – опять Паршину, с изложением того положения, что Медведева предупреждали, писали ему, а он не внимал и вообще <…>. Я думаю, что письмо Паршину пошлю, но только относительно нас самих. А валить Медведева будем ужо после.

3. С Тарковским не виделся, возможно, увижусь сегодня или завтра. Насколько я могу судить, письмо из Госкома еще не поступило, так что расчет с нами пока откладывается.

4. Вчера была коллегия Министерства культуры, где нашу заявку на ТББ приняли на ура и сразу перечислили театру деньги. Договор будет в среду, там же и деньги где-то рядом.

5. Пьеса Зинчука А. М. – абсолютное дерьмо. Прочитал ее сам, ужаснулся, глазам не поверил. Дал почитать старому театроработнику Боре Завьялову. Тот прочитал, потом молчит, не смотрит в глаза. Короче говоря, извинись перед Зинчуком, скажи ему, что ничего у него не получилось. Пьесу напишу я сам, от себя и тебя, от двоих, без соплей. Из Зинчуковской возьму разве что только одну тираду глашатая (если).

6. Чеховская едет к тебе работать над рукописью зМЛдКС. Поправок, как я понимаю, четыре: лифчик, полковник, следователь угрозыска, еще какое-то г…[1]. Валяй, соглашайся, исправляй, я уж в эти дела мешаться не буду, у самого дел по горло.

7. Выступил я на круглом столе в Воплях по-моему очень удачно. Когда зашел разговор о массовом человеке сытом, невоспитанном, все дико заржали и стали выставлять мне большие пальцы. Очень ржали Волькенштейн с Лифшицем, а также Марк Галлай, и очень хихикала прелестная наша И. Грекова.

8. Сейчас жду Марика Ткачёва, буду искать выход на Константина Симонова. А в СовПис надо идти не куда-нибудь,

[1] Сбоку на полях письма приписка: «Вспомнил. Четвертая поправка – заменить шибко иностранное слово “гомеостазис” на русское понятное “равновесие”. А?»

а прямо к Лесючевскому с экзом дарственной книги. Все точно известно. А если перед этим еще звонок от Кости… М-м-м-м-м!

Всё. Обнимаю и жму, твой Арк. Привет жене и детям.

Выступление АНа на круглом столе «Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР» было опубликовано дважды: в октябрьском номере журнала «Вопросы философии» и в ноябрьском – «Вопросы литературы».

АНС. Новые человеческие типы

Как литератор-практик, я более всего интересуюсь следующим аспектом НТР: привнесла ли она в наш пестрый и сложный мир какие-либо новые объекты отражения? Позволю себе обратить ваше внимание на некое весьма существенное следствие этого небывалого в истории человечества процесса – на появление новых типов массового человека.

Прежде всего это массовый научный работник. Напоминаю, что только в нашей стране численность работников, непосредственно занятых научной деятельностью, перевалила за миллион человек. Я помню те времена (термина НТР еще не существовало), когда многие с надеждой взирали на растущее племя «научников», племя умных, умелых, целеустремленных людей. Но, как часто бывает, увеличение количества привело к снижению качества. И ныне в миллионном научном работнике обнаружились все те же недостатки, которые по-человечески свойственны всем другим общественным прослойкам. В их среде, помимо передовых, беззаветно преданных делу первооткрывателей, оказались и лентяи, и халтурщики, и бюрократы, и в этом смысле литератор, который ставит перед собой такую частную цель, как отображение наиболее типических характеров и наиболее типических конфликтов именно в этой среде, ничего принципиально нового не откроет. Другое дело, конечно, что массовый научный работник, как и всякий иной массовый работник, развивается и прогрессирует вместе с обществом, но именно – как

и всякий иной. Нам представляется, что отпечаток, накладываемый на его личность спецификой условий научной работы, прекрасно соизмерим с формирующим влиянием, скажем, обстановки крупного промышленного предприятия на личность квалифицированного рабочего. Итак, появление массового «научника» – фактор большого социального значения, однако для наших целей этот фактор, по-видимому, значит не очень много.

Если представить массового научного работника как некий горизонтальный пласт общества, то ниже речь пойдет о пласте (или срезе, если угодно) по вертикали. Эпоха НТР породила новый тип массового человека, уже не связанного принадлежностью к определенным профессиональным или социальным группировкам, а объединенного признаками совсем иного рода. Я имею в виду Массового Сытого Невоспитанного Человека – болезнь, которой страдают многие капиталистические страны и к микробам которой мы тоже не должны быть беспечны.

Да, на огромных территориях нашей планеты населению едва хватает материальных благ, чтобы не умереть с голода или прикрыть наготу – в результате вековой ли отсталости или авантюристической политики неумных правителей. Но в наиболее развитых буржуазных странах определенные слои населения достигли невиданного ранее уровня материального благосостояния, который вызвал к жизни Массового Сытого Невоспитанного Человека, явления столь же небывалого и, я бы сказал, неожиданного в истории, как и сама НТР. Явление это не только небывалое, но еще и чревато многими опасностями.

Сравнительно недавно маститые моралисты были убеждены, что как только массовый человек будет полностью удовлетворен материально, он неизбежно и автоматически начнет отдавать все силы беспредельному духовному развитию. Но оказалось, что это не так. В схеме «работа – материальное насыщение – духовный рост» был упущен (или

игнорирован) чрезвычайно существенный момент. Дело в том, что пределы материального насыщения есть функция не только и не столько физиологии, сколько психологии. Аппетит к материальным благам человек получает при рождении. Аппетит к благам духовным возникает только при правильном воспитании. Скачок в уровне материального обеспечения, вызванный НТР, не был подкреплен колоссальной и кропотливой воспитательской работой и застал население многих развитых стран врасплох. Так появился Массовый Сытый Невоспитанный Человек.

Для писателя этот человеческий тип представляет огромный интерес. Его появление вызвало к жизни все прелести «черного лица досуга», вплоть до фактов совершенно уже зоологического разложения. Вероятно, его можно даже поставить в один ряд со всеми прочими апокалиптическими угрозами, нависшими сейчас над человечеством: ядерная война, нарушение экологического баланса и т. д. Главное, однако, мне кажется, не в этом. Главное – в возникновении массовой психологии потребления ради потребления, массовой психологии потребления как цели существования. (Интересно сравнить этот психологический тип с психологическим типом, характерным для мещанина, но здесь, как говорится, не время и не место.) И все эксцессии, связанные с хиппизмом, сексуальными аномалиями, увеличением числа немотивированных преступлений, бледнеют, на мой взгляд, в сравнении с потребительством как духовной инфекцией, расползающейся сейчас по земному шару.

Вот этот новый и неожиданный результат НТР должен непременно оказаться в поле зрения современного литератора. В том числе и в нашей стране, где решения XXV съезда КПСС вооружают всех нас на борьбу с вирусом потребительства, этим упорным противником всего, что нам дорого, врагом того будущего, для которого мы работаем. Бороться с этим врагом надо всеми средствами, и не последними из этих средств являются литература и искусство.

18 мая АН встречается в «Молодой гвардии» с Авраменко и на следующий день снова пишет главному редактору издательства.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Несколько дней назад тов. Авраменко пригласила меня к себе на беседу. Беседа состоялась 18 мая, имела место с глазу на глаз и продолжалась 19 минут. Самым существенным элементом этой беседы было то, что тов. Авраменко ясно и недвусмысленно объявила мне: в нарушение договорных обязательств Издательство отказывается издавать наш сборник «Неназначенные встречи» в составе, обусловленном договором («Малыш», «Пикник на обочине» и повесть о контактах коммунистического человечества с внеземными цивилизациями) и согласно издать этот сборник лишь в том случае, если повесть «Пикник на обочине» будет заменена каким-либо другим произведением. (Позволю себе напомнить: это требование замены – уже второе; первое, столь же бессмысленное, – заменить повесть «Отель “У погибшего альпиниста”» на повесть «Трудно быть богом» – мы вынуждены были выполнить еще в 1974 году ради того, чтобы тов. Медведев заключил с нами договор.)

Мы отказываемся выполнять этот очередной причудливый каприз тов. Авраменко и тов. Медведева и будем продолжать бороться за издание сборника в его нынешнем виде (договорном). В связи с этим мы убедительно просим Вас, тов. Синельников: ЛИЧНО, за Вашей ЛИЧНОЙ подписью сообщить нам, действительно ли Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» сознательно и официально идет на нарушение своих договорных обязательств или требование тов. Авраменко заменить (или попросту исключить из сборника) повесть «Пикник на обочине» является просто очередным актом внутрииздательского волюнтаризма.

С уважением,

А. Стругацкий

В этот же день АН пишет и руководству комсомола – в отдел пропаганды и агитации, курирующий издательство.

Из архива. Письмо от АНа в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый тов. Паршин!

Считаю своим долгом проинформировать Вас, что вчера, 18 мая с. г., я имел беседу с зам. главного редактора Издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» тов. Авраменко, в ходе которой тов. Авраменко ясно и недвусмысленно объявила мне, что в нарушение договорных обязательств и Ваших указаний Издательство категорически отказывается издавать наш сборник «Неназначенные встречи» в составе, обусловленном договором и соглашением с редакцией (повести «Малыш», «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом»), потребовав замены или изъятия из сборника повести «Пикник на обочине».

Насколько мы понимаем, эта позиция тов. Авраменко (и, несомненно, зав. редакцией фантастики и приключений тов. Медведева) находится в разительном противоречии как с указаниями агитпропа ЦК ВЛКСМ, так и с известной статьей в ЦО («Правда» от 8 мая с. г.). Мы сердечно благодарим Вас, тов. Паршин, за внимание и заботу, за Вашу попытку помочь нам с изданием нашего сборника, и мы никогда не забудем, что агитпроп ЦК ВЛКСМ в трудную для нас минуту встал на нашу сторону против внутрииздательского волюнтаризма. Но Вашей помощи, видимо, оказалось недостаточно. С Вашего разрешения, мы вынуждены теперь обратиться в инстанции ЦК КПСС.

С уважением и благодарностью,

Ваш А. Стругацкий

Письмо Бориса брату, 23 мая 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Не ответил тебе сразу, потому что ждал Таньку. Она приехала, и мы просидели с нею полдня над рукописью. Сократили

страницы для первых двух номеров (на большее у меня просто духу не хватило), выбросили слово «гомеостазис» (которому они придают некое социально-мистическое значение), заменили его на Сохранение Структуры (или что-то вроде) и добрались почти до конца, где у нас застопорило. После долгих рассуждений договорились, что надо в последней речи Вечеровского сделать вставку, где подчеркивался бы тезис о том, что все неприятности проистекают из-за необычного «антропоморфного», «псевдоантропогенного» проявления Закона Сохранения Структуры. Танька уехала, а я засел за эту вставку. Сижу уже второй день. Сделать надо лаконично, но ясно. Трудно. Хотел сегодня кончить – не выходит. Буду возиться и дальше, а потом отошлю вставку Таньке, а копию тебе, на просмотр и утверждение.

С Зинчуком я поговорил, изложил ему ситуацию. Парень страшно огорчился (его все, в том числе и Александр Володин, убедили, что пьеса – блеск!), но тут уж ничего не поделаешь. Но учти ради бога: либо мы Зинчука из соавторов исключаем – и тогда в пьесе не должно остаться НИЧЕГО зинчуковского, ни слова, ни реплики; либо мы что-то от его инсценировки оставляем, и тогда надо оставлять и фамилию в договоре. Это дело деликатное, отнесись к нему самым серьезным образом.

Судя по Танькиным рассказам, сейчас имеет место некое послабление. Надо пользоваться случаем и заключать договора. Ради бога, не оттягивай походов в редакции, о коих мы договаривались. Жми на все рычаги. Трезво глядя на вещи, приходится допускать, что МолГв, несмотря ни на что, ПнО все-таки зарубит. Поэтому смело вставляй ПнО в потенциальные сборники.

С МолГв будем сражаться до конца. Натравим на них всех, кого только можно придумать. Хрен с ним, со сборником – тут уж дело пошло на принцип! Никаких уступок до самого-самого конца, когда натравливать уже станет некого.

Получил из ВААПа какие-то 33.0 сертификатами. Интересно бы понять – за что?

Устал как собака. Эта проклятая конференция молодых меня совершенно сжевала и выплюнула. Три дня подряд скучнейших чтений вслух и еще более скучных словопрений! А я при сем – председателем. Правда, познакомился с Иланом Полоцком. До чего же милый парень! Чем-то на Шурку Мирера похож.

Вот, пожалуй, и все дела.

Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Машеньке – привет!

Обещанную Татьяне Чеховской вставку БН высылает спустя два дня.

Письмо Бориса брату, 25 мая 1976, Л. – М.

В последней главе после слов:

«…Вот единственно возможный подход. Этим я и собираюсь заняться.

– Не понимаю, – сказал я».

должно следовать:

– Мы привыкли, что Мироздание предельно неантропоморфно. Что нет ничего менее похожего на человека, чем Мироздание. И мы не привыкли, чтобы законы природы проявлялись таким странным образом. Природа умеет бить током, сжигать огнем, заваливать камнями, морить чумой. Мироздание проявляет себя полями и силами, полями сил. Мы не привыкли видеть среди орудий природы рыжих карликов и одурманенных красавиц. Когда появляются рыжие карлики, нам сразу начинает казаться, что действуют уже не силы природы, а некий Разум, социум, цивилизация. И мы уже готовы усомниться в том, что бог природы коварен, но не злонамерен[1]. И нам уже кажется, что скрытые тайны природы – это сокровища в сейфах банка, оборудованного по последнему слову ворозащитной техники, а не глубоко зарытые тихие клады, как мы думали всегда. И все это только потому, что мы никогда прежде не слыхива-

[1] Изречение А. Эйнштейна: «Raffiniert ist der Herrgot, aber boshaft ist er nicht» *(нем.)*.

ли о полях, имеющих своим квантом рыжего карлика в похоронном костюме. А такие поля, оказывается, существуют. Это придется принять и понять. Мы все искали «достаточно безумную теорию»[1]. Мы ее получили… – Он вздохнул и посмотрел на меня. – То, что происходит с нами, похоже на трагедию. Но это ведь не только трагедия, это – открытие. Это – возможность взглянуть на Мироздание с совершенно новой точки зрения. Постарайся, пожалуйста, понять это.

Дорогой Аркаша!

Таньке я посылаю первый экземпляр. Ты просмотри и, если будут поправки, позвони ей.

Только что была Наташка, передала мне марочки. Большое спасибо.

Новостей никаких нет. Жду их от тебя.

Целую, твой [подпись]

31 мая Авторам пишут ответ из ЦК ВЛКСМ.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Еще раз подтверждаем, что издательству ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» поручено принять необходимые меры для выпуска сборника «Неназначенные встречи». На наш взгляд, возможность публикации в этом сборнике повести «Пикник на обочине» не исключается при том условии, что она будет доработана с учетом имеющихся замечаний. В случае, если приемлемого варианта добиться не удастся, повесть «Пикник на обочине» может быть заменена другим произведением, чтобы Ваши материальные интересы не были ущемлены.

Желаем Вам всего хорошего.

Зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ [подпись] В. Горчаков

[1] Аллюзия на фразу, приписываемую Н. Бору: «Ваша теория, конечно, безумна. Весь вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы оказаться верной».

А на следующий день отвечает Синельников.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тт. Стругацкие!

Отвечаю на Ваши письма от 8 и 19 мая с. г., полученные мною 17 и 24 мая, предварительно прочитав представленную Вами рукопись: повести «Малыш», «Пикник на обочине», «Трудно быть богом», ознакомившись с рецензиями, перепиской и проверив условия заключенного с Вами договора (№245 от 17 октября 1974 года) на издание сборника «Неназначенные встречи».

Сначала о повести «Пикник на обочине». По мнению главной редакции издательства, замечания рецензентов и редакции фантастики о недостатках повести (засоренность языка вульгаризмами, противоречивость отдельных ситуаций, наличие и затянутость многих эпизодов, не несущих какой-либо смысловой и художественной нагрузки), в основном, справедливы и заслуживают внимания. Устранение этих недостатков, безусловно, послужит усилению тематической направленности повести, повышению ее идейно-художественного уровня и улучшению качества всей будущей книги.

В своем письме от 19 мая с. г. Вы пишете: «будем продолжать бороться за издание сборника в его нынешнем виде (договорном)» и просите сообщить: «действительно ли издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» сознательно и официально идет на нарушение своих договорных обязательств». С искренним недоумением должен отметить, что такая постановка вопроса неправильно освещает ту часть договора, в которой обусловлен состав сборника. Согласно договору (см. п. 2) Вы должны были представить рукопись в составе: «3 научно-фантастические повести: «Малыш», «Пикник на обочине», и повесть о проблемах контакта с внеземными цивилизациями в коммунистическом будущем». Согласно того же договора (см. п. 1 и п. 5), все эти повести должны быть новыми, т. е. первыми книжными изданиями.

Однако взамен третьей повести, обусловленной в договоре, от Вас принята ранее издававшаяся повесть «Трудно быть богом». Вы, конечно же, понимаете, что это – отклонение от условий договора со стороны авторов. Но учитывая, что подобные случаи в творческой работе не исключены, руководство издательства поддержало ходатайство редакции о принятии этой замены.

В сложившейся ситуации издательство готово принять любой из следующих вариантов решения:

1. Продолжить доработку повести «Пикник на обочине» и по завершении доработки издать сборник «Неназначенные встречи» в составе повестей «Малыш», «Пикник на обочине», «Трудно быть богом».

2. В случае отказа авторов от доработки по замечаниям издательства повести «Пикник на обочине», рассмотреть вопрос о замене этой повести другим произведением.

3. Издать сборник «Неназначенные встречи» в составе двух повестей «Малыш» и «Трудно быть богом», одобренных издательством 29 апреля 1975 года.

Просим, по возможности, в короткий срок сообщить, какое из указанных предложений издательства приемлемо для Вас.

С уважением

Главный редактор издательства В. М. Синельников

Но АН еще не получил этих писем и сообщает брату о других новостях.

Письмо Аркадия брату, 1 июня 1976[1], М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Договор в театре заключен, получен аванс: я и на тебя получил, каждому вышло по 347 р. 90 к. Привезу. Вчера Ленка привезла с машинки пьесу, где-то на днях буду читать ее Соколову и Левину, а может, и актерам. Разумеется, из Зинчука там никто не ночевал, если не считать тех мест из ТББ Стругацких, которые у Зинчука используются.

[1] Датировка составителей.

2. Тронулось дело в мультстудии ЦТ. На днях заключается договор – вернее, три договора на три двухчастевки каждый, составляющие три серии, а точнее – главы полнометражного телемультфильма «Приключения в космосе». Это будет по «Погоне в космосе», никаких мюзиклов, «побольше Хичкока», никакой пародийности, тайны, погони, загадки и полная опасностей погоня за космическими негодяями. Почему три договора – я не совсем понял, но это выгодно а) режиссеру, б) студии и в) нам (в матотношении).

3. Идут переговоры с Бромбергом, режиссером, который хочет ставить по «Злоумышленникам». Это пока довольно дальняя перспектива, но не дальше месяца-двух.

4. По МолГв – пока ничего. Встречался со Смелковым <…>. Смелков советует жать теперь прямо на самые верха в Большом ЦК. Посмотрим, посоветуемся.

5. 33 р. сертиками ты получил из ФРГ за ВНМ и ПНвС.

6. Получились экзы ТББ из Швеции. Ужо привезу.

7. С издательствами пока только подготовка и прощупывание. Вгонит меня все это в гроб, вот что я тебе скажу. От всех их мя тошнит, от своих, чужих, друзей и врагов.

8. Приеду на несколько дней числа девятого-десятого.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Поцелуй маму, привет Адке и Андрею.

ПС. Письмо твое со вставкой в зМЛдКС тоже получил. Сойдет.

БН, получив письмо Синельникова (письмо отправлялось в два адреса – обоим братьям), предлагает АНу свой вариант ответа.

Письмо Бориса брату, 4 июня 1976, Л. – М.

Уважаемый тов. Синельников!

Ваше письмо от 1.06.1976 мы получили.

Из предложенных Издательством вариантов мы безусловно выбираем первый, а именно: издание сборника «Неназна-

ченные встречи» в его нынешнем (договорном) виде – «Малыш», «Пикник на обочине», «Трудно быть богом».

Что касается доработки повести «Пикник на обочине», то наша точка зрения по этому поводу излагалась нами неоднократно. Мы всегда готовы в соответствии с духом и буквой договора учитывать все аргументированные, обоснованные и объективные замечания. Мы уже учли достаточное количество таких замечаний. В целях ускорения затянувшегося не по нашей вине издания сборника, мы сочли возможным учесть даже и многие неаргументированные, необоснованные, субъективные и зачастую нелепые требования т. Медведева, если эти изменения не затрагивали сколько-нибудь существенно идейно-художественной ткани нашей повести. Однако всему есть предел. Мы вовсе не намерены в угоду личным вкусам т. Медведева искажать и уродовать свою повесть, которую считаем идейно и тематически весьма важной и способной сыграть свою положительную роль в идеологической борьбе. Статья Ю. Смелкова в центральной Правде от 8.05.1976 (а также его же статья в «Юности», № 7, 1974) лишний раз подтверждает нашу правоту в этом вопросе. Ведь получается так, что наша повесть заслужила положительную оценку Центрального Органа именно в той части, на изменении которой с поразительным упорством настаивал (и, видимо, продолжает настаивать) т. Медведев! Не есть ли это лишнее – и весьма авторитетное! – доказательство субъективности и необоснованности требований т. Медведева? Не доказывает ли это, что редподготовка рукописи «Пикника» на самом деле уже давным-давно завершена, а то, чем занимается т. Медведев, это уже не борьба за качество издаваемого произведения, а пресловутая «борьба за честь мундира»?

Что касается Ваших претензий по поводу повести «Трудно быть богом», то мы их не понимаем и не принимаем. Мы никогда не настаивали на издании именно этой повести и никогда не навязывали ее Издательству. Когда т. Медведев попросил нас вынуть из сборника нашу (действительно новую)

повесть «Дело об убийстве», мы пошли ему навстречу (ибо он обещал в этом случае не предъявлять никаких претензий к «Пикнику») и предложили взамен ряд наших повестей на выбор. Издательству было угодно выбрать именно «Трудно быть богом» (вещь, заведомо не новую, издававшуюся дважды в Вашем Издательстве). В чем же теперь виноваты мы, авторы? Почему выбор Вашим Издательством именно данной повести, сделанный совершенно добровольно, Вы называете теперь «отклонением от условий договора со стороны авторов»? Видимо, это какое-то недоразумение.

В заключение мы пользуемся случаем снова просить Вас, т. Синельников, взять на себя труд лично проследить за прохождением нашего сборника, ибо, повторяем, т. Медведев продемонстрировал совершенно очевидную некомпетентность и необъективность в данном вопросе.

С уважением

Дорогой Аркаша!

Просмотри, посоветуйся, если надо, и отправляй с богом. Меня смущает неожиданный выпад против ТББ, я его не понимаю. Надеюсь, ответил я на него правильно.

Синельников, видимо, не хочет связываться с этим делом и намерен перевалить его обратно на Медведева, чтобы тот начал новый тур. Хорошо бы этому воспрепятствовать.

Выясни, пожалуйста, его имя-отчество и напиши в письме уважительно, по-сыновьему.

Договорчику в театре, натурально, рад. Но что-то ты ничего не пишешь о Тарковском. Видимо, дело заело (судя по ЛитГаз борьба Ермаша с Тарковским перешла в новую фазу).

Был в ВААПе (не по нашим делам) и видел там, что пришли какие-то 400 р. из ГДР. Надо ждать их в ближайшие недели на сберкнижку.

Роттенштейнер прислал ТББ на французском и СБТ, изданную в Зап. Берлине. За исключением выходных данных и текста на обложке это – почти точная копия ГДРского издания

«Атомволкан Голконда». (Между прочим, книжка, видимо, из антиквариата – читанная, перечитанная).

Я тут вовсю сдаю экзамены на аттестат зрелости. Очень нервное и вредное занятие[1].

Лендетгиз зарезервировал за нами 3 листа. Я не стал отказываться. А сборник пока еще не вышел. Ждут.

Ходить в издательства тоска, это я понимаю. Но будет очень грустно, если твой начальный энтузиазм выдохнется. В этом вопросе время – главное. Я все не теряю надежды, что в самое ближайшее время ты таки преодолеешь себя и сходишь в СовПис и ХудЛит. Не говоря уже о прочем.

У нас тут Ларионихе завалили на приеме в СП. Наше бюро затевает по этому поводу скандал в Секретариате. Интересно, что получится. Имя Жоры поминутно сверкает в воздухе, подобно Зевсовым молниям.

Вот пока и все. Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Привет Леночке и Машке.

Наталья была у нас один раз и у мамы – один. Все у нее было ОК.

Письмо Синельникова было направлено обоим Авторам одновременно. И вариант ответа, предложенный БНом, опоздал – АН написал немедленно по получении письма Синельникова.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Мы внимательно изучили Ваше письмо от 1 июня и вынуждены взять на себя смелость возразить Вам по двум основным пунктам.

1. По повести «Пикник на обочине». Претензии редакции к этой повести отчетливо делятся на две категории: претензии художественного толка (те самые, о которых Вы упоминаете в своем письме) и претензии идеологические (точнее, псевдо-идеологические). Что касается псевдо-идеологических

[1] В это время сын БНа Андрей сдавал школьные выпускные экзамены.

претензий, то они полностью дезавуированы статьей в «Правде» от 8 мая с. г. По нашему мнению то, что хорошо для центрального органа ЦК КПСС, должно быть хорошо и для т. т. Авраменко и Медведева.

Теперь о претензиях художественного плана. Просматривая нашу переписку с редакцией, Вы, по-видимому, не обратили внимания на одно весьма существенное обстоятельство (а возможно, соответствующие документы из этой переписки были в редакции либо утеряны, либо изъяты; но копии у нас сохранились). Дело в том, что «чистка» художественных огрехов повести проводилась нами по указаниям редакции уже дважды. Первый раз – в мае 1973 года, когда мы к обоюдному удовлетворению приняли 87 замечаний редакции. Второй раз – в июле 1975 года, после второго тура рецензий, организованных редакцией. На этот раз мы приняли еще 39 замечаний, хотя, честно говоря, считали эти замечания чисто вкусовыми и согласились на правку лишь потому, что стремились поскорее завершить подготовку сборника к сдаче в производство.

Итак, нами было учтено 126 (!) замечаний редакции, которые, если потребуется, мы готовы указать постранично. Мы полагаем, что для одной из наших лучших работ (а мы работаем в советской литературе уже почти двадцать лет) этого более чем достаточно.

2. По поводу включения в сборник повести «Трудно быть богом». Здесь налицо некоторое недоразумение. Дело в том, что первоначально в сборнике вместо этой повести стояла именно новая, для первого книжного издания повесть «Дело об убийстве» (опубликована в журнале «Юность» в 1970 году под названием «Отель “У погибшего альпиниста”» и переработанная для книжного издания в соответствии с требованиями редакции в 1973 году). Встав во главе редакции в 1974 году тов. Медведев потребовал изъятия этой повести из сборника и замены ее другим произведением, желательно – публиковавшимся в «Молодой Гвардии». Поверьте, тов. Синельников, нам очень хотелось увидеть «Дело об убийстве»

в книжном издании, но поскольку тов. Медведев откровенно обусловил этой заменой заключение с нами издательского договора, нам пришлось уступить. В качестве замены мы предложили «Трудно быть богом», тов. Медведев согласился и дал «честное слово офицера», что больше никаких претензий к сборнику предъявлять не будет. Так или иначе включение в сборник повести «Трудно быть богом» не является отклонением от условий договора со стороны авторов, как утверждаете Вы в своем письме. Мы готовы были бы в любую минуту вновь изъять из сборника «Трудно быть богом» и вновь включить в него «Дело об убийстве», но это повлекло бы за собой новую волну волокиты в редакции, и если руководство Издательства замену принимает, пусть уж все останется как есть. И уж во всяком случае мы категорически отказываемся от предложения тов. Авраменко заменить повесть «Пикник на обочине» повестью «Дело об убийстве».

Уважаемый тов. Синельников! Мы совершенно убеждены, что неприглядная история с «Пикником на обочине» давно уже не имеет ничего общего ни с интересами издательства, ни с интересами читателя. Мы совершенно убеждены, что «Пикник на обочине» не нуждается более ни в каких доработках (после 126 поправок, сокращений, лексических чисток, треть которых вообще не имела уже никакого смысла). Мы совершенно убеждены в идейно-художественной доброкачественности этой повести. И мы убедительно просим Вас отдать распоряжение о направлении сборника в производство как можно скорее в том виде, в котором он сейчас пребывает.

С уважением,
А. Стругацкий
Б. Стругацкий

В первой половине июня АН приезжает на неделю в Ленинград. АБС, к сожалению, не работают (поэтому и нет записей в рабочем дневнике), они лишь обсуждают создавшееся положение.

Письмо Аркадия брату, 19 июня 1976, М. – Л.

Дорогой Борис.

Конечно же, опять задержал первое письмо. Что поделаешь – все как-то неопределенно.

1. Приходил Тарковский, объяснил, что заканчивает режиссерский сценарий для начальства и что скоро нам с тобой потребуется ему помочь с деловым режиссерским. А по поводу гонорара он только возмущался нерасторопностью Госкомитета и обещался поторопить. С чем мы и расстались.

2. Сунулся я было в Детгиз, но как назло у нашего редактора опасно заболел муж, встреча наша (и предоставление ей для ознакомления ДоУ и ПиП) откладывается на неопределенное время. Впрочем, это-то дело как раз терпит – мы в плане 78 года.

3. Стало известно, что Казанцев и Колпаков написали чудовищно мракобесные доносы на «Правду» самому Зимянину. Суть – сионисты в фантастике заедают православных, с одной стороны, а с другой – интеллектуалы отлучают от издательств партийных. Бред, но отвратно.

4. Днями приезжают наши приятели из театра, начнем работать над пьесой.

5. Днями же решается вопрос о заключении договоров на мультяшку на ЦТ.

6. Из ВААПа просят согласия на издание ПиПа во французском изд-ве «Деноэль». Даю.

Все в отпусках, никого нет, говорить не с кем.

А пока – кончаю.

Обнимаю, жму, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Надеюсь, у него все хорошо.

Днем раньше, 18 июня Синельников направляет Авторам короткий ответ.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тт. Стругацкие!

На Ваше письмо от 4 июня 1976 г.

Что касается Вашей просьбы «отдать распоряжение о направлении сборника в производство как можно скорее в том виде, в котором он сейчас пребывает», то ответ на этот вопрос Главная редакция уже изложила в письме №Д-48 от 1 июня 1976 г.

В настоящее время редакции фантастики дано указание подготовить к сдаче в производство сборник «Неназначенные встречи» в составе повестей «Малыш» и «Трудно быть богом».

С уважением

Главный редактор издательства В. М. Синельников

А 22 июня Авторам пишет Медведев.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тт. Стругацкие!

По поручению Главной редакции издательства, редакция «Фантастики, приключений и путешествий» подготовила к сдаче в производство сборник «Неназначенные встречи» в составе двух повестей – «Малыш» и «Трудно быть богом», одобрение которых было Вами принято в прошлом году (Ваше письмо от 5 июня 1975 г.). Просим Вас подписать вышеупомянутую рукопись в набор и верстку.

Рукопись повести «Пикник на обочине» возвращаем Вам заказной бандеролью вместе с этим письмом в адрес Бориса Натановича в соответствии с обусловленным ранее порядком обмена корреспонденцией между Вами и редакцией.

Заведующий редакцией «Фантастики, приключений и путешествий» Ю. Медведев

Старший редактор Д. Зиберов

Письмо Бориса брату, 25 июня 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил было твое письмо от 19.06 и тут же хотел сесть отвечать, но нагрянула Ант. Ник.[1] и пришлось отложить.

Надеюсь, ты сейчас уже подуспокоился после тех поганых писем. Очень ты был нервный, что, впрочем, понятно. Кто-то чрезвычайно ловко и элегантно почти целиком уничтожил влияние статьи в «Правде»[2]. Интересно, кто? Кому выгодно? – так, кажется, спрашивали древние. Медведев, Колпаков… кто еще?

Как я заметил, в отчетном докладе[3] Маркова, вопреки ожиданиям, ни слова о фантастике. Может быть, и это – результат поганых писем?

Получил и я письмо от Синельникова. Что ж, самое время: а). подавать в суд, и б). писать Деревянко. Я полагаю все-таки, что сначала – Деревянко: во-первых, получится по инстанциям, а во-вторых, останется еще один резервный и последний ход в запасе.

Надо иметь в виду, что Синельников обязательно постарается ограбить нас при выплате: в договоре указано – 300 р/лист, а он будет считать гораздо меньше, ссылаясь на то, что это переиздания. Будешь говорить с юристом ВААПа, обязательно спроси, можно ли настаивать на выполнении хотя бы этого пункта.

Новостей у меня никаких нет, но есть просьба: напиши, пожалуйста, по-аглицки следующий текст (забыл тебя попросить в твой приезд):

Дорогой сэр,

большое спасибо Вам за присланные книги. Особенно обрадовало нас издание АТОМВОЛКАН ГОЛКОНДА на немецком. Книга эта издана в 60-м году и сейчас, вероятно, является библиографической редкостью.

---

[1] Карпелюк Антонина Николаевна – теща БНа.

[2] Т. е. статьи Юлия Смелкова.

[3] Доклад на VI-м Съезде писателей СССР (21–25.06.1976).

Пользуемся случаем сообщить Вам, что мы полностью закончили работу над повестью ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА СВЕТА и передали рукопись в ВААП. Ваше издательство при желании может обратиться в ВААП с просьбой выслать рукопись для ознакомления.

Еще раз большое спасибо,

с уважением…

Аглицкий текст либо пришли мне, либо отправь сам по адресу: Franz Rottensteiner <…> Wien, Austria. Учти только, что посылать авиаписьмо надо в спецконверте за 16 коп.

Вот, собственно, и все. Да! Андрюха сегодня сдал последний экзамен. Общий результат: 8 пятерок и одна четверка (по физике). Орел!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке – поцелуи, а Машке – ни пуха, ни пера!

27 июня АН пишет очередное письмо Синельникову.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Ваше письмо за №Д-56 от 18 июня 1976 года нас ни в коем случае не удовлетворяет. По существу Вы полностью игнорировали содержание нашего письма от 4 июня 1976 года: игнорировали и наше напоминание о том, что по повести «Пикник на обочине» нами было учтено уже 126 замечаний редакции, и наше разъяснение о том, что повесть «Трудно быть богом» была включена в сборник по требованию Медведева на место произвольно исключенной им из сборника повести «Дело об убийстве».

Мы по-прежнему настаиваем на соблюдении Издательством договорных обязательств и на издании сборника «Неназначенные встречи» в составе: повести «Пикник на обочине», «Малыш» и «Трудно быть богом». В случае отказа Издательства «Молодая Гвардия» выполнить эти договорные

обязательства мы вынуждены будем обратиться за помощью в самые высокие инстанции. Мы полагаем, что любое непредубежденное лицо, ознакомившись со всеми обстоятельствами дела, признает: стремление защитить «честь мундира» Медведева и Авраменко завело руководство Издательства слишком далеко.

С уважением
А. Стругацкий
Б. Стругацкий

В этот же день Тарковский отмечает:

Из: Тарковский А. Мартиролог

27 июня 1976

<…>

Со «Сталкером» я в предподготовительном периоде. Сегодня с Боймом и Геллером летим в Ашхабад искать натуру. Режиссерский сценарий готов. Пока мы на натуре – будет перепечатываться.

<…>

В «Искусстве кино» хотят печатать «Сталкера».

Письмо Аркадия брату, 29 июня 1976, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Андрей Тарковский улетел в Ср. Азию искать натуру для фильма, вернется 5–6 июля. По его словам, на прощание Госкомитет уже прислал на Мосфильм утверждение сценария, так что с гонораром задержка по местным обстоятельствам.

2. В Детгиз иду завтра – с ДоУ и ПиПом.

3. Сегодня иду к юрисконсульту в ВААП.

4. Вчера послал письмо Синельникову с негодованием и недоумением. Через недели полторы надо независимо ни от чего писать Зимянину. Прошу выслать схему письма. Это – последний этап.

5. Ни одна газета, ни Президиум Съезда копий фальшивки не получили, либо скрывают от нас. Сотруднику «Комсомолки», который сообщил мне и показал фальшивку, видимо, влетело «за разглашение редакционной тайны».

Всё. Приветы и поздравления Андрюшке. Молодец. Адке привет.

Обнимаю, Арк.

29.06.76

Пятый пункт предыдущего письма относится к происшествию, о котором АН рассказывал группе «Людены» в 1990 году.

Из беседы АНС с группой «Людены»

<…>

АНС: Пошел я раз к Гише Гуревичу. Сказал Елене Ильиничне, моей супруге, что, значит, я буду у Гиши Гуревича, и если я ей понадоблюсь, пусть звонит. Ну, сидим, выпиваем, закусываем. Вдруг – звонок. Вот и говорят мне, так и так, дескать, звонили только что из «Комсомольской правды», сказали, чтоб немедленно позвонил вот по такому-то телефону. Говорят, очень серьезное дело. Ну, ладно – я позвонил. Звоню, отвечает женский голосок очень встревоженный: «Аркадий Натанович, не можете ли вы приехать немедленно в «Комсомольскую правду»?» Я говорю: «Что? Очень срочное дело?», потому что я слегка был под газами. «Да, – говорит, – это очень срочное и серьезное дело. И может иметь очень серьезные для вас последствия»… Да! Надо вам сказать, что, по-моему, на следующий день съезд писателей должен был быть… Я туда поехал. Сидит, значит, компания: две девочки, два мальчика. И они протягивают мне бумагу, написанную от нашего имени. Странно, что меня больше всего возмутило то, что нашими именами подписано совершенно невозможное стилистически и изобилующее орфографическими ошибками…

С. Лифанов: Даже так?

АНС: Да! Это ребята из отдела почты «Комсомольской правды»…

С. Л.: Это в «Комсомолку» пришло?

АНС: Да. Ну, а там написано еще: копия в «Правду», копия в ЦК, копия в Союз Писателей, копия еще куда-то. Я говорю: «А можно это взять, снять копию?» – «Нет, к сожалению нельзя. Мы же за то… что мы вам показали – это уже является преступлением». И кстати, они были правы. Через неделю их поувольняли всех. Именно из-за этого дела. Ну, тем не менее я пошел к знающим людям. В данном случае знающим человеком была Беркова Нина Матвеевна. Она подала хороший совет: «Немедленно напиши два письма. Одно письмо в Союз писателей, в Президиум съезда, а другое письмо в КГБ». Я так и сделал, поехал в Союз писателей. Там Верченко[1] заседал, меня там не пускали. Я наорал на секретутку, стерва поганая. Вот, подбирают же там кадры!

С. Л.: Умеют.

АНС: Да. И она, оскорбленная, побежала, вызвала Верченко. Я Верченко дал эту бумагу и говорю: прочтите, мол. Он прочел, вытаращил глаза. А написал я вот что. Меня мало задевают эти дела. Но вот интересно, что здесь же фактически наши подписи, так? Подписи наши. А во-вторых, значит, съезд завтра, и вы здесь впопыхах возьмете да и исключите меня… нас из Союза Писателей. И возможны провокации всяческие. Тут предмет такой… Он сказал: «Правильно, правильно, спасибо, что это сделали очень своевременно… Пока еще мы не получили эту копию. А может, уже и получили, но сейчас не до этого. Значит, вперед будем знать». Ну и прекрасно. Ну, как вы знаете, на съезде ничего ни слова об этом не говорилось, и никто не обратил внимания. А я поехал в приемную ГБ. Приехал в приемную ГБ, мне там толстый прапорщик какой-то говорит: «А вы опустите ваше письмо…»

[1] Верченко Юрий Николаевич – секретарь СП СССР по организационным вопросам.

С. Л.: В долгий ящик.

АНС: В дубовый сундук. «Хорошо, – сказал я, – товарищ прапорщик, но имейте в виду, что если случится несчастье, вы будете отвечать». – «А, – говорит, – тогда другое дело». (*Смех.*) Углубился в какой-то коридор, поманил меня пальцем – зайдите. Сидит какой-то хмырь… Как это у Яна сказано: «С физиономией, забывшей улыбку»[1]. Я ему подал эту бумагу, он прочитал и спросил лениво: «Чего же вы хотите?» – «Как – чего я хочу? Вы кто? Вы – государственная безопасность, то есть вы охраняете и нас тоже. Так ведь?» – «Ну, так». – «Ну, – я говорю, – храните. Вот выясните, кто это сделал». – «Это ваша подпись?» Я говорю: «Подписи наши, а письмо писали не мы». – «Ну, ладно, оставьте. Разберемся». С тем я и удалился. Я уже и забыл об этой истории, но тут, значит, приходят двое молодцов оттуда. Озабоченно меня стали спрашивать… И тут я вспомнил, в чем дело, что мне показалось в этих подписях интересного. Дело в том, что в Москве все договоры подписываю я и за себя, и за Бориса. В Ленинграде – Борис подписывает. А здесь договор подписан, значит, моей рукой – и за Бориса, и за меня. Они, дураки эти самые, не учли этого обстоятельства. Уж такое письмо, конечно, должен был Борис сам подписать. Вот я им вспомнил это дело. «А, – говорят, – это интересно, это интересно. А где ваша подпись есть?» Я говорю: «Мы заключали шесть или восемь договоров с «Молодой гвардией». На каждом договоре…»

М. Шавшин: Все нити ведут в «Молодую гвардию».

АНС: Да. Ну, это нетрудно было… Больше некому. Вот так оно примерно и кончилось. Потом мне позвонили и сказали, чтоб я успокоился, все расследовано. Я говорю: «А кто это все-таки сделал?» – «Аркадий Натанович! Вы о чем просили нас? Вы просили нас разобраться. Мы разобрались». (*Смех.*)

Об этом же вспоминал БНС.

[1] В. Ян, «Чингиз-хан»: «Всякому городу, проявившему покорность, окажите снисхождение и оставьте там небольшую охрану и правителя, забывшего улыбку…» (кн. 2, ч. 3, гл. 1).

Из: АНС-энциклопедия

Комментарий Бориса Стругацкого: <…> совершенно реальная история, когда от нашего имени и с нашими подписями разослано было (по инстанциям и в редакции некоторых газет) несколько фальшивых писем вызывающе диссидентского содержания. Нюанс состоял в том, что подпись АНа была подделана безукоризненно, что же касается моей, то это оказалась безукоризненно подделанная подпись, которую АН ВМЕСТО МЕНЯ ставил на договорах с «Молодой Гвардией». Нам сразу же стало ясно, откуда пошли в свет эти письма (это был период максимального ожесточения в титанической борьбе за сборник «Неназначенные встречи»). АН взбеленился и вызвал КГБ. Пришли двое молодых, вежливых, забрали все материалы и исчезли надолго. АН через несколько месяцев позвонил им: было многозначительно сказано, что дело движется и что «следы ведут в Ленинград». Еще через несколько месяцев: мы разобрались в этом деле, виновные предупреждены, К ВАМ У НАС НИКАКИХ ПРЕТЕНЗИЙ НЕТ!.. Больше АН им не звонил.

Вспоминает Николай Иванович Никандров, в то время сотрудник КГБ, один из кураторов Союза писателей СССР, специально для этого издания.

Никандров Н. Воспоминания

Скажу сразу – расследования как такового в связи с обращением братьев Стругацких в КГБ не проводилось. Но, по правилам ведомства, отвечать заявителям по существу поставленных вопросов было делом серьезным. Вот мы с Геннадием Геннадьевичем Зареевым и получили задание рассмотреть заявление известных фантастов и «дать ответ заявителю лично».

Изготовление подложных писем и рассылка их в различные инстанции в то время – явление заурядное, особенно

в среде творческой интеллигенции. Как правило, анонимно запущенные «новости» о неприглядных сторонах жизни и деятельности удачно издавшего однотомник коллеги интенсивно обсуждались в домах творчества и в ЦДЛ.

Обратиться в КГБ братья Стругацкие решили, как помнится, в связи с писаниями некоего анонима, который «сигнализировал» в различные инстанции об их намерении после издания очередного романа покинуть СССР. Братья просили оградить их от наветов и заверяли, что свою жизнь и творчество не мыслят за пределами Советского Союза.

Чтобы списать обращение Стругацких в архив, достаточно было после телефонного звонка заинтересованному лицу уведомить секретариат ведомства: «заявителю в личной беседе сообщено, что никаких претензий со стороны органов госбезопасности к нему не имеется».

Но, поскольку один из нас был страстным поклонником творчества знаменитых фантастов, мы, проявляя «разумную инициативу», отошли от формального ритуала и решили установить точку, из которой рассылались в различные средства массовой информации эти подметные письма. Следы привели в один из отделов известного московского молодежного издательства. Мы сочли возможным предупредить руководство издательства о неблаговидных действиях одного из редакторов, фамилию которого уже и не упомнить. Разоблачать и предавать огласке инициаторов разного рода «сигналов» было не принято. По крайней мере, аноним, активно распространявший грязные слухи о Стругацких (и не только о них), вынужден был издательство покинуть.

Оставалось пригласить заявителя в Приемную КГБ, что на Кузнецком мосту, объявить об отсутствии к нему каких-либо претензий со стороны ведомства и пожелать всего хорошего.

Однако Аркадий Натанович, не отвергая варианта возможного прихода на Кузнецкий, напротив, пригласил нас к себе. В спальном районе (в Ясеневе или Теплом Стане) он принял нас без натужного в подобных ситуациях радушия,

пригласил в свой рабочий кабинет. Скромная, даже по тем временам, обстановка двухкомнатной квартиры: шифоньер, стол, пишущая машинка, диван, два-три стула и дружелюбный, без тени снобизма хозяин располагали к неформальному общению.

После нашего уведомления «об отсутствии каких-либо претензий» и т. п. А.Н. тут же сказал, что он вполне удовлетворен ответом, и пригласил нас к столу.

После пары рюмок пошел весьма оживленный разговор на общие темы. Аркадий Натанович с юмором вспоминал эпизоды из своей службы на Дальнем Востоке. Он, оказывается, был военным разведчиком, и ему, надо сказать, было что вспомнить.

Кстати, адрес и облик своего анонимного недоброжелателя А.Н., по-моему, представлял не хуже нас, но каких-либо претензий к нему не имел. Перед нашим уходом он, помнится, сказал что-то относительно «стреляющих из-под ковра». Наш визит к нему остался в памяти скорее всего из-за того, что атмосфера «неформального» общения была создана радушным, без налета обычного для «творцов» снобизма, человеком. К сожалению, детали разговора вспоминаются с трудом. Да и речь шла не о чем-то «возвышенном» или «заумном», а о самом обыкновенном, что ныне называют «трепом». Этим-то и запомнилась наша нестандартно прошедшая «беседа с заявителем».

29 июня АНС решает послать письмо в ВААП, Эдуарду Гаврилову, начальнику договорно-правового управления.

Из архива. Письмо от АБС в ВААП

17 октября 1974 года издательство «Молодая Гвардия» заключило с нами договор на сборник научно-фантастических повестей «Неназначенные встречи». Состав сборника был обусловлен: повести «Малыш», «Пикник на обочине» и еще одна повесть о проблемах контакта с внеземными

цивилизациями в коммунистическом будущем. (По соглашению с зав. редакцией Медведевым Ю. М. было решено в качестве этой третьей повести поставить в сборник «Трудно быть богом».) Следует отметить, что повесть «Пикник на обочине» была опубликована в 1972 г. в журнале «Аврора», повесть «Малыш» – в ленинградском сборнике «Талисман», повесть «Трудно быть богом» несколько лет назад в той же «Молодой Гвардии». В процессе редакционной работы к повести «Пикник на обочине» уделялось особенно много внимания, предъявлялось особенно много претензий. Бо̀льшая их часть (гл. образом – литературного типа) была нами учтена, всего мы учли 126 замечаний и поправок по этой повести. Однако руководство редакции предъявило к повести и требования иного характера, которые, будь они учтены, совершенно изменили бы концепцию повести и сместили бы все акценты, а по нашему мнению – лишили бы повесть смысла. Естественно, мы отказались работать над повестью в этом направлении. 8 мая с. г. нас неожиданно поддержала «Правда»: в ней была опубликована статья, в которой положительно оценивалась именно наша концепция повести «Пикник на обочине». В полном сознании своей правоты мы предложили руководству издательства отдать в производство сборник в его договорном составе: «Малыш», «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом». Но руководство издательства в лице тов. Синельникова полностью игнорировало наши доводы и свои договорные обязательства и, возвратив нам рукопись повести «Пикник на обочине», объявило о своем решении издать сборник «Неназначенные встречи» в усеченном и изуродованном виде: в составе повестей «Малыш» и «Трудно быть богом».

Мы просим Вас защитить наши авторские права.

На обороте письма указано: «Прилагаю переписку по делу, всего 36 документов».

Письмо Бориса брату, 2 июля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Письмо к Зимянину, я полагаю, должно выглядеть примерно так:

Уважаемый тов. (обязательно имя-отчество!)

Настоящим письмом мы просим Вас обратить внимание на явно неблагополучное положение, сложившееся в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия».

В октябре 1974 года это издательство заключило договор на издание нашего сборника «Неназначенные встречи». В сборник были включены научно-фантастические повести «Трудно быть богом», «Малыш» и «Пикник на обочине», посвященные проблеме контакта человечества с чужим Разумом во Вселенной.

К этому времени сборник уже два года лежал в издательстве, был неоднократно положительно отрецензирован, а все повести, включенные в него, были уже давно опубликованы и получили положительные оценки в прессе.

Однако завредакцией научно-фантастической литературы т. Медведев счел необходимым затеять волокиту и затормозить издание сборника. Вопреки букве и духу договора он выдвинул целый ряд совершенно нелепых, субъективных, немотивированных требований к повести «Пикник на обочине».

Мы хотели бы подчеркнуть здесь, что наша повесть «Пикник на обочине» выполняет чрезвычайно важную идеологическую задачу: показать конкретно, в зримых художественных образах, как буржуазная идеология, капиталистический образ жизни ежедневно и ежечасно пожирают мозг и души людей мира свободного предпринимательства.

Журнальная публикация этой повести получила широкую популярность. Повесть переведена и издана в ПНР, ВНР, ЧССР, готовится к печати в других социалистических странах. В журнале «Литературное обозрение» № 2, 1973 и «Юность»,

№ 7, 1974 были опубликованы положительные рецензии на нее. Наконец, совсем недавно, 8.03.1976, опубликован положительный отзыв о повести «Пикник на обочине» в таком авторитетном органе, как Центральная «Правда».

Однако никакая сколь угодно разумная и авторитетная аргументация не способна, по-видимому, преодолеть необъяснимого упорства т. Медведева. Очевидно, им движут побуждения, не имеющие никакого отношения к литературе и издательской деятельности, и борьба, которую он ведет с нами вот уже полтора года, давно перестала быть борьбой за качество литературной продукции, превратившись в борьбу за пресловутую «честь мундира». Подключившийся к этой борьбе главный редактор издательства «Молодая Гвардия» тов. Синельников в своем письме от 18.06.1976 объявил нам, что повесть «Пикник на обочине» вообще изымается из нашего сборника.

Уважаемый ____! Мы обращались за помощью в сектор печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, а затем и в отдел культуры ЦК. Теперь мы просим защиты у Вас, убедительно просим Вас разобраться в этом деле и принять необходимые меры.

Вот так, примерно, я это себе представляю. И полагаю, между прочим, что сначала надо бы все-таки послать письмо Деревянко, а уж потом – Зимянину. Посоветуйся с Мишей.

А новостей у меня нет никаких.

Обнимаю, твой [подпись]

Тем временем к БНу приходит посылка с рукописью «Неназначенных встреч» и письмом от Медведева, отправленная 22 июня.

Письмо Бориса брату, 6 июля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Только что, обливаясь потом, припер с почты посылку из МолГв, содержащую рукопись сборника НВ и вежливое

письмо за подписью Медведева и Зиберова. Поскольку не совсем ясно, послана ли тебе копия этого письма, сообщаю краткое содержание: по поручению Главной редакции подготовлен к сдаче в производство сборник НВ в составе М и ТББ; просим подписать упомянутую рукопись в набор и верстку: ПнО возвращаем в адрес Б. Струг. в соответствии с обусловленным ранее порядком обмена корреспонденцией.

Я полагаю, что:

1. Ничего подписывать нам не надо, и как можно дольше.

2. Необходимо НЕМЕДЛЕННО выслать письмо Деревянко.

3. Надо как можно быстрее переговорить с юристом ВААПа, дабы выяснить, какая линия нашего поведения будет теперь самой правильной, на что мы имеем право, а на что – нет.

Если не поможет ни письмо Деревянко, ни письмо Зимянину, мы во всяком случае должны вырвать из гадов деньги за ПнО. Пусть они нам изуродуют сборник, но пусть они за это заплатят.

Мамочка собирается к тебе 12-го. Я думаю переправить рукопись сборника с нею (чтобы не рисковать на почте). Полагаю, что рукопись должна быть на данном этапе у тебя – особенно ПнО.

Вот и все мои унылые новости.

Целую [подпись]

В это время начинается переписка между инстанциями.

8 июля из ВААП направляется запрос директору издательства «Молодая гвардия» Ганичеву.

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Уважаемый Валерий Николаевич!

В Агентство обратились А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИЕ с просьбой оказать помощь в их конфликте с издательством «Молодая гвардия».

Кратко суть дела такова. Согласно заключенному 17 октября 1974 г. между СТРУГАЦКИМИ и «Молодой гвардией»

издательскому договору должен быть выпущен в свет сборник «Неназначенные встречи», состоящий из трех повестей: «Малыш», «Пикник на обочине» и «Трудно быть богом». В настоящее время издательство вопреки требованиям авторов подготовило к сдаче в набор сборник в составе лишь двух повестей «Малыш» и «Трудно быть богом», возвратив рукопись повести «Пикник на обочине».

Авторы выражают протест против исключения указанной повести из обусловленного договором сборника, указывая при этом, что издательство руководствуется здесь отнюдь не соображениями качества рукописи. Ее качество и идейно-художественные достоинства получили положительную оценку в газете «Правда» от 8 мая 1976 года.

Со своей стороны хотим указать, что требования издательства о переработке повести «Пикник на обочине» не вытекают из норм издательского договора, поскольку договор заключен на уже опубликованное произведение. До его заключения издательство имело возможность ознакомиться с повестью и в случае, если повесть не отвечала требованиям «Молодой гвардии», не должно было указывать ее в составе сборника. Включение же повести в сборник, зафиксированное в договоре, означает обязанность издательства выполнить свои обязательства по ее выпуску в свет.

Просим информировать о Вашем решении.

С уважением

Зам. начальника Авторско-консультационного отдела О. В. Городовиков

Одновременно о принятых мерах ВААП сообщает АНу.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

По Вашему заявлению мы направили соответствующий запрос в «Молодую гвардию». По получении ответа из издательства мы информируем Вас о дальнейших действиях.

Если Вы и Борис Натанович не возражаете, то переписку будем вести по Вашему адресу, имея в виду, что Борис Натанович будет получать информацию о движении дела от Вас.

С уважением

Зам. начальника Авторско-консультационного отдела О. В. Городовиков

Письмо Бориса брату, 12 июля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

1. Посылаю тебе сборник НВ. Полагаю, лучше будет, если он станет храниться у тебя.

2. Получил из ВААПа какие-то 174 р. с копейками. По-видимому, это те самые таинственные 180 р., которые до тебя некогда дошли, а до меня нет. Все никак не соберусь зайти к себе в ВААП и выяснить, за что.

3. Свяжись, пожалуйста, с Веркой Мирер и попроси ее нажать хоть какие-нибудь рычаги в географическом мире для ради Андрюхи. (Географический фак Ленинградского университета, отделение океанологии.) Я не так боюсь за экзамены (полагаю, Андрюха сдаст пусть и не столь блестяще как в школе, но не хуже большинства), как за некомсомольство и «удовлетворительно» по поведению (отметка самая распространенная, но говорят, что в прошлом году 70 % поступавших имело по поведению уд, а 30 % – «примерное поведение», так вот с удом поступило только три человека, якобы).

А больше новостей нет. Занимаюсь с Андрюхой и помогаю Адке по ее работе.

Обнимаю, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 12 июля 1976, М. – Л.

Дорогой Борик!

1. Письмо (копию) Медведева и Зиберова получил давно. Но еще после письма от Синельникова перекрестился и отнес все материалы в ВААП некоему тов. Харуте Виталию

Игнатовичу, большому приятелю одного моего друга и нашего поклонника. Я ему всю историю рассказал, после чего он усадил меня написать пространное заявление на имя начальника договорно-правового управления ВААПа Гаврилова Э. П. Перспективы: ежели издательство не желает издавать, то хоть оно и трижды юридически неправо, издавать оно не будет. ВААП будет биться за полную выплату нам за ПнО и издание М и ТББ, хотя начнет с требования издать весь сборник целиком. Итак, мы начинаем первую в нашей истории юридическую войну.

2. Одновременно с этим письмом высылаю письмо Зимянину.

3. Пришли договоры из Чехословакии на М и ПнА – пардон, на ПиП и ПнА под общим заголовком «Мальчик из планеты Гиганда», издание на словацком; и из Венгрии на М.

4. Вернулся из Польши Мирер, рассказывает странные вещи: нас там печатают, передают по радио и еще что-то, Ирена ему сказала, что гонорары в общей сложности будут побольше, чем за книжные издания.

5. Тарковский вернулся из Средней Азии, хвалится, что выбрал гениальную натуру – где-то в трехстах км от Ташкента. Сделано множество фотографий, когда будут готовы – он приедет ко мне, и мы попробуем набросать маршрут сталкера.

6. Деньги полностью выписаны, будут на днях. Все-таки ты мудак. Договора на такие суммы должны заключаться НА МОЕ ЕДИНСТВЕННОЕ имя. Ты знаешь, во что тебе вскочит твое упрямство? В сто семьдесят рублей! Вернее, вскочило бы, потому что Лариса Тарковская приняла все меры, и деньги будут переведены на МОЮ книжку все. Получишь от меня наличными.

7. Смешная история получается с театром. Они открывали свой сезон четырьмя новыми пьесами, последовательно, наша последняя. Но вдруг три пьесы зарубили: одна по Слову о полку Игореве в трактовке Олжаса Сулейменова, одна по Свифту «Лилипутия», одна вообще не получилась. Так

что начинают они нашей пьесой и валяются у меня в ногах, чтобы все было готово к концу месяца. Мой вариант принят за основу, но просят его расширить за счет лирической части (у меня 50 страниц, они просят по меньшей мере 80). Кстати, Смелков (а он специалист-театровед) прочитал мою и Зинчуковскую пьесы и с негодованием Зинчуковскую отвергнул, а о моей сказал: «Очень не Шекспир, но на уровне современной серятины».

Вот и вся информация. Пришел Миша Ковальчук. Большой тебе привет. Сегодня встречаю маму.

Будь, не кашляй. Твой Арк.

В это же время продолжается переписка инстанций. 16 июля главный редактор «Молодой гвардии» Синельников пишет в ВААП Гаврилову.

Из архива. Письмо из МГ в ВААП

17 октября 1974 г. издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» заключило договор № 245 с авторами Стругацким А. Н. и Стругацким Б. Н., согласно которому авторы обязались создать и передать издательству для издания сборник под названием «Неназначенные встречи» в составе 3-х новых научно-фантастических повестей: «Малыш», «Пикник на обочине» и повесть о проблемах контакта с внеземными цивилизациями в коммунистическом будущем – общим объемом 25 авторских листов.

Издательство, идя навстречу авторам, в качестве повести «О проблемах контакта…» 14 января 1975 г. приняло для сборника ранее издававшуюся повесть «Трудно быть богом». Так как доработка «Пикника на обочине» требовала времени, издательство, учитывая стесненное материальное положение авторов, сочло возможным частично одобрить сборник, т. е. повести «Малыш» и «Трудно быть богом». По одобрении этих 2-х повестей 29 апреля 1975 г. авторам был выплачен гонорар в размере 60 %.

Авторы, приняв одобрение этих повестей как должное, фактически не приняли замечаний издательства по исправлению недостатков 3-й повести «Пикник на обочине». В связи с этим рукопись «Пикник на обочине» издательством отклонена как непригодная к изданию.

Тем не менее авторы настаивают на издании сборника «Неназначенные встречи» в составе трех повестей: «Пикник на обочине», «Малыш» и «Трудно быть богом».

На предложение Главной редакции издательства об издании сборника в составе двух повестей: «Малыш» и «Трудно быть богом» авторы не ответили.

Принимая во внимание, что издательство понесло расходы в сумме 3042 руб., связанные с выплатой 60 % гонорара авторам по одобрении двух повестей объемом 15 авторских листов и подготовкой сборника к изданию, просим разъяснить, вправе ли издательство в сложившейся ситуации издать без согласия авторов сборник в составе 2-х повестей «Малыш» и «Трудно быть богом», с одобрением которых авторы согласились ранее.

Гл. редактор издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» В. М. Синельников

Письмо Бориса брату, 18 июля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Для чего же ты зовешь меня мудаком? Только турки да жиды зовут меня мудаком[1]. Не называй меня мудаком, брат. Ведь никогда в жизни я не возражал против перевода всех денег на твою сб/к (разве что в каких-то специальных случаях, когда денег у меня было в обрез). Я лишь возражал против заключения договора на одно имя. Почему? На то есть два соображения. Первое (длинное) я изложу тебе при встрече, а второе – изволь. Это чисто финансовое соображение. Подоходный налог взимается с каждого из нас по

[1] Перифраз из повести Н. Гоголя «Страшная месть»: «– Для чего же не любить свинины? – сказал Данило. – Одни турки и жиды не едят свинины» (гл. 4).

отдельности, и так как этот налог НЕ линейный, сумма налогов с тебя и с меня меньше (МЕНЬШЕ) налога с суммы гонорара, начисляемого на одного. Например, если 6000 ряб получает только А., то он теряет на подоходном налоге 722 ряб, если же А. и Б. получают по 3000, то они вместе теряют только 665 ряб. Чуешь разницу? Во всяком случае, когда получишь деньги на книжку, сообщи, сколько мне причитается (за вычетом доли А. Т.), дабы я мог занести эту сумму в свои книги. А еще лучше – передай эту сумму с мамочкой.

Что касается МолГвардейских дел, то будем ждать. Программа минимум: сборник ТББ+М и деньги полностью за ПнО. Причем – все из расчета 300 за лист, как в договоре.

Странно, что это чехи вспомнили про «Путь на Амальтею», да еще вкупе с ПиП. Может быть, не ПнА, а ПнО?

Почему ты считаешь, что вернувшийся из Польши Мирер рассказывает странные вещи? Все это я тебе рассказывал уже неоднократно: и про радио, и про журналы, и про телепостановку. Да и чего тут странного? Давеча вот Лех прислал ихнюю ЛитГазету – там рецензия на ПнО, весьма и весьма доброжелательная. В Польше нас знают, брат, не меньше, чем в СССР, и любят не меньше, а ценят (в смысле – издают) даже больше.

То обстоятельство, что твоя пьеса по ТББ «очень не Шекспир», мы, я полагаю, можем эб… (снимаю пенсне и смотрю поверх). Мы в Шекспиры и не лезем. Наше дело в театре пока (я подчеркиваю – ПОКА) маленькое. СБТ тоже было, прямо скажем, не Уэллс.

Мамочку крепко поцелуй. Скажи, что у нас все ОК. Я звонил Мартьяновне, к ней приехал гостить племянник Эдик, но она все равно живет в страхе, как бы не взломали дверь и не ограбили. Я ее успокоил. Передает мамочке привет и ждет ее не дождется. Передай мамочке, что и я скучаю тож без нее, без чайку и без девяточки.

Обнимаю, твой [подпись]

У следующего письма отсутствует первая страница. Только натыкаясь на такие нечастые пропуски, понимаешь, насколько полно сохранилась переписка АБС за этот период.

Письмо Аркадия брату, 23 июля 1976, М. – Л.

…для него важных. Прилагаю сценарий с его вопросами, а также его просьбы, которые я не озаботился тебе доставить при встрече. У него дела отличны. «Зеркало» продано во Францию за 120 тыс. долларов – это гораздо дороже, чем стоит фильм, а ведь будут покупать и другие страны. Наш «Сталкер» тоже на корню уже продан для демонстрации в ФРГ, за что немцы обязались поставить Тарковскому лучшие фото-кино-материалы. Андрюшка есть ласкаем Ермашом и Сизовым. Но он как был, так и остался. Я его понимаю. Ответственность на нем огромная. Будем помогать. Съемки он начнет, видимо, в октябре. Нам будет оклад 150 в месяц как консультантам. Не знаю, как ты, а я его не брошу. Предлагаю: организуем в его работе посменное дежурство. Начну я – в октябре. Через месяц ты меня сменишь. Затем опять я и через месяц опять ты. Если тебе лень или еще что – я буду там бессменно. Не героизм, а очень интересно. Впрочем, думаю, тебе тоже будет интересно.

5. Французы для «Парня из преисподней» просят фото и наши биографии. Биографии я послал в задницу, не их собачье дело, а фото даю. Имей в виду, у меня осталась только одна твоя фотописия. А, наверное, пригодится еще.

6. Мирер привез много новостей, писать не буду, а главное – в польской Пионерской правде печатается наш «ПиП» – у меня теперь два номера, – и радиопрограмму – там идет радиопьеса «ПнО» с указанием актеров и т. д.

7. Письмо твое получил, но в том, что ты – мудак, не разубедился. Ладно, об этом при встрече. В ближайшее время таких сумм мы не получим.

8. Не помню, писал ли. ВААП начал дело против МолГв.

Пока, кажется, всё. Обнимаю, твой Арк.

Привет ребенку и Адке. Жду письма.

Пожелания Тарковского передаю почти стенографически:

1. Обыденность и «ненужность» (для сталкера) жены в 1-й сцене. Игнорирование?

2. Как выразить, что сталкер на этот раз не профессионал, не преступник, а идет в Зону с мольбой?

3. Как и куда вставить информационную часть? Игнорировать!

4. Идея о цели существования человечества: здание искусства.

5. Стихи должны быть хорошими, но ни к селу, ни к городу.

6. Туман при проезде через шлагбаум.

7. Уточнить мотивации профессора: отказ от взрывания Зоны. Профессор ужасается, что берет на себя функции бога: своей волей уничтожить последние надежды миллионов людей.

8. Финальная сцена: счастье не так добывается. После Зоны я стал лучше и больше не пойду.

9. Сцена, когда сталкер отказывается идти к Машине желаний.

10. Грозное чудо в начале маршрута, чтобы осведомить зрителя об ужасах. И где-то приятная странность: во время отдыха – солнце, жара, и вдруг рядом сугроб – он тает.

11. Вместо Золотого Круга (символ) – место, где исполняются желания, найти название места. Нужно визуально описать место, где сбываются желания. Снег, хлеба, женщины?

12. Найти способ без танков сохранить разговор об «углублении».

13. В разговоре писателя со сталкером и профессором – поливание науки.

14. Причина, почему остался писатель. Устал! И никаких домов.

Вот так, брат мой и соавтор. Займись (это было в мае) и сопоставь с замечаниями в сценарии (июль). Самое главное

во всем этом – женщина и причина, почему писатель не пошел. И еще – что-то ему не нравится атомная мина. Но тут мы не должны уступать.

P. S. Только что звонила Таня Чеховская: зМЛдКС благополучно прошел Главлит.

Письмо Бориса брату, 26 июля 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Поскольку у меня никаких существенных новостей нет, буду просто отвечать на твое письмо.

1. Большое спасибо за денежки. Не обругивай налоги: все правильно. Ты забыл, что последняя порция не 75 %, как ты вообразил, а всего лишь 65 % (т. е. 3900, а не 4500). А теперь:

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «МУДАКАХ»

Рассмотрим следующую частную задачу, которая позволит нам разрешить давно уже назревшую проблему, формулируемую обычно в виде: «Кто же все-таки мудак?»

Пусть даны три соискателя гонорара, составляющего в сумме 6000 руб. Назовем их, например, АС, БС и АТ и будем всех вместе впредь именовать АВТОР. Даже самое поверхностное ознакомление с Постановлением Госкомиздата СССР от 13.09.1973 «О порядке взимания подоходного налога за произведения, используемые на территории СССР» убеждает нас, что упомянутый гонорар (6000 р.) может быть снискан АВТОРом различными способами. Рассмотрим наиболее интересные из них.

СПОСОБ 1. АВТОР является полным и беспросветным мудаком (ПБМ). Он заключает договор на ОДНО имя (скажем, на АС) и требует, чтобы всю сумму (6000) ему выплатили ЕДИНОВРЕМЕННО. В этом случае (см. цит. Постановление) каждый из троих теряет на подоходном налоге . . . . . 240,8 р.

СПОСОБ 2. АВТОР является обыкновенным мудаком. Он заключает договор на ОДНО лицо, а порядок выплаты гонорара оставляет на усмотрение начальства, так что деньги ему

выплачивают в три приема: 25 %, 10 %, 65 %. Тогда каждый из троих теряет на подоходном налоге . . . . . 206,0 р.

СПОСОБ 3. АВТОР неглуп, но вял и бесхребетен. У него хватает ума заключить договор на ДВА лица (скажем, на АС и БС), но порядок выплаты он оставляет на усмотрение, и деньги ему выплачивают в упомянутом уже порядке: 25 %, 10 %, 65 %. В этом случае каждый из троих теряет на налоге . . . . . 167,8 р.

СПОСОБ 4. АВТОР умен! Мало того, что он заключает договор на ДВА лица, он еще и требует, чтобы суммы ему выплачивали в порядке, установленном договором, а именно: 25 %, 10 %, 15 %, 50 %. В этом случае каждый теряет на налоге всего лишь . . . . . 141,8 р.

СПОСОБ 5. АВТОР мудр! Он заключает договор на ТРИ лица и требует выплаты гонорара в договорные сроки (25 %, 10 %, 15 %, 50 %). Тогда потери каждого на налог составят всего-навсего . . . . . .120,9 р.

Примечание 1. Все расчеты производились на электронном калькуляторе ЕЛ-8005 фирмы «Шарп корпорейшн».

Легко видеть, что проделанные расчеты дают возможность установить количественную разницу между ПБМ и мудрецом. В нашем частном случае она составляет, кругло говоря, 120 руб. на рыло.

Примечание 2. Не знаю, как там у вас, в Москве, а у нас такие суммы на улицах не валяются.

Внимательное изучение таблицы взимания подоходного налога (см. Постановление) позволяет установить с несомненностью факт ПРОГРЕССИВНОСТИ указанного налога, чем и объясняется полученная нами любопытная картина. Нетрудно сделать и весьма общий вывод относительно алгоритма поведения АВТОРа, если он претендует на звание разумного существа.

ТЕОРЕМА. Для того, чтобы потери на подоходном налоге были минимальны, необходимо и достаточно включать в договор как можно больше лиц и получать причитающийся гонорар порциями, по возможности минимальными.

В заключение пользуемся случаем выразить благодарность А. Стругацкому, натолкнувшему нас на изучение названной проблемы.

Примечание 3. Ответ на вопрос: «Кто же, все-таки, мудак?» предоставляем получить читателю в виде самостоятельного упражнения. (Указание: Все томительные хлопоты АС по переводу остатка гонорара на одно имя увенчались блистательным успехом – каждый из троих потерял на этой операции дополнительно 12 рублей 80 копеек.)

Примечание 4. Научная добросовестность автора настоящей заметки не позволяет ему опустить тот факт, что он и сам является большим ПБМ. Тысячу раз было говорено завести в Москве сберкнижку или, по крайней мере, озаботиться написать заявление о переводе его части гонорара на сб/книжку АС! Денег, потраченных за весь истекший срок, на почтовую пересылку, хватило бы, наверное, на покупку неплохой коллекции марочек. (Впрочем, все сказанное остается справедливым и в отношении АС, только счет там надлежит вести не на марочки, а на бутылочки.)

2. Ни о каком бросании Андрея не может быть речи. Я всегда говорил и повторяю вновь, что наша беззаветная и безропотная помощь Тарковскому является на ближайший год ГЛАВНОЙ творческой задачей. Другое дело, как это организовать. К сожалению, наиболее эффективны регулярные встречи на высшем уровне с обсуждением всех деталей и вопросов. А я до сентября занят Андрюшкой (даже не самим Андрюшкой, собственно, а просто душа неспокойна, пока все это так или иначе не окончится). Предлагаемого тобою посменного дежурства я не понимаю. Собираться надо именно регулярно и именно втроем. А в промежутках – нам с тобой вдвоем. Только так можно чего-то добиться. Над вопросами Тарковского буду, разумеется, думать, но опыт показывает, что думать надо в гопе, а не порознь. Пока могу предложить в качестве «чуда в начале» – звуковой удар. Идея: звук – это единственное, что РЕАЛЬНО связывает героев и зрителя. Пусть, например, на нашу тройку обрушивается

рев тайфуна (или танковой атаки, или налетающего «фантома», или адский хохот гигантской толпы). На экране – тишь и благолепие, солнышко, травка, безветрие, сугробы тают, а в ушах (и героев, и зрителей!) – дикий адский рев. И вдруг все затихает, словно ничего и не было. Ошалелые перепуганные герои (и зрители тоже!) дико озираются, постепенно оправляясь от страшного звукового шока… По-моему, такой прием нигде по-настоящему не применялся, а ведь это – стопроцентное сопереживание, без всяких скидок, без всяких условностей. Пари держу, что после такого шока зритель будет как на иголках до конца фильма, что бы на экране ни происходило.

Вообще-то большинство требований Андрея очень сложны, я даже не знаю, как к ним подступиться. Но – буду думать.

3. Насчет моих фотописий не беспокойся – есть еще в запасе. Надо будет, перешлю.

4. Пьесой мы с тобой еще займемся обязательно! Найти бы желающего на инсценировку зМЛдКС. По-моему, это очень камерно и сценично. А пока как-нибудь уж добей ТББС. Хрен с ним, с Шекспиром – были бы наличные!

Вот пока и все. Обнимаю, твой [подпись]

26 июля ВААП отвечает «Молодой гвардии».

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Обстоятельства, предшествовавшие получению Вашего письма, позволяют вполне определенно ответить на вопрос относительно возможности издания сборника 3-х повестей, исключив без согласия авторов Стругацких одну из них.

Ответ здесь будет однозначным – такие действия издательства будут находиться в противоречии с законодательством об авторском праве.

Дело в том, что в Агентство уже обратились А. Н. и Б. Н. Стругацкие с просьбой взять на себя защиту их интересов в данной конфликтной ситуации. Авторы подробно информировали

нас о всех обстоятельствах возникшего конфликта. Существо нашей позиции уже изложено в письме Авторско-консультационного отдела на имя В. Н. Ганичева №1871–12/20 от 8/VII–76 г. Кратко она сводится к тому, что издательство, заключив договор не на создание новой повести, а на переиздание апробированного, ранее опубликованного произведения, там самым по существу его одобрило и взяло на себя обязанность выпустить его в свет.

Таким образом, исключение без согласия авторов повести «Пикник на обочине» из сборника в одностороннем порядке неправомерно.

Надеемся, что наши письма дадут издательству основание для пересмотра своей позиции.

О Вашем мнении не откажите в любезности информировать нас.

Начальник Договорно-правового управления Э. П. Гаврилов

В конце лета оживляется пресса.

Августовский номер «Литературного обозрения» публикует интервью с АБС «От чего не свободна фантастика…».

Из: АБС. От чего не свободна фантастика…

<…>

СТРУГАЦКИЕ. <…> Наша точка зрения состоит в том, что фантастика не стоит особняком, а занимает место в общем потоке художественной литературы – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Всё, что хорошо для реалистической литературы (полнокровие и достоверность образов, искренность, глубина мысли, эмоциональность, ясность и яркость языка), хорошо и для фантастики. Всё, что противопоказано реалистической литературе (штампы, скудомыслие, пошлость, искажение правды человеческих отношений), противопоказано и фантастике. И даже основной принцип писателя-реалиста: «Пиши только о том, что знаешь хорошо» формулируется для писателя-фантаста в точности так же, но с маленьким добавлением: «…либо о том, чего никто не знает».

Мы не признаем никаких «скидок на жанр», хотя жанровая специфика фантастики, безусловно, существует. В известном смысле она сродни специфике исторического романа. Исторический роман, как правило, рассказывает о том, что было или, по крайней мере, могло бы быть в рамках определенных исторических и социальных представлений. Фантастический роман тоже рассказывает о том, что и как могло бы произойти, но в рамках определенной фантастической гипотезы или фантастического допущения. Для обоих жанров характерно возрастание меры и роли условности (по сравнению, скажем, с бытовым романом), что объясняется, во-первых, принципиальным недостатком информации у автора, и, во-вторых, необходимостью приблизить описываемые события к читателю-современнику, к его реальной жизни, его мировоззрению и мироощущению.

Может быть, литературоведам следовало бы обратить внимание на эту «параллельность» жанров и попытаться использовать в разработке теории фантастики результаты, полученные литературоведением для жанра исторического романа?

<…>

Ленинградская «Смена» 14 августа помещает на своих страницах интервью с БНом «Путешествие в фантастику». И хотя вопросы-ответы зачастую не представляют ничего оригинального – такие темы в многочисленных интервью с АБС обсуждались не раз (как Вы пишете вдвоем? что такое фантастика? и т. п.), – сам факт публикации говорит уже о многом. Невозможно делать вид, будто нет такого автора – братья Стругацкие. Слишком уж популярны.

Письмо Аркадия брату, 10 августа 1976, М. – Л.

Дорогой Борис.

Существенного ничего.

1. Закончил пьесу – второй вариант, вчера Ленка принесла с перепечатки, считал и на днях отдаю. 97 страниц, и надоела она мне безмерно.

2. Насчет инсценировки зМЛдКС: Смелков тут одного товарища предложил, которому пересказал содержание, и тот якобы возбудился. Но, возбудившись, уехал в отпуск. Или на съемки, не знаю.

3. Андрей тоже уехал, но ждет наших решений. Я ему сказал, что у тебя сейчас не те заботы и что, скорее всего, вплотную займемся где-то в начале сентября, но что ты все-таки первые наметки пришлешь гораздо раньше. Ты, действительно, пришли.

Вот и все дела. Обнимаю, всем приветы.

Твой Арк.

Да, в Находку я не еду. Не до того и не с чем: зубов нет.

Как Андрюшка? Отпиши.

Всем приветы.

Письмо Бориса брату, 13 августа 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмецо и отвечаю тут же.

Дела у нас – дрянь. В полном соответствии с прогнозами и прорицаниями Андрей Борисыч благополучно проваливается в Университет. Нахватал троек, и теперь практически пройти уже не может. У него остался еще один примерно шанс из пятидесяти – если сдаст на пятерку последний экзамен (географию). Но, во-первых, при требованиях, имеющих место быть, пятерку ему не вырвать, а во-вторых, один шанс из пятидесяти даже в случае пятерки – это, сам понимаешь…

Настроение у нас у всех по этому поводу омерзительное. Ничего не хочется делать и все валится из рук. Сценарий я так и не раскрыл с того первого раза. Даже марочки забросил и только занимаюсь математикой – Адке в помощь.

Так или иначе, но после 16-го период нервотрепки кончится и начнется период обычных будничных хлопот: устраивать Андрея на работу и т. д. Полагаю, что в конце августа – начале сентября я окончательно приду в себя и стану готов заниматься делом.

Пора подумать о встрече. Я полагаю, можно и у тебя, и у нас. Выбери сам, что тебе удобнее, тем более что в Находку ты не едешь. Встретимся, посидим дней пять, подумаем над сценарием в упор. Тогда к середине сентября мы смогли бы предложить Тарковскому чего-нибудь приличного.

Инсценировка зМЛдКС – это было бы неплохо. С удовольствием засяду за это дело, когда удастся (и если) перевести его на деловые рельсы.

Прочие ленинградские дела – ни шатко, ни валко. Сборник с ПиП ожидается теперь уже в сентябре. Плюснина все пристает к нам насчет небольшой повести для нового детгизовского сборника (я вяло отбрехиваюсь, ничего определенного не обещая). Из Москвы дошли слухи, что зМЛдКС начинается в З-С с 9-го номера (за что купил, за то и продаю). В конце года, вроде бы, ЛитОбоз собирается дать наше интервью о переписке с читателями. Ленинградский ВААП хочет дать рекламу детгизовского сборника с ПиП – приставали ко мне, я отослал их в Москву, где реклама на ПиП уже написана.

Вот, пожалуй, и все.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

17 августа ВААП подгоняет «Молодую гвардию».

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Уважаемый Валерий Николаевич!

Просим ускорить ответ на наше письмо №1871–12/20 от 8.VII.76 г. по поводу претензии А. Н. и Б. Н. Стругацких.

С уважением

Заместитель начальника Договорно-правового управления М. А. Воронкова

Не забывает и Тарковский в своем «Мартирологе» о «Сталкере».

Из: Тарковский А. Мартиролог

22 августа 1976

Если мы не сможем начать «Сталкера» осенью (кажется, не сможем определенно), то начнем съемки с павильона, затем – натура (Москва зимой), и с апреля месяца 77 года – Зона (Исфара). Это обидно, конечно, т. к. весна в Азии – не осень.

<…>

О выборе натуры и начале съемок «Сталкера» в 2006 году вспоминали члены съемочной группы.

Из: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность. Разговор о «Сталкере»

<…>

Г. Рерберг: Натура на «Сталкере» выбиралась два раза. В первый раз – в Исфаре. По-моему, нам посоветовал это место Али Хамраев. Нам оно показалось очень интересным, и мы его сразу утвердили. Однако у меня было впечатление, что эта натура, напоминающая лунный пейзаж, Тарковского не очень устраивала, так же как, в принципе, его не устраивал и сценарий. С самого начала мне казалось, что Андрей взял литературное произведение, которое его не устроит. Так впоследствии и случилось. В повести и, соответственно, в сценарии много внимания уделялось всяким тайнам и загадочным эффектам, за счет которых двигался сюжет. У меня было ощущение, что Андрей такого рода подход к фильму уже перерос. Он освоил его и пережил на «Солярисе», а второй «Солярис» делать не хотел.

Маша, вы помните, как и откуда возник этот сценарий, который Андрей бесконечно переделывал?

Е. Цымбал: По моим подсчетам, сценарий переделывался девять или десять раз.

М. Чугунова: По-моему, больше. Двенадцать или тринадцать. Сценарий «Машина желаний» по мотивам своей повести «Пикник на обочине» братья Стругацкие написали для режиссера Георгия Калатозишвили. Но поскольку

сценаристы они были неопытные, Андрей Арсеньевич им помогал. Однако по каким-то причинам Калатозишвили фильм снимать не стал – то ли его не запустили, то ли еще что-то случилось, я точно не помню. То же самое произошло и с другим сценарием Тарковского «Ариель, или Светлый ветер», который должен был снимать Валерий Ахадов.

Г. Рерберг: То есть «Сталкер» начался с заказного сценария?

М. Чугунова: Да. Причем даже не со сценария самого Тарковского.

<…>

М. Чугунова: Давайте точно восстановим обстоятельства начала работы над «Сталкером». Андрей Арсеньевич запустился с этим сценарием, на тот момент чужим для него. Запустился поспешно, внезапно, без предварительной тщательной подготовки. К тому же в это время он был каждый день занят репетициями, к которым очень серьезно готовился, и сдачей «Гамлета» в «Ленкоме». Он был весь в «Гамлете», на студию приезжал редко. Параллельно двумя делами заниматься ему было необычайно трудно. У него не было времени как следует сосредоточиться на сценарии. Помните, он из Таллина ездил со съемок на поклоны в «Ленком»? До «Сталкера» Андрей Арсеньевич всегда запускался со сценариями, с которыми несколько лет прожил, где каждую сцену, каждую реплику продумал досконально. А тут он ничего этого не успел.

В последний день лета АН снова от имени обоих братьев вопрошает «Молодую гвардию».

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

27 июня мы направили Вам категорический протест против намерения зав. редакцией фантастики и приключений Медведева самовластно издать наш сборник «Неназначенные встречи» в составе всего двух повестей «Малыш» и «Трудно

быть богом», что является вопиющим нарушением договорных обязательств вверенного Вам издательства.

Прошло уже более двух месяцев, но ответа на наш протест мы от Вас не получили. Между прочим, это уже само по себе является нарушением существующих в нашей стране норм реагирования на письма трудящихся.

В данном случае нас по-прежнему интересует, когда издательство «Молодая Гвардия» выполнит свои договорные обязательства и приступит к изданию нашего сборника в договорном составе (т. е. с включением в сборник повести «Пикник на обочине»). По получении положительного ответа мы в тот же день вернем в редакцию рукопись сборника, которую Медведев счел для себя удобным вторично отфутболить к нам.

В ожидании ответа,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

В сентябрьском номере «Авроры» публикуется статья Евгения Брандиса и Владимира Дмитревского о ленинградских фантастах, где АБС подаются как известные в США и Европе фантасты.

Из: Брандис Е., Дмитревский В. «Ленинградская волна» в научной фантастике

<…>

Побывавший в Советском Союзе президент Ассоциации писателей-фантастов США Фредерик Пол заявил, что считает писателями международного класса Станислава Лема и братьев Стругацких.

Приезжала в Ленинград и французская журналистка – составительница двухтомной антологии лучших произведений советской фантастики последних лет.

Между прочим она рассказывала, что во Франции заметно падает интерес к американской научной фантастике и значительно возрастает популярность советской. Из наиболее ценимых во Франции авторов были названы те же братья Стругацкие и Геннадий Гор <…>.

3 сентября МГ отвечает ВААПу.

Из архива. Письмо из МГ в ВААП

Ваш № 1871–12/20 от 8 июля 1976 г.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» действительно, отклонив рукопись повести «Пикник на обочине», как непригодную к изданию и требующую доработки, своим письмом от 25 июня 1976 г. предложило авторам А. и Б. Стругацким подписать в набор сборник, состоящий только из двух повестей «Малыш» и «Трудно быть богом», одобренных редакцией 29 апреля 1975 г.

При этом издательство руководствовалось следующим.

Еще до заключения договора издательство высказывало Стругацким существенные замечания по повести «Пикник на обочине» и в течение трех лет не решало положительно вопрос об издании повести. Публикация ее в «Авроре» не сняла замечаний. Тем не менее авторы в письме от 15 октября 1973 г. настоятельно просили заключить с ними договор, обещая внести в повесть требуемые редакцией исправления.

Отказаться от заключения договора на той стадии работы было неправильно, ибо это создало бы нездоровую атмосферу взаимного недоверия. Учитывая заверения авторов и то, что к тому времени уже была в составе сборника очень хорошая повесть «Малыш», издательство 17 октября 1974 г. заключило с авторами Стругацкими договор № 245. Согласно этому договору авторы обязались создать и передать издательству для издания сборник общим объемом 25 авторских листов под названием «Неназначенные встречи» в составе 3-х новых научно-фантастических повестей: «Малыш», «Пикник на обочине» и повесть (название не указывалось, так как повести еще не было) – о проблемах контакта с внеземными цивилизациями в коммунистическом будущем.

Так как повесть «Пикник на обочине» существовала в то время лишь в первоначальном, журнальном варианте, а третьей повести вообще еще не было – в договоре был указан срок

представления рукописи в окончательном виде. Это обстоятельство давало издательству право после представления исправленной рукописи одобрить ее, отклонить или потребовать новой доработки – в порядке, установленном законом.

Это дает нам право не согласиться с ошибочным утверждением в Вашем письме, будто бы издательство заключало договор на готовое произведение.

Следовательно, к моменту заключения договора отсутствовало основное условие заключения договора на готовое произведение – окончательное одобрение его издательством. Сам факт опубликования произведения в периодической печати, в данном случае в журнале «Аврора», не снимал с издательства обязанности самостоятельно оценить «каждую принятую рукопись» по существу и решить вопрос о ее дальнейшей судьбе. Именно этого требует от издательства типовое положение о подготовке рукописи к изданию, введенное в действие приказом Комитета по печати при СМ СССР №495 от 31 августа 1967 г.

Однако, после заключения договора, вопреки обещаниям, авторы в течение длительного времени и весьма неохотно шли на исправление рукописи «Пикник на обочине», при этом сетуя на материальные затруднения.

Только стремлением пойти авторам навстречу объясняется то обстоятельство, что издательство

а) вместо новой повести «О проблемах контакта…» согласилось включить в сборник ранее издававшуюся повесть «Трудно быть богом»;

б) пошло на одобрение 2-х повестей из обусловленного договором сборника, т. к. доработка «Пикника на обочине» требовала времени.

Авторы, приняв одобрение этих повестей как должное, фактически не завершили работу по замечаниям издательства, которое имеет в своем распоряжении совпадающие с оценкой редакции глубоко аргументированные рецензии о непригодности для издания «Пикника на обочине» без исправления.

Выражая «протест» против исключения повести «Пикник на обочине» из сборника, авторы ссылаются на то, что идейно-художественные достоинства повести якобы получили положительную оценку в газете «Правда» от 8 мая 1976 г.

Что можно сказать по этому поводу?

Во-первых, газета «Правда» рецензии на повесть «Пикник на обочине» не давала.

Во-вторых, в литературных заметках Ю. Смелкова, помещенных в «Правде» за 8 мая 1976 г. под заголовком «Мир фантастики», также не содержится глубокой и всесторонней оценки «Пикника на обочине», а стало быть нет и той положительной оценки повести, на которую ссылаются авторы. Ю. Смелков в названной статье от себя лично, и не более, так как несколько раз он делает оговорку «на мой взгляд», пишет о творчестве ряда авторов в области фантастики. Касательно Стругацких он говорит, что в последних повестях «Пикник на обочине» и «Парень из преисподней» они создают тип своего рода современного «маленького человека», «по-своему порядочного и не лишенного хороших качеств, но социально безграмотного, покорно и без рассуждений принимающего общественный строй, основанный на насилии и несправедливости».

Какого общества этот тип «маленького человека», – ни Стругацкие, ни Смелков не говорят.

Далее Смелков довольно обтекаемо пишет, что «героям Стругацких слишком многое нужно преодолеть в себе, чтобы сделать даже первый, небольшой шаг к гуманистической нравственности, но они все-таки делают этот шаг».

И, наконец, Смелков, говоря о том, что с фантастики не снята ее задача – художественный прогноз будущего, и обращая критику на всех упомянутых им в статье авторов-фантастов, следовательно, и Стругацких, пишет: «Всем памятен огромный успех «Туманности Андромеды» И. Ефремова, романа глубокой социальной мысли, ставшего этапом в развитии советской фантастики. К сожалению, эта линия не получила, на мой взгляд, достойного продолжения: модель будущего, созданная

в «Туманности Андромеды», повторялась, дополнялась в каких-то частностях – не более того».

С учетом изложенного следует прийти к выводу, что Ваши письма №1871–12/20 от 8 июля и № 2038–12/20 от 27 июля 1976 г. не дают издательству оснований для пересмотра своей позиции.

Не получив от авторов согласия на приемлемое и законное предложение об издании сборника в составе 2-х одобренных повестей, издательство оказалось перед фактом нанесения ему материального ущерба в сумме 3042 руб. (60 % гонорара по одобрении 2-х повестей).

Издательство вправе расторгнуть договор по причине отказа авторов внести в рукопись «Пикник на обочине» исправления, предложенные им редакцией. Кроме того, только что, когда готовилось данное письмо, издательству случайно стало известно о другом грубом нарушении договорного условия (п. 4) авторами, которые без разрешения издательства выпустили в 1975 г. договорную повесть «Малыш» в издательстве «Детская литература» (ленинградское отделение). И по этой причине издательство вправе расторгнуть настоящий договор с А. и Б. Стругацкими.

И в первом и во втором случаях авторы обязаны будут возвратить полученный ими гонорар в указанной сумме, а в последнем случае, кроме гонорара, и сумм за все убытки, которые издательство понесло от этого нарушения и – как следствие последнего – от расторжения договора.

Если же авторы будут возражать против возвращения гонорара, издательство оставляет за собой право издать сборник в составе 2-х повестей, с одобрением которых авторы согласились ранее, оставив договор в этой части в силе.

Вопрос о выпуске любого произведения является вопросом производственным, который правомочно решать только издательство или его вышестоящие органы.

Поскольку повесть «Пикник на обочине» из договорного сборника отклонена до одобрения, у авторов отсутствует право на получение какой-либо части гонорара.

Об изложенном просим информировать авторов.
С уважением
Директор издательства В. Н. Ганичев

Письмо Аркадия брату, 5 сентября 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.
Новостей практически мало.
1. Тарковские в деревне и не показываются уже месяц (по словам их соседей, во всяком случае).
2. С Детгизом я связывался, обещались вызвать, когда придет час.
3. Звонил нашему человеку в ВААПе[1]. МолГв не ответила на их запрос, и они послали туда новый – 17 августа. Наш человек порекомендовал мне написать Синельникову еще одно письмо в дерзком тоне: чего, мол, на письма трудящихся не отвечаешь, сука? Имеется в виду наше последнее письмо Синельникову, более чем двухмесячной давности. Я написал это письмо и отправил.
4. Встретился с Хитруком (мультфильм). Договорились писать сценарий фантастико-детективного памфлета, он будет в соавторах. Нам это хорошо, потому что, будь мы одни, сценарий стоил бы 3 тыс., а он будет драться за 6 тыс., да еще я выговорил, чтобы все дела на студии он вел сам, а мы будем иметь дело только с ним. Но это еще долгая история, материал подавать через год-полтора.
5. По поводу театра ничего не слыхать.
Вот всё пока. Как Андрюшка?
Привет твоим. Обнимаю, жму. Арк.

Письмо Бориса брату, 11 сентября 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!
Получил твое письмо. Новостей и впрямь почти нет.
Вышел сигнал детгизовского сборника («Незримый

[1] Перифраз заглавия романа Г. Грина «Наш человек в Гаване».

мост»). Обещают в октябре тираж и предупреждают, что почти целиком он пойдет в Москву. Так что ты там заранее прими меры, если хочешь закупить сборник «в количестве», как говорят нынешние филателисты.

Звонил Андрей Островский из «Авроры». Мягко, но весьма настойчиво напомнил, что мы должны журналу 500 р. Я что-то там ему блеял, договорились на том, что в январе мы ему представим «нашу новую небольшую вещицу, которую мы пишем сейчас для Детгиза». Надо что-то делать, брат! Деньги-то возвращать неохота!

С моим Андрюшкой дело тоже пока все еще неясно: возникла какая-то заминка с финансированием темы, по которой его должны были нанять. Нервы мои! Ох!

Через неделю Адка поедет в отпуск, так что если захотим встречаться, то лучше было бы в Л-де. Правда, мама что-то неважно себя чувствует, но я полагаю, что это скорее нервное (в связи с Андрюшкой и повышенной смертностью среди ее старых друзей).

Звонила Ирена. Никаких особых новостей не сообщила (кроме того, что кто-то там хочет ставить ПнО на телевидении), но снова просила не давать разрешение на перевод зМЛдКС впредь до. Правда, она сказала, что этот вопрос вряд ли возникнет раньше, чем повесть будет целиком опубликована.

Вот, пожалуй, и все мои новостя.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Ленке и Машке – поцелуи!

Тарковский и в деревне не забывает о «Сталкере».

Из: Тарковский А. Мартиролог

<…>

14 сентября 1976

Надо написать письма. Не забыть:

Стругацкому: (*Первая сцена с Женой*. Скандал. Он обещал не ходить в Зону. Идет потихоньку). <…>

Письмо Аркадия брату, 17 сентября 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

Есть некоторые ньюзы.

1. Позавчера встретился с директором и главредом «Таллинфильма», подписал бланки договора на ДоУ. В начале октября приедет наш режиссер, вступим в первичные переговоры. Таллинцы рассказывали, что когда утверждался их план в Госкино, Даль Орлов скорчил было рожу, но возражать против нас не стал.

2. Вернувшись домой, отыскал сценарий ДоУ. Это действительно вариант, когда инспектор вызван заранее. Мне НЕ понравился. Ощущается какая-то нецельность. Зачем там Брюн? И вообще… Впрочем, для первого варианта, вероятно, сойдет. И как отправная точка – тоже. Побеседую с режиссером, будет виднее.

3. Таллинцы предложили принять участие в конкурсе на лучший сценарий о современности, просят фантастику. Мне пришло в голову: а что если зМЛдКС? К сожалению, не догадался спросить у них, можно ли инсценировки. Но подумать стоит. Срок подачи – 25 мая. Премия 4,5, с обязательством постановки за 6.

4. Ганичев, наконец, откликнулся на ВААПовское послание. Глупейшая и длинная отписка. Я взялся в ответ на нее составить меморандум для ВААПа и сделал это. Отношу в понедельник 20-го.

5. Андрея всё нет и нет. Ходят слухи, что он вообще снимать начнет только с января. Точно никто ничего не знает.

6. В Детгизе занялись нами. ДоУ не идет. ПиП – тоже, поскольку вышел в Ленинграде. Предлагают сказку из «Мира приключений» – но под нашими фамилиями. Я сказал: не знаю, это от Бориса зависит. Думай. М. б., попробуем переработать, если тебе стыдно?

7. Насчет 500 руб. «Авроры». Я эти деньги отдавать не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Договор был? Был. Материал представлен? Представлен. Доброкачественный?

Доброкачественный. (См. публикацию в З-С.) Чья инициатива не печатать в «Авроре»? Наша? Нет. Пусть расторгают договор с оставлением за нами аванса по статье 1 договора (три года прошли), по статье 8 (ни одно условие нами не нарушено) и прочая белиберда. Конечно, я понимаю, что ссориться с Островским ни к чему. Но и он пусть не ссорится с нами. Грубо говоря, если он хочет новую вещь – пусть заключает новый договор. И пусть не воображает, что мы что-то должны «Авроре».

Вот пока всё. Жму, целую, твой Арк.

Привет Адке и Росшеперу. Жалко парня. Но не надо быть мудаком, не надо раскисать. Впрочем, не только ему.

«Я взялся в ответ на нее составить меморандум для ВААПа и сделал это», – пишет АН. Он, изучив письмо, посланное директором «Молодой гвардии» в ВААП, составляет подробную записку, в которой перечисляет все неточности и передержки, изложенные директором. Копия этого меморандума сохранилась.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

НА ВАШ Д/89 от 3 сент. 1976 г.

Тов. ГАНИЧЕВУ.

В письме от 15 октября 1973 года, адресованном Вам лично и на которое Вы ссылаетесь, Стругацкие действительно возмущаются тем, что с ними не заключают договора, но отнюдь не обещают внести в повесть («Пикник на обочине») требуемые редакцией исправления, а напротив, напоминают Вам, что еще в мае 1973 года провели по указанию редакции значительную работу по правке сборника и что правка эта полностью удовлетворила редакцию. Авторами было принято тогда 87 замечаний редакции. Кстати, на это письмо Вы так Стругацким и не ответили.

Далее, Вы указываете на то, что отказываться от заключения договора на этом этапе (т. е. в октябре 1973 года) было неправильно. Тем не менее для заключения этого договора со Стругацкими Вам понадобился целый год (с октября 1973 по

октябрь 1974 года), и на протяжении этого года издательство ни словом не обмолвилось о том, что у него вновь появились какие-либо претензии к повести «Пикник на обочине». Претензии были к повести «Отель “У погибшего альпиниста”», замену которой какой-либо иной повестью заведующий редакцией Медведев поставил условием для заключения договора. После некоторых колебаний Стругацкие согласились на эту замену, и редакция избрала для замены повесть «Трудно быть богом» (см. письма Стругацких в редакцию от 28 ноября 1974 года). Претензии к повести «Пикник на обочине» возникли у Медведева лишь в середине мая 1975 года (см. письмо Стругацких к Медведеву от 5 июня 1975 г.), т. е. через целых семь месяцев после заключения договора, и были сообщены Стругацким лишь в начале июля 1975 года, т. е. еще спустя месяц (см. письмо редакции авторам от 8 июля 1975 года). Таким образом, Ваша ссылка на то, что авторы должны были представить рукопись в «окончательном» виде в срок представления, указанный в договоре (15 ноября 1974 года), явно несостоятельна. Далее, то обстоятельство, что заключение договора со Стругацкими не сопровождалось одновременно формальным одобрением включенных в договорный объем произведений, не может иметь никакого отношения к проблеме «готовности» этих произведений. Во-первых, претензии к повести «Пикник на обочине» появились у редакции, как уже было уже сказано, лишь через семь месяцев после заключения договора, а при переговорах о договоре о них не было никаких упоминаний. Мало того, когда Стругацкие дали согласие на замену повести «Отель “У погибшего альпиниста”», Медведев дал им честное слово, что впредь не будет иметь к сборнику (т. е. и к повести «Пикник на обочине») больше никаких претензий. Во-вторых, что тоже уже упоминалось, в мае 1973 года редакция была полностью удовлетворена состоянием повести и уже тогда считала ее «готовой».

Далее, Вы утверждаете, будто после заключения договора авторы, вопреки обещаниям, в течение длительного вре-

мени и неохотно шли на исправление рукописи «Пикник на обочине». В этом утверждении содержатся два ложных положения. Во-первых, сразу после заключения договора (и за год до этого) авторы ничего обещать не могли, ибо, повторяем, вплоть до июля 1975 года претензий к ним не предъявлялось. Во-вторых, странно считать длительным срок с 8 июля 1975 года (день отправления Медведевым претензий к авторам) по 21 июля 1975 года (день, когда авторы вернули Медведеву рукопись с исправлениями). Исправлений было 39 – и это в дополнение к 87 исправлениям, проделанным в мае 1973 года. Что же касается неохоты, с которой авторы шли на исправления, то это действительно соответствует истине, принимая во внимание некомпетентность и волюнтаризм, проявленные редакцией в изобретении претензий. Но, повторяем, две недели, которые ушли у авторов на рассмотрение этих претензий и на удовлетворение приемлемых из них, – срок не очень значительный. Особенно в сравнении со сроками ответов руководства редакции и дирекции авторам: по переписке видно, что простейшие ответы задерживались на месяц, два, а то и не приходили совсем.

По вопросу о том, как издательство «шло навстречу авторам».

Во-первых, ни в ходе предварительных переговоров Стругацких с Медведевым, ни в тексте заключенного договора ничего и никогда не говорилось о НОВОЙ повести, да и странно было бы ожидать от авторов представления новой повести за сроки, указанные в договоре: договор заключен был 17 октября, а повесть должна была быть представлена до 15 ноября 1974 года. Во время переговоров и в договоре речь шла о предоставлении расклейки какой-либо из ранее изданных повестей – «Парень из преисподней», «Трудно быть богом» и «Обитаемый остров» – взамен изъятой по настоянию Медведева рукописи «Отеля “У погибшего альпиниста”», которая, кстати говоря, после переработки в мае 1973 года, представляла собой действительно НОВУЮ повесть. Таким образом, включая «Трудно быть богом» в договорный объем, издательство отнюдь не «шло навстречу

авторам», как Вы пытаетесь утверждать, а напротив, настояло на своем, ущемив интересы авторов («Отель “У погибшего альпиниста”» был бы первым книжным изданием, а «Трудно быть богом» – третьим массовым). Вам известно, что если бы не законное опасение новой волокиты, авторы охотно вернули бы «Отель “У погибшего”» на место «Трудно быть богом».

Во-вторых, невозможно усмотреть никакого благодеяния и в том, что издательство одобрило повести «Малыш» и «Трудно быть богом». Повесть «Малыш» Вы и сами считаете хорошей, а «Трудно быть богом» дважды издавалась в Вашем же издательстве.

Вопрос об авторитетности для Вас и Вашего издательства ЛЮБОГО выступления центрального органа «Правды» мы временно опускаем, так же как и вопрос о праве Вашего издательства расторгнуть договор по причине отказа Стругацких внести в рукопись повести «Пикник на обочине» исправления, предложенные редакцией. Речь как раз и идет о компетентности и разумности предлагаемых исправлений, и делом этим, очевидно, должна будет заниматься экспертная комиссия и, если потребуется, то и суд.

А теперь об ответственности Стругацких за публикацию повести «Малыш» в Ленинградском издательстве в 1975 году. Прежде всего, работникам Вашего издательства было известно о готовящейся публикации: из письма Стругацких Жемайтису 17 мая 1973 года; из письма Стругацких Вам лично 15 октября 1973 года; из письма Стругацких Медведеву 21 июля 1975 года; наконец, из многочисленных упоминаний об этом в ходе устных разговоров с Жемайтисом, Клюевой и Медведевым. Но основное состоит в том, что договор на эту публикацию повести «Малыш» Стругацкие заключили с Ленинградским издательством еще в 1972 году. (Изд-во «Детская литература», Ленинградское отделение, договор №561 от 13 июля 1972 года). В претензии к Стругацким могло быть только указанное издательство, и только в том случае, если бы «Молодая Гвардия» издала «Малыша» до 13 июля 1976 года.

Исполнил А. Стругацкий, 16 сент. 76 г.

Письмо Бориса брату, 21 сентября 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

1. Это хорошо, что дело с ДоУ-С зашевелилось. Жалко, что тебе не понравился уже готовый вариант сценария. Я, правда, давно не перечитывал, но когда-то он был мне вполне по душе. Впрочем, наши чуйства, полагаю, особой роли здесь не играют. В качестве первого варианта сценарий, несомненно, годится, а далее все будет решать режиссер. (Та же Брюн – тебе она кажется лишней, я тоже не считаю, что она так уж необходима, а вот Лешка некогда в ней что-то видел.) Только держи меня в курсе режиссерских требований.

2. зМЛдКС несомненно надо попробовать на конкурсе таллинцев. Выясняй поскорее, можно ли инсценировку. Или, в крайнем случае, «по мотивам». (Все равно же придется что-то переделывать и упрощать для сценария.)

3. Что же ты не напишешь, в чем суть ганичевского письма? Интересно же, что он пишет, в каком тоне и вообще. Обязательно отпиши конспективно.

4. Я очень против сказки в Детгизовском сборнике. Категорически! Тут и нежелание раскрывать (официально) псевдонимы, и убежденность, что горбатого могила исправит, и нежелание вообще заниматься этой мочой. Ведь есть же выбор: «Малыш», «Радуга», «Путь на Амальтею», «Стажеры». Может быть, даже попробовать ПнО в каком-нибудь облегченном варианте? В общем, все что угодно, только не эту дурацкую сказку. «Извне», в конце концов, – тоже дерьмо, но тут хоть оправдание есть: дерьмо старое, давнее, засохшее. А в самом крайнем случае – пустить только ПНвС, в чистом виде, как и при первом издании. Пусть в деньгах потеряем (кстати – гроши), но честь дороже.

5. Насчет «Авроры» ты, брат, пишешь что-то не то. Сам же пишешь: «ссориться с Островским ни к чему», и сам же предлагаешь образ действий, который ни к чему, кроме ссоры, привести не может. Разумеется, если мы ничего

предложить им к январю не сможем, они, наверное, спишут эти 500 р. Но если я даже буду вести себя при этом униженно и заискивающе, все равно это наши акции там подорвет. («Не забудь про Козлова, мой мальчик!»[1]) Если же я вдобавок примусь там права качать, то дело будет и вовсе дрянь. («Как же можно со Стругацкими связываться, если они по договору пишут черт-те что, а потом еще и права качают? Конечно, З-С эту штуку опубликовало, но у нас-то тут не З-С, над нами обком стоит, у нас – специфика. Если они этого не понимают, пусть как хотят…») В общем, я хочу сказать, что единственный у нас с тобой правильный путь не требовать у них никаких новых договоров, а написать им небольшую вещицу листа на три: и с ними разойдемся по-хорошему, и для Лендетгиза дадим материал, и вообще новое нечто, наконец, напишем. Такое вот будет мое мнение. И даже неплохо, что А. Т. собирается снимать с января. Значит, до января у нас есть возможность раза три встретиться по 10 дней за раз и накатать повестуху.

4-а. Кстати, а почему, собственно, твой Детгиз не может взять ПиП? Ведь сборник намечается на 78-й, а ПиП вышел только что, в 76-м. В чем тут препоны?

6. Пользуюсь случаем еще раз тебе почтительнейше напомнить: а) зМЛдКС надо запасти экзов сто – половину в любом случае мне, будет все оплачено; б) Если хочешь иметь Лендетгизовский сборник «Незримый мост» – сделай заказ в своей лавке: повторяю, в Л-де этот сборник будет не достать.

7. У меня новостей нет. Читал в ЛитОбозе наш интервев[2] – вполне прилично, хотя и покурочили его малость (не знаю только, кто – то ли Севочка, то ли Галя Силина, журналистка). Вернулся Брандис из Польши, говорит, что было очень приятно видеть: двадцать стендов двадцати стран с изданиями НФ и на каждом стенде – Стругацкие.

---

[1] Перифраз рефрена из сказки Р. Киплинга «Откуда у кита такая глотка»: «Не забудь про подтяжки, мой мальчик!» (перевод К. Чуковского).

[2] От чего не свободна фантастика… / [Беседу записала] Г. Силина // Литературное обозрение (М.). – 1976. – № 8.

Завтра Адочку отправляю на юг отдыхать, а сам остаюсь, ибо Андрюху все еще на работу не пристроил (по независящим).

Лешка Герман родил сына, наконец. Фильм его приняли, дали вторую категорию[1]. Почему-то мне кажется, что дадут в конце концов и лауреата какого-нибудь. В любом случае, с интересом жду, когда наш Лешечка вспомнит о ТББ.

Уже известно точно: с 1 января сертификаты отменяются. Будут какие-то чеки, для всех одинаковые («с полосой», «без полосы» – все это отменяется), причем цена этого «чекового» рубля будет равна рублю обыкновенному. В общем, они нас, по-видимому, доели-таки. Будем получать гонорары в размере 30 рублей за 40 долларов.

Вот и все пока. Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку и Машку целуй.

21 сентября МГ в очередной раз предлагает издать сборник из двух повестей.

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые тт. Стругацкие!

В письмах издательства от 1 и 18 июня 1976 г. Вам были даны исчерпывающие ответы на Ваши настоятельные требования относительно ускорения издания сборника в составе 3-х повестей.

25 июня 1976 г. редакция возвратила Вам рукопись повести «Пикник на обочине», как непригодную к изданию без доработки, и одновременно предложила подписать в набор сборник, состоящий из повестей «Малыш» и «Трудно быть богом».

Получив от Вас письмо от 27 июня с. г., мы поняли, что оно, судя по срокам, было отправлено Вами еще до получения из редакции письма и рукописи, подготовленной к набору, и естественно, ждали от Вас ответа.

[1] Алексей Герман-мл. родился 4 сентября 1976. Фильм – «Двадцать дней без войны» (по военной прозе К. Симонова).

Однако вместо получения от Вас подписанного в набор сборника издательство 8 июля с. г. получило письмо из ВААП за №1871–12/20 с изложением вашего «протеста». На поставленные в данном письме вопросы издательство дало в ВААП обстоятельный ответ, о чем просило Вас информировать.

В настоящее время издательство вновь подтверждает свою готовность издать сборник в составе повестей – «Малыш» и «Трудно быть богом», а при вашем согласии на доработку по ряду замечаний, высказанных издательством, и повесть «Пикник на обочине».

Директор издательства В. Н. Ганичев

Главный редактор В. М. Синельников

В конце сентября АБС встречаются в Ленинграде – обсудить новости, прикинуть какие-то сюжеты…

Рабочий дневник АБС

26.09.76

Приехал Арк потрепаться.

27.09.76

Нач<альник> эксп<едиции>	биолог	Макнолл Джозеф	– 60 лет	+
	врач	Махиро Симода	– 40 лет	
	радист	Марк Ван Блерком	– 25 лет	+
Охотник-профессионал	пилот	Уоллес Уиллер	– 50 лет	+
	повар	Рассел Цукерман	– 40 лет	+
Биолог	(по обмену)	Владимир Волынец	– 35 лет	
	биолог	Йервант Ходж	– 30 лет	+
	палеобиолог	Готфрид Мёллер	– 30 лет	
	миллионер	Роберт Мȯнак	– 60 лет	
	слуга	Сэм Рефсдел	– 65 лет	

1. Приступы бешенства у Макнолла.

2. Симода обнаруживает дневник.

3. Симода проверяет кровь у Макнолла.

4. Симода приходит к выводу, что космич<еские> пришельцы ни при чем. Спрут.

5. Симода сообщает Макноллу.

6. Макнолл пытается связаться с губернатором. Разбивает рацию. Пилот пьян, и Макнолл гибнет на вертолете.

7. Симода уводит в горы радиста (через 7 дней придет корабль, а надежда на связь плохая).

8. Смерть повара. Симптомы.

9. Похороны.

10. Расправа с пилотом, лишенным алкоголя.

11. Новый начальник Мёллер, приказ не расставаться.

12. Доктор идет проведать радиста, тем временем прибывает полицейский на моторке. (Радист уже умер.)

13. Доктор уничтожает катер и вывешивает желтый флаг.

14. Ночью лопается Ходж. Похороны.

15. Полицейский начинает следствие, натыкается на рефрижератор.

16. За обедом ни с того ни с сего доктор: «Я нашел радиста». – «Где?» – «На горе». – «Как вы его нашли?» – «Он там жил». Приносят радиста.

17. Вертолет. Желтый флаг. Выпал с вертолета. Доктор пытается зажечь солярку. Не умеет. «Зажигайте четыре костра».

18. Исповедь доктора. Истерика Мёллера. Самоубийство.

19. Ждут, пока потечет в подвал солярка. Беседуют об ответственности.

20. Эпилог на базе. Чемодан «не приносить три дня».

28.09.76

М<ожет> б<ыть,> Волынец догадался и САМ вывесил желтый флаг?

Арк уехал.

[Запись между встречами]

Внешние события:

1. Гибель Макнолла

2. Исчезновение радиста Марка

[пункты 1 и 2 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т. зр. повара»]

3. Смерть повара

4. Исчезновение охотника Уиллера

[пункты 3 и 4 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т. зр. Уиллера»]

5. Жуткая смерть Ходжа.

6. Полицейский находит трупы в рефрижераторе

[пункты 5 и 6 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т. зр. Мёллера?»]

7. Вертолет

8. Исповедь

[пункты 6, 7 и 8 обведены сбоку фигурной скобкой с надписью: «т. зр. полиц.? м. б. доктора?»]

Именно об этом сюжете пишет БН в самом начале «Комментария к пройденному».

Из: БНС. Комментарии к пройденному

Внезапно обнаруживаешь, что забыл, оказывается, то, что, казалось бы, всегда раньше помнил и что должен был бы помнить всегда.

Например: когда мы задумали и начали собирать материал по сказочной повести, названной тогда условно «Маги» и ставшей впоследствии известной под названием «Понедельник начинается в субботу»? В архиве есть разрозненные наброски. Есть заметки. Есть заготовленные впрок смешные имена и хохмочки специального назначения. А вот даты – нет. Нет даты.

Разумеется, сохранился (в значительной степени) архив. Сохранилось большинство писем. Сохранились рабочие дневники. Сохранились кое-какие черновики, заметки и наброски. Брульоны. Но!

Вот, скажем, запись в рабочем дневнике (26.09.1976). Подробный список имен действующих лиц, с указанием возраста и профессии – как бы для пьесы. Подробное расписание событий под названием «вид общий».

<…>

Помню, что все они погибают. Помню, что задумывалось все это как фантастический детектив. Помню, что действие происходит на острове… Но ЧТО ИМЕННО там происходит? Отчего они все умирают, один за другим? Болезнь? Чудища из моря? Пришельцы?

Почему пилот (он же охотник-профессионал Уоллес Уиллер, 50 лет) был «лишен алкоголя»? Кем лишен? С какой целью? И как с ним, черт побери, «расправились»?

В чем исповедался доктор <…>? Доктор – это, видимо, Махиро Симода, 40 лет. Но может быть, и Пак Хин, 55 лет, который был врачом некоего миллионера Роберта Монака, 60 лет. Меллер – это Готфрид Меллер, 30 лет, палеобиолог, но что за истерика с ним случилась?..

Ясно, что в те далекие поры, двадцать с лишним лет тому назад, основная ситуация задуманной повести была настолько нам очевидна, что мы даже не потрудились записать ее (не в первый и не в последний раз). А потом замысел был отставлен, и все благополучно позабылось.

<…>

Возможно, этот сюжет связан с одним из вариантов СНРО – сюжетом «Предательство человечества» (см. запись между встречами 29.10.72 и 26.02.73). Но сюжет так и не был использован Авторами, лишь в ЖВМ всплыли имена Ван Блеркома и Симоды-Синоды, а отголосок сюжета – в ВГВ, в истории про убийства на острове Матуку.

4 октября ВААП уточняет детали у АНа.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

В порядке проработки вопроса о выборе правовой позиции в связи с последним письмом издательства «Молодая

гвардия», просим Вас помочь нам уточнить следующий вопрос.

Издательство указывает на публикацию «Малыша», осуществленную ЛО Детгиза в 1975 году. В Вашей записке от 16 сентябре 1976 года Вы ссылаетесь на письма Жемайтису от 17 мая 1973 г. и Ганичеву от 15 октября 1973 г., где по существу говорится о состоявшемся уже издании «Малыша».

Или издательство ошибочно указало 1975 год, или же действительно состоялось два издания в Ленинграде (до 1973 года и в 1975 году).

Ждем Ваших сообщений.

С уважением

Начальник авторско-консультационного отдела ДПУ[1] В. И. Харуто

Письмо Аркадия брату, 5 октября 1976, Дубулты – Л.

Дорогой Борик.

Пишу из Dubulti.

1. Из Таллина не приезжали.

2. Письмо от Тарковского:

а) сейчас в группе предподготовительный период (не знаю, что это такое); съемки начнутся в январе; нас зачисляют на жалованье с октября.

б) для публикации «Сталкера» в «Искусстве кино» следует много доделать в сценарии; что именно – он хотел объяснить при встрече, но встреча не состоялась: он уехал на октябрь в Таллин.

в) Цитирую: «Мне кажется, я придумал первую сцену – с женой. Должен быть скандал. Он обещал жене не ходить больше в Зону. Собирается тайком (никакой рыбалки и специальных костюмов). Она обвиняет его в том, что тот не держит слова. Истерика. Появляется Мартышка (на шум). Сталкер уходит. Здесь есть возможность увидеть в ней и ведьму, и замученную бабу, и крайнее их состояние. В состоянии ссоры

[1] Договорно-правовое управление.

легко выразить и прошлые обиды, и жизненные проблемы (бедность, мутации, его профессиональные свойства, судьбу и решение всё бросить). Потом, мне кажется, контраст (она в истерике – и она в финале) облегчит восприятие ее нежности, верности и твердости». Вот так. Мне это тоже представляется выходом. Думай, я тоже буду думать.

3. Затем приехала Маша (ассистентка Андрея), привезла фотографии трех основных актеров: Сталкера – Кайдановского, Профессора – Гринько и Писателя – Солоницына. Лариса (жена Андрея) звонила, подтвердила, что с октября мы на жаловании, она сама этим займется.

4. По Детгизу новостей тоже пока нет.

5. И по МолГв – тоже.

6. По возвращении из Дубулт я должен встретиться с Эдиком Бархударяном из ред. сов. русск. прозы в «Сов. Писателе».

7. Пьеса в Министерстве встретила плохой прием. Получена плохая рецензия. Но наши театральные друзья собираются ее отстаивать.

8. Были у меня ребята из «Знание – сила». Принесли (пока) 50 экзов. На другой день я получил по почте 170 ряб за № 9.

Пока всё. Жму, целую. Арк.

Привет твоим.

8 октября киностудия «Таллинфильм» заключает договор с АБС на подготовку сценария ОУПА. Срок сдачи рукописи – 5 января 1977 года.

У БНа же прибавляется домашних проблем.

Письмо Бориса брату, 14 октября 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Отвечаю тебе не сразу, потому что писать в Дубулты было уже поздно, а в Москву – еще рано.

Я тут нахожусь в полном ошалении. Маме нехорошо. Было уже четыре невропатолога, все они в общем сходятся: микроинсульт без особо вредных (пока) последствий.

Лежать, лежать и лежать. Ходит сестра, колет папаверин. Вводили сначала эуфиллин внутривенно, но маме от этого стало совсем плохо – отказались. Субъективно чувствует она себя ни шатко, ни валко: иногда ничего, а то вдруг начинает болеть голова (по-моему, это совпадает с переменой погоды). До сих пор я ездил к ней каждый день, но сегодня вот не поехал – оклеивал окна, вставлял стекла и т. п. Было особенно плохо, пока Адка была еще в отпуске, а я свалился в гриппе, но теперь Адка вернулась, и мне малость полегчало. Зато вновь начались осложнения с Андрюхой. Вторично он пытается устроиться лаборантом при Университете, и вторично какая-то незримая, но мощная рука чинит ему препятствия. На кафедре есть место лаборанта, и нужен лаборант позарез, а в отделе кадров заявляют, что такой ставки не существует.

Сам понимаешь, что в такой ситуации я вам с Тарковским не помощник. Думайте пока сами, я потом подключусь. Идея с истерикой жены в первой сцене мне в общем нравится, но, по-моему, такая сцена не исключает «рыбалки», спецкостюма и пр. А что это за идея публикации сценария в «Искусстве кино»? В первый раз слышу. По-видимому, ты опять забыл мне это рассказать.

Из Таллина мне звонили неделю назад – уточняли наши данные для договора, так что дело, видимо, движется.

Что пьеса встретила дурной прием – наср… 25 проц. получено, и гори они все огнем. Не расстраивайся.

Деньги из «Знания» получил. Оказывается, это за зМдКС! А я-то голову ломал. Кроме того, получил 735 из «Мира» – гонорар за ТББ (хорошо бы узнать, на каком языке). Из Лендетгиза пришли на сб/книжку еще тыща с небольшим – это все, что осталось за ПиП.

Получил письмо из ФОЛЬК УНД ВЕЛЬТ – вышло второе издание ТББ, а также сборник ф-ки под названием «Попытка к бегству» – по нашей вещи. В письме была еще реклама ВНМ с картинкой обложки – ожидается этой осенью в серии СПЕКТРУМ (очень престижная серия, где ф-ка – редкость).

Вот, кажется, и все мои новости. Башка плохо варит, возможно, что-то и забыл.

Целую, твой [подпись]

P. S. Ленуське и Маше – привет!

19 октября АН встречается с Тарковским, о чем пишут и Тарковский в своем дневнике, и АН – в письме брату.

Из: Тарковский А. Мартиролог

20 октября

<…>

Снимать «Сталкера» буду с 26 января.

<…>

Вчера был Аркадий Стругацкий. Мы почти до самого конца придумали сценарий.

<…>

Письмо Аркадия брату, 21 октября 1976, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Надеюсь, мама получила мое последнее письмо из Дубултов. Я был бы очень благодарен, если бы ты сообщил мне поскорее последние новости о ее здоровье. Как только она почувствует себя получше, в смысле – посещение мое не станет ей в тягость, я бы приехал дня на два-три. Вообще-то я, конечно, ночевать и столоваться у нее воздержусь, но повидать ее очень хочется. Сообщи, брат, ее состояние и ее мнение на этот счет.

2. Неудачно всё складывается, и я, разумеется, буду справляться здесь один. Вчера был у Тарковского, просидели с ним часов пять, обговаривали дальнейшую работу. Договорились вот о чем. Мы с ним тщательно пройдем по сценарию всё необходимое до нового года. В январе начнутся съемки. До этого времени надо устроиться таким образом, чтобы у него остался бы минимум шансов на то, чтобы нас туда вызывать. А необходимое, над чем я с ним сейчас буду вкалывать,

сводится к следующему: а) Первая сцена. б) Психологическое обоснование (в диалогах) поведения и целей Профессора и Писателя. в) Подробная разработка топографии и порядка приключений на маршруте похода. Работать договорились по звеньям: я выполняю по его указаниям первое звено, иду к нему, первое звено уточняется, затем получаю указание на второе и т. д. Пока договорились, что первое звено (первую сцену) я предъявляю ему в понедельник-вторник, 25–26-го.

3. По поводу публикации сценария в «Иск. кино». Ты сам забыл. Когда-то еще летом Лариса сообщила мне, что Андрей хочет передать сценарий в этот журнал, у него просят. Тогда же мне из журнала позвонили. Я сослался на самого Тарковского и забыл об этом. Теперь вопрос всплыл снова. Я поговорил вчера с Андреем и уговорил его не делать этой глупости. Не надо высовываться до того, как сделан фильм. Потом – пожалуйста. В ежегоднике «Лучшие сценарии советского кино».

4. Вчера же была у меня встреча с Кромановым (Таллин-фильм), обговаривали предварительные детали (жанр, возможную стилистику фильма и т. д.), а главным образом – принюхивались друг к другу. Он, по-моему, ничеГё парень. Но, разумеется, до прихода договора и до получения аванса я и пальцем не двину, хотя кое-какие соображения у меня уже есть. Кстати, он предложил название «В тупике». Мне оно понравилось: и место действия в тупике, и пришельцы загнаны в тупик, и главный герой в морально-нравственном тупике – уверен, что поступок его совершенно правильный, и при этом знает, что ничего хорошего из этого поступка не получится.

5. В Дубултах встретился и неплохо сошелся с Торопыгиным. Он очень просил новую повесть. Кстати, как раз в это время на несчастную «Аврору» свалилось новое бедствие: из 11–12 номеров обкомовские цензоры сняли повесть Битова. Экая, брат, пакость!

6. Если всё будет благополучно, мы кровь из носу встречаемся во второй половине ноября и начинаем повесть.

Такое мое мнение. А как ты? Я остановлюсь у друзей, буду приезжать к тебе, будем работать часика по три-четыре (мне больше всё одно нельзя), время от времени навещать маму. А?

7. У меня здесь тоже полный лазарет: Машка тяжело болеет гриппом, Ленка тоже куксится. Но ничего: гамбарэ-гамбарэ! – что означает «держи хвост пистолетом»[1].

Обнимаю, твой Арк. Привет твоим.

А письмо твое, пущенное 14-го, пришло 20-го, хоть и авиа.

Письмо Бориса брату, 26 октября 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Последнее время мамочка чувствует себя неплохо (тьфу-тьфу-тьфу). Врач разрешил ей подниматься и вообще «постепенно входить в жизнь». Так что она помаленьку бродит, уже готовит себе еду сама, начала читать, смотреть телевизор, раскладывать пасьянсики, а вчера я у нее был, так мы даже забили одну тыщёнку. Колоть ее перестали, из лекарств оставили только аминалон. Мы с ней теперь перешли на прежний режим встреч – буду у нее бывать по понедельникам и четвергам, а созваниваемся – ежедневно. Надо думать, что еще недельку-другую мне следует побыть на стреме, а потом, бог даст, можно будет и мне приобрести прежнюю мобильность.

Я знаю, что она приглашала тебя, но думаю, что ты, разумеется, прав: жить тебе у нее не след – какие ни минимальные, а все-таки дополнительные хлопоты. Однако, если работать мы станем у меня, а к маме будем наезжать только поиграть в картишки да попить чаёк и курить станем в маленькой комнатке, то все будет, вероятно, ОК. Трудно только будет уговорить ее на такой режим.

Так что предлагаемые тобою планы работ я полностью принимаю.

[1] Возможны также следующие переводы японской идиомы: делать все от тебя зависящее, проявлять максимум энергии и настойчивости, упорствовать в достижении цели.

Не помню, писал ли тебе, что из Таллина уже пришел договор на сценарий. Правда, весь он сплошь на эстонском, не понять ни хрена, но надо думать, что аванс тоже не замедлит.

Деньги за детгизовский сборник с ПиП я уже получил (1024 р.), но самого сборника так и не видел. Боюсь, что и не увижу – ни у кого его нет.

Давеча позвонил Чистяков и очень порадовал: Стругацкие попали в БСЭ. Где-то неподалеку от т. Сталина, и статья примерно столь же маленькая, но без фото. Пустячок, а приятно. Никак не ожидал. Всегда считал, что в БСЭ из современных писателей попадают только лауреаты.

Вот, кажется, и все мои новости. С большим нетерпением жду результатов твоей беседы с человеком из «Сов. Писа».

Обнимаю, твой [подпись]

30 октября АН пишет покаянное письмо в ВААП.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемые товарищи!

Имею сообщить вам следующее:

1) В данном случае в указании даты издания «Малыша» ошибся, по-видимому, я. Второе книжное издание «Малыша» было осуществлено ЛО Детгиза именно в 1975 году. (По договору № 561 от 13 июля 1972 года.)

2) Первое книжное издание «Малыша» в сборнике «Эллинский секрет»[1], тоже ЛО ДЕТГИЗА, было осуществлено в 1973 году (по договору № 406 от 14 июня 1971 года).

3) О подготовке и осуществлении обоих публикаций «Малыша» редакция научной фантастики «Молодой Гвардии» была извещена задолго до заключения с нами договора в 1974 году.

С уважением,

А. Стругацкий

[1] Фактически – «Талисман».

А 10 ноября АН отправляет повторное письмо в большой ЦК – Зимянину.

Из архива. Письмо от АБС в ЦК КПСС

Уважаемый Михаил Васильевич!

12 июля с. г. мы послали Вам письмо, в котором изложили историю наших мытарств в связи с изданием нашего сборника «Неназначенные встречи» в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» и обратились к Вам с просьбой употребить Ваш авторитет, чтобы заставить руководство издательства выполнить свои договорные обязательства.

Не исключено, конечно, что повесть наша «Пикник на обочине», из-за которой и потянулась эта скверная волокита, Вам не понравилась, и потому Вы сочли нашу позицию неправильной и не заслуживающей поддержки. Тогда, как говорится, тем хуже для нас.

Но на тот случай, если Вы отнеслись к нашей просьбе сочувственно и приняли хотя бы какие-то меры для ее удовлетворения, мы берем на себя смелость сообщить Вам, что за эти четыре месяца положение с изданием нашего сборника не изменилось ни на йоту.

С искренним уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

В этот же день Тарковский записывает в своем дневнике:

Из: Тарковский А. Мартиролог

10 ноября 1976

<…>

В Москве много дел:

1. Написать план сценария и послать Стругацким в Ленинград. Аркадию письмо. Мне показалось, что они бездельничают.

<…>

Однако АБС не бездельничают. Уже на следующий день они встречаются в Ленинграде. Правда, работают они не над сценарием «Сталкера». Они обсуждают сюжет, который позже вставными главами попадет в ЖВМ, – операцию «Мертвый мир» на Надежде.

Рабочий дневник АБС

11.11.76

Прибыл Арк в Лрд. Думаем над повестью для Д<ет>Г<иза>.

12.11.76

Думали.

13.11.76

Фабулы:

На некоей планете началось стремительное снижение геронтического порога (преждевременное старение организма: к началу действия средний уровень смерти от старости – 20 лет). Детей до 12-летнего возраста еще можно спасать, но только при условии удаления их с планеты. 40 лет назад Странники предложили правительствам полную эвакуацию планеты (все равно, старше 12-ти лет вымрут от старости, но дети будут стареть нормально). Хаос.

Социально-психологические группы по отношению к этому предложению:

а) Те, кто поверили и согласились уходить с детьми.

б) Те, кто не поверили, но испугались и тоже ушли.

в) Те, кто усмотрели в этом коварный умысел, и бежали прятаться.

г) Те, кто усмотрел в этом коварный умысел и стали сопротивляться.

В течение ближайшего 10-летия группа «а» росла. В результате через 10 лет за счет исхода, ускоренного старения и гибели от лишений население уменьшилось в 100 раз и стало страшно разбросанным. Порог старения всё понижается. Цивилизация рухнула. Оставшиеся одичали. О причинах происшедшего через 40 лет известны только легенды.

Странники, убедившись, что добровольцев для исхода больше нет, приняли принудительные меры к спасению оставшихся детей (о взрослых больше не думали):

а) Продовольственно-игрушечные ловушки;

б) Роботы-зазывалы (а ля гаммельнский крысолов).

Сами Странники на планете не показываются: видимо, для них планета опасна, как и для населения.

К моменту прибытия землян остатки населения делятся на:

а) Мутанты, не подверженные ненормальному старению:

α) Фашисты, одержимые властолюбием;

β) Альтруисты, кот<орые> стремятся собирать детей и отсылать их на пункты;

б) Одичавшее население, кот<орое> прошлого не знает и воспринимает настоящее как должное. К «α» они относятся с почтением, а «β» ненавидят, как и роботов.

физическое вр<емя> жизни		биологич<еский> прирост за год	физиологич<еский> возраст
12		0	12
13	1	4.2	16.2
14	2	5.7	21.9
15	3	6.5	28.4
16	4	7.6	36.0
17	5	9.3	45.3
18	6	11.8	57.1
19	7	15.6	72.7
20		21.3	94.0

[Ряды 15 и 16 обведены сбоку фигурной стрелкой с надписью: «расцвет»]

14.11.76

Что они видят:

1. Заманивающий робот («дервиш») – пытаются вступить в контакт, но «дервиш» уходит. Принимают его за безумного.

2. Лавка-ловушка: вкусности и игрушки, те же, что и у «дервиша» – устанавливают связь между «дервишами»

и «лавками». Одно из предположений: «дервиши» разворовывают «лавки». Вопрос: откуда в дикой стране берутся «лавки»?

3. Эпизод «старик у склада», умирает, маузер. Щекн уходит долой от страха.

Действующие лица:

а) Прогрессоры:

Максим,

Рики – с чутьем на опасность,

Чингиз – его друг, великий дипломат и льстец, кличка Талейран, если обижается – Чингиз-хан,

Щекн – голован с планеты «ОО»;

б) Штаб: Горбовский, Комов, Вандерхузе (?).

4. Голованы делают вид, что они – друзья, младшие братья человека, а на самом деле – агенты своего племени, мечтающего об экспансии. Об этом после ухода Щекна с горечью думает Максим.

5. Чудовищная стая в 1000 гол<ов> одичавших псов, идущих по Невскому, и Щекн их поворачивает. Смелость ужасная, не вяжется с трусостью в эпиз<оде> 3.

6. Встреча с детьми, идущими к своему старшему брату. Контакт. Максим: он умер. Дети: мы знаем, иначе он бы вернулся. Мы идем в «лавку». Так велел брат на случай своей смерти.

7. Кабины-транспортеры, вроде телефонных будок, натыканы где угодно.

8. Предупреждение от другой группы: ни в коем случае не заходить в «лавки». Кто-то зашел и пропал.

9. Собеседование с Капитаном, офицером-контрразведчиком. С ним вступила в контакт другая группа ценой 4-х тяжелораненных (из пулемета 11-летние дети). Версия причины катастрофы. А Комов интерпретирует как попытку форсированного прогресса: освободить детей от отцов одним махом.

11. Разбитые будки. Разгромленная лавка с пушкой на прямой наводке.

12. Гибель прогрессора.

13. Дохлые «дервиши», похожи на брошенные дырявые комбинезоны.

Виды «дервишей»: клоуны и охотники (с иглой наркотика) – вид пауков, чтобы можно было его шлепнуть и поглядеть, что внутри; – прогрессоры идут с детьми, и вдруг «паук» выскакивает на них, его расстреливают в упор. Нападение в расчете на вооруженное сопротивление, зигзагами, но Прогрессоры быстрее. Первая встреча с «пауком» – в будке. Раскрывают дверь, а он там сидит притаившись. Припирают будку бревном снаружи. Заманиватели – замаскированные под стариков.

15. Ни одного эпизода, где охота именно за детьми. Захваченные ребятишки и Капитан рассказывают об этом.

16. Капитан является к Горбовскому, и это признак того (в чем он и признается впоследствии), что дело дрянь, перспективы нет. Хотя он и хорохорится: в моем р<айо>не будок не осталось, «дервишей» я бью с пушечного выстрела, ребята – орлы, с шести лет в строю, у меня договор с соседним вождем, хотя он и свинья и распутник. От него и узнают, что до 12 лет нормально, а затем – дряхление. От него же узнают о мутанте-биологе, кот<орый> захватил военную лабораторию, сидит как в крепости и пытается найти средство против геронта. Молодых ребят брал в науку – сначала я ему давал, а теперь сомневаюсь.

17. Прицел-индикатор, изобретенный биологом. Отличать робота от человека.

18. Причина катастрофы – страшное нарушение экологического баланса: планета жутко загажена, берега в мазуте, реки – помойки, лес – сухостой, заводы – центры химизированных пустынь.

15.11.76

Капитан выходит на группу Максима, приняв их за сопланетников, либо уцелевших на другом материке, либо сумевших справиться с бедствием.

Капитан убивает Талейрана, обнаружив внезапно, что Прогрессоры – пришельцы. Как он это узнал? Часы; сужающиеся зрачки; три фразы-ловушки – из двух земляне выкарабкиваются: насчет затмения (наша декада, каждые восемь дней); насчет угощения несуществующей рыбой. А в точку попал – «У вас на Севере тоже ампутируют спинной гребень?». Тут наши и попались.

16.11.76

Хронология:

1. Разбитые будки (одна до начала повести, другую показываем).

2. «Дервиш» (нападение, а первая встреча – до начала).

3. Стая собак.

4. Идут на звук музыкальной машинки. Административное здание (в рядовые дома они заходили раньше) – гостиница на площади, фонтан с дождевой водой, в коридоре у распахнутой двери – трупы «дервишей», пулевые пробоины в стенах в изобилии, но стреляли не из комнаты. А в комнате сидит «дервиш» живой, крутит музыкальный ящичек. Видно, что здесь жили сравнительно недавно.

5. Когда выходили из подъезда, слышатся выстрелы у них в тылу.

6. Разгромленная лавка с пушкой.

7. На другой стороне улицы – остановленный эскалатор для массовых перебросок.

8. Целая будка с пауком.

9. Смерть старика. Щекн уходит.

10. Эпизод с заманивателем. Сидят ужинают, замечают, что он сидит и смотрит.

11. Лавка в ночи, сообщение о запрещении входить.

12. Появление детей. Роботы по ночам не работают.

13. Утро. Появляется заманиватель, расталкивает землян, берет детей за руки и уводит. Нападает паук. Его убивают, а заманиватель дает деру, бросив детей. Тут его срезают люди Капитана.

14. Беседа с Капитаном.

15. Ловушка Капитана и разрядка.

16. Эпиложная часть.

Мимикриновые комбинезоны.

[на отдельном листке]

[См. рис. со схемой продвижения на стр. 4 вклейки. Надписи:

«10–15»

«площадь лавки, последнее место действия»

«склад, старик» «9»

«будка с пауком»

«Дом Занимат<ельной> Науки» «8»

«Эскалатор массовой переброски, много автомобилей» «7»

«пер<еулок> 33»

«автомобили»

«Информация от Рэма об экологическом кризисе»

«лавка, разбитая из пушки» «6»

«23» пер<еулок>

«отель»

«22» пер<еулок>

«4» и «5»

«собаки» «3» «11h33»

«пер<еулок> 2»

«2-й дервиш» «2»

«пер<еулок> 16»

«разбитая будка» «1»

«пер. 15»]

Информация от Комова:

1. Яма закрыта энергозаслоном.

2. Ясно, куда делось население – искать новые скопления автомашин и шапки тумана.

3. Вспомнили Миньковского, кот<орый> требовал поставить эту планету на первую очередь для исследования – 40 лет назад.

4. О нынешних представлениях о переходах в соседствующие пространства.

[См. рис. на стр. 5 вклейки.]

17.11.76

Информация от других групп:

1. Лингвистическая информация.

2. Обстреляли.

3. Опасности от животного мира.

4. Информация о загаженности (частная от друга, возгл<авляющего> другую группу) – мазут и дохлые моржи. Не танкер развалился, а образ жизни.

5. От другой группы – второй час идем по свалке.

Свалочная группа ни с кем не встречается: только выполняет задачу по определению уровня цивилизации.

Пороговая группа: посевное поле, детишки убирают урожай под охраной троих молодцов с винтовками. Не пускают дальше. Дети для них – слуги и рабы. Констатируется чудовищный инфантилизм. Полные дикари и варвары.

18.11.76

С чего начать?

19.11.76

Ни хера.

20.11.76

Внутреннее неустройство Максима: острое сознание непрерывного психологического конфликта с человечеством. С одной стороны: Прогрессор – благороднейшая профессия, спаситель цивилизаций, профессиональный благодетель. С другой, как индивидуум, – он страшен для землян: умеет лгать, нападать, бить и даже, говорят, убивать. Но это – Максим.

Рики – святая простота, этой стороны для него не существует.

Чингиз – горд этой своей исключительностью, бравирует этим, хотя и хорошо понимает Максима и жалеет его. «Ты – ассенизатор и водовоз, человечеством призванный и мобилизованный»[1].

Эпизод. Максим жалуется: «Другим группам везет, у всех капитаны – Прогрессоры, а у нас – Вандерхузе». В случае

[1] В. Маяковский, «Во весь голос»: «Я, ассенизатор / и водовоз, / революцией / мобилизованный и призванный».

чего – другие капитаны без размышлений бросят корабль на противника, чтобы распугать, разогнать, а вот как будет вести себя Вандерхузе – еще, чего доброго, начнет сначала соображать, кто прав и кто виноват. Так и случилось: когда в эпилоге Максим вернулся, Ван спросил: что вы там натворили? Инстинкт благородства: завышение интеллекта партнера по контакту, комплекс социальной вины перед меньшим братом.

Экспериментируют: полевые испытания мимикриновых комбинезонов и устройств для снятия изображения с сетчатки. На корабле сидят эксперты, один потребовал, чтобы кто-нибудь вернулся для перестройки шлема и комбинезона. В потоке информации идут технические рекомендации: попытайтесь включить то-то и переключить то-то.

Предыстория Максима: операция на Гиганде, организовал аресты имперского генералитета, был ранен, лечился на Земле и закадрил врачиху.

Вспомнил о Раде, которая видела в нем чуть ли не бога. После разгрома подводного флота Островной Империи Максим вернулся, Рада валялась у него в ногах, ибо сдалась домогательствам Зефа и вышла за него замуж. Максим вздохнул с облегчением: как раз в это время ему категорически приказали вернуться – Корней заинтересовался мальчишкой, который не погиб на незнакомой планете да еще натворил делов.

21.11.76

Арк уехал.

Вернувшись, АН застает у себя телеграммы из МГ: отправленную 18 ноября – «ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ОТ ВАС НЕТ ОТВЕТА НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВЫСКАЗАННЫЕ В ПИСЬМЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА ОТ 21 СЕНТЯБРЯ 1976 ГОДА ПО СБОРНИКУ НЕНАЗНАЧЕННЫЕ ВСТРЕЧИ ПРОШУ УСКОРИТЬ ОТВЕТ = ЗАВЕДУЮЩИЙ РЕДАКЦИЕЙ МЕДВЕДЕВ» (такая же телеграмма была направлена и БНу), – и отправленную следующим днем – «ПО ПОВОДУ ВАШЕГО СБОРНИКА ПРОШУ БЫТЬ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ 22 НОЯБРЯ С<ЕГО> Г<ОДА> ОТ 14–00 ДО 16 ЧАСОВ КОМНАТА 511 = ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР СИНЕЛЬНИКОВ».

Спустя несколько дней АН описывает происшедшее брату.

Письмо Аркадия брату, 24 ноября 1976, М. – Л.

Дорогой Борис.

События развернулись столь стремительно, что я еще не до конца осознал ни их сути, ни возможных последствий.

По приезде домой обнаружил я на столе телеграмму от Синельникова с приглашением явиться к нему на следующий день (22-го) в его контору. Пошел я, взяв с собой для демонстрации недоверия Лешу Шилейко. Имела место полуторачасовая беседа в присутствии некоей дамы из числа заместителей Синельникова и, позже, Медведева. Характерно, что Авраменки не оказалось на месте. Синельников сообщил: высшие партийные инстанции обратились с запросом по поводу Стругацких в агитпроп ЦК ВЛКСМ. 6 октября Агитпроп переслал ему, Синельникову, бумагу, в которой объявил, что не имеет возражений против публикации ПнО после удаления из текста жаргонных слов и вульгаризмов. Значит, все было на мази уже с 6 октября, но нам об этом ничего не говорили. Только второе письмо к М. В. Зимянину, видимо, подвигло этих стервецов на решающую с нами встречу. Ладно. Договорились, что мы выполним некоторые замечания редакции (они уже лежали наготове), и повесть будет пущена в производство. Замечания, помимо мифических вульгаризмов (я тут же предложил, чтобы нам конкретно указали, какие это вульгаризмы и где они имеют находиться), сводились к просьбе переменить название Хармонта (как намека на Ближневосточные события (?)), имя Мосол-Катюша (как содержащее намек на любимую в народе песню «Выходила, песню заводила»[1]) и еще пара примеров такой же бредятины. Конечно, не обошлось и без «покойников», но тут в бой вступил Леша и решительно объяснил, как профессор и доктор наук (в рядах противника движение, все застегиваются на все пуговицы), что «покойники» необходимы, т. к. подчеркивают в символе идею повести: термодинамика пошла с появлением пришельцев в обратную сторону.

[1] «Катюша», слова М. Исаковского, музыка М. Блантера.

Непонятно, но внушительно. И мы ушли, провожаемые настоятельной просьбой поскорее вернуть рукопись для быстрейшего окончания дела.

Рукопись на следующее утро (23-го) отнесла к Синельникову Наташка, причем произвел он на нее отвратительное впечатление, был вульгарен и груб, так что Наталье пришлось поставить его на место. Но это всё пустяки, потому что в 18.30 в вечер того же 23-го произошло долгожданное событие – заседание комиссий по фантастике и приключениям с целью обсудить план…

На этом месте письма явился Мирер и предался воспоминаниям о вчерашнем, он тоже присутствовал на этом историческом деле вместе с Верой.

Так вот, сюжет дела изложить затрудняюсь, а фабула сводится к следующему. От МолГв имели место Синельников, Медведев, Зиберов, Фалеев и еще какая-то сволочь. И началась мясорубка. Их рубили вручную, на самом высоком идеологическом уровне. Вскрылись такие вещи, что волосы дыбом становились. Я, конечно, знал и раньше о трагической смерти воронежского фантаста Железнова и самоубийстве Юлия Файбышенко, но тут привели их предсмертные письма в редакцию, копии чудовищных рецензий, свидетельства жены первого и матери второго… факты отвратительного шантажа, грубостей, безграмотности и чего только еще нет. Синельников пробовал отмежевываться и защищаться, да ничего не получилось. Выступали: Юрий Кларов, Кикнадзе, Понизовский, Адамов, Витя Смирнов, Лагин, я, Гуревич, Вайнер младший, Юра Давыдов, Юрий Смирнов. Большинство имен тебе ничего не говорит, это приключенцы и детективщики и авторы историко-революционной темы. Я хотел выступить как мэтр по твоему совету, но стенографистки попросили говорить громче, а орать и оставаться мэтром решительно невозможно. Суть моего выступления сводилась к тому, что все безобразия в редакционной работе происходят от вопиющей некомпетентности нынешних работников редакции и выразил свое общее мнение, что их надобно всех

сместить, а директору и главному редактору основательно подумать о своей ответственности за эти безобразия. Заключил собрание Парнов. Его тезисы: 1. (в ответ на слабый писк Синельникова, что СП не вправе обсуждать внутрииздательские дела) Совет создан по указанию высоких инстанций и наделен правом следить за порядком в деятельности не только издательств (по соответствующим жанрам, разумеется), но и в кино и в телевидении, и в театре. 2. Совет не считает для издательства возможной нормальную работу при нынешнем составе редакции. 3. Совет предостерегает Синельникова, на случай если ему вздумается мстить выступавшим здесь авторам. Рим был великолепен. Мы были восхищены. Да, по единодушному мнению ничего подобного этому заседанию не было уже лет пятьдесят. Заседали четыре часа без перерыва, зал был набит битком, и никто не уходил ни на минуту.

Вот что могу сообщить по горячим следам. Не знаю, как это обернется для нашего сборника, но я счел себя должным выступить так, как я выступил.

Жму, обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею. Будем ждать дальнейших событий.

Письмо Бориса брату, 2 декабря 1976, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Пишу внеочередное письмо с единственной целью: сообщить, что путевки у меня на руках. Первый день 15, последний – 26 декабря. Комнаты 37 и 39 (третий этаж, одна комната тупиковая, между нами живет Дворецкий). Так что жду тебя 14-го. Не забудь захватить нумера З-С, а также все, что понадобится впредь[1].

Выяснил ли ты насчет гонорара за № 10?

Получено ли и намечается ли одобрение за ПнО?

Все ли ладно с Тарковским? До меня дошли какие-то странные и неприятные слухи.

[1] Отсылка к роману И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

Я мучаюсь фурункулами и сижу над рецензией на будущий Лендетгизовский сборник.

Мама чувствует себя удовлетворительно.

На сем кончаю.

Твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

8 декабря АНу отправляют два письма из ВААП.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Как Вы сообщили нам по телефону, Вы были приглашены в издательство «Молодая гвардия» для переговоров по поводу Вашего сборника.

Сообщите нам, пожалуйста, о существе договоренности между Вами и издательством «Молодая гвардия», если она была достигнута, чтобы мы могли предпринимать дальнейшие шаги с учетом новой ситуации.

С уважением

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Сообщите нам, пожалуйста, о существе договоренности между Вами и издательством «Молодая гвардия», состоявшейся после обмена письмами ВААП – «Молодая гвардия».

В рабочем порядке мы получили информацию от издательства о том, что по существу урегулированы все спорные вопросы по выпуску в свет Вашего сборника. Стоит ли нам в данной ситуации продолжать производство по Вашему заявлению от 29/VI–76 г.

С уважением

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

Тем временем 10 декабря сам АН посылает два письма в «Таллинфильм»: главному редактору Таллинфильма и режиссеру будущего фильма.

Из архива. Письмо от АБС в «Таллинфильм»

Уважаемый Энн Юрьевич!

Мы с сожалением должны признаться, что работа наша над сценарием «Отеля “У погибшего альпиниста”» несколько застопорилась. Виною, конечно, и то обстоятельство, что в ноябре-декабре один из нас тяжело болел, но это бы еще ничего, потому что черновик сценария был готов у нас уже к началу декабря. Самое главное – нас этот черновик совершенно теперь не удовлетворяет, и, отталкиваясь от него, мы нашли несколько иное решение сюжета, более, как нам кажется, интересное и более близкое к идее и стилистике, о которых мы договаривались с Григорием Ермовичем при личных встречах.

Теперь возникает такая проблема:

– либо мы сравнительно быстро пишем вариант по имеющемуся черновику, и тогда сможем представить этот вариант в срок, обусловленный договором (5 января 1977 года);

– либо Студия предоставит нам пролонгацию до 1 февраля, и тогда мы сможем представить Студии более совершенный вариант.

Нечего и говорить, что с точки зрения чисто творческой эта вторая альтернатива устроила бы нас гораздо больше.

Так или иначе, мы официально обращаемся к Студии и к Вам, Энн Юрьевич, в частности, с просьбой перенести срок предоставления первого варианта сценария «Отель “У погибшего альпиниста”» на 1 февраля 1977 года.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

П. Н. Рукопись «За миллиард лет до конца света» высылаю. Пожалуйста, не выпускайте ее из поля своего зрения.

Из архива. Письмо от АНС в «Таллинфильм»

Дорогой и уважаемый Григорий Ермович!

Вероятно, после нашего разговора по телефону письмо это огорчит и разочарует Вас, но подобные срывы случаются и не с такими, как мы.

Приступил я после болезни к работе над превращением черновика в первый вариант и с ужасом увидел, что никуда всё написанное не годится. Нет основной идеи, о которой мы говорили, не найдены и нужные интонации. Много лишнего и нет необходимого. Короче, получилась жалкая инсценировка, а никак не настоящий новый сценарий.

И я взял на себя смелость, не посоветовавшись с Вами, обратиться на «Таллинфильм» с письмом, в котором прошу продлить срок предоставления сценария до 1 февраля будущего года.

Ей-богу, так получится лучше. Если пролонгацию разрешат, будет сценарий, который удовлетворяет хотя бы авторов. Не разрешат – что ж, предоставим в обусловленный срок вариант, который заведомо не удовлетворит никого.

Просим Вас присоединиться к нашей просьбе и поддержать ее перед Энном Юрьевичем.

Сердечный привет Вашей супруге.

Ваш [подпись]

На следующий день АН отвечает на вопросы ВААПа.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемый тов. Харуто!

По Вашему запросу имею сообщить следующее.

19 ноября мною была получена телеграмма от главного редактора изд-ва «Молодая Гвардия» Синельникова. Содержание телеграммы: «По вопросу вашего сборника прошу быть издательстве 22 ноября с г от 14–00 до 16 часов комната 511 = Главный редактор Синельников».

22 ноября в 14.30 я явился в кабинет Синельникова. Наученный горьким опытом переговоров с нынешними работниками издательства «Молодая Гвардия» с глазу на глаз, я пригласил в свидетели предстоящего разговора профессора Шилейко А. В., заведующего кафедрой электроники МИИТа. Синельников против присутствия Шилейко не возражал. Со стороны издательства при переговорах присутствовал один из заместителей Синельникова (дама, фамилии я не запомнил) и, несколько позже, зав. редакции фантастики и приключений Медведев.

Разговор начался с того, что Синельников сообщил мне, что более препятствий к опубликованию повести «Пикник на обочине» не имеется, и зачитал письмо к нему, Синельникову (как я понял), из отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, содержание которого сводилось к тому, что этот отдел не возражает против опубликования повести «Пикник на обочине» после очищения текста повести от вульгаризмов и жаргонизмов. Письмо это было датировано 6 октября с. г.

Далее последовала деликатная перепалка. Синельников предлагал, чтобы мы, авторы, сами отыскали и устранили упомянутые вульгаризмы и жаргонизмы, я же, ссылаясь на то, что этим делом мы, авторы, занимались по замечаниям редакции уже дважды за прошедшие годы, приняв более сотни таких замечаний, предлагал дать новые конкретные замечания самой редакции. Исходил я при этом из допущения, что отдел агитации и пропаганды ничего конкретного в виду не имел, а основывался лишь на самых общих обвинениях в наш адрес со стороны редакции в ее переписке с отделом агитации и пропаганды, имевшей место в предшествующие месяцы в результате наших обращений в высшие инстанции.

В конце концов Синельников согласился со мной и поручил Медведеву как можно скорее дать нам список конкретных замечаний. Кроме того, Синельников зачитал подготовленный Медведевым список других замечаний, по большей

части совершенно незначительных (впрочем, с некоторыми из них не согласился и он сам).

На этом дискуссионная часть беседы закончилась, и была достигнута следующая договоренность: я на следующий же день возвращаю рукопись в редакцию; редакция подготавливает свои замечания и возвращает мне рукопись для их отработки; я в кратчайшие сроки учитываю эти замечания и возвращаю рукопись в редакцию, которая и сдает ее сразу же в производство. На этом мы расстались.

На следующий день, 23 ноября утром, я отослал рукопись с дочерью к Синельникову. Синельников рукопись принял и дал расписку.

С тех пор никаких известий из издательства я не получал.

Следует, однако, иметь в виду такое обстоятельство.

23 ноября вечером состоялось обсуждение планов редакции фантастики и приключений, организованное в ЦДЛ комиссиями по приключенческой и фантастической литературе. Очень быстро обсуждение планов переросло в обсуждение поведения работников редакции по отношению к авторскому активу. Выступили полтора десятка известных в упомянутых жанрах писателей, и в свете этих выступлений деятельность редакции, возглавляемой Медведевым, выступила в очень неприглядном и даже страшном виде. Беспардонная ложь, грубость, запугивание, открытый шантаж практиковались работниками редакции повсеместно. А за трагическую гибель одного воронежского писателя и самоубийство одного писателя-москвича редакция, по общему мнению, несет полную если и не уголовную, то моральную ответственность. Честно говоря, наши с братом мытарства показались мне совершенно мелкими и незначительными: нам ведь всего-навсего врали, водили нас за нос. Впрочем, я тоже выступил и выразил мнение, что все эти несчастья являются следствием абсолютной некомпетентности нынешнего состава редакции и его полной профессиональной непригодности, и дал понять, что по моему мнению ответственность за все это должны нести

и директор издательства Ганичев, и главный редактор Синельников. Руководители комиссий фантастики и приключений, которые одновременно являются и членами руководства Всесоюзного Совета по фантастической и приключенческой литературе вынесли решение передать протокол этого заседания (выступления стенографировались) в ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ и в Секретариат СП. Следует еще отметить, что контрвыступления и реплики присутствовавших на заседании работников редакции и Синельникова были весьма неубедительны.

О заседании 23 ноября я сообщаю Вам, тов. Харуто, для информации, чтобы Вам яснее было положение редакции в настоящее время.

С уважением,

[подпись АНа]

В декабре о «Сталкере» у Тарковского в «Мартирологе» появляется только одна запись.

Из: Тарковский А. Мартиролог

14 декабря

<…>

Со «Сталкером» так: 2-й режиссер – Коля Досталь. Звукооператора пока нет.

Сталкер – от *stalk* – красться.

В конце декабря АБС работают в Комарово – правят сценарий «Сталкера» для Тарковского и пишут начало черновика об операции «Мертвый мир».

Рабочий дневник АБС

[Запись между встречами]

По мере приближения к «эскалатору» растет число машин.

15.12.76

Ком<наты> 37, 39.

Приехали в Комарово писать повесть, но придется писать добавление к сценарию для Тарк<овского>.

16.12.76

Сделали 3 диалога.

17.12.76

Сделали еще что-то. Дошли до бани.

18.12.76

Дошли до посл<едней> сцены в кафе.

19.12.76

Закончили работу со сценарием для Тарковского.

20.12.76

Пытаемся начать повесть ВД.

Сделали 3 стр.

Вечером сделали 2 стр.

Идея: только Мак и Щекн.

21.12.76

Сделали 4 стр.

Вечером сделали 2 стр.

22.12.76

Сделали 5 стр.

Б. едет в город лечить раны (фурункул).

А. тоже едет в город.

23.12.76

Б. получает машину!

А. тоже не теряет времени даром.

24.12.76

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 1 стр.

25.12.76

Сделали 5 стр.

Вечером сделали 2 стр.

И ПРЕРВАЛИСЬ НА 28 СТР.

26.12.76

Вернулись в Лрд.

Дома АБС получают корреспонденцию: официальный ответ из «Таллинфильма», письмо от Ирены Вейсайте – супруги Кроманова – о рукописи ЗМЛДКС и письмо из ВААП.

Из архива. Письмо БНу из «Таллинфильма»

Уважаемый Борис Натанович!

Студия удовлетворяет Вашу просьбу и продлевает срок представления сценария «Отель “У погибшего альпиниста”» до 01 февраля 1977 года.

С уважением Директор К. Выза

Из архива. Письмо АНу из «Таллинфильма»

Уважаемый Аркадий Натанович!

Спасибо за рукопись. Прочитали ее одним дыханием. Фантастическим материалом Вы бьете не в бровь, а в глаз, попадаете в самое больное место и, увы, ощущаете начало конца за миллиард лет (может быть, Вы в этом слишком оптимистичны, если принять Вашу цифру серьезно) до его наступления. Мне кажется, человек погибнет гораздо раньше, чем мир, в котором он живет, раньше, чем наступит его физическая смерть.

Всего в письме не напишешь. Опасаюсь лишь, что мысли и чувства, ради которых написана Ваша книга, дойдут только до тех, кто находится с Вами на одной или, по крайней мере, на соседней волне.

С наилучшими пожеланиями и в надежде на новые встречи,

Ирена [Вейсайте]

Григорий Ермович просит передать сердечный привет.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Благодарю Вас за письмо с подробной информацией. То, что Вы в принципе договорились с издательством, можно

расценить как шаг к успешному разрешению конфликта. Надеюсь, что представители издательства назвали Вам сроки выполнения своих обязательств перед Вами.

Я просил бы Вас информировать ДПУ о дальнейшем движении дела с тем, чтобы мы могли подключиться на нужном этапе.

Если потребуется наше вмешательство, сообщите, мы готовы оказать помощь в любое время.

С уважением

Начальник Авторско-консультационного отдела

В. И. ХАРУТО

В конце года Авторы в цейтноте – так много начатого. Кажется, что все стронулось с мертвой точки. Вот теперь-то и пойдет непрерывная работа – с ожидаемыми итогами. Сценарии, ранее казавшиеся лишь подработкой, дали результат. И если сценарий ОУПА в «Таллинфильме» они еще не считают делом, могущим принести плоды (кроме какой-то оплаты), то со сценарием «Сталкера» они работают всерьез, по полной программе. Вроде бы уже на выходе сборник «Неназначенные встречи». Да и публикации пошли – ПИП в ленинградском сборнике «Незримый мост», ЗМЛДКС в «Знание – сила»… И литературоведы продолжают «баловать» Авторов вниманием: в сборнике трудов «Ономастика и форма» исследуется склонение имени «Перец» в УНС (Калакуцкая Л. П. Склонение собственных имен (фамилий) в отношении к норме), в научных трудах Тюменского университета ТББ приводится как пример «реализации метафоры», создающей «иллюзию близости» научной фантастики и мифа, упоминаются АБС и в БСЭ, и в «Детской энциклопедии», изданных в этом году…

Увы, впереди еще десять лет застоя и неизбежные разочарования. Но этого АБС пока не знают.

1977

Письмо Аркадия брату, 3 января 1977, М. – Л.

Дорогой Борис.

На сегодня, 3 янв. 77 г. положение такое:

1. Тарковский болен, мы не виделись, следственно, сценария он еще не читал. Я говорил с Ларисой (его жена), так что он в курсе, в любой момент может со мной связаться.

2. «Знание-сила» № 12 благополучно вышел, наши 50 экзов лежат у Татьяны дома. Татьяна очень удивилась, когда я сообщил ей, что у них вышла из-за нас заминка. Ничего там подобного не было, задержка с выходом была вызвана техническими причинами, да и задержка-то была всего неделю. Я полагаю, шухер был не в «Знании-силе», а в издательстве «Знание», где Войскунский составляет сборник НФ с нашей вещью в центре. Правда, Войскунский тоже ничего не знает.

3. В МолГв идет ревизия и комиссия, по слухам ее возглавляет сам Деревянко (секретарь ЦК ВЛКСМ по пропаганде). Но это только слухи, достоверно никто ничего не знает. И чем сердце успокоится – тоже никто не знает.

4. С театральными делами всё, кажется, на мази, не сглазить бы. Виделся я со своим главным, сдал последний вариант пьесы по его приказу на распечатку, 6-го или 7-го мы с ним идем в Министерство культуры требовать утверждения и выплаты, и сразу, не дожидаясь лита и утверждения, начинаются первичные репетиции. Актеры уже определены, всем пьеса очень нравится, а с другой стороны она стоит в утвержденном репертуаре и медлить с нею областное управление театру не позволяет.

5. Статейку Смелков написал очень милую, нужна только подпись Жоры, мы с ним должны были встретиться вчера, но он почему-то даже не позвонил. Лукин уже на стрёме, будет шуровать насчет «Известий».

6. Усиленно работаю над сценарием ДоУ (ныне называется у меня «Убийство в отеле “У Алека Сневара”»), делаю по

десятку страниц в день… Совпадение: как раз на этом месте письма позвонил Кроманов (наш таллинский режиссер), он в Москве, и это здорово удачно, потому что я рассчитываю закончить дня через три, сразу дам ему читать, мы вместе приведем всё в соответствие и будем уже на студии выступать единым фронтом.

Такие дела. Всем приветы, поздравления с наступившим и т. д. Обнимаю, твой Арк.

Из: Тарковский А. Мартиролог

7 января 1977

Снял пробы к «Сталкеру»: Солоницын, Гринько, Кайдановский. Еще не видел. Болен.

<…>

У БНа в это время свои заботы. 9 января о своем новом качестве – автовладельца – он рассказывает в письме Штерну.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Задержался с ответом на Ваше письмо, так как получил, наконец, своего «запорожца» с полным комплектом хлопот, забот и развлечений. Телефон наяривает, на столе громоздятся нераспечатанные письма, а я знай себе подтягиваю разнообразные гайки или торжественно сползаю на брюхе (автомобильном, разумеется) в снежную канаву…

<…>

А днем раньше об этом же пишет брату:

Письмо Бориса брату, 8 января 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо и спешу ответить.

Как безумный мотаюсь со своим проклятым автомобилем, отвинчиваю и завинчиваю на двадцатиградусном морозе

разнообразные гайки, протираю стекла, заливаю бензин и масло, корчусь под потоками проклятий, каковые извергает на меня Сашка за тупость, рукомашество и дрыгоножество во время вождения, дома почти не бываю, все забросил, лежит гора нераспечатанных писем… деньги за рецензию никак не соберусь получить! В общем, ад кромешный.

Новостей, пожалуй, никаких нет. Выслушал массу слухов по поводу исторического заседания и семинара молодых в Москве – ничего стоящего. Видимо, никто ничего толком не знает. В «Авроре», видимо, произойдет скоро смена начальствующего состава. Наше бюро под давлением начальства снова (в третий раз за последние 15 лет) было вынуждено рассмотреть заявление пресловутого Львова о приеме в СП. Отклонили по формальным соображениям (рекомендации десятилетней давности при наличии недавней разгромной статьи в «Журналисте»).

Твои действия, разумеется, полностью одобряю, только вот название фильма мне не понравилось: очень уж длинно; может быть, просто – «Убийство в отеле»? Или, скажем: «Полицейский инспектор и другие»? Впрочем, все это, я думаю, несущественно.

Как бы тебе все-таки подвигнуть себя на оказание давления по поводу одобрения за ПнО? Может быть, письмо туда написать? Так, мол, и так: почему до сих пор нет одобрения? Ждем, мол. Пора! Надо на гадов давить и давить – сейчас самое для этого время.

Вот пока и все.

Целую, твой [подпись]

P. S. Не забудь позвонить Беле насчет зМЛдКС для Чолича! Попроси выслать срочно!

P. P. S. Ленуське и Машке приветы и пожелания!

БН в письме советует брату писать в «Молодую гвардию», но АН решает по-своему и действует через ВААП – 11 января пишет очередное письмо Виталию Харуто.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемый Виталий Игнатович!

Простите за задержку с ответом: я только что вернулся в Москву.

Сообщаю, что в ходе переговоров с представителями издательства никаких конкретных сроков выполнения своих обязательств никто не называл. Было просто сказано, что работники редакции В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ перешлют нам свои замечания, мы эти замечания В КРАТЧАЙШИЕ СРОКИ учтем (или не учтем), после чего рукопись будет сдана в производство.

Это было, напоминаю, 22 ноября 76 года, рукопись была передана (возвращена) нами в издательство 23 ноября 76 года, с тех пор никаких известий от издательства мы не имеем.

Возможно, имеет смысл запросить главного редактора издательства тов. Синельникова о причинах задержки.

С уважением,

А. Стругацкий

Неделю спустя ВААП запрашивает издательство.

Из архива. Письмо из ВААП в МГ

Договорно-правовое управление получило информацию о том, что в результате переговоров между издательством и авторами Стругацкими достигнута договоренность о возможности выпуска в свет сборника их произведений в соответствии с договором от 17 октября 1974 г. № 245.

В настоящее время (с 23 ноября 1976 г.) рукопись сборника находится в издательстве. Авторы выражают беспокойство в связи с отсутствием замечаний со стороны издательства, о чем было условлено на состоявшихся в ноябре 1976 г. переговорах.

Просим сообщить нам причину задержки, поскольку, как информировал нас А. Стругацкий, одним из решающих факторов подготовки рукописи к выпуску в свет являлась

договоренность об оперативности действий как авторов, так и издательства.

С уважением

Зам. Начальника Договорно-правового управления

М. А. Воронкова

В конце января чуть не случается непоправимое, о чем Вячеслав Рыбаков извещает Бориса Штерна.

Из: Рыбаков В. Жизнь сама плыла к нам в руки…

<…>

30.01.77 [письмо Б. Штерну]

…параллельно с этим Аркадий Натанович был в реанимации. Может, ты это уже и знаешь из чьих-либо писем, а может, и нет. Пошел зуб вставлять, что ли, – и вот: спазм дыхательных путей. Чуть не осиротели мы, Борька!

<…>

Рабочий дневник АБС

29.01.77

Арк приехал к маме писать ВД. Отравлен наркотиками[1].

30.01.77

Трепались.

31.01.77

Сделали 4 стр.

1.02.77

Сделали 2 стр.

2.02.77

Сделали 5 стр.

3.02.77

Сделали 4 стр.

4.02.77

А. выпил. Не работали.

[1] Про спазм дыхательных путей ничего не помню, но как раз в это время ему делали зубы, кололи обезболивающие и, видимо, перебрали лишнего. АН был какой-то обалделый. – *БНС*.

5.02.77
Сделали 4 стр.
6.02.77
Сделали 4 стр.
7.02.77
Сделали 5 стр.
8.02.77
Сделали 4 стр.
9.02.77
Сделали 4 стр.
10.02.77
Сделали 4 стр.
11.02.77
Сделали 4 стр.
12.02.77
Сделали 4 стр.
И ПРЕРВАЛИСЬ НА 76 СТР.
13.02.77
А. уехал.

Последняя страница, возможно, показалась читателю скучной, но не будем забывать ХС: «Это находит на меня иногда: беру старые свои рукописи или старые дневники, и начинает мне казаться, что вот это все и есть моя настоящая жизнь – исчерканные листочки, чертежи какие-то, на которых я изображал, кто где стоит и куда смотрит, обрывки фраз, заявки на сценарии, черновики писем в инстанции, детальнейше разработанные планы произведений, которые никогда не будут созданы, и однообразно-сухие: “Сделано 5 стр. Вечер. сдел. 3 стр.”. А жены, дети, комиссии, семинары, командировки, осетринка по-московски, друзья-трепачи и друзья-молчуны – все это сон, фата-моргана, мираж в сухой пустыне, то ли было это у меня, то ли нет».

И чуть раньше там же:

«Я листал страницы с однообразными записями:

“2.04. Сдел. 5 стр. Вечером 2 стр. Всего 135 стр.

3.04. Сдел. 4 стр. Вечер. 1 стр. Всего 140…”

Это у меня верный признак: если никаких записей, кроме статистических, не ведется, значит, работа идет либо очень хорошо, либо на пропасть».

Почти так, по второму варианту, и вышло: повесть под аббревиатурой «ВД» не задалась. И лишь позднее частично вошла в ЖВМ.

7 февраля Медведев отправляет ответ АНу.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Прежде всего прошу меня извинить за некоторую задержку с присылкой замечаний по рукописи «Пикник на обочине». Задержка вызвана длительным академическим отпуском старшего редактора Д. Зиберова, моей болезнью, а также занятостью в связи с известной Вам встречей в ЦДЛ 23 ноября 1976 г.

Как Вы, очевидно, помните, при обсуждении дальнейшей работы над рукописью, состоявшемся 22.XI.1976 г. у главного редактора издательства Синельникова В. М., Вы любезно согласились внести определенные коррективы в рукопись.

Редакция еще раз самым внимательным образом перечитала рукопись, ее отрецензировал член редсовета нашего издательства писатель-фантаст А. П. Казанцев (копию рецензии прилагаем). По мнению редакции, перед сдачей окончательного варианта рукописи авторам следует:

– четче сказать, что Кирилл Панов не просто русский, но и советский специалист;

– дать более подробное обоснование появлению «покойников»;

– заменить в тексте понятие «эмиграция» на «миграция», «переезд», «переселение», соответственно переименовать и «Бюро эмиграции»;

– переименовать Хармонт, Хармонтское радио, изменить прозвище «Катюша Мосол»;

– смягчить могущие вызвать двусмысленное толкование акценты темы «Зоны» (понятие «Зона», равно как и «железный занавес» используются западной пропагандой в идеологической борьбе против СССР, стран социалистического содружества):

– несколько смягчить эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти сцены диалоги;

– дать более четкое обоснование феномену Золотого шара в целях снятия налета мистицизма.

Помимо этих редакционных замечаний просим учесть указание ЦК ВЛКСМ: «при окончательной доработке рукописи обратить внимание на необходимость устранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой». Не конкретизируя это указание, редакция надеется, что Вы, уважаемый Аркадий Натанович, вместе с Борисом Натановичем, будучи опытными писателями-фантастами, сами изыщете пути для облегчения повести от вульгаризмов и жаргонной лексики.

Работу над окончательным вариантом просим вести по второму экземпляру, находящемуся у Вас. Первый экземпляр в настоящее время передан художнику Р. Авотину, иллюстрирующему сборник «Неназначенные встречи». Выход сборника запланирован на текущий год, поэтому редакция заинтересована в скорейшей сдаче рукописи в набор.

С глубоким уважением и надеждой на плодотворное содружество

Зав. редакции фантастики, приключений и путешествий Ю. М. Медведев

14 февраля, немедленно по приезду из Ленинграда, АН отвечает Медведеву.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

Тов. Медведев!

Письмо Ваше получил с задержкой на неделю, так как не был в Москве.

По существу имею сообщить следующее.

Во-первых, мы не имеем возможности вести работу над окончательным вариантом по второму экземпляру, ибо второй экземпляр уже несколько лет находится в Вашем

Издательстве, будучи сдан на иллюстрацию (иллюстрации уже были сделаны, в чем Вы легко убедитесь, запросив художественную редакцию). Впрочем, по второму экземпляру вести работу все равно было бы нельзя, ибо вся сумма в сотню исправлений (в частности, вульгаризма и жаргонной лексики), сделанных по требованию как предыдущего, так и нынешнего состава редакции, вносились только в первый экземпляр, тот самый, который, по Вашим словам, находится сейчас у художника Авотина. Единственный возможный выход: взять рукопись у Авотина на неделю и переслать мне.

Во-вторых, по поводу наших поправок, предлагаемых редакцией.

1. Во всем мире вот уже более полустолетия понятие «русский» ассоциируется с понятием «советский». Но если редакция настаивает «четче сказать, что Кирилл Панов не просто русский, но и советский специалист», труда для нас, конечно, не составит.

2. Обоснование появления «покойников» приведено в рукописи по журнальному варианту с достаточными подробностями. Разработка дальнейших подробностей выведет повесть за рамки художественной литературы.

3. Охотно согласен заменить везде в повести термин «эмиграция» на термин «переселение».

4. Охотно переименуем выдуманное название «Хармонт» на любое, столь же выдуманное, напр. «Мармонт», а прозвище «Мосол Катюша» хотя бы на «Мосол Лизавета», «Мосол Абраша», «Мосол Абдурахман» и так далее.

5. Относительно требования «смягчить могущие вызывать двусмысленное толкование акценты темы «Зоны». Признаться, я не понял этой причудливой фразы. Акценты, которые могут вызвать двусмысленное толкование… да еще акценты темы… Для меня это слишком сложно, прошу пояснений. Что касается использования понятия «Зона» западной пропагандой, то это соображение тоже представляется странным. Любому человеку видна разница между понятием «железный занавес» и «зона», как и разница в их словоупотреблении.

На наш взгляд слово «зона» вполне уместно (и точно) для обозначения области, где высаживались неведомые Пришельцы и которую они, Пришельцы, вольно или невольно превратили в западню и приманку для человечества.

6. Непонятно еще и требование «несколько смягчить эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти сцены диалоги». Что это значит: несколько смягчить? Мир, который мы описываем, это очень жестокий мир, где «человек человеку волк», он погряз в драках, в пьянстве и прочих безобразиях. Мы сетуем, что у нас воображения недостает, чтобы показать его во всем безобразии, а Вы предлагаете «несколько смягчить». Впрочем, укажите конкретно, что именно по Вашему мнению следует смягчить, тогда можно будет и говорить конкретно.

7. «Четкое обоснование феномену Золотого Шара» мы <дать> – увы! – не в силах. Мы не являемся представителями сверхцивилизации. Мы – писатели, и мы ставили перед собой вполне определенную писательскую задачу: показать столкновение с чудом несчастного, преступного, исковерканного проклятой капиталистической действительностью человечка. И при чем здесь мистицизм? В Золотом Шаре не больше мистицизма, чем в «Яблоке» Уэллса или человекесаде Геннадия Гора. Это не говоря уже о том, что «мистические свойства» Золотого Шара – вообще легенда, ничем в повести не подтвержденная.

Теперь об указаниях ЦК ВЛКСМ – о пресловутых вульгаризмах и жаргонной лексике. Я по-прежнему убежден, что это указание ЦК ВЛКСМ дал по прочтении рукописи ДО внесения в нее правки по указаниям редакции. Во всяком случае, я по-прежнему настаиваю на конкретных замечаниях редакции по этим вопросам. Для нас, авторов, правка доведена до предела, за которым начнется уже искажение образной системы повести.

Итак, в ожидании рукописи и конкретных замечаний,

А. Стругацкий

18 февраля главный редактор «Таллинфильма» сообщает АНу новости.

Из архива. Письмо к АНС от Э. Реккора

Уважаемый Аркадий Натанович!

С благодарностью возвращаю Вам рукопись романа «За миллиард лет…», чтение которого доставило мне истинное удовольствие. Мне очень хотелось бы узнать, как студия им. Горького будет создавать этот фильм. Безусловно, это очень трудная и сложная творческая задача.

Сценарий «Отель “У погибшего альпиниста”» Вам в основном удался. Меня в некотором смысле смущает то, что по сравнению с романом сценарий несколько оскудел, особенно это чувствуется в характерах персонажей. Диалог нуждается в доработке, так как в нем отсутствует присущая цивилизированному миру элегантность (условное место действия романа становится в фильме конкретным). Сомнение вызывает т. н. патриотический мотив.

В интересах конструктивности нашего дальнейшего сотрудничества я попросил режиссера Г. Кроманова представить мне и Вам точный конкретный план исправлений, который он обещал предварительно с Вами согласовать.

В ближайшие дни мы примем Ваш сценарий как первый вариант и будем надеяться, что Вы сможете представить нам окончательный вариант к первому апреля с. г.

Рукопись «За миллиард лет…» прилагаю. До встречи в Таллине!

С уважением Э. Реккор

Письмо Аркадия брату, 21 февраля 1977, М. – Л.

Дорогой Борис.

1. 15-го Тарковский начал съемки. Павильон, сцена самая первая, с женой сталкера. Жену играет актриса Френдлих или что-то в этом роде, не запомнил ее имени, но из известных и хороших. С Зоной имеет место неприятность: в том

районе как на грех имело место землетрясение в 9 баллов и всё основательно напортило и разрушило. Тарковский пока в нерешительности, что делать: искать ли новую Зону или посмотреть, как сгладятся последствия на старой.

2. Кроманов (наш реж. по Таллину) не появлялся, а только звонил из Вильнюса, просил, чтобы я сам позвонил в Таллин. Но тут произошло вот что. Я дал сценарий Тарковскому, он его расхвалил, хотя и дал при этом несколько могучих замечаний, и объявил, чтобы мы никому не звонили и сидели бы тихо, а в конце концов он переведет этот сценарий на Мосфильм, и будет снят отличный фильмик. О подробностях мы еще будем говорить с ним при встрече.

3. Как я уже сообщал тебе по телефону, от Медведева пришло письмо с просьбами сделать на втором экземпляре рукописи поправки, смысл коих он и изложил в письме. Я ответил ему, что второй экземпляр находится давным-давно в МолГв и что во всяком случае, делать поправки на нем не имеет смысла, ибо вся масса предыдущих поправок сделана на первом экземпляре. Те же поправки, которые он предлагает в письме, далеко не все обусловлены во время беседы с Синельниковым, и потому часть из них принята быть не может.

4. Намерен переслать письмо Медведева и копию своего ответа в ВААП с приложением запроса о том, не пора ли стребовать с МолГв 100 %.

5. По мнению компетентных товарищей положение в МолГв скорее всего останется статус кво.

6. На студии Горького наше возвращение встречено с внешним, по крайней мере, удовлетворением. Сейчас я с режиссером потихоньку разрабатываю план сценария.

Вот пока всё. Жму, обнимаю, Арк.

Привет твоим.

«15-го Тарковский начал съемки», – пишет АН брату. Действительно, сценарий АБС начал превращаться в кинофильм.

О смысле роли жены Сталкера, в которой снялась Алиса Фрейндлих, Андрей Тарковский рассказывал пробовавшейся на эту роль Марине Неёловой.

Из: Суркова О. Хроники Тарковского. «Сталкер»

<…>

19 января 1977 года

Проба Неёловой на роль жены Сталкера.

А н д р е й Т а р к о в с к и й. Роль это небольшая, но очень для меня важная.

М а р и н а Н е ё л о в а. А что вы имеете в виду? Ведь ее можно по-разному повернуть.

А . Т а р к о в с к и й. Через эту роль должно стать ясным, что все претензии героев к жизни и ломаного гроша не стоят. Мы хотим доказать, что все их метания «в поисках истины» – суета. Жена появляется в конце, чтобы самим своим существованием продемонстрировать, что ничто – ни наука, ни искусство – не имеет никакой ценности, кроме простой жизни как таковой. Хотелось бы, чтобы через свой монолог вы передали нам отношение к мужчинам, как к заблудшим детям. Ваша героиня все точно о них знает, видит их насквозь. К финалу герои приходят с перебитыми хребтами, и она может утешить их, объяснить что к чему. Но в этом нет ее превосходства – просто она естественно владеет самым главным секретом жизни, который им пока недоступен. В момент монолога ваша героиня не знает, жив ли ее муж или он не вернется, один он пошел в Зону или вместе с кем-то. Сегодня проба, и я не хочу наваливать на вас какие-то специальные задачи, но если бы вам удалось найти нужное состояние… Может быть, начать с испуга, а потом, когда ваша героиня увидит вернувшихся героев, ей захочется их как-то «поднять» над ситуацией. Но в этом не должно быть гордости как таковой – ею руководит любовь. И все остальное в конечном счете – результат этой любви. А конкретная задача может все испортить. Муж вашей героини – человек духовно слабый, но тем не менее она более всего боится потерять его расположение. Нужно, чтобы актриса могла на самом деле испытать это чувство, то есть инстинктивное материнское чувство. Это мудрость, такая интеллигентность крестьянская, идущая как бы от земли. Потому что сама она

неинтеллигентна, но идет от своего живота. А вот «интеллигентная» так не смогла бы – она так не чувствует. Мне хотелось бы только одного – чтобы вы не старались выстраивать монолог умозрительно.

<…>

31 января

Просмотр кинопробы Алисы Фрейндлих на роль жены Сталкера. С моей точки зрения, Фрейндлих играет сдержанно, сурово и благородно. Верю, что это уставшая женщина, много пережившая, но поверить, что когда-то и «счастье» было, трудно.

Андрей в восторге. Фрейндлих утверждена. Может быть, именно эта проба будет использована в готовом фильме.

О съемках Алисы Фрейндлих рассказывал фотограф и оператор Александр Антипенко.

Из: Шакиров М. Ангел объектива

<…>

Забавный случай произошел на съемках фильма «Сталкер», пишет в своей книге Антипенко[1]. Во время репетиций с Алисой Фрейндлих, которая играла жену сталкера, режиссер добивался от нее убедительности в сцене с обмороком. Снимается первый дубль, второй. Перед третьим Тарковский подходит к актрисе и что-то ей объясняет… Команда: «Мотор!» Фрейндлих отыгрывает сцену и в конце падает на пол и теряет сознание. Чем это закончилось, рассказывает режиссер-документалист Евгений Цымбал – он в то время работал на картине «Сталкер» ассистентом по реквизиту: «Они довольно долго разговаривали с Андреем Арсеньевичем, и когда мы стали снимать этот эпизод, то Алиса Бруновна настолько вошла в образ. Если вы помните по фильму, там с ней должен случиться истерический припадок. Перед съемкой было несколько репетиций, и вот Тарковскому не хватало, как он говорил, какого-то нутряного ощущения,

[1] Антипенко А. Андрей Тарковский в объективе Александра Антипенко. – М.: Русь-Олимп, 2007.

животного ощущения, когда женщина бьется в судорогах оттого, что муж от нее уходит, и может быть, уходит навсегда. Он, когда объяснял задачу, сказал, что это должно быть нечто похожее на роды или на настоящий припадок. И вот нужно отдать должное гениальности Алисы Фрейндлих, которая, начав играть это вполне осознанно и актерски, довольно быстро вошла в то состояние, которого от нее добивался Тарковский, и это был действительно настоящий такой, я не знаю, может быть, эпилептический, может быть, судорожный припадок. И в какой-то момент просто мы все растерялись – она начала биться в истерике, оператор камеру не выключал, и я почувствовал, что-то начинает уже происходить нехорошее. А у меня в такие моменты тело и руки быстрее головы начинают соображать, и я схватил ее на руки, но она продолжала биться. Мы ее унесли с Машей Чугуновой (ассистент Тарковского) в актерские комнаты, кого-то послали за медиками. Мы ей дали воды. Врачи приехали, сделали ей какой-то укол, в общем, привели в себя. И что меня больше всего поразило, это когда она, так сказать, немножко очухалась и стала извиняться за то, что она вышла из актерской задачи и вошла в ситуацию реальности вот этого припадка».

<…>

Тем временем 21 февраля главный редактор «Таллинфильма» посылает АНу решение коллегии по ОУПА.

Из архива. Письмо к АБС из «Таллинфильма»

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Настоящим высылаем Вам решение сценарно-редакционной коллегии от 15.II.1977 г. по Вашему сценарию «Отель “У погибшего альпиниста”» («Убийство в отеле “У Алека Сневара”»).

Главный редактор Э. Реккор

К письму прилагалось само решение.

Из архива. Решение «Таллинфильма» о к/ф ОУПА

Сценарно-редакционная коллегия, обсудив сценарий А. и Б. Стругацких «Отель “У погибшего альпиниста”», отмечает следующее:

Сценарий «Отель “У погибшего альпиниста”» в основном удачный, но нуждается в некоторых уточнениях и поправках.

По сравнению с литературным первоисточником в экранном варианте при драматизации сюжета и локализации темы ослаблены психологические коллизии, оскудевшими выглядят характеры некоторых героев.

Излишними кажутся ретроспективные сцены о буднях полицейской жизни и связывание происходящего с движением сопротивления во время второй мировой войны. Все это разрывает художественную целостность сюжета.

Необходимо стилистическое корректирование диалога в соответствии с общепринятым стилем общения в буржуазном обществе.

Сценарно-редакционная коллегия просит авторов в дальнейшей работе над сценарием принимать во внимание замечания режиссера-постановщика фильма Григория Кроманова.

Сценарно-редакционная коллегия решила:

Сценарий, с учетом вышесказанных рекомендаций, представить студии к 1 апреля 1977 года.

Выплатить авторам согласно договору 10 % гонорара.

Главный редактор Э. Реккор

Член редколлегии И. Таска

Письмо Бориса брату, 24 февраля 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Наконец-то получил от тебя письмецо и спешу ответить! Что ж, новости не такие уж и плохие. Правда, информация относительно Таллина, надо понимать, уже устарела – я имею в виду письмо с редзаключением. Раз они дают

10 процентов, почему бы с ними не поработать? Конечно, надо бы связаться с Кромановым и потребовать от него более конкретных замечаний, но можно и просто сесть на недельку и выковать этакий гибрид между старым вариантом и новым. Но в любом случае следует, по-видимому, дождаться получения указанных процентов. Я пока ничего не получил – ни из Таллина, ни из Мосфильма. Получил только из Детгиза 109 и остаток за зМЛдКС – 166.

Кстати, не хочешь ли ты наведаться в ВААП и спросить насчет сертификатов? В марте исполнится ровно год с тех пор, как мы получили последние сертики. (Впрочем, пардон: последние мы получили в мае 76-го, но все равно – не пора ли?!)

Спроси у Тарковского, не разрешит ли он поприсутствовать на съемках в павильоне. Очень я хотел бы посмотреть, как это делается.

Что касается землетрясения в Зоне, то, может быть, стало там даже и лучше? Повалило столбы, то, се, мрак и запустение… Конечно, могло и завалить трубу с баней, это вредно…

У меня никаких событий. Никто не звонит. Брандису я уже объяснил, что шансов получить от нас повесть для сборника почти не осталось – пусть передаст Плюсниной. А нам хватит работы с двумя сценариями.

С Лешкой мы поговорили тихо и задушевно. Он, конечно, ни на чем не настаивал, ибо считает, что в нынешнем виде ТББ-С невозможен. Возможен только облегченный («пионерский») вариант (с красными галстуками и митингом). О студии, как я тебе уже говорил, он мнения крайне низкого, но считает, что надо «хватать и рвать когти».

Вот и все, пожалуй.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

<…>

Из: Тарковский А. Мартиролог

<…>

24 февраля 1977

Съемки натуры в Исфаре мы отменили из-за землетрясения в Шурабе на местах съемки. Только что сняли *Квартиру Сталкера*. Надо ехать искать новую натуру. Пролонгация на месяц.

<…>

Вскоре АН решает передать ведение дела с «Таллинфильмом» брату – АНу вполне хватает переписки с ВААПом, «Молодой гвардией» и Тарковским, а также работы над сценарием по ТББ. 1 марта он сообщает Григорию Кроманову и Энну Реккору: «По некоторым обстоятельствам, связанным с семейными делами и с состоянием моего здоровья, я передаю все дальнейшие дела, связанные с нашим сценарием, в ведение моего брата и соавтора Бориса Натановича Стругацкого. Покорнейше прошу связаться с ним. Его адрес…»

3 марта Медведев отвечает на письмо АНа.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

На Ваше письмо от 14 февраля с. г. (получено редакцией 16.2.77) сообщаю следующее.

Проверкой, произведенной мною в архивах редакции, установлено, что в деле фигурирует лишь один экземпляр повести «Пикник на обочине», представленный Вами 20 ноября 1975 года. Видимо, он составлен Вами из двух рукописей, ибо нумерация идет машинописью до страницы 54, а затем Вашей рукой вместо стр. 55 проставлена стр. 277 и далее вплоть до стр. 416.

Что же касается иллюстраций, то они делались в свое время, как заявил художник Р. Авотин, не с рукописных экземпляров, а с журнальных либо книжных («Малыш») публикаций. Необходимость передачи художнику Р. Авотину единственного экземпляра повести «Пикник на обочине» была обусловлена просьбой самого художника, который решил проиллюстрировать эту повесть заново с учетом Вашей правки.

В настоящее время рукопись «Пикника на обочине» возвращена в редакцию и передана в машинописное бюро для размножения. Как только перепечатанный экземпляр рукописи поступит в редакцию, он будет немедленно переслан Вам для дальнейшей совместной работы. Тогда же будет уместно вернуться к вопросам, связанным с конкретной доработкой «Пикника на обочине».

С уважением

Зав. редакцией фантастики, приключений и путешествий Ю. Медведев.

Письмо Аркадия брату, 5 марта 1977, М. – Л.

Дорогой Борис.

Полагаю, ты уже получил папку с делами Таллинфильма. Письма Кроманову и Реккору я послал, копии в папке.

Новостей особенных нет.

С Тарковским не связывался, поэтому о твоих деньгах на Мосфильме пока ничего не знаю. Думаю, после праздников всё это уладится.

Насколько я знаю, павильонные съемки уже закончены, Андрей занят поисками новой натуры. Дело не в том, что землетрясение испортило Зону, а в том, что там сейчас зона бедствия: съемочная группа не может работать без содействия местных властей, нужны жилища для актеров и персонала, а там сейчас не до этого. Впрочем, я мало что об этом знаю, говорю, что знаю понаслышке.

В ВААП пойду после праздников, отнесу Харуте Молгвардейские материалы и, может быть, заодно прощупаю почву насчет сертиков. Хотя надежды мало.

Говорил с Белой. США купили право на издание зМЛдКС, что-то там еще выходит, я не запомнил, но в ВААП к Беле пришла обложка, она приглашала взглянуть. Наверное, придется поехать, хотя это на другом конце города в сравнении с ВААПом, о котором речь шла выше.

Вчера вечером, около половины одиннадцатого у нас в Москве было землетрясение. Правда, как я понял, ощутили его только те, кто пребывал на высоких этажах. Но у нас ощущения были совершенно камчатские.

Пока это всё. Обнимаю, твой [подпись]

Привет твоим.

P. S. У меня теперь новый почтовый индекс:

117571, соответств. В-571

Письмо Бориса брату, 8 марта 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Письмо твое и материалы по ДоУ-С получил благополучно. Значит, теперь буду ждать вестей от Кроманова, а далее действовать по обстоятельствам. Меня пока смущает только одна неясность: читал, все-таки, Кроманов самый первый вариант или нет? Постарайся вспомнить точно и отпиши мне.

Новостей у меня практически никаких нет. Детгиз молчит (я – тем более). Землетрясение было и у нас, но из всех моих знакомых заметил его только я один. Сначала мне показалось, что я заработался и все у меня ходит ходуном, но тут же присмотрелся – ба! – занавеска колышется, люстра качается… Э-э, думаю, а не пора ли собирать документики и спускаться вниз, благо есть машина… Впрочем, рассказывают, что на самых высоких этажах (10–12) качало и мотало так, что люди выскакивали на улицу, совершенно ополоумев. Говорят, что у вас в Москве даже разъезжали спецмашины и вещали через матюгальники: «Граждане, ничего страшного, все прошло, возвращайтесь по домам…»

Я полагаю, что когда (и если) мне удастся выбить из Кроманова конкретные указания и замечания, нам нужно будет съехаться и за пять-семь дней покончить с новым вариантом. Как ты полагаешь?

С ТББ-С, наверное, надлежит действовать так же. Получай точные указания от режиссера, и засядем писать.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Письмо Аркадия брату, 13 марта 1977, М. – Л.

Дорогой Борис!

1. Кроманов самый первый вариант НЕ читал. Можешь исходить из этого, если тебе понадобится. (Впрочем, не думаю, что понадобится.) Здесь в Москве и в Таллине этот вариант не читал никто. Кажется, читали на Минской студии – как рукопись туда попала, я не знаю, но получил я ее оттуда. С приветом и отказом.

2. Если не ошибаюсь, таллинцы ждут от нас второго варианта к 1 апреля. Но 10 % по первому они не прислали. Может быть, стоит послать им деликатное напоминание, что: а) нет, мол, денег, и б) нет указаний, по которым делать этот второй вариант. Все-таки уже середина марта.

3. Когда и если будут эти конкретные указания, тогда съедемся.

4. Насчет твоих денег на Мосфильме я напомнил, обещали сделать.

5. Получил аванс по ТББ-С. Сообщи, получил ли ты.

6. Из ВААПа сообщили, что 20-го во Внешпосылторге можно получить чеки за Чехословакию и Польшу. Конкретно – за что – не сообщили. Полагаю, что чеки тебе вышлют, как высылали и сертики.

7. Разрабатываю с режиссером подробные и точные указания по ТББс. На этой неделе, видимо, эта предварительная работа будет закончена. Можно будет приступать к писанию.

8. Тарковский приехал с поисков новой натуры, но, по-моему, неудачно. Завтра должен с ним увидеться. Кстати, он серьезно настаивает, чтобы ДоУ ставился на Мосфильме. Подробности будем обговаривать при встрече. Утверждает, что с Таллинфильмом он сам возьмется уладить дело. Но письмо в Таллин ты все-таки напиши.

Пока всё. Обнимаю, твой Арк.

Привет всем твоим.

М. п., пришло письмо от Медведева из МолГв. Обещается прислать экземпляр рукописи ПнО (они его там распечатывают) и тогда возобновить разговор (переговоры) о поправках.

АН выясняет причины задержки гонорара на киностудии и пишет брату снова.

Письмо Аркадия брату, 19 марта 1977, М. – Л.

Дорогой Борис.

Чтобы получить деньги от Мосфильма, тебе надлежит написать заявление на имя директора нашего фильма.

Адрес:

119285 Москва

к/с «Мосфильм»

кинофильм «Сталкер»

тов. Геллеру В. Л.

Заявление обычного типа. Начинать так:

Директору к/ф «Сталкер» тов. Геллеру В. Л.

от автора сценария Б. Н. Стругацкого

Прошу переслать причитающиеся мне суммы… и т. д.

Всё.

Обнимаю, всем приветы.

29 марта АН пишет «деликатное напоминание» в «Таллинфильм» – Реккору и Таске.

Из архива. Письмо от АБС в «Таллинфильм»

Уважаемые товарищи!

Согласно решению сценарно-редакционной коллегии по нашему литературному сценарию от 15 февраля 1977 года, нам надлежало представить на студию 2-й вариант сценария к 1 апреля с. г. В том же решении нам предлагалось принимать во внимание замечания режиссера-постановщика.

В течение всего этого времени мы ожидали указанных конкретных замечаний в готовности начать работу по 2-му варианту. Как выяснилось из телефонного разговора с тов. Таска, наш режиссер-постановщик по причинам, от него не зависящим, не имел возможности дать нам письменные указания по сценарию, о чем мы искренне сожалеем.

Считаем своим долгом уведомить Студию, что хотя из-за этого печального обстоятельства мы не имели возможности приступить к работе над 2-м вариантом сценария, мы по-прежнему пребываем в готовности приступить к этой работе, как только конкретные указания будут нами получены.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Весною оживляется пресса.

18 марта в ленинградской газете «Связист» появляется статья Михаила Лемхина «Дорога к океану смерти», в которой рассматривается ЗМЛДКС. После подробного пересказа сюжета автор делает вывод:

Из: Лемхин М. Дорога к океану смерти

<…>

И Дима Малянов складывает свои листочки в папочку, пишет на ней: «Д. Малянов, К вопросу о взаимодействии звезд с диффузной материей в Галактике», подумав, густо зачеркивает свою фамилию и несет эту папочку человеку, который решил по-другому.

Он решил собрать материал всех отказавшихся. Правда у него нет ни жены, ни сына, с которым надо расстаться, вступив на дорогу, ведущую к океану смерти. Но мы ведь и не знаем, что будет, что произойдет, если кто-то не свернет обратно с полпути. А ведь стоит сделать лишь шаг и возникнет, образуется нечто неведомое нам?

Ведь протоптанные кривые, глухие окольные пути – и мы все это знаем, – несмотря на свою сугубую зримость не более чем мираж.

В апрельском номере «Химии и жизни» в шуточной квазинаучной статье «Драконы: какими они были?» (автор статьи избрал псевдоним Др. А. Кон) рассматривается возможное происхождение драконов. Причем одним из «источников» сведений о драконах оказывается ПНВС.

В апрельском же номере журнала «Декоративное искусство СССР» публикуется статья Юлия Смелкова «Предметный мир в научной фантастике», в которой ХВВ используется для показа роли вещей, их опасности. Комментарий к статье, опубликованный тут же, написан АНом.

АНС. Комментарий писателя-фантаста

Со всеми основными положениями статьи Ю. Смелкова я совершенно согласен. Грустно, когда величайшие достижения человеческого гения применяются для того, чтобы грядущим пацюкам оставалось бы только разевать рот пошире. Грустно, когда многослойные и разнообразные таланты человеческие рассматриваются лишь как средство поднять к звездам земную пошлость. Неприятно, когда писатель-фантаст смакует роскошь, выведенную болезненными процессами в мозгах и душах всевозможных типов с отравленной от рождения кровью, всех этих герцогов и королей, сыновей собственных прадедушек… И с тем большим злорадством (не подберу иного слова) я перечитал в этой статье, с каким отвращением отнесся современный человек (из «Возвращения со звезд») к идиотским привычкам самораскрашиваться у наших отдаленных потомков…

Значит ли это, что автор этих слов начисто отрицает необходимость в будущем атрибутической красоты? Ни в коем случае. Но он, автор, позволит себе выразить здесь уверенность: ничего общего она не будет иметь с красивостью и «изящностью», столь милыми простодушным сердцам многих современников наших. Ибо красота эта выльется в мир, материализуется как потребность человека коммунистически воспитанного. Какова она будет, какими окажутся ее принципы – судить трудно. Но, скажем (говорю почти наугад), не могу я представить себе стотысячерублевую люстру в рабочем кабинете Эйнштейна или маленький шедевр, закованный в неподъемную аляповатую раму, в прихожей у Ленина. Короче, всадники в лохматых шапках на фоне соплеменных гор и сизые жирные русалки на спокойных водах

исчезнут из быта коммунистически воспитанного человека скоро, окончательно и навсегда. Прозревать будущее следует из лучших и самых чистых свойств человеческой натуры, а вовсе не того печального – о, верю, действительно печального – обстоятельства, что стена у имярека осталась голой. И не надо, не надо называть сервизы модным словом «Галактика», а довольно уродливые (и даже очень красивые) никелированные чайники обозначать по прейскуранту как «космические» или «термоядерные»…

В последнем приведенном абзаце перечисляются обычные сюжеты рыночных поделок 50–60-х годов прошлого века. «Соплеменных гор» – это слова из «Спора» М. Лермонтова (они использованы также в ПНВС). «Сизые жирные русалки на спокойных водах» – вероятно, отсылка к эпизоду второй главы первой части «Экипажа “Меконга”» Е. Войскунского и И. Лукодьянова: «Друзья прошли под аркой ворот и миновали вернисаж картин, писанных на крафт-бумаге, клеенке и полиэтиленовом пластикате. Такие картины можно видеть только на толкучих рынках. Преобладал один сюжет: толстые розово-фиолетовые красавицы, лежащие на поверхности ярко-синей воды. Каждой красавице придавался ослепительно белый лебедь» (ч. 1, гл. 2). В свое время АН редактировал «Экипаж “Меконга”» и с удовольствием использовал описание.

15 апреля «Пионерская правда» публикует мнение АБС по поводу опубликованного там же письма читателя Михаила Аржанова «Добро должно быть с кулаками?». Статья написана настолько живо, что легко представить себе школьный класс за партами и, вместо учителя, АБС, доверительно разговаривающих с учениками.

АБС. Добро должно быть с головой

То, что человек выделяется из среды, – это еще не зло. И поэтому либо Мишенька что-то путает, либо он не сумел объяснить, какое зло нес коллективу и лично ему, Мишеньке, этот парень. А что, если Мише не понравилось, что парень умней, остроумней и больше нравится девчонкам, чем он? Что, если Мишеньке позарез надо самоутвердиться?

Разумеется, существуют социальные среды, где такой способ самоутверждения является нормой. Скажем, в старину так самоутверждались гостинодворские приказчики.

Хотелось бы задать такой вопрос: получил ли бы этот новичок в «пятак», если бы был не только умней и остроумней, но и сильней физически?

С нашей точки зрения поступок Михаила не имеет никаких оправданий, кроме разве что недомыслия.

Впрочем, драки в школах не он придумал, и не он их прекратит. Вот мы сейчас – немолодые уже люди – откровенно признаемся: дрались. Дрались жестоко. Первой в своей жизни потерей зуба один из нас обязан школьной драке – тогда это называлось «стыкаться»… Во всяком случае, к седьмому классу все это прекратилось. В седьмом мы уже не меряли человека кулаками. В седьмом мы уважали за голову, за умение шутить, общаться, за увлеченность; у нас были свои астрономы, химики, радиотехники… А в девятом, перед самой войной, мы все ужасно зауважали Сашу Пашковского, хотя издевались над ним в четвертом, в пятом… Он не умел драться. Он не любил грубость, казавшуюся нам неотъемлемой частью мужества, но к седьмому классу выяснилось, что Сашка – самый начитанный из нас, что у него самая светлая голова, а в восьмом мы были поражены, когда узнали, что Пашковский сам – сам! – изучает высшую математику по институтской программе. И мы не ошибемся, если скажем, что увлечение наукой, с которого начался сегодняшний взгляд на жизнь, возникло из благородной зависти (если зависть может быть благородной) к этому слабому, тихому, вежливому парню.

В пятом даже нас – обладателей «могучих» кулаков и весьма слабого интеллекта – Саша поразил «Русланом и Людмилой» – огромным отрывком из поэмы. Он читал его наизусть, задрав голову и закрыв глаза… Это было на школьном вечере. А мы давали е м у «в пятак»!

Срам вспоминать об этом. Невыносимый срам.

Но мы не хотим сказать, что полностью отвергаем известный тезис: добро должно быть с кулаками. Помнится, во время войны с белофиннами, когда половина ленинградских школ была отдана под госпитали, и мы учились в две и даже в три смены, и город был затемнен, случилось так, что

вечером на наших одноклассниц, возвращавшихся домой, напали какие-то мерзавцы. И тогда мы, ребята самые сильные, самые крепкие, взялись провожать девчонок домой. И вскоре на одной из улиц, прилегающих к нашей школе, произошла жесточайшая драка между нами и хулиганами, где с обеих сторон участвовало не меньше трех десятков человек.

И какое же это было удовольствие – видеть, когда толпа противников наших завыла, захлюпала и бросилась наутек?

Мы продолжали провожать девчонок на всякий случай, но больше к ним никто не лез.

Конечно, мы описали здесь классический случай, когда все ясно с самого начала: обидели девочек. К сожалению, а может быть, к счастью, жизнь то и дело подсовывает нам комбинации, которые требуют прежде всего разобраться: что здесь зло, а что – добро. И вот тут-то на первый план выступают голова и сердце. Для того, чтобы разобраться в большинстве ситуаций, необходимо высокое сознание, высокие идеалы, необходимо развитое умение рассуждать и чувствовать, чувствовать тонко. Грубо говоря: кулаки «невежественного добра» могут принести (и часто приносили и приносят) неисчислимое количество зла.

Невежественное добро – это тот самый медведь, который убил булыжником комара на лысине своего хозяина. Поэтому мы берем на себя смелость утверждать: кулаки добру необходимы, но кулаки должны управляться головой и горячим сердцем.

Вот так-то, Мишенька.

Чем больше человек знает, чем более развита у него способность чувствовать чужое настроение, чужую боль, чужую радость, тем вернее его выбор. Способность чувствовать может развить книга, чтение, б е с п о щ а д н о е чтение. Ведь книгопечатание изобрели для того, чтобы воспитать Человека. Чтобы передать опыт поколений. Опыт в постижении Добра.

Мало освоить приемы и нарастить мышцы. Надо воспитать себя.

Впрочем, настала пора возразить самим себе. До сих пор мы сознательно были несправедливы к Михаилу. Уже сам факт, что Миша прислал письмо в газету, что его мучают с о м н е н и я в своей правоте, говорит о том, что за душой у парня из Свердловска много больше, чем просто кулаки. Ясно во всяком случае, что голова у Михаила есть – дубина никогда ни в чем не сомневается. И совесть есть у Михаила – неотшлифованная, правда, но есть. Человек холодный, бессовестный, победоносно вмазав кому-то «в пятак», немедленно об этом забывает. Письмо показывает: случай с новичком – эпизод и ни в коем случае не жизненная позиция Михаила Аржанова. Надо только, чтобы эпизод этот прочнее врезался в Мишину память, впечатался в характер.

Вообще говоря, проблема выбора между добром и злом, проблема выбора поведения в каждой конкретной ситуации, проблема определения п р а в о т ы или н е п р а в о т ы есть, на наш взгляд, одна из важнейших проблем современности. Нас как писателей она занимает больше всего. Именно ей посвящены наиболее популярные наши книги.

Мы берем крайние ситуации, когда выбор затруднен до предела. Наш Румата, герой из книги «Трудно быть богом», мучается: остаться богом-наблюдателем и тем самым вносить свой вклад в некий научный эксперимент или обнажить меч, вступить в бой за справедливость и тем самым этот эксперимент сорвать. Инспектор Глебски мучительно колеблется: должен он выполнять свой профессиональный долг или, в нарушение этого долга, выполнить долг иной – нравственный – перед всем человечеством. Мы занимаемся фантастикой вовсе не потому, что любим выдумывать. Фантастика нужна нам как инструмент построения моделей поведения человека и человеческих коллективов. Мы стремимся к тому, чтобы, читая наши книги, люди убеждались: жизнь – очень непростая штука. Каждый день, каждый час, каждую минуту она может поставить нас перед проблемой выбора. А потому каждый из нас должен обладать знаниями и способностью сильно чувствовать, потому что именно этим

обеспечивается готовность в нужный момент сделать п р а в и л ь н ы й, достойный честного, по-коммунистически воспитанного человека в ы б о р.

1 апреля АН вновь обращается в ВААП – к начальнику авторско-консультационного отдела В. Харуто.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемый Виталий Игнатович!

Согласно договоренности, сообщаем Вам о положении с нашим сборником «Неназначенные встречи» в издательстве «Молодая Гвардия», как оно сложилось с конца января с. г. и по настоящее время.

7 февраля с. г. зав. редакцией Медведев послал нам письмо, в котором были изложены рекомендации редакции по внесению поправок в рукопись повести «Пикник на обочине» (частью утвержденные в известной Вам беседе с главным редактором издательства Синельниковым 22 ноября 1976 года, а частью – в той же беседе отвергнутые, как не имеющие смысла). В письме также предлагалось нам внести эти поправки во второй экземпляр рукописи, якобы находящейся у нас.

14 февраля мы послали Медведеву ответ, в котором а) высказали наше мнение по поводу предлагаемых поправок, а именно: утвержденные в беседе с Синельниковым мы принимаем, остальные же отвергаем, как по-прежнему не имеющие смысла, и б) указали Медведеву, что второго экземпляра рукописи, в котором были бы зафиксированы предыдущие сто с лишним поправок, у нас нет и не может быть.

3 марта Медведев послал нам письмо, что первый экземпляр рукописи передан им в машинописное бюро для размножения и что как только перепечатанный экземпляр поступит в редакцию, его немедленно перешлют нам, после чего «будет уместно вернуться к вопросам, связанным с конкретной доработкой “Пикника на обочине”».

Сообщаем Вам, Виталий Игнатович, что прошел уже почти месяц, а обещанный экземпляр рукописи мы так и не получили, так что издание сборника «Неназначенные встречи» снова застыло на мертвой точке.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

П. Т. Просим Вас решить, не имеет ли смысла поставить перед издательством вопрос о выплате нам 100 % гонорара, поскольку, как нам кажется, соответствующие сроки по договору уже прошли. Дело тут не только и не столько в деньгах, сколько в том, что, возможно, такое требование заставит руководство издательства воздействовать на редакцию в смысле прекращения волокиты и ускорения сдачи сборника в производство.

Работники ВААПа разбираются, в чем дело, и 11 апреля информируют АНа.

Из архива. Письмо АНу из ВААПа

Уважаемый Аркадий Натанович!

Как нам удалось выяснить в издательстве «Молодая гвардия» (в рабочем порядке), рукопись действительно все это время находилась в машбюро на перепечатке. Сейчас она уже перепечатана и 11 апреля с. г. планируется направить ее Вам (в соответствии с имеющейся между авторами и издательством договоренностью).

В настоящее время, когда по существу решается основной вопрос – вопрос об издании сборника в составе, предложенном авторами, мы полагаем нецелесообразным ставить вопрос о выплате 100 % гонорара. Для такого издательства, как «Молодая гвардия», выплата оставшейся части гонорара по Вашему сборнику не отразится в достаточной степени на общем балансе расходов и доходов и вряд ли повлияет (в положительном смысле) на решение основного вопроса.

Это только лишь наше мнение, и Вы, естественно, вправе принять его к сведению или, не принимая во внимание, действовать так, как посчитаете нужным.

С уважением

Начальник Авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

БН в это время страдает физически – с ним произошло то, что потом подробно описано в его романе ПП.

Письмо Бориса брату, 14 апреля 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Настоящим сообщаю тебе не без радости, что с сего часа нахожусь уже дома. Шрам мой почти уже зарос, могу ходить, сидеть и вообще выгляжу как настоящий живой человек. Разумеется, о настоящей мобильности пока речи нет, но можно надеяться, что на протяжении полутора-двух недель и мобильность восстановится. Во всяком случае прямо с понедельника начну вставлять зубы.

Новостей у меня, конечно, никаких нет. Разве что пришла повестка с почты на 200 с лишним ряб из Внешпосылторга.

В двадцатых числах (как мне сказала мама) жду тебя. Надеюсь, сумею соответствовать хоть в какой-то мере.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

Более подробно произошедшее с ним БН описывает Штерну в письме от 15 апреля.

Из архива. Из письма БНа Б. Штерну

<…>

Последнее Ваше письмо настигло меня в больнице, так что сразу ответить я не смог. Неужели я ухитрился два месяца Вам не писать? Нет мне прощения. Но, вероятно, я замотался сначала, а потом заболел, а потом болел-болел да и угодил в больницу, причем сразу же – под нож. Вырезали

мне гангренозный желчный пузырь, а заодно вышибли два передних зуба во время анестезии. Так что сейчас я снова дома, без желчного пузыря и без зубов, но зато с огромным четвертьметровым шрамом через все брюхо (так называемый «разрез Фёдорова»).

Шрам почти уже зарос, но зубы еще предстоит вставлять. Работа, конечно, вся полетела к чертям. Бедный Аркадий в Москве отдувается за двоих.

<…>

Чуть позже об этом же Штерну рассказывал и Вячеслав Рыбаков.

Из: Рыбаков В. Жизнь сама плыла к нам в руки…

<…>

04.05.77 [письмо Б. Штерну]

Ну вот, Борис Натанович вышел из больницы и, кажись, без желчного пузыря и двух передних зубов – ему, видишь ли, потребовалось на операционном столе дать срочно кислород, а он, здоровенный, челюсти стиснул. Так чтобы кишку засунуть в рот, пришлось срочно долбануть кувалдой. Очнулся – что называется, гипс[1]. Я ему заметил, что как же он писать будет теперь – ни зубов, ни желчи, на что он ответствовал, что желчью не писал и не намерен, а токмо кровию сердца[2].

<…>

Не один Рыбаков озабочен болезнью БНа. Позже, 29 мая, Штерн пишет БНу.

Из архива. Из письма от Б. Штерна к БНу

<…>

Как Ваши два зуба и шрам на животе? Вся НФ-общественность в апреле из-за Вашего нездоровья была всполошена

[1] Искушенный читатель, несомненно, не может не заметить сходства кратко описанных здесь фактов жизни Б. Н. Стругацкого и замечательной сцены из романа С. Витицкого «Поиск предназначения». – *В. Рыбаков*.

[2] Ну и хам я был в молодости! Даже завидую себе тогдашнему… Нынче сделался такой корректный и тактичный, что со мной стало не о чем разговаривать. – *В. Рыбаков*.

и писала друг другу тревожные письма. Надо же: прилег человек соснуть на операционном столе, просыпается – батюшки, два зуба выбили!

<…>

16 апреля откликается режиссер «Таллинфильма».

Из архива. Письмо БНу от Г. Кроманова

Уважаемый Борис Натанович!

Очень сожалею, что нам не удалось встретиться. По семейным обстоятельствам я прикован к дому еще на неопределенное время и потому не смогу приехать в Ленинград. С другой стороны обсуждение сценарных вопросов в эпистолярном стиле не представляется мне плодотворным. Тем не менее, очевидно, что работу над сценарием необходимо сдвинуть с «мертвой точки». Поэтому, призвав на помощь нашего молодого редактора, милейшего Ильмара Таску, посылаю Вам с ним наши соображения по поводу дальнейшей работы над сценарием на бумаге, а устно он их дополнит или разъяснит.

С уважением [подпись Кроманова]

P. S. Увы. Только что, по телефону, мы с огорчением узнали, что у Вас была операция. Желаю хорошего и быстрого выздоровления, всего наилучшего. Передайте, пожалуйста, мои приветы Аркадию Натановичу.

Всего доброго, Кроманов.

Письмо Аркадия брату, 17 апреля 1977, М. – Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо. О том, что ты уже дома, живой и дрыгаешься, я узнал еще два дня <назад> от мамы при разговоре по телефону. Очень радуюсь, и отлегло от сердца.

Дела.

1. О сценарии по ТББ. Закончил его 14-го, получилось 66 моих страниц, след., ок. 75 нормальных. 15-го отвез режиссеру,

а 16-го она мне позвонила и сказала, что всё сносно, есть даже отдельные удачи, но слишком обнажена концепция в избытке разговоров. Договорились, что она даст конкретные замечания, а я (или мы) по этим конкретным замечаниям быстренько пройдемся, дадим машинистке на распечатку и затем сдадим на студию. Впечатление такое, что студия очень заинтересована в сценарии и желает получить его поелику возможно скорее.

2. Из ГДР (через ВААП) пришли 6 экзов «ПнО». На всякий случай парочку привезу тебе, если ты еще не получил. Кстати, какие это ты 200 ряб получил? Чеками или советскими? За что? Я ничего об этом не знаю. Получил только чеками 65. Но об этом я тебе, по-моему, говорил в прошлый приезд.

3. Звонил Харуте в ВААП по поводу МолГв и их саботажа. Он посоветовал обратиться на его имя с письмом, чтобы они запросили МолГв относительно окончательного срока сдачи рукописи в производство.

4. Насчет моего приезда в Л-д. Когда и если получу из Госкино путевку в Репино, приеду. Начало семинара там 22-го, но пока мне никто больше не звонил.

Кажется, всё.

Выздоравливай. Приветы Адке и Росшеперу. Надеюсь, рука у него уже в порядке.

Жму, целую. Твой Арк.

В этот же день АН пишет в ВААП Виталию Харуто.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемый Виталий Игнатович!

Сердечно благодарен Вам за информацию о наших делах в «Молодой Гвардии».

Однако, поскольку зав. редакцией Медведев совершенно явно не торопится приступать к работе над нашим сборником «Неназначенные встречи», ведь прошло уже полтора

месяца с тех пор, как он направил мне письмо с обещанием выслать рукопись, и на том дело снова замерло, – полагал бы не лишним запросить главного редактора издательства тов. Синельникова о конкретных сроках сдачи сборника в производство. Если бы тов. Синельников назвал конкретную дату, нам было бы легче бороться с этой беспрецедентной волокитой, которой Медведев окружил издание нашей книги.

С уважением, А. Стругацкий

Не успевает Харуто распорядиться (на письме АНа имеется резолюция: «т. Городовикову О. В. Прошу подготовить письмо в “Молодую Гвардию”», и рядом с подписью Харуто дата: 24.4.77), как на следующий же день после отправки АНом своего письма (18 апреля) из «Молодой гвардии» АНу отправляется бандероль.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Посылаем Вам перепечатанный текст повести «Пикник на обочине» (1-й и 3-й экз.). Просим внимательно вычитать и вернуть в редакцию фантастики первый экземпляр повести для дальнейшей работы.

Всего Вам доброго

Мл. редактор Т. Журавлева

Письмо Бориса брату, 23 апреля 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо, спешу ответить.

1. Из ВААПа я получил 208 с копейками ряб ЧЕКАМИ. За что – не знаю. А вот 65 ряб (как ты) наоборот НЕ получал. Кстати, был на сберкнижке: ни из Мосфильма, ни со студии Горького нет ни копейки. Зато пришли какие-то совершенно необъяснимые 49 руб. 93 коп. – откуда, неизвестно. Ничего не понять.

2. 16-го апреля звонил Ильмар. Сказал, что они с Кромановым составили письмо с пожеланиями, и просил встречи.

Я объяснил ему свои обстоятельства. Договорились: он постарается выбить у студии отсрочку; если не получится, то свяжется с тобой (уж прости меня великодушно!); письмо с замечаниями вышлет в любом случае. С тех пор – ничего.

3. Звонили из Москвы, просили выступить на семинаре сценаристов в Репине. Я уклонился и спросил: а как же Арк Нат? Отвечено, что отказался выступать ввиду перегруженности делами. Опять же я ничего не понял – ведь ты же, вроде, собирался приехать?

4. Звонила Плюснина (Лендетгиз). Очень сожалела, что мы ничего не дали в сборник, и сказала: что ж, дадите в следующий. Расстались друзьями. У меня камень с души свалился, а к следующему сборнику мы уж как-нибудь что-нибудь сварганим!

5. Чувствую себя вполне прилично (тьфу-тьфу-тьфу!). Уже даже сажусь за руль и только избегаю сколько-нибудь значительных физических нагрузок. Делаю зубы. Обещали времянку поставить на той неделе. Работать вполне способен, так что тащи сюда всякие сценарии – я готов!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – поцелуи!

24 апреля «Таллинфильм» предоставляет Авторам отсрочку.

Из архива. Письмо к АБС из «Таллинфильма»

Уважаемый Борис Натанович!

Студия удовлетворяет Вашу просьбу и продлевает срок представления сценария «Отель “У погибшего альпиниста”» до 01 июня 1977 года.

С уважением

Директор К. Выза

А 25 апреля АН уже выправленную рукопись ПНО отвозит в «Молодую гвардию», о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве расписка: «Получены от СТРУГАЦКОГО А. Н. два

машинописных экземпляра рукописи повести «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», считанные и выправленные А. Н. Стругацким».

Движутся и дела со «Сталкером». 5 мая Тарковский в своем дневнике замечает: «Натура в Эстонии. Таллин». Так с мая 1977 года два кинофильма по произведениям Авторов оказались связаны с Эстонией: один – местом съемок, другой – студией, готовящейся к постановке.

АБС же на неделю встречаются в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС
6.05–13.05.77

Арк приезжал к маме. Работали над ПнО-С, ДоУ-С, ТББ-С.

Пока АБС находятся в Ленинграде, возобновляется переписка ВААП с «Молодой гвардией». 11 мая ВААП запрашивает информацию у главного редактора Синельникова.

Из архива. Письмо из ВААП в МГ

Уважаемый Владимир Михайлович!

В связи с приостановкой ВААП производства по претензии авторов Стругацких к издательству «Молодая гвардия» (сборник «Неназначенные встречи») просим информировать нас о состоянии на сегодняшний день работы над рукописью сборника и о предполагаемых сроках сдачи ее в набор.

С уважением,

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

Письмо Аркадия брату, 18 мая 1977, М. – Л.

Дорогой Боря!

1. Из МолГв – ничего. Из ВААПа тоже ничего узнать не мог, поскольку Харута в командировке. Рукопись Медведеву я вернул 26 апреля, полагаю дня через два послать Синельникову письмо с запросом о положении дел.

2. Позвонил Бархударяну из из-ва «СовПис». Он разъяснил: шансы могут быть только на 1979 год, принимаются только (!) вещи новые или опубликованные в периодике.

В конце недели просил позвонить и договориться о встрече. Полагаю предложить ему ДоУ, зМЛдКС и УнС. Возможно еще ГЛ.

3. Был в ВААПе, чтобы читать предисловие Т. Старджона к ОО. Предисловие очень приятное. Кстати, поговорил там о возможности запродать за рубеж ГЛ. Обещали прощупать почву.

4. Туча над ЗС появилась не из-за нас – во всяком случае, формально. Комиссия состоится в августе, при обсуждении, конечно, и в наш огородик камень бросят. Журнальные ребята сохраняют спокойствие. Рецензию Жоры Гречко в «Комсомолке» зажал зав. лит. отделом из трусости, он обещал Жоре посоветоваться с главным, который вернется в Москву в конце месяца.

5. Посылаю тебе письмо из ВААПа по поводу наших издательских дел в соц. странах. Было бы хорошо, если бы ты сделал сводку по гонорарам по соц. странам и по кап. странам и составил бы письмо на имя Коженова (см. письмо) и подослал мне. В сводке перечисли книги по соц. и кап., экзы которых у нас есть. Кстати, только что пришел «Малыш» из Чехословакии.

6. Положение в театре остается неясным, т. к. театр удрал на гастроли.

7. ТББ (с) творю. То, что мы сделали, пришлось наполовину похерить. Все-таки это самая трудная сцена – в Пьяной Берлоге. Теперь она, кажется, получилась, слава богу. Во всяком случае, режиссер больше претензий не имеет, и я двигаюсь дальше.

8. Материал для Тарковского передал с Солоницыным. Если все в порядке, съемки ведутся уже третий день.

Вот покуда всё из наиболее интересного. В пятницу иду в ЛитОбоз на собеседование с Биленкиным и Бестужевым-Ладой по поводу фантастики.

Привет Адке и Андрею. Поцелуй маму.

Жму, целую, Арк.

Только что дозвонился до бухгалтерии ВААПа. Нам полагается

из ГДР – по 100 р. за ДР
из США – по 10 р. за ТББ
из ФРГ – по 6 р. за ПНВС+ВНМ
[две последние строчки обведены справа фигурной скобкой с надписью:]
Каково? Курам на смех! На портянки не хватит!

Письмо Бориса брату, 23 мая 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!
Наконец-то пришло от тебя письмо. Спешу ответить.
1. Твои намерения по СовПису полностью одобряю. Дуй до горы, вдруг что-нибудь и отломится.
2. Распечатку ДоУ-С я благополучно получил, в ближайшие два дня вычитаю и отправлю. Кстати, успел уже позвонить Таска: как у нас идут дела? Я объяснил. Он очень просил учесть пожелания Кроманова насчет Хинкуса. Я стал говорить, что мы не намерены изменять статус Хинкуса, но обязательно почистим его лексику. По-моему, это его не удовлетворило.
3. Пришло из ЧССР издание ПиП+ПнА – отвратное изданьишко, вроде нашей «Роман-газеты», только раскрашенной. А «Малыша» из ЧССР я не получал.
4. Ходил в СП хлопотать насчет маминой комнаты. Приняли меня очень любезно, но сказали, что сделать ничего не могут. Вот лично мое жилищное положение они устроить могут в течение двух-трех лет, а тут… пардон, мол, и увы. Оказывается, каждый член СП имеет право на отдельный кабинет, и некоторые под это дело выхлопатывают себе однокомнатные квартиры. Надо попробовать!

Теперь «опись имущества». Высылаю тебе список отдельных книг, наличествующих у меня в биб-ке на сегодняшний день. В список я по понятным соображениям включил ТОЛЬКО ИЗДАНИЯ 1973 года и БОЛЕЕ ПОЗДНИЕ.

БОЛГАРИЯ			
ОуПА	изд-во «Хр. Г. Данов»	Пловдив	1973
ВЕНГРИЯ			
ПнО (1 глава)	ж. «Галактика», № 11		1974
ПОЛЬША			
ДоУ	«Искры»	Варшава	1973
ТББ+ВНМ	“”	“”	1974
ПнО	“”	“”	1974
М	“”	“”	1975
ЧССР			
ТББ	«Свобода»	Прага	1973
ПнО	«Млада фронта»	Прага	1974
ПиП+ПнА	«Смена»	Братислава	1977
ГДР			
ОуПА	«Фольк у. Вельт»	Берлин	1973
ТББ (1 издание)	“”	“”	1975
М	«Ное Берлин»	“”	1975
ТББ (2 издание)	«Фольк у. Вельт»	“”	1976
ВНМ	“”	“”	1976
ПнО	«Ное Берлин»	“”	1976

Таким образом, если верить письму из ВААПа, следует ждать еще:

ВЕНГРИЯ: «Малыш», изд. «Мора Ференц»

ГДР: «Малыш», изд. «Киндербухферлаг» (вероятно, 2-е издание, т. к. первое – см. выше – было в «Ное Берлин»?)

Польша: Лес + ПнО, изд. «Краков»; ПиП, «Чительник»; ПХХIIВ, «Р. С. В.»

ЧССР: М, «Татран» (но это ты уже, по-видимому, получил)

СФРЮ: ТББ, изд. «Югославия»; ВНМ, изд. «Македонская книга».

Далее. Продолжаю опись.

ФРГ			
ВНМ+СоТ	«Инзель»	Франкфурт/Майн	1973
ПНвС	«Инзель»		1974
ФРАНЦИЯ			
ТББ	«Denöel»	Париж	1973
ПНвС	“”	Париж	1974
США			
ТББ	«Seabury Press»	Нью-Йорк	1973
ТББ	«Daw Books»	Нью-Йорк	1974
ХВВ	“”	Нью-Йорк	1976
АНГЛИЯ			
ТББ	«Eyre Methuen»	Лондон	1975
ШВЕЦИЯ			
СоТ+УнС	«Delta förlag»	?	1975
ТББ	«Bernces förlag»	?	1975

Теперь гонорары. Даю прямо по своим записям (тоже только с 1973 г.)

Март	1973	163.8	ФРГ	ТББ	
Май	1973	47.94	Испания	ВНМ (в общем сборнике)	Это сертификаты, причем на двоих!
Февр.	1974	27.28	Австрия (?)	????	
Дек.	1974	325.44	ФРГ	ТББ и ОО	
Авг.	1975	402.70	ФРГ, Швеция	????	
Окт.	1975	216.98	ФРГ, США	????	
Март	1976	14.62	ФРГ	ТББ и ОО (?)	
Март	1976	113.96	США, Испания	ТББ (?)	
Май	1976	66.00	????	????	
Апр.	1977	208.28	ЧССР, ГДР	????	это уже чеками. И на одного

Теперь выплаты в рублях (на одного!):

Апр.	1974	281.00	Болгария	ДоУ	?
Февр.	1975	38.50	ГДР	???	
Нояб.	1975	598.47	ГДР, ПНР	М	
Дек.	1975	116.06	ВНР	???	(м. б., за ПнО?)
Апр.	1976	280.00	???	???	
Июль	1976	174.35	???	???	
Июль	1976	164.95	???	???	

Такое вот положение на сегодня. Не знаю, как использовать этот материал. У меня есть к ним один вопрос: какие гонорары и за что были перечислены нам со времени возникновения ВААПа и по сей день?

И есть одна просьба: нельзя ли впредь каждый раз сообщать, за что нам дают деньги. Так что если будешь им писать, то задай и эти вопросы (кроме своих собственных). Чтобы не пересылать тебе обратно Вааповского письма, переписываю адрес начальника отдела расчетов по международным Соглашениям: Москва, Лаврушинский пер. 17, тов. Коженов Евгений Семенович. Тел. 231–61–07.

Хорошо бы, конечно, урегулировать и вопрос об экзах (где испанские издания?), но это, надо думать, уже выше человеческих сил.

Вот пока и все.

Жму руку и обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи!

P. P. S. Да! Пришли, пожалуйста, адрес съемочной группы! Я хочу через пару недель туда съездить – развлечься и вообще.

В этот же день АН пишет запрос в «Молодую гвардию».

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

26 апреля нами была передана под расписку заведующему редакцией фантастики и приключений Медведеву вычитанная и выправленная рукопись нашей повести «Пикник на обочине», в которую мы внесли все поправки и исправления, обусловленные во время встречи с Вами А. Стругацкого 23 ноября прошлого года. Заметим в скобках, что хотя в ходе упомянутой беседы была достигнута договоренность об оперативности действий как авторов, так и издательства, редакция предоставила нам рукопись «Пикника на обочине» для внесения обусловленных исправлений только 18 апреля, т. е. почти через пять месяцев после беседы.

Поскольку с 25 апреля и по сей день (23 мая) мы не имеем из редакции никаких сведений о судьбе нашего сборника «Неназначенные встречи», мы просим Вас, тов. Синельников, в срок хотя бы до 1 июня сообщить нам о том, сдана ли рукопись сборника в производство и в каком она сейчас положении. Нам приходится беспокоить Вас лично потому, что по опыту мы знаем: ответа от Медведева пришлось бы ждать месяц или больше, да и то если обратиться в ВААП или в высшие инстанции.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

25 мая БН отправляет исправленный вариант сценария ОУПА в «Таллинфильм».

Из архива. Письмо АБС в «Таллинфильм»

Дорогие товарищи!

Посылаем вам второй вариант нашего сценария, в котором, как нам кажется, учтено подавляющее большинство

пожеланий, высказанных нам в решении сценарно-редакционной коллегии от 15 февраля с. г., так и в письме Г. Кроманова и И. Таска от 16 апреля с. г.

Хочется надеяться, что этот вариант позволит Г. Кроманову приступить к работе над режиссерским сценарием, в чем мы всегда готовы, конечно, оказать ему посильную помощь.

С уважением,

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

У Тарковского в это время киносъемки в полном разгаре. Не обходится, конечно, без накладок. Он замечает:

Из: Тарковский А. Мартиролог

28 мая 1977

<…>

Снимать трудно, непонятно как. Бойм пьет. Если я не расстанусь с ним до конца работы, то уж никогда с ним не встречусь. Гоша тоже. Несерьезные, мелкие, лишенные самолюбия люди. Инфантильные выродки. Дебилы.

В июне вновь оживляется пресса. В «Вопросах литературы» Евгений Брандис публикует свою статью «Научная фантастика и человек в сегодняшнем мире», где в качестве примеров приводит ПНВС и ПКБ.

В «Уральском следопыте» публикуются отрывки из писем читателей. Упоминаются в них и АБС.

В журнале «Дружба народов» выходит рецензия Юлия Смелкова на ЗМЛДКС, где автор сравнивает повесть с произведениями Гоголя и Булгакова и подчеркивает, что это «повесть-размышление о том, какое же место занимает человек в мироздании. О выборе пути».

В начале июня БН, путешествуя на автомобилях с Копыловыми по Эстонии, пытается посетить съемки Тарковского.

Письмо Бориса брату, 7 июня 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Вот я и вернулся из своего путешествия по Эстонии. С трудом, но нашел-таки поселок Ягалу, где расположился

наш Тарковер. К сожалению, никого там не было. Местное начальство, бывшее в курсе, объяснило, что снимали-де они на какую-то американскую камеру, а как проявили отснятое, так и выяснилось, что камера не работает. Бросили все и уехали в Москву – камеру чинить… А место там, должен тебе сказать, действительно превосходное. Красиво и страшновато. Орел он, все-таки, наш Таркович! Все кругом завалено реквизитом и уставлено юпитерами – дело, видимо, было на мази, да вот камера подвела…

А больше новостей особых у меня нет. Получил, правда, деньги из ВААПа: два конверта, в одном – 23.32, в другом аж 533.55. Разумеется, чеками. За что – не понять. Но это уже, согласись, сумма! Приятно наблюдать.

Из Таллина пока ни слуху ни духу. Хотел я там зайти, проведать, да забегался, опоздал к присутствию. Впрочем, не жалею. Предпочел бы объясняться с ними письменно – они этого не любят, ханурики.

Ты бы написал мне все-таки письмишко. Что и как.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи!

О натурных съемках первого «Сталкера» вспоминают их участники.

Из: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность

<…>

Е. Цымбал. Но давайте вернемся к началу съемок. Андрей Арсеньевич, Маша и я выехали в Таллин 7 мая 1977 года. Нас встретил замдиректора Роман Калмыков, и мы в этот же день поехали на место съемок. Здесь Андрей Арсеньевич впервые сказал, что хочет, чтобы реквизит был максимально безадресным, чтобы по нему нельзя было определить, в какой стране происходят события. То есть чтобы вся история носила вневременной общечеловеческий характер. На следующий день началась подготовка к съемкам. Через пять

дней подъехала остальная группа. 17 и 18 мая было освоение натурной декорации и доведение ее до желаемой кондиции. 19 мая разводили мизансцены и репетировали. Съемки начались 20 мая и продолжались безостановочно десять дней до получения первого материала. Потом были три дня простоя и первые оргвыводы.

<…>

Е. Цымбал. Примерно с 4 июня снова начали снимать. Мы пересняли уже отснятые ранее сцены и пошли вперед. И так до конца июня. В это время была какая-то задержка с обработкой пленки, по-моему, сломалась проявочная машина, и мы довольно долго не могли посмотреть отснятый материал.

<…>

М. Чугунова. А как мы раздолбали весь подход к этой станции! Катали двухметровые железные трубы, двигали огромные трансформаторы. Разбивали бетонный парапет…

Г. Рерберг. Да… Кровь лилась, а результата не было. Снаружи всё меняли, а внутри оставалось то же самое. Когда вы с Димой проломили дыру в стене, мы поставили камеру на рельсы, снаружи подсветили и начали снимать с отъездом. Проявили, смотрим. То же самое: сцены нет. Так что дело было не в оптике, не в точке отхода и не в манере съемки, а все-таки в сценарии…

И сколько там ни разбирай, ни ломай, ни ворочай камни, внутреннее напряжение в драматургии и, соответственно, в изображении от всех этих усилий не появится.

<…>

Г. Рерберг. Когда Калашников уезжал в Таллин на съемки «Сталкера», я подарил ему ручку. «Зачем?» – спросил Лёня. Я ответил: «Там надо написать другой сценарий». Он сказал: «Я сценарии не пишу». И уехал снимать. Но когда он понял, что кроме головной боли и нервотрепки ничего больше с Тарковским не заработает, то ушел с картины.

Е. Цымбал. Это было не совсем так. После того как Лариса Павловна грубо и совершенно незаслуженно обругала Шавката Абдусаламова, он ушел с картины. А вместе с ним, из солидарности, немедленно ушел и Леонид Иванович Калашников. И картину стали срочно закрывать. И Госкино, и «Мосфильм».

Г. Рерберг. После этого Андрей закрылся на зиму и переписал-таки сценарий кардинально. Весной он опять запустился. И снял все заново. Конечно, это могло быть только в Советском Союзе, и мог это сделать только такой человек, как Андрей. В третий раз снять все то, что уже дважды снималось. Причем по характеру изображения все было почти таким же, как то, что снимал я. С небольшими изменениями.

М. Чугунова. И диалоги были почти такие же. Многое, правда, Андрей Арсеньевич сам дописал. Но главный герой стал другим.

Г. Рерберг. Да, герой стал другим. Диаметрально другим.

<…>

Г. Рерберг. На «Сталкере» многое решалось на площадке. Ведь у нас уже был огромный опыт работы на «Зеркале». Мы мыслили примерно одинаково. На «Зеркале» половина фильма была придумана и сделана именно на площадке. Там тоже сценарий все время менялся. А здесь, на мой взгляд, он взял не свой материал.

М. Чугунова. И долго и упорно превращал его в свой.

Г. Рерберг. В результате он все-таки превратил его в свой. Картина есть, что говорить! Но какой ценой это достигнуто?.. Куча «трупов», многократные пересъемки…

<…>

Во многих материалах о творчестве Андрея Тарковского можно встретить такие вот, персонифицированные оценки творения – «Тарковский переписал», «превратил сценарий в свой»… Да, его участие в сценарии – бесспорно. Но сводилось оно, как выше сказано БНом, к мешанине жестов, слов, идей, образов. Авторы же терпеливо писали, дописывали и переписывали не менее двенадцати вариантов сценария.

7 июня в письме Штерну БН пишет:

Из архива. Письмо БНа Б. Штерну

<…>

Тарковский начал снимать «Сталкера». По плану должен закончить в ноябре. А мы сейчас занимаемся исключительно сценариями: недавно в шестой раз переписали «Сталкера», а теперь возимся с новыми вариантами «Отеля» (для Таллинфильма) и «Трудно быть богом» (для студии им. Горького). В этом году вряд ли сядем за новую повесть. Возможно, – в будущем.

<…>

9 июня АН напоминает: «Уважаемый тов. Синельников! Убедительно просим ответить на наше письмо от 23 мая с. г. относительно судьбы нашего сборника “Неназначенные встречи”».

21 июня (еще через 2 недели!) из «Молодой гвардии» уходят сразу два письма – Авторам и в ВААП.

Из архива. Письмо из МГ в ВААП

Уважаемый Виталий Игнатьевич!

Для информации о состоянии на сегодняшний день работы над рукописью А. и Б. Стругацких «Неназначенные встречи» направляем Вам копию письма издательства от 21 июня с. г.

Редакция планирует сдать рукопись в набор в III квартале с. г.

Приложение: копия письма А. Стругацкому от 21.6.77 г. на 2 стр.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. М. Медведев

Рядом со словами «копия письма А. Стругацкому от 21.6.77» стоит рукописная пометка: «Нет. Гаврилов». И еще ниже поясняющая приписка: «Нет приложения».

А вот письмо АНу, которое и должно было быть в приложении.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Главный редактор нашего издательства, Синельников В. М., к сожалению, длительное время болен, что и явилось, в основном, причиной некоторой задержки с ответом.

По согласованию с Главной редакцией и Дирекцией редакция фантастики рассмотрела представленную Вами 25 апреля с. г. рукопись повести «Пикник на обочине». В своем письме от 23 мая с. г. Вы сообщаете, что внесли в повесть все поправки и исправления, обусловленные во время известной встречи в издательстве 23 ноября 1976 года. К сожалению, эта информация не совсем точна. Вами остались неучтенными следующие замечания:

– дать четкое логичное, более или менее понятное обоснование появлению муляжей-«покойников». Кстати, это замечание сделано за период рассмотрения рукописи всеми компетентными рецензентами и не раз отмечалось в письмах и редакционных заключениях редакции фантастики;

– несколько сократить и смягчить многочисленные эпизоды драк, пьянства и сопровождающие эти эпизоды диалоги;

– дать научное обоснование феномена Золотого шара в целях снятия налета мистицизма.

Кроме того в письме редакции фантастики от 3 февраля с. г. Вам предлагалось учесть пожелание ЦК ВЛКСМ «при окончательной доработке рукописи обратить внимание на необходимость устранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой». Не конкретизируя это указание, редакция выразила надежду, «что Вы, уважаемый Аркадий Натанович, вместе с Борисом Натановичем, будучи опытными писателями-фантастами, сами изыщете пути для облегчения повести от вульгаризмов и жаргонной лексики». Однако Вы не сочли возможным выполнить пожелание ЦК ВЛКСМ, ссылаясь на то, что на Ваш взгляд «правка доведена до предела, за которым начнется

уже искажение образной системы повести» и настаиваете на конкретных замечаниях.

Редакция фантастики, считая, что пожелание ЦК ВЛКСМ о необходимости устранить вульгаризмы и жаргонную лексику по-прежнему остается в силе, в настоящее время конкретизирует замечания. Все замечания будут высланы Вам до конца июня с. г.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. Медведев

АН отвечает сразу же – 24-го.

Из архива. Письмо от АНа в МГ

На Ваш №128/09 от 21 июня 1977 года.

Тов. Медведев.

Ознакомившись с Вашим письмом, с грустью отмечаю, что Вы по-прежнему, как во многих случаях и раньше, обнаруживаете склонность – по забывчивости или сознательно – к нарушению Девятой заповеди[1].

И дело здесь не в том, что в Вашем письме Вы полностью игнорируете наши возражения по пунктам о «покойниках», о «многочисленных эпизодах драк» и о «феномене Золотого шара», высказанные нами в письме от 14 февраля 1977 г. В конце концов, это не первый случай, когда Ваше обыкновение отвечать на письма через два-три месяца, а то и вовсе не отвечать, превращало нашу переписку в диалог глухонемых.

Дело в другом, гораздо более серьезном. Похоже на то, что Вы начисто забыли (будем выражаться мягко), какая была достигнута договоренность, а о чем и вообще речи не было по указанным трем пунктам во время беседы с В. М. Синельниковым 22 ноября прошлого года.

Напоминаю:

– по пункту о «покойниках» мы согласились, что возвращение к журнальному варианту полностью удовлетворяет редакцию;

[1] Т. е. «Не лжесвидетельствуй».

– по пункту о «многочисленных эпизодах драк» – что это замечание является плодом недоразумения, ибо строго говоря, эпизодов драк и пьянства в повести насчитывается всего один;

– по пункту о «феномене Золотого шара» во время беседы 22 ноября речи вообще не было, и появился он впервые лишь в Вашем письме от 7 февраля с. г., повергнув нас в неописуемое изумление своим неприкрытым простодушием.

Вы сочли для себя возможным обо всем этом «забыть», но я-то не забыл, и еще кое-что не забыл, и я прошу впредь иметь это в виду.

Упрямое возвращение к замечаниям, по которым, казалось бы, уже достигнута полная договоренность, а также изобретение и произвольное выдвижение новых и новых замечаний, производит тягостное впечатление, будто Вы сознательно стремитесь затянуть дело с изданием нашего сборника до бесконечности.

Это впечатление перерастает в уверенность, когда мы переходим к последнему пункту Ваших претензий – к пресловутым «вульгаризмам и жаргонной лексике». Еще 22 ноября мы договорились, что редакция быстро и оперативно дает нам по этому пункту конкретные замечания, которые мы быстро и оперативно рассмотрим. Где эти замечания? Почему редакция приступила к их разработке только в конце июня 1977 года? Почему для такого простого дела редакции понадобилось более семи месяцев? А может быть, понадобится и более восьми? Более года? Увы, тов. Медведев, с Вами я ни в чем не могу быть уверен.

Все же пребываю в надежде, что Вы преодолеете свою забывчивость, и книга, которую ждут сотни тысяч читателей, выйдет в свет.

А. Стругацкий

В это время в «Таллинфильме» обсуждается сценарий по ОУПА, и 27 июня коллегия решает:

Из архива. Решение сценарно-редакционной коллегии «Таллинфильма» по сценарию ОУПА

Сценарно-редакционная коллегия, обсудив сценарий А. и Б. Стругацких «Отель “У погибшего альпиниста”», отмечает следующее:

Сценарий Бр. Стругацких по жанру психологический детектив, однако детектив особого рода. Детектив, где место преступников занимают инопланетяне, ищущие контакта с землянами.

Парадоксальность ситуации, ее фантастический характер определяют необычность всего происходящего, вызывают особый интерес.

За парадоксом фабулы скрыт глубокий смысл – сатирическое обнажение алогичности законов буржуазного мира, его принципиальной бесчеловечности. И в этом главное идейное содержание сценария.

Инспектор Глебски – весьма опытный и по-своему порядочный чиновник. В обычном западном детективе он нашел бы и разоблачил преступников. Его беда лишь в том, что он плоть от плоти капиталистического общества. В нем как бы персонифицированы его традиции и законы. Именно поэтому Глебски сначала становится в тупик, а затем и совершает ошибку за ошибкой, когда сталкивается с существами, ведущими себя естественно. И именно поэтому он не в состоянии сделать верных выводов из всего происшедшего.

Сценарийно-редакционная коллегия считает сценарий А. и Б. Стругацких хорошей основой для создания увлекательного, своеобразного, гуманного фильма.

Сценарийно-редакционная коллегия решила:

1. Принять сценарий А. и Б. Стругацких «Отель “У погибшего альпиниста”».

2. Просить Госкомитет ЭССР по кинематографии ходатайствовать о включении фильма «Отель “У погибшего альпиниста”» в производственный план киностудии «Таллинфильм» 1977 года переходящим на 1978 год.

3. Просить утвердить режиссером-постановщиком фильма «Отель “У погибшего альпиниста”» Григория Кроманова.

Гл. редактор Э. Реккор

Член сценарийно-редакционной коллегии И. Таска

И в этот же день в Третьем творческом объединении киностудии им. Горького обсуждается сценарий ТББ.

Из архива. Заключение на сц. ТББ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Мы прочитали и обсудили в присутствии Аркадия Натановича и режиссера Ирины Яковлевны Тарковской первый вариант сценария «Трудно быть богом».

Подводя итоги нашему обсуждению, мы должны сказать следующее:

К сожалению, в сценарии пока еще не найден драматургический эквивалент книги. Отсюда, как нам кажется, и проистекают все беды – расплывчатость и некоторая абстрактность общей концепции, приблизительность мотивировок, рыхлость сюжета, функциональность и бледность характеров героев (как людей будущего, так и прошлого).

Нам хотелось бы, чтобы сценарий приобрел большую конкретность и определенность, перешел бы на следующем своем этапе из сферы только умозрительной и в эмоциональную, чтобы мы не только могли догадываться, что и почему происходит, но и самим ходом художественного повествования были бы вовлечены в происходящие события, сопереживали бы герою.

Мы считаем, что ваши предложения по конкретной переработке сценария (изменить, уточнить мотивировку, объясняющую, с какой целью герой оказался на этой планете, усилить приключенческий элемент, сократить сцены, перегруженные диалогами) должны пойти на пользу сценарию.

По согласованности с вами срок сдачи 2-го варианта – 2 октября с. г. Но были бы рады, если бы в процессе работы вы нашли для себя возможным познакомить нас с более конкретными планами переработки сценария.

Главный редактор III творческого объединения

В. Погожева

Член редколлегии И. Соловьева

30 июня «Молодая гвардия» высылает Авторам очередной список требуемых исправлений (полностью он был опубликован в НС-3), список сопровождает письмо Медведева.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Посылаем Вам, как и сообщали в предыдущем письме от 21 июня с. г., постраничные замечания по языку повести «Пикник на обочине».

Все замечания разделены на три группы:

1) замечания, связанные с аморальным поведением героев;

2) замечания, связанные с физическим насилием;

3) замечания по вульгаризмам и жаргонным выражениям.

Разумеется, мы выписали только те выражения и слова, которые, на наш взгляд, нуждаются либо в устранении, либо в замене. Эти замечания продиктованы прежде всего тем, что Ваша книга предназначена для молодежи и подростков, для комсомольцев, которые видят в советской литературе учебник нравственности, путеводитель по жизни.

Еще раз выражаем сожаление, что Вы, опытные писатели-фантасты, не сочли нужным самостоятельно выполнить известное указание ЦК ВЛКСМ относительно повести «Пикник на обочине». О том, что это указание имеет под собой вполне реальную основу, в чем Вы сомневались, свидетельствуют прилагаемые 18 страниц замечаний.

Для удобства работы посылаем пронумерованный экземпляр рукописи (205 стр.).

По устранении замечаний просим рукопись незамедлительно вернуть в редакцию.

С уважением

Зав. редакцией фантастики Ю. М. Медведев

В июльском номере журнала «Искусство кино» выходит интервью с Андреем Тарковским, где тот рассказывает о своих творческих планах.

Из: Тарковский А. Перед новыми задачами

<…>

Что касается сценария «Сталкер», над которым я сейчас работаю, то, возможно, как раз он и даст мне наибольшую – по сравнению со всеми моими предыдущими картинами – возможность выразить нечто важное, может быть, самое главное для меня, то, что в прежних своих работах я смог выразить лишь отчасти.

<…>

Так в романе. Наш же фильм начинается, пожалуй, с того места, где роман заканчивается. Вся сюжетная история Зоны останется таким образом за кадром. Фильм рассмотрит одну-единственную ситуацию, развивающуюся в обстоятельствах, подготовленных всей сюжетной конструкцией романа, как бы вобравшую в себя их суть.

Мы расскажем в фильме об одной незаконной экспедиции, возглавленной Сталкером и состоящей всего из двух человек – Ученого и Писателя. Все их путешествие займет лишь один день, и, кроме Зоны, в начале и в конце фильма зрителю будет предложено еще только два места действия: комната Сталкера, откуда он утром уйдет в опасное путешествие, поссорившись с женой, не желавшей, чтобы муж рисковал собой, и кафе, куда возвращаются путешественники в конце фильма и где их находит жена Сталкера. Так что в первой и последних сценах возникнет еще один, четвертый персонаж фильма.

В свете моих нынешних представлений о возможностях и особенностях кинематографа как искусства для меня очень важно, что сюжет сценария отвечает требованиям единства времени, места и действия, по принципу классицистов. Раньше мне казалось интересным как можно полнее использовать всеобъемлющие возможности монтировать подряд как хронику, так и другие временные пласты, сны, сумятицу событий, ставящих действующих лиц перед неожиданными испытаниями и вопросами. Сейчас мне хочется, чтобы между монтажными склейками не было временного разрыва. Я хочу, чтобы время, его текучесть обнаруживались и существовали внутри кадра, а монтажная склейка означала бы продолжение действия и ничего более, чтобы она не несла с собой временного сбоя, не выполняла функцию отбора и драматургической организации времени.

Мне кажется, что подобное формальное решение, максимально простое и аскетическое, дает большие возможности. Поэтому я выбрасываю из сценария все, что можно выбросить, и до минимума свожу внешние эффекты. Мне не хочется развлекать или удивлять зрителя неожиданными сменами места действия, географией происходящего, сюжетной интригой. Фильм должен быть простым, очень скромным по своей конструкции.

<…>

Какова же главная тема, которая должна отчетливо прозвучать в фильме? Это тема достоинства человека и тема человека, страдающего от отсутствия собственного достоинства. Дело в том, что когда наши герои отправляются в свое путешествие, то они намереваются добраться до того места, где исполняются сокровенные желания. А пока они идут, они вспоминают историю то ли реального человека по прозвищу Дикобраз, то ли легенду о нем, вспоминают о том, как он шел к заветному месту, чтобы попросить здоровья своему сыну. И дошел до него. А когда вернулся обратно, то обнаружил, что сын его по-прежнему болен, зато сам он стал несметно богат. Зона реализовала

его действительное существо, действительное желание. И Дикобраз повесился.

В конце концов наши герои достигают цели. Но они доходят до этого места так много пережив и переосмыслив в себе, что не решаются к нему приблизиться. Они поднялись до осознания той мысли, что нравственность их скорее всего несовершенна. И еще не находят в себе духовных сил, чтобы до конца поверить в самих себя.

Так кажется до последней сцены, когда в кафе, где они отдыхают после путешествия, появляется жена Сталкера, усталая, много пережившая женщина. Ее приход ставит героев фильма перед чем-то новым, необъяснимым и удивительным. Им трудно понять причины, по которым эта женщина, бесконечно много терпевшая от мужа, родившая от него больного ребенка, продолжает любить его с той же беззаветностью, с какой она полюбила его в дни своей юности. Ее любовь, ее преданность – это и есть то чудо, которое можно противопоставить неверию, опустошенности, цинизму, то есть всему тому, чем жили до сих пор герои фильма.

<…>

В «Сталкере» все должно быть договорено до конца – человеческая любовь и есть то чудо, которое способно противостоять любому сухому теоретизированию о безнадежности мира. Это чувство – наша общая и несомненная позитивная ценность. Это то, на что опирается человек, то, что ему дано навсегда.

В фильме Писатель произносит длинную тираду о том, как скучно жить в мире закономерностей, где даже случайность – результат закономерности, пока еще скрытой от нашего понимания. Писатель, может быть, для того и отправляется в Зону, чтобы чему-то удивиться, перед чем-то ахнуть… Однако по-настоящему удивиться его заставляет простая женщина, ее верность, сила ее человеческого достоинства. Так все ли поддается логике, все ли можно расчленить на составные элементы и вычислить?

Мне важно установить в этом фильме то специфически человеческое, нерастворимое, неразложимое, что кристал-

лизуется в душе каждого и составляет его ценность. Ведь при всем том, что внешне герои, казалось бы, терпят фиаско, на самом деле каждый из них обретает нечто неоценимо более важное: веру, ощущение в себе самого главного. Это главное живет в каждом человеке.

<…>

В «Сталкере» фантастической можно назвать лишь исходную ситуацию. Эта ситуация удобна нам потому, что помогает наиболее выпукло и рельефно обозначить основной нравственный конфликт, волнующий нас в фильме. Внутри же самой ткани происходящего никакой фантастики не будет, видимо-реальной будет даже Зона. Все должно происходить сейчас, как будто бы Зона уже существует где-то рядом с нами. Ведь Зона – это не территория, это та проверка, в результате которой человек может либо выстоять, либо сломаться. Выстоит ли человек – зависит от его чувства собственного достоинства, его способности различать главное и преходящее.

Фильм этот снова снимает оператор Г. Рерберг, над музыкой работает опять композитор Э. Артемьев, художник – А. Бойм. В роли Сталкера и его жены у меня впервые будут сниматься А. Кайдановский и А. Фрейндлих. Писателя играет А. Солоницын. Ученого – Н. Гринько. Кстати, Кайдановский, Солоницын и Гринько по типу, чисто внешне, похожи друг на друга. Для картины это важно. Мне кажется, что когда они проведут в Зоне день, пусть только один день, но из числа тех, что стоят жизни, они должны выйти из Зоны похожие, как братья, друг на друга.

6 июля ВААП и «Таллинфильм» информируют Авторов.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Письмом от 21 июня 1977 г. № 124/09 издательство «Молодая гвардия» поставило нас в известность о том, что рукопись

сборника «Неназначенные встречи» планируется сдать в набор в III квартале с. г.

С уважением,

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

Из архива. Заключение сценарной редакционной коллегии «Таллинфильма» по сценарию ОУПА

Главная сценарная редакционная коллегия рассмотрела и обсудила литературный сценарий научно-фантастического фильма «Отель “У погибшего альпиниста”». Коллегия принимает сценарий, однако при работе над режиссерским сценарием просит внимательно отнестись к следующим рекомендациям:

В образе инспектора Глебски следует точнее проследить внутреннюю эволюцию его взглядов. Точнее раскрыть мысль о том, что при всей косности буржуазного общества в нем есть люди, приходящие к мысли о необходимости ломать привычные стереотипы мышления. Что на это наталкивает сам ход жизни.

Отчетливее надо проявить критическое отношение к буржуазной морали, причем – по существенным, принципиальным позициям. Одновременно – необходимо избегать показа на экране откровенной вульгарности, примитивной грубости, циничных выражений, памятуя, что фильм адресуется самой широкой аудитории, в том числе и юношеской.

При дальнейшей работе следует также сжать и драматургически обострить пространные диалоги и монологи персонажей, наконец, желательно уже с самого начала киноповествования заявить его жанр, т. е. щедрее и изобретательнее вводить фантастический элемент.

Режиссерский сценарий следует представить в Коллегию для утверждения.

Зам. главного редактора Главной сценарной редакционной коллегии Е. С. Котов

Гл. редактор тематической группы И. В. Раздорский

В июле Авторы встречаются на несколько дней в Ленинграде.

Рабочий дневник АБС
7.07.77
Прибыл Арк. К маме.
12.07.77
Арк уехал.
Почти не работали. Немного над сценариями, немного над СЗоД.

Письмо Аркадия брату, 15 июля 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

1. Вчера я получил от Медведева эту рукопись и эти безобразные претензии к оной с приложением письма этого вонючего лицемера. Погляди и принимай решение. Что касается меня, то я бы положил написать ему язвительное письмо и отослать ему вместе с рукописью, а копии письма направить – одну в ВААП к Харуте и одну в аппарат Зимянина. Можно, конечно, и принять кое-что из его идиотских претензий. Посылаю тебе также и проект такого письма, написанный Сашкой Мирером, он там кое-что напутал, но посмотри суть. Было бы неплохо, если бы ты написал письмо сам, подписал бы от нашего с тобой имени и вместе с рукописью направил обратно в МолГв. Кстати, обрати внимание: по ошибке или сознательно они перепутали адрес моей квартиры, так что рукопись неделю напрасно бродила по почтовым ведомствам. Хорошо еще, что на почте нашлись люди, которые меня знают, иначе бандероль эта могла бы и месяц таскаться по инстанциям.

2. Пользуюсь случаем и посылаю тебе письмо-справку из расчетного отдела ВААПа. Интересно было бы сравнить их данные с твоими. Я там кое-чего совершенно не понимаю. Может быть, ты разберешься.

3. Посылаю также письмо Харуты – как видишь, МолГв обещается сдать рукопись в производство в III квартале, т. е. до октября.

4. Письмо Балихину в студию Горького отослал.

5. Сегодня должен приехать на день Тарковский, должен мне звонить. Звонила Лариса, его жена, и извиняющимся тоном объясняла, что Андрей попеределал наши диалоги и чтобы мы не сердились. Ха!

Пока, кажется, всё.

Привет твоим, поцелуй маму.

Жму, целую, Арк.

По рукописи ПНО Авторы останавливаются на варианте: «Можно, конечно, и принять кое-что из его идиотских претензий». 25 июля АБС отправляют в «Молодую гвардию» частично поправленную рукопись. Рукопись сопровождается письмом.

Из архива. Письмо от АБС в МГ

Тов. Медведев!

1. Учитывая пожелание ЦК ВЛКСМ «при окончательной доработке повести обратить внимание на необходимость устранения чрезмерной перегруженности языка этой повести вульгаризмами и жаргонной лексикой», мы учли целый ряд Ваших «Замечаний по вульгаризмам и жаргонным выражениям» (см. прилагаемую рукопись).

2. Как известно, во время беседы с В. М. Синельниковым 22 ноября 1976 года было достигнуто соглашение о том, что возвращение по пункту о муляжах-покойниках к журнальному варианту полностью удовлетворит редакцию. О «феномене Золотого Шара» речи во время этой беседы не было вообще. Тем не менее в целях прекращения бесконечной и бессмысленной переписки мы приняли решение удовлетворить Ваши требования, изложенные в письме от 21.06.1977, и дали «более или менее понятное обоснование появлению муляжей-покойников» и «научное обоснование феномена Золотого шара в целях снятия налета мистики». (См. стр. 148 и 151 прилагаемой рукописи.)

3. По поводу Ваших «Замечаний, связанных с аморальным поведением героев» и «Замечаний, связанных с физическим насилием» напоминаем еще раз:

а). Литература воспитывает молодого читателя не только на положительных, но и на отрицательных примерах, не только учит его, как надо поступать, но и показывает еще, как поступать НЕЛЬЗЯ.

б). Идеологическая цель повести «Пикник на обочине» есть разоблачение мира наживы и свободного предпринимательства, мира жестокого, отвратительного и аморального по своей сути. Мы всячески стремимся изобразить этот мир во всей его неприглядности, продемонстрировать молодому читателю истинное лицо капиталистической действительности. Вы же своими «Замечаниями» словно бы задались целью отлакировать эту действительность, сделать этот страшный мир менее жестоким и аморальным, превратить его чуть ли не в «землю обетованную», где нет ни насилия, ни жестокостей, ни злобы, ни ежечасного нарушения всех моральных норм. Следовать Вашим «Замечаниям» означает для нас – уменьшить идеологический заряд повести, лишить повесть ее политической остроты. Мы не понимаем этой Вашей позиции и категорически не приемлем ее.

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Р. Т. Обращаем Ваше внимание на то, что последняя бандероль от Вашего имени была направлена А. Стругацкому по неверному адресу, в результате чего пришла с запозданием на две недели. Напоминаем, что адрес А. Стругацкого: <…>.

Тем временем Тарковский в дневнике замечает:

Из: Тарковский А. Мартиролог

21 июля 1977

<…>

Все ужасно. Переснимаю почти все. Вернее, все = 1400 м. Денег нет. Сил нет. Вина Рерберга.

АН же, по согласованию с Тарковским, приезжает на съемки.

Письмо Аркадия брату, 30 июля 1977, Таллин – Л.

Дорогой Борик.

1. Приехал в Таллин 23.07.

2. Возникли затруднения с гостиницей, но тут же отпали.

3. Ситуация со съемками была нерадостной. Километр пленки операторского брака, метров четыреста без брака, но Андрею не нравится. Пленка на исходе, дублей снимать нельзя. В группе паника. Кончаются деньги. Просрочены все сроки. Оператор сник и запил.

4. Присутствовал на съемке двух кадров: мертвецы в закутке перед терраской и Кайдановский-Сталкер роняет в колодец камень. Даже мне, абсолютному новичку, было ясно, что все недопустимо медленно делается и обстановка в высшей степени нервная.

5. Некоторое время не понимал, зачем я здесь. Теперь разобрался – дело не в диаложных поправках, которые мне предстоит произвести, а в том, что я – единственный здесь заинтересованный человек, с которым Тарковский может говорить откровенно и достаточно квалифицированно.

6. Позавчера утром он улетел в Москву, вчера вечером прилетел. С неожиданной легкостью удалось выправить дела. Ермаш без звука подписал приказ о переводе «Сталкера» в двухсерийную картину с соответствующими дотациями в деньгах, пленке и времени. И есть в этом еще одна большая благодать: все кадры, которые Андрей снимает, занимают вдвое больше физического времени, чем предполагалось по режиссерскому сценарию.

7. Всё равно Тарковский не спокоен. Терзается творческими муками. Уверяет меня, что снимает все не то и не так. Слушать его необычайно интересно.

Вот пока всё. Напиши, как дела.

Жму, целую. Твой Арк.

P. S. Да, вот еще что. Днями, видимо, будет в Таллине Кроманов. Звонил Реккор.

Привет всем твоим.
Адрес:
200001 Таллин
гостиница «Виру», номер 1224, мне.

Здесь приходится отступить от хронологического изложения событий и взглянуть на последующие события ретроспективно. Причиной тому вот эти слова Тарковского в изложении АНа: «С неожиданной легкостью удалось выправить дела. Ермаш без звука подписал приказ о переводе «Сталкера» в двухсерийную картину с соответствующими дотациями в деньгах, пленке и времени». Могло ли это быть правдой в конце июля 1977-го? Это решение принималось с обыкновенным в те времена полугодовым бюрократическим сопротивлением и было оформлено документально лишь в феврале-марте будущего 1978 года. Оно было и непременно коллегиальным – взять на себя лично подобное решение тертый номенклатурщик Ермаш никогда бы не осмелился. Были пройдены все инстанции: худсовет Мосфильма, множественные решения студии и комитета. Только после создания основательного бумажного фундамента Ермаш поставил свою визу. Зачем же Тарковский солгал АНу? И почему ему одному? Второе объяснить проще: АН не из кинематографического мира, не знаком с его реалиями, поверить в «неожиданную легкость» приказа Ермаша изо всей съемочной группы мог лишь он один. А зачем – для того, вероятно, чтобы получить более весомое основание для будущей атаки Сизова и Ермаша – новый сценарий двухсерийного фильма. Видимо, первую и главную причину – «неудачную проявку» – готовил кто-то другой… Или же ее требовалось лишь формально обозначить в документах. Конечно, можно продолжать настаивать и на реальной неудачной проявке, безо всяких кавычек. (Прошло лишь две недели после озвучивания Тарковским идеи двухсерийной картины – и произошел тот знаменитый сбой проявочной машины. Как он был нужен! Какое удивительное совпадение! Да и совпадение ли… Говоря словами персонажа С. Ярославцева, «заурядный случай предвидения».) В нашей работе лишь ставятся вопросы, ибо сами сомнения в утраченном первом варианте «Сталкера» в результате неудачной проявки высказываются уже тридцать лет. Кто знает, быть может, когда-нибудь и отыщутся ответы на все эти вопросы.

Две причины – неудачная проявка и новый сценарий двухсерийной ленты – формальная мотивация Тарковского для выхода из тупика (как финансового, так и творческого). Принять решение о переводе «Сталкера» в двухсерийность означало решить очень многое. Продлить съемку минимум на год. Получить дополнительное

финансирование и пленку. Решить кадровые проблемы: второй «Сталкер» снимали новые оператор, художник, второй режиссер, директор и др. И наконец, снять «свой» фильм, а не фильм Стругацких.

О неудачной проявке и ее причине было сказано многое и многими. Вот подборка известных версий:

– пленка была бракованной изначально, был закуплен уцененный «Кодак» (трудно не вопросить: лучшая советская киностудия у лучшей фабрики пленок купила заведомый брак?!);

– пленка была специальной, полученной для Тарковского от германского продюсера, и ее требовалось проявлять по специальной же технологии;

– специальная пленка, предназначенная для Тарковского, «ушла» более лояльному режиссеру, а ему подсунули обыкновенную, он же этого не знал;

– оператор Рерберг перед выездом на натуру не сделал пробы пленки;

– произошел сбой единственной проявочной машины Мосфильма, ответствен за это главный инженер киностудии;

– артскважины Мосфильма, откуда бралась особо чистая вода для проявки, внезапно пришли в негодность, вынужденно была взята водопроводная вода, и проявочные ванны изменили состав.

Это множество взаимоисключающих версий однозначно говорит об искусственном громождении неправды вокруг темной истории. Почему версий так много? Потому, видимо, что ложь требовалась многим, но отнюдь не одинаковая: задним числом, уже после удовлетворения требований Тарковского, ею нужно было оправдать разные деяния. Большинство версий (если чохом не все!) придется отсечь «бритвой Оккама». Неизвестно, имела ли место история с неудачной проявкой, сколько материала в результате ее было испорчено. И тем не менее первый вариант «Сталкера» существовал.

В Мартирологе Тарковского в записи от 29 августа 1981 упоминается разговор с Сизовым, директором Мосфильма, «насчет сохранности негатива рабочих моментов и первого варианта «Сталкера». Сизов обещал сохранить негатив». Это проходное, как бы само собой разумеющееся упоминание первого, рерберговского, варианта подтверждает: он был, о нем известно как самому режиссеру, так и администрации киностудии. Известный факт: из этого первого варианта в итоговый «Сталкер» попали два немаленьких куска – «панорама, когда по пене ходят маленькие смерчи» и «макропейзаж со стоячей водой, когда за кадром идет монолог Саши Кайдановского о музыке» (см.: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность. Разговор о «Сталкере»). Их никак нельзя

назвать ни проявочным, ни техническим браком. Это качественные кадры. Попали же они в итоговый вариант фильма лишь потому, что «переснять их было уже невозможно» (слова Чугуновой из книги М. Туровской «7 ½ или Фильмы Андрея Тарковского»). Понятно, на дворе 1981-й, «поезд ушел», битва выиграна, вторично снятый фильм признан победой режиссера – и теперь можно не заботиться о былых мелочах, о секретности операции «неудачная проявка», о тех, по чьей судьбе прошел этот самый «поезд»?..

Тарковский остался на Западе, но попытки сохранить первый вариант фильма не прекращались. Это старалась делать монтажер всех фильмов Тарковского Людмила Фейгинова. Ее слова: «У меня хранится материал первого варианта «Сталкера», снятого изумительным оператором Г. Рербергом. Это гениальный материал и по режиссуре, и по операторскому мастерству» (см.: Фейгинова Л. Пять фильмов с Тарковским / О Тарковском. М.: Дедалус, 2002). Однако случилась трагедия: Фейгинова погибла при пожаре. Тогда же, видимо, сгорел и первый «Сталкер».

В заключение отступления небольшое «моралите». Вся эта история с проявкой и неудобным Рербергом – иллюстрация хрестоматийного «Когда б вы знали, из какого сора…». Иллюстрация очень жестокая. Некрасивая. Но выросшие цветы и в самом деле «не ведают стыда». Тарковский снял-таки шедевр. Но было бы лучше, если бы «истории с проявкой» не было? Все были бы «в белом». Всё было бы тихо-мирно. И был бы снят еще один фильм из небольшой, но – если честно – серенькой фильмографии Стругацких. А так есть хоть «Сталкер»… Всемирно признанный шедевр. Конечно, было бы еще лучше снять аутентичный шедевр по книге Стругацких. И снять его честно. Или это слишком уж фантастично?..

Итак, конец июля – начало августа. АН присутствует на съемках «Сталкера» в Эстонии. Участники этого действа вспоминают.

Из: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность

<...>

М. Чугунова. В это время Андрей Арсеньевич был худруком на одной эстонской картине, и кто-то предложил ему поехать поискать натуру в Эстонии.

Г. Рерберг. Да, Маша совершенно права. На работе сказывались самые разные вещи. Беда никогда не приходит одна. В одном месте землетрясение, в другом – вредоносная экология. В третьем – кусты и орешники и ничего другого нет.

Но в конце концов именно эти кусты дали нужный результат в совершенно другой географической точке. В Эстонии. Случайно подвернувшееся совмещение якобы средней полосы с ее зеленью, буйными травами и заброшенной электростанции Тарковского более или менее устроило. Надо сказать, что электростанцию мы нашли нечаянно. Мы искали нечто совсем другое. Наткнулись на пионерский лагерь, я стал его обходить и метров через двести вышел на электростанцию, про которую нам никто не говорил. Это была неожиданная находка. Кроме того, место нам понравилось еще и своей заброшенностью, уединенностью. Мы его утвердили. И вот тут сценарий стал ломаться довольно серьезно. В связи с абсолютно иным, отличным от прописанного в сценарии характером выбранной нами натуры.

М. Чугунова. И в связи с появлением в картине Саши Кайдановского.

Г. Рерберг. Да. В связи с натурой, в связи с Сашей да и со всем остальным нужно было переделывать сценарий. Особенно диалоги. Но Андрей ведь не писатель. А писать диалоги вообще мало кто умеет.

М. Чугунова. Мы дали Стругацким фотографии всех трех героев, чтобы они, глядя на наших актеров, писали для них диалоги.

Г. Рерберг. Толку от этого, по-моему, не получилось никакого. Помню, я сказал Андрею, что диалог типа: «Откуда я знаю, что я действительно хочу, когда я хочу, или не знаю, что не хочу, когда не хочу…» – не только воспринимать на слух, но и прочесть невозможно. Он, видимо, передал наш разговор Стругацким. Кончилось это тем, что один из них пришел ко мне и сказал, чтобы я не лез в драматургию. Я ответил, что не могу не лезть в такую драматургию, потому что текст должен найти свое воплощение в изображении. И поэтому тут необходимо что-то менять.

Положение было серьезное. Я предложил Андрею заболеть и лечь в больницу – ему или нам обоим. С тем чтобы законсервировать картину. Выиграть время. И спокойно,

серьезно переписать сценарий с учетом натуры и актеров, а потом уже запуститься по новой. Но Андрей боялся, что его второй раз уже не запустят. Поэтому ему нужно было во что бы то ни стало продолжать работать.

<…>

Г. Рерберг. Теперь много всякого понаписано… Я не читаю все эти вещи, но мне рассказывали, что один из братьев Стругацких где-то высказался, будто я сбежал с картины. Это нехорошо так говорить. Я никуда не сбежал. Я хотел работать дальше. В этом смысле моя совесть чиста. А что касается обвинений в пьянстве… Если мы и выпивали на картине, то вместе с Андреем. Во всяком случае, поначалу. Я помню, Андрей как-то решил поездить на Сашиной машине и включил заднюю скорость. И тут же врезался в дерево. А на меня потом обиделся, что я ему свою машину не дал. В общем… Никуда я не сбежал.

Меня просто убрали с картины. С подачи Ларисы Павловны.

Е. Цымбал. Для всех, кто работал на «Сталкере», никаких сомнений в этом не было.

М. Чугунова. Да, конечно. А вместе с вами заодно и меня чуть не уволили.

<…>

Из: Суркова О. Тарковский и я. Дневник пионерки

<...>

А. Тарковский. …на «Сталкере», когда пришел брак пленки и я спросил у Рерберга, как такое могло произойти… Я спросил: «Почему ты не сделал пробу пленки до выезда на съемки в Эстонию?»… Правда, есть заключение технической комиссии, что виноват главный инженер студии. Но все-таки, почему Рерберг не сделал пробы? На что последовало возмущение: «Это не мое дело. Пусть об этом студия беспокоится, это их проблемы!» Я попытался вразумить его: «Послушай, но ты все-таки оператор, работающий на советской студии, тебе что – здесь всё принесут на блюдечке

с голубой каемочкой?» Но он заявил, что это его вовсе не касается, так как «брак – вина тех, кто обрабатывал пленку». Ну а дальше и похуже: пришел ко мне поддавши, с какой-то «потаскухой» и разошелся при ней еще поболее: «Все, Андрей, хватит! Больше я с вами не работаю! Только за границей»… Ах за границей? Ну тогда и вали отсюда! Мы снимали в то время номер в таллинской гостинице, так он позвонил на следующий день, делая вид, что ничего не помнит. Но я попросил его больше не звонить мне и вообще забыть мое имя. Мы разошлись… Но зато работа с Княжинским, снимавшим потом нового «Сталкера», пожалуй, лучшее время в моей профессиональной жизни в общениях с оператором. Какое это солнышко! Какой это нежнейший, интеллигентнейший человек! Какой верный! Доверчивый! Для меня Княжинский просто идеальный оператор!

<...>

В августе «Литературное обозрение» публикует беседу АНа, Дмитрия Биленкина и Игоря Бестужева-Лады о фантастике. АН в ней говорит жестко и серьезно.

Из: АНС, Бестужев-Лада И., Биленкин Д. Какие звезды светят фантастике?

<…>

А. Стругацкий. <…> А сейчас не могу удержаться – вспоминаю высказывания некоторых «сопричастных»: фантастика-де – литературы крылатой мечты… Оно, конечно, человек без мечты – это либо бурбон, либо кролик, но ведь мечтать – вовсе не значит расстилать розовые ковры неопределенного будущего на предмет утешения. Наш читатель не ноющий хлюпик. Мы пишем для гражданина, созидателя, борца и мыслителя. Лично я рассматриваю фантастику как арену – понятно, не единственную – борьбы передового мировоззрения со вчерашним, как поле столкновения коммунистического воспитания с пережитками палеолита в сознании людей… Но тут я немного забегаю вперед, прошу прощения.

<…>

А. Стругацкий. Литература все-таки не зеркало. В фантастику смотришься и видишь то ли черта, то ли ангела, то ли осьминога…

<…>

А. Стругацкий. Позвольте, однако, вам возразить. О проблемах науки языком искусства отлично говорит научно-художественная литература, научно-популярное кино и Капица в телепередачах – честь и хвала им за это, все они делают замечательное дело… Фантастика же есть литература художественная. Литература о человеке, о его надеждах и страхах. Как это у Ильфа?.. Фантасты писали: будет радио – будет счастье. Радио есть, а счастья нет. О фантастах-дураках писал великий юморист. Счастье человеческое не в радио и не в киберах.

<…>

А. Стругацкий. Наука влияет на литературу, на фантастику не в том смысле, что специалист хватает писателя обеими руками, чтобы не убежал, и объясняет ему цифры и графики, и тогда у писателя зажигается в очах огонь понимания, радости или ужаса, и он бежит к машинке и эмоционально истолковывает бедному читателю, как ему надлежит настраивать свой духовный мир на новую проблему. Это все, конечно, чепуха. Фантаст не передаточная инстанция между лабораторией физика либо социолога с читателем, а сам читатель никак не объект втолковывания, он равный писателю собеседник.

<…>

А. Стругацкий. Табу – это из арсенала примитивных религий. Антиутопия – это отражение в образах самых мрачных, самых беспросветных, самых античеловечных взглядов на историю, точнее, на исход истории. Советской фантастике такое представление об исходе истории чуждо, и антиутопия ей чужда. Западная же антиутопия нашему читателю не страшна, а во многих случаях и кое-чем интересна. Я говорил о другой, о нравственной стороне дела.

Какой смысл пугать читателя до полусмерти? Ну попугался он, а потом пошел и выпил… Или запил. Нам-то не это надо. Есть проблемы трудные, сложные, даже опасные проблемы роста цивилизации. В своей последней повести «За миллиард лет до конца света» мы довели это наступление проблем до предела, фантастически заострили ситуацию. Чтобы попугать? Нет, чтобы убедить: «Надо грести, можно грести, пусть на тебя обрушилась вся Вселенная!» А если сложить ручки да бросить весла, тогда, точно, конец… Только не надо прятать голову под подушку и делать вид, что проблем нет, – это такое же малодушие.

Надо честно, разумно и смело смотреть проблемам в лицо, настраивать себя на их преодоление. Только так! Бой надо вести по всем направлениям. Никаких тем не чураться, не делать вид, что опасное – это так, облачко, что трудное – легко, что впереди лишь озаренные солнцем дали, а не борьба за эти дали. Есть идеал – коммунистическое человечество, вот с этих позиций и надо пером вытаскивать из всех щелей сегодняшнюю дрянь. И не удивляться ее шипению, а то и укусам. Ведь если советские фантасты будут искать спокойных бережков над тихой речкой, у общества одним гребцом станет меньше. А этого не должно быть.

<…>

А 24 августа «Литературная газета» публикует беседу АНа с космонавтом Константином Феоктистовым.

Из: АНС, Феоктистов К. Реальность чуда и чудо реальности

<…>

А. Стругацкий. Гипотез нам не избежать, но прежде мне хочется сказать вот о чем. К шестидесятилетию Советской власти наша фантастика подошла, имея уже богатую и сложную историю. У ее истоков стояли такие крупные имена, как классик советской литературы Алексей Толстой и замечательный мечтатель Александр Беляев. Но настоящего

расцвета фантастика наша достигла в шестидесятых годах, когда появилась грандиозная эпопея-утопия Ивана Ефремова «Туманность Андромеды». Вот тогда-то стало понятно, что это такое – идейная, философская сюжетная смелость…

В наше время в фантастике насчитываются десятки известных имен и многие десятки пока малоизвестных. И какое жанровое, сюжетное, географическое, возрастное разнообразие! Известный мастер политического памфлета Л. Лагин и выдумщик «на грани вероятного» С. Абрамов. Самый лиричный из всех фантастов В. Шефнер и защитница экологии Ариадна Громова. Вдумчивый исследователь Д. Биленкин и беззаботный, искрящийся юмором Кир. Булычев. Трагическая Ольга Ларионова и «фантастические приключенцы» М. Емцев и Е. Парнов. Увлекательнейший роман А. Мирера и утопическая эпопея Г. Мартынова. Маститый философ Геннадий Гор и молодой, веселый А. Житинский. Москвич З. Юрьев, ленинградец А. Щербаков, киевлянин В. Савченко, сибиряк В. Колупаев, В. Михайлов из Прибалтики, Г. Альтов и В. Журавлева из Баку, а из пары Е. Войскунский – И. Лукодьянов один – москвич, второй – бакинец… Я могу продолжать в том же духе еще с полчаса.

<…>

А. Стругацкий. У людей порой возникает что-то вроде вселенской тоски по необычному. Все приелось… Вот если бы самолет гнался за «летающей тарелкой» и в результате разбился или пароход потерпел бы аварию не в Индийском океане, а в «Бермудском треугольнике», что было бы? Конечно, оттого что Феоктистов и Стругацкий здесь не признают «Бермудского треугольника», в мире ни на минуту не прекращается его исследование.

Я хочу только сказать, что погоня за очередной сенсацией, что нашло, например, печальное красноречивое воплощение в фильме «Воспоминание о будущем», на мой взгляд, унижает фантастику как род литературы, низводит ее до статуса развлекательного чтива, способного разве что щекотать нервы.

<…>

Письмо Бориса брату, 4 августа 1977, Л. – Таллин

Дорогой Аркаша!

Получил наконец от тебя письмишко и спешу ответить.

1. Очень мне завидно, как Вы там с Тарковером творчески общаетесь. Сожалею, что не присутствую при сем хотя мичманом-осветителем[1]. Может, после Андрюшкиных экзаменов я еще успею заскочить к вам и застать кое-чего интересного?

2. Позавчера проводил мамочку в Москву на Стреле. Обратный билет у нее – на 16-е. Встретит ее там Витька[2].

3. Андрюха сдал пока один экзамен – математику письменно. Не знаю, не знаю. Вряд ли больше тройбана заработает, оболтус.

4. С Медведевым поступлено так: а). сделано 53 стилистических поправки из списка «Вульгаризмов» – объяснено в письме, что это делается из уважения к требованиям ЦКмола; б). вставлено толкование покойников как киборгов для исследования землян, а Шара – как некоего бионического устройства, улавливающего биотоки простых желаний – объяснено в письме, что это делается, дабы отвязаться; в). написано далее в письме, что прочие требования редакции (связанные с насилием и пр.) являются идеологической ошибкой, ибо приводят к лакировке капдействительности. Все отослано с уведомлением и, судя по уведомлению, получено в МолГв 26 июля с. г. В жопу, в жопу[3].

5. Совершенно неожиданно пришло из Армении (!) 600 с лишним рябчиков, а на другой день – книжка, СБТ на армянском в издании «Советакан гроох» (что означает по-нашему – СовПис). Пустячок, а приятно. Да и не такой уж это и пустячок!..

6. С гонорарами из ВААПа по сей день еще не разобрался. Ясно, что а). Гонорары из капстран хорошо совпадают

---

[1] Перифраз анекдота о Суворове. Получив известие о взятии Ушаковым острова Корфу, Суворов воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

[2] Судник Виктор Казимирович – двоюродный племянник АБС.

[3] Анекдот.

с полученными реально суммами (неясно, при этом, где экзы?); б). ОБЩАЯ сумма, полученная мною из соцстран, неплохо совпадает с тем, что я должен был бы получить, если бы указанные в ведомости деньги высылались нам ПОРОВНУ; в). Остается совершенно непонятным, по каким законам, по каким формулам исчислялся в ведомостях подоходный налог (НИ ОДНОГО совпадения с МОИМИ расчетами) и почему в ряде случаев в ведомости указано деление гонорара НЕ ПОРОВНУ. По поводу подоходного я все-таки соберусь и забегу в наш ВААП для консультации, а вот насчет неравного деления придется, наверное, еще раз писать в Москву.

Вот, пожалуй, пока и все.

Обнимаю, твой [подпись]

Письмо Аркадия брату, 9 августа 1977, Таллин – Л.

Дорогой Борис!

Ниже привожу пожелания, кои предъявлены были мне при встрече с Реккором и Кромановым (в присутствии Илмара) во время встречи на Таллинфильме 2 августа с. г. по поводу сценария «Отель “У погибшего альпиниста”».

1. Для углубления образа Глебски в соответствии с заключением Госкино (прилагается) нужен внутренний монолог Глебски. Об этом мы уже говорили, но вот что они просят: не злоупотреблять – т. е. дать местах в трех-четырех, не больше; во-вторых, он должен быть по возможности ретроспективным (типа «Я смотрел на Сневара и думал совсем о другом. Тогда я еще не знал, что Сневару не выгодно было…» и т. д.) – грубо говоря, вся картина превращается в рассказ Глебски о событиях, а во внутренних монологах он как бы анализирует себя и эти события с точки зрения сегодняшней.

2. Сразу по приезде Глебски показать обед, где будут в сборе все участники драмы, т. е. обед показать где-то уже на стр. 10, а всё остальное – потом. На обеде же чтобы Сневар объявил, что вечером – бал.

3. Обязательно должен быть бал, где особенно важное место занимает лирическая линия Брюн – Олаф. Собственно, как я понял, бал Кроманову для этого гл. образом и нужен.

4. Энну и Кроманову хотелось бы сменить маску Мозесу: во-первых, им не нравится, что он – фокусник (теперь, кстати, это совсем не важно для нас, что он фокусник; мы не знаем, как Хинкус его выследил); во-вторых, он должен быть показан добродушным милым человеком, дабы зрители плакали, когда он попадает позже в драматическое положение.

5. Просьба, кот. меня поразила: вернуть в фильм Барнстокра. Я полагаю, что от этой просьбы можно и отвертеться, но посмотри и прикинь, образ все-таки отличный, жалко, если пропадет.

6. Очень важное пожелание и почти требование: по возможности сократить событийный ряд в сценарии. Дело в следующем. Сценарий получился чересчур длинным. С другой стороны, в событийном смысле он слишком громоздок, по словам Энна и Кроманова зритель будет не в силах выдержать волны событий, набегающие с такой частотой и быстротой. Кроманов предлагает сделать это сокращение за счет линии Хинкуса, который ему «по-человечески антипатичен». И еще он очень просит убрать историю с тенью Хинкуса – ее очень трудно провернуть в съемках. Я полагаю, следует попробовать объединить эти две просьбы в одну.

7. Что касается требований, выдвинутых деятелями Госкино, то стремись им следовать, без излишнего, однако же, поспешания.

А я в Таллине вкалываю с Андрюшкой: днем он на съемках, вечером у нас обсуждения, что надобно улучшить, а в результате я написал уже за 20 страниц нового сценарного текста и являюсь непрерывно просѝм писать дальше и исправлять уже написанное. Прилетели же мы по чудовищному поводу: всё, что Андрей отснял, превращено в проявочной лаборатории Мосфильма в технический брак: 6 тыс. метров пленки из 10 тысяч, при потере 300 тыс. рублей из 500. Кроме нашего фильма на студии тем же порядком

загублено еще три. Дело пахнет Госконтролем и даже прокуратурой. Ну, поглядим, чем всё кончится.

Обнимаю, твой Арк.

При готовности работы отсылай ее прямо на Таллинфильм лично Реккору, а мне дай об этом телеграмму: Таллин, гостиница Виру, номер 1223.

Не забудь, тебе надлежит не переписывать сценарий, а только делать вычеркивания и отпечатанные на машинке вставки с указаниями, куда оные следует вставить и после каких слов.

Позже АН вспоминал о работе с Тарковским.

Из: АНС. Каким я его знал // Огонек (М.). – 1987. – № 29

<…>

Андрей Тарковский снимал под Таллином фильм «Сталкер», и я как один из сценаристов был при нем. Андрей возвращался со съемочной площадки измотанный и осунувшийся, и мы садились за сценарий. Вычеркивались оказавшиеся ненужными эпизоды и замышлялись нужные. Выбрасывались ставшие несущественными диалоги и планировались необходимые. Порой мы просиживали в спорах и попытках столковаться до поздней ночи, а когда я поутру вставал, Андрей уже работал на съемочной площадке.

Обратите внимание: до того трагического июля ни одного отснятого кадра Андрей еще не видел. Ждал своей очереди на проявочную машину на «Мосфильме». Помню, я поражался и даже пугался: мне казалось, что работа у него идет вслепую и что это непременно обернется какими-то неприятностями. Так оно и вышло, но только беда грянула с совершенно неожиданной стороны.

При обработке отснятой пленки проявочная машина дала сбой, и пленка сильно пострадала. Кажется, пострадали тогда и отснятые материалы «Сибириады» Михалкова-Кончаловского. Ну, разумеется, скандал. Ну, заместитель генерального по технической части впал в дипломатический инфаркт

(или инсульт, или ишиас). Ну, надавали по ушам разнообразным стрелочникам.

Михалков-Кончаловский отделался потерями чисто моральными. То ли повреждения у него оказались незначительными, то ли ему быстренько компенсировали материальные потери: пленку, бюджет и прочее, вплоть до сроков. Не помню точно. Да и не до того мне было.

В скверном и практически безвыходном положении оказался Андрей. Как писатель, я отлично понимал его состояние, это ведь все равно (если не страшнее) что утрата писателем единственной рукописи его нового произведения, да так, что и черновиков бы не осталось. Но обстоятельства сложились много хуже. У Андрея погибла половина отпущенной ему пленки и безвозвратно сгинули две трети отпущенных на фильм денег. В Госкино вежливо, но категорически отказались компенсировать ему эти потери. Ему вкрадчиво предложили посчитать загубленную пленку за нормально проявленную и продолжать съемку, а когда он наотрез отказался, дали понять, что готовы все потери щедрой рукой списать по параграфу о творческой неудаче, если, конечно, он плюнет на фильм и займется чем-нибудь другим.

Это были поистине тяжелые дни. Андрей ходил мрачный, как туча. Съемочная группа оцепенела от ужаса. (Кстати, никто в группе и не подумал дезертировать, никто, кроме любимого человека Андрея, оператора Георгия Рерберга, который немедленно сел в машину и навсегда удалился в неизвестном направлении.) Нечего и говорить, я тоже был в отчаянии, поскольку самонадеянно приписывал беду всегдашней невезучести братьев Стругацких. В один из тех дней я прямо сказал Андрею об этом, он яростно и нетерпеливо от меня отмахнулся.

И вдруг… С Андреем Тарковским многое получалось «вдруг».

Недели через полторы этого тягостного состояния Андрей явился мне просветленным. Он шел как по облаку. Он сиял. Честное слово, я даже испугался, когда увидел его.

А он вошел в комнату, приклеился к стене ногами, спиной и затылком – это только он умел, я как-то попробовал, но ничего у меня не получилось, – вперил взор в потолок и осведомился вкрадчивым голосом:

– Скажи, Аркадий, а тебе не надоело переписывать свой «Пикник» в десятый раз?

– Вообще-то надоело, – осторожно не соврал я.

– Ага, – сказал он и благосклонно покивал. – Ну, а что ты скажешь, если мы сделаем «Сталкер» не односерийным, а двухсерийным?

Я не сразу сообразил, в чем дело. А дело было яснее ясного. Под вторую серию дадут и сроки, и деньги, и пленку. Приплюсовав этот комплект к тому, что сохранилось от первоначального варианта, можно было и выкрутиться. И еще одно немаловажное обстоятельство: к тому времени я уже интуитивно ощущал то, что Андрею как опытному профессионалу было очевидно, – в рамках одной серии замыслам его, изменившимся и выросшим в процессе работы, стало очень и очень тесно.

– А разрешат? – чуть ли не шепотом спросил я.

Андрей только глянул на меня и отвернулся. Позже я узнал: еще несколько дней назад послал он в инстанции по этому поводу запрос (или требование?), и там, поеживаясь и скрипя зубами, дали согласие.

– Значит, так, – произнес он уже деловито. – Поезжай в Ленинград к своему Борису, и чтобы через десять дней у меня был новый сценарий. На две серии. Антураж не расписывайте. Только диалоги и краткие репризы. И самое главное: Сталкер должен быть совершенно другим.

– Каким же? – опешил я.

– Откуда мне знать. Но чтобы этого вашего бандита в сценарии и духу не было.

Я вздохнул, помнится. А что было делать? Не знаю, как он работал с другими своими сценаристами, а у нас сложилось так. Приношу новый эпизод. Вчера только его обговаривали. «Не годится. Переделай». – «Да ты скажи, что переделать,

что убавить, что прибавить!» – «Не знаю. Ты сценарист, а не я. Вот и переделывай». Переделываю. Пытаюсь впасть в тон, в замысел, как я его понимаю… «Так еще хуже. Переделай». Вздыхаю, плетусь к машинке. «Ага. Это уже что-то. Но еще не то. Кажется, вот в этой фразе у тебя прорвалось. Попробуй развить». Я тупо всматриваюсь в «эту фразу». Фраза как фраза. По-моему, совершенно случайная. Мог ее и не написать. Но… Переделываю. Долго читает и перечитывает, топорщит усы. Затем говорит нерешительно: «Н-ну… Ладно, пока сойдет. Есть от чего оттолкнуться, по крайней мере… А теперь перепиши этот диалог. Он у меня как кость в горле. Приведи в соответствие с эпизодом до и эпизодом после». – «Да разве он не в соответствии?» – «Нет». – «И что тебе в нем не нравится?» – «Не знаю. Переделай, чтобы завтра к вечеру было готово». Вот так мы и работали над сценарием, давно уже принятым и утвержденным во всех инстанциях.

– Так каким же должен быть в новом сценарии Сталкер?

– Не знаю. Сценарист ты, а не я.

Понятно. То есть, конечно, ничего не было понятно, а просто уже привычно. И вообще еще до начала работы нам с братом было ясно: если Андрей Тарковский даже ошибается, то и ошибки его гениальны и стоят дюжины правильных решений обычных режиссеров.

По какому-то наитию я спросил:

– Слушай, Андрюша, а зачем тебе в фильме фантастика? Может, повыбросить ее к черту?

Он ухмыльнулся – ну чистый кот, слопавший хозяйского попугая.

– Вот! Это ты сам предлагаешь! Не я! Я этого давно хочу, только боялся вам предложить, как бы не обиделись…

Короче говоря, на следующее утро я вылетел в Ленинград. Как там у нас с Борисом было, я писать здесь не стану, потому что пишу не о нас, а об Андрее Тарковском. Мы написали не фантастический сценарий, а сценарий-притчу (если под притчей понимать некий анекдот, действующие лица которого являются для данной эпохи типичными носителями

типичных идей и поведения). В Зону за исполнением заветных своих желаний идут модный Писатель и значительный Ученый, а ведет их Апостол нового вероучения, своего рода идеолог.

Я вернулся в Таллинн ровно через десять дней. Андрей встретил меня на аэродроме. Мы обнялись. Он спросил: «Привез?» Я кивнул, стараясь не трястись. Дома он взял у меня рукопись, молча удалился в другую комнату и плотно закрыл за собой дверь. Жены принялись потчевать меня, выставили коньяк (был как раз день моего рождения). Нечего и говорить, ни у кого кусок в горло не лез.

Прошло какое-то время. Наверное, около часа.

Дверь отворилась, вышел Андрей. Лицо его ничего не выражало, только усы топорщились, как всегда, когда он был погружен в свои мысли.

Он рассеянно оглядел нас, подошел к столу, подцепил вилкой кусочек какой-то снеди, сунул в рот и пожевал. Затем сказал, глядя поверх наших голов:

– Первый раз в жизни у меня есть м о й сценарий.

Из: АНС. В подвале у Романа

<…>

И вот Тарковский меня спрашивает: что, говорит, тебе еще не надоело «Пикник на обочине» переписывать? Я говорю: надоело. Вот, говорит, поезжай в Ленинград. Вот тебе десять дней, и напиши двухсерийный сценарий, в котором сталкер был бы совсем другим, не тем, что он есть. А каким? А я, говорит, не знаю. Мне нужен другой… Ну, я поехал. Получил от Бориса большой втык за неопределенность. И Борису пришла в голову идея: дать в фильме нечто вроде нового мессии. Это был первый вариант по новому типу. Тарковский говорит: о! это то, что нужно. Потом были еще два или три варианта: мы занимались тем, что… выкорчевывали фантастику из сценария.

<…>

В конце августа, перед самым возвращением АНа из Ленинграда, Тарковский записывает в дневнике.

Из: Тарковский А. Мартиролог

26 августа 1977

Многое произошло. Какое-то катастрофическое разрушение. И от степени его – предельно недвусмысленной – остается, все же, ощущение этапа, новой ступени, на которую следует подняться, – а это внушает надежду. Все то, что мы сняли с Рербергом в Таллине, – дважды брак. Во-первых, технический. Причины: первая – обработка негатива (последний «Кодак») в лаборатории «Мосфильма». Во-вторых, состояние оптики и аппаратуры. Главный инженер Коноплев ответствен за это. Рерберг ответственен тоже, но по другой причине – он надругался над принципами творчества и таланта. Он считал, что талант – это он сам, поэтому унизил его и разрушил его, как и самого себя. Пьянством, безбожием и непорядочной вульгарностью. <…>[1] Т. е., с моей точки зрения, он труп.

Я сговорился с Л. И. Калашниковым. Добросовестным профессионалом, который потенциально способен сделать гораздо больше, чем Рерберг, ибо он ждет задачи ради решения. И невозможность решить задачу у него означает творческую импотенцию. Важно иметь задачи. А он их будет иметь.

На месяц все затормозилось. Накануне начала работы над «Сталкером». Если уж так, то все будет по-новому. И оператор, и художник (рискну с Шавкатом), и сценарий (сейчас Аркадий и Борис пытаются написать все заново из-за нового Сталкера, который должен быть не разновидностью торговца наркотиками или браконьера, а рабом, верующим, язычником Зоны). Теперь все заново. Хватит ли сил?

«Слабость велика, сила ничтожна. Когда человек родится, он слаб и гибок. Когда умирает, он крепок и черств. Когда

[1] Купюра цитируемого издания.

дерево произрастает, оно гибко и нежно, и когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила – спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому, что отвердело, то не победит». (Лао-Цзы – эпиграф, взятый Лесковым для «Скомороха Памфалона»)[1].

Письмо Аркадия брату, 3 сентября 1977, Таллин – Л.

Дорогой Борис!

1. Новый вариант Тарковскому очень понравился. Разумеется, тут же взыграла в нем творческая жилка, принялся он дополнять и уточнять, дал мне десяток инструкций и укатил в Москву утверждать новый вариант. Вчера вернулся. Начальство вариант приняло, послало на утверждение в Госкино. Мы сейчас будем доделывать его применительно к условиям отступающей натуры и перехода отчасти на декорации. Это уже не сильно сложно.

2. Виделся с Реккором, он обещает выплатить деньги в ближайшее время, едва ли не завтра-послезавтра.

3. Звонил Кроманов, я ему всё объяснил согласно нашей договоренности: вынуждены были работать срочно для Тарковского, теперь Борис Натанович принимается за «Отель» вплотную, очень надеемся, что к середине сентября готовые исправления и вставки будут на вашем столе. Примерно так. По-моему, он остался удовлетворен, во всяком случае так он звучал по телефону.

4. Провел работу среди эстонских редакционно-издательских кадров. Они берутся переводить и издавать зМЛдКС.

5. В Таллинской литгазете «СИРП я ВАЗАР» («Серп и молот») за вчерашнее число (2 сент.) опубликовано интервью со мной, почти на целую полосу и с моим фото. Мне предложили еще провести для газеты беседу с Нааном. Вероятно, соглашусь.

6. На днях, видимо, перебираемся из треклятой гостиницы на более удобное жилье. Так что пока не пиши. Впрочем,

[1] Цитата, вошедшая в закадровый монолог Сталкера.

вскорости на несколько дней заеду в Москву, оттуда непременно позвоню.

Всё пока. Жму и обнимаю, Арк.

Привет Адке и студенту.

В сентябре АНа посещают любители фантастики из Хабаровска.

Приз вручен

В предыдущем выпуске «Фанта» мы рассказали об учреждении клубом ежегодного приза за лучшее произведение советской фантастики и предложили читателям назвать претендентов. Обсуждение было и в клубе. Любители фантастики оказались единодушными – приз присужден повести Аркадия и Бориса Стругацких «За миллиард лет до конца света», опубликованной в журнале «Знание – сила» (№ 9–12, 76; 1, 77).

Чем интересна новая работа братьев Стругацких? В ней проблема Контакта решена на качественно ином уровне – не инопланетяне, а Вселенная вступает в контакт с людьми, точнее, диктует им свою волю. Перед героем повести стоит выбор – пожертвовать своей работой, либо благополучием, семьей, возможно – жизнью. Такая смоделированная ситуация позволила Стругацким многое сказать о сегодняшнем человеке.

Приз «Фанта» – деревянная скульптура – вручен в Москве Аркадию Натановичу Стругацкому. А. Н. Стругацкий поблагодарил клуб «Фант» за высокую оценку повести «За миллиард лет до конца света» и обещал побывать в гостях у хабаровских любителей фантастики.

Письмо Аркадия брату, 19 сентября 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

Как видишь, я все еще в Москве. Сегодня жду Тарковского, чтобы с ним участвовать на худсовете (цели коего мне, правду говоря, не очень ясны).

Был у меня в субботу некий поляк, твой корреспондент по филателии, фамилию его я не запомнил. Передал мне три экза лемовского издания ПнО и УнС (Лес), две какие-то филателистические штуки и прилагаемые приглашения. По приглашения он рекомендует тебе озаботиться незамедлительно. Фил. штуки я боюсь пересылать – помнутся.

Новостей нет. Вкалываю по второму варианту ТББ(с) с Тарковской, чтобы времени не терять, и еще хлопочу по жилплощади для Марьи.

Всё. Привет твоим, поцелуй мамочку.

Жму, обнимаю, твой Арк.

P. S. Еще поляк привез начало публикации зМЛдКС в польской газете.

О событиях, произошедших в Москве на худсовете и позднее, вспоминают его участники.

Из: Нехорошев Л. Тесные врата

<…>

«Сентябрь 1977 года. На «Мосфильме» идет заседание Художественного совета. Он необычайно многолюден и блестящ: показывают материал картины Тарковского. Материала много – почти целый фильм – 2160 полезных метров из 2700. Кроме того, членам худсовета роздан для обсуждения новый – двухсерийный! – вариант сценария этого фильма.

Собравшихся ожидало обнародование интриги сенсационной. Я, как председательствующий на совете, обозначил ее так: «Мы должны отказаться от того материала, который снят… Режиссер считает его браком от начала до конца и не может взять ни одного метра в картину… Материал должен быть списан[1]… Мы оказались перед лицом двухсерийного сценария – произведения, по сути дела, нового: раньше «это был научно-фантастический сценарий», теперь «произошел перевод в нравственно-философскую притчу, где главное не в событиях, а в отношении людей к тем

[1] А это – 300 тысяч рублей, сумма по тем временам огромная. – *Л. Нехорошев.*

вопросам, которые их волнуют… сценарий стал интереснее… Характеристика Сталкера изменилась… Если там был человек грубый, резкий, сильный, то здесь он, наоборот, становится лицом страдательным – это мечтатель, который хотел сделать людей счастливыми и понял, что потерпел поражение»[1].

Мастера кино, которые собрались в тот день в конференц-зале «Мосфильма», должны были ответить на вопрос руководства Госкино: продолжать или не продолжать работу над фильмом «Сталкер» и дает ли сценарий основание для продолжения работы?

Говорили долго – несколько часов.

Позиция А. Тарковского была жесткой: «Я буду снимать только в условиях, если расходы спишут и мы снова запустимся. Сейчас закрывается натура. Если проблема запуска этого двухсерийного фильма откладывается на два месяца, то я вообще отказываюсь снимать. Я не могу свою жизнь посвятить картине, которая является для меня проходной (так!). Я хотел снять фантастическую картину, но я не хочу заниматься этим всю жизнь»[2].

Выяснить, кто виноват в том, что материал на три четверти снятой картины нужно списывать, не удалось. Технические службы студии? Пленка? Оптика? Оператор Георгий Рерберг? Сам режиссер? Или просто, как считает ассистент Тарковского Мария Чугунова: «С Георгием Ивановичем они по личным причинам расстались, не по операторским»[3].

Суть теперь уже была не столько в браке, сколько в том, что режиссер хотел делать другую картину. По другому сценарию.

Вспомним еще раз его письмо мне: «1) Фантастика. 2) Одна серия. 3) Очень интересная».

---

[1] Цит. по: Стенограмма Бюро Художественного совета студии. Обсуждение материала и сценария художественного цветного фильма «Сталкер». 21 сентября 1977 г. Киностудия «Мосфильм», с. 3–4. – *Л. Нехорошев.*

[2] «Стенограмма…», с. 11–12. – *Л. Нехорошев.*

[3] М. Туровская. Семь с половиной, или Фильмы Андрея Тарковского. М., 1991, с. 119. – *Л. Нехорошев.*

Теперь же: 1) Не фантастика. 2) Две серии. 3) Интересная? Смотря кому. Начальству, во всяком случае, не очень[1].

Друзья-кинематографисты хотя и пощипали сценарий, но отнеслись к новому замыслу режиссера с уважением и, в большинстве своем, поддержали его.

«Путь, который я почувствовал в сценарии, – сказал Марлен Хуциев, – мне больше нравится, чем путь, который я видел на экране»[2].

<…>

Но притчевый путь опасен минами плоских политических прочтений. И подобные мины стали взрываться уже на Художественном совете. Что такое «Зона»? Откуда она взялась? Огороженная колючей проволокой, с вышкой и пулеметом – не похожа ли она на концентрационный лагерь?

Андрей Тарковский сразу же отреагировал: «Не понравились мне эти оговорки фрейдистские – вместо фамилии Солоницын говорили Солженицын, огражденная зона – это концлагерь…»[3]

Решено было продолжить съемки картины «Сталкер», но одновременно провести окончательную работу над сценарием: выделить из многих проблем основную тему, уточнить происхождение и характер Зоны, существенно сократить страдающие многословием диалоги…

А что же режиссер? Лишь бы разрешили съемки уходящей натуры. Доделывать сценарий он был согласен. Во время заседания худсовета Андрей Тарковский неожиданно передает главному редактору Госкино новый вариант сценария, который короче обсуждаемого на целых 10 страниц…

Но разрешения на съемки уходящей натуры дано не было.

---

[1] «Тот сценарий был более интересным…» – заметил в своем выступлении на Художественном совете главный редактор Госкино Даль Орлов. («Стенограмма…», с. 47–48). – *Л. Нехорошев.*

[2] «Стенограмма…», с. 80–81. – *Л. Нехорошев.*

[3] «Стенограмма…», с. 97. – *Л. Нехорошев.*

Со стороны Госкино следует контрвыпад: Даль Орлов присылает мне сокращенный сценарий «Сталкера» с собственноручной запиской: «Мосфильм». Тов. Нехорошеву Л. Н. Направляю Вам сценарий «Сталкер», полученный мною от режиссера А. Тарковского. 28.9.77. Д. Орлов». Нет, вы там на студии рассмотрите этот новый вариант сценария, официально представьте его в Госкино с вашими предложениями и (еще лучше) предложениями самого режиссера.

И вот мы с режиссером сидим, «вырабатываем предложения». Я пишу за Андрея его личное письмо председателю Госкино СССР тов. Ермашу Ф. Т., потом мы его долго редактируем…

Началось мучительное перетягивание каната по всем правилам бюрократических состязаний: бумага – заключение со стороны студии в комитет, бумага – заключение из комитета на студию, новый вариант сценария, новая бумага со студии, новая бумага из комитета… И так далее.

Случилось то, чего так боялся Тарковский: у него пропадал еще один год.

Картина «Сталкер» перестала для режиссера быть «проходной», она сразу же стала «непроходимой».

Тогда я записал в своем дневнике (цитирую буквально, как записалось в тот день):

«18.11.77 г. Позавчера полдня у Ермаша.

Тарковский. Долгий и подспудно напряженный разговор. Пред. тянул жилы, придираясь к репликам исправленного сценария. Тарковский нахально и порой до хулиганства нападал, огрызаясь: сняли с экрана фильм «Зеркало», хотя в трех кинотеатрах он шел, покупали билеты за день, у меня есть фотографии и записи звуковые – интервью со зрителями. Обещали пустить шире. Не пустили. А сейчас в ретроспективе моих фильмов в Ленинграде он опять шел битково.

– Ну видишь, мы же не запретили.

– Вы неискренни со мной, Филипп Тимофеевич!

Приходилось удивляться, что пред. это терпит. Имел силу выдержать, боясь разрыва.

Думаю, Тарковский нарывался сознательно, он уже хочет, чтобы картину[1] закрыли, чтобы был межд. скандал. Пред. не хочет дать ему этой возможности.

Решил: делайте картину, но сценарий надо освободить от претенциозной многословности.

Тарковский в разговоре назвал меня своим другом. Это не понр. преду, задело его, он на другой день (!) отозвался обо мне неодобр. Сизову. Теперь я должен отредактировать сценарий. Сизов: он только тебя послушает».

<…>

Из: Павленок Б. Кино. Легенды и быль

<…>

Помню трудное и нудное обсуждение сценария «Сталкера» в кабинете Ермаша. Даже при беглом прочтении бросались в глаза убогость философии, обилие общих мест и прописных политических истин, непомерная заговоренность и, если хотите, замусоренность диалога – не сценарий, а радиогазета. Мы с Сизовым в полемику не вступали, а главный редактор Даль Орлов и Ермаш, взявшие на себя инициативу в беседе, понапрасну тратили слова. Тарковский был глух к увещеваниям. В заключение беседы сообщил, что после «Соляриса»[2] хочет поехать на постановку фильма в Италию. Но, отсняв весь материал двухсерийного фильма, заявил, что вся пленка – брак. Стало ясно, что он ищет скандала. Я, по поручению Ермаша, отсмотрел почти семь тысяч метров не смонтированного материала и убедился, что претензии Тарковского безосновательны. Один из лучших операторов «Мосфильма» Георгий Рерберг снял фильм в соответствии с задачей, поставленной режиссером. Это была блестящая работа. Все действие происходило в предрассветный час, и как исхитрилась операторская группа воссоздать на пленке трепетный свет наступающего дня, выдержав заданную тональность на протяжении всей ленты, – это было чудо.

[1] «Сталкер» – *Л. Нехорошев.*

[2] Точнее, «Сталкера». – *Прим. цитир. издания.*

В соответствии с установленным порядком режиссер лично принимал каждую партию пленки от лаборатории без единого замечания. Акты с его расписками хранились в лаборатории. Скорее всего, Андрею нужен был скандал. Но не получилось, было принято решение: дать возможность Тарковскому переснять всю картину. Выделили 500 тысяч рублей, пленку «кодак», которую мы делили чуть ли не по сантиметрам на особо сложные и важные съемки, заменили оператора. Рербергу объявили выговор – за что? – после чего он запил. Молодой талантливый оператор Саша Княжинский, знакомый мне еще по Минску, повторил художнический подвиг Рерберга, снял заново картину в заданной Тарковским манере. Я не пожалел времени и сравнил пленки Рерберга с пленками Княжинского. Оказалось, снято один к одному. Какой продюсер, в какой стране дал бы такую потачку капризу художника?

<…>

Из: Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность

<…>

Г. Рерберг. На «Мосфильме» материал, снятый на этой пленке, нужным образом обработать было невозможно. В мосфильмовской лаборатории обработки пленки все делалось для того, чтобы нормально напечатать наш материал, который перепечатывался по нескольку раз во всех мыслимых режимах. Когда вмешался операторский цех, были срочно сделаны новые пробы пленки – материал неоднократно переснимался в разных режимах и на разной оптике. Лаборатория тоже пробовала различные варианты печати, чтобы снять с себя вину. Но как все ни старались, ничего не получалось. Почему? Это уже другой вопрос. «Мосфильм» всегда старался экономить на фирменных компонентах и половину химикатов заменял на советские. Может быть, поэтому изображение шло без черного цвета. И так было не только у нас на «Сталкере», а у всех, кто на этой пленке снимал.

Когда на студии устроили показательное побоище и меня одного обвинили во всех смертных грехах, меня спас оператор Владимир Нахабцев, у которого на картине «Мой ласковый и нежный зверь» была та же самая история. Он пришел на это судилище с коробкой пленки и показал всем этикетку с информацией по поводу дополнительной ванны. Поэтому черного цвета не было ни у Нахабцева, ни у Княжинского, ни у кого другого, кто работал на пленке из этой партии. Так что, я думаю, всем стало ясно, что я не был особенно виноват. Но было уже поздно: ведь за то, что на фильме оказывается неудовлетворительный материал, всегда обвиняют оператора-постановщика. Что бы ни было, за изображение отвечает оператор-постановщик. В данном случае вина легла на меня. А Андрей к тому времени был уже накручен на полную катушку. И все закончилось.

Безусловно, тому, что мы разошлись, было несколько причин. Во-первых, Лариса Павловна Тарковская, сделавшая для этого всё. Во-вторых, моя неудовлетворенность сценарием (в основном, диалогами), которую я с самого начала не скрывал. И, в-третьих, этот злосчастный брак пленки. Были и другие причины – разные подводные течения, о которых я не знаю наверняка, могу только догадываться. Были люди, которые хотели нас рассорить, развести. Когда появляется кто-то, кто вдруг резко выбивается из среднего уровня, всем очень хочется затолкать его обратно. Любой ценой. <…>

Из: Суркова О. Хроники Тарковского

<...>

Начало августа 1978 года

Как странно, что моя последняя запись по «Сталкеру», сделанная год назад, заканчивается предположением Тарковского: «Представляешь, если у меня будет брак…» Тогда он говорил всего об одном кадре, в который были вложены гигантские усилия. Что же можно сказать о том, что почти вся картина, снятая более чем наполовину, оказалась техническим браком?!! Такое бывает? Такого не бывает! Но такое случилось с Тарковским…

И хотя, как говорит Андрей, брак изображения связан с технической непригодностью пленки или режима ее проявки, отношения его с Рербергом разорваны раз и навсегда. Андрей считает, что брак можно было вовремя проконтролировать, если бы Рерберг относился к картине менее формально… если бы он не пил так много… если бы делал не только то, что ему предписано его положением главного оператора, но и то, чего просит душа… А душа его, по мнению Андрея, была холодна. Рерберг же был возмущен, что Тарковский считал его обязанностью осуществлять технический контроль над материалом. После такого рода выяснения отношений Тарковский так и сказал: «Гоша, уходи, и чтобы я тебя больше никогда не видел!» Тем не менее сейчас запущен в производство новый «Сталкер». И в результате всех пертурбаций в съемочной группе Лариса Павловна доросла до второго режиссера (!). (Но это тема, достойная отдельного разговора.) А Андрей Арсеньевич является теперь не только постановщиком, но и художником картины. Александр Бойм был также изгнан. После конфликта Тарковского с Рербергом на фильм пришел Леонид Калашников, от которого Андрей был в восторге. Но Калашников очень быстро отказался от участия в фильме. Может быть, был напуган всей атмосферой в съемочной группе?

В итоге новым оператором стал Александр Княжинский.

<…>

Кто из них прав – История рассудит. Если, конечно, раньше кто-то не попытается объективно разобраться в материалах и воспоминаниях, относящихся к созданию «Сталкера». А у Авторов хватало проблем и помимо этого фильма.

22 сентября ВААП посылает запрос директору «Молодой гвардии».

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Уважаемый Владимир Михайлович!

На запрос Агентства относительно даты сдачи в набор книги авторов Стругацких «Неназначенные встречи»

зав. редакцией Ю. М. Медведев письмом от 21 июня 1977 г. №124/09 информировал нас о том, что редакция планирует сдать рукопись в набор в III квартале с. г. На днях авторы поставили нас в известность о какой-то задержке прохождения рукописи в производстве.

Не могли бы Вы нам сообщить причины этой задержки и реальные сроки предполагаемого выхода в свет книги.

С уважением,

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто.

И вдруг «Молодая гвардия» 6 октября направляет Авторам совершенно неожиданное для них письмо. Оно начинает новый поворот в эпопее с «Неназначенными встречами».

Из архива. Письмо к АБС из МГ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Сообщаем Вам, что договор № 245 от 17.X.74 г. на издание сборника «Неназначенные встречи» расторгнут издательством ввиду нарушения Вами пункта 4 упомянутого договора и статьи № 509 ГК РСФСР. Нарушение выразилось в том, что часть упомянутого сборника Вы выпустили в другом издательстве в течение обусловленного срока действия договора № 245 с издательством «Молодая гвардия».

В связи с расторжением договора и приближающимся окончанием финансового года просим сообщить, в какие сроки Вы сможете вернуть издательству полученный Вами гонорар в сумме 2700 руб.

После завершения отношений по расторгнутому договору (возвращение гонорара) редакция фантастики, естественно, готова в установленном порядке рассматривать Ваши творческие предложения.

Зав. редакцией фантастики Ю. Медведев

Юрисконсульт В. Носов

Письмо Бориса брату, 9 октября 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Обдумав в спокойной обстановке твое сообщение о письме Медведева (сам я еще письма не получал), я пришел к выводу, что он совсем, видимо, с ума съехал. На что он рассчитывает? Ты все и сам знаешь, но я на всякий случай решил здесь суммировать нашу контраргументацию – для ВААПа или для суда.

1. О каких это «некоторых произведениях», опубликованных в нарушение нашего договора с МолГв, идет речь в письме Медведева? ТББ издавалось дважды – оба раза ЗАДОЛГО до заключения настоящего договора. Значит, речь не о ней.

2. М издавался дважды: в 73 и – действительно – в 75-м. Однако договор на это последнее издание был заключен с Детгизом аж 13.07.72! И, разумеется, Медведев был об этом своевременно извещен и не имел возражений против М при заключении договора с МолГв.

3. Более того. В своих письмах от 1.06.76 и 18.06.76 Синельников, отвергая ПнО, ничего не имеет против издания ТББ и М и даже предлагает немедленно отправить эти повести в производство. Значит, дело не в этих повестях.

4. ПнО не издавался отдельно. Кусок из нее был опубликован, да, но в той же МолГв и задолго до заключения договора.

5. В договоре сказано, правда, что автор не имеет права издавать свой труд БЕЗ ПИСЬМЕННОГО согласия издательства. Однако под этот пункт подпадает только 2-е издание М в Детгизе, а согласно писем Синельникова изд-во не имело против этой повести ничего вплоть до середины 76-го года.

6. В конце концов, если МолГв против издания М, мы не имеем ничего против изъятия этой повести из сборника. (Но это только на крайний случай!)

Все дело, разумеется, в том, что мы не запаслись ПИСЬМЕННЫМ разрешением на издание М. Именно на этот пункт

они и будут жать. Однако суд должен решить здесь, кто прав, кто виноват, а письма Синельникова, упомянутые выше, свидетельствуют в нашу пользу. Ведь если издательство на самом деле возникает против М, почему оно не озаботилось заявить свой протест и возбудить дело о расторжении договора еще в 75-м году? Ясно, что отношения были сначала доверительными и стороны верили друг другу на слово, как это и бывает обычно в советских издательствах. Именно поэтому доверчивые авторы и не потребовали при заключении договора ПИСЬМЕННОГО разрешения на издание М в Детгизе, а удовлетворились устным. По-моему, суду должно быть все ясно.

Завтра я повидаюсь с Дмитревским и посоветуюсь с ним, не послать ли еще одну жалобу – на этот раз Деревянко, секретарю ЦКМола по идеологии. Может быть, даже имело бы смысл пойти к нему на прием и объясниться устно. Но ведь ты же не захочешь.

Новостей нет. Из ВААПа пришло письмо: просят дать разрешение на издание ПХХIIВ и М в Болгарии. Я дал.

Обнимаю, твой [подпись]

12 октября напоминает о себе киностудия им. Горького.

Из архива. Письмо к АБС из Киностудии им. Горького

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Напоминаем Вам, что 2 октября 1977 г. истек срок сдачи сценария «Трудно быть богом».

Просим срочно представить сценарий или объяснить причину задержки.

Заместитель Главного редактора студии В. П. Погожева

Письмо Бориса брату, 13 октября 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Адочка только что приехала и привезла мне все, что ты передал. Спасибо. Все очень интересно и в жилу.

Жалко, что ты не описал мне событий и намерений ВААПа, но как я понял со слов Адки, ВААП хочет еще что-то предпринять, помимо суда. Ну, что ж. Посмотрим. Но в этих условиях имеет, вероятно, смысл обратиться с письмом к Деревянко. Знаешь, ты бы позвонил Ковальчуку и посоветовался бы с ним. Может быть, имеет смысл предпринять сейчас некие совместные действия? Если да, срочно отпиши мне, и я моментально составлю и вышлю тебе на просмотр письмо к Деревянко.

Письмо от Медведева я тоже получил. Вот еще два соображения:

1. Любопытно, что письмо подписано на таком низком уровне. Ганичев, впрочем, болен, но почему не Синельников? Не хочет пока ввязываться?

2. Все это очень похоже на провокацию. Этот гад, видимо, серьезно рассчитывает, что, разъярившись, мы наделаем или наговорим глупостей. Надо быть очень осторожными!

3. Наше слабое место – отсутствие письменного согласия редакции. Собственно, это ЕДИНСТВЕННОЕ слабое место. Схема обороны представляется мне так: письменного разрешения мы в свое время не потребовали, ибо а. Отношения с редакцией были хорошими, и КАК ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ мы ограничились устной договоренностью (свидетель – Бела); б. Сборник был в плане 74-го года, и было ясно, что он выйдет в свет РАНЬШЕ детгизовского издания; в. Формальности такого рода, когда речь идет о ф-ке, вообще не имеют смысла, ибо любую ф-ую повесть можно выпустить хоть в пяти издательствах по двести тысяч и все равно она разойдется за неделю.

Теперь у меня к тебе большая просьба. Я забыл (вернее, никогда не знал) нового адреса Севки. Поэтому будь добр, свяжись с ним и найди способ передать ему лично прилагаемые рукописи. Очень тебя прошу! А в очередном письме ко мне напиши, пожалуйста, новый Севкин адрес, и тебя больше не буду беспокоить. Рукопись, как видно из

прилагаемого письма к Севке, надо передать по возможности срочно. Коленопреклоненно и покорнейше!

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке – привет!

13 октября ВААП вновь направляет запрос директору «Молодой гвардии» Ганичеву.

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Уважаемый Валерий Николаевич!

По находящемуся в производстве ДПУ заявлению авторов Стругацких поступила информация о том, что редакция фантастики поставила авторов в известность о расторжении договора № 245, заключенного между Издательством и Стругацкими. При этом авторы обвиняются в нарушении п. 4 договора и ст. 509 ГК РСФСР без каких-либо указаний на конкретные действия А. Н. и Б. Н. Стругацких.

В том случае, если издательство имеет в виду состоявшееся в 1975 г. в ЛО Детгиза издание повести «Малыш», то, во-первых, оно имело место по договору с Детгизом № 561 от 13 июля 1972 г., т. е. по договору, заключенному до оформления договорных отношений с «Молодой гвардией», и, во-вторых, ДПУ располагает материалами, подтверждающими осведомленность «Молодой гвардии» о данном издании. Таким образом, мы не находим ни формально-юридических, ни морально-этических нарушений договорных обязательств, взятых на себя Стругацкими перед Вашим издательством.

На основании изложенного, просим Вас пересмотреть решение издательства о расторжении договорных отношений с А. Н. и Б. Н. Стругацкими.

О Вашем решении не откажите в любезности сообщить нам. Надеемся, что решение вопроса с изданием сборника, находящегося в производстве издательства уже около 3-х лет, не займет у Вас много времени.

С уважением,

Начальник управления Э. П. Гаврилов.

Письмо Аркадия брату, 21 октября 1977, М. – Л.

Дорогой Борис.

Даю информацию.

1. ВААП послал Ганичеву письмо с требованием объяснений. Насколько мне известно, ответа не получено.

2. Из Франции пришло четыре экза ПиП, из Польши – восемь экзов краковского сборника – я тебе один такой передал. Бела продала что-то в Швейцарию и Норвегию – я не запомнил.

3. С Ковальчуком говорил, он ничего не может посоветовать, хотя и заинтересовался разговором Деревянко с Дмитревским. Считает, что если можно сослаться на разговор этот, хорошо бы послать Деревянке об этом письмо.

4. Деньги 10 % по ТББс целиком переведены на меня, т. к. ты не послал в их бухгалтерию заявку – если ты помнишь, они на каждую сумму требуют заявку отдельно. Так что теперь за мной 150 рэ долга + 265 рэ 80 коп твоего гонорара = 415 рэ 80 коп. А кстати, получил ли ты деньги из Таллина?

5. Адрес Севки: <…>. Завтра они у меня будут, передам твои бумаги.

6. На телевидении вот-вот заключат нам договор на музкомедию «Веселые чародеи» по ПНвС в 2-х сериях.

7. Положение с Тарковским неопределенное. Он должен приехать сегодня. Предполагаю, будем дорабатывать сценарий по замечаниям «Мосфильма» и Госкино. Затем – съемки в павильоне и затем весной – обратно на натуру. Это вариант оптимальный. Возможны и иные – похуже.

8. На МолГв по слухам подают в суд еще Рим Парнов и приключенец Кикнадзе.

9. Вчера закончил второй официальный вариант ТББс, сегодня несу к режиссеру. Надоел он мне (сценарий), больше работать над ним не стану.

Вот всё. Жму, целую, твой Арк. Привет твоим.

24 октября «Молодая гвардия» дает пояснения ВААПу.

Из архива. Письмо в ВААП из МГ

Уважаемый Эдуард Петрович!

Внимательно изучив Вашу просьбу, издательство, к сожалению, не находит законного основания для пересмотра принятого решения о расторжении договора № 245 от 17.10.74 г. с авторами А. Н. и Б. Н. Стругацкими на издание сборника «Неназначенные встречи».

Указанный договор расторгнут в соответствии с заключением юридической части издательства, в котором, в частности, отмечается, что в отношении издательства «Молодая гвардия» они дважды нарушили нормы закона:

– совершили сделку, не соответствующую требованиям закона (ст. 509 ГК РСФСР);

– в 1975 г. в другом издательстве выпустили в свет сборник, содержащий повесть «Малыш», которую они по договору № 245 от 17.10.74 г. передали в издательство «Молодая гвардия», пользующееся с момента заключения договора со Стругацкими по закону (ст. 509 ГК РСФСР) исключительным правом на ее издание.

Одновременно просим Вас не отказать в любезности сообщить нам, не выходила ли повесть «Малыш» (помимо ЛО Детгиза) или другие произведения («Пикник на обочине», «Трудно быть богом») готовившегося в нашем издательстве сборника авторов Стругацких в каких-либо иных издательствах в период срока действия упомянутого выше договора № 245[1].

С уважением

Первый зам. директора издательства, главный редактор В. М. Синельников

На письме за подписью Харуто вопрос: «Т. Городовикову О. В. Ваше мнение?» И ответ за подписью Городовикова: «31/X–77 г. по телефону поставил в известность А. Н. о содержании письма. Договорились, что после праздников подготовлю проект искового заявления».

[1] Этот абзац Харуто пометил сбоку знаком вопроса.

Письмо Бориса брату, 28 октября 1977[1], Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Прилагаю проект письма А. П. Деревянко. Проект согласован с Дмитревским и полностью им одобрен. Сам Дмитревский собирается звонить Деревянко после праздников в том числе и по этому нашему делу.

Изучи сей проект, обсуди его с кем хочешь и отправь, не слишком мешкая, письмо по адресу: 103982 Москва-Центр, ул. Б. Хмельницкого 3/13, ЦК ВЛКСМ, тов. Деревянко А. П.

В остальном у меня все боль-мень. Съездил в Киев, вернулся позавчера, все было благополучно и даже приятно.

Из ГДР прислали издание М в ихней «роман-газете» («Роман-Цайтунг»). Деньги из Таллина получил. Получил также из ВААПа 500.0+382.38 чеками. А более ничего. В свое время выслал доверенность М. С. Чугуновой в Таллин (это было 29.09), но ничего из сего акта не проистекло.

По поводу ТББ-С не отчаивайся. Приедешь к нам, посидим недельку и все будет ОК.

Ответ на письмо ВААПа Ганичеву придет, полагаю, не скоро, ибо Ганичев болен, а его заму на это все, вероятно, наср…

А как мы с тобой будем писать музкомедию? Ты умеешь? Я – нет. Хорошо бы получить соавтора с возложением на него основных обязанностей.

Кстати, звонила недавно эта Дина[2], которая написала музкомедию по М. Дела ее никак, и она все спрашивала, не сунул ли А. Н. эту музкомедию куда-нибудь в Москве.

Очень пора нам с тобой что-нибудь написать, а? А то все сценарии да музкомедии… Может, сказку напишем? Для «Костра». Про «дружбу и недружбу», помнишь? Я тут обдумывал этот вопрос – может получиться очень мило.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке и Машке привет и поцелуи!

---

[1] Датировка составителей.

[2] Данилова Дина Даниловна, автор инсценировки по М «Айсберг Тауматы».

Письмо Аркадия брату, 2 ноября 1977, М. – Л.

Дорогой Борик!

Получил твое письмо.

1. Письмо Деревянке по твоему проекту отсылаю сегодня почти без изменений. Ни с кем советоваться не стал.

2. В понедельник (31-го) в ВААП пришло письмо из МолГв, подписанное Синельниковым (главред). Содержание: а) издательство не видит оснований для пересмотра решения о расторжении договора, б) издательство просит ВААП выяснить, не совершали ли Стругацкие нарушений договора по ТББ и ПнО, аналогичных нарушениям по М. Ваповцы встали в тупик и сами предложили мне передавать дело в суд. После праздников мне пришлют проект искового заявления, которое мы и подпишем.

3. В понедельник же Тарковский был у Ермаша и передал ему экзы варианта «Сталкера», в который внесены исправления согласно пожеланиям редколлегии «Мосфильма». Теперь будем ждать.

4. Подписал договор на музкомедию. Теперь дело еще за десятком виз, и дело в шляпе. А писать музкомедию надлежит так же, как и обычную комедию, только в необходимых местах вставлять: «Песня одинокого вурдалака, содержание которой таково…» или «Танец молоденьких ведьм».

5. Насчет сказки для «Костра» – отчегё ж… встретимся, поговорим. Кстати, мы с Ленкой намерены приехать в Ленинград числа 11 или 12. Тогда всё и согласуем.

Жму, целую, твой Арк.

Приветы домочадцам.

О «сказке для “Костра”» БН позже вспоминал.

Из: БНС. Комментарии к пройденному

<…>

Встретились. Согласовали. Решено было (чтобы серьезно не отвлекаться на эти мелкие пустяки) писать сказочку

допотопным методом, по очереди: сначала весь текст пишет БН, потом исправляет АН, потом снова смотрит БН и так далее. Называлась вся эта процедура в наших письмах «обязаловкой», и заняла она общим счетом около трех месяцев. Причем мы так и не нашли ни времени, ни желания «сесть рядком и поработать ладком». В результате получилось то, что получилось. Нелюбимый и нежеланный ребенок. Заморыш.

Издатель, видимо, это очень хорошо почувствовал. Рукопись последовательно отклонили: «Аврора» (как слишком детскую), «Пионерская Правда» (после долгой возни, сокращений и редактуры – без объяснения причин) и, наконец, «Костер» («…Повесть написана усталым человеком… неулыбчива и предсказуема… энтропия сюжетных ходов невелика…» и т. д.). Так что впервые повесть вышла только в 1980 году, в альманахе «Мир приключений», и публикация эта долгое время оставалась единственной, – пока не появилось первое собрание сочинений АБС, выпущенное издательством «Текст». По зарубежным изданиям она тоже «чемпион»: единственный перевод за двадцать пять лет (почему-то – в Японии). Ну и господь с ней, с этой сказочкой. Я за все прошедшие годы так в нее и не заглянул ни разу: не люблю ее перечитывать, точно так же, как «Страну багровых туч» или, скажем, какой-нибудь «Спонтанный рефлекс».

Есть такое понятие – «проходная повесть». Так обычно называют произведение, которое автором честно написано и даже опубликовано, но которое можно было бы и не писать вовсе – оно не есть ступенька вверх для автора и вообще не составляет никакого этапа на его пути. У АБС таких «проходных», слава богу, немного: «Малыш», «Парень из преисподней», самые последние рассказы начала 60-х, ну и, конечно, «Повесть о дружбе и недружбе». Вполне могли бы мы ее не писать совсем. А если уж написали, – печатать под псевдонимом, чтобы не портила нам творческой статистики. Однако слово из песни не выкинешь. Был, был у нас

этот сбой – лишнее доказательство фундаментальной теоремы сочинительства: «То, что не интересно писателю, не может быть по-настоящему интересно и читателю тоже».

<…>

2 ноября АН пишет брату: «Письмо Деревянке по твоему проекту отсылаю сегодня почти без изменений. Ни с кем советоваться не стал». Копия письма секретарю ЦК ВЛКСМ по пропаганде сохранилась в архиве.

Из архива. Письмо от АБС в ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Анатолий Пантелеевич!

Со слов В. И. Дмитревского, с которым Вы беседовали в начале октября с. г., нам известно, что ни ЦК ВЛКСМ, ни Вы лично не имеете возражений против публикации нашего сборника «Неназначенные встречи» в издательстве «Молодая Гвардия».

Горестная история с этим сборником тянется уже около пяти лет. В 1974 году издательство заключило с нами договор, но с тех пор завредакцией научно-фантастической и приключенческой литературы тов. Медведев прилагает все усилия к тому, чтобы сборник не вышел в свет.

Особенную ненависть вызывает у тов. Медведева почему-то повесть «Пикник на обочине», входящая в сборник. Повесть эта пять лет назад была опубликована в журнале «Аврора», с тех пор издавалась и переиздавалась во многих социалистических странах и получила одобрительные отзывы в нашей центральной прессе, в том числе и в ЦО «Правда». И тем не менее тов. Медведев находит все новые и новые предлоги, чтобы затормозить издание этой повести в отдельном сборнике.

Сейчас он выкинул новый фокус: объявил, что издательство вообще расторгает договор на наш сборник. Предлог для расторжения выбран нелепый и неубедительный, очевидно, что любой суд опротестует это решение редакции, но Медведев достигает своего – передача сборника в производство вновь откладывается на неопределенный срок.

Уважаемый Анатолий Пантелеевич, мы обращаемся к Вам с убедительной просьбой – разобраться в этом деле, поставить на место распоясавшегося чиновника, восстановить справедливость и порядок в редакции.

Разумеется, мы готовы в любое время представить Вам на рассмотрение более подробные данные относительно всей этой истории.

С уважением

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

А 14 ноября, видимо, отчаявшись повлиять каким-то образом на публикацию «Неназначенных встреч» и уже не надеясь на их выход, Авторы подают заявку в «Советский писатель».

Из архива. Заявка от АБС в СовПис

Предлагаем издательству опубликовать наш авторский сборник, включающий фантастические повести «Отель “У погибшего альпиниста”», «За миллиард лет до конца света» и «Пикник на обочине». Название сборника – «За миллиард лет до конца света».

Повести эти были опубликованы в журнальных изданиях в период с 1970 по 1977 год, вызвали положительные отзывы в нашей прессе (напр. в ЦО «Правда», в «Литературном обозрении», в «Дружбе народов» и т. д.), издавались и переиздавались в ряде зарубежных стран. В книжных изданиях в нашей стране они не публиковались.

Эти три повести отобраны нами для сборника потому, что они объединены одной общей идеей: каждая из них являет собой опыт литературно-художественного исследования психологии массового человека эпохи НТР, нашего современника, методом приведения этой психологии в столкновение с «чудом» – методом, как известно, довольно распространенным в мировой литературе с легкой руки Гофмана и Эдгара По. Разумеется, в соответствии с духом времени «чудо» в наших повестях носит не столько гофманианский, сколько

уэллсовский характер. Это либо активность гипотетических сверхцивилизаций, либо проявления неких неизвестных законов природы. Но для выполнения поставленной нами перед собой задачи – литературной задачи, – это обстоятельство решающего значения не имеет. Главным для нас является современный человек, который столь же отличен психологически от современника Гофмана, сколь, скажем, Повелитель Блох отличается от пилота «летающего блюдца».

Мы прилагаем к заявке готовую рукопись нашего сборника, объем которого составляет ок. 25 авт. листов.

А. Стругацкий

Б. Стругацкий

Инстанции же в это время продолжают титаническую борьбу. В этот же день ВААП информирует главреда «Молодой гвардии» Синельникова о судебном иске и сообщает об этом Авторам.

Из архива. Письмо из ВААП в МГ

Уважаемый Владимир Михайлович!

Решение издательства о расторжении договора № 245 от 17.10.77 с авторами А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИМИ не соответствует норме ст. 509 ГК РСФСР. К сожалению, наши попытки убедить издательство в этом не дали желаемого результата. Нам ничего не остается, как обратиться с исковым заявлением в судебные органы.

Выполнить Вашу просьбу в отношении информации об изданиях произведений СТРУГАЦКИХ не представляется возможным в силу отсутствия в ВААП регистрации издаваемой в СССР литературы.

В связи с необходимостью правильного обоснования искомой суммы просим Вас дать указание редакции о направлении в наш адрес сведений об объеме подготовленного к сдаче в набор сборника и сумме вознаграждения, выплаченного авторам.

С уважением,

Зам. Начальника Управления Э. П. Гаврилов.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Согласно договоренности информируем Вас о том, что нами готовится проект искового заявления, который будет направлен Вам для подписания. Как нам представляется, ситуация в настоящий момент такова, что «Молодая гвардия» приняла окончательное решение не издавать сборник и целесообразно в исковом заявлении не ставить самостоятельно вопрос о незаконном расторжении договора (все равно у суда нет права вынести решение об обязательном издании сборника), а увязать этот вопрос с материальным правом авторов на оставшуюся часть гонорара.

Если у Вас есть какие-либо иные предложения, сообщите нам.

Для сведения направляем копию нашего последнего письма в издательство.

С уважением,

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

На следующий день, 15 ноября, АН решается на самый крайний шаг из всех возможных – пишет письмо в ЦК КПСС.

Из архива. Письмо от АНа Зимянину

Уважаемый Михаил Васильевич!

В свое время – 12.07 и 10.11. 1976 года – мы с братом и соавтором моим Стругацким Б. Н., уже обращались к Вам с письмами по поводу злосчастной судьбы нашего сборника фантастических повестей «Неназначенные встречи» в издательстве «Молодая Гвардии». Теперь я вынужден обеспокоить Вас третьим письмом.

Дело в том, что в октябре с. г. заведующий редакцией фантастики «Молодой Гвардии» Медведев внезапно объявил нам, что договор на издание нашего сборника с нами расторгнут. Повод для расторжения явно несостоятелен, что

удостоверяется юристами ВААПа, но так или иначе, а вместо нормальной работы нам предстоит судебное дело и все связанные с этим мытарства.

Это, несомненно, обстоятельство частное, однако меня не могут не тревожить некоторые политические последствия, к которым, возможно, приведет эта произвольная акция руководства «Молодой Гвардии».

Я не стану скромничать: Стругацкие – писатели популярные. Нам удалось завоевать известность у читателей не только у нас на Родине, но и за рубежом. По данным организаций, осуществляющих экспорт советской литературы, мы числимся среди наиболее издаваемых за рубежом советских писателей.

В связи с этим не только у наших читателей, но и у зарубежных издателей, литературных публицистов и критиков рано или поздно возникнет – если уже не возник – вопрос: почему столь популярные авторы, признанные читательской общественностью и в своей стране, и за ее пределами, упорно третируются одним из ведущих советских издательств. Легко предвидеть, какой мерзкий шумок могут поднять вокруг этого «дела» антисоветчики, диссидентская шушера, да и просто любители политических скандальцев в зарубежных странах.

Я не стану утверждать, что руководство «Молодой Гвардии» сознательно пытается инспирировать у нас и за рубежом мнение, будто писатели Стругацкие «затираются» в собственной стране, скорее здесь имеет место грубый политический просчет. Редакция «Молодой Гвардии» является практически единственной редакцией в нашей стране, которая специализируется на издании «взрослой» фантастики. Возможно, ощущение единоличной власти над советскими писателями-фантастами вскружило непрочную голову заведующего редакцией настолько, что он утратил политическую ориентировку. Но как бы то ни было, важно одно: к какому результату могут привести эти попытки представить популярных СОВЕТСКИХ писателей Стругацких писателями НЕ-СОВЕТСКИМИ.

(Справедливости ради надо отметить, что политическая близорукость поразила не только руководителей «Молодой Гвардии». Как мне стало известно, Госкомитет по печати РСФСР, предпринимая очередной поход на издательство «Детская литература», мишенью своей избрал на этот раз, в частности, сборник Стругацких, состоящий из веселой сказки «Понедельник начинается в субботу» и юношеской повести «Парень из преисподней»).

Мне хотелось бы заверить Вас, Михаил Васильевич, в следующем: что бы ни предпринимали все эти политически недозрелые люди, взявшие на себя роль вершителей судеб советской фантастики, и к каким бы результатам это ни привело, Стругацкие как были, так и останутся всегда СОВЕТСКИМИ писателями.

А сообщил я Вам обо всем этом потому, что и мне, и моему брату и соавтору бесконечно дороги честь и престиж нашей страны, нашей литературы и нашего имени. Просить же Вас я решаюсь только об одном: подтвердите получение этого письма.

С искренним уважением,
Стругацкий Аркадий Натанович

30 ноября «Молодая гвардия» отвечает ВААПу.

Из архива. Письмо из МГ в ВААП

Уважаемый Эдуард Петрович!

В связи с Вашим запросом сообщаем, что сборник повестей авторов А. Н. и Б. Н. Стругацких «Неназначенные встречи» в нашем издательстве был подготовлен к сдаче в набор в объеме 15 а. л. в составе двух повестей – «Малыш» и «Трудно быть богом» (повесть «Пикник на обочине» одобрена не была), авторам было выплачено вознаграждение в сумме 2700 руб., которую издательство письмом от 6.10.77 г. просило возвратить в связи с расторжением договора № 245 от 17.10.74 г.

Договор № 245 от 17.10.74 г. с авторами А. Н. и Б. Н. Стругацкими расторгнут издательством в виду нарушения ими п. 4 договора и ст. 509 ГК РСФСР. По заключению юридической части издательства это нарушение выразилось в том, что, во-первых, авторы, уже имея договорные отношения с издательством «Детгиз» (Л. О.) на выпуск части сборника «Неназначенные встречи» – повести «Малыш», в 1974 г. представили ту же повесть в наше издательство, не уведомив о договоре с другим издательством; во-вторых, в 1975 г. выпустили в свет сборник, содержащий повесть «Малыш», которую они 17.10.74 г. передали в наше издательство, пользующееся с момента заключения договора со Стругацкими по ст. 509 ГК РСФСР и п. 4 Типового договора исключительным правом на ее издание. То обстоятельство, что авторы выпустили свою повесть «Малыш» в «Детгизе» (Л. О.) по договору, заключенному до оформления договорных отношений с «Молодой гвардией», не имеет значения для наступления санкций за нарушение авторами п. 4 договора, ибо закон таких исключений не предусматривает. Какого-либо согласия на выпуск повести «Малыш» или другой части сборника «Неназначенные встречи» в ином издательстве «Молодая гвардия» не давала.

Вторично просим Вас не отказать в любезности сообщить нам, издавались ли повести авторов А. Н. и Б. Н. Стругацких «Малыш» (помимо Ленинградского отделения «Детгиза»), «Трудно быть богом» и «Пикник на обочине» в период действия договора № 245 (т. е. с 17.10.74 г.) в иных издательствах – советских или зарубежных.

Официальная информация по данному вопросу от ВААП, обеспечивающего соблюдение прав авторов при использовании произведений литературы на территории СССР, а также советских авторов при использовании произведений за рубежом, в данном случае необходима нашему издательству.

С уважением

Зам. главного редактора И. Ф. Авраменко

В конце ноября АН с супругой на несколько дней приезжает в Ленинград. Авторы в это время не работали, поэтому в рабочем дневнике эта встреча не отмечена.

Письмо Аркадия брату, 1 декабря 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

По возвращении нашел у себя письмо из ЦК ВЛКСМ.

«Уважаемый Аркадий Натанович! Ваше письмо получено в отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. О результатах сообщим дополнительно. Зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ В. Грошев».

Ну-с, не знаю. М. б., следует написать опять Деревянко письмо такого примерно содержания. Дескать, получили такое-то письмо. Но писали мы Вам, а не в отдел пропаганды. С этим отделом мы уже имели дело, и хотя они были благожелательны, ничего добиться от МолГв не смогли. Либо Вы этого не знали и поручили им разобраться, либо наше письмо передали им без Вашего ведома. В обоих случаях настоятельно просим вернуть наше письмо в Ваши руки, самому ознакомиться с ним и лично принять просимые меры.

Если ты согласен, составь такое письмо и перешли мне.

Когда писал это письмо, принесли из Болгарии сборник «Съветская фантастика». Там наш «Малыш». А есть и гнусный фельетончик Медведева. Книгу прислал некто Георги Арнаудов из Софийского «Градски младежнии дом, Клуб по прогностика и фантастика». Тебе тоже, наверное, выслали.

Вот пока всё.

Обнимаю, твой Арк.

Привет Адке и Андрею

Письмо Аркадия брату, 5 декабря 1977, М. – Л.

Здравствуй, Борик.

А. Информация.

1. Насколько можно было понять Тарковского, двухсерийный вариант «Сталкера» готовы утвердить, но при этом

никак не удается добиться, чтобы с него сняли пресловутые 300 тыс. Это означает, что будущая группа будет заведомо лишена премий, постановочных и пр. Сизов вызвал Андрея к себе и предложил подать заявление, что он снимать на таких условиях отказывается. Андрей такое заявление написал. Сизов остался недоволен формулировкой – Андрей обвинял студию в браке. Андрей написал новое заявление, продиктованное самим Сизовым. Но и это заявление Сизов не принял, выругался и уехал в Италию. Так что все по-прежнему висит в воздухе, я хожу нестриженый, ждем дальнейших событий. Видимо, какое-то решение будет принято, когда Сизов вернется.

2. Кайдановский прикуривал от электронагревателя, там что-то взорвалось, и ему покалечило лицо. К счастью, зрение не пострадало, с лицом тоже всё в порядке. Но мы здорово перетрусили.

3. ТББс читает начальство. Обещают дать ответ к концу недели. Судя по голосу и тону Тарковской (я говорил с нею по телефону), дело не очень хорошо.

4. Договор на музкомедию одобрен директором «Экрана» Хессиным, но он уехал (!) в Испанию, надо ждать его возвращения.

5. МолГв не дала ответа ВААПу, хотя прошло уже три недели (это на запрос относительно объема рукописи и выплаченной части гонорара). ВААПовцы обещали связаться с МолГв и поторопить.

6. От самых верхов опять пополз слух, что МолГв будут разгонять. Но я уже как-то и не верю. Да и поможет ли это нам?

Б. Запросы.

1. Ты мне что-то рассказывал об успешных телепатических экспериментах в США. Не можешь ли сообщить, в каком журнале и когда это было опубликовано?

2. Выясни в Лендетгизе, намерены ли они издавать книжки автора «Карлсона» Астрид Линдгрен «Братья Львиное Сердце» и «Мадикен». Если не эти названия, то какие именно этого автора.

Все дела.

Обнимаю, твой Арк.

«Обязаловку» начал было, но сразу сорвался. Навалились дела по японщине. Впрочем, к этому делу все-таки вернусь.

Привет Адке и Андрею.

Письмо Бориса брату, 6 декабря 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получивши твое письмо, я сразу позвонил Дмитревскому. Оказалось, что он созванивался с Деревянко сразу после праздников и спрашивал его насчет нашего письма. Тогда Деревянко нашего письма еще не получал. Через пару дней Дмитревский намерен звонить Деревянко еще раз (по своим делам) и обещает снова спросить про письмо. Так что к концу недели я буду знать, каким образом наше письмо попало в сектор печати и пропаганды. Надо сказать, Дмитревский считает, что тебе (он называл именно тебя почему-то) следовало бы пойти к Деревянке лично. Он предлагает дать прямой телефон к нему и уверен, что Деревянко тебя обязательно примет.

Вчера вечером (поздно) вдруг раздается звонок по телефону: звонит новый завотделом прозы «Авроры» Владимир Михайлович Акимов. Судя по голосу, молодой парень, судя по разговору (сплошные цитаты), большой поклонник Стругацких. Суть: его вызвал главный (Глеб Горышин), передал разговор со мною (я тебе рассказывал) и потребовал немедленно и лично рассеять все сомнения Стругацких по поводу их будущего в «Авроре». Короче, «Аврора» готова и рада печатать ф-ку вообще и Стругацких в особенности. Я, честно говоря, такого напора не ожидал, подрастерялся и стал лепетать что-то, что сейчас мы, мол, заняты кино, а вот с января садимся за повесть… «Превосходно! – было воскликнуто. – Значит, в феврале я вас жду к нам!» Слово за слово, договорились, что к лету мы принесем им повесть. «Прекрасно. И мы ее поставим в осенние номера!» Ну что

ты будешь делать! Шутки шутками, а не попытаться ли нам сделать что-либо посерьезнее М, что-нибудь на уровне ПнО? Ты все-таки подумай, а? Как-никак, а это – шанс, и неплохой.

А больше новостей нет. Согласно договору пишу по странице в день и даже несколько опережаю график (про запас).

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет и поцелуи.

Письмо Бориса брату, 10 декабря 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Задержался на сутки с ответом на твое второе письмо, так как рассчитывал получить какую-нибудь информацию относительно Деревянко от Дмитревского. Но Дмитревскому так и не удалось до него дозвониться. Деревянки нет на месте, Дмитревский опасается, что он уехал за границу.

Сегодня позвонил Кроманов. Он закончил режиссерский, и сейчас его читает начальство. Договорились, что в понедельник он мне позвонит, и мы окончательно установим день встречи. Придется ехать в Таллин. Кроманов мечтает запустить фильм уже в этом году и хочет, чтобы мы сделали там еще «кое-какие мелочи».

По поводу твоих запросов.

Статья о телепатии. Уокер, «Экстрасенсорное восприятие – серьезная ли это вещь?», «Электроника», № 3, 1974. Эта «Электроника» – регулярно издающийся у нас перевод американского журнала «Электроникс», очень авторитетного.

С Астрид Линдгрен – хуже. Я уже говорил тебе, что в Лендетгизе у меня не осталось ни одного знакомого человека. Пытался выяснить у Дмитревского – он ничего, натурально, не знает. С Детгизом тесно связан Брандис, но его нет в городе. Так что придется подождать. В понедельник Брандис будет обязательно, и я постараюсь навести справки через него.

В остальном ничего интересного. Обязаловку пока тяну. Но, по-моему, пора задуматься о чем-то посерьезнее и для печати.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке – привет!

Письмо Аркадия брату, 12 декабря 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

Информация.

1. Из Венгрии (через ВААП, естественно) пришло предложение издать зМЛдКС. Ответил согласием.

2. Мой друг доставил мне два экза «Малыша», изданного в Югославии в прошлом году. Издание юношеское, с иллюстрациями в стиле нашего дурака Макарова.

3. Странная вещь: мои люди в Таллине прислали мне номер «Молодежи Эстонии» (газета, орган тамошнего ЦК Эстонского комсомола) за 2 декабря, и там начало ПнО, который они будут публиковать с продолжением. Последующие номера мне будут высылать.

Соображения.

1. Возможно, Дмитревский и прав, и сходить к Деревянке стоило бы, но очень не хочется. Жду от тебя дальнейших соображений. Если Деревянко знаком с письмом, можно написать ему – письмо-де Вам адресовано, сами разберитесь. Если не знаком – послать второе письмо с указанием судьбы первого. Выбери и отпиши.

2. Писать сейчас что-либо серьезное мне не хочется, какие бы «Аврора» авансы не выдавала. Да и болтовня это, по-моему. Ждут они от нас именно что-нибудь вроде «Малыша».

Пока всё. Жму и обнимаю.

Привет твоим. Арк.

13 декабря ВААП информирует АНа.

Из архива. Письмо АНу из ВААП

Уважаемый Аркадий Натанович!

Как и было условлено, направляем Вам для сведения копию последнего полученного нами письма издательства и копию нашего ответа на него.

Если у Вас есть данные об объеме повести «Пикник на обочине», сообщите, пожалуйста.

С уважением

Начальник авторско-консультационного отдела В. И. Харуто

К письму приложена копия письма в издательство с той же датой.

Из архива. Письмо в МГ из ВААП

Уважаемый Владимир Михайлович!

Благодарим Вас за полученные сведения об объеме подготовленного к сдаче в набор сборника А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИХ и о сумме выплаченного авторам гонорара. Эти сведения были бы исчерпывающими, если бы Вы распорядились еще о высылке в наш адрес сведений об объеме повести «Пикник на обочине».

В настоящее время вряд ли целесообразно вновь повторять наши доводы в пользу пересмотра решения издательства о расторжении договора с авторами. Надо полагать, судебные органы разберутся в данной конфликтной ситуации и вынесут соответствующее решение.

При всем нашем желании помочь «Молодой гвардии» просьбу издательства в отношении информации об имевших место изданиях повестей А. Н. и Б. Н. СТРУГАЦКИХ Агентство выполнить не может, поскольку, как это уже сообщалось в нашем № 4113–12/20 от 14.11.77, ВААП не проводит регистрации издаваемой в СССР литературы. Что же касается зарубежных издательств, то уступка авторам права на

издание в переводе своего произведения зарубежной фирме не влечет за собой признания нарушения автором ст. 509 ГК РСФСР.

С уважением,

Начальник Управления Э. П. Гаврилов

Письмо Аркадия брату, 14 декабря 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

Получил твое письмо от 10.12.

Новая информация.

1. В понедельник звонила Тарковская, кислым тоном сообщила, что Балихин (главред) и Погожева (зав. объединением) прочли последний вариант ТББс и кисло выразили намерение созвать совещание (обсуждение) где-то на этой неделе. Жду.

2. Позвонил зав. отделом сатиры и юмора Вопросов Л-ры Миша Андраша. По его словам, начальство очень одобрительно отнеслось к его идее дать нам выступить у них в разделе «Наши бенефисы» (или что-то в этом роде). Это дают писателю до 20 маш. страниц для изложения в юмористическом и сатирическом плане их писательской карьеры, возможно с присовокуплением ранних проб и читательских писем. Платят 300 ряб за лист. Мне пришло в голову такое: помнишь, у нас было сатирическое эссе по критике НФ[1]? Само по себе оно, конечно, устарело, но можно было бы в таком вот тоне дать ехидную памфлетину о том, как нас встречали и встречают сейчас критики, редакторы и читатели – с выдуманными именами, но с реальными цитатами. Андраша сказал, что чем ядовитее, тем лучше, было бы смешно. Подумай.

3. Позвонили из ЛитГазеты, попросили рассказ или отрывок ч.-л. не опубликованного страниц на 16. У меня энтузиазма это не вызывает, брешут, наверное, как и раньше, но ос-

[1] «Исследование-декларация» «Про критику научной фантастики» было написано в 1961 году, но напечатано лишь в первой половине 90-х годов.

тавляю решение на тебе: либо из ГЛ, либо из ГО что-нибудь подобрать было бы можно.

За информацию спасибо. Про Астрид Линдгрен не забывай.

Обнимаю, твой Арк.

Привет твоим.

В пятницу притащатся ко мне немцы из Neue Berlin, ГДР. Помнишь, я рассказывал? Ох-те-тех…

Письмо Бориса брату, 16 декабря 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Получил твое письмо, отвечаю.

1. Звонил вчера Кроманов. Худсовет, по его словам, принял решение хлопотать о двухсерийном фильме. Поэтому кто-то там едет в Москву утрясать этот вопрос, а в 20-х числах Кроманов снова будет мне звонить и, вероятно, вызовет меня в Таллин. Все-таки.

2. Брандис по моей просьбе связался с некоей Турковой (?), которая в нашем Детгизе ведает переводными изданиями. По ее словам на ближайшие два года НИКАКИХ переводов А. Линдгрен не планируется.

3. ПнО в «Молодежи Эстонии» – это, конечно, очень мило. Но не повредит ли это нам на суде? Я бы на твоем месте известил об этом факте ВААП и спросил бы, что делать и делать ли.

4. Деревянке письмо написать ничего не стоит. Но смысл у этого письма будет только в том случае, если первое наше письмо попало в сектор печати, МИНУЯ Деревянко. Если же наше письмо Деревянко читал, то логика такая: он прочитал письмо, он передал его своим подчиненным – с какой резолюцией, устной или письменной? Если резолюция: «Дайте Медведю по мозгам», то новое наше письмо не имеет смысла: и так дадут по мозгам. Если резолюция равнодушная: «разберитесь» и т. д., то опять же наше письмо не имеет смысла – не хочет он нами заниматься и не будет. А вот если

наше первое письмо к нему не попало, т. е. какие-то медведевские доброхоты решили его из поля зрения начальства вывести и утопить в бюрократическом болоте, – вот тогда другое дело! Тогда будем писать и орать во весь голос. Поэтому я и жду, когда же Дмитревский дозвонится до Деревянко и что тот ему скажет. А звонить Дмитревский обязательно будет, его самого затирают в МолГв, хотя вопрос об издании своей книжки он предварительно согласовал (и получил добро) не только с Деревянко, но и с Марковым, и даже с самим Тяжельниковым, завотделом печати ЦК.

5. Был бы очень тебе благодарен, если бы ты выслал мне один экз югославского М. А то когда мы теперь увидимся!

В остальном – боль-мень.

Обнимаю, твой [подпись]

Р. Т. Странная вещь. Не успел запечатать это письмо, как принесли заказное из Кишиневского издательства «Литература артистика». В письме два экземпляра договора «об издании в переводе выходившего в свет литературного произведения». Нам (а точнее, мне, т. к. в договоре указано только мое имя) предлагается издать на молдавском языке произведение «Неназначенные встречи» за гонорар из расчета 60 % из 150 руб/а. л.

Непонятно: 1. Почему договор только на мое имя? Может быть, ты получил аналогичный?

2. Почему 150 руб/а. л.? Может быть, по той же причине?

3. Что это за «выходившее в свет литературное произведение» под названием «Неназначенные встречи»? Что они, собственно, имеют в виду? Если МолГв-сборник, то он еще не выходил. Если порознь ПнО, М, ОуПА, то при чем здесь «Неназначенные встречи»?

Пуганая ворона куста боится. Мне всюду чудятся провокации Медведева. Я очень тебя прошу:

1. Свяжись с ВААПом и выясни наши права на этот счет.

2. Обязательно (если тебе тоже прислали такой договор) напиши в Кишинев об обстоятельствах дела (копию – в архив).

3. Срочно отпиши (или даже позвони) мне по этому поводу.

Я пока положу все эти договора в стол и буду ждать вестей от тебя.

Р. Р. Т. Никак не могу окончить это письмо! Уже и машинку убрал, но тут позвонил Дмитревский. Он соединился наконец с Деревянко. О письме он ничего <…> не выяснил, он все хлопотал о личном свидании твоем с Деревянко. Деревянко сказал, что будет рад с тобою встретиться и разрешил дать свой телефон. Телефон: 206–80–12, Анатолий Пантелеевич. В общем, если не хочешь с ним встречаться, не ходи, но позвонить-то можно? Просто спросишь его, получил ли он письмо наше и прочее. Скажешь ему то, что собирались мы писать в письме: мол, в этом секторе мы уже письменно побывали, они к нам были благорасположены, но толку не добились. Не могли бы Вы лично проконтролировать наше дело? А? Всего-то и делов. Если по разговору выяснится, что он благорасположен, можно будет и встретиться в конце концов. А если будет уклоняться и вилять, то и хрен с ним. Тогда, знаешь ли, и письма никакие не помогут.

Р. Р. Р. S. Леночке – привет!

Письмо Аркадия брату, 18 декабря 1977, М. – Л.

Дорогой Борис!

Информация.

1. Позавчера 16 декабря меня вызвали в ЦК КПСС по моему письму тов. Зимянину. Принимал меня его помощник Иван Филиппович Сенечкин, присутствовали еще один работник Большого ЦК (не понял – кто, но, видимо подчиненный Сенечкина) и работник агитпропа ЦК ВЛКСМ. Вместе со мной был вызван Синельников. Сенечкин извинился, что письмо оставалось без ответа месяц, но объяснил эту задержку тем, что они были озадачены: у них считалось, что дело Стругацких в МолГв давно пришло к благополучному концу. Затем он пожелал выслушать стороны. Синельников

объяснил расторжение договора нашим нарушением оного путем издания «Малыша» в 75 году и путем многочисленных публикаций ТББ и ПнО за рубежом. Затем выступил я. Привел доказательства, что издательству было известно о готовящейся публикации М в Ленинграде к моменту заключения договора, а зарубежные публикации предложил сбросить со счетов в претензиях, поскольку это дело не наше, а ВААПа. Сенечкин и присутствующие тут же согласились с этим последним возражением и предложили Синельникову говорить только о первой претензии. Как я осознал, возникла действительно формальная антиномия: с одной стороны, издательство действительно знало о готовящемся издании М в Л-де, но с другой – в договоре указано, что издание М идет как первое, и оплата аванса и одобрения шла как за первое издание, что я и подписал в свое время, не обратив на это, естественно, никакого внимания (считал, что при окончательном расчете всё пересчитают). Короче, стало ясно, что это дело – компетенция суда. Тем не менее Сенечкин предложил Синельникову окончить дело полюбовно. Видимо, Синельников уже получил соответствующую накачку, потому что сразу предложил проект: мы соглашаемся на расторжение договора («чтобы другим авторам не повадно было бы подумать, что издательству могут наступать на горло даже такие известные писатели, как Стругацкие»), а МолГв тут же заключает с нами новый договор на сборник, состав которого мы потом обговорим. Не выйдет, сказал я. Мы издательству не верим ни на грош. Получив согласие на расторжение договора, они сразу затребуют по суду 2700 и дадут нам под зад. Синельников тут изобразил возмущение, но я заметил, что никого это не тронуло, а Сенечкин довольно зловеще сказал, непонятно к кому обращаясь, что он сам присмотрит за этим. Собственно, на этом разговор и закончился, если не считать того, что было договорено при всех обстоятельствах оставить в сборнике ПнО, а Сенечкин, проводив меня в коридор, велел записать его номер и при всех случаях обращаться прямо к нему.

Теперь вот как я вижу нашу тактику в дальнейшем. Мы продолжаем вести подготовку к суду. Как только получим конкретные предложения от Синельникова по поводу расторжения договора, предъявляем ему условие: идем на это лишь в случае уплаты 100 % по старому договору и немедленного заключения нового договора – вплоть до обмена нашего письменного согласия из рук в руки на подписанный Синельниковым новый договор. Если он на это не согласится, продолжаем готовиться к суду и снова обращаемся в ЦК.

Из беседы у меня создалось впечатление, что в ЦК крайне недовольны Синельниковым и симпатизируют нам, и готовы нас поддерживать по крайней мере в этом деле.

2. Не дождавшись ответа из театра, написал новое письмо с угрозой обратиться в Министерство культуры и в ВААП.

3. Приезжал Гюнтер Клаус из «Ноэ Берлин», сообщил, что на днях выходит наш ПХХIIВ, а на следующий год планируется ПНвС.

4. Пришел на подпись смешной договор из Молдавии на «Неназначенные встречи». Без указания объема, как на самостоятельное отдельное произведение, оплата 60 % от 150 руб. Собираюсь послать им запрос, что они имеют в виду.

5. Пришло письмо из ВААПа с просьбой дать объем ПнО и с копией письма Авраменке, в котором утверждается, что зарубежные издания советских авторов не подлежат ограничениям, указанным в типовых договорах.

Вот всё. Обнимаю, твой Арк.

Да! Совершенно упустил из виду. Звонил сегодня Тарковский. Он согласился снимать, сценарий утвердили, съемки начнутся в середине марта, подготовка (декорации и пр.) еще раньше. Сизов представляет ему нечто вроде гарантийного письма, где обязуется обеспечить группе постановочные и как-то компенсировать премиальные.

Что касается ТББс, то там молчание. Ждут приезда начальства, тогда 25–26 будет худсовет.

Привет твоим.

Письмо Бориса брату, 20 декабря 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Очень здорово, что у нас вновь наладилась такая могучая переписка. Прямо-таки душа радуется.

Я не совсем понял: совещание по поводу ТББ-С – это хорошо или плохо? Впрочем, сейчас уже, вероятно, что-то известно. Жду информацию. Полагаю, во всяком случае, что нам кобениться сейчас, пожалуй, не пристало. Скажут переделывать, надо переделывать, особенно, если подкинут деньжат. Понадобится – приеду.

Насчет бенефиса для ВопЛей. Можно. Но надо делать это (если делать) хорошо. Можно так, как ты говоришь, а можно – помнишь, мы когда-то начинали писать наш воображаемый день, как мы лениво встаем, завтракаем икрой, устраиваем леве[1] и т. д. Так вот в таком вот плане, но под реальным эпиграфом из реального читательского письма того идиота, который принял нас за пришельцев. Этакая история пришельцев, пропагандирующих на Земле свои пришельческие идеи. Но, повторяю, это надо делать вместе. Хотя, разумеется, если ты возьмешь на себя составление черновика (в качестве обязаловки), то будет только лучше.

По поводу просьбы Литературки. Я, честно говоря, совершенно не представляю себе, что можно выбрать из ГЛ и, тем более, ГО. Если ты представляешь, обязательно выбери и пошли. Пусть кушают.

У меня новостей нет. Прилежно пишу обязаловку, хожу на заседания, читаю текучку, чиню машину. Было у нас тут обсуждение романа В. Михайлова (Рига). Я председательствовал. Мужик мне очень понравился, да и роман, по-моему, неплохой – «Сторож брату моему». Сплошное, впрочем, подражание Стругацким, как и все у Михайлова.

Илан Полоцк (помнишь?) прислал свою книжечку про то, как он перегонял овец в Средней Азии[2]. Прелестная повестуха!

---

[1] Это из Дюма: светский завтрак у постели вельможи. – *БНС.*

[2] Полоцк И. Восхождение коней на небо. – Рига: Лиесма, 1977.

Передавал тебе большой привет. (Он тебя интервьюировал в Риге в свое время.)

Вчера на нашем семинаре был Карл Левитин. С ужасом и трепетом рассказывал о жутких слухах, ползущих по Москве: А. Стругацкий бросил пить! Ликерно-водочное начальство в панике корректирует планы. Литбогема и литэлита, лихорадочно глотая спиртное, решает: быть или не быть, а также: нужны ли мы теперь нам[1]? Ладно-ладно, отвечал я ему. Вы еще Стругацких не знаете. Вы еще их знаете только с хорошей стороны, но вы их еще узнаете и со всех других сторон[2]. Стругацкие еще и не такое могут, они еще вам всем покажут, алкашам-засранцам… Я был очень горд.

А в остальном, прекрасная маркиза, все ничеГё, все ничеГё[3].

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночку целуй!

21 декабря АН пишет ответ в ВААП.

Из архива. Письмо от АНа в ВААП

Уважаемый Виталий Игнатович!

Сообщаю, что объем повести «Пикник на обочине» составляет 8 авт. листов (восемь).

При формулировании денежных претензий к изд-ву «Молодая Гвардия» следует иметь в виду следующее. В 1973 году часть повести «Пикник на обочине», а именно глава 1, объемом в 2 авт. листа (два) была опубликована в том же издательстве в составе 25 т. Библиотеки Современной Фантастики, тираж 250 тыс. экз.

С уважением, А. Стругацкий

---

[1] Цитата из «Гамлета» У. Шекспира и автоцитата из ПНВС.

[2] Реминисценция слов подпоручика Дуба из «Похождений бравого солдата Швейка во время мировой войны» Я. Гашека: «Вы меня не знаете, <…> вы знали меня с хорошей стороны, но теперь узнаете меня и с плохой стороны». Перевод П. Богатырёва.

[3] «А в остальном, прекрасная маркиза, / Все хорошо, все хорошо!» – рефрен песни из репертуара Л. Утесова. Перевод А. Безыменского французской песни на слова П. Мисраки, Ш. Паскье, А. Аллюма, аранжировка Р. Вентуры.

21-го же сценарно-редакционная коллегия киностудии имени Горького сообщает о своем решении по второму варианту ТББ-с.

Из архива. Заключение на 2-й вариант сценария по ТББ

Уважаемые Аркадий Натанович и Борис Натанович!

Мы прочитали Ваш сценарий «Трудно быть богом» и считаем, что Вами проделана определенная работа – точнее обозначился жанр, приключенческий, повествования, выявились ситуации, в которых герой может проявить себя как человек смелый, ловкий, сильный, развитие событий приобрело некоторую последовательность. Это позволяет нам принять этот вариант сценария, как второй.

Замечания нами к этому варианту сводятся к следующему:

Смысл условий, поставленных Землей, перед своими посланцами на звезде Арканар Руматой и Кондором, остается по-прежнему неясным. Требование невмешательства не объяснено ни с научной, ни с философской, ни с нравственной точки зрения. Правильность этого требования не только не подтверждена дальнейшим ходом событий, но и опровергается действиями Руматы и в особенности поступком Кондора в финале. Также не объяснено и не раскрыто в сценарии, что значит наблюдать. Что наблюдать? Как наблюдать? Во имя чего наблюдать?

Румата меньше всего выглядит в сценарии как ученый-исследователь. Он действует как некий резидент, засланный в какую-то отнюдь не дружественную страну, задача которого до поры до времени ничем себя не выдать (отсюда требование невмешательства) и побольше разузнать (требование наблюдать). Мы меньше всего думаем, что авторы ставили перед собой задачу именно так представить контакты с неземными цивилизациями в будущем. Однако пока сценарий подводит нас именно к таким мыслям.

Нам кажется, что это проистекает главным образом из-за недостаточной художественной разработанности образов

Руматы и Кондора – представителей цивилизации будущего. Они настолько в сценарии растворились в среде, в предлагаемых сюжетных ситуациях, что их подлинное лицо, их мировоззрение, мысли нам неизвестны. Повторяем, как ученые-исследователи, как люди передовых взглядов они только заявлены, но никак не раскрыты, и этому не веришь.

Образ Будаха, борьба за которого составляет сюжет сценария, опять-таки только декларирован. Ни как ученого, который может помочь своему народу в борьбе с мракобесием, ни как яркую человеческую личность мы его не видим. Кроме этого в сценарии больше действует, следовательно, и запоминается лже-Будах.

Непонятно неожиданное появление Киры, да и вся лирическая линия требует разработки и уточнения.

Сценарий по-прежнему перегружен диалогами, которые, не проясняя смысла, только замедляют действие.

Срок предоставления 3-го варианта будет согласован с Вами.

Главный редактор 3-го творческого объединения В. П. Погожева

Член сценарно-редакционной коллегии И. С. Соловьева

23 декабря Синельников и Медведев пишут АНу.

Из архива. Письмо АНу из МГ

Уважаемый Аркадий Натанович!

В соответствии с договоренностью на встрече 16 декабря с. г. направляем для подписания договор на издание сборника «Неназначенные встречи» в согласованном с Вами составе: повести «Пикник на обочине» и «Малыш».

Просим Вас в пункте 13 договора проставить порядковые номера намечаемых изданий «Пикника на обочине» и «Малыша», в пункте 3 – срок представления рукописи в издательство.

Если, по Вашему мнению, в рукописи учтены замечания, высказанные ранее издательством и в письме секретаря ЦК

ВЛКСМ тов. Деревянно А. П., просим по подписании Вами договора представить рукопись в издательство. Хотелось бы еще раз напомнить просьбу: начало повести «Пикник на обочине» сохранить в том варианте, который выходил уже в нашем издательстве (Библиотека современной фантастики, т. 25, М., 1973 г.)

Надеемся, что Вы сможете представить рукопись в достаточно короткий срок, что необходимо издательству для своевременной корректировки планов редакции фантастики.

Главный редактор издательства В. М. Синельников

Заведующий редакцией фантастики Ю. М. Медведев

Письмо Аркадия брату, 25 декабря 1977, М. – Л.

Дорогой Борик.

Поздравляю тебя и твоих с Новым Годом. Соответствующие пожелания.

Как я понял, ты не против «бенефиса» для ВопЛей. Мне это важно было знать, чтобы дать твердый ответ в этот журнал. Согласились, что ответ будет «да». А там посмотрим, что делать: то ли критико-писательско-читательское эссе, то ли пришельцевую буффонаду. Будем думать.

Информация:

1. Звонил в ВААП по поводу публикации ПнО в «Молодежи Эстонии» и молдавских договоров. Разъяснили, что газеты имеют право безвозмездно и без спросу публиковать всё, что было ранее опубликовано. Что договор с Молдавией нам ничем не грозит. Впрочем, я послал в Кишинев письмо с требованием разъяснений по всем пунктам. Когда и если придет договор в новой редакции (с указанием нас обоих как авторов с перечислением названий повестей сборника и с указанием объема), тогда я специально еще схожу в ВААП и получу визу.

2. Договор с ЦТ (творч. объед. «Экран») на двухсерийный мюзикл начальством подписан, письмо с заявлением на перечисление сумм отправлено. Срок – июль 1978 г. Дело ответственное. Думай.

3. На к/с им. Горького сценарий утвердили как 2-й вариант с соответствующей выплатой 15 %. Третий вариант договорились писать сразу как режиссерский и на две серии, причем отвечать за него будем уже не столько мы, сколько И. Тарковская. Я буду писать диалоги и сценические повороты, этим наша ответственность и ограничивается.

4. Звонили из театра (письмо подействовало), просили срочно свидания на предмет внесения поправок для последующей заверки в Главлите, но я отговорился занятостью и перенес свидание на начало января. Нечего их баловать.

5. Пришло письмо от наших друзей из газеты «Молодой Дальневосточник» (Хабаровск). а) Приглашают съездить за казенный счет, принимать будут по высшему классу, оплачиваемые выступления, желательно до окончания учебного года (м. б. смотаешься? – ты же в тех краях никогда не был) и б) Предлагают опубликовать любую ненапечатанную вещь с оплатой по их газетной высшей ставке.

6. Из З-С прислали рецензию на зМЛдКС некоего математика-москвича Вайсбруда. Очень толково, всё понял, но деликатен. В сопроводиловке пишет, что совал рецензию в «Юность», там-де прочли с интересом, но рецензий на журнальные публикации не печатают (врут <…>). Он переслал рецензию в «Аврору». Попробуй разнюхать.

Вот, кажись, и всё на сегодня.

Обнимаю, твой Арк.

Не токмо не пью, но и курю по-прежнему по единой в час, а то и мене.

Письмо Бориса брату, 25 декабря 1977, Л. – М.

Дорогой Аркаша!

Ты титан! Твое последнее письмо к тов. Зимянину есть, очевидно, образец писем такого рода. Точную копию его я хотел бы иметь для тщательного изучения в предвидении будущих событий.

Несомненно, главным является то, что ты познакомился с тов. Сенечкиным, был принят хорошо и получил приглашение обращаться впредь лично. Это в высшей степени ценный результат!

У меня, правда, осталась куча вопросов по твоей информации. По-видимому, ты опустил какие-то нюансы, которые тебе кажутся очевидными. Но это не столь важно.

Против твоего тактического плана возражений не имею, но имею одно замечание и один вопрос.

ЗАМЕЧАНИЕ. Прошу обратить твое сугубое внимание на ясно выраженное пожелание тов. Сенечкина закончить дело полюбовно. Это означает, что обращение в суд нежелательно. Надо искать компромисса. Наша точка зрения должна состоять в следующем: мы не ищем каких-то особых материальных выгод, нам не нужно то, что нам не причитается. Мы не собираемся зарабатывать на ошибке ИЗДАТЕЛЬСТВА (именно издательства, а не нашей!), заключившего договор в ущерб своим интересам. Но мы требуем, чтобы сборник был издан в кратчайший срок, и наше требование 100 % есть просто требование гарантии со стороны издательства, а не гнусная попытка нахапать денег на дачу. Если Синельников откажется уплатить 100 %, следует немедленно обращаться к Сенечкину, а не в суд. Суд, это, брат, знаешь ли…

ВОПРОС. Почему не рассматривался простейший и очевиднейший вариант: сборник выпускается в соответствии с прежним договором, в кратчайшие сроки. А из потиражных вычитается разница. Если издательство нам не доверяет, мы можем дать гарантийное письмо, что не будем требовать денег по букве, а согласимся получить по духу договора. А? Мне не очень нравится этот новый договор, а тем более – новый состав. Это значит – новые сроки издания, новые рецензии, новые редпридирки, короче – новая волокита на четыре года. Зачем нам новый состав? Чем плох старый?

Наверное, идеальным было бы ПЕРЕПИСАТЬ старый договор, оставив все по-старому – даты, сроки издания (прошлый год) и т. д. – и изменив только пункт, трактующий вопросы оплаты.

В общем, держи меня в курсе и куй железо, пока горячо.

Теперь прочие дела.

1. От Кроманова – ничего.

2. Получил редзаключение по второму варианту ТББ-С. Ну, деньги, надо полагать, дадут, а изложенные там благоглупости следует, очевидно, обсудить с режиссером. Во всяком случае, при необходимости я готов подключиться.

3. За югославского М спасибо. Очень миленькое издание.

4. Обязаловку все пишу. Отстаю от плана на полстраницы. Важная сцена: обдумываю.

5. Жду указаний по поводу договора из Молдавии.

Обнимаю, твой [подпись]

P. S. Леночке привет. С Новым Годом!

26 декабря АНу приходит ответ из ЦК ВЛКСМ.

Из архива. Письмо АНу из ЦК ВЛКСМ

Уважаемый Аркадий Натанович!

Ваше письмо рассмотрено в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

С учетом состоявшейся беседы сообщаем следующее. Договор с Вами был расторгнут издательством не вследствие предвзятого отношения, а из-за нарушения Вами пункта 4 типового издательского договора. Как оказалось, Вы, заключив в 1974 году договор с «Молодой гвардией» на издание сборника «Неназначенные встречи», одновременно уже имели договор с Ленинградским издательством «Детская литература» на издание повести «Малыш». Это и послужило основанием для вышеупомянутых действий издательства.

Вместе с тем, на наш взгляд, остается актуальным вопрос о заключении нового договора на издание таких произведений, как «Малыш» и, с учетом редакционных замечаний, «Пикник на обочине».

Желаем Вам творческих успехов.

Зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ В. Грошев

30 декабря АН пишет в «Молодую гвардию».

Из архива. Письмо от АНа в МГ

Уважаемый тов. Синельников!

Ознакомился с Вашим письмом и с договором, который Вы прислали нам на подпись. Подписать договор в таком виде мы не можем. Письмо тоже вызывает недоумения.

1. Относительно состава сборника. Не понимаю, отчего у Вас сложилось впечатление, будто в беседе 16 декабря 1977 года я дал согласие на сборник из двух произведений. Напротив: я уверял Вас, что сборник в составе только «Малыша» и «Пикника на обочине» выглядит нелепо. Сборник попрежнему должен состоять из трех повестей. Единственное условие – при любых обстоятельствах он должен содержать «Пикник на обочине». Пусть останется и повесть «Малыш», но помимо нее в сборник должна войти третьим компонентом либо уже одобренная Издательством повесть «Трудно быть богом», либо предложенная с самого начала повесть «Дело об убийстве» («Отель «У погибшего альпиниста»). В целях ускорения сдачи сборника в производство рациональным представляется включить в сборник третьей повестью «Трудно быть богом».

2. О Вашей просьбе представить рукопись в Издательство. Опыт научил нас, что от нынешнего состава редакции фантастики и приключений «Молодой Гвардии» можно ожидать чего угодно. Поэтому Ваша просьба не удивила, а напугала. Напоминаю Вам (если Вас об этом не информировали), что рукопись сборника «Неназначенные встречи» после внесения в нее последней порции поправок по требованию редакции была 24 июля 1977 года отправлена в редакцию заказной бандеролью № 72/1; и она была вручена адресату 26 июля 1977 года, в чем адресат и расписался в уведомлении о вручении, которое находится у нас на руках.

Порекомендуйте Медведеву хорошенько поискать ее: экземпляр рукописи «Пикник на обочине» – единственный,

который содержит ВСЕ правки, выполненные по указанию двух составов редакции за эти шесть лет.

3. По тексту договора. В нем должно быть четко оговорено, что все три повести представлены в Издательство и одобрены. Полагаем, эта претензия не покажется Вам чрезмерной, учитывая, что все замечания, высказанные ранее Издательством, и пожелания со стороны ЦК ВЛКСМ в рукописи учтены.

4. Порядковые номера издания (п. 13 договора) предоставляем проставить Вам, принимая во внимание следующие обстоятельства:

а) Повесть «Малыш» публиковалась в Ленинградском филиале изд-ва «Детская литература» дважды: в сборнике «Талисман» (1973) тиражом 75 тыс. экз. и в сборнике «Малыш. Полдень, XXII век» (1975) тиражом 100 тыс. экз.;

б) Повесть «Трудно быть богом» публиковалась изд-вом «Молодая Гвардия» дважды: в сборнике «Далекая Радуга» (1964) – 100 тыс. экз. и в т. 7 БСФ (1966) – 215 тыс. экз.;

в) Из повести «Пикник на обочине» публиковалась 1-я глава в т. 25 БСФ (1973) – 250 тыс. экз.

5. Последнее. Не совсем понятно, что Вы имеете в виду, когда просите «начало повести «Пикник на обочине» сохранить в том варианте, который выходил уже в нашем издательстве…». Если речь идет обо всем отрывке, то как эта Ваша просьба согласуется с редакционными замечаниями, учтенными уже после этой публикации? Если же Вам хочется, чтобы мы практически выбросили интервью с доктором Пильманом, то мы не видим в этом необходимости – ни литературной, ни тем более идейной.

С уважением,

А. Стругацкий

Еще в январе 1977 года в журнале «Знание – сила» вышло окончание повести ЗМЛДКС (публикация началась в 1976 году). С декабря 1977 года в таллинской газете «Молодежь Эстонии» начал печататься ПНО. Вот, собственно, и все итоги. И уже два года подряд – ни одной книги, ни старой, ни новой…

И за круговертью «МГ» – «ВААП» – «малый ЦК» – «большой ЦК», за сценарными баталиями ПНО-ОУПА-ТББ-ПНВС совсем неслышно промелькнула новость, что в 1977 году специальное жюри Ассоциации «Научные фантасты США» за лучшее произведение года, опубликованное на английском языке, удостоило АБС второй Кэмпбелловской мемориальной премии. За повесть «Пикник на обочине».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Впереди Авторов ждет продолжение трудных времен: пробивание каждой книги, каждой публикации; глухая неприязнь в верхах и не сулящие ничего хорошего изменения в руководстве издательств; первые болезни, обусловленные не только возрастом, но и нервной жизнью… Некоторое послабление в период проведения Олимпиады в Москве. И закручивание гаек в 1984-м: конец застоя, темнее всего перед рассветом. Это всё будет рассказано в следующей книге.

Мы завидуем Вам, Читатель!

БЛАГОДАРНОСТИ

Составители бесконечно признательны СТРУГАЦКОМУ Борису Натановичу за согласие опубликовать переписку братьев Стругацких и за содействие в ее подготовке к печати.

Составители выражают благодарность за участие в подготовке этой книги:

ПОЛОЦКУ Илану;

членам группы ЛЮДЕНЫ: Роману Арбитману, Владимиру Борисову, Владимиру Дьяконову, Вадиму Казакову, Алле Кузнецовой, Роману Муринскому, Леониду Рудману, Юрию Флейшману, Михаилу Шавшину, Евгению Шкабарне, Илье Юдину.

Особую благодарность составители выражают Сергею Соболеву за помощь в осуществлении издания.

Приложения:

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АББРЕВИАТУР И РАННИХ НАЗВАНИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Menzura Zoili – замысел пьесы.

Атомволкан Голконда – немецкий перевод «Страны багровых туч».

Без оружия – сценарий по «Трудно быть богом».

БО – Без оружия.

Бойцовый Кот возвращается в преисподнюю – сценарий, предшествовавший «Парню из преисподней».

В – Возвращение.

ВГВ – Волны гасят ветер.

ВД – Возлюби дальнего.

ВДС – Высокие договаривающиеся стороны.

Веселые чародеи – планировавшееся заглавие мюзикла по «Понедельник начинается в субботу».

ВМ – Встреча миров.

ВНМ – Второе нашествие марсиан.

Возвращение. Вариант именования «Полдня – XXII век».

Возлюби дальнего – см. Стояли звери около двери.

Волны гасят ветер.

Встреча миров – сценарий научно-художественного фильма.

Второе нашествие марсиан.

Выбор пал на Рыбкина – замысел сценария телефильма.

Высокие договаривающиеся стороны – замысел продолжения «Понедельник начинается в субботу».

Гадкие лебеди.

ГЛ – Гадкие лебеди.

ГО – Град обреченный.

Град обреченный. Вариант заглавия: «Мой брат и я».

Далекая Радуга.

Дело об убийстве – см. Отель «У погибшего альпиниста».

ДОУ – Дело об убийстве.

ДР – Далекая Радуга.

Дьявольская шкатулка – сценарий киноминиатюры.

ЖВМ – Жук в муравейнике.

Жук в муравейнике.

За миллиард лет до конца света. Варианты заглавия: Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах; Рукопись, найденная при странных обстоятельствах.

За проходной – сценарий киноминиатюры.

Забытый эксперимент.

Злоумышленники – новелла из «Полдня, XXII век».

ЗМЛДКС – За миллиард лет до конца света.

Золотой шар – вариант сценария «Сталкер».

ЗЭ – Забытый эксперимент.

Извне.

ИСП – Июль с пришельцем.

Июль с пришельцем – замысел.

Конец операции «Ковчег» (Конец акции “Арка”) – заглавие польского перевода «Малыша».

Конец планеты негодяев – сценарий мультфильма. Вариант заглавия: Нехмурые ребята.

Лес – см. Улитка на склоне.

М – Малыш.

Малыш.

Малыш рассказывает – замысел.

Мальчик из планеты Гиганда – словацкое издание, включающее «Парень из преисподней» и «Путь на Амальтею».

Мальчик из преисподней – см. Парень из преисподней.

Машина желаний – вариант заглавия сценария «Сталкер».

МЖ – Машина желаний.

МИП – Мальчик из преисподней.

Мой брат и я – см. Град обреченный.

Н – Новосел.

НВ – Неназначенные встречи.

Невидимки – заявка на телестудию.

Неназначенные встречи – название сборника.

Нехмурые ребята – см. Конец планеты негодяев.

Новосел – замысел.

Обитаемый остров.

ОЗ – Отягощенные злом.

ОО – Обитаемый остров.

Отель «У погибшего альпиниста». Вариант заглавия: Дело об убийстве. Вариант заглавия сценария по повести: Убийство в отеле «У Алека Сневара».

Отягощенные злом.

ОУПА – Отель «У погибшего альпиниста».

ПХХIIВ, П22В – Полдень, XXII век.

Парень из преисподней. Вариант заглавия: Мальчик из преисподней.

ПВК – Погоня в Космосе.

Пикник на обочине.

ПИП – Парень из преисподней.

ПКБ – Попытка к бегству.

ПНА – Путь на Амальтею.

ПНВС – Понедельник начинается в субботу.

ПНО – Пикник на обочине.

Повесть о дружбе и недружбе.

Погоня в космосе – сценарий мультфильма. Вариант заглавия: Предатели Земли.

Поиск предназначения.

Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.

Понедельник начинается в субботу.

Попытка к бегству.

ПП – Поиск предназначения.

Предатели Земли – см. Погоня в космосе.

Пришелец – см. Человек, которого принимали за пришельца.

Путь на Амальтею.

Риф Октопус – см. Странные события на рифе Октопус.

РО – Риф Октопус.

РНПСО – Рукопись, найденная при странных обстоятельствах.

РОПСО – Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах.

Рукопись, найденная при странных обстоятельствах – см. За миллиард лет до конца света.

Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах – см. За миллиард лет до конца света.

СБТ – Страна багровых туч.

С – Стажеры.

Семейные дела Гаюровых – сценарий АНС и Ф. Ниязи.

СЗОД – Стояли звери около двери.

Сказка о тройке.

СНРО – События на рифе Октопус.

События на рифе Октопус – см. Странные события на рифе Октопус.

СОТ – Сказка о тройке.

СС – Страшный суд.

Стажеры.

Сталкер – сценарий. Варианты заглавия: Золотой шар, Машина желаний.

Стояли звери около двери – замысел, позднее частично использованный в «Жуке в муравейнике». Вариант заглавия: Возлюби дальнего.

Страна багровых туч.

Странные события на рифе Октопус – замысел. Варианты заглавия: Риф Октопус, События на рифе Октопус.

Страшный суд – замысел рассказа.

ТББ – Трудно быть богом.

Товарищ Павел – см. Трижды смертник.

Трижды предатель – замысел.

Трижды смертник – сценарий АНа. Вариант заглавия: Товарищ Павел.

Трудно быть богом.

Убийство в отеле «У Алека Сневара» – вариант заглавия сценария Дело об убийстве.

Улитка на склоне. Вариант заглавия части повести: Лес.

УНС – Улитка на склоне.

Фауст, XX век – замысел.

ХВВ – Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Хромая судьба.

Хромая судьба – замысел, позднее частично использованный в «Дьяволе среди людей».

ХС – Хромая судьба.

Частные предположения.

Человек из Пасифиды.

Человек, которого принимали за пришельца – замысел.

ЧИП – Человек из Пасифиды.

ЧП – Частные предположения.

ШС – Шесть спичек.

ЭВП – Экспедиция в преисподнюю.

Экспедиция в преисподнюю.

Экспедиция «Тяготение» – перевод Клемента.

ПЕРСОНАЛИИ, УПОМЯНУТЫЕ В ПЕРЕПИСКЕ И ДНЕВНИКАХ АБС[1]

Абрамов Сергей Александрович – писатель.

Авербах Илья Александрович – режиссер.

Авраменко Инна (Инесса) Фёдоровна – редактор издательства «Молодая гвардия».

Агранович Евгений Данилович – сценарист, поэт, бард.

Адамов Аркадий Григорьевич – писатель.

Азимов Айзек – амер. писатель.

Акимов Владимир Михайлович – заведующий отделом прозы журнала «Аврора».

Аксёнов Василий Павлович – писатель.

Акутагава Рюноскэ – япон. писатель.

Александр Македонский, Александр Великий – царь Македонии, полководец.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович – писатель, теоретик изобретательства.

Андраша (Андрочников) Михаил Яковлевич – писатель, заведующий отделом журнала «Вопросы литературы».

Анчаров Михаил Леонидович – писатель, поэт, бард.

Аполлинер Гийом – франц. поэт.

Арнаудов Георги – болг. корреспондент АБС.

Ахмедвалеев Борис Михайлович – корреспондент БНа.

Ахтырский Константин – работник кино.

Бабель (Бобель) Исаак Эммануилович – писатель.

Бакланов Григорий Яковлевич – писатель.

Балабуха Андрей Дмитриевич – писатель, критик.

Балихин Анатолий Евдокимович – главный редактор киностудии им. М. Горького.

Бархударян Тадэос (разг. – Эдуард) Ависович – редактор издательства «Советский писатель».

Баскаков Владимир Евтихианович – первый заместитель председателя Госкино СССР.

[1] Указана лишь профессия упомянутых лиц либо занимаемая ими должность на момент упоминания в тексте. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) – писатель, поэт, философ.

Беляев Альберт Андреевич – заведующий сектором литературы отдела культуры ЦК КПСС, позднее – редактор ряда изданий.

Бержье Жак (Бергер Яков Михайлович) – франц. историк науки, журналист, писатель.

Берия Лаврентий Павлович – политический и государственный деятель.

Беркова Нина Матвеевна – редактор издательства «Детская литература», критик, писательница.

Бестужев-Лада Игорь Васильевич – философ, социолог, литературовед.

Биленкин Дмитрий Александрович – писатель, критик, журналист, популяризатор науки.

Бирюкова В. С. – главный редактор Второго творческого объединения киностудии им. М. Горького.

Битов Андрей Георгиевич – писатель.

Блок Игорь – рум. переводчик.

Бобринские – знакомые АНа.

Бондарев Юрий Васильевич – писатель.

Борецкий Юрий Александрович – актер, режиссер.

Борщаговский Александр Михайлович – писатель, критик.

Бочаров Н. – корреспондент БНа.

Брандис Евгений Павлович – критик, библиограф, литературовед.

Брассанс (Брассенс) Жорж – фр. шансонье.

Браун Джон – амер. политический деятель.

Браун Фредрик Уильям – амер. писатель.

Бритиков Анатолий Фёдорович – литературовед, критик.

Бромберг Константин Леонидович – режиссер.

Брусиловская Майя Самойловна – редактор издательства «Детская литература».

Булгаков Михаил Афанасьевич – писатель, драматург.

Быков Василь Владимирович – писатель.

Вайнеры Аркадий Александрович и Георгий Александрович – писатели; братья.

Вайсбруд – математик, автор рецензии.

Ванслова Елена Гавриловна – редактор издательства «Мир», переводчик.

Варшавский Илья Иосифович – писатель.

Венжер Наталия Яковлевна – киновед.

Войскунский Евгений Львович – писатель, друг АНа.

Волков Юрий Евгеньевич – философ.

Володин (Лившиц) Александр Моисеевич – драматург, сценарист.

Волькенштейн Михаил Владимирович – физикохимик, биофизик.

Воронин Сергей Алексеевич – писатель.

Воронцов Михаил Иванович – актер.

Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству) Елена Ильинична – супруга АНа.

Высоцкий Владимир Семёнович – поэт, бард, актер.

Габрилович Евгений Иосифович – сценарист.

Гаврилов Эдуард Петрович – юрист, начальник договорно-правового управления ВААП.

Галилей Галилео – итал. философ, физик, астроном.

Галлай Марк Лазаревич – летчик-испытатель, писатель.

Ганичев Валерий Николаевич – директор издательства «Молодая гвардия», позднее – главный редактор различных изданий.

Гансовский Север Феликсович – писатель.

Геллер Вилли (Виль) Леонидович – первый директор кинофильма «Сталкер».

Геллерт Габор – венг. переводчик.

Герман Алексей Юрьевич (Георгиевич) – режиссер, сценарист.

Гитлер Адольф – нем. политический и государственный деятель.

Гоголь Николай Васильевич – писатель.

Головань Ирина Павловна – главный редактор киностудии «Ленфильм».

Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович – писатель.

Горелик Регина Марковна – заведующая отделом внешних сношений УОАП.

Горышин Глеб Александрович – писатель, заведующий отделом прозы, позднее – главный редактор журнала «Аврора»

Гранин (Герман) Даниил Александрович – писатель.

Гребенщиков Алексей Яковлевич – журналист.

Грекова И. (Вентцель Елена Сергеевна) – математик, писательница.

Гречко Георгий Михайлович – космонавт, друг АБС.

Гринько Николай Григорьевич – актер.

Громов Борис Васильевич – микробиолог, друг БНа.

Громов Михаил Петрович – литературовед.

Громова Ариадна Григорьевна – писательница, критик.

Гроссман Василий Семёнович – писатель.

Грошев Владимир Павлович – заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ.

Гукасян Фрижетта Гургеновна – главный редактор Второго творческого объединения киностудии «Ленфильм».

Гуревич Георгий Иосифович – писатель, критик, друг АНа.

Гусев Геннадий Михайлович – инструктор отдела культуры ЦК КПСС.

Давыдов Сергей Давыдович (Давидович Спартак Давидович) – поэт.

Давыдов Юрий Владимирович – писатель.

Давыдова Софья – сотрудник сценарной студии «Союзмультфильма».

Даган Дэвид Т. Дж. – канад. преподаватель русского языка.

Дали-и-Доминик Сальвадор Фелипе Хуасинто – исп. художник.

Даль Олег Иванович – актер.

Данилова Дина Даниловна – автор инсценировки.

Дахно Владимир Авксентьевич – режиссер, сценарист, художник-мультипликатор.

Дворецкий Игнатий (Израиль Моисеевич) – писатель.

Дворжецкий Владислав Вацлавович – актер.

Девис Евгений Артурович – редактор издательства «Мир».

Демичев Пётр Нилович – политический и государственный деятель.

Деревянко Анатолий Пантелеевич – секретарь ЦК ВЛКСМ по пропаганде.

Джигарханян Армен Борисович – актер.

Дмитревский Владимир Иванович – писатель, литературовед, критик.

Домбровский Юрий Осипович – писатель.

Достоевский Фёдор Михайлович – писатель.

Дудин Михаил Александрович – поэт, руководитель СП.

Евдокимов Александр Дмитриевич – библиограф, библиофил.

Енчмык Лех – польск. редактор, журналист.

Ермаш Филипп Тимофеевич – председатель Госкино СССР.

Ефремов Иван Антонович – писатель, философ, палеонтолог.

Ёсано Акико – япон. поэтесса, критик, редактор, переводчик.

Железнов – писатель.

Жемайтис Сергей Георгиевич – редактор издательства «Молодая гвардия», писатель.

Жданов Лев Львович – переводчик.

Журавлёва Валентина Николаевна – писательница.

Завьялов Борис – театральный работник.

Загданский Евгений Петрович – сценарист, киновед, редактор.

Замошкин Кирилл Николаевич – главный редактор Экспериментального творческого объединения.

Захарченко Василий Дмитриевич – главный редактор журнала «Техника – молодежи».

Зернова (Зевина) Руфь Александровна – писательница, переводчик.

Зиберов Дмитрий Алексеевич – редактор, старший редактор издательства «Молодая гвардия».

Зимянин Михаил Васильевич – политический и государственный деятель.

Зинчук Андрей Михайлович – писатель, драматург.

Ивченко Борис Викторович – режиссер, актер.

Ивченко Виктор Илларионович – режиссер, сценарист.

Иида Норикадзу – япон. переводчик.

Иллич-Свитыч (ошиб. Иллич-Святыч) Владислав Маркович – лингвист.

Ильин Виктор Николаевич – секретарь по организационным вопросам МО СП, генерал-лейтенант КГБ.

Инбер Вера Михайловна – писательница, поэтесса.

Кагарлицкий Юлий Иосифович – литературовед, критик.

Казанцев Александр Петрович – писатель.

Кайдановский Александр Леонидович – актер, режиссер.

Калакуцкая Мария Михайловна – заведующая редакцией издательства «Детская литература».

Камир Борис Исаакович – заместитель главного редактора издательства «Детская литература».

Кан Вениамин Липманович – физик, критик, переводчик, знаток научной фантастики.

Капралова Лидия Семёновна – инженер, приятельница А. И. Стругацкой.

Кармалита (Борщаговская) Светлана Игоревна – сценарист, режиссер, супруга Германа, приемная дочь Борщаговского.

Карпелюк Антонина Николаевна – теща БНа.

Катасонов Владимир Логинович – сотрудник ЦТ.

Каттнер Генри – амер. писатель.

Кафка Франц – австр. писатель.

Кикнадзе Александр Васильевич – журналист, писатель.

Киплинг Джозеф Редьярд – англ. писатель, поэт.

Кларк Артур Чарльз – англ. писатель, футуролог.

Кларов Юрий Михайлович – писатель, сценарист.

Клаус Гюнтер – заведующий редакцией нем. издательства «Дас Нойе Берлин».

Клепикова Елена Константиновна – редактор прозы журнала «Аврора», писательница.

Клюева Бела Григорьевна – редактор издательства «Молодая гвардия», позднее – сотрудник ВААП.

Ковальчук Михаил Андреевич (также см.: Гаков Вл. – псевдоним Ковальчука и др.) – критик, литературовед.

Ковтун Владимир Гаврилович – заместитель главного редактора киностудии им. Довженко.

Коженов Евгений Семёнович – начальник отдела расчетов по международным соглашениям ВААП.

Козлов Вильям Фёдорович – писатель.

Колпаков Александр Лаврентьевич – писатель.

Кончаловский (Михалков-Кончаловский) Андрон (Андрей) Сергеевич – режиссер, сценарист.

Копылов Александр Иванович – инженер ГАО, друг БНа.

Копылов Андрей – знакомый АНа.

Копылов Иван Михеевич – астроном, директор САО.

Копытман Иосиф Д. – режиссер.

Косарева Нина Сергеевна – главный редактор журнала «Аврора», позднее – сотрудник ЦК КПСС.

Котёночкин Вячеслав Михайлович – режиссер, сценарист, художник анимации.

Котляр Юрий Фёдорович – писатель, критик.

Кочетов Всеволод Анисимович – писатель.

Крайтон Джон Майкл – амер. писатель, продюсер.

Кроманов Григорий Ермович – режиссер.

Кузнецов Феликс Феодосьевич – писатель, критик, руководитель СП.

Кунин Владимир Владимирович – писатель, сценарист.

Куприенко Раиса Ивановна – ответственный секретарь Центральной сценарной студии Госкино СССР.

Курганова Валентина Михайловна – сотрудник издательства «Советская Россия».

Куценко Тамара Алексеевна – заведующая сектором детской литературы Госкомпечати РСФСР.

Куцка Петер – венг. переводчик, писатель, редактор.

Лагин (Гинзбург) Лазарь Иосифович – писатель.

Ларин (Эпштейн) Борис Абрамович – сценарист.

Ларионова (Тидеман) Ольга Николаевна – писательница.

Левандовска Ирена – польск. переводчик, журналист.

Левин Эммануил (дружески – Муля) – актер театра «Современник».

Левитин Карл Ефимович – сотрудник журнала «Знание – сила», популяризатор науки.

Лем Станислав – польск. писатель.

Лемхин Михаил Абрамович – фотохудожник, журналист, знакомый БНа.

Лесючевский Николай Васильевич – критик, директор издательства «Советский писатель».

Лесс Александр Лазаревич – журналист, фотограф.

Ливанов Борис Николаевич – актер, режиссер.

Ливанов Василий Борисович – актер, режиссер, сценарист.

Линдгрен Астрид Анна Эмилия Эриксон – швед. писательница.

Лифшиц Илья Михайлович – физик.

Лобанова Алевтина З. – редактор издательства «Молодая гвардия».

Лукин Владимир Петрович – историк, позднее – дипломат, политик.

Луконин Михаил Кузьмич – поэт.

Лундвалл (Лундвал, Люндваль) Сэм Джерри – швед. писатель, редактор, издатель, критик, переводчик.

Лункин Юрий Сергеевич – сотрудник «Международной книги».

Лурье Самуил (дружески – Саша) Аронович – критик, литературовед, редактор журнала «Нева».

Львов Владимир Евгеньевич – журналист, писатель, популяризатор науки.

Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич – художник-иллюстратор.

Максимов Владимир Емельянович (Самсонов Лев Алексеевич) – писатель, публицист.

Манин Юрий Иванович – математик, критик, поэт, друг АБС.

Марков (Геннадий Евгеньевич?) – историк.

Марков Георгий Мокеевич – писатель, руководитель СП.

Маркузе Герберт – нем., амер. социолог, философ.

Матильда – родственница АБС.

Медведев Юрий Михайлович – заведующий редакцией фантастики издательства «Молодая гвардия», писатель.

Мееров Александр Александрович – писатель, конструктор.

Мелентьев Юрий Серафимович – первый заместитель председателя Госкомпечати СССР, позднее – министр культуры РСФСР.

Менке Ханнелоре – редактор нем. издательства «Фольк унд Вельт».

Метальников Будимир Алексеевич – режиссер, сценарист.

Мирер Александр Исаакович – писатель, литературовед, критик, редактор.

Мирер Вера Леонидовна – супруга Мирера.

Мирлис Анна Ильинична – критик, редактор.

Михайлов Владимир Дмитриевич – писатель, позднее – главный редактор журнала «Даугава».

Мкртчан Альберт Саркисович – режиссер.

Наан Густав Иоганович – философ.

Немцов Владимир Иванович – писатель.

Неуймина Наталия Кирилловна – главный редактор Лениздата.

Нечаев Леонид Алексеевич – режиссер.

Никольский Борис Николаевич – заведующий отделом прозы журнала «Аврора», позднее – главный редактор журнала «Нева».

Нудельман Рафаил Ильич (Эльевич) – литературовед, критик.

Ньютон Исаак – англ. физик, математик, астроном.

Озерной Леонид Моисеевич – астрофизик.

Окуджава Булат Шалвович – поэт, писатель, бард.

Орлов Даль Константинович – сценарист, критик, киновед.

Орьев Александр Иванович – председатель Правовой комиссии при СП, юрисконсульт.

Осипов Валентин Осипович – главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Островский Андрей Львович – писатель, заместитель главного редактора журнала «Аврора».

Ошанин Илья Михайлович – синолог, составитель словарей, тесть АНа.

Павленок Борис Владимирович – заместитель председателя Госкино СССР.

Панкин Борис Дмитриевич – председатель правления ВААП, позднее – дипломат.

Панов Вадим Васильевич – сотрудник ВААП.

Парнов Еремей Иудович – писатель.

Паршин Лев Александрович – заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, позднее – сотрудник МИД.

Пастухов Николай Борисович – заведующий международным отделом журнала «Огонек».

Пащенко Леонид Никитович – поэт, заместитель редактора журнала «Памир».

Пекелис Виктор Давыдович – журналист, писатель, популяризатор науки.

Пешеходова Галина Кузьминична – директор издательства «Детская литература».

Пискунов Константин Федотович – бывший директор издательства «Детская литература».

Плюснина Анна Ивановна – заведующая редакцией ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Погожева Валерия Павловна – главный редактор киностудии им. М. Горького.

Подольный Роман Григорьевич – писатель, журналист, популяризатор науки.

Пол (Поль) Фредерик – амер. писатель, редактор.

Полевой (Кампов) Борис Николаевич – писатель, главный редактор журнала «Юность».

Полещук Александр Александрович – заведующий сектором печати отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ.

Полоцк Илан Езекилович – писатель, переводчик, журналист.

Понизовский Владимир Миронович – писатель.

Попович Митор – югосл. переводчик.

Потёмкин Сергей Васильевич – сотрудник Отдела культуры ЦК КПСС, ранее – главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Потехина Наталия – художник, корреспондент БНа.

Преображенский Сергей Николаевич – редактор журнала «Юность».

Прокофьев Александр Андреевич – поэт, руководитель СП.

Пшимановский Януш – польск. писатель.

Райзман Юлий Яковлевич – режиссер.

Ревич Всеволод Александрович – журналист, кинокритик, литературовед, друг АНа.

Реджинальд Роберт – амер. корреспондент АНа.

Рекемчук Александр Евсеевич – писатель.

Реккор Энн (Эхно?) Юрьевич – главный редактор Таллинфильма.

Ремстрем Чель – швед. переводчик.

Рерих Николай Константинович – художник, философ, писатель.

Рольникайте Мария Григорьевна – писательница.

Романов Николай Александрович, Николай II – российский император.

Росоховатский Игорь Маркович – писатель.

Роттенштайнер Франц – австро-нем. критик, переводчик, редактор издательства «Инзель», позднее – литагент АБС.

Рубин Е. – автор статьи в журнале «Юность».

Рыжков Д. – автор статьи в журнале «Юность».

Сайкаку Ихара – япон. писатель.

Светлана – сотрудник издательства «Знание»; невыясненная персоналия.

Свифт Джонатан – ирланд. писатель.

Святковская Виктория Николаевна – старший редактор Госкино СССР, позднее – редактор киностудии им. Горького.

Сенечкин Иван Филиппович – заведующий сектором издательств отдела пропаганды ЦК КПСС.

Сеф Роман (Роальд Семёнович) – писатель, поэт, переводчик, драматург.

Сигер Пит – амер. поэт, бард.

Сизов Николай Трофимович – заместитель председателя Госкино СССР, директор «Мосфильма».

Силина Галина Ивановна – журналист.

Симон Эрик – нем. переводчик, литературовед, поэт.

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович – поэт, писатель.

Синельников Владимир Михайлович – главный редактор издательства «Молодая гвардия».

Смелков Юлий Сергеевич – критик, искусствовед.

Смирнов Виктор Васильевич – очеркист, писатель.

Смирнов Юрий Васильевич – писатель.

Смолян Александр Семёнович – писатель.

Снесарев Аркадий Георгиевич – сценарист, главный редактор «Союзмультфильма».

Соболь Марк Андреевич – поэт.

Соколов Вадим – сотрудник ТО «Экран».

Солженицын Александр Исаевич – писатель.

Соловьев Василий Иванович – сценарист, директор, главный редактор Центральной сценарной студии Госкино СССР.

Солоницын Анатолий (Отто) Алексеевич – актер.

Софронов Анатолий Владимирович – писатель, поэт, драматург, главный редактор журнала «Огонек».

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович – политический и государственный деятель.

Старджон Теодор – амер. писатель.

Стругацкая Аделаида Андреевна – супруга БНа.

Стругацкая (урожд. Литвинчева) Александра Ивановна – мать АБС.

Стругацкая Мария Аркадьевна – дочь АНа.

Стругацкий Андрей Борисович – сын БНа.

Стукалин Борис Иванович – председатель Госкомпечати (позднее – Госкомиздата) СССР.

Сувин (Сьювин) Дарко Рональд – югосл.-канад. филолог, критик, поэт.

Судник Виктор Казимирович – двоюродный племянник АБС.

Сулейменов Олжас Омарович – поэт, писатель.

Суровцев Юрий Иванович – критик, главный редактор журнала «Литературное обозрение».

Сытин Виктор Александрович – писатель, главный редактор Госкино СССР.

Талейран-Перигор Шарль Морис – франц. дипломат, государственный деятель.

Тарковская (Рауш) Ирина (Ирма) Яковлевна – актриса, режиссер, первая супруга Тарковского.

Тарковская Лариса Павловна – вторая супруга Тарковского.

Тарковский Андрей Арсеньевич – режиссер, сценарист.

Таска Илмар – продюсер, режиссер, сотрудник «Таллинфильма».

Татарский Евгений Маркович – режиссер.

Терман Ким – одноклассник АНа.

Теселько Мария Ивановна (в тексте – тетя Маня) – тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.

Ткачев Мариан Николаевич – переводчик, писатель, друг АНа.

Томан Николай Владимирович – писатель, критик.

Томашевский Николай Борисович – литературовед, переводчик.

Томилин (Бразоль) Анатолий Николаевич – писатель, популяризатор науки.

Торопыгин Владимир Васильевич – главный редактор журнала «Аврора».

Туманян Инна (Туманянц Инесса Суреновна) – режиссер, сценарист.

Тупицын Юрий Гаврилович – писатель.

Турков Андрей Михайлович – критик, литературовед, поэт.

Туркова – сотрудник ленинградского отделения издательства «Детская литература».

Туровская Майя Иосифовна – театровед, критик, сценарист.

Турылева Александра Мартьяновна – приятельница А. И. Стругацкой, ее соседка.

Тюльпанов Игорь Виссарионович – художник.

Тяжельников Евгений Михайлович – заведующий отделом печати ЦК КПСС.

Уокер Эдвард Харрис – амер. физик, парапсихолог.

Урбан Адольф Адольфович – критик, литературовед.

Успенский Лев Васильевич – писатель, филолог.

Уэллс Герберт Джордж – англ. писатель.

Файбышенко Юлий Иосифович – писатель.

Файнбург (Альпер) Захар Ильич – социолог, исследователь научной фантастики.

Фалеев Владимир Михайлович – редактор издательства «Молодая гвардия», писатель, поэт.

Фейхтвангер Лион – нем. писатель.

Ферма Пьер – франц. математик.

Ферран Пьер – франц. писатель, литературовед, преподаватель.

Феррё Югетта Маркан – фр. сценарист, киновед.

Фирсов Владимир Николаевич – писатель, сотрудник издательства «Мир».

Фомин – сотрудник «Международной книги».

Фошко (урожденная Воскресенская) Наталия Дмитриевна – приемная дочь АНа.

Фошко Эдуард Львович – зять АНа, муж Наталии.

Фрейндлих Алиса Бруновна – актриса.

Фуками Дан (Ямада Тадаси) – япон. переводчик.

Харуто Виталий Игнатович – начальник авторско-консультационного отдела договорно-правового управления ВААП.

Хейфец Михаил Рувимович – литератор, историк, друг БНа.

Хемингуэй Эрнест Миллер (Хэм) – амер. писатель.

Хессин Борис Михайлович – директор ТО «Экран».

Хитрук Фёдор Савельевич – режиссер, сценарист, художник анимации.

Хичкок Альфред Джозеф – англ. режиссер.

Ходза Нисон Александрович – писатель.

Хрущёв Никита Сергеевич – политический и государственный деятель.

Цветков – главный редактор издательства «Современник».

Чёрная Наталия Ильинична – критик, литературовед.

Чернышёва Татьяна Аркадьевна – литературовед, теоретик НФ.

Чеховская Татьяна Петровна – журналист, редактор журнала «Знание – сила», супруга Ревича.

Чечулина Нина Александровна – редактор Лениздата.

Чивилихин Владимир Алексеевич – писатель.

Чингиз-хан (Тенгрин Огюгсен Темучин) – монг. правитель, полководец, завоеватель.

Чистяков Юрий Николаевич – астроном, друг БНа.

Чолич Милан – югосл. переводчик.

Чугунова Марианна Сергеевна – ассистент Тарковского.

Шакин Геннадий Константинович – фотограф из Воронежа.

Шалимов Александр Иванович – писатель.

Шекспир Уильям – англ. драматург, поэт.

Шестинский Олег Николаевич – писатель.

Шефнер Вадим Сергеевич – писатель, поэт.

Шилейко Алексей Вольдемарович – физик, математик, популяризатор науки.

Шкловский Иосиф Самуилович – астрофизик, популяризатор науки.

Шлепянов Александр Ильич – сценарист, редактор.

Шолохов Михаил Александрович – писатель.

Щербаков Александр Александрович – писатель, переводчик.

Эйнштейн Альберт – нем., амер. физик, общественный деятель.

Эмис Кингсли Уильям – англ. писатель, поэт, литературовед.

Эпиктет – древнегреч. философ.

Якир Пётр Ионович – историк, общественный деятель, правозащитник.

ИСТОЧНИКИ ПУБЛИКАЦИЙ

АБС. Добро должно быть с головой // Пионерская правда (М.). – 1977. – 15 апреля.

АБС. От чего не свободна фантастика… / Беседу записала Г. Силина // Лит. обозрение (М.). – 1976. – № 8.

АБС: «Жизнь не уважать нельзя» / Беседовала Е. Михайлова // Даугава (Рига). – 1987. – № 8.

АНС. В подвале у Романа // Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч: Повесть; Рассказы; Статьи, интервью / Собрание сочинений, 2-й доп. том. – М.: Текст, 1993.

АНС. Времена чудес добрых и «жестоких» / Интервью вел М. Никитин // Тихоокеан. комсомолец (Владивосток). – 1975. – 23 декабря.

АНС. Глазами фантаста / Интервью взял С. Пархомовский // Труд (М.). – 1976. – 10 января.

АНС. Завтра утром выпадет снег / Интервью записал Ю. Шмаков // Молодой дальневосточник (Хабаровск). – 1975. – 29 ноября.

АНС. Интервью 1974 года // Филол. журнал: Учен. зап. фак. рус. яз. и лит. Вып. 2. – Ю.-Сахалинск: Изд-во ЮСГПИ, 1993.

АНС. Исполнение желаний // Лит. учеба (М.). – 1985. – № 6.

АНС. Каким я его знал // Огонек (М.). – 1987. – № 29.

АНС. Комментарий писателя-фантаста: [К статье Ю. Смелкова «Предметный мир в научной фантастике] // Декоративное искусство СССР (М.). – 1977. – № 4.

АНС. Новые человеческие типы: Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР: [По материалам обсуждения за «круглым столом» в редакции журнала «Вопросы философии»: Выступления] // Вопр. философии (М.). – 1976. – № 10; Вопр. лит. (М.). – 1976. – № 11.

АНС. О Нгуен Динь Тхи и его пьесе // Весенние дожди. – М.: Худож. лит., 1989. – (Зарубежный Восток: Лит. панорама; Вып. 17).

АНС. Румата делает выбор / Вел интервью Ил. Полоцк // Сов. молодежь (Рига). – 1974. – 17 ноября.

АНС. Три открытия Акутагава Рюноскэ // Акутагава Р. Новеллы. – М.: Худож. литература, 1974.

АНС: Фильм все-таки вышел… // Фантакрим MEGA. – 1993. – № 1.

АНС, Бестужев-Лада И., Биленкин Д. Какие звезды светят фантастике? // Лит. обозрение (М.). – 1977. – № 8.

АНС, Феоктистов К. Реальность чуда и чудо реальности / Записал Г. Цитриняк // Лит. газ. (М.) – 1977. – 24 августа.

АНС-энциклопедия: Краткая шуточная энциклопедия жизни и творчества Аркадия Натановича Стругацкого в историях, диалогах, анекдотах и документах. Материалы энциклопедии подготовлены Михаилом Дубровским по устным воспоминаниям Романа Арбитмана, Нины Берковой, Владимира Борисова, Евгения Войскунского, Владимира Гопмана, Александра Городницкого, Вадима Казакова, Михаила Ковальчука, Беллы Клюевой, Александра Мирера, Игоря Можейко, Михаила Ралля, Всеволода Ревича, Мариана Ткачева, Татьяны Чеховской. – URL: http://www.rusf.ru/abs/xumor/xumor02.htm.

БНС. Комментарий к пройденному // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. – Донецк: Сталкер; СПб: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

БНС. Офлайн-интервью // Сайт «Русская фантастика». Офлайн-интервью Бориса Стругацкого. – URL: http://www.rusf.ru/abs/int

БНС. Семинар Бориса Стругацкого: История от «драбантов» / Подг. А. Балашев // Питерbook плюс (СПб.). – 1998. – № 3.

БНС. Фантастика сегодня, завтра… / Беседу вел Д. Каралис // Аврора (Л.). – 1987. – № 5.

БНС. Я хочу говорить то, что я думаю… // Смена (Л.). – 1990. – 5 июля.

Брандис Е. Проблемность и многообразие: Заметки о новых произведениях ленинградских писателей-фантастов // Аврора (Л.). – 1972. – № 1.

Брандис Е., Дмитревский В. «Ленинградская волна» в научной фантастике // Аврора (Л.). – 1976. – № 9.

Брандис Е., Дмитревский В. Неизбежность фантастики // Нева (Л.). – 1975. – № 7.

Громова А. Стругацкие // Крат. лит. энцикл. – М., 1972. – Т. 7.

Зернов А. Вечный двигатель? Он существует: Да здравствует фантастика // Ленин. искры (Л.). – 1976. – 31 января.

Зуев В. Интервью из 1974 года // Филол. журнал: Учен. зап. фак. рус. яз. и лит. Вып. 2. – Ю.-Сахалинск: Изд-во ЮСГПИ, 1993.

Измайлов А. Туманность // Нева (Л.). – 1990. – № 5.

Котляр Ю. Фантастика и характеры // Октябрь (М.). – 1973. – № 10.

Лемхин М. Дорога к океану смерти // Связист (Л., ЛЭИС им. М. А. Бонч-Бруевича). – 1977. – 18 марта.

Липанс Н. Кто поехал в Душанбе // Литературная газета (М). – 2005. – 31 авг. – 6 сент.

Липанс Н. Нельзя ничего приобрести, не утратив // Владимирские ведомости (Владимир). – 2005. – № 267. – 27 авг.

Н. М. [Наталия Михайловская] Несообразности в фантастике: Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких // Рус. речь (М.). – 1972. – № 6.

Никандров Н. Воспоминания – специально для этого издания.

НС – «Неизвестные Стругацкие»:

1. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом». – Донецк: Сталкер, 2005.

2. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Понедельника…» до «Обитаемого острова». – Донецк: Сталкер, 2006.

3. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Отеля…» до «За миллиард лет…». – Донецк: Сталкер, 2006.

4. Черновики. Рукописи. Варианты. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего». – Донецк: Сталкер, 2008.

5. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. – М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008.

6. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. – М.: АСТ; Донецк: НКП, 2009.

7. Письма. Рабочие дневники. 1967–1971 гг. – план. 2012.

Нехорошев Л. Тесные врата. Свидетельства о «Сталкере» // Киносценарии. – 1994. – № 6.

От редакции // Грани (Франкфурт-на-Майне). – 1972. – № 84.

Павленок Б. Кино. Легенды и быль: Воспоминания; Размышления. – М.: РИК Галерея, 2004.

Петров Н., Эдельман О. «Шпионаж» и «насильственная смерть» И. А. Ефремова // Логос (М.). – 2002. – № 2.

Полоцк И. Воспоминания, октябрь 2008 – специально для этого издания.

Полоцк И. Пояснение, февраль 2007 – специально для этого издания.

Приз вручен // Молодой дальневосточник (Хабаровск). – 1977. – 18 сентября.

Ревич В. Позднее прозрение рыжего Шухарта // Лит. обозрение (М.). – 1973. – № 2.

Ревич В. Сегодня – с высоты будущего // Лит. газ. (М.). – 1975. – 4 июня.

Рерберг Г., Чугунова М., Цымбал Е. Фокус на бесконечность. Разговор о «Сталкере» // Искусство кино (М). – 2006. – № 4. – URL: http://www.kinoart.ru/magazine/04-2006/pabl0406/Rerberg0406/Rerberg0406-2/

Рыбаков В. Жизнь сама плыла к нам в руки… // Четвертая волна отечественной фантастики. – М.: ООО «Галактос», 2004.

Симон Э. Воспоминания – специально для этого издания.

Слово прощания / Подп.: Е. Брандис, Г. Гор, В. Дмитревский, Г. Мартынов, Б. Никольский, А. Смолян, А. Стругацкий, Б. Стругацкий, А. Шалимов, А. Шейкин, В. Шефнер // Лит. Россия (М.). – 1974. – 12 июля.

Смелков Ю. Взгляд со стороны // Юность (М.). – 1974. – № 7.

Смелков Ю. Гуманизм технической эры // Вопр. лит. (М.). – 1973. – № 11.

Смелков Ю. Мир фантастики: Лит. заметки // Правда (М.). – 1976. – 8 мая.

Суркова О. Тарковский и я. Дневник пионерки. – М.: Зебра Е, 2005.

Суркова О. Хроники Тарковского. «Сталкер»: Дневниковые записи с комментариями // Искусство кино. – 2002. – № 9, 10

Тарковский А. Мартиролог. Дневники 1970–1986. – Флоренция: Международный Институт имени Андрея Тарковского, 2008.

Тарковский А. Перед новыми задачами / Записала О. Суркова // Искусство кино (М.). – 1977. – № 7.

Ткачев М. Об Аркадии Натановиче Стругацком // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Собрание сочинений: в 11 т. – Т. 12, доп. – Донецк: Сталкер; СПб: Terra Fantastica издательского дома «Corvus», 2000–2003.

Урбан А. Фантастика и наш мир. – Л.: Сов. писатель, 1972.

Фантариум // Если (М.). – 2001. – № 8.

Хейфец М. Иосиф Бродский и моя судьба // Литературный журнал на русском языке «Черный квадрат», Бирмингем (Великобритания) – 2004. – № 2. См. также: http://www.russiancourier.com/info/literature/48421.

Чёрная Н. В мире мечты и предвидения. – Киев: Наукова думка, 1972.

Чернышева Т. О художественной форме утопии // Поэтика рус. сов. прозы. – Иркутск, 1975.

Шакиров М. Ангел объектива. Посвящается Андрею Тарковскому – URL: http://www.svobodanews.ru/Article/2007/07/19/20070719130427303.html.

Шкловский И. Эшелон (невыдуманные рассказы). – М.: Новости, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ:

Вступление 5
Используемые документы 7
1972 9
1973 129
1974 238
1975 364
1976 457
1977 602
Продолжение следует 732
Благодарности 732
Приложения 733

Литературно-художественное издание

СТРУГАЦКИЕ.
Материалы к исследованию:
письма, рабочие дневники
1972–1977

Составители
Бондаренко Светлана Петровна
Курильский Виктор Максимович

Технический редактор А. Тужилкин
Корректор М. Емельяненко

ООО «ПринТерра-Дизайн»
400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 88
Наши электронные адреса:
www.printerra.com,
e-mail: mail@printerra.com

Подписано в печать 12.01.12. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 39,9. Тираж 100 экз. Заказ 3868.

Отпечатано в типографии издательства
«ПринТерра-Дизайн»